

С. Е. ТОЛЫБЕКОВ

КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАЗАХОВ

В XVII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА-1971

В работе освещаются основные вопросы общественно-экономического строя казахов в XVII—XVIII вв. и дальнейшего его развития вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

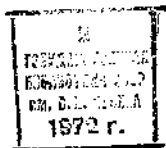
Анализируется специфика основных средств производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия.

Показываются особенности развития экономической и культурной жизни кочевых народов, критикуется идеалистическая теория так называемого кочевого феодализма.

Дается анализ социально-экономического и внешнеполитического положения казахских жузов, обусловившего в 30-х гг. XVIII в. добровольное присоединение их к России. Прослеживаются процесс присоединения казахских жузов к России и в связи с этим прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников.

Рассматривается сущность патриархально-феодальных отношений у казахских кочевников в XVII—XVIII вв. и их политическая надстройка (казахское ханство).

Книга рассчитана на экономистов, историков, философов, преподавателей научного коммунизма, партийных и советских работников, а также на преподавателей истории и обществоведения в средних школах.

Предлагаемая вниманию читателей работа «Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века» является переработанным и расширенным изданием книги автора «Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках», вышедшей в 1959 г.

Многие вопросы глав уточнены и углублены новыми аргументами и фактами. Заново написаны введение, седьмая глава и заключение. В результате объем работы по сравнению с предыдущей монографией увеличился в два раза.

Автор в своей работе стремился разрешить еще неясные вопросы об общественно-экономическом строе и классовой структуре кочевого общества казахов.

Марксизм-ленинизм дал единственно верную научную теорию общественного развития, в основу которой в качестве главного и определяющего момента положено изучение способа материального производства, который обуславливает развитие всех сторон общественно-экономической жизни людей.

Это теоретическое положение марксистско-ленинской науки и положено нами в основу исследования общественно-экономической жизни казахов в XVII — начале XX в. Главное внимание в работе уделено вопросам общественного производства.

Автор, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, не ограничился одним экономическим анализом, он старался объяснить строение и развитие кочевого общества казахов исключительно производственными отношениями, при этом выявляя соответствующие надстройки.

Кочевое хозяйство казахов в начале XX в. было пережитком их кочевого образа жизни, существовавшего до середины XVIII в. Без анализа этого типа хозяйства нельзя понять исторического пути развития кочевого казахского общества.

Дореволюционный Казахстан был одной из отсталых окраин царской России. За кратчайший исторический отрезок времени он смог преодолеть свою экономическую и культурную отсталость только благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии Советского Союза.

В пустынных и бескрайних степях Казахстана выросли новые отрасли социалистической тяжелой индустрии, было создано крупное механизированное социалистическое сельское хозяйство с развитым полеводством и животноводством.

До Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ на своей обширной территории (около 3 млн. кв. км) занимался в основном полукочевым и кочевым экстенсивно-пастбищным скотоводством. Население почти поголовно было неграмотным и не имело своей писаной истории.

Созданию научной истории казахов и истории народного хозяйства республики до последнего времени мешали: во-первых, неизученность и трудность познания социально-экономических отношений дореволюционного Казахстана, которые были сложным переплетением патриархально-феодальных и отчасти капиталистических производственных отношений; во-вторых, запутанность этих вопросов дореволюционными и отчасти послереволюционными исследователями; в-третьих, неверная оценка некоторыми современными учеными Казахстана из-за недостаточного знания экономической жизни и особенностей быта коренного населения тех или иных общественных явлений прошлого, а иногда даже тенденциозный подход к историческим документам.

В результате проблемы об экономическом строе и классовой структуре кочевого общества казахов остались до конца нерешенными.

Классики марксизма-ленинизма рассматривали общество как естественно-исторический организм, который находится в постоянном движении и развитии от низшего к высшему, от простого к сложному, от старого к новому. Поэтому общество вообще не существует, оно всегда выступает как общество, стоящее на определенном этапе исторического развития, общество, имеющее своеобразие. Определенная ступень исторического развития общества с присущим ей способом производства и характерными для нее чертами представляет собой особую общественно-экономическую формацию.

Любая общественно-экономическая формация — это конкретное целое со своим прошлым, настоящим и будущим. Она имеет свой период зарождения, становления, расцвета, упадка или перехода на новую высшую ступень развития.

В момент зарождения каждая общественная формация сталкивается со многими явлениями старой, которые еще существуют и действуют наряду с новыми. Такое сложное переплетение и взаимопроникновение отживающих общественных явлений с новыми на самых различных ступенях переходной стадии развития создают особую трудность в понимании процессов общественной жизни. На переходном этапе степень преобладания одних элементов над другими и длительность становления новой формации зависят от общего уровня развития производительных сил общества, с одной стороны, от конкретных условий существующего материального производства, с другой.

Открыв общую закономерность общественного развития, К. Маркс совершил гигантский переворот во всех областях общественной науки. Он всесторонне разработал коренные вопросы марксизма. К. Маркс «одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — объясняя строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью»¹. В «Капитале» К. Маркс показал капиталистическую общественную формацию как живую, как единое целое в своем многообразии.

К. Маркс отмечает, что главный результат, к которому он пришел и которым он затем руководствовался в дальнейших исследованиях, состоял в том, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определен-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 138—139.

ной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»².

Таким образом, марксизм дал единственно верную методологию научного подхода к изучению общественных явлений, в основу которой в качестве главного и определяющего момента положено изучение способа производства материальных благ, обуславливающего развитие всех сторон общественно-политической и духовной жизни людей.

Данные основополагающие теоретические положения марксистско-ленинской науки служили методологической основой исследования вопросов, связанных с характеристикой общественно-экономического строя кочевого общества казахов в XVIII в. и его эволюции до начала XX в.

Это дало возможность правильно, на наш взгляд, определить историческую ступень развития кочевого общества казахов в тот период и специфику конкретных условий материального производства — кочевого скотоводства, влиявших на весь ход общественного развития Казахстана.

Главное внимание в работе уделено вопросам общественного производства в период кочевого общества казахов. При этом автор исходил из того, что общественное производство есть единство производительных сил и производственных отношений и что история развития общества есть история развития материального производства.

Под производством в самом широком смысле слова К. Маркс понимал присвоение людьми предметов природы в рамках и при помощи определенной общественной формы.

Это значит, во-первых, что материальное производство может существовать лишь в определенной общественной среде, что оно всегда было явлением общественным; во-вторых, что общественное производство никогда не стояло на одном месте, оно развивалось, изменялись и общественно-производственные отношения людей. Все вместе обусловило непрерывность процесса общественного развития, которая идет вразрез с метафизическим представлением о неизменности и вечности определенной формы общественного производства,

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13. стр. 6—7.

общественно-производственных отношений, следовательно, формы общества.

Марксизм-ленинизм учит, что производство вообще — чистая абстракция, оно всегда существует в виде определенной отрасли производства, как, например: кочевое скотоводство, оседлое земледелие с развитым животноводством, фабрично-заводская промышленность или сочетания всех этих отраслей. Любой из видов материального производства с присущими ему орудиями труда так или иначе выражает определенный уровень общественно-экономического развития, ибо экономические эпохи различаются не тем, что производится, а как производится, т. е. какими орудиями труда. К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»³. Поэтому правильная характеристика социально-экономической природы материального производства казахского общества является основным критерием правильной оценки его уровня экономического развития. Без этого невозможно точно классифицировать ни одно явление в жизни общества. «Весь дух марксизма, вся его система требуют, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁴. Материальное производство в условиях кочевого общества казахов XVIII в., а также позднее, как и в условиях любого общества, являлось конкретным выражением трудовой деятельности людей, форма и содержание которой определялись уровнем развития производительных сил и экономической структурой данного общества.

Задача настоящей работы заключается прежде всего в том, чтобы, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, выяснить и осветить основные вопросы общественно-экономического строя кочевого скотоводческого хозяйства казахов в XVIII в. — начале XX в. на основе анализа и обобщения фактов из истории казахского народа, а также сопоставления их с материалами кочевого хозяйства различных стран и исторических эпох, начиная с древнейших времен. В нашу задачу входит также рассмотрение основных вопросов, связанных с таким грандиозным историческим событием, как добровольное присоединение казахских жузов к

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

⁴ В. И. Ленин. ПСС., т. 49, стр. 329.

России и его объективно прогрессивное значение в дальнейшей судьбе казахского народа.

В книге анализируются специфика основного средства производства кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого хозяйства, особенности развития материальной и духовной культуры у кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих народов, разбираются вопросы об экономической основе казахского кочевого хозяйства в XV—XVIII столетиях и патриархально-феодальной эксплуатации в нем.

Мы ставим перед собой цель вскрыть внутренние и внешне-неполитические мотивы, побудившие казахский народ к добровольному присоединению к России в 30-х гг. XVIII в. На фактическом материале прослеживается процесс присоединения казахских жузов к России, показываются изменения типа кочевого хозяйства и земельных отношений у кочевников, возникновение новых типов хозяйства. В конце XIX—начале XX в. в Казахстане существовали три вида хозяйств — кочевого, полукочевого и оседлого аулов. В работе наряду с разбором экономики, организации хозяйства и землепользования каждого из типов аулов рассмотрены классовая структура, сущность и формы эксплуатации в них. Уточнено содержание формулы «патриархально-феодальные отношения», которые господствовали в дореволюционном Казахстане.

Особое место отводится вопросам о различных видах поборов и повинностей, которые явились выражением тяжелого патриархально-феодального и колониального гнета трудящихся казахов байско-феодальной верхушкой аула и царской администрацией.

На основе исследования автору удалось выявить и сформулировать пять основных признаков застойности и консервативности развития кочевого общества, которые оказались причиной крайне медленного исторического развития кочевого общества.

В работе критикуются неверные точки зрения на общественно-экономический строй казахов в XV—XVIII вв. Автор отвергает так называемую теорию «кочевого феодализма» как немарксистскую теорию, которая является методологической основой неправильной позиции в оценке общественно-экономического строя кочевников различных исторических эпох, включая казахское общество XV—XVIII вв.

Главную ошибку приверженцев теории «кочевого феодализма» автор видит в том, что они рассматривают кочевое скотоводческое хозяйство абстрактно, вне времени и пространства, без учета возможных его типов, определяемых историческими и природными условиями. Такого рода *«абстракция, категория, взятая как таковая, то есть оторванная от*

людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума»⁵. У последователей теории «кочевого феодализма» даже не возникает вопроса, что кочевое скотоводство в различных частях света и в различные исторические эпохи, как и каждая отрасль общественного производства, имело различные экономический уровень и организацию производства и труда.

Сторонники теории «кочевого феодализма» не видят разницы между экономикой экстенсивного кочевого скотоводства, при котором кочуют круглый год, и экономикой экстенсивного полукочевого скотоводства, когда существует известная оседлость, а следовательно, сенокосение и хлебопашество. Они не различают также экономику экстенсивного полукочевого скотоводства и интенсивного оседлого скотоводческого хозяйства, которое является одной из отраслей земледелия в широком смысле этого слова. Сторонники данных точек зрения переносят признаки и черты экстенсивного полукочевого и оседлого скотоводства, существовавших в конце XIX — начале XX в. в различных районах Российской империи и за ее пределами, на все минувшие времена и исторические эпохи. Поэтому последователи теории «кочевого феодализма» не могли понять специфики господствовавшего у казахов в XV—XVIII вв. вида общественного производства — экстенсивного круглый год кочующего скотоводства, и по той же причине правильно определить существовавшие у них формы земельной собственности, а следовательно, и раскрыть сущность производственных отношений кочевого общества типа казахского XV—XVIII вв. Марксизм-ленинизм учит, что нельзя говорить ни о каком производстве там, где нет никакой формы собственности на средства производства. «Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например, к частной собственности... История, наоборот, показывает нам общую собственность (например, у индийцев, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, — форму, которая под видом общинной собственности еще долго играет значительную роль»⁶. Как показывают факты, патриархально-феодальное кочевое скотоводство казахов в XVIII в. было неразрывно связано с общинным землевладением.

Сторонники критикуемых нами точек зрения отождествляют патриархально-феодальные отношения с развитыми феодальными; преувеличивают роль и значение кочевого ханства казахов XV—XVIII вв., которое было лишь непроч-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 409.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 713—714.

ным начальным государственным образованием переходного типа от разлагавшейся «военной демократии» к феодальному государству, и рассматривают его как типичное феодальное государство с характерным для него сословно-монопольным крупным феодальным землевладением; они придают слишком большое значение патриархально-феодальным межплеменным и межродовым грабительским набегам в XVIII—начале XIX в. казахской военщины — батыров друг на друга и полуворовским набегам на соседние народы, в том числе и на пограничное русское население, расценивая их как типичную феодальную войну; они идеализируют и восхваляют всякого рода антинародные реакционные и направленные против оседлого образа жизни и добровольного присоединения казахского народа к России восстания архиреакционных казахских султанов и батыров, рассматривая их как народную, национально-освободительную борьбу казахов за независимость. Такая система взглядов привела к фактическому отрицанию прогрессивного значения оседания казахского народа, происшедшего в результате присоединения к России.

В работе доказывается, что патриархально-феодальные отношения — это еще не есть развитые феодальные, что между ними имеются существенные различия, которые отражают разный уровень развития производительных сил и производственных отношений.

В работе обосновываются пути к решению основных вопросов, касающихся отдельных сторон общественно-экономической жизни кочевого общества казахов XVII — начала XX в.

* * *

В монографии широко использованы основополагающие труды, а также указания классиков марксизма-ленинизма о законах развития общества, общественного производства, единстве производительных сил и производственных отношений, глубоком различии видов и отраслей производства.

При разработке темы были использованы многочисленные труды мыслителей и ученых прошлых эпох и современности по истории кочевого скотоводства, земледелия и оседлости, а также материалы, касающиеся специфических особенностей кочевого скотоводства и оседлого земледелия.

Мы знакомимся с трудами Н. Я. Бичурина⁷, которые представляют собой переводы с китайского языка ценнейших

⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I и ч. II, М. — Л., 1950; ч. III, М. — Л., 1953.

исторических документов. В них освещается общественно-политическая и экономическая жизнь древних кочевников Северо-Восточной и Центральной Азии со II в. до н. э. по IX в. н. э.

Большое количество материалов по общей истории содержит работа крупнейшего прогрессивного французского ученого Элизе Реклю «Человек и земля»⁸, которая написана в историко-географическом плане. О неразрывной связи между географической и исторической науками автор высказался так: «География по отношению к человеку не что иное, как История в пространстве, точно так же, как История является Географией во времени». Очень интересен для понимания специфики кочевого скотоводства труд одного из знатоков Средней Азии и Казахстана В. А. Федоровича⁹.

Нами просмотрено много литературы и по истории Древнего Востока, Аравии, Средней Азии, Древней Греции, восточных славян и Древней Руси.

С. В. Киселев дал в своей книге систематическое изложение древней истории в основном скотоводческих тюрко-монгольских племен и народов Южной Сибири¹⁰.

Много фактов из жизни кочевых скотоводческих обществ имеется в трудах таких мыслителей-ученых, как Н. Г. Чернышевский¹¹, Адам Смит¹², Д. И. Писарев¹³, Ш. Монтескье¹⁴ и др. Они считали нашествие кочевых племен, хлынувших с Востока на Запад, начиная с гунов и кончая турками в XIV—XV вв., реакционным явлением. Н. Г. Чернышевский не без основания видел одну из главных причин отставания в историческом развитии народов Востока по сравнению с народами Запада в опустошительных, периодически повторявшихся набегах тюрко-монгольских кочевников.

В монографии П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» (Киев, 1884) освещена история взаимоотношений между кочевниками и Русью в IX—XIII вв.

Для сравнительного изучения общественно-экономической жизни казахских кочевников в XV—XVIII вв. были

⁸ Элизе Реклю. Человек и земля, т. 1 и 2, Древняя история. СПб., 1906; т. 3, Древняя и Новая история, СПб.; т. 4. Новая история, СПб., 1907; т. 5, Новая и современная история, СПб., 1908; т. 6. Современная история, СПб., 1909.

⁹ В. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. III, ч. I, М., 1948.

¹² Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935.

¹³ Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949.

¹⁴ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955.

использованы материалы по истории народов, имевших сходные с казахским хозяйство и быт. Это материалы по истории туркмен, каракалпаков, таджиков, узбеков и якутов ¹⁵.

Кроме названных литературных источников кое-какие факты по истории кочевого общества монголов сообщают путешественники — монахи Плато Карпини и Рубрук. Первый побывал в Каракоруме в 1246 г., а второй путешествовал с 1252 по 1254 г. Оба проезжали через территорию Казахстана ¹⁶. Немало материалов о монголах, волжских калмыках содержали труды русских ученых Г. Н. Потанина ¹⁷, М. В. Певцова ¹⁸, академика В. А. Обручева ¹⁹, К. Костенкова ²⁰, О. И. Леонтовича ²¹ и др.

Историю изучения и исследования дореволюционного хозяйства, быта и истории казахского народа можно разбить на три больших периода. Первый период охватывает XVI—XVIII вв., второй — с начала по 70-е гг. XIX в., когда казахские жузы вошли в состав русского государства, третий — с 70-х гг. XIX в. до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Опубликованные материалы каждого периода отличаются друг от друга как в количественном, так и в качественном отношении. По ним, хотя и в разной степени, можно получить представление: во-первых, о социально-экономической жизни кочевого общества казахов; во-вторых, о степени втягивания казахского народа в орбиту политической и экономической жизни русского государства; в-третьих, об изменениях в общественно-экономической жизни казахов в результате общения с русскими.

XVIII век дал очень мало материалов о казахских жузах,

---

¹⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмении, XVI—XIX вв.», т. II (Труды Ин-та востоковедения, т. VIII), М. — Л., 1938; «Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в XVIII—XIX вв.». Под ред. А. Ю. Якубовского. Ашхабад, 1954; А. Л о м а к и н. Обычное право туркмен. Ашхабад, 1897; «Материалы по истории каракалпаков», т. I (Труды Ин-та востоковедения, т. VII), М. — Л., 1935; «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. I, Сталинабад, 1954; «Якутия в XVII веке». (Очерки). Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953.

¹⁶ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». М., 1935.

¹⁷ Г. Н. П о т а н и н. Путешествия по Монголии. М., 1948; е го ж е. Тунгусско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.

¹⁸ М. В. П е в ц о в. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.

¹⁹ Академик В. А. О б р у ч е в. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. 4 изд., М., 1956.

²⁰ К. К о с т е н к о в. Исторический очерк происхождения калмыцкого народа и отношение к нему русского правительства. СПб., 1870.

²¹ О. И. Л е о н т о в и ч. Калмыцкое право, ч. I, Одесса, 1880.

изучение которых необходимо для прослеживания процесса перестройки хозяйства и быта казахского народа в последующие периоды. В этом отношении представляет интерес сборник «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках»²².

Одним из первых исследователей Казахстана был П. И. Рычков²³. Занимаясь изучением Оренбургской губернии, он первый дал сведения о природе и населении Западного, Северо-Западного и Центрального Казахстана. Последние годы деятельности П. И. Рычкова совпали со знаменитыми экспедициями 1768—1774 гг., после которых «Академия, можно сказать, открыла всему свету новую часть мира — Россию»²⁴. Это в равной мере относится и к Казахстану.

Работа П. И. Рычкова «Географическое описание Оренбургского края» ценна тем, что содержит сведения о расположении кочевий казахских жузов, направлении перекочевок, торговле и форме землевладения.

Другой источник этого периода составлен А. И. Добромысловым по архивным документам Тургайского областного управления. Он знакомит с политической жизнью края во время присоединения казахских жузов к России, когда шла острая борьба в среде патриархально-феодальной верхушки казахского общества за и против.

Немало фактов о хозяйстве и быте казахов можно найти в трудах ученых, которые участвовали в экспедиции Академии наук 1768—1774 гг. Ее руководителем был акад. П. С. Паллас. Он проехал западную, северную и северо-западную части Казахстана: Уральск, Гурьев, Троицк и Семипалатинск. Другую группу экспедиции Палласа возглавил ботаник акад. И. П. Фальк. Вначале вместе с ним был и этнограф акад. И. Г. Георги, который впоследствии путешествовал самостоятельно. Фальк ехал из Астрахани в Оренбург, а затем вдоль границы до Омска. Участники экспедиции побывали в казахских аулах и имели множество бесед с местными жителями.

В трудах И. Г. Георги²⁵, И. П. Фалька²⁶ и П. С. Палла-

---

²² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

²³ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, 1765 г. Оренбург, 1887.

²⁴ «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева». М., 1949, стр. 8; «Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства, за 1734 г.», т. I, Оренбург, 1903.

²⁵ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», ч. II, СПб., 1799.

²⁶ «Полное собрание ученых-путешественников по России». Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824.

са²⁷ имеются данные по этнографии, о социальных группах казахского общества и торговле с подробным перечнем покупаемых и продаваемых товаров на русских рынках. В них также довольно подробно изображена хозяйственная жизнь казахов того периода.

Описание И. Г. Георги аула хана Нурали, который имел 1000 лошадей, 400 голов рогатого скота, 200 верблюдов, около 4000 овец и несколько сот коз, позволяет судить об экономической мощи казахских ханов как глав государства. Но вместе с тем эти сведения поверхностны, порой даже неверны. Это—следствие незнания языка, бытовых и психологических особенностей народа. Так, И. П. Фальк пишет: «Чистое верблюжье молоко дает масло и сыр». На самом же деле из него казахи готовят лишь квашеный напиток шубат. Аналогичная неточность имеется и у И. Г. Георги. Он утверждал, что «верблюды носят на себе тяжести и по 30 пудов..., с каждого верблюда приходится в год от 10 до 12 пудов шерсти. Сверх того они (казахи. — С. Т.) их доят для кумызу и сыру, а иногда и для масла, которое тучнее коровьего и не столько жидко бывает, как из кобыльего молока...»²⁸. Подобные ошибки, к сожалению, встречаются и в работе М. П. Вяткина «Батыр Срым»²⁹.

Вместе с П. С. Палласом ехал капитан Н. П. Рычков. Он находился в составе отряда генерал-майора Траубенберга, посланного в 1771 г. для преследования волжских калмыков от Орска до Улу-Тау, оттуда Н. П. Рычков вернулся в Троицк. Собранные на основе своих наблюдений материалы о казахах он издал в 1772 г. под названием «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году».

Н. Рычков оставил сведения о воинственном образе жизни и большой склонности к открытым грабежам казахских родоправителей-батыров, биев и баев, о слабости и беспомощности ханской власти перед сильными родоправителями. Он привел случай, когда самому хану Нурали пришлось платить «хун» за увечье согласно обычаю, что свидетельствовало о громадной силе патриархально-родового быта среди казахов того времени.

Он записал немало фактов, характеризовавших различные стороны общественных отношений казахов. Много ценных материалов об общественно-экономическом строе казахского народа в XVIII в. имеется в материалах по истории

²⁷ «Путешествия по разным провинциям Российской империи», ч. I, СПб., 1773.

²⁸ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, стр. 127.

²⁹ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М. — Л., 1947, стр. 67.

Казахской ССР (1741—1751) под редакцией М. П. Вяткина (т. II, ч. 2, Алма-Ата, 1948). Большой интерес представляет также сборник архивных документов под редакцией М. П. Вяткина, подготовленный Институтом истории АН СССР в 1940 г.³⁰

XIX век дал очень разнообразный материал об общественно-экономической жизни казахов, который требует критического подхода к фактам.

Первой значительной работой по географии, истории и этнографии казахов была книга А. Левшина³¹. Он осветил на основании имевшихся материалов политические события казахского общества с середины XVI до начала XVIII в. Его работа содержит, правда, весьма скудные данные и о социально-экономических отношениях, в частности о форме кочевков и землевладении того периода. В целом представляя научную ценность, работа А. Левшина производит не совсем приятное впечатление из-за употребления пренебрежительных эпитетов по отношению к казахскому народу.

Богатый материал о процессе усиления влияния России на Казахстан дает ряд работ И. И. Крафта³². В его «Сборнике узаконений о киргизах степных областей» имеется много документов, касающихся управления казахским народом. Сборнику предпослан очерк истории казахского народа. В нем подробно описана внутренняя и внешнеполитическая обстановка накануне добровольного присоединения казахских жузов к России. Особо отмечена историческая заслуга хана Младшего жуза Абулхайра в подготовке этого большого политического акта. Подчеркивается бессилие власти хана над подведомственными ему родоплеменными группами. В сборнике приводятся также документы о переходе части казахов к полукочевому образу жизни, появлении сенокосения, хлебопашества и рыболовства.

Большое количество ценных фактов можно найти в статьях многих авторов, начиная с середины XIX столетия. Эти работы были опубликованы либо в различных периодических изданиях³³, либо вышли отдельными изданиями.

³⁰ «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М. — Л., 1940.

³¹ А. Л е в ш и н. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 1, 2, 3, СПб., 1832.

³² И. И. К р а ф т. Из киргизской старины (султаны, тарханы, бии). Оренбург, 1900; его же. Из киргизской старины (уничтожение рабства в Киргизской степи). «Тургайские областные ведомости», 1899, № 50, 51; его же. К вопросу о телесном наказании. «Тургайские областные ведомости», 1899, № 40; его же. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.

³³ Главным образом в «Записках Оренбургского и Западно-Сибирского отделов Импер. Русского географического общества», частично в

Книга академика В. В. Вельяминова-Зернова³⁴ является капитальным научным трудом, который содержит огромный сводный материал о формировании и характере казахских ханств как государственных образований. Академик В. В. Вельяминов-Зернов, будучи крупнейшим востоковедом, перевел на русский язык многие исторические труды и широко использовал их в своей работе. Наряду с всесторонним освещением политической истории казахских ханств в его книге имеются интересные факты о хозяйственной жизни казахов в XVI и XVII вв.

Большая научная ценность работы В. В. Вельяминова-Зернова в том и состоит, что она верно отражает процесс формирования и существования казахских ханств как мало устойчивых и шатких государственных образований кочевых скотоводческих племен, возникших в виде политического союза степной племенно-феодальной знати, которая была носительницей наиболее отсталых форм хозяйственных и политических отношений.

Другой крупный востоковед акад. В. В. Бартольд в ряде своих работ приводит факты из истории монголов и различных тюрко-язычных среднеазиатских народов³⁵. В них имеются данные и по истории казахов.

Интересные материалы, необходимые для понимания социальной природы казахских родов, содержат работы Н. А. Аристов³⁶. Он верно отмечает, что «родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, — конечно, вследствие политического значения носивших их родов, — сохраняются частью и поныне»³⁷. Большинство

«Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», в «Трудах Восточного отдела Импер. Археологического общества», в журналах «Северный вестник», «Военный сборник», «Русский вестник», «Сибирский вестник», «Русское богатство», «Сибирский наблюдатель», «Сибирские вопросы», «Русская мысль», «Научное образование», «Туркестанское сельское хозяйство», «Вопросы колонизации», «Нива», в журнале Министерства просвещения, в журнале Импер. Московского общества сельского хозяйства, памятных книжках отдельных областей, изданиях статистических комитетов, в газетах «Оренбургский листок», «Тургайская газета», «Киргизская степная газета», «Тургайские областные ведомости», «Туркестанские ведомости» и т. д.

³⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. I—IV, СПб., 1864.

³⁵ «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927; «История тюрко-монгольских народов». Ташкент, 1928; «Киргизы» (Исторический очерк). Фрунзе, 1927; «Мусульманский мир». Пг., 1922; «Из прошлого турок». «Журнал для всех», 1917, № 2, 3, 4; «К истории орошения Туркестана». СПб., 1914.

³⁶ См.: «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». «Живая старина», вып. III, IV, СПб., 1896.

³⁷ Там же, стр. 285.

названий казахских родов были именами древних народов и племен, которые были покорены Чингис-ханом. Эти родовые имена: Уйсун, Канглы, Кипчак, Онгут, Джалаир, Кирей, Найман и др.

Он пишет: «Распадение улуса Джучиева началось во второй четверти XV века образованием в западной половине улуса независимых ханств — Крымского и Казанского — и завершилось в третьей четверти того же века гибелью Абул-хаир-хана и образованием союза киргиз-казацкого»³⁸. В этом казахском союзе оказались роды с теми же племенными именами, которые существовали до нашествия монголов. Длительное сохранение родовых названий говорит о том, что чистокровных племен и родов не сохранилось, возникали лишь новые союзы под старыми родовыми или племенными названиями.

Вопросам истории Казахстана с момента принятия русского подданства Младшим и Средним жузами в 30-х гг. XVIII столетия и завершения фактического присоединения его в 60-х гг. XIX в. посвящена работа Н. А. Маева³⁹. Он отмечал, что прошло почти 140 лет, как русское влияние проникло на обширную степную территорию, расположенную между Уралом, Каспийским морем, Сыр-Дарьей и отрогами Тянь-Шаня и Алтая, «но до сих пор еще не прекращаются беспорядки и волнения в степи, беспорядки, возникающие по временам с большею или меньшею силою, после нескольких лет спокойствия и безопасности»⁴⁰. Причину таких явлений Н. Маев объяснял неправильно. К беспорядкам и волнениям среди казахов он относил лишь нападения казахской племенно-феодальной знати на население, подвластное царскому правительству, оставляя без внимания родоплеменные распри и междоусобицы, постоянно происходящие в казахском обществе, считая главной причиной такого положения то, что русское «правительство приняло ошибочную систему управления новым, подвластным ему народом и стало действовать наперекор исконным обычаям и понятиям киргизов»⁴¹. Н. Маев, как многие его современники, разделял распространяемое среди чиновников Оренбургского генерал-губернаторства мнение открыто враждебных ко всяким прогрессивным явлениям казахских султанов, батыров и биев.

Другой исследователь М. А. Терентьев в очерках «Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863, 1864 годах и Сыр-Дарьин-

³⁸ Там же, стр. 314.

³⁹ «Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 г.». «Ежегодник Туркестанского статистического комитета», вып. II, СПб., 1873.

⁴⁰ Там же, стр. 415.

⁴¹ Там же, стр. 418.

ская линия в 1870 году»⁴², касаясь истории принятия российского подданства Младшим жузом и образования Туркестанского генерал-губернаторства, рассматривает хозяйственную и общественно-политическую жизнь казахов Сыр-Дарьинской области. Он верно отмечает, что военная обстановка, «царившая в стране до водворения здесь русского владычества», мешала развитию земледелия⁴³, а после присоединения казахских жузов к России, например, все казахское население Чимкентского, Аулиеатинского и Кураминского уездов стало заниматься земледелием, заводить на полях хозяйственные постройки и, таким образом, постепенно оседало.

В какой-то мере интересна и работа А. П. Чулошникова⁴⁴, содержащая некоторые факты об экономике, общественно-производственных отношениях. Однако А. П. Чулошников часть вопросов общественных отношений объясняет неправильно, он механически заимствует из литературы неверные толкования, например, о сущности родового быта у казахов.

Полезный материал по истории казахского народа со времени образования его ханства содержит работа П. П. Румянцева⁴⁵. Автор верно понимает общий исторический процесс приближения границ России к территории казахов, начиная со второй половины XVI столетия.

Общественно-производственные отношения казахов в XV—XVIII вв. он относит к патриархально-феодальным и считает, что для полной победы феодальных отношений необходимо приращение крестьян к земле.

Заслуживает особого внимания работа М. Красовского⁴⁶. В ней имеется много сведений по истории, хозяйству и быту казахского народа. Материалы о хозяйстве и быте относятся главным образом к первой половине XIX в. Подробно показано значение скотоводства для хозяйства кочевников-казахов. В работе говорится, что кочевой образ жизни казахов возник на основе животноводства и междоусобной борьбы.

М. Красовский описывает форму кочевания казахов того времени, когда они вели уже полукочевой образ жизни, т. е. находились зимой на постоянной зимовке (кстау), в результате чего длина кочевого пути значительно сократилась. Эти признаки с начала XIX в. появились именно в хозяйстве сибирских казахов.

⁴² См.: «Записки ИРГО по отд. статистики», т. IV, СПб., 1874.

⁴³ Там же, стр. 30.

⁴⁴ «Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», ч. I, Оренбург, 1924.

⁴⁵ «Киргизский народ в прошлом и настоящем». СПб., 1910.

⁴⁶ М. Красовский. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики в трех частях. СПб., 1868.

Многие явления в общественно-экономической жизни казахов освещены М. Красовским неправильно. У него не было ясного представления о социальной, классовой структуре населения. Гостеприимство казахов (конак-асы) и их любопытство к новостям и слухам (хабар) он не связывал с социально-экономическими отношениями. Отдельные факты в книге изложены в пренебрежительном тоне по отношению к казахскому народу. Иначе и не могло быть, так как автор пользовался материалами, собранными официальными лицами, офицерами Генерального штаба. Однако это не умаляет научного содержания труда.

Примерно такого же характера работа Л. Мейера⁴⁷, состоящая из материалов по географии и статистике России.

Несколько иного плана книга И. Завалишина⁴⁸. Она освещает тот же период истории казахов и те же вопросы, которые изложены и в названных работах. В весьма корректном тоне он определяет психический склад казахов, описывает их нравы и быт. Однако ошибочно кочевую жизнь казахов он объясняет исключительно географическим фактором. И. Завалишин вполне ясно ставил перед местной администрацией царского правительства цивилизаторскую задачу. Он писал: «Задача хорошей администрации в отношении всех вообще инородцев — не насильственное истребление их вековых чувств, страстей и привычек, а разумное направление сих младенствующих народов к познанию высшего блага житейского, мирной гражданственности»⁴⁹.

Изучением этнографии, языка и литературы казахов много занимался В. В. Радлов⁵⁰. В одной из работ⁵¹ он касается вопросов кочевого хозяйства разных народов, в том числе и казахов. В ней В. В. Радлов констатировал: «Основой для образования общества у кочевников служит семья с ее естественной связью. Интересы членов семьи, находящиеся в ближайшем родстве друг с другом, тесно связаны благодаря общинному землевладению, составляющему неперемненное условие для содержания и разведения небольших стад; к семье в тесном смысле примыкают более дальние родственники и бедные, одиноко стоящие семьи, и образуют мелкую общественную единицу «аул»⁵².

⁴⁷ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

⁴⁸ И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь. СПб., 1867.

⁴⁹ Там же, стр. 116.

⁵⁰ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III, Киргизское наречие. СПб., 1870.

⁵¹ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

⁵² Там же, стр. 68.

Далее В. В. Радлов, объясняя общее положение о кочевниках, берет пример из быта казахов. Он не прав в том, что образ жизни северо-восточных казахов в конце XIX в. считает исконным, а не продуктом исторического развития, в основном следствием присоединения казахских жузов к России.

Много интересных фактов, касающихся истории, этнографии и хозяйства казахов и киргизов, имеется в трудах первого казахского ученого Ч. Ч. Валиханова⁵³. Он отмечает, что первое десятилетие XVIII в. было ужасным временем в истории казахского народа. Джунгары, волжские калмыки, ияцкие атаманы и башкирские феодалы с разных сторон громили казахские аулы, угоняли скот и уводили в плен целые семьи. Холодные зимы, гололедица и голод как небесное испытание увеличивали бедствия. Нет сомнения, положение казахского народа в этот период было крайне тяжелым, он переживал бесчисленные муки и страдания. Однако нельзя понимать так, что казахские ханы, бии и батыры были в этом неповинны. Напротив, их неукротимая жадность до чужого добра (скота, имущества), захват рабов и рабынь путем разбойничьих набегов на ближайших соседей привели народ к такому плачевному состоянию.

Большое внимание царским правительством и некоторыми исследователями дореволюционного Казахстана было уделено изучению обычного права казахов. В результате этого было собрано и опубликовано большое количество материалов. Они имеют огромное значение для понимания и освещения многих явлений в общественно-экономической жизни Казахстана в досоветский период.

К документам по обычному праву казахов относятся «Материалы по казахскому обычному праву и положения на них Омского временного комитета», собранные в 1824 г.⁵⁴ В них говорится о соблюдении казахами требований шарната, правда, факты значительно преувеличены. Нам кажется, здесь описаны вообще заповеди ислама, а не исполнение их в казахском быту. В документах о землепользовании казахов опять-таки рассказывается не столько о народных обычаях, сколько о требованиях Устава 1822 г. по управлению сибирскими казаками. Эти требования соответствовали желаниям казахских старшин. В материалах имеются сведения о казахском суде и судьях, свидетелях, описываются убийства, дра-

⁵³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений. Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX, СПб., 1904, стр. 1.

⁵⁴ Они опубликованы проф. Варшавского университета Самоквасовым в «Сборнике обычного права сибирских инородцев» (Варшава, 1876), в наше время вошли в «Материалы по казахскому обычному праву» (ч. I, Алма-Ата, 1948).

ки преступников, содомский грех, насилие и блуд, воровство и грабеж, исковые дела и тому подобные преступления.

Приведенные данные основаны целиком на устных показаниях казахских старшин, состоявших на службе в колониальном аппарате, а также муллы и бия. Вероятно, они давали их с корыстной целью, поэтому сведения малоценны.

Значительный интерес представляют материалы по казахскому обычному праву, составленные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г.⁵⁵ Особенность их состоит в том, что, во-первых, они собраны лицами, большинство которых хорошо знало жизнь и быт кочевого населения; во-вторых, характеризуют различные стороны юридического быта казахского народа.

В материалах подчеркивается, что у казахов частное землевладение отсутствует и единственным имуществом, передаваемым по наследству, является скот. «При отделении от отцов сыновьев, разумеется, женившихся, есть неизменный долг каждого отца дать им долю и часть (инчи), преимущественно из скота, которая определяется, смотря по состоянию и произволу отца»⁵⁶.

Особенно содержательны сведения по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре при участии такого знатока казахской жизни, как востоковед В. Григорьев⁵⁷. Они подтверждены подписями и печатью 128 биев и аксакалов, хорошо знавших казахское обычное право. В этих материалах правдиво освещаются вопросы о тюленгутах, рабах, правах «белой кости», податях и сборах на основании правил шариата, о промыслах, благоустройстве в аулах и т. д.

Общественная жизнь казахов во время завершения присоединения казахских жузов к России всесторонне освещена в материалах по казахскому обычному праву, опубликованных военным губернатором Тургайской области Л. Ф. Баллюэком в 1871 г. под названием «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона»⁵⁸. Однако данную в них характеристику биям, государственной власти и ее законам, которые рассматриваются как внеклассовые явления, нельзя считать научной.

Почти к этому же периоду относится работа Г. Загряжского «Юридический обычай киргиз»⁵⁹. Поэтому в ней мно-

⁵⁵ «Материалы по казахскому обычному праву», ч. I, Алма-Ата, 1948, стр. 71—117.

⁵⁶ Там же, стр. 97.

⁵⁷ Там же, стр. 117—158.

⁵⁸ Там же, стр. 163.

⁵⁹ См.: «Ежегодник Туркестанского статистического комитета», вып. IV, СПб., 1876.

го сведений, общих с материалами Л. Ф. Баллюэка. В книге рассказывается об обычном праве казахов и киргизов Семиреченской области Туркестанского края, а также об оседлом или полuosедлом образе жизни значительной части населения этой области.

Рубеж — конец XIX и начало XX в. был переломным в мировой истории. Капитализм вступил в свою новую, высшую стадию развития — империализм. Царизм стал приобретать черты военно-феодалного империализма.

Быстро развивающийся капитализм все сильнее втягивал в орбиту своей экономики окраины России, в том числе и Казахстан. Этот процесс сопровождался разорением широчайших масс крестьянства всей страны. Царское буржуазно-помещичье правительство стремилось в одинаковой мере защитить интересы представителей разлагающегося феодализма и развивающегося капитализма путем наступления на русское крестьянство и трудящихся окраин.

В. И. Ленин указывал, что столыпинское аграрное законодательство было помещичьей «чисткой земель» для капитализма. Это было поощрением грабежа общин кулаками, ломкой старых форм земельных отношений. Это было вторым крупным шагом массового насилия над крестьянством в интересах капитализма⁶⁰.

В конце XIX — начале XX в. произошли серьезные изменения в хозяйстве и быту казахского народа, усилилась классовая дифференциация населения. О данном периоде истории Казахстана имеется много материалов, говорящих о всей сложности социально-экономических отношений. Поэтому без учета той исторической обстановки совершенно невозможно правильная оценка общественно-экономических явлений, происходивших в крае.

В 1886 г. Семипалатинский областной статистический комитет выпустил «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов»⁶¹. Они ценны тем, что знакомят с изменениями в общественно-экономической жизни казахов в конце XIX в.

В работе широко использованы и неопубликованные архивные материалы, относящиеся к периоду — конец XVIII—90-е гг. XIX в. Документы содержат факты о реакционной роли грабительских походов, насилий казахских батыров, которые не только угнетали и обирали своих трудящихся казахов, но и систематически угоняли скот и захватывали людей у соседей, в том числе и у жителей пограничных русских поселений.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 254.

⁶¹ См.: «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 242.

В очерке Б. Юзefовича «О быте киргизов Тургайской области»⁶² описываются громадные изменения, происшедшие к 80 гг. XIX столетия в хозяйстве и быту казахов этой области.

В статье «Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем» (фамилия автора не известна)⁶³ верно отмечается, что до присоединения казахских жузов к России слабость власти казахских ханов над казахскими родоплеменными группами объяснялась господством кочевого образа жизни с патриархально-родовым бытом. Кочевое скотоводство и родовой быт были одним из условий для постоянных неурядиц и междоусобиц в казахской степи и не могли служить экономической базой для прочного государственного управления.

По этой же причине всякие соглашения и обязательства (даже самые искренние) казахских ханов перед другими государствами или даже принятое ими подданство оказывались нереальными. Так было с подданством отдельных частей жузов Бухаре, Хиве, Коканду и даже России.

Автор статьи неправ, когда объясняет антагонизм и вражду между кочевым и оседлым населением на территории Туркестанского края до введения российского государственного управления только различием в образе жизни, он не видит социально-классовых корней различий. В действительности вражда между кочевыми и оседлыми народами постоянно разжигалась их эксплуататорской верхушкой, которая преследовала свои корыстные цели.

Интересна работа Е. Смирнова «Сыр-Дарьинская область»⁶⁴, написанная на основе документальных источников. В ней дана характеристика хозяйственного и общественно-политического положения казахов Сыр-Дарьинской области в 80-х гг. XIX в.

Е. Смирнов указывает на большой приток населения в 70-е гг. в Сыр-Дарьинскую область из Бухары, Коканда, Хивы и Кашкара, что говорит о мирной обстановке на всей территории Сыр-Дарьинской области.

Наступившее спокойствие способствовало развитию земледелия. Казахи, перешедшие к полукочевому образу жизни, стали перенимать формы земледелия, какие существовали у оседлого узбекского населения.

В работе Е. Смирнова имеются также данные о промышленности, торговле и податях. Промышленность в Сыр-Дарьинской области в этот период была все еще мелкой, кустарной, давала продукцию низкого качества. Однако уже были

⁶² См.: «Русский вестник», т. 146, СПб., 1880.

⁶³ Там же, т. 215, СПб., 1891.

⁶⁴ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область (Описание, составленное по официальным источникам). СПб., 1887.

сделаны первые шаги для поднятия уровня обрабатывающей промышленности и эксплуатации природных богатств. Некоторые русские предприниматели ввели улучшенные сорта хлопка, табака и винограда. Они организовали виноделие, положили начало горнозаводской промышленности, рыболовству, пчеловодству, производству стекла и улучшенных сортов кож. Появились мастера — каменщики, штукатуры, лепщики, столяры, плотники и пр. Все эти данные говорят о начавшихся сдвиге в экономическом развитии области.

В другой работе «Задичавшая страна»⁶⁵ Е. Смирнов не без основания писал о существовавшей в древности высокой культуре орошаемого земледелия в бассейне р. Сыр-Дарьи, которая, видимо, пострадала от нашествия кочевников. Он также дал обзор развитию земледелия в более или менее широких размерах среди казахов в этом районе со второй половины XIX в., когда было завершено присоединение казахских жузов к России.

Много фактов по этнографии казахов Внутренней (Букеевской) орды собрал А. Харузин⁶⁶. Он был одним из знатоков истории и быта казахов, который в основном имел правильное представление о структуре кочевого общества с патриархально-родовым бытом. Его работы ценны еще и тем, что в известной мере в них показан процесс разложения старого патриархально-родового быта казахов Букеевской орды в конце XIX в. в результате появления оседлого и полукочевого образа жизни.

Очень интересны статьи Н. Коншина. С 1898 по 1901 г. он опубликовал следующие работы: «К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние», «По Усть-Каменогорскому уезду» (путевые заметки), «Материалы для истории степного края» (открытие Аягузского округа), «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области»⁶⁷. За исключением «Материалов для истории степного края», эти работы между собой связаны. В них в основном освещаются хозяйство и быт казахов Семипалатинской области в конце XIX в., подробно разбираются вопросы об оседании казахов и «джатаках». Эти два вопроса, по существу, главные в характеристике хозяйства и быта казахов того периода. Он писал о своих личных наблюдениях, не претендуя на глубокий анализ. Например, всех обнищавших и обездоленных казахов он называет одним «общепринятым» тогда термином — «джатак», что, конечно, не точно.

⁶⁵ См.: «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. IV, Ташкент, 1895.

⁶⁶ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, т. I, СПб., 1889.

⁶⁷ См.: «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год»; на 1899 год; на 1900 год, вып. II; на 1901 год, вып. V.

Н. Коншин показывает, что казахская беднота, не находя работы в аулах, уходила в русские деревни и заявляла: «Бедным казахам среди русских все-таки лучше». В то же время эти бедняки были «в долгу у (русских) казаков, причем долги, будто бы, доходят до 50—100 р.»⁶⁸. Он отмечает, что «было время, когда каждый богатый родич держал вокруг себя десятки таких бедняков, исполнявших за то, без всяких формальных условий, все его работы, поручения и т. д. Главное богатство степняка — скот — давало тогда почти все необходимое для жизни, и продавать, и покупать приходилось очень немного. Ввиду этого содержание бедняков не составляло особой тяготы для богача, усиливая, напротив, его значение в степном мире, где, помимо прочего, внешние атрибуты власти, например, хотя бы большая свита из покорных джигитов, имеют, пожалуй, еще большую привлекательность»⁶⁹. Этими словами Н. Коншин передал в основном сущность патриархально-феодального кочевого общества казахов.

Многих вопросов жизни кочевых казахов Сыр-Дарьинской и Тургайской областей касается другой исследователь этого периода И. Аничков⁷⁰. Он долгое время работал помощником мирового судьи в Казалинском и других уездах Сыр-Дарьинской области и очень хорошо знал жизнь казахского народа. И. Аничков осуждал законоположение царского правительства о землепользовании у казахов, по которому пользование землей производилось по народному обычаю. Он писал, что большая часть казахского населения уже перешла к оседлому и полукочевому образу жизни, поэтому право землепользования, пригодное при кочевом скотоводстве, не соответствует новым условиям жизни. Он правильно отмечал, что «среди казахского народа народилась сильная родовая плутократия, которая стремится захватить в свои руки как можно большее количество орошенных земель и обездолить безгласную народную массу»⁷¹. И. Аничков затрагивает и другие вопросы: о калмыке, образовании казахских женщин, распространении народного просвещения среди казахского населения и т. п. Он прав, когда рассматривает как положительный факт появление казахской интеллигенции после открытия в 1850 г. первой школы для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии.

Отдельные факты, характеризующие различные стороны

⁶⁸ См.: «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год», вып. V, Семипалатинск, 1901, стр. 59.

⁶⁹ Там же, стр. 154.

⁷⁰ И. Аничков. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.

⁷¹ Там же, стр. 43.

хозяйства, быта и политической жизни казахов различных уездов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, можно найти в работах В. Остафьева «Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве»⁷², П. Маковецкого «Киргизские степи Акмолинской области»⁷³, М. Чорманова «Заметка о киргизах Павлодарского уезда»⁷⁴, В. Шнэ «Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области»⁷⁵, агронома В. Скалова «Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда»⁷⁶, И. Гейера «В устье Сыр-Дарьи»⁷⁷, А. А. Кауфмана «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (СПб., 1908), Ю. Шмидта «Очерки киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области» (Омск, 1894) и неизвестного автора «Очерк киргизских степей в ветеринарно-санитарном отношении» (по сведениям, полученным в Ветеринарном управлении Министерства внутренних дел) (СПб., 1890) и др.

Много ценных фактов из жизни и хозяйства казахов конца XIX — начала XX в. имеется в ряде статей А. Диваева. Например, в работах «Несколько слов о благосостоянии наших киргиз»⁷⁸, «Из области киргизского скотоводческого хозяйства»⁷⁹ и «Случка домашних животных в киргизском хозяйстве»⁸⁰. Особенно ценна его работа «Аткамнары» (Страница из жизни киргиз)⁸¹. В ней дана характеристика новой социальной прослойке эксплуататорского класса — аткаминерам, которая, по существу, руководила общественно-политической жизнью народа. К сожалению, он не смог осветить историческую обстановку и вскрыть социальную сущность новой эксплуататорской группы. Подобного типа работы Н. Васильева «Кочевники Туркестана»⁸², К. О. Валя «К истории экономических отношений у киргиз»⁸³, Вл. фон-Герна «Из записной книжки» (Этнографические заметки)⁸⁴.

⁷² См.: «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XVIII, вып. 2, 1895, Омск.

⁷³ Там же, кн. XV, вып. 3, 1893, Омск.

⁷⁴ Там же, кн. XXXII, 1906, Омск.

⁷⁵ Там же, кн. XVII, вып. 1, и 2, 1894.

⁷⁶ См.: «Вопросы колонизации», 1910, № 6.

⁷⁷ См.: «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII, Ташкент, 1899.

⁷⁸ См.: «Окраинка», 1894, № 66.

⁷⁹ См.: «Туркестанские ведомости», 1904, № 102 и 1905, № 4.

⁸⁰ См.: «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. IX, Ташкент, 1901.

⁸¹ Там же, т. III, Ташкент, 1894.

⁸² Николай Васильев. Кочевники Туркестана (Опыт экономического обзора), Самарканд, 1890.

⁸³ См.: «Научное обозрение», 1901, № 1.

⁸⁴ См.: «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 и 1899 годы». Семипалатинск, 1898.

Один из знатоков скотоводческого хозяйства казахов А. И. Добросмыслов в своей работе «Скотоводство в Тургайской области» (Оренбург, 1895) оставил подробное описание пастбищно-экстенсивного скотоводства. Проработав много лет среди казахов Тургайской области ветеринарным врачом, он хорошо изучил многие процессы скотоводческого хозяйства: случку, прием приплода, выращивание молодняка, уход и пастьбу, удои, стрижку шерсти и обработку продуктов от каждого вида скота: овец и коз, лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота. Он показал, что экстенсивно-пастбищное кочевое скотоводство казахов представляло собой целый комплекс хозяйственной деятельности людей.

Из его работы следует, что казахи использовали многовековой опыт разведения скота, хотя общий низкий уровень общественного производства порождал адекватные ему производственные навыки людей, которые выражались в низкой производительности общественного труда, неустойчивости общественного богатства, всецело зависящего от внешних сил природы (джуты, эпизоотии, истребление хищниками и т. д.).

При всех достоинствах работы А. И. Добросмылова ее большим недостатком является то, что понятие «кочевое скотоводство» он употреблял абстрактно. Это было характерно для того времени. Он не видел громадной дифференциации в самом кочевом скотоводстве.

Над А. И. Добросмысловым и его современниками довлело официальное определение кочевников, записанное еще в 1822 г. в Уставе об управлении сибирскими инородцами.

Ценной монографией о юридическом быте казахов Сыр-Дарьинской области является работа Н. И. Гродекова⁸⁵. Будучи губернатором Сыр-Дарьинской области, он использовал своих подчиненных для выявления достоверных фактов из жизни казахов. Сбором материалов для него занимался знавший казахский, узбекский и персидский языки востоковед А. Н. Вышегорский.

Н. И. Гродеков поставил перед собой задачу показать те изменения в обычном праве казахов, которые произошли в связи с переходом кочевников к земледелию, с появлением новых видов производства. Он писал: «То, что было у казахов при ханах, при султанах, управляющих ордами и группами родов, при сильных, независимых родовичах, при кокандских беках и хакимах и пр., отчасти давно забыто, отчасти изменено»⁸⁶. При этом он верно отмечал, что развитию зем-

⁸⁵ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1889.

⁸⁶ Там же, стр. 5.

леделия, переходу к оседлому и полукочевому образу жизни способствовали установление спокойствия в степи и постепенное понимание этих преимуществ перед кочевым скотоводством. Особенно явно они проявились во время большого джута 1879/80 г. После него кочевники, «сознав непрочность скотоводства на принятых началах, обратились к устройству запасов травы на зиму и к земледелию»⁸⁷.

Приложением к этой работе дано большое количество документов обычного права казахов Сыр-Дарьинской области конца XIX в.

Весьма важно, что Н. И. Гродеков показал специфику землепользования у киргизов. У них давно было строго разграничено пользование всеми видами пастбищ, включая летние кочевки. «У каракиргизов никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род. Можно просить: «У меня нет летовки, позвольте быть вашим соседом (конгсылаш)». Но при отказе нельзя ничего сделать, ибо какое право можно иметь на чужую летовку? Если один род заходит в пастбища другого, то представители последнего получают с пришедших курабашаи, то есть с каждого табуна (кура-табун до 600 голов) по одному барану»⁸⁸.

Такое землепользование у киргизов объяснялась невозможностью дальних перекочевок в горах. Горные долины с богатой растительностью, где почти нет голого степного простора с пустынями и полупустынями, более удобны для полукочевого и даже оседлого экстенсивно-пастбищного скотоводства. Это подтверждают и другие источники. В частности, в «Очерках Заилийского края и причуйской страны»⁸⁹ (автор неизвестен) говорится, что «хлебопашество составляет общее занятие дикокаменных киргизов... Сеют каракиргизы преимущественно просо, пшеницу, ячмень (для лошадей) и кунак (мелкое просо), из которого делают бузу, чтобы гнать из нее водку»⁹⁰.

О характере пользования пастбищами киргизского манапа Роскулбека Г. Загряжской писал: «С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При кочевках никто не смел раньше его трогаться с места и идти впереди его стад. Такое положение скопило у него огромное состояние»⁹¹. Г. Бардашев также указывал на большее распространение

⁸⁷ Там же, стр. 103.

⁸⁸ Там же, стр. 111.

⁸⁹ См.: «Записки ИРГО», 1861, кн. 4, СПб.

⁹⁰ Там же, стр. 109.

⁹¹ См.: «Заметки о народном самоуправлении у каракиргизов». «Ежегодник Туркестанского статистического комитета», вып. III, СПб., 1874, стр. 363.

земледелия у киргизов, чем у казахов соседнего Старшего жуза⁹².

Богатейший материал по казахскому землепользованию в 12 уездах Степного генерал-губернаторства собран экспедициями Переселенческого управления в 1896—1901 гг. под руководством известного статистика Ф. А. Щербины⁹³.

Было изучено хозяйство казахов Атбасарского, Акмолинского, Кокчетавского, Омского и Петропавловского уездов Акмолинской области; Зайсанского, Каркаралинского, Павлодарского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области; Актюбинского и Кустанайского уездов Тургайской области.

О Туркестанском генерал-губернаторстве имелись аналогичные материалы, собранные в 1906—1912 гг. под руководством П. А. Скрыплева в Аулиеатинском, Казалинском, Перовском, Ташкентском и Чимкентском уездах Сыр-Дарьинской области. В 1909—1913 гг. статистическому обследованию экспедицией под руководством П. П. Румянцева подвергались и хозяйства казахов Верненского, Кашальского, Лепсинского и Джаркентского уездов Семиреченской области.

Эти экспедиции должны были выяснить основы и формы казахского землепользования, дать анализ экономических условий, необходимых для существования среднего хозяйства и определить норму земельного обеспечения среднего казахского хозяйства в каждом из районов.

Исследования проводились в широком масштабе: было установлено подворным опросом экономическое благосостояние каждой семьи, ее состав, занятия и промыслы; общие хозяйственные вопросы, границы и формы землепользования, естественные условия местности, производительность угодий и т. д. Затем данные проверялись путем общего осмотра, показаний знающих лиц и т. д.

Целью экспедиций было выявить излишки казахских земель для изъятия их в переселенческий фонд. Однако при правильном подходе к изучению материалов экспедиций в них можно найти много ценного для понимания характера землепользования казахов в этот период и ранее, а также фактов о прогрессивных сдвигах в экономике кочевого хозяйства.

Основным неверным положением в этих материалах является то, что их авторы всякое экстенсивно-пастбищное

⁹² Там же, стр. 389.

⁹³ «Материалы по киргизскому землепользованию», т. I, Воронеж, 1898; т. II, Воронеж, 1902; т. III, ч. I, СПб., 1907; ч. 2, Чернигов, 1909; т. IV, Воронеж, 1903; т. V, Воронеж, 1903; т. VI, СПб., 1905; т. VII, Воронеж, 1908; т. VIII, СПб., 1909; т. IX, СПб., 1905; т. X, СПб., 1909; т. XI, Омск, 1907; т. XII, СПб., 1908; т. XIII, СПб., 1909.

скотоводство рассматривали, подобно многим другим исследователям, как кочевое скотоводство, а общественный строй казахов — как общинно-родовой строй. Это было вполне понятно, так как политика царского правительства была направлена на сознательное преувеличение значения родовых пережитков и усиление патриархально-феодалного и колониального гнета над трудящимися казахами.

Правильно многие вопросы социально-экономических сдвигов, происшедших в жизни казахов в конце XIX—начале XX в., освещаются в работе Т. И. Седельникова⁹⁴. Особенно много ценных фактов содержат статьи Л. К. Чермака⁹⁵. Он долго занимался изучением казахского хозяйства и быта, побывал в самых отдаленных уголках казахской степи. Примерно такого же характера работы Т. И. Тихонова⁹⁶, В. А. Владимирского⁹⁷, неизвестного автора⁹⁸, Н. Огановского⁹⁹, В. П. Кранихфельда¹⁰⁰, И. Хохлова¹⁰¹, В. А. Васильева¹⁰², В. Я. Бенъкевича¹⁰³.

В настоящей работе отвергается концепция акад. В. Я. Владимирцова о господстве феодального способа производства у средневековых кочевых народов. Он был крупным исследователем монгольского языка, фольклора, литературы, а также этнографии и истории Монголии.

В научной литературе его труды получили правильную оценку. «Историко-литературные работы Владимирцова проникнуты идеалистической концепцией. Они написаны под влиянием теории культурных заимствований»¹⁰⁴. Книга

⁹⁴ См.: «Борьба за землю в киргизской степи». СПб., 1907.

⁹⁵ «Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу». «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», кн. XXVII, 1900; «Вымирают ли киргизы». «Сибирские вопросы», 1906, № 2; «Формы киргизского землепользования». «Сибирские вопросы», 1908, № 23—24; «Киргизское хозяйство в Степном крае (Район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении)». СПб., 1912.

⁹⁶ «Хозяйственный быт киргизов Степного края». «Тургайские областные ведомости», 1901, № 11, 12.

⁹⁷ «К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние». «Отчет ИРГО за 1901 год». СПб., 1902.

⁹⁸ «Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации». Оренбург, 1909.

⁹⁹ «Переселенческое дело в Уральской области. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год». Уральск, 1900.

¹⁰⁰ «Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде». «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 г. Уральск, 1898; «Влияние колонизации на киргизское хозяйство». СПб., 1907.

¹⁰¹ См.: «Тургайская область». СПб., 1906.

¹⁰² «Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины». Пг., 1915.

¹⁰³ «Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения». Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3, Оренбург, 1918.

¹⁰⁴ Большая Советская Энциклопедия, т. 8, 1951, стр. 243.

акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм)» издана в 1934 г. посмертно. Она выходит за рамки монголоведения и освещает на исследуемом материале историю кочевых обществ в эпоху феодализма. «Однако Владимирцов переоценивал степень зрелости феодализма как господствующего способа производства у монголов XII века, в действительности еще находящихся на стадии перехода от рабовладельческих отношений к феодальным»¹⁰⁵.

Несмотря на это, некоторые исследователи являются сторонниками теории Б. Я. Владимирцова. Так, И. Я. Златкин говорит, что он принадлежит к группе ученых и исследователей, придерживающихся и развивающих систему взглядов покойного Б. Я. Владимирцова, заложившего твердые, подлинно марксистские основы в изучение общественного строя кочевых народов. В действительности же работа акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» проникнута схематизмом и идеалистической теорией насилия. Б. Я. Владимирцов черпал все данные об общественном строе монголов XI—XIII вв. из эпических легенд, носящих полумифический характер. В них на первом месте стоял не только культ личности Чингис-хана, но и ближайших его предков и потомков. На основе такого материала ученому-филологу, стоявшему на идеалистической концепции, невозможно было заложить «твердые, подлинно марксистские основы в изучение общественного строя кочевых народов».

Другой последователь Б. Я. Владимирцова М. П. Вяткин свою работу «Батыр Срым», изданную в 1947 г., написал в духе теории кочевого феодализма, хотя и подверг критике некоторые положения работы «Общественный строй монголов». В целом работа написана вопреки историческим фактам.

В более неверной форме теорию кочевого феодализма акад. Б. Я. Владимирцова развивают юристы С. З. Зиманов и А. Е. Еренов. Имеются в виду работы С. З. Зиманова «Общественный строй казахов первой половины XIX века» (Алма-Ата, 1958) и «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков» (Алма-Ата, 1960) и А. Е. Еренова «Очерки по истории земельных отношений у казахов» (Алма-Ата, 1960).

В работе «Общественный строй казахов первой половины XIX века» С. З. Зиманов приписывает надуманный высокий уровень развития кочевому обществу казахов XVIII и первой половины XIX в. Таким образом, извращается сущность со-

¹⁰⁵ Там же, стр. 244.

циально-экономических отношений и классовой структуры общества казахских кочевников.

Вместо ясного марксистского положения о решающем значении для характеристики общественного строя уровня развития производительных сил общества С. Зиманов выдвигает какой-то «режим хозяйствования». Он пишет: «Особенности, составляющие индивидуальную черту того или иного общественного строя, в первую очередь проявляются в режиме и организации хозяйства»¹⁰⁶. Следовательно, он не представляет себе, что сама «организация хозяйства» определяется уровнем развития производительных сил общества, характером применяемых средств труда.

Необходимо подчеркнуть, что С. З. Зиманов, с одной стороны, занимается искусственным подтягиванием уровня исторического развития отсталого патриархально-феодального кочевого общества казахов в конце XVIII и начале XIX в. до уровня оседлого феодально-крепостнического общества, приписывая ему сословно-монопольное землевладение с крепостничеством, с другой, искажает существовавшие социально-экономические отношения у казахских кочевников и выхолащивает их классовую сущность. Поэтому казахский бай выглядит в характеристике С. Зиманова бескорыстным покровителем бедняков.

Общественно-экономическая жизнь казахов в первом томе «Истории Казахской ССР», изданном в 1957 г., подана также в духе теории кочевого феодализма акад. Б. Я. Владимирцова.

Вопросы общественно-экономического строя казахов в XVII—XIX вв. были рассмотрены в нашей книге, опубликованной в 1959 г.¹⁰⁷ В данной работе мы развиваем дальше ее некоторые положения.

Первый период, освещаемый в работе, охватывает время с XVII и до середины XIX в. и характеризуется господством более отсталой формы патриархально-феодальных отношений в кочевом обществе казахов, а второй — со второй половины XIX и до начала XX в. — дальнейшим развитием патриархально-феодальных отношений в сторону феодализации с элементами капиталистических производственных отношений.

---

¹⁰⁶ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 99.

¹⁰⁷ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.

**О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА
КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА И ОСЕДЛОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ**

Классики марксизма-ленинизма определили, что труд — первое основное условие человеческого существования независимо от исторических форм общественно-производственных отношений. Процесс труда есть целесообразная деятельность человека, направленная на создание предметов, пригодных для удовлетворения потребностей людей в рамках той или другой общественной формы. Всякий процесс труда в широком смысле — это процесс присвоения людьми предметов природы, где субъектом является общество, люди, а объектом — внешний мир, природа. Арсеналом же предметов природы, следовательно, всех средств производства является земля, к которой с экономической точки зрения относится и вода. К. Маркс отмечает, что земля, первоначально снабжая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого содействия человека как *всеобщий предмет его труда*. «Все предметы, — писал К. Маркс, — которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли»¹.

Ясно, что в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия производства, без которых труд вообще не может совершаться или может происходить лишь в несовершенном виде. «Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, — писал Маркс, — потому что она дает рабочему *locus standi* [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (*field of employment*)»². Мало того, земля есть всеобщее и всеобъемлющее вместилище, гигантская универсальная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

² Там же, стр. 191.

лаборатория, где совершаются многосложные действия законов природы и общества. Она — колыбель и могила всей живой природы. По словам Ф. Энгельса, мы «нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее»³. Земля есть первоначальная всеобщая кормилица всего животного царства, включая людей⁴. Потому земля так или иначе должна была выступать в качестве всеобщих естественных условий всякой производственной деятельности человека, всеобщего средства труда. Но это всеобщее средство труда, без участия которого немислимо никакое производство, играло и играет самую различную роль в процессе общественного производства в зависимости от уровня развития производительных сил и своеобразия каждой отрасли труда. На самом деле земля не могла иметь одинакового значения в условиях существования различных видов материального производства, каковыми являются охота, рыболовство, первобытное мотыжное земледелие, еще не отделившееся от первобытного пастушества, кочевое скотоводство, пашенное земледелие, высокоразвитое многоотраслевое сельское хозяйство, ремесло и фабрично-заводская промышленность, которые соответствовали различному уровню развития производительных сил общества. При таких различных условиях и различном уровне развития материального производства, не говоря о земле в целом, не могли быть одинаково необходимыми для производства разнообразные предметы природы, добываемые из земли.

Известно, что каждый предмет природы, который может быть полезным для людей, характеризуется совокупностью многих свойств, и поэтому он может привлекать человека своими различными сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, Маркс считал делом исторического развития⁵. Это дает право рассматривать историю общественного развития как историю развития материального производства, как историю постепенного открытия людьми в предметах природы все новых и новых способов использования и потребления, как историю постепенного познания объективного мира, законов природы, следовательно, как историю последо-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 496.

⁴ «Человек есть продукт поверхности земли. Это значит не только то, что он — дитя этой земли, прах от ее праха; это значит и то, что земля создала человека, вскормила его, задала ему основные его задачи и направила его желания; она столкнула его с препятствиями, в борьбе с которыми окрепло его тело и развился разум; она поставила перед ним вопросы навигации и орошения, она же дала ему и средства для разрешения этих вопросов...» (См.: Дж. Хорраби и. Очерк историко-экономической географии мира. М., 1931, стр. 11).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43—44.

вательного открытия людьми тайн природы и возрастания власти человека над ее стихийной силой. «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней»⁶. Это подтверждают новые факты открытия и применения атомной энергии, достижения в изучении космоса и многие другие явления. Научная мысль в СССР неустанно работает над тем, чтобы могучая атомная энергия, намного усиливающая власть человека над природой, была широко использована для развития общественного производства на благо людей.

Из истории науки и техники известно, что всякий предмет природы имеет присущие ему свойства, определяемые его вещественным содержанием; эти свойства всегда остаются неизменными. Например, способность воды превращаться в пар при кипении. Но данное качество стало полезным обществу только тогда, когда его употребили для движения паровой машины. В результате широкого промышленного использования этого открытия намного повысилась производительность общественного труда. Другим примером может служить полноводная река. Сначала люди ограничивались употреблением ее воды только для питья, потом там, где была рыба, занялись рыболовством, позднее при помощи ирригационных сооружений начали орошать поля. Со временем река стала служить водным путем для лодок и позднее для пароходов⁷, а затем силу реки начали использовать для получения электрической энергии и т. д. Каждый способ использования реки и пара отражает известный уровень общественного развития. Без соответствующих достижений в области техники, орудий труда невозможно было использовать упругость пара и двигательную силу воды для производства. «Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина»⁸.

Подобным образом тот или иной способ использования людьми земли, вернее, ее полезных свойств, как-то: дикой флоры и фауны, естественного плодородия почвы, полезных ископаемых и т. д. прежде всего определялся имеющимися орудиями труда и производственными навыками людей, которые характеризовали общий уровень развития производи-

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 298.

⁷ «Та или другая река, являющаяся могущественным препятствием для племен, незнакомых с судоходством, могла позднее сделаться важной судоходной артерией и получить огромное значение в жизни населения ее берегов, когда это население научилось управлять лодками и судами... Само развитие нации ведет к изменению внешних условий: время непрестанно видоизменяет пространство». Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 115—116.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 398.

тельных сил общества. Люди в процессе общественного производства вступают между собой в определенные отношения. Только посредством этих отношений у них существует отношение к природе, возможна производственная деятельность.

«В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны»⁹. Следовательно, от определенного уровня развития общества и основного вида его материального производства зависит характер производственных отношений людей, их отношений к природе¹⁰. Об этом говорят основные способы использования людьми земли на всем протяжении истории общества.

На заре развития человечества земля служила естественной кладовой готовых плодов диких растений, присвоение которых обеспечивало жизнь людей. Далее, со своими горами, лесами и водоемами, где водились дикие животные и рыбы, она стала ареной для регулярной охоты и рыболовства. Со времени приручения диких животных и затем в течение существования кочевого скотоводства как самостоятельного вида общественного производства она служила естественным пастбищем для домашних животных; при полукочевом и оседлом экстенсивном скотоводстве земля была не только естественным пастбищем, но и естественным сенокосом для заготовки кормов, а при земледельческом хозяйстве она уже выступает как обработанные поля, фруктовые сады, виноградники, искусственные луга и сеяное пастбище. Для ремесла и промышленности земля есть источник всевозможных полезных ископаемых, без которых не может развиваться никакая промышленность, и, наконец, она является производственной площадью и ареной труда для многотысячной армии рабочих на многочисленных заводах и фабриках как при капитализме, так и при коммунизме. Во всем отражается процесс развития производительных сил общества и роста власти человека над природой. Данный факт подчеркивал Ф. Энгельс: «Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие,

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441.

¹⁰ «Современная наука отличает несколько социальных типов: 1) тип охотничий, 2) тип пастушеский, 3) тип земледельческий, оседлый, 4) тип промышленный и торговый. Каждый из этих типов характеризуется определенными отношениями между людьми, отношениями, отнюдь не зависящими от их воли и обуславливающимися состоянием производительных сил». Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 32.

затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство»¹¹.

Таким образом, каждый шаг в развитии материального производства общества открывал в земле все новые и новые источники средств производства и труда, которые постепенно использовались людьми в качестве материально-производственной базы для новых отраслей производства. Причем каждая из возникших отраслей имела присущие ей средства труда или основные средства производства. Например, кочевое скотоводство, которое базировалось на дикотравном пастбище и характеризовалось разведением домашних животных и уходом за ними, резко отличается средствами труда от пашенного земледелия, при котором обрабатывают и используют производительную силу плодородия почвы. Это значит, что они отличаются друг от друга прежде всего орудиями, объектами и результатами труда. Такая разница между кочевым скотоводством и пашенным земледелием, вытекающая из различия их орудий и предметов труда, свидетельствует о технологическом различии между ними. Технология производства показывает «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»¹². По нашему мнению, К. Маркс под духовными представлениями понимает осмысливание самого процесса производства, технологии данной отрасли производства, обусловленной наличной техникой. Вместе с тем это не исключает того, что духовная культура каждого народа есть отражение его материальной культуры. В любом процессе производства в действии находятся его два элемента — природа и человек. В свою очередь человек как субъект и решающий элемент производительных сил общества в каждом процессе производства раскрывает и развивает свои физические и духовные способности.

Главное технологическое отличие кочевого скотоводства от пашенного земледелия состоит в том, что в первом труд прилагается к животным (имеется в виду разведение и уход за ними), а дикотравное пастбище с водными источниками или снежным покровом, на котором пасется скот, выступает в качестве соучаствовавших природных условий производства или элементов предметов труда, а не орудием труда. Труд скотовода в основном направлен на преобразование и переработку животных с целью использования их в качестве орудий своего труда в производстве нужных ему продуктов. В процессе развития труда скотоводы открывали то одно, то

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 493.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 383 (89 сноски).

другое полезное свойство у выращиваемых животных, тем самым увеличивали источники средств существования¹³.

Известно, что при развитии сельском хозяйстве быки и лошади использовались на различных сельскохозяйственных работах, а также для перевозки грузов и верховой езды. Стадо рогатого скота давало молоко, мясо, кожу, навоз для удобрения и топлива. Овцеводство имело различные направления в зависимости от природных и экономических условий. В основном оно поставляло в различных вариациях шерсть, кожу, мясо, сало и отчасти молоко¹⁴. История развития общества показывает, что только в результате повышения культуры ведения хозяйства у оседлых земледельцев и роста производительности их труда стало возможным содержание большого поголовья скота на ограниченной площади земли и повышение его продуктивности. Это было достигнуто путем создания искусственной кормовой базы и улучшения породы животных. Человек своим трудом изменял природу: естественные дикотравные пастбища были заменены искусственными выгонами, посевами, худшие породы животных лучшими, стали заготавливать сено, силос, зерновые корма, корнеплоды — все в целом привело к повышению продуктивности скотоводства¹⁵.

¹³ «Овцы разводятся в настоящее время у цивилизованных наций главным образом ради шерсти, потому что этот продукт в различной обработке получил громадное и разностороннее значение для нашей жизни. Но спрашивается, мог ли такое значение снятых с животного волос предвидеть тот темный древнейший человек, который впервые стал делать попытки одомашнить овцу? Древнейший полудикий наш предок мог стараться держать при себе овцу ради мяса, ради шкуры, но не ради шерсти в собственном смысле слова. Обычай снятия шерсти с живого животного мог укорениться только тогда, когда для человека сделалось выгодным оставлять животное живым после снятия с него шерсти». Проф. Н. О. К а щ е н к о. Развитие человеческого хозяйства над организованной природой. Научные очерки Томского края. Сб. публичных лекций. Томск, 1898, стр. 107.

¹⁴ «Современные направления в овцеводстве (шерстно-мясное, мясо-сальное, смушковое и молочное) свидетельствуют о том, каких результатов может добиться человек, приспособляя породу к своим экономическим требованиям». С. Н. Б о г о л ю б с к и й. О путях к овладению эволюцией домашних животных. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М. — Л., 1940, стр. 16.

¹⁵ «Увеличение количества скота и улучшение земли должны идти рука об руку, одно никогда не могло сильно обгонять другое. Без некоторого увеличения количества скота вряд ли возможно сколько-нибудь заметное улучшение земли, но не может быть и сколько-нибудь значительного увеличения количества скота без предварительного улучшения земли, ибо в противном случае земля не могла бы прокормить его. Эти естественные препятствия для введения лучшей системы могут быть устранены лишь в результате продолжительного труда и бережливости». А д а м С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М. — Л., 1935, стр. 197.

Некоторые продукты животноводства и отдельные полезные свойства животных при господстве кочевого вида хозяйства были неизвестны или результат от их использования был ничтожным по сравнению с эксплуатируемой площадью и наличным поголовьем скота¹⁶. Животные в условиях кочевого скотоводства менее продуктивны, чем в условиях оседлого земледелия. Овца и верблюд у кочевников в степи и пустыне — основные и универсально полезные животные. Например, верблюд служил вычным животным при перекочевках, использовался для верховой езды, был основной тягловой силой для караванной торговли, кроме того, он давал молоко, мясо, шерсть и кожу. Многие из этих полезных свойств домашних животных были открыты людьми в результате длительного процесса труда и накопления опыта рядом поколений людей в течение веков. До недавнего прошлого одни и тех же животных в различных частях света одни народы использовали исключительно как рабочий скот, другие — как мясной скот и третьи — только как молочный.

Тем не менее кочевое общество, стоявшее на более высоком уровне развития, могло получать, хотя и в незначительном количестве, различные продукты от одного и того же вида скота, но оно было не в состоянии разводить наиболее ценные породы животных, так как содержание их возможно только в условиях оседлого земледелия. Переход от первоначально оседлой и полuosедлой — пастушеской жизни людей к полному кочевому скотоводству был связан и с изменением состава стада. Прежде всего из него выпала свинья как животное, неспособное к значительным передвижениям. По этой же причине постепенно выбыл и крупный рогатый скот. В стаде кочевников остались овцы, козы, верблюды и лошади¹⁷. Эти виды животных оказались более приспособленными к кочевому образу жизни в суровых условиях пустынь, полупустынь и сухостепных территорий. Стада и табуны у кочевников круглый год находились в постоянном

¹⁶ «Многие из этих выгод, вроде, например, удобрения полей скотским навозом, малокультурным народам совершенно неизвестны. Другие они извлекают в неизмеримо меньшей степени, чем мы. Мы имеем теперь дело уже с культурными породами домашних животных, благожелательными многовековыми или даже многотысячелетним подбором и уходом, и только вследствие этого нам одно животное может дать иногда больше благ, чем наш предок извлекал из целого стада». А. Н. Максимов. Скотоводство малокультурных народов. Ученые записки Института истории Росс. Асс. научно-исследовательских институтов общественных наук, т. II, М., 1927, стр. 10.

¹⁷ «Основные домашние животные комадов — овца, коза, верблюд, лошадь; как раз у самых типичных комадов — у кочевников Средней Азии — быки играют лишь подчиненную роль». А. Неусыхин. Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев. Ученые записки Института истории, т. II, М., 1927, стр. 47.

и Энгельс в Марксизме

передвижении, в поисках подножного корма. Основным средством производства у них были стада и табуны.

Под основным средством производства марксизм-ленинизм понимает средство труда, точнее, орудия труда, а не элементы предмета труда или сырья. Естественное пастбище для кочевого скотоводства является не более чем одним из элементов предмета труда, т. е. сырого материала, без которого оно не может существовать, как промышленное предприятие не может работать без сырья.

Совершенно в ином качестве выступает земля в условиях оседлого земледельческого хозяйства. В одном случае, она предмет труда или сырой материал вместе с засеваемыми семенами, в другом — средство труда земледельца. О первой роли земли Маркс писал: «Земля является предметом труда для земледельца, залежи угля — для углепромышленника, вода — для рыбака, и даже лес — для охотника»¹⁸. В это понятие он включал и семена: «В земледелии, например, и т. д. одна часть какого-либо продукта (например, пшеницы) образует жизненные средства, тогда как другая его часть (опять-таки пшеницы) в своем натуральном виде (как семена, например) вновь вступает в процесс воспроизводства в виде сырья»¹⁹. К. Маркс в данном случае подчеркивал только одну сторону функционирования плодородной почвы как части предмета труда, имея в виду возделывание впервые девственной почвы и затрату труда земледельцем во время пахоты и посева. Известно, что вспашкой почвы и посевом семян процесс производства не кончается и не в этом конечная цель производственной деятельности человека. С завершением посева, например, зерновых культур, процесс труда, как правило, временно прерывается, если не требуется периодического орошения там, где оно применяется. Процесс производства продолжается в виде вегетационного периода растений, когда обработанная земля функционирует как один из основных элементов комплекса средств труда земледельца. «Здесь, в земледелии, с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы [Arbeitskraft] человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы»²⁰, т. е. земледelec использует в качестве орудия своего труда автоматически действующую силу биохимических свойств почвы для выращивания растений и получения урожая.

Это полностью соответствует научному определению, что «средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые че-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 12.
¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 297—298.
²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 20.

ловек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»²¹. На данном бесспорном факте основывается тезис, что земля — основное средство производства земледельца в широком смысле этого слова²².

Если земля в условиях земледелия играла, как указано, двойную роль, то примерно такое же значение имел скот в условиях кочевого скотоводства. С точки зрения затраты труда на пастьбу и водопой пасущиеся стада и табуны можно рассматривать как один из элементов предмета труда; в данном случае элементом предмета труда кочевника-пастуха является и естественное пастбище. Но этим функционирование стада и табуна в процессе производства кочевника не исчерпывается. Одновременно все производственное или продуктивное поголовье скота, включая верховых лошадей и вьючных верблюдов, было для кочевника основным средством труда, которое он ставил между собой и естественным пастбищем. Только скот служил проводником воздействия человека на природу, на естественное пастбище. Пастух при пастьбе своих стад и табунов ставит перед собою цель, чтобы пастбищная трава была превращена в результате поедания и переработки ее животными в молоко, шерсть, мясо, кожу, навоз и т. д. По словам Ф. Энгельса, солнечная энергия фиксируется в животном организме постольку, поскольку обычно быстро увядающие, отмирающие и разлагающиеся растения «планомерно превращаются в животный белок, жир, кожу, кости и пр.... Человеку удается соединить естественные функции потребляющего энергию животного и накапливающего энергию растения»²³.

Как видно, кочевой скотовод пользовался биолого-физиологическими свойствами организма скота для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить его действовать в качестве орудия своей производственной деятельности²⁴. По

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190.

²² «Для земледельца земля — почва служит в известном смысле и орудием, и материалом производства; ее можно уподобить орудию потому, что ее качествами определяется в некоторой мере производительность труда, а так как вместе с тем частицы почвы входят непосредственно в культивируемые растения, то она доставляет, таким образом, и материал для производства». Проф. А. И. Скворцов. Основы экономики земледелия. Л., 1925, стр. 19—20.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 110—111.

²⁴ «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их

этому вопросу В. И. Ленин писал: «Чтобы покорить их [предметы природы. — С. Т.], человек вставляет между ними другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы и изобретает для этой цели орудия»²⁵. Таким же орудием и вместе с тем объектом труда у кочевого скотовода был живой скот: табуны лошадей, стада верблюдов, овец и коз²⁶.

От кочевого скотоводства земледелие отличается прежде всего тем, что означает буквально «делание земли», т. е. изменение почвы, приспособление ее к условиям земледельческого производства. Земледелец механически воздействует на почву с целью создания благоприятных условий, необходимых для жизни растений. Он пашет, сеет, удобряет, орошает поля для получения урожая²⁷. Здесь земля непосредственно присваивается, воспроизводятся все ее ценные и необходимые для земледельческого хозяйства качества, чего не происходит при кочевом хозяйстве. В этом проявляются характерные особенности земледелия как отличной от кочевого скотоводства сферы материального производства, основным средством которого является земля — почва. Культурную почву, ее высокое плодородие постепенно создавал человек-земледелец в процессе общественного производства, постепенно постигая тайны природы и используя их для себя. Чтобы управлять процессами, совершающимися в таинственных лабораториях природы, земледельцу необходимо было иметь множество сложных знаний. Они были нужны не только для ведения земледелия, но и для возникновения промышленности.

Земледелие с первых своих шагов было связано с оседлостью, строительством постоянных жилищ, с ремеслом как самостоятельной отраслью производства, которая прежде

природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель». *Гегель* (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190, 2 сноски).

²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 286.

²⁶ «В силу физиологических своих особенностей верблюд является наиболее ценным в пустынных, полупустынных и сухостепных районах как животное, более других приспособленное к тяжелым природным условиям. Он наиболее совершенная машина по переработке грубой и скудной растительности этих районов в полезную и ценную для человека продукцию». П. В. Иванов. Верблюд и его изучение. Кзыл-Орда, 1926, стр. 9—10.

²⁷ «Применение в широких размерах искусственного орошения означало большую победу человека над природой в области земледелия». М. В. Слободкин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. 1, М., 1952, стр. 64.

всего изготавливала земледельческие орудия, а также различные строительные материалы, дававшие возможность людям сооружать здания и дворцы. Одним из крупных культурных достижений мирового значения было изобретение жженого кирпича примерно VI тысяч лет назад в Вавилонии. «Обожжение первого кирпича должно рассматриваться как событие, имевшее наиболее плодотворные последствия из всех событий, совершавшихся на земле, ... дело в том, что с появлением кирпичей возникли и города»²⁸. Следовательно, возникновение населенных пунктов, городов и развитие ремесла возможно только в условиях оседлого земледельческого, а не кочевого скотоводческого хозяйства²⁹.

В процессе обработки земли люди научились использовать не только плодородие почвы, но и другие богатства недр земли. Природные богатства тысячелетиями оставались под спудом на обширных пастбищах, потому что кочевое скотоводство имело совершенно другую технологию производства, чем оседлое земледелие. Она не способствовала приобретению кочевниками каких-либо сведений о полезных свойствах вещей, скрытых в почве и под почвой.

Оседлость, земледелие и ремесло были теми основными условиями, благодаря которым люди научились не только использовать полезные свойства верхнего слоя земли, но и извлекать из ее недр богатства, в том числе руду, из которой стали плавить металлы и изготавливать орудия производства.

Только в результате дальнейшего развития земледелия от него смогло отделиться ремесло. Оно было прямым предком современной промышленности, которую с ее многочисленными отраслями мы вправе считать детищем земледелия; в свою очередь, промышленность оказывала обратное благотворное воздействие на развитие земледелия³⁰.

Следовательно, только на базе роста и развития земледелия произошел процесс общественного разделения труда; каждый раз он знаменовал собой появление новой производительной силы общества. Со временем от земледелия отделялось все больше и больше отраслей промышленности. Об-

²⁸ Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 499.

²⁹ «Развитие ремесла, рост городов, образование Киевского государства относятся к IX в. Само собой понятно, что эти процессы были основаны на экономическом подъеме страны, основанном в свою очередь на развитии и усовершенствовании земледелия». В. И. Д о в ж е н о к. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. См. «Материалы по истории земледелия СССР», стр. 154.

³⁰ «И если плодородие земли породило обрабатывающую промышленность, то развитие этой промышленности, в свою очередь, отражается на земле и еще повышает ее плодородие». Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М., 1935, стр. 345.

щественное «разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта отрываются от земледелия и становятся самостоятельными»³¹. Все более ширилась разработка минеральных ресурсов, таившихся веками в недрах земли; дальнейшее развитие получила промышленность, производящая средства производства для всех отраслей хозяйства. Это произошло только тогда, когда общество в своем развитии далеко ушло от рутинного кочевого скотоводческого хозяйства.

Кочевое скотоводческое хозяйство постоянно ограничивало возможности людей в раскрытии неизвестных полезных сил природы для использования их в производстве. «В промышленности это использование сил природы в крупном масштабе появляется только с развитием крупной промышленности. Базисом для развития капитала является определенная степень развития земледелия, будь то в собственной стране или в чужих странах»³².

В земледелии особенно большую роль играют средства труда, неразрывно связанные с землей. Это такие средства труда, которые, по выражению К. Маркса, «прикреплены к данному месту, пустили свои корни в землю», вследствие чего они играют особую роль в экономической жизни нации³³. К таким средствам труда относятся: улучшения почвы, производственные здания, гидротехнические сооружения, дорожно-мостовые устройства, древесные и кустарниковые насаждения. «Совокупность таких средств труда является условием использования земли: чем больше в предприятии средств производства, неразрывно связанных с землей, тем выше уровень культуры земледелия, тем выше интенсивность производства»³⁴. Подобных средств производства у кочевников, которые могли бы позволить поставить рядом по уровню развития производительных сил кочевое общество и оседлое земледельческое, история не знает.

Известно, что производственное значение того или другого предмета природы определяется характером объективно существующего производства, которое может быть кочевым скотоводством, оседлым земледелием, городской промышленностью. Поэтому при чисто кочевом скотоводстве, когда кочевание происходило круглый год, основным орудием и одним из элементов предмета труда выступал живой скот.

³¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 222.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 20.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 182.

³⁴ П. Н. Першин. Перспективы развития колхозного производства юга Украинской ССР. Киев, 1952, стр. 14.

Между тем И. Я. Златкин пишет: «Бесспорно, что рабочий скот является средством производства. Но является ли средством производства продуктивное стадо, то есть коровы, овцы и т. д. С. Е. Толыбеков считает, что «рабочий скот и мелкий инвентарь вместе с пасущимся на естественном пастбище основным производительным поголовьем скота тоже является элементами средств производства». Но что в таком случае относится к продуктам труда, в чем цель производства? С. Е. Толыбеков на этот вопрос не отвечает. Представление о том, что скот у кочевников является одновременно основным средством производства и целью производства, неминуемо ведет к наделению скота некими особыми сверхъестественными «социальными» качествами»³⁵. Читая подобные рассуждения, приходится удивляться, почему И. Я. Златкин не учитывает одного из главных теоретических положений К. Маркса о том, что является ли полезная вещь природы, находящаяся в процессе производства сырым материалом, средством труда или продуктом, «это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменной этого места изменяются и ее определения»³⁶.

И. Я. Златкин не хочет согласиться с тем фактом, что один и тот же предмет природы в одном и том же процессе труда может служить и средством труда, и сырым материалом. Например, корова при откармливании на убой является обрабатываемым сырым материалом и одновременно средством труда для производства молока, пока доится³⁷. Тем более стадо и табуны, дающие приплод, молоко, шерсть и навоз на топливо, безусловно, есть средства труда скотоводокочевника. И. Я. Златкин, видимо, не считает, что все продукты труда, вступающие в новый процесс труда, утрачивают характер продуктов и функционируют как материальные факторы живого труда, следовательно, они становятся средствами производства. Вместе с тем различные элементы производства в каждом процессе производства выполняют различные функции независимо от того, являются ли продуктом прошлого труда или нет. Классифицируя данные функции, Маркс делит их на средство труда (орудие) и предмет труда (сырье), вещественным содержанием которых, как

---

³⁵ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 76.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 193—194.

³⁷ «Скот в качестве рабочего скота есть основной капитал (т. е. орудие труда. — С. Т.); скот, откармливаемый на убой, представляет собой сырой материал». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 181.

правило, определяется материальное содержание продукта труда, а целью любого процесса производства всегда было и остается получение полезного для людей продукта. Нет никаких оснований сомневаться в том, что кочевник трудился для того, чтобы иметь скот и его продукты, следовательно, и целью производства были скот и его продукты. Причем скот был целью производства не потому, что он скот, а потому, что он основное средство и основной продукт кочевого скотоводства. И. Я. Златкин напрасно приписал нам какой-то «скотский мистицизм».

В кочевом скотоводстве человек потреблял продукты прежнего труда для производства новых продуктов, как и во всех способах производства. Это известная истина. Об этом К. Маркс писал: «Продукты сельского хозяйства... входят как средства своего собственного производства в тот процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место также и у машин. Машина производит машину. Уголь помогает поднимать уголь из шахты, уголь перевозит уголь, и т. д.»³⁸.

Кочевник-скотовод тратил труд на производство и воспроизводство своих стад и табунов. Под контролем и посредством труда человека скот производил скот. И. Я. Златкин с этим не согласен.

Интересно, из чего он исходит. Разве кочевой скотовод, затративший свой труд и использовавший свой опыт и знания на разведение животных, не ставил перед собой цели увеличить количество и повысить качество своих стад? Разве он не удовлетворял и не стремился еще полнее удовлетворить свою потребность в продуктах этого производства? Безусловно, да. Всякий труд в сфере материального производства есть целесообразная деятельность человека, борьба человека с природой, направленная на создание материальных благ. Следовательно, скот для кочевого скотовода служил одновременно основным средством производства и целью производства.

Как можно отрицать, что имеющиеся у кочевников стада и табуны были не только продуктом процесса прошлого труда, но и условием для продолжения дальнейшего процесса производства. Воспроизводство стад и табунов означало воспроизводство средств производства и средств существования членов кочевого общества. Поэтому нельзя называть ничем иным как казуистическим такое высказывание: «В условиях кочевого общества скот, несомненно, является важнейшим источником существования, но это еще не означает, что скот является основным средством производства, единст-

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 60.

венным средством существования»³⁹. Скот именно был единственным средством существования в кочевом обществе. Кочевники, затрачивая труд на содержание стад и табунов, имели целью сохранить их как средства производства и предметы индивидуального потребления⁴⁰. Поэтому производственное поголовье скота у них было одновременно основным средством производства и одним из элементов предмета труда наряду с пастбищем.

И. Я. Златкин явно отождествляет производственное поголовье скота с его продуктами. Он не видит разницы между дойной коровой и надоем от нее молоком, между тонкорунной овцой и настриженной шерстью, между целым состоянием кочевых скотоводов — пасущимся стадом овец — и кожей забитых по мере надобности на мясо валухов. Он, очевидно, не допускает мысли, что стадо овец и табун лошадей остаются средствами производства у кочевых скотоводов до тех пор, пока они остаются в процессе производства, т. е. пасутся. Пастьба и поение скота человеком есть процесс производственного потребления кочевым скотоводом пастбищной травы, воды и скота, где скот — основное средство производства наряду с мелким инвентарем, а потребление продуктов скота как продуктов питания, одежды и домашнего обихода — индивидуальное потребление. «Производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя»⁴¹. Значит, в результате индивидуального потребления кочевые скотоводы воспроизводились как субъективные факторы производства, а в результате производственного потребления воспроизводились их табуны и стада как объективные факторы производства. Только при помощи этих табунов и стад вместе с мелким инвентарем они могли производитственно использовать естественное пастбище. «В таком случае че-

³⁹ А. Б. Гурсунбаев. (Выступление). Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 100.

⁴⁰ «Стадо же овец или рогатого скота, которое в стране, пригодной для их содержания, покупается не для работы и не для продажи, а с целью получить прибыль от их шерсти, молока или приплода, есть основной капитал (т. е. средство труда. — С. Т.), так как прибыль получается путем сохранения скота. Напротив, содержание скота есть оборотный капитал». Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М. — Л., 1935, стр. 232—233.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 195.

ловеку приходится пользоваться дикой растительностью при посредстве животных, как бы охотиться за растениями с помощью животных, которые и перерабатывают последние в нужные человеку продукты, т. е. человек переходит к пастбищному животноводству»⁴².

Живое орудие производства — скот тоже имеет свой срок службы, как и любое орудие производства. Износ механического орудия труда можно сравнить со старением скота, его порчу — с болезнью и смертью животных. Каждый кочевник хорошо знал продолжительность жизни различных видов скота. Средняя продолжительность жизни овцы и козы равна 6—7 годам, лошади — 18—19, верблюда — 20—25, после чего животные утрачивают свое производственное значение, выходят из производственного процесса и поступают в индивидуальное потребление в виде мяса, сала и кожи.

Каждый кочевый скотовод стремится обеспечить расширенное воспроизводство своих стад и табунов. Он стремится пополнить с превышением отхода стада и табуны за счет нового приплода, постоянно обновляя их здоровым и пригодным для производства поголовьем. Поэтому казахские скотоводы, как и другие кочевники, никогда не забивали на мясо здоровое маточное поголовье и производителей. Обычно летом на мясо шли слабые и хромые из числа годовалых баранов (бойдак, серкешік), чаще всего дефективные экземпляры молодняка текущего года (козы, лак), а осенью — старые, неспособные к плодonoшению или к перенесению зимних холодов, животные. Отсюда казахская поговорка: «Қараша қауыс, кері құртанды тауыс» («Надо забивать к ноябрю весь старый и бракованный скот»).

Один из дореволюционных авторов писал, что казахи колят из годовалых и двухгодовалых овец на мясо тех, которые не смогут перенести суровую зиму. В основном закалывают старых баранов⁴³. Такой рациональный метод использования неполноценной части стада был распространен в конце XIX и начале XX в. даже среди полукочевых скотоводов. Абай Кунанбаев писал:

«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где же бедняк себе еды и топлива найдет?»⁴⁴

⁴² Н. К а ж а н о в. Сельское хозяйство Туркестана. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924, стр. 2.

⁴³ Л. Ф. К о с т е н к о. Туркестанский край. Материалы для географии и статистики России, т. III, СПб., 1880, стр. 92.

⁴⁴ А б а й К у н а н б а е в. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 92.

Точно так же «тунгус только в случае крайности решится заколоть здорового домашнего оленя для еды»⁴⁵. «Когда арабы, застигнутые голодом в пустыне, бывают вынуждены зарезать и съесть верблюда, то они никак не распорядятся таким образом с самым лучшим и с самым крепким верблюдом»⁴⁶. Баккарские кочевники Судана, как все кочевники, «заботятся об увеличении своих немногочисленных стад и скот режут по праздникам и в торжественных случаях в первую очередь старых и покалеченных животных»⁴⁷. И так, как глубоко не прав И. Я. Златкин, когда ставит знак равенства между целым стадом, находящимся в процессе производства, и его особями, идущими в индивидуальное потребление. Производственное поголовье скота может превратиться из средства производства в средство потребления только тогда, когда его для этого предназначают.

Кочевые скотоводы-казахи вплоть до недавнего прошлого заготавливали мясо на зиму, забивая часть стада в начале ноября, пока скот был упитанный; такой акт казахи называли «соғұм сою». Точно так же в средневековье европейские крестьяне, которые вели экстенсивное хозяйство и не знали, что «зимой скот можно кормить корнеплодами, вроде репы и брюквы; поэтому большая часть скотины, предназначавшейся в пищу, кололась еще на подножном корму и засаливалась на зиму»⁴⁸.

Беспочвенность рассуждений И. Я. Златкина в том, что слова «продуктивное стадо» он толкует как «продукт» потребления вроде соленого мяса в бочке, молока в кувшине, зерна в амбаре, картофеля в погребе, тогда как стада овец и табуны лошадей прежде всего были средствами производства и воспроизводства самих животных и их продуктом. Ясно, что зерно и картофель, хранящиеся в амбаре и погребе, не находятся в процессе производства, а потому в таком виде они не являются никакими элементами средств производства. Зерно и картофель могут функционировать как часть предмета труда, если будут посеяны или подвергнуты промышленной переработке. И. Я. Златкин, отождествив стада и табуны кочевников с хранящимися в амбаре зерном и в погребе картофелем, говорит: «Но ведь пшеница, картофель, виноград и любой другой продукт земледельческого труда также может быть превращен и превращается в сред-

⁴⁵ А. Н. Максимов. Скотоводство малокультурных народов. Ученые записки Института истории, т. II, М., 1927, стр. 6.

⁴⁶ Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 316.

⁴⁷ «Народы Африки». М., 1954, стр. 236.

⁴⁸ Дж. Ф. Хоррабин. Очерк историко-экономической географии мира. М., 1931, стр. 36—37.

ства труда, будучи направлен как сырье в промышленность или оставлен на семена»⁴⁹. И. Я. Златкин и его сторонники не видят различия между средством труда и предметом труда, а следовательно, не понимают различия между орудием труда и сырьем. Поэтому перерабатываемые продукты земледелия они называют «средствами труда», тогда как это лишь предметы труда, сырье.

Основным признаком кочевого скотоводства является его экстенсивность, которая выражается в круглогодичном содержании скота на дикотравном естественном пастбище, тогда как скот в условиях оседлого земледельческого хозяйства обеспечивается в основном культурной, искусственно созданной кормовой базой. В результате развития земледелия и выращивания искусственных культур кормовых растений возникает высокопродуктивное животноводство. В таких условиях животноводства обрабатываемая земля-почва приобретает для животноводства почти такое же значение, какое она имеет для растениеводства. Если уровень культуры земледелия определяется способом обработки земли, характером выращиваемых растений и типом применяемых орудий труда, то уровень культуры животноводства — способом добывания кормов и кормления скота, продуктивностью разводимых пород. Высококультурное животноводство предполагает устойчивую и высококачественную кормовую базу, систематическую и целесообразную племенную работу, правильное выращивание молодняка, умелое доение и стрижку, что, в свою очередь, является непременным условием повышения продуктивности животноводства.

Повышение продуктивности скота, если это касается коровы, означает, что она должна давать больше молока и лучшего качества, здоровый приплод; если это касается овцы, то от нее следует больше получать лучшего качества шерсти и хороший приплод. Рост продуктивности земледелия также означает выход большего количества продуктов с единицы земельной площади. Развитие животноводства при всех условиях есть расширенное воспроизводство стад и табунов при постоянном их качественном улучшении. Оно аналогично расширению посевных площадей одновременно с улучшением способов их обработки. Качественное улучшение стад и табунов в кочевом скотоводстве происходило крайне медленно, в течение нескольких сотен лет. Иное наблюдается при интенсивном животноводстве, существующем как одна из отраслей оседлого земледелия.

---

⁴⁹ См. стенограмму доклада И. Я. Златкина «О феодальной земельной собственности у кочевых народов», прочитанного 22 декабря 1952 г. в Институте востоковедения АН СССР.

К образцам воспроизводимых кочевниками животных можно отнести породы доживших до наших дней низкорослых, но выносливых монгольских и казахских лошадей, грубошерстных курдючных овец, вьючных двугорбых и в небольшом количестве одnogорбых верблюдов и их гибридов. В целом кочевое скотоводство не располагало возможностями для резкого качественного улучшения своих стад и табунов и выведения новых лучших пород скота, которые обеспечили бы рост продуктивности животноводства. Например, двугорбые и одnogорбые верблюды были одним из основных видов животных в стадах кочевников Аравии и Средней Азии с древнейших времен, где служили средством передвижения и давали универсальную продукцию скотоводам. Несмотря на тысячелетнюю историю их разведения, верблюды в породном отношении у подавляющей массы кочевников оставались теми же, какими были две-три тысячи лет тому назад. Незначительные улучшения стада кочевников не идут ни в какое сравнение с достижениями в области породообразования в условиях оседлого земледелия⁵⁰.

Одна из особенностей производства в кочевом обществе заключалась в том, что стада овец и верблюдов и табуны лошадей постоянно находились в процессе производства как его основные средства производства и источники продуктов личного потребления. Об этом говорит вся история кочевников с древнейших времен.

Во втором веке нашей эры о предках тюркско-монгольских народов — хуннах писали, что они, «обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия... Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием»⁵¹. В первом веке до нашей эры о кочевниках

⁵⁰ «Высокопородные лошади, которые существовали в древней Фергане (Давань) во II в. до н. э., о которых писали китайцы, знаменитая арабская лошадь в Аравии и ахал-текинская лошадь в Туркмении были выведены не в условиях кочевых хозяйств в пустыне, а в условиях оседлого оазисного земледельческого хозяйства. Этим фактом объясняется, что «тюркмены кормят своих лошадей сухим фуражом, хлебом, поят иногда молоком и держат постоянно покрытыми толстыми и теплыми покрывалами... Казахская лошадь и летом и зимой ищет пищу на пастбищах, почти никогда не отведывая сухого фуража». Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 188—189.

⁵¹ Н. Я. Вичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М. — Л., 1950, стр. 39—40.

ухуанцах-татарах сообщается, что они «искусны в конной стрельбе из лука; занимаются ловлею зверей и птиц. Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде; постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс; одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляет друг друга в услужение»⁵². Последнее говорит о том, что в этом обществе еще не оформились классовые производственные отношения.

В V веке нашей эры кочевники хойху — предки уйгуров описаны следующим образом: «... они переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Одеваются кожами, питаются мясом. Рогатый и прочий домашний скот одинаково с жужжаньским; только телеги у них на высоких колесах со множеством спиц»⁵³. Наличие в стадах крупного рогатого скота и употребление телеги говорят о сравнительно небольшом радиусе кочевания и первобытном характере скотоводства.

В VII веке нашей эры племя гулигань «кочевало по северную сторону Байкала... Страна производила превосходных лошадей, которые с головы походили на верблюдов, сильны, рослы; в день могли пробегать по несколько сот ли (0,5 км)»⁵⁴. Об усунях, обитавших в районе Семиречья во II веке до нашей эры, сообщается, что «усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновенных сходствуют с хуннами. В их владении много лошадей, и богатые содержат от 4000 до 5000 голов»⁵⁵.

Об экономической жизни усуней говорится в песне китайской царевны Си-гюнь, выданной за уйсуньского гуньмо в 107 г. до нашей эры. В песне сказано:

Выдали меня родственники
В дальнюю страну;
Отдали в чужое царство
За усуньского царя.
Живет в круглой хижине,
Обтянутой войлоками;
Питается мясом,
Пьет молоко⁵⁶.

⁵² Там же, стр. 142—143.

⁵³ Там же, стр. 216.

⁵⁴ Там же, стр. 348.

⁵⁵ Там же, ч. II, стр. 190.

⁵⁶ Там же, стр. 192.

Для усуней, как и для других кочевников, основным средством производства и источником существования были стада и табуны.

О жизни кочевников среднеазиатских степей в X в. сообщается в книге Худуд Ал-Алем («Граница мира»): «Зимую и летом кочуют в поисках пастбищ; их доход от коневодства, разведения рогатого скота, овцеводства и немного от охоты»⁵⁷. Китайский ученый Чан Чунь, живший в конце XII и начале XIII в., в своей книге «Си ю цзи или описание путешествия на запад» о кочевых монголах пишет: «Обычные занятия их (жителей.— В. Ф.) суть скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком... народ этот не знает письменности; договариваются только на словах и заключают контракты нарезанием меток на дереве»⁵⁸.

От этих кочевников по характеру производственной деятельности и образу жизни мало чем отличались жители Сыр-Дарьинской области Туркестанского края еще в конце XIX в. «Для кочевника-казаха гурты скота составляют и предмет первой необходимости, и богатство, вместе с их гибелью гибнет и он, или же делается нищим. Скот дает ему все необходимое; молоком и мясом он питается, употребляя самое ограниченное количество хлеба в виде проса и муки; кожа и шерсть идут на приготовление одежды и жилища (юрты)»⁵⁹.

Заметим, что скот не перестает играть роль одного из важных средств производства и в условиях оседлого земледельческого хозяйства. В конечном счете объем продуктов животноводства в каждой стране при прочих равных условиях определяется количеством и качеством продуктивных стад⁶⁰.

Знаменитый классик буржуазной политической экономики Вильям Петти дал описание стада коров в условиях оседлого земледелия как определенной производственной единицы вроде цеха или агрегата, где основным средством производства выступают сами дойные коровы вместе с производителем быком. Он писал: «Достаточно иметь одного

⁵⁷ Автор книги неизвестен, она написана в конце X в. Рукопись издана Академией наук СССР в 1930 г. с введением акад. В. В. Бартольда (стр. 36).

⁵⁸ См.: В. Н. Федчина. Китайский путешественник XIII в. — Чан Чунь. «Из истории науки и техники Китая». М., 1955, стр. 177.

⁵⁹ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 149.

⁶⁰ «Количество шерсти или сырых кож, например, какое может произвести данная страна, неизбежно ограничено количеством крупного и мелкого скота, имеющегося у нее. А это количество, в свою очередь, неизбежно определяется ее общим состоянием и характером ее сельского хозяйства». Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М., 1935, стр. 203.

быка на 20 коров. Корова дает молоко и приносит телят, начиная с 3- или 4-летнего возраста и до 12 лет, иногда до 20, хотя редко допускают, чтобы она жила так долго. Три молочницы обслуживают 20 коров; кроме того, в свободные минуты они делают еще много работы иного рода; а чтобы следить за коровами и заботиться о пище для них, достаточно одного мужчины»⁶¹.

В. И. Ленин дойную корову назвал «машиной, дающей молоко»⁶². Это ленинское определение имеет глубокий смысл. В нем подчеркивается, что дойная корова даже в таком интенсивном хозяйстве выступала как основное средство для производства молока, а не как продукт для индивидуального потребления, как полагают некоторые авторы.

О глубокой жизненной правде ленинских слов говорит повседневная практика мастеров социалистического животноводства. Например, зоотехник А. И. Козлов говорит: «Мы считаем, что кормить стельную корову надо более обильно. Стельная корова — это станок, который готовится к работе. Что значит работать на неподготовленном станке? Это значит иметь неполадки, простои и т. д. На стельную корову мы смотрим, как на станок, который необходимо отремонтировать, необходимо подготовить как к раздою, так и к получению хорошего и здорового приплода»⁶³.

Сравнительное изучение процесса труда и технологии производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия показывает, что производственное или продуктивное стадо для кочевого скотовода было тем же, что и обрабатываемая почва для земледельца. Кормление и выращивание скота кочевником имело для него такое же значение, как обработка, удобрение и орошение почвы для земледельца. Это характерно не только для кочевого скотоводства, но в известной мере и для высокоинтенсивного молочного хозяйства. Дойная корова дает больше молока в том случае, если получает корм, содержащий все необходимые для ее организма минеральные вещества, которые применяются также земледельцами для удобрения почвы. Зоотехник К. И. Смирнова говорит: «Чтобы корова правильно развивалась и давала больше продукции нашему социалистическому хозяйству, мы ее не просто кормим чем и как попало, а изучаем по специальным таблицам минеральный состав всех видов кормов, которые получает корова. Нередко получается так, что, скажем, в рационе не хватает кальция, фосфора или калия.

⁶¹ Вильям Петти. Экономические и статистические работы. М., 1940, стр. 116.

⁶² В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 227.

⁶³ См.: «Стенографический отчет совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства». М., 1936, стр. 168.

Тогда бригадир опытного двора добавляет по моим указаниям минеральную подкормку. Я тщательно слежу за тем, чтобы путем таких добавок в рационе было правильное соотношение минеральных солей. Таким образом, корова получает все, что требует ее организм... Каких успехов добились мы в результате первой лактации? За 300 дней одна корова дала 6366 литров молока, в то время как ее мать, выращенная за границей, дала за первую лактацию только 2750 литров, то есть в два с половиной раза меньше»⁶⁴.

Точно также в колхозе «Новая жизнь» Холмогорского района Архангельской области в результате улучшения кормления, содержания скота, организации труда и производственных процессов на молочной ферме только за один 1948 г. средний удой молока на корову возрос на 1155 кг и достиг 3385 кг⁶⁵. Таких примеров немало.

Глубоко понимавший специфику животноводства как отрасли сельского хозяйства и животных как средства труда, академик В. Р. Вильямс правильно определял продуктивное поголовье скота как живые машины, необходимые для рациональной организации социалистического земледелия. «Живыми машинами, которые способны переделать солому, мякнну в другую форму органического вещества, служат животные. Поэтому, если мы хотим повышать производительность сельскохозяйственного труда, мы должны сделать животноводство совершенно неразрывным элементом нашего сельскохозяйственного производства. Животноводство — второй цех сельскохозяйственного производства. Животные как раз та живая машина, которая нам необходима»⁶⁶. Если в условиях сложного многоотраслевого социалистического сельскохозяйственного производства животноводство выступает вторым после растениеводства важным цехом, то в условиях примитивного кочевого хозяйства оно было единственным цехом производства у кочевников.

Эти факты дают нам основание сделать вывод, что производственное или продуктивное стадо (овцы, козы, верблюды и лошади) у кочевых скотоводов было одновременно основным средством производства и целью (продуктом) производства. Все дело только в том, что две стороны единого процесса воспроизводства: производство и потребление в условиях натурального кочевого хозяйства выступали без всяких опосредствующих и осложняющих понимание моментов, что объясняется примитивностью кочевого общества как естественно-исторического организма.

⁶⁴ Там же, стр. 40—41.

⁶⁵ Л. И. Дракин, М. Ю. Цыпков, А. П. Бегучев. Увеличить производство продуктов животноводства. М., 1955, стр. 55.

⁶⁶ Акад. В. Р. Вильямс. Основы земледелия. М., 1947, стр. 10.

Не менее ошибочна, чем точка зрения И. Я. Златкина, «теория», рассматривающая соотношение земли и скота при кочевом скотоводстве как «старшего и младшего партнеров», вместо давно установленного марксистско-ленинской наукой понятия о средствах производства. Автор этой «теории» А. Еренов утверждает, что при кочевом скотоводстве «он (скот. — С. Т.) также является средством производства и выполняет роль, как бы младшего партнера»⁶⁷. Не ясно, что понимается под «младшим партнером»: орудие труда, предмет труда или вспомогательные материалы в производстве. Такая странная классификация средств производства вносит только путаницу в экономическую теорию марксизма-ленинизма, в сущность понятия об общественном производстве, производительных силах и производственных отношениях людей. Марксистско-ленинская политическая экономия учит, что производительные силы общества складываются из субъективного фактора (работающего человека) и объективных факторов (средства производства). В свою очередь средства производства распадаются на средство (или орудие) труда и предмет (или объект) труда. Такое деление средств производства, как отмечалось, вытекает из функций, выпадающих на долю каждого из элементов средств производства в процессе труда. Эта же специфичность определяет качественное различие, которое существует между орудием и предметом труда в любом процессе производства.

Что касается «теории» А. Еренова, то в ней нет ни орудия труда, ни предмета труда, а лишь какие-то «старшие и младшие партнеры», не отличающиеся между собой никакой производительной функцией, а следовательно, не имеющие качественных различий. Такое стирание грани между ними порождает представление об элементах средств производства как об однородных вещах. Однако специфическая особенность средства труда позволяет квалифицировать его как орудие труда или основное средство производства именно потому, что работающий человек посредством такого предмета природы реализует свой, созидательный, творческий замысел, перерабатывает, переделывает в нужном ему направлении другой предмет природы или предмет труда.

По этой же причине состояние и уровень развития орудий труда и искусство их использования характеризуют состояние и уровень развития культуры данного вида материального производства, а также производительных сил общества. Величайшее значение орудия труда в жизни общест-

---

⁶⁷ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 84.

ва заключается именно в том, что всякое изменение, всякий прогресс в орудиях труда приводит к изменению, прогрессу производительных сил общества, чего нельзя сказать о предмете труда. Поэтому предмет труда или сырье по отношению к орудию труда выступает не в качестве какого-то старшего или младшего «партнера», а материалов природы, существенно отличающихся своей функцией в процессе производства от орудия труда.

Автор, деля элементы средств производства кочевого скотоводства на «старших и младших партнеров», считает веским доказательством того, что земля — «старший партнер» тот факт, что без земли, без пастбища не может существовать кочевое скотоводство. Он заключает, что «старшим партнером» или основным средством производства кочевников является естественное пастбище, точнее, дикорастущая на этом пастбище трава. «...Как велика роль пастбищ! — пишет он. — Стоит только земле покрыться глубоким снегом или льдом примерно на 10—20 дней — вчерашний бай, имевший до 10—15 тыс. голов скота, может превратиться в середняка или бедняка.

Если скот окажется на несколько дней лишенным земных благ, он теряет свое значение, перестает быть средством производства; следовательно, скот существует как продукт земли, существование скота становится в прямую зависимость от земли, от ее травостоя»⁶⁸.

На наш взгляд, невозможность существования кочевого скотоводства как процесса производства без естественного травостоя земли не может быть доказательством того, что земля была основным средством производства кочевого скотоводства. Роль основного средства производства определяется не только тем, что без него не может происходить процесс производства. Производство, например, стада не может осуществляться без воздуха, но из этого не следует, что воздух есть основное средство производства. Роль основного средства производства или средства труда обуславливается той особой производительной функцией, которая проявляется в самом процессе труда как функция одного из действующих факторов производительных сил общества.

Известно, что все факторы производительных сил общества, как и целесообразная деятельность человека, или сам труд, предмет труда и средство труда выступают как простые моменты процесса труда. Самые разнообразные машины и другие орудия производства в любой отрасли промышленности не могут быть производительно использованы без сырья. Однако это не значит, что основным средством про-

---

⁶⁸ Там же.

изводства, например в промышленности, является сырье.

Подобным образом, никакие орудия земледелия и никакая плодородная почва не дадут продуктов земледелия, если не были посеяны доброкачественные семена, являющиеся сырьем в земледелии. В таком случае и земледелие перестает существовать как процесс производства. Но отсюда не следует, что семена в земледелии — основное средство производства или «старший партнер».

Безусловно, и невозможность существования кочевого скотоводства без естественного пастбища не может служить в какой-то степени доказательством того, что естественное пастбище пустынь и степей было средством труда или основным средством производства кочевого скотовода.

Когда автор «теории партнеров» пишет, что из-за обильного снегопада вчерашний крупный бай может превратиться в середняка или бедняка, видимо, он имеет в виду изредка повторяющиеся стихийные бедствия — джуты, когда в результате неблагоприятно сложившихся для скотоводства метеорологических условий кочевое скотоводство несло большой урон. Иначе невозможно было существование кочевого скотоводства с древнейших времен в таких местах, где холодная зима с глубоким снегом и сильными морозами длится не 10—20 дней, а 3—4 месяца.

Особая подверженность кочевого скотоводства отрицательному влиянию стихийных действий сил природы объясняется не тем, что «скот был младшим партнером» как средство производства по отношению к земле с ее естественным травостоем, а тем, что кочевое скотоводство отличалось примитивностью и спецификой своего основного средства и главного продукта производства в виде живого скота, что делало крайне неустойчивой материально-техническую базу общественного производства кочевников.

Стихийным бедствием для кочевого скотоводства был не только «глубокий снег»⁶⁹, но и дикие хищники, эпизоотии домашних животных. Например, весной 1763 г. «у казахов, кочевавших при Сыр-Дарье, открылась на скоте такая сильная моровая язва, что у многих не осталось ни одной скотины. Казахи мужчины и женщины умирали с голоду. Казахи

---

⁶⁹ «Скот пропадает или под влиянием бурана, как это бывает с лошадьми, или гибнет от медленной голодной смерти. Застигнутый в степи бураном табун лошадей мчится по ветру, попадая или в ямы, овраги и наносы снега, где частью гибнет, а частью калечится, или же в озера, где также сразу гибнет, раз проломится лед. Так, нередко, в течение суток, дня или нескольких часов пропадают целые табуны». «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд», т. I, Воронеж, 1898, стр. 111.

эти были те, которые прошлою зимою 1762 г. откочевали из Средней и Малой орд к Сыр-Дарье и в пустооставшуюся каракалпацкую землицу»⁷⁰.

Для охотников и рыболовов Крайнего Севера собаки до недавнего времени выполняли почти те же самые функции в процессе производственной деятельности людей, что и верблюды, и лошади для кочевых скотоводов. «В 1821 г. сильное поветрие истребило большую часть собак на берегах Индигирки, так что у одного юкагирского семейства из 20 собак остались только два щенка и те слепые, которые также должны бы погибнуть, если бы хозяйка юрты не решила вскормить их своей грудью, наравне с собственным ребенком. Таким образом, два щенка сделались впоследствии родоначальниками многочисленного поколения. В 1822 г. большая часть колымских жителей потеряли от поветрия своих собак и были тем приведены в самое бедственное положение. Они принуждены были таскать на себе дрова, а также собранную в разных местах добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, так что время, удобное для птичьей и звериной ловли было пропущено. Всеобщий ужасный голод сделался от того следствием недостатка собак, которых по краткости лета и недостатку травяного покрова заменить лошадьми невозможно»⁷¹. Это яркий показатель того, что из-за потери одного из элементов основного средства труда жители Крайнего Севера не могли получить реальных результатов от своего сезонного производства, т. е. своевременно запастись рыбой и дикими животными, служившими им средствами существования.

И в данном случае нельзя сказать, что земля, т. е. рыболовные водоемы и летние пастбища диких оленей, была основным средством производства рыболовов и охотников, хотя вне земли немислимо ни рыболовство, ни охота. Земля здесь выступала только как косвенный объект труда человека посылку, поскольку она имела в своих водоемах рыбу, а в тундре — диких животных. Таким же косвенным, опосредованным через скот объектом труда пастуха — кочевого скотовода был естественный травостой пустынь и степей.

К. Маркс ставил функционирование земли в условиях земледелия как средства труда в зависимость от других средств труда и уровня культуры самого субъективного фактора производства. Он писал: «Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии»

⁷⁰ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765 гг.), т. I, Уфа, 1853, стр. 204—205.

⁷¹ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 148.

лии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы»⁷². Маркс здесь говорит о том, что земля становится средством труда в земледелии не потому, что люди присваивают ее готовые плоды, а потому что они обрабатывают ее для производства и воспроизводства сельскохозяйственных растений путем применения целого ряда других средств труда. Только при таком условии земля начинает функционировать как средство труда земледельца. Использование при пашенном земледелии для обработки земли целого ряда средств труда, причем в значительно большем количестве, чем при кочевом скотоводстве, показывает, что чем выше уровень развития производительных сил общества, тем шире комплекс вещей, составляющих средство труда.

Например, средство труда у охотников, применяющих в процессе труда примитивные ловушки из плетеных прутьев или веревки, составляет просто вещь, а не комплекс вещей. Также обстоит дело со средством труда у рыбака, пользующегося удочкой, и у земледельца, обрабатывающего землю первобытной мотыгой или лопатой.

Кочевой скотовод в отличие от первобытных охотников, рыболовов и мотыжных земледельцев имеет некоторый комплекс вещей, играющих роль средства труда. Средством труда у него являются стада и табуны, при помощи которых присваиваются людьми естественный травостой и вода, функционирующие только как элементы предмета труда. Правда, кочевое скотоводство, кроме основного средства труда располагает еще мелким инвентарем, используемым кочевниками для организации водопоя и устройства ночлега для некоторых видов животных в зимнее время около своих переносных жилищ. Но, несмотря на это, здесь нет того комплекса вещей, действующих как средство труда, который присущ пашенному земледелию.

При пашенном земледелии в комплекс вещей, служащих средством труда, входят: соха или плуг, рабочий скот, борона, удобрения и сама почва (она же и предмет труда), а предметом труда являются засеваемые семена вместе с обрабатываемой почвой. При дальнейшей интенсификации земледелия круг комплексующихся вещей как средств труда расширяется⁷³. Это положение в одинаковой мере относится

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190.

⁷³ Древнеримский политический деятель и писатель Катон (234—149 гг. до н. э.) перечисляет вещи, необходимые для обработки земли, кроме земли. К ним относятся: рабочий скот (волы и ослы), плуги, борона, телеги, лопаты, мотыги, грабли, косы, серпы, топоры, ножи и т. д. (См. Марк Порций Катон. Земледелие. Перевод и комментарий. М. Е. Сергеевко. М. — Л., 1950, стр. 15—16).

и к другим отраслям производства. Поэтому нельзя признать правильным утверждение И. Я. Златкина о том, что «земля являлась основным средством производства не только в земледельческом и оседлом животноводческом хозяйстве, но и в кочевом хозяйстве»⁷⁴. Ошибочность такого утверждения заключается, во-первых, в том, что оно отождествляет две отрасли материального производства, по-разному использующие предметы природы, переобладание каждой из которых в истории человечества было показателем определенного уровня развития производительных сил общества; во-вторых, искусственно объединив кочевое скотоводство с оседлым земледелием, оно тем самым уравнивает элементы средств производства этих различных сфер материального производства; в-третьих, оно неверно полагает, что использование естественного дикотравного пастбища кочевниками для пастбы скота якобы то же самое, что и обработка почвы при земледелии. Упускается из виду, что при кочевом скотоводстве нет земледелия, а существует лишь примитивное землепользование без какой-либо обработки земли⁷⁵.

И. Я. Златкин и его сторонники игнорируют тот факт, что на протяжении всей истории земледелия (за исключением переложной системы) человеку приходилось применять специальные мероприятия, связанные с затратой огромного количества труда, целью которых было воссоздание условий природного плодородия почвы и достижение все более высокого, эффективного плодородия. Эти мероприятия и легли в основу системы земледелия⁷⁶. Важнейшей и первоочередной задачей земледельца всегда было систематическое воспроизводство способности земли служить средством земледелия, т. е. воспроизводство условий плодородия почвы было неотделимо от ее использования в процессе производства как средства труда. При правильном обращении с землей происходило ее качественное улучшение. Несмотря на всевозможные zigzagi и отклонения от этого правила в истории, в конечном счете обществу приходилось оставлять вовлеченную в оборот возделывания землю следующим поколениям улучшенной⁷⁷. Следовательно, сутью землепользования у земле-

⁷⁴ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 75.

⁷⁵ «Самой первобытной формой использования территории является пастбищная система или дикое травяное хозяйство». Акад. Д. Н. Прянишников. Частное земледелие. М., 1931, стр. XVI.

⁷⁶ См.: В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. 1. М., 1952, стр. 18.

⁷⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 342—343.

дельцев являлась обработка, улучшение и искусственное облагораживание почвы — земли; благодаря этому она превратилась в важнейшее средство земледелия, величайшее, ничем не заменимое национальное богатство страны.

Напротив, для землепользования у кочевников характерно отсутствие искусственного облагораживания используемой для хозяйственной цели территории.

Кочевое скотоводческое хозяйство как особый вид материального производства, начиная с отдаленных времен и кончая недавним прошлым, по способу землепользования и принципу организации труда оставалось одним и тем же.

Поэтому В. В. Григорьев был прав, когда находил еще в 40 гг. XIX в. в быту племен и родов казахов Младшего жуза, с которыми был долго связан, очень много общего с древними обитателями казахских степей, в частности с кочевниками-саками. «Саки за пятьсот, за тысячу лет до Р. Х. могли весьма во многом сходствовать с нынешними обитателями принадлежавших им тогда степей, не имея ничего общего с ними в племенном отношении»⁷⁸.

Аналогичное мнение об арабских бедуинах высказывает другой автор: «Можно заметить почти полное тождество нравов и обычаев, например, современных (т. е. в XIX в. — С. Т.) бедуинов и амаликитян, и агарейн, которые жили 3000 лет тому назад»⁷⁹.

Почти не отличается образ жизни кочевников тибетского, маньчжурского, монгольского и тюркского происхождения и в описаниях китайских авторов. По их характеристике эти кочевники очень похожи друг на друга, что объясняется однотипностью, общностью их материального производства. В этом отчетливо выражались рутинная и консервативность развития производительных сил и примитивная простота всей общественно-экономической жизни, сковавшие развитие материальной и духовной культуры кочевого общества.

Маркс говорил о многих средствах труда, которые подвергались предварительной обработке и использовались людьми еще в глубокой древности. Он писал: «Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют

⁷⁸ В. В. Григорьев. О скифском народе саках. Труды Восточного отделения РАО, ч. 16, СПб., 1872, стр. 175.

⁷⁹ Элизе Реклю. Человек и земля, т. II, СПб., 1906, стр. 111.

прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»⁸⁰.

Измененными посредством труда и выращенными человеком животными могли быть на первых порах борзая, ловчая птица и верховая лошадь охотника или же стадо верблюдов, овец, коз и табуны лошадей кочевых скотоводов. Если борзая, ловчая птица и верховая лошадь были средствами труда охотника, то стадо верблюдов, овец, коз и табуны лошадей — средствами производства кочевого скотовода. При этом существовала качественная разница между выращенной человеком борзой (тазы) и дикой козой (джейраном): первая служила орудием труда, вторая — предметом труда. При удачной охоте убитая коза из предмета труда превращается в продукт труда и идет на питание охотника и на корм собаки.

На Крайнем Севере широко используются специально прирученные олени как средства труда при охоте на диких оленей. Ф. П. Врангель сообщает, что «нужда — лучший наставник людей. Она заставила юкагиров и соседних им народов по недостатку других родов промышленности, обратить все умственные способности на ловлю зверей и обучение необходимых для охоты собак, манщиков и пр.»⁸¹

Насколько совершенна охота с манщиками на дикого оленя, дает представление описание ее у тунгусов. «Манщик — самец или важенка — должен по окраске походить на дикого оленя. Когда охотник замечает стадо диких оленей, пускает он манщика против ветра к ним. Манщик все время находится на привязи у охотника, который при помощи ремня заставляет его останавливаться, ложиться, направляться в ту или другую сторону. Хороший охотник с искусно дрессированным манщиком может убить много оленей из стада раньше, чем остальные дикие олени это обнаруживают»⁸². Таким образом, если у охотника дикий олень был объектом труда, то одомашненный, измененный трудом олень-манщик играл роль одного из орудий или основных средств производства. Только труд человека создал качественное отличие оленя-манщика от дикого оленя. В этом одно из проявлений того, как человек творил живые орудия труда и целесообразно использовал их в процессе производства.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190.

⁸¹ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820—1824 гг.). М., 1948, стр. 225.

⁸² А. М. Золотарева и М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождения оленеводства. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 179.

Существует старинное казахское сказание, из которого хорошо видна разница между средством и продуктом труда охотника. Она повествует, что охотник-казах верхом на лошади убил 60 куланов, но загнал своего коня. Значит, масса убитых охотником куланов была просто продуктом питания, готовым средством жизни, добытым при помощи орудия труда охотника — коня. Только верхом на сильном скакуне он мог это осуществить. О громадном производственном значении лошади для охотников и кочевых скотоводов говорит и казахская пословица: «Умирает не тот, кого ругают, а тот — кто потерял свою лошадь» («Атаңа нәлеттен кісі өлмейді, атыған айрылған өледі»). О наличии в середине XVIII в. в казахской степи большого количества куланов сообщает П. И. Рычков: «Куланы бывают больше на Заяицкой (т. е. Зауральской. — С. Т.) степи, около реки Сарысу, а иногда и по Эмбе... (Куланы) ходят великими табунами, так что по тысяче и больше случается. Казахи, стреляя их, употребляют себе в пищу»⁸³. Такое изобилие в середине XVIII в. в казахской степи диких куланов говорит еще и о том, что там была очень низкая плотность населения при полном отсутствии населенных пунктов и городов и занятия земледелием. Общеизвестно, что страна, в которой земледельцы еще не изменили ее первобытного характера, бывает населена множеством различных животных⁸⁴.

В условиях неосвоенных казахских пустынь и степей «искусно дрессированные ловчие птицы, быстрая казахская борзая и выносливый конь были постоянными спутниками казаха-охотника»⁸⁵. За дрессированного беркута или борзую, за скакуна давали несколько десятков лошадей или сотни баранов. Нередко еще в XIX в. такие беркуты, борзые и скакуны служили настоящим средством обогащения для своих хозяев.

Из сказанного ясно, что борзая, ловчая, выносливый конь и стада домашних животных были средствами труда людей, а дикая коза, кулан и дикорастущая пастбищная трава — готовыми плодами природы, для присвоения которых требовались соответствующие средства труда в виде борзой, выносливого коня и стад домашних животных.

К сожалению, некоторые авторы не замечают такой очевидной разницы между домашними и дикими животными. Например, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «Скот является

⁸³ «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неуструева». М., 1949, стр. 91.

⁸⁴ Элизе Реклю. Человек и земля, т. III, СПб., 1907, стр. 40.

⁸⁵ «Казахстан». Общая физико-географическая характеристика. М. — Л., 1950, стр. 347.

продуктом земли и его бытие немислимо без последней»⁸⁶. Это неверно. Маркс писал, что животные, «которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда»⁸⁷.

При всей примитивности и отсталости кочевое скотоводческое хозяйство казахов имело дело с домашними животными, окультивированными и облагороженными тысячелетним трудом человека. В действительности «продуктом земли» или просто «продуктом природы» можно называть лишь диких животных⁸⁸.

Животное становится орудием труда тогда, когда оно находится под воздействием человека. Поэтому нельзя не согласиться с четкой характеристикой, данной продуктивному поголовью стада как средству труда практиками социалистического животноводства. «Вопрос о племенной работе в животноводстве имеет такое же значение, как, например, станкостроение для промышленности, — говорит И. К. Ангерес. — *В отличие от индустриальной промышленности нашим станком для выработки продукции является живой организм, является корова* (подчеркнуто нами. — С. Т.). Для того, чтобы вырастить корову, для того, чтобы резко поднять продуктивность этого живого «станка», — для этого нужно слишком много усилий на протяжении нескольких лет»⁸⁹.

Измененные посредством труда, выращенные человеком домашние животные с экономической точки зрения ничем не отличаются от обработанного камня, почвы, металла и т. д. Следовательно, действующий водопад, судоходная река, дикорастущее дерево, каменный уголь, животное, почва и металл — это предметы природы и каждый из них может выступать в качестве средства труда в той или другой отрасли производства при определенном уровне развития производительных сил общества.

⁸⁶ См.: «О характере феодальной собственности на землю в Казахстане». Труды Алма-Атинского юридического ин-та, т. I, 1955, стр. 49.

⁸⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 192.

⁸⁸ «Домашние животные являются продуктами труда конкретных живых людей. Чтобы организовать породу, руководить развитием ее структуры, нельзя ограничиться ведомственной классификацией животных, необходимо организовать людей, творцов природы». Д. А. Киселевский. Материалы к построению теории племенной работы. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М. — Л., 1940, стр. 236.

⁸⁹ См.: «Стенографический отчет совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства». М., 1936, стр. 93—94. И. К. Ангерес — директор молочно-мясного совхоза им. Октябрьской революции в Донецкой области.

К. Маркс пишет: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»⁹⁰.

К внешним природным условиям или естественному богатству, достаемому людям в виде средств жизни, Маркс отнес прежде всего почву с ее естественным плодородием, которая в диком состоянии имеет только естественный растительный покров. Такой растительный покров всегда использовался кочевниками как пастбище для скота. Нетрудно понять, что естественное плодородие и естественный растительный покров почвы относятся к одному роду естественного богатства, т. е. к первому. Однако богатая естественным плодородием почва или богатое естественным травостоем пастбище сами по себе еще не предмет труда, а лишь средства жизни или готовые плоды земли, именуемые даром природы. С этим не согласен И. Я. Златкин. Он пишет: «К какого же рода естественным факторам следует отнести пастбище? Конечно, ко второму. Само по себе пастбище не дает человеку непосредственно готовых средств жизни, оно дает их животным, которые перегоняются человеком на пастбище для кормления с тем, чтобы впоследствии эти животные снабдили его необходимыми средствами жизни»⁹¹.

Такое утверждение неправильно, ибо пастбище есть почва с растительным покровом и оно не дает человеку непосредственно готовых средств жизни. Если И. Я. Златкин отнес его ко второму роду естественных богатств, то он должен был к этому же роду естественных богатств причислить и плодородие почвы, которое Маркс рассматривал как первый род.

Известно, почва есть поверхностный слой земной коры, на котором образуется плодородие. Плодородная почва обеспечивает растения во время их развития всеми необходимыми веществами. Травостой естественного пастбища целиком зависит от плодородия и влаги. На совершенно неплодородной почве трава не растет. Следовательно, дикая трава есть одна из форм проявления естественного плодородия почвы.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 521.

⁹¹ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 75.

Поэтому невозможно противопоставить ее естественному плодородию или оторвать друг от друга, пока почва остается в своем естественном состоянии.

Кочевник присваивал дар природы — естественный травостой пастбища путем пастьбы скота. Такая производственная деятельность кочевого скотовода по существу ничем не отличалась от производственной деятельности земледельца, который тоже присваивал естественное плодородие почвы, но путем обработки ее орудиями земледельческого труда и посева семян. С этой точки зрения нет никакой принципиальной разницы между естественным плодородием почвы и ее естественным травостоем.

Ни одно из отнесенных Марксом к первому роду естественных богатств — плодородие почвы, рыба в водах и т. п. не является готовым средством для индивидуального потребления. Люди получают жизненные средства от полезного свойства почвы — ее плодородия — только после ее распашки и обработки. Плодородная девственная почва без обработки могла дать кочевникам лишь естественный травостой. Еще в 1834 г. это верно подметил В. Перовский: «Места в степи, представляющие для нас ничем незаменимые выгоды, для казахов особенной цены не имеют: пахотная земля для них совершенно бесполезна, речки текут, так сказать, еще без цели и ожидают плотин, мельниц и других заведений промышленности»⁹².

Дикая трава не есть результат труда человека. Маркс писал: «Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы»⁹³. В кочевом скотоводческом хозяйстве «созданием человеческой руки» были стада баранов и табуны лошадей, а в земледелии — орудия земледелия. Без орудий и средств производства, а также целесообразной затраты труда для использования их невысказано ни кочевое скотоводство, ни земледелие.

Для овладения любыми природными богатствами, человек должен трудиться. Например, чтобы превратить рыбу из водоемов в жизненные средства, нужно прежде всего вооружить рыбаков соответствующими орудиями труда и организовать лов. Так, американские индейцы в одних местах убивали рыбу из лука, а также глушили ее, бросая в воду ядовитые корни и плоды, в других, кроме луков, стрел, копий, применяли гарпунную стрелу с бамбуковым поплавком (на

⁹² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 312, л. 7.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 398.

крупную рыбу и водяных черепах), острогу, сети и верши. Орудия лова считались общей собственностью селения. Рыболовецкие угодья, как и охотничьи, также принадлежали селению. Добыча, полученная на коллективной охоте или на рыбной ловле, распределялась вождем⁹⁴.

Таким путем пойманная рыба, безусловно, есть средство жизни, идущее в индивидуальное потребление, а свободно плавающая в реках, озерах и морях — это лишь средство жизни в возможности⁹⁵. Например, сибирские полноводные реки, впадающие в Северный Ледовитый океан, и многочисленные северные озера изобилуют рыбой. Все население Крайнего Севера, а также транспортные собаки еще в XIX в. в основном питались рыбой. Если уловы были незначительны, то люди, несмотря на изобилие рыбы в водах, обрекались на голодную смерть. В материалах экспедиции Ф. П. Врангеля о населении берегов рек Колымы, Большого и Малого Анюев сказано, что в зиму 1821 г. «несчастные жители принимались за пищу только однажды в 48 часов! Некогда здоровый, сильный народ, теперь едва таскался и был похож более на мертвецов, нежели на людей»⁹⁶.

Н. Г. Чернышевский имел в виду именно такие народы, когда писал: «Еще много таких племен, которые живут исключительно или почти исключительно за счет диких животных, продуктами охоты и рыболовства... Часто подвергаются они большим лишениям»⁹⁷. Причиной было то, что данное общество не в состоянии воспроизводить объект своего труда — диких животных. Аналогично ему и кочевое скотоводческое хозяйство лишено возможности воспроизводить один из основных элементов предмета труда скотовода — пастбищную траву.

Еще в глубокой древности естественное плодородие почвы использовалось земледельцами, а естественный растительный покров пастбища — скотоводами. В обоих случаях люди истребляли и истощали естественные богатства природы. Наиболее древним и широко распространенным способом ведения земледелия была примитивная переложная система, при которой вследствие истощения обработанных участков

⁹⁴ «Индейцы Америки». Этнографический сборник. М., 1955, стр. 231.

⁹⁵ «Представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства (в смысле объекта труда. — С. Т.) для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в таких водах, где ее нет». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 192, 6 сноски.

⁹⁶ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 291.

⁹⁷ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. III, ч. I, М., 1948, стр. 20.

люди оставляли их и занимали новые, никем не занятые целинные земли. Такая своеобразная «полукошачья» система земледелия была возможна только до тех пор, пока имелось много свободных земель, т. е. еще не было частной собственности на землю. В дальнейшем с развитием общества росли его производительные силы, усовершенствовались орудия и методы труда, увеличивалась плотность населения, сокращались и исчерпывались запасы свободных земель. Все это не могло не привести к интенсификации земледелия⁹⁸.

Рост интенсивности земледелия выразался в увеличении производительной силы единицы земельной площади. Старая примитивная система земледелия изживала себя и постепенно заменялась новыми и более прогрессивными. Однако при переложной системе рост плотности населения ограничен в меньшей степени, чем при кочевом скотоводстве и охоте. Это в свою очередь лимитирует возможности общественного разделения труда, развития ремесел, роста городов и городского населения.

В истории человеческого общества система дикотравного пастбищного скотоводства по своей примитивности имела некоторое сходство с переложной системой земледелия, несмотря на их коренное различие. Заметив это, И. Я. Златкин пишет: «Не имеем ли мы некоторых оснований для сравнения труда, связанного с перекочевкой, с трудом древнего земледельца при переложном или подсечном земледелии? Нам кажется несомненным, что одним из стимулов периодических перекочевок являлась необходимость восстановления кормовой производительности данного пастбища»⁹⁹. Однако он квалифицирует это сходство как тождество, игнорируя имеющееся между ними глубокое технологическое различие.

И. Я. Златкин таким путем хотел доказать существование у кочевых скотоводов якобы сословно-монопольного феодального землевладения, не задумываясь над тем, была ли вообще такая форма землевладения у первобытных земледельцев. Разумеется, нет. Примитивное переложное земледелие не связано с частной собственностью на землю, при нем землепользование имело хищнический захватный характер. Право захвата земель ограничивалось лишь обычаями, господствовавшими в обществе с родоплеменным устройством. На такой стадии развития право захвата удобной для земледелия

⁹⁸ «Если бы на известном пространстве земли не сосредоточилось значительное число людей, то никогда не могла бы развиться промышленность. Грубый труд полудикого пахаря лежит в основании всех чудес европейской цивилизации». Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 212.

⁹⁹ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов, стр. 75.

территории носило настолько свободный характер, что его можно называть не иначе как вольно-захватное или право первого захвата. Такому уровню развития общества соответствовали поселения «отдельными дворами-поселками или первобытными однодворными деревнями и селами, какие мы видим еще и сейчас кое-где в лесистых частях самых различных стран света у малоразвитых земледельческих племен и какие наблюдались когда-то и у греко-италических, кельтических, германских и славянских племен в доисторический, а отчасти и в первоначальный исторический период их развития, как об этом свидетельствуют некоторые писатели классической древности и раннего средневековья»¹⁰⁰. Что касается кочевого скотоводческого хозяйства, то в основе его всегда была вольно-захватная форма землепользования на всем пространстве кочевания.

Кочевое скотоводство, долго существовавшее в степях и пустынях Азии, Африки и на равнинах Восточной Европы, было крайне примитивным хозяйством. «В Азии нет ни одной местности, где бы не предпринимали своих кочевков номады-арабы и монголы, где бы они ни жили хоть временно после продолжительных дождей, вызывающих к жизни усиленный рост трав»¹⁰¹. Но в этих местах кочевник совершенно не обрабатывал землю и не выращивал никаких пастбищных трав, напротив, лишь истреблял естественный травостой. Он был не в состоянии производить и воспроизводить объект своего труда — пастбищную траву. Вся жизнь кочевников проходила почти в постоянном передвижении с места на место. Окружающая пустыня и сухая степь тысячелетиями оставались без всякого изменения. Именно такое малозаметное воздействие человека на природу и составляет общность и отличительную черту отношения к природе всех кочевников различных народов и разных исторических эпох.

Первым условием развития земледелия была оседлость, привязанность людей к определенному и ограниченному по размеру участку и большая устойчивость его пользования, чем при кочевом скотоводстве. В результате земледелие даже на самой низкой ступени своего развития имело перед кочевым скотоводством то преимущество, что предполагало хотя бы полусоседное или оседлое поселение с постоянными постройками для жилья.

Таким образом, земледелие, как бы примитивно оно ни было, могло развиваться и приобрести значение материального производства общества лишь на основе сельского образа жизни. Жизнь заставляла земледельца не ограничиваться

¹⁰⁰ К. М. Тахгарев. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. II, Л., 1924, стр. 14.

¹⁰¹ Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 35.

только тем, что давала земля, а брать больше с помощью приложения труда. Земледелие привело к новым отношениям между человеком и природой. Он должен был искать источники материальных благ в земле, которые на первых порах еще были скрыты. Человек, познав законы возделывания культур, стал господствовать над жизнью почвы и растений. Он приобретал более совершенные приемы обработки почвы и способы быстрее восстановления ее плодородия. Человек своей целесообразной деятельностью изменял природу, придавал почве такие полезные свойства, каких она не имела, создавал искусственное плодородие. Производительные силы, приобретенные почвой благодаря человеческой деятельности, «совершенно так же становятся первоначальными силами почвы, как и те, какие ей придали происходящие в природе процессы»¹⁰².

Поэтому естественное плодородие перестает быть «простым продуктом природы», а становится результатом всего общественного развития. Таким образом, производительность труда в земледелии в конечном счете надолго определяется не естественным, а главным образом искусственно созданным плодородием, которое реализуется в процессе производства и приобретает немалое экономическое значение, чего нет и не может быть в условиях кочевого скотоводства.

В истории земледелия применение самого примитивного плуга и запряжка в него быка были для своего времени таким же важным изобретением, как изобретение в XIX в. паровой машины. Плуг и систематическое рыление плодородной почвы могли начать использовать на определенной стадии развития в любом земледельческом обществе. Как полагает Элизе Реклю, пашенное земледелие впервые возникло у древних иранцев и индейцев. С плутом в Месопотамии были знакомы примерно 7 тысяч лет тому назад. Вероятно, это новое орудие труда постепенно распространялось среди многочисленных земледельческих народов Востока или создавалось в одном месте, потом в другом. В результате совершенствования орудий земледелия улучшились и способы обработки почвы, начали применять искусственное орошение, которые привели к количественному увеличению и качественному улучшению выращиваемых культурных растений. «Переворот, совершившийся как в материальном, так и в духовном мире человеческого общества, благодаря открытию применения плуга¹⁰³, является одним из тех переворотов, которые

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 266.

¹⁰³ «Около начала нашей эры соха превратилась в плуг и в некоторых местностях Центральной Европы была заменена им». А. Неусыхин. Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев. Ученые записки Института истории, т. II, М., 1927, стр. 48.

наиболее глубоко захватили жизнь народностей и толкнули последние на совершенно новые пути»¹⁰⁴.

Следующим крупным шагом в истории земледелия была борьба с истощением плодородия почвы. Земледельцы, убедившись в утрате плодородия почвы и не располагая свободными землями для распашки, вынуждены были затрачивать труд на восстановление, поддержание и повышение плодородия с целью получения устойчивых урожаев.

Данная задача на разных этапах развития человеческого общества решалась разными способами в соответствии с уровнем развития науки и техники. Это был показатель того, что при земледелии в жизнь почвы разумно и властно вмешивался человек. Обрабатывая и удобряя почву, осушая болота, орошая пустыни, человек переделывал землю и приспособлял ее для своих нужд. История знает много примеров, как посредством труда люди превращали пустыни в цветущие оазисы. У всех земледельческих народов одним из основных видов сельскохозяйственных работ являлось удобрение почвы. Д. И. Писарев писал: «Всякому деревенскому свинопасу известно, что земля родит хлеб хорошо тогда, когда ее удобряют; а удобрение есть тот же сырой продукт, прошедший через желудки людей и животных и возвращающийся в землю»¹⁰⁵. Вследствие специфики технологии производства такие работы, как возделывание земли, никак не могли найти места в производственной деятельности кочевого скотовода или охотника.

Следовательно, история развития земледелия в смысле всемирно-исторического прогресса, как правило, выступает как история непрерывного развития земледельческих орудий труда, накопления культуры земледелия, применения различных способов обработки и воспроизводства плодородия почвы. Поэтому верно, что «плодородие вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»¹⁰⁶.

К. Маркс писал, что «улучшения, применяемые к земле, требуют, чтобы их воспроизводили и поддерживали; они служат лишь известное время и в этом отношении подобны всем другим улучшениям, которыми пользуются для превращения материи в средство производства»¹⁰⁷. Непосредственная затрата труда людьми для обработки земли и искусственного улучшения качества почвы превращает почву в предмет и

¹⁰⁴ Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 409.

¹⁰⁵ Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 244.

¹⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 175.

¹⁰⁷ Там же, стр. 176—177.

средство труда и воспроизводит ее плодородие. Дикую землю и обработку, совершенную с производственной целью, нельзя отождествлять. Средством труда в земледелии, как правило, является не дикая земля, а возделываемая и окультивируемая почва. Например, казахские степи на протяжении тысячелетий служили только сезонными дикими пастбищами для стад и табунов кочевников, но кочевники не пользовались плодородием почвы ковыльной степи как средством труда.

Люди в условиях земледельческого хозяйства превращали землю в средство труда путем затраты сил и средств для ее обработки. Это еще раз демонстрирует пример освоения целинных земель в Казахстане. Огромная масса живого и овеществленного труда была затрачена не только для присвоения естественного плодородия почвы, но также для сохранения и воспроизводства его путем использования всех новейших достижений агротехнической науки, введения самой прогрессивной системы земледелия. В результате такой целесообразной затраты огромных сил и средств почва, способная дать при естественных условиях незначительное количество трав, теперь дает миллиарды пудов хлеба. Следовательно, плодородная почва становится средством труда только в процессе обработки.

О земельных улучшениях, являющихся средствами труда, К. Маркс писал: «Часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной форме, связанной с определенным местом, как, например, улучшения почвы, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. В этом случае постоянная прикрепленность средств труда к процессу производства, в котором они должны функционировать, одновременно обусловлена физическим способом их существования. С другой стороны, какое-либо средство труда физически может постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на это, постоянно находится в процессе производства, как, например, локомотив, корабль, рабочий скот и т. д.»¹⁰⁸. Из этого следует, что улучшения почвы, фабричные здания, тепловозы, рабочий скот, стада и табуны в одинаковой степени являются средствами труда в различных отраслях производства.

Марксистско-ленинская политическая экономия учит, что всякий процесс производства есть процесс целесообразного изменения людьми предметов природы, процесс их присвоения. Эти измененные трудом человека предметы природы становятся вещами, удовлетворяющими какую-либо потребность как предмет индивидуального потребления или как

¹⁰⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 182.

средство производства. Но конкретная форма вещей и их полезные свойства в конечном счете определяются:

1) целесообразной деятельностью человека в процессе труда;

2) своеобразием и материальным содержанием объекта труда или сырого материала, который в обработанном виде может служить вещественным содержанием готового продукта;

3) своеобразием средства труда, которое может быть применено для изготовления определенных предметов.

При завершении любого периода производства человек получает результат своего труда в виде готового продукта. Свойства вещи, которую выработал человек, зависят от специфики данного процесса производства с присущей ему технологией, которая является выражением обмена веществ между человеком и природой. Если таким процессом производства было кочевое скотоводство, то результатом труда будет живой скот и его продукты; если таким процессом производства было растениеводство, то результатом труда будут зерно, овощи, фрукты, кормовые культуры и т. п.

Каждая отрасль производства дает возможность человеку прежде всего познать свойства функционирующих в ней средств производства и предопределяет приемы человеческого труда. Она развивает у человека навыки, сноровку в процессе труда и позволяет глубже понимать явления, связанные с данным процессом, что может быть названо мастерством или специальностью.

В каждой отрасли производства развивается в технико-экономическом смысле особый способ производства и особые субъективные и объективные производительные силы. Например, земледелец понимает, когда и как нужно пахать поле, когда и какими семенами надо засеять тот или другой участок при данных почвенно-климатических условиях. В то же время кочевым скотоводам известны способы пастбы и поения каждого вида домашних животных, их физиолого-биологические свойства; особенности пастбищных трав и т. д.

Поэтому нельзя не видеть существенного различия между кочевым скотоводством и оседлым земледелием, как двумя отраслями материального производства, которые соответствуют различным уровням развития производительных сил общества. Отрасли материального производства отличаются друг от друга не столько тем, что производят, сколько тем, как и в каком роде используется всеобщее средство труда — земля. Это означает, что видом материального производства определяется то или другое отношение человека к природе, к земле. Чем примитивнее общественное производство, тем

больше люди находятся во власти окружающей природы, тем больше хозяйственная деятельность их зависит от нее.

Природные условия являются общим фоном, на котором развертывается производственная деятельность людей. Общество в процессе своего развития по-разному использовало природные условия. Например, обитатели лесов, а также бесконечных сухостепных равнин и пустынь или же жители побережий северных морей и рек, занимаясь различной хозяйственной деятельностью, по-разному использовали всеобщее средство труда — землю. При этом люди добивались больших результатов труда, чем глубже знали окружающие природные условия производства и целесообразно их использовали.

Казахам, веками кочевавшим, были хорошо известны природные особенности той обширной территории, по которой они так часто передвигались. Основательно изучивший казахское хозяйство в конце XIX и начале XX в. Ф. Щербина писал, что «казах — превосходный ботаник; у него существует довольно сложная и разнообразная номенклатура для обозначения разного рода растений и широкое знакомство с кормовым значением каждого растения для разных видов скота и в разные времена года... Казахи вообще умеют превосходно пользоваться не только разными видами растений, но и различными частями степи. Самые казахские кочевники и соединенная с ними общая совместная жизнь отдельных аулов приспособлены к наилучшему использованию степей»¹⁰⁹. Местный кочевой скотовод был не только ботаником, но и неплохим географом. «Народы-кочевники были тонкими наблюдателями и прекрасными знатоками природы. Они давали название каждой форме рельефа и ландшафта. Поэтому, чтобы ознакомиться с тем, как выглядят различные типы пустынь, пожалуй, проще всего пояснить, что обозначают некоторые понятия неписанного народного географического словаря, все шире и шире внедряющегося сейчас в науку»¹¹⁰.

Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства, как различные сферы труда имели различные орудия и средства производства. Оперируя разными орудиями и средствами производства и располагая различной технологией производства, они по-разному использовали землю и получали различные продукты. Это и определило специфику каждой сферы производства.

Уже выяснили, что при земледелии непосредственным средством и объектом труда была земля, а при кочевом скотоводстве — живой скот.

¹⁰⁹ Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905, стр. 26—28.

¹¹⁰ В. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 37.

Если оседлые земледельческие народы разных частей света и различных исторических эпох внесли свой вклад в общечеловеческую культуру путем изобретения новых орудий земледелия, применения новых методов обработки и орошения земли, выведения высокоурожайных видов и сортов сельскохозяйственных растений¹¹¹, а также открытия способов употребления строительных материалов, обработки металлов и сооружения ценнейших памятников зодчества, то кочевые скотоводческие народы — путем разведения и воспроизводства видов животных, приспособленных к почвенно-климатическим условиям территории кочевания. Все эти виды и породы животных были выведены и воспроизводились кочевниками в течение жизни многих поколений.

Кочевое скотоводство древнейших времен могло лучше всего развиваться в степных просторах в сочетании с полупустынной и пустынной зонами. Громадные степные, полупустынные и пустынные пространства в известную часть года представляют собой беспредельный земельный океан с высокой, колышущейся от ветра травой. Такая равнина делится на ковыльную степь с плодородной черноземной почвой, с достаточным количеством атмосферных осадков и на сухую песчано-солончаковую или такырную полупустыню и пустыню, покрытую в основном полынью, колючками, солянками и изредка песчаными злаками. Равнина последнего типа охватывает обширную территорию Казахстана: его центральную часть, юго-восток, юго-запад и почти весь юг. Она пригодна как пастбище для овец, коз, верблюдов и лишь отчасти для лошадей. В этой зоне развилось и существовало кочевое скотоводство казахов в его самой высокоразвитой форме.

Суть своей хозяйственной деятельности хорошо понимали сами казахские кочевые скотоводы, которые говорили: «Небо производит траву и воду; скот есть дар неба; пасем его и себя пропитываем сами»¹¹². В этих словах особо подчеркивается пастьба скота, которую нужно понимать в широком смысле слова как главный момент деятельности кочевого скотоводства. Для организации же земледельческого хозяйст-

---

¹¹¹ «Земледелие и лесоводство, которыми занималось коренное население Америки, тоже обогатили человечество на протяжении веков многими весьма ценными новыми продуктами, наиболее важными из которых являются кукуруза, картофель, каучуконосы, батат, земляной орех, огава, помидор, кабачок, тыква, бобы, ваниль, разные сорта орехов, различные бахчевые культуры, какао, хина, ипекакуана, сарсапарель, клубника, кленовый сахар, ананас, маниок, авокадо, артишок и т. д.». Уильям Э. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 25—26.

¹¹² А. Левшина. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 162.

ва, кроме земли, требуется целый ряд других средств труда, без которых не может начаться процесс труда. Земледелие, возникнув при таких условиях, заставляло человека постепенно совершенствовать орудия труда и способы обработки земли. Происходил медленный и неуклонный процесс развития земледельческой техники и самой оседлой земледельческой, затем городской культуры. Поэтому переход на определенном этапе развития общества от кочевого скотоводства к оседлому земледелию был по существу заменой рутинного и малопродуктивного использования земли более прогрессивным и более производительным. Тем не менее кочевое скотоводство по сравнению с охотой было большим прогрессом потому, что при нем общество стало более обеспеченным, чем при охотничестве¹¹³. Это показывает, что кочевое скотоводство на определенной ступени развития общества и при известных природных условиях имело преимущества, так как при нем эксплуатировались и давали выгоду людям такие местности, где земледельческая культура была невозможна. Но этот вид производства «нигде и никогда не способствовал цивилизации страны и накоплению в ней действительного и прочного богатства»¹¹⁴.

Переход от кочевого скотоводческого общества, которое было определенным укладом общественно-экономической жизни, к оседлому земледельческому был не легким и не кратковременным актом.

Кочевой образ жизни исключает всякую возможность для человека оставаться продолжительное время на одном и том же месте. Поэтому обработка земли, как и более или менее сложная отрасль добывающей промышленности, не совместимы с ним. Следовательно, человек в условиях кочевого скотоводства мало влияет на природу. Воздействие кочевников на землю проявлялось лишь в эпизодическом рытье колодезь в безводных местах для питья и водопоя скота.

О подобном хозяйственном использовании в XVIII в. местности Мамуткум, находящейся на территории нынешнего Иргизского района Актюбинской области, сообщает

¹¹³ «Наконец, 12 сентября (1921 г.) на правом берегу реки, против Лобазного, показались стада — спасение туземцев — бесчисленный табун оленей покрыл все прибрежные возвышения. Радостное ожидание оживило все лица, и все предсказывало обильный промысел. Но, к ужасу всех, внезапно раздалось горестное роковое известие: «Олень пошатнулся». Действительно, мы увидели, что весь табун, вероятно устрешенный множеством охотников, отошел от берега и скрылся в горах. Отчаяние заступило место радостных надежд. Сердце раздиралось при виде народа, внезапно лишенного всех средств поддержать свое бедственное существование». Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 227.

¹¹⁴ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 128—129.

П. И. Рычков: «Пески Джидель-Мамут, от Орской крепости по пути к озеру Аксакалу дня с четыре верховой езды. Звание их происходит от растущего по ним леса, который киргизцы называют джидель, местами же есть и тальник. Длина их верст на тридцать, а ширина верст на десять. По ним есть немалые же песчаные бугры и выкопанные колодцы, в которых вода пресная. На всех тех песчаных местах, в Киргиз-Кайсацкой степи имеющих, растет трава, которую киргизы называют юшан, видом и духом подобна полыни, только весьма низка, и так как скотина траву охотно ест, и в зимние времена снега бывают тут мелкие и недолго держатся, того ради киргиз-кайсаки обыкновенно в тех песчаных местах зимуют»¹¹⁵. Такой образ жизни сохранялся у значительной части казахского населения еще в конце XIX и начале XX в., что было зафиксировано во многих документах. Например, Е. Смирнов писал: «Чтобы защитити табуны и гурты от зимних холодов и снежных буранов казахи располагают свои зимние стойбища по преимуществу в камышовых и колючковых зарослях по берегам рек и озер, в горных лощинах и ущельях, а в открытых пустынях занимают бугристые пески, изобилующие глубокими логами и растительностью»¹¹⁶.

Землепользование у таких кочевников сводилось лишь к присвоению дикорастущей травы посредством животных, по этой причине стада и табуны были единственным богатством кочевых скотоводов степей и пустынь. Вследствие того, что условием успешного ведения экстенсивного пастбищного скотоводства является «необходимость в известное время года часто переменять пастбища, то все остальные удобства, какие могла бы доставить казаху оседлость, с выгодами которой, впрочем, он еще и не успел ознакомиться, были, разумеется, тотчас же принесены в жертву крайней надобности кочевать. Без скота существование казаха стало немислимым»¹¹⁷.

Жизнь кочевых скотоводов была крайне консервативна. Римский историк Алпиан Марцеллин (IV в.) так писал об аланских кочевниках: «Аланы, как номады, перекочевывают на огромные пространства... У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках... и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травое место, они располагают в виде круга свои кибитки; истребив весь корм

¹¹⁵ «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неуструева». М., 1949, стр. 76—77.

¹¹⁶ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 150.

¹¹⁷ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1868, стр. 391.

для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом. Гоня перед собою упряжных животных и стада, они пасут их; наилучшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми»¹¹⁸. Подобно аланам, казахские кочевники до недавнего прошлого тоже расставляли юрты на каждой стоянке крутом. Овец, верблюдов и рогатый скот на ночь пригоняли в аул и загоняли в круг, образованный кибитками.

В характере землепользования кочевое скотоводческое хозяйство не имеет ничего схожего с земледелием. При кочевом образе жизни человек не мог оказать плодотворного воздействия на землю, не мог улучшить ее качество потому, что был не в состоянии вложить в нее свой труд. Это объясняется тем, что земля в данном случае выступала в качестве косвенного объекта труда, опосредствованного через скот, т. е. через основное средство производства кочевника. Происходило постоянное использование трав пастбищ на корню только путем пастбы скота, посредством перегона его с места на место. Такой способ ведения хозяйства, основанный на простой утилизации дикорастущих трав, сделал хозяйство кочевника примитивным; оно полностью зависело от стихийных сил природы и периодически теряло громадное количество скота в результате массового падежа при неблагоприятно сложившихся зимних условиях и от эпизодий (джут и индет).

Джут (по-калымски — зут) был одним из страшных стихийных бедствий, периодически постигавших отсталое кочевое скотоводство. Каждый раз кочевники теряли огромное количество скота. Джут был следствием неблагоприятных метеорологических условий: 1) многоснежной зимы, сопровождавшейся длительными буранами и большими холодами. Обычно такой зиме предшествовало засушливое лето, которое не позволяло скоту нажировать к зиме; 2) наступление оттепели или выпадение дождя на снег, который превращался в лед или покрывался ледяной корой, в результате животное не могло добыть себе корма; 3) затяжная и холодная весна, вследствие чего скот погибал от истощения.

В жарких странах, не знающих зимы, джут происходил от выгорания пастбищных трав. Это стихийное бедствие было хорошо знакомо и казахским кочевникам¹¹⁹.

¹¹⁸ В. В. Латышев. Известия древних писателей. См.: «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. 1, М., 1952, стр. 158.

¹¹⁹ По данным П. В. Иванова, наиболее памятные джуты в XIX и начале XX в., захватившие частично или полностью нынешнюю территорию Казахстана, происходили в годах: 1826/27, 1829/30, 1838/39, 1844/45, 1848/49, 1853/54, 1873/74, 1875/76, 1879/80, 1888/89, 1891/92, 1897/98, 1902/3, 1907/8, 1911/12, 1916/17, 1918/19, 1920/21, 1924/25,

Джуты были разные, иногда частичные, иногда крупные, опустошительные для всей казахской степи. При каждом большом джуте громадная масса кочевников лишалась своего скота и превращалась в нищих. «Как проклинали они судьбу за то, что, лишив их скота, джут не унес и их самих, а обрек на медленную голодную смерть. Такие джуты уносили и тысячи человеческих жизней... Могло ли при таких условиях развиваться хозяйство в пустынях? Мог ли человек чувствовать себя властелином природы?»¹²⁰. Конечно, нет. Если крупные джуты повторялись примерно через каждые 6—7, а иногда через 10—11 лет, то частичные бывали почти ежегодно то там, то здесь¹²¹.

О частичных или местных джутах говорят такие факты. Например, у казахов Кувандыкской дистанции Акмолинского округа, несмотря на значительное изменение в кочевом образе жизни, в зиму 1856/57 г. погибли: 20 591 лошадь, 101 019 овец и 1635 голов крупного рогатого скота¹²²; в следующую зиму 1857/58 г. в Каркаралинском округе пало 97 051 лошадь, 477 046 овец и 11 185 голов крупного рогатого скота¹²³; в Мамуновской дистанции Акмолинского округа в ту же зиму погибло 15 127 лошадей, 30 063 овцы и 3868 голов крупного рогатого скота¹²⁴.

От суровой зимы в 70-х гг. XIX в. страдали и кочевые монголы. «Монголы жаловались, что в предшествующую зиму по причине глубокого снега у них был большой падеж на скот, в особенности на баранов. Многие богатые, говорили они, вследствие этого падежа стали бедными. Действительно, для монголов, не заготавливающих на зиму несколько сена, глубоко снежная зима — настоящее народное бедствие, по-жалуй, не лучше чумы, язвы и тому подобных эпизоотий»¹²⁵.

1926/27, 1927/28. В Тургайской области, по данным губернских отчетов, в 1879/80 г. из 3 662 737 голов всех видов животных погибло от джута 1 528 679, или 42% всего наличного состава; в 1891/92 г. из 3 355 743 погибло 1 198 451, или 36%. (А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области, стр. 29, 37); по данным И. Аничкова, от джута 1891/92 г. кочевники многих волостей Казалинского уезда потеряли до 95% всего поголовья скота. (И. Аничков. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 150—169).

¹²⁰ Б. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 26.

¹²¹ «Ежегодный падеж скота есть явление постоянное, неизбежное, и разница его только колеблется в ту или другую сторону, смотря по годам. В несчастный год степи теряют более 50% всего скота, а это на одну Сыр-Дарьинскую область составляет сотни тысяч голов». Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 150.

¹²² ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 639, л. 48.

¹²³ Там же, д. 598, л. 18.

¹²⁴ Там же, д. 639, л. 41.

¹²⁵ М. В. Певцов. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951, стр. 95.

✓ Кочевое скотоводство было более отсталым видом хозяйства по сравнению с развитым земледелием, оно в основном приспособлялось к внешним силам природы, а не изменяло ее ¹²⁶. Кочевник всегда зависел от окружающих внешних сил природы, которые проявлялись в количестве осадков, температуре воздуха, силе ветра и т. д. Зависимость от подобных явлений природы в условиях оседлого земледельческого хозяйства несколько иная. Для людей, умеющих выращивать культурные растения и заготавливать пищу для себя и корм для домашних животных на зиму, не так страшны длинная зима, глубокий снег и гололед.

Кочевник, живущий исключительно пастьбой скота и не прилагающий труда для обработки земли и возделывания кормовых трав, мог вести только пассивную борьбу со стихийными явлениями природы. Борьба сводилась в основном к перекочевке с места на место. Обычно кочевник спасался от джута и индета путем откочевки на новые места. О. Броневский, изучавший в 30-х гг. XIX в. жизнь казахов Среднего жуза, отмечает, что «если случится в ауле какое несчастье, например: необыкновенная смертность и упадок скота, то они, почитая это место нечистым, оставляют его и ищут другое» ¹²⁷. В случае джута скотоводы, не считаясь ни с каким морозом, ни с каким бураном и туманом, кочевали до тех пор, пока скот мог передвигаться. Это также была одна из форм борьбы с природой. Но ее ни в коем случае нельзя сравнивать с созидательной борьбой земледельца, постепенно покоряющего природу.

✓ Природа оставалась для кочевого скотовода неумолимой, она периодически уничтожала его стада и табуны. Хорошо знавший хозяйство казахских кочевников Л. К. Чермак писал, «что борьба с природою, подчинение себе ее сил почти отсутствует, что все благосостояние кочевника зависит почти исключительно от благоприятно или неблагоприятно сложившихся условий погоды: хорошая осень, мягкая малоснежная зима без буранов и гололедицы — и кочевник процветает, но случилась сильная гололедица или выпадает такой глубокий снег, что подножный корм делается недоступ-

¹²⁶ «При такой форме скотоводческого хозяйства, при которой происходит использование естественных пастбищ без вмешательства человека в окружающую его природу, причем ввиду слабой производительности пастбищ, приходится периодически сменять вытравленные скотом пространства, совершая, таким образом, в течение года определенный замкнутый кочевой путь. Кочевое хозяйство принадлежит к экстенсивнейшим хозяйственным формам вообще». В. А. Владимирский. К вопросу о переходе казахов в оседлое состояние. «Отчет ИРГО за 1901 год». СПб., 1902, стр. 36—37.

¹²⁷ О. Броневский. О киргиз-кайсаках Средней Орды. «Отечественные записки», СПб., 1830, ч. 43, стр. 75.

ным, и кочевник оказывается совершенно бессильным в борьбе с бедою, — скот падает массами, и вчерашний богач делается бедняком»¹²⁸. Во время таких страшных зим кочевники, чтобы спастись от свирепых снежных буранов, иногда устраивали заборы из трупов погибших животных. В результате такого бедствия вчерашний богатый скотовладелец за несколько дней превращался в нищего. Разорившиеся кочевники не могли производительно использовать обильно выросшие после джута сочные травы, не имея для этого орудий труда, т. е. стад и табунов. Вместе с их гибелью бывший богач терял и свое общественное положение. Старинная казахская пословица гласит: «Для гибели бая достаточно одного джута, а для гибели батыра — одной стрелы» («Бай бір жұттық, батыр бір оқтық»).

От джута путем откочевки от данного места спасались еще в конце XIX в. полукочевники-скотоводы Семипалатинской области. Вл. Фон-Герн констатирует, что «если на какой-либо местности зимою или ранней весной появится гололедица, то скот перегоняют на другие места, свободные от гололедицы. В случае же, если один из табунов и пострадает от гололедицы или продолжительных буранов во время гололедицы, есть полное вероятие пожертвовать одним из табунов или даже частью его, спасти от гибели другие, так как несчастья от бескормицы редко бывают одинаково губительны для всей степи, как было в ужасную зиму 1879—1880 годов, когда пострадала вся степь, от пределов Западного Китая до р. Урала и от Иртыша до Сыр-Дарьи»¹²⁹.

Участники экспедиции Ф. Щербины об уровне развития хозяйственной жизни казахов, кочевавших еще в конце XIX в., писали, что «примитивно в этом хозяйстве все: и отношение к природе, и уход за стадами, и содержание пастухов, и добывание продуктов скотоводства, и самое потребление их. Благодаря именно этой примитивности казахское хозяйство и является крайне шатким и неустойчивым. Малейшая случайность — и хозяйство скотовода сразу уже быстро падает и подрывается вконец. Особенно губительным образом действуют на скотоводческое хозяйство неблагоприятные зимы. По мнению казахов, из 10 зим только шесть бывает хороших, строго говоря, «джуты» представляют собой своего рода ковенную оценку пастушеского хозяйства и сте-

---

¹²⁸ Л. К. Черняк. Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXVII, Омск, 1900, стр. 22.

¹²⁹ Вл. Фон-Герн. Из записной книжки (Этнографические заметки). «Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 год». Семипалатинск, 1898, стр. 22—23.

пени культурности самого хозяина»¹³⁰. Эта характеристика верна. В своих основных чертах всякое кочевое скотоводство, существовавшее в условиях пустынь и сухих степей, включая кочевое скотоводство казахов в XV—XVIII вв., было таким же.

Одной из особенностей землепользования при кочевом скотоводстве является его кратковременный и мимолетный характер. Это обусловлено тем, что в данном случае происходит лишь вытравливание скотом естественного растительного покрова почвы, а не производство и воспроизводство его.

И. Я. Златкин и его сторонники высказывают мнение, что если кочевники эпизодически копали в пустыне и степи колодцы (кудук), организуя таким образом попутный водопой скоту, то это означает обработку земли, в результате чего последняя выступает как основное средство производства кочевых скотоводов. В частности, И. Я. Златкин пишет: «Искусственное добывание воды является серьезной тратой человеческого труда, необходимого для воспроизводства пастбищных угодий как средства производства»¹³¹. Такое утверждение беспочвенно, так как организация кочевниками эпизодического водопоя скота из колодцев никогда не была производством и воспроизводством пастбищных трав. «Кочевниками присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща»¹³².

Если же стать на точку зрения И. Я. Златкина, полагающего, что всякая затрата труда человеком на рытье ям для получения воды является обработкой земли, то обработкой земли можно считать и устройство охотниками ловушек или ям для ловли диких животных.

Развивая дальше мысль И. Я. Златкина о колодцах кочевников, следует затратить труда рыбаков, делающих проруби в водоемах для ловли рыбы, также отнести к обработке земли, так как в понятие «земля» с экономической точки зрения входит и вода. Вряд ли серьезно можно говорить о водопользовании кочевников из колодцев как о производстве и воспроизводстве пастбищных угодий, ибо в таком случае надо признать кочевое скотоводство самым высококультурным, высокопродуктивным хозяйством.

Известно, что искусственные выгоны, пастбища и произ-

¹³⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд», т. I, Воронеж, 1898, стр. 111—112.

¹³¹ И. Я. Златкин. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 93.

¹³² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

водство кормовых растений являются характерными признаками высокоразвитого капиталистического или социалистического сельского хозяйства. Видимо, И. Я. Златкину и его сторонникам неизвестно, что основная масса кочевников не круглый год, не везде и не главным образом поила свои стада и табуны из колодцев; в общем балансе водоснабжения в условиях кочевого скотоводства колодцы составляли не более 20—25%.

По данным Б. А. Федоровича, например, в песках Муюн-Кумы и в тростниковых зарослях низовьев р. Чу казахи только зимовали со своим скотом. Весной «за снегом» они уходили на север, шли через пустыню Бетпак-Дала, пока сохранялись на ней еще «дождевые ямы» с водой (жаки). В течение всего лета они выпасали скот на полынных, типчаковых, ковыльных и разнотравных пастбищах степей Сары-Арка, а с первыми холодами и снегами вновь уходили на юг¹³³.

Колодцы были не единственным и решающим источником водоснабжения кочевников. Последние пользовались многочисленными другими естественными источниками. «Поение животных во время перекочевков производится казахами, смотря по местности, из рек, озер, болот, оврагов, котловин, в которые собирается весенняя вода, или же из вырытых колодцев»¹³⁴. В зимнее время, когда на земле лежал снег, кочевники совсем не поили скот и в основном использовали нетронутый травостой безводной пустыни (шуль), не устраивая колодцев¹³⁵.

Колодцы для кочевников приобретали более серьезное хозяйственное значение лишь в некоторой зоне обширной территории кочеваний и то в определенное время года. Они были одним из эпизодически используемых элементов предмета труда или одним из вспомогательных материалов, необходимых для ведения кочевого скотоводства, но не основным средством труда этого производства. Во времена полного кочевого образа жизни колодцы в казахских степях за отдельными лицами не закреплялись, они не были объектами част-

¹³³ Б. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 252.

¹³⁴ «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г.», Томск, 1899, стр. 236.

¹³⁵ «Если на плато выпадает хоть самое незначительное количество снега, то ветер снесет его в котловины. Снег дает овцам возможность выпастись без водопоя. Заглатывая снег понемножку, равномерно, на ходу, вместе с травой, согреваясь движением, овцы утоляют жажду и не переохлаждаются. Такой режим гораздо полезнее, чем если дать овце сразу большую порцию холодной воды перед ночевкой в открытом загоне. Выпас «под снег» предохраняет овцу от простуды и способствует лучшему усвоению сухого корма. Недаром казахи говорят, что «зимний водопой жир сгоняет». Б. А. Федорович. Лик пустыни, стр. 275.

ной собственности и, следовательно, орудием эксплуатации человека человеком.

Многие исследователи, когда говорят о колодцах в Казахстане, не совсем ясно представляют себе, что это такое. Под колодцами кочевые казахи обычно понимали те места на своем кочевом пути, где можно было на скорую руку вырыть ямы-копани разной глубины, чтобы из них получить воду¹³⁶. Причем такая затрата труда не предполагала строительства каких-то долговечных сооружений. Такой колодец (яма) требовал почти ежедневного ремонта и чистки, так как быстро обваливался и засорялся. Поэтому всякий кочевник при остановке в подобных местах сам копал колодец, изредка ограничиваясь лишь чисткой старых¹³⁷.

Колодцы в Казахстане можно разделить на три группы: к первой относились так называемые таизы глубиной 1—5 м, ко второй — терены глубиной от 5—10 м и к третьей — шинтрау глубиной более 10 м, а иногда и 40—60 м. Последним типом колодцев пользовалась незначительная часть казахского населения, которая кочевала на небольшом расстоянии и в летнее время жила в таких безводных районах, как Кызыл-Кумы, Устюрт и Мангышлак. Основная же масса скотоводов очень редко пользовалась шинтрау, например, при запоздалом весеннем или же преждевременном осеннем кочевом передвижении. Признаком шинтрау являются укрепленные деревом (саксаулом) или камнем стенки.

В конце XIX — начале XX в. в Мангышлакском уезде по принадлежности все колодцы делились «на три категории: одни, большей частью устроенные недавно, составляют собственность отдельных лиц, которыми они вырыты и устроены или куплены, другие, устроенные в более давние времена, принадлежат поколениям и аулам, третьи, очень давние, счи-

¹³⁶ «Источники пресной воды — колодцы, копани в песках, бывают небольшой глубины, и по свойствам почвы они едва ли могут быть старыми. Во-первых, вырытые в песке колодцы легко осыпаются, а, во-вторых, их легко вырыть снова; старые же и глубокие колодцы, скорее всего, указывают, что они рыты в плотной почве, и такие расстояния между ними, как два и три дня, указывают, что эти колодцы нелегко роются или что присутствие воды под землей не так очевидно, чтобы можно было рыть их чаще». См. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880, стр. 51.

¹³⁷ «Стенки мелких колодцев (кудуцов) глубиной 2—4 м, редко глубже (в зависимости от грунта), не укреплены. Такие колодцы, особенно в песках, ежегодно обваливаются или подновляются старые, или же роются новые. В одной и той же ложине на площади всего в одну десятину нередко можно встретить сотни старых обвалившихся колодцев и только несколько из них (редко больше 10) действующих теперь». См.: «Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 13. Серия Казахская. (Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда). Л., 1928, стр. 62.

таются принадлежностью всех казахов и туркменов Мангышлакского уезда... Колодцы, как общие для туземцев уезда, аульных обществ и поколений, так и принадлежащие отдельным лицам, расположены очень смешано, так что почти все группы поят из колодцев [скот] разных волостей и аулов»¹³⁸. Этот документ верно показывает, как по мере перехода кочевников к полукочевому типу хозяйства даже без применения сенокосения и хлебопашества менялась у них форма собственности на колодцы. Но вместе с тем никакого запрета в использовании воды из колодцев, принадлежавших даже отдельным лицам, не было. В документе говорится, что у мангышлакских казахов существовал установленный обычаем порядок, по которому пользоваться колодцами, составляющими частную собственность отдельных лиц, мог прежде всего их владелец, затем его родственники по степени их родства, потом уже другие кочевники¹³⁹.

Скотоводы пустыни Кызыл-Кумы в конце XIX и начале XX в. имели глубокие колодцы в песках, как правило, ближе к гористой местности, которая расположена на юге песчаного просторства или же на северо-востоке ближе к р. Сыр-Дарья. Они разводили преимущественно каракулевых овец, одnogорбых верблюдов, в небольшом количестве коз и верховых лошадей, которых насчитывались единицы, и то у зажиточного населения. В этой местности не было условий для разведения лошадей и крупного рогатого скота, тем более для занятия земледелием.

У кзыл-кумских казахов, привязанных к колодцам в пустыне, не было никаких сенокосных и пахотных угодий, кроме песчаной территории, используемой как пастбище для скота. Никаких ограничений и регламентирования в использовании этих пастбищ не существовало. Колодцы в Кызыл-Ку-

¹³⁸ ЦГИА КазССР, ф. 40 (Мангышлакское уездное управление), оп. 2, доп. дело 13, лл. 99—100 (Переписка по разного рода заявлениям и жалобам киргизов, 1892 г.).

¹³⁹ «На мелкие колодцы права собственности не существует, шинграу принадлежит отдельным аулам, родовым группам и даже отдельным лицам. Преимущественное право пользования сохраняется в первую очередь за строителем, его родичами, за родом и затем только пользуются посторонние лица. Так как очень много шинграу существует уже несколько поколений, а на некоторых сохранились даже еще метки туркменских родов, то фактически и шинграу являются, если не вполне общественной собственностью, то собственностью чрезвычайно широкого круга лиц. Все преимущество лиц или родов, вырывших колодцы, заключается в очереди водопоя: хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь, также и все граждане того же рода; в остальное время колодцами пользуются все желающие в порядке живой очереди». См.: «Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 13. Серия Казахская. (Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда). Л., 1928, стр. 65—66.

мах, да и в Кара-Кумах (Туркмения) не были оазисами, вокруг которых люди выращивали культурные растения. Они служили лишь источниками воды для людей и животных во время сжигающей все живое жары.

Незнание жизни кочевников порой приводит к нелепым утверждениям, например: «Богатые скотоводы, обеспеченные верблюдами, пастухами и глубокими колодцами, могли кочевать на большие расстояния»¹⁴⁰. По мнению автора, верблюды, пастухи и глубокие колодцы передвигались вместе с кочевниками. Между тем глубокие колодцы никак не влияли на протяженность кочевого пути и никогда не облегчали труда кочевников и не способствовали их обогащению.

Жители пустынь почти всегда владели жалкое существование¹⁴¹. Песчаная пустыня не могла быть очагом культуры. Легенда феллахов (египетские крестьяне) гласит: «Когда бог создал мир, он каждой вещи дал спутника. — «Я пойду в Сирию», — сказал Разум. «Я пойду с тобой», — сказал Мятёж. «Я пойду в пустыню», — сказала Нищета»¹⁴². Совсем не случайно в легенде нищета связана с пустыней.

Крайне тяжелые природные условия обитателей пустынь делали их жизнь очень трудной. О жителях каменистой Аравии сказано: «Не красна их жизнь; кругом горы да песок; только немногие счастливы живут у зелени и у воды; огромное большинство не обеспечено ничем; нет не только настоящего хлеба, нет даже глотка порядочной воды по близости... в хижине араба, едва заслуживающей название человеческого обиталища или просто в известковой скале, мечутся от голода и жажды его несчастные жена и дети... на нем и его семье уже несколько лет не снимались лохмотья одежды, едва прикрывающие тело; право, в его жалком жилище нет почти ничего, что напоминало бы о жилище человека»¹⁴³.

Со временем вокруг глубоких колодцев в кзыл-кумской пустыне скудный растительный покров был уничтожен. Вскоре территорию их месторасположения заняли сыпучие пески. С каждым годом пастбища все больше и больше удалялись от колодцев, что вынуждало стада ежедневно делать

¹⁴⁰ Н. Г. Апполова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 37.

¹⁴¹ Нельзя не согласиться с тем положением, что в XVII—XVIII вв. «нищее, плохо организованное хозяйство кочевников при отсутствии прочной кормовой базы в песках, при крайней скудости и плохом качестве водных источников не могло прокормить туркменские племена, и они были вынуждены искать источников для пополнения своих погребительских ресурсов в набегах на оседлые поселения Персии, Афганистана, Бухары и Хорезма». Е. Штейнберг. Очерки истории Туркмении. М. — Л., 1934, стр. 9.

¹⁴² А. Айру. Феллахи Египта. М., 1954, стр. 154.

¹⁴³ А. Елисеев. Обитатели каменистой Аравии. СПб., 1883, стр. 92.

значительные переходы. Это привело к тому, что казахи летом поили верблюдов через 2—3 дня, а овец через день¹⁴⁴. Мангышлакские и кзыл-кумские казахи считали не нужным увеличивать число колодцев в этих пустынях.

Казахская пословица говорит: «Чем больше мулл — тем хуже народу, чем больше колодцев — тем хуже земля». Эта пословица связывала чрезвычайное оскудение растительности с увеличением количества колодцев. В кзыл-кумской и кара-кумской пустынях летом от недостатка кормов, воды и нестерпимой жары скот истощался и погибал. Значительно легче становилось с наступлением осени и зимы. Такие условия жизни вынуждали скотоводов запастись зимой снегом на весну первобытным способом. С северной стороны песчаных бугров, имевших растительный покров, они вырывали огромные ямы, обкладывая травой и кустарником, а потом заполняли снегом. Сверху набрасывали еще траву, кустарник и землю. Таким запасом «воды» они жили весенние месяцы, а затем прикочевывали в места нахождения «глубоких колодцев», где жизнь для трудового населения была земным «адом». Здесь они находились, пока стояла жара.

Примерно таким же способом, каким использовали снег кзыл-кумские казахи, кара-кумские туркмены использовали атмосферные осадки путем устройства так называемых каков. «В песчаной пустыне атмосферные осадки быстро просачиваются сквозь толщу песков. На такырах влага некоторое время остается на поверхности, пока не испарится. Для сохранения пресных такырных вод в течение более длительного времени на такырах роют ямы — каки. «Каковой» водой поят скот»¹⁴⁵.

Частной земельной собственности на пастбище у подобных кочевников не было. Количество наличного скота у каждого из них как бы механически определяло размеры землепользования пастбищем. Чем больше было скота, тем больше его собственник мог извлечь выгоды от земли. Это было свойственно всем кочевым обществам.

Совсем иное отношение к земле у оседлых народов. Характерной особенностью землепользования у них является его продолжительный и постоянный характер, что объясняется прочным освоением и окультивированием человеком определенного участка земли; оставление его означало бы полную потерю затраченного труда. Следовательно, рост за-

¹⁴⁴ «Вокруг водоезов, аулов, у дорог наблюдается ряд последовательных «зон» усиления сбоя (деформации почвы под влиянием ступивания) и вырождения растительности». «Казахстан». (Общая физико-географическая характеристика). М. — Л., 1950, стр. 269.

¹⁴⁵ З. Г. Фрейкин. Туркменская ССР. (Экономико-географическая характеристика). М., 1954, стр. 40.

трат на возделывание земли был одной из основных причин, привязывавших человека к земле и поднимавших ее хозяйственную ценность.

В оазисах пустынь трудом многих поколений земледельцев благодаря искусственному орошению были выращены фруктовые сады, виноградники, возделаны поля хлопчатника, риса, огородно-бахчевых и других ценнейших культур. Так возникли оазисы на Сыр-Дарье (Фергана), в низовьях Аму-Дарьи (Хорезм), на Зеравшане (Самарканд и Бухара) и Мургабе (Мерв). Земледелие процветало в долинах рек Янцзыцзян, Хуанхэ, Ляохэ, в дельте Нила и т. д.¹⁴⁶

Об огромном значении для развития общества подчинения людьми сил природы К. Маркс писал: «Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д., где орошение при помощи искусственных каналов не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в ирригации»¹⁴⁷. Без оседлости и земледелия человек не добился бы таких успехов.

Если земледельцы затрачивали труд на поднятие хозяйственной ценности определенного участка земли ограниченной площади¹⁴⁸, то кочевники использовали для своего производства готовые плоды природы. Отсутствие травы для скота, полное истощение снежного покрова или высыхание талой воды вынуждали кочевника искать новые места с травой и доступным для стад и табунов водоемом. Такая производственная деятельность человека создала целую систему пастбищно-кочевоего скотоводства. Радиус передвижения или длина кочевого пути в течение года определялись уровнем развития производительных сил кочевого общества и окружающими природными условиями. Для установив-

¹⁴⁶ «Земледелец, благодаря своей оседлости, становится усердным приобретателем, изобретает полезные искусства и научается сохранять накапливающиеся богатства». Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1899, стр. 86.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 522—523.

¹⁴⁸ «Самый прогресс естественных знаний и неравное их распределение, будучи отчасти причинами, служат отчасти следствиями состояния, в каком находится производство и распределение богатств». Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения. т. III, ч. I, М., 1948, стр. 35.

шейся системы кочевого хозяйства с характерной для него рутинной регулярные странствования с одного пастбища на другое, по существу, и были основными переменами в жизни кочевников. Они не могли прикрепляться к земле, которая как бы бежала из-под их ног¹⁴⁹.

Вследствие такой специфики технологии своего производства кочевники не могли использовать для хозяйственных целей один и тот же участок земли, так как были не способны извлечь больше корма для своего скота, чем давала природа. Они вынуждены постоянно кочевать. Бесперывное кочевание было технико-экономической необходимостью, диктуемой природою основного средства производства у кочевых скотоводов — стад и табунов. Поэтому кочевники извлекали от земли тем больше пользы, чем меньше задерживались со стадами и табунами на одном месте, затрачивая свой труд лишь на перекочевку и перегон животных на новые и новые пастбища. Поговорка казахских кочевников гласит: «При частой кочевке скот жиреет, а на стоянке баба жиреет». («Көше берсе мал семіз, көшбесе қатын семіз»). Данная поговорка отражала тот факт, что кочевник путем увеличения количества кочевок расширял площадь использования естественных пастбищ, обеспечивал улучшение кормления и нагул животных, добивался увеличения удоя молока, нормального роста шерсти и быстрого развития молодняка. Все это означало повышение продуктивности животных и расширенное воспроизводство их поголовья. Следовательно, увеличение количества кочеваний или удлинение кочевого пути при нормальных условиях жизни кочевников было единственным способом интенсификации кочевого хозяйства. Этим объясняется необходимость громадной площади естественного пастбища даже для сравнительно небольшого числа кочевых хозяйств.

В таких условиях, чем большим количеством стад и табунов располагало хозяйство, тем чаще и дальше по сравнению с малоскотными хозяйствами ему приходилось кочевать. Малое количество скота могло быть удовлетворено растительностью с относительно небольшой площадью земли. Поэтому маломощные хозяйства совершали меньше кочеваний и имели короткий кочевой путь в году. Из вековой практики ведения кочевого скотоводческого хозяйства известно, что сокращение количества кочеваний в любое время года приводило к голоданию скота. Удлинение срока пребывания

¹⁴⁹ «Чем более его (кочевника. — С. Т.) домашнее благоустройство основывается на богатстве скотом и чем резче становится разница между пользой, извлекаемой им из стада и из скудной растительности северных стран, тем он делается менее оседлым». Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1899, стр. 85.

аула на одном месте, особенно зимой, всегда пагубно отражалось на животных. По этому поводу казахская поговорка говорит: «Пострадавший от джута хвалит свой журт»¹⁵⁰. В ней осуждается хозяин, потерявший свои стада и табуны из-за нежелания совершать частые кочевания. Итак, кочевое хозяйство могло существовать только там, где был большой простор для передвижения и крайне низкая плотность населения¹⁵¹.

Повышение производительности общественного труда тесно связано с плотностью населения на определенной площади земли. Труд оседлого земледельца требует меньше земельной площади на единицу продукции, чем труд кочевника при экстенсивном скотоводстве, и уже поэтому, казалось бы, он должен вытеснить последний на известной ступени уплотненности населения данной страны. Но сама плотность является функцией роста производительности общественного труда. «И если бы эта производительность из расчета на единицу продукции, эквивалентной питательности, — скажем, на 1000 усвояемых нами калорий — была в кочевом скотоводстве больше, чем в земледелии, то у наших предков не оказалось бы никаких экономических стимулов для вытеснения первого вторым. Первичным и решающим фактором в этом деле являются, стало быть, лишь сравнительные темпы роста производительности данных отраслей труда. В земледелии эти темпы оказались выше, чем в кочевом скотоводстве, и поэтому оно постепенно вытесняло последнее»¹⁵².

В этом вопросе разбирался и султан Сейдалин, который писал: «Занятие казахов скотоводством и кочевая жизнь их для поддержания последней является не прихотью народа, а делом самым ответственным, и эта жизнь со своим пастушеством не уступит места оседлости с земледелием до тех пор, пока естественным приращением казахского населения не почувствуется крайняя теснота, вместо прежнего простора в степи»¹⁵³. Кочевое скотоводство могло существовать

¹⁵⁰ Журт — место стоянки аула.

¹⁵¹ «Возрастающее население будет только увеличивать количество животных, при помощи которых оно использует дикую растительность и, может быть, изменяет состав животных в том направлении, чтобы полнее и всесторонне использовать дикую растительность. Так будет продолжаться до тех пор, пока еще имеются свободные пастбища, пока простым количественным увеличением животных можно покрыть возрастающие количественно потребности населения». Н. Кожанов. Сельское хозяйство Туркестана. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924, стр. 2.

¹⁵² С. Г. Струмилин. К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 48.

¹⁵³ Сейдалин султан 2-й. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. «Записки Оренбургского отд. ИРГО», вып. 1, Казань, 1870, стр. 237.

только там, где была ничтожна плотность населения и достаточен простор свободной земли; последняя вследствие кратковременной эксплуатации ее как пастбища не доводилась до крайнего истощения и сохраняла способность восстанавливать свой естественный растительный покров без затраты человеческого труда.

Относительная продолжительность пребывания кочевых скотоводов на том или другом пастбище зависела от почвенно-климатических условий, богатства местности растительным покровом и плотности кочевого населения на данной территории. Кочевые скотоводы относительно долго могли оставаться на одном месте или передвигаться на значительные расстояния только в условиях богатых растительностью горных и лесных местностей, где вообще невозможен полный кочевой образ жизни. Об этом Ф. Энгельс, касаясь древних германцев, писал: «Они далеко не такие номады, как современные азиатские кочевые народы. Кочевой жизни место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были также далеки и от стадии оседлых земледельческих народов»¹⁵⁴.

Кочевники пасли свои стада на дикорастущей траве, утоляли жажду животных зимой снегом, а в другие времена года поили скот из озер, рек, родников, талой водой, в необходимых случаях — из вырытых колодцев. Подобное воздействие человека на землю не приводило к обогащению ее полезных свойств, как результат затраченного труда. Наоборот, при полном кочевом образе жизни использование пастбищ носило хищнический характер, который выражался в очень быстром их истощении¹⁵⁵. Это яркий показатель того, что кочевое скотоводство могло существовать только там, где была малая плотность населения и достаточный простор свободной земли.

Использование кочевниками территории только как пастбища было пассивным воздействием человека на землю по сравнению с земледелием. О пассивном отношении кочевни-

---

¹⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 450.

¹⁵⁵ «На северо-западе в этой субтропической Индии расположена пустыня Тар... Но Тар была одной из «лучших» пустынь мира. Весенние и зимние дожди давали возможность развиваться хотя и не густой растительности, но все же вполне достаточной для выпаса скота и для скрепления песков, а мягкий климат ее ничем не угрожал ни человеку, ни стадам.

Пастбища пустыни Тар так хищнически вытаптывались стадами, что травы оскудели и пески во многих районах стали голыми, сыпучими. Они засыпают и то, что уцелело от прежних пастбищ, и «самая лучшая» пустыня не может прокормить половины тех стад, что выпасались в ней прежде». Б. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 306.

ков к естественному процессу восстановления диких растений говорит казахская пословица: «Трава будет расти там, где она раньше росла, а не на голом такыре». («Шөп шыққан жеріне шығады, қу тақырға дым да жоқ»). На территории Казахстана такыров много. На них на протяжении нескольких километров не встретишь ни одного растения. Кочевник даже не задумывается над «оживлением» такыров, он знал только, что они всегда голы. Не случайно, в пословице ничего не говорится о его активной роли в изменении такыров, воспроизводству основного «сырья» кочевого скотоводства — пастбищной травы.

Вся колоссальная территория от Уральских гор на восток до Тихого океана и на юг до высот Памира, состоящая главным образом из равнин, степей, травянистых долин, была родиной древних кочевых скотоводческих племен и называлась великой «страной трав»¹⁵⁶.

Великая страна древних кочевников включала и территорию казахов, у которых широкое развитие получило дикотравное кочевое скотоводство. Существование организации кочевого скотоводства сводилось к тому, что дикорастущая трава огромных пространств пустынь и степей позволяла держать круглый год стада и табуны на подножном корму. Такой естественный растительный покров был основным природным богатством данной территории, в этом заключается разгадка тайны, почему именно в этих местах получило развитие и тысячелетиями сохранялось отсталое кочевое скотоводство как особая сфера материального производства.

В отличие от кочевого скотоводства технология земледелия способствовала тому, что человек переделывал свойства почвы в желательном для себя направлении. Поэтому он никогда не считал неизменной бесплодность почвы отдельных мест, например, такыров. Наоборот, «с древнейших времен в районах орошаемого земледелия в Средней Азии вдоль оросительных каналов высаживали древесные насаждения, с величайшим искусством выравнивали поливные поля для лучшего распределения оросительной воды. Для мелиорации песчаных почв здесь издревле применяли землястые глинистые удобрения, а для улучшения тяжелых бесструктурных глинистых почв — такыров — использовали песок»¹⁵⁷. В результате бесплодные такыры или песчаные почвы превращались в плодородные. О таком же преобразую-

¹⁵⁶ Элизе Реклю. Человек и земля, т. III, СПб., 1906, стр. 26—34.

¹⁵⁷ В. А. Ковда. Великий план преобразования природы. М., 1952, стр. 20.

щем характере труда земледельцев говорят примеры из истории древних Египта и Китая ¹⁵⁸.

Напротив, кочевой скотовод имел дело только с дикотравным пастбищем, свой ум, жизненный опыт и все знания он направлял на то, чтобы его стадо досыта наедалось. В этом состояла главная задача пастуха, основным инструментом мастерства которого было пасущееся стадо. А «все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост» ¹⁵⁹. Научкой и практикой доказано, что с ростом плотности кочевого населения даже самая плодородная почва, используемая только как пастбище, всегда обесценивается скотом. Пасущиеся из года в год животные вытравливали полезную растительность — злаки, бобовые, словом, все, что требовалось для поддержания их организма. В период цветения и обсеменения растений, скот выедал начисто корма, не трогая в то же время непригодную для него растительность. Ранней весной при влажной почве он втаптывал слабые растения, зачастую оставляя не имеющие хозяйственного значения разного рода бурьяны. В засуху, когда был скудный растительный покров, опять-таки страдали от скота полезные травы ¹⁶⁰.

Чрезмерная эксплуатация растительного покрова земли при кочевом скотоводстве всегда приводила к уничтожению лесов и растительности пустынь и полупустынь, превращая их в сыпучие пески ¹⁶¹. Одним из многочисленных примеров в этом отношении может служить Букеевская орда, в которой «скот из года в год огромными массами «топтался» на одних и тех же пастбищах. В результате эти пастбища, расположенные вплотную к пескам, истощались, вытаптыва-

¹⁵⁸ Ф. Я. Нестерук. Водное хозяйство Китая. Из истории науки и техники Китая. Сб. статей. М., 1955, стр. 51.

¹⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 491.

¹⁶⁰ Например, в южных волостях Темирского уезда «беспрерывной, усиленной пастбой скота типец уничтожен почти совершенно; на пространстве целых верст встречаются несколько кустиков; ковыль же вытравлен настолько, что от него остались съеденные до земли корни прежде могучих кустов». См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд». Оренбург, 1910, стр. 217.

¹⁶¹ «Больше всего испорчены земли южных Кызыл-Кумов. Можно и сейчас считать тут 700—800 видов растений, но на значительных пространствах пастбища сильно обеднены»... Или же в Иране: «Овцы и козы, как бритвой, обрили все склоны гор. Не осталось на них ни ростков прежде деревьев, ни кустов, редкой стала трава. И с каждым дождем все сильнее размываются бесчисленные рытвины и овраги, превращаясь в ущелья. Горы, дарившие прежде воду, топливо и пастбище, превратились в грозных врагов, заносящих поля каменным саваном». Б. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 288, 303.

лись в песчаные степи. Все современники и исследователи Внутренней орды свидетельствуют о том, что количество песков в орде к началу второй половины XIX в. значительно увеличилось. Там, где раньше были прекрасные пастбища, через 20—25 лет образовалась безжизненная песчаная степь. Через несколько лет пески уже вплотную подошли к Ставке и стали засыпать ее немудреные строения»¹⁶².

Этот факт прежде всего говорит о том, что пастбищно-кочевую систему скотоводства, которая господствовала у казахов в XV—XVIII вв., возможно было вести только на огромных просторах степей, где какая-то часть в течение года оставалась необитаемой. Такая необъятность территории давала кочевникам свободу передвижения со скотом на большом пространстве земли, с целью наилучшего обеспечения скота кормом в любое время года. В этом состояла главная особенность и в то же время отсталость хозяйственной жизни у всех более развитых кочевых народов. Безусловно верно, что «в старые времена, когда казахов было значительно меньше, скотоводство выдерживало все невзгоды кочевого хозяйства, пополняя своим приростом как процент падежа, так продажи и потребления. За последние же годы казахское население стало увеличиваться, скотоводство же благодаря прежнему крайне некультурному способу ведения хозяйства не только уменьшается, но и вырождается»¹⁶³.

Другое положение в земледелии. Человек, занимающийся даже примитивным земледелием, сильно отличается от кочевого скотовода тем, что в процессе земледельческого труда имеет все шансы скорее постичь тайны природы, постепенно понять причины истощения почвы и найти средства борьбы с ним. Это позволило земледельцу принять меры для сохранения и увеличения плодородия почвы, своего основного средства производства. Не таков кочевник. Чтобы подняться до такого уровня борьбы с природой, ему нужно было стать хотя бы примитивным земледельцем и пройти ту же «школу» земледельческого труда, которую прошли все земледельцы мира.

Земля при кочевом скотоводстве использовалась в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы. «Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.»¹⁶⁴. Эти слова Маркса, ставящие рядом естественные луга, т. е. естественные пастбища, с таким же даром природы — воздухом, И. Я. Злат-

¹⁶² В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 57.

¹⁶³ ЦГИА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 934, л. 8.

¹⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.

кин решил опровергнуть. Он пишет: «В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков пытаются убедить нас, что земля у кочевников не является основным средством производства, но она выполняет пассивную роль естественного внешнего фактора, чего-то вроде воздуха, которым дышат живые существа»¹⁶⁵. Между тем для использования такого дара природы, как пастбища, казахским кочевникам необходимо было иметь стада и табуны и вести круглогодичный кочевой образ жизни.

Подобная форма кочевого хозяйства существовала еще в дореволюционном Казахстане. Скотоводы такого типа — вечные кочевники. По мере истощения пастбищ они меняли свои стоянки как зимой, так и летом. Конечно, в таких условиях ни о каких границах пастбищ не может быть и речи¹⁶⁶. Однако Л. П. Потапов другого мнения. Он считает, что «если в период начального развития кочевого скотоводства еще можно было осваивать новые, никем еще не занятые территории, то позднее, во всяком случае к первым векам до н. э., таких территорий в Центральной Азии и полосе степей от Алтая до Крыма и Дуная было не так-то уж много, ибо кочевое скотоводство уже повсюду получило большое распространение»¹⁶⁷, «монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли»¹⁶⁸.

Одним из стимулов к оседанию кочевников является рост плотности населения и появление земельной «тесноты». Оседлый же образ жизни предполагает земледелие и возникновение частного землевладения, тогда как кочевое скотоводство могло существовать только на «необитаемом», по словам Маркса, пространстве, где не было никакого частного землевладения. С мнением Л. П. Потапова в данном вопросе нельзя согласиться еще и потому, что оно приводит к признанию «теории» извечности частной собственности на землю и к «теории» вечного феодализма на Востоке.

Если согласиться с утверждением Л. П. Потапова в вопросе о возникновении частной земельной собственности у среднеазиатских кочевников от Алтая до Крыма еще в первых веках до нашей эры, то мы должны признать существование ее в этот период также у кельтов, германцев и славян.

¹⁶⁵ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 92.

¹⁶⁶ Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912, стр. 225.

¹⁶⁷ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 80.

¹⁶⁸ Там же, стр. 81.

Такую позицию историческая наука давно отвергла. Буржуазной теорией извечности частной собственности на землю «доказывалось», что древнему германскому общественному строю в первых веках до нашей эры были присущи частная собственность на землю, крупное землевладение и эксплуатация рабского труда в такой же форме, в какой и античному рабовладельческому обществу.

Далее в теории утверждалось, что в период, предшествующий падению Римской империи, общественный строй и уровень развития культуры римлян и германцев были одинаковыми. Буржуазные историки в лице Фюстель де Куланжа и Допша пытались своей «теорией» доказать исконность существования частной собственности на землю и извечность эксплуатации человека человеком. Эту «теорию» европейских апологетов буржуазии развивает и современная реакционная буржуазная наука¹⁶⁹. Прав Ф. Я. Полянский, который пишет: «Известия Цезаря совершенно опровергают демагогию германских фашистов, по мнению которых предки современных немцев издавна были народом высокой культуры. Цезарь рисует их народом весьма примитивной культуры, не знающим существования государства и частной собственности на землю, еще только переходящим к земледелию и оседлому образу жизни»¹⁷⁰.

Об отсутствию частной собственности на землю в патриархально-феодальном земледельческом обществе, каким мы считаем общество германцев на рубеже V—VI вв., Ф. Энгельс писал: «При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей»¹⁷¹. Ф. Энгельс ссылается также на описание оседлого ирландского рода не только в древних сборниках законов, но и в актах английских юристов XVII в. Земля ирландцев до XVII в. «была общей собственностью клана или рода, если только она не была уже превращена вождями в их частные домениальные владения»¹⁷². О древних германцах пишет также Р. Ю. Виппер: «Цезарь говорит, что у германцев нет частной собственности, нет огороженных владений: каждый год вожди и старейшины распределяют землю между отдельными родами и семьями»¹⁷³.

На наличие огромных просторов еще свободных и никем не занятых земель в Сибири, Казахстане и на юге России в

¹⁶⁹ Е. А. Косминский. История средних веков, т. I. М., 1952, стр. 47.

¹⁷⁰ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 24.

¹⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 140.

¹⁷² Там же, стр. 132.

¹⁷³ Р. Ю. Виппер. История средних веков. М., 1947, стр. 11.

XIX в. указывал В. И. Ленин. «В начале пореформенной эпохи в 60-х годах южные и восточные окраины Европейской России были в значительной степени незаселенной территорией, на которую направлялся громадный приток переселенцев из центральной земледельческой России»¹⁷⁴. Далее В. И. Ленин, сравнивая аграрные отношения в Центральной России и Сибири, писал: «Дело в том, что в Сибири... нет обязательного и «уравнительного» надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее (так было, по крайней мере, до сих пор) ...»¹⁷⁵.

Если в конце XIX в. в таком земледельческом и лесном крае, как Сибирь, не было сложившейся частной собственности на землю, то вполне закономерно наличие огромных ни за кем не закрепленных степных, пустынных и полупустынных земель в условиях племенно-феодального и военно-кочевого общества казахов в XV — XVIII вв. Эта территория использовалась кочевниками в самой широкой общинной форме, сообразно их производству — кочевому скотоводству.

Один из приверженцев теории существования частной собственности на землю среди кочевников чуть ли не с момента возникновения и распространения кочевого скотоводства А. Б. Турсунбаев говорит, что ученые, отрицающие существование частной собственности на землю, фактически утверждают, что «эксплуататорская верхушка аула и рядовые скотоводы одинаково относились к земле, и земля в условиях кочевого аула не являлась орудием эксплуатации. В действительности такого положения не могло быть и не было»¹⁷⁶.

Из этого следует, что кочевое скотоводческое общество никогда не знало общинного землевладения, что оно извечно характеризовалось частной собственностью на землю. Ошибочность такого утверждения не требует доказательств. В России ярким представителем буржуазной теории извечной частной собственности на землю был В. Сергеевич. «По его мнению, период поднятия интереса к древней общине у германцев, славян и других народов — «это... время глубокой веры в древность поземельной общины». Он ставит себе задачу бороться с этим предрассудком и решительно выдвигает тезис об исконности частной собственности на землю и о полном отсутствии следов общинного владения землей в русской древности»¹⁷⁷. В этом же заключалась ошибочность

¹⁷⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 563—564.

¹⁷⁵ Там же, стр. 116.

¹⁷⁶ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 100.

¹⁷⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 75.

концепции русского историка Павлова-Сильванского. «По теории Павлова-Сильванского, ни «территориальная власть мира», ни пережитки общинного землевладения, отмеченные им самим, не имели ничего общего с «первобытным коллективизмом». В этом состоит главный порок его концепции. Утверждая извечность частной земельной собственности отдельных крестьян, отрицая первобытнообщинную собственность на землю, он не мог правильно объяснить, откуда ведет свое начало та «территориальная власть мира», которую он подметил»¹⁷⁸.

Одной из ошибок приверженцев теории извечной частной собственности на землю является точка зрения об одинаковости уровня развития общественно-экономической жизни кочевых скотоводов и оседлых земледельцев на Востоке. В. С. Батраков утверждает, что «характер производственных отношений для всех частей восточного общества был общий. Иными словами, для кочевой и оседлой частей восточного общества было характерно единство общественного способа производства, который определял социально-экономическую физиономию данного общества в его целом, на той или иной ступени исторического развития»¹⁷⁹.

Такая позиция противоречит историческим фактам. Нельзя рассматривать весь Восток как единое социально-экономическое целое. Эта концепция ничем не отличается от выдвигаемой теории Допша о Западе как социально-экономическом целом, в которое он включал государства бассейна Средиземного моря, а также Скандинавию и Шотландию. Говоря об извечной одинаковости уровня общественно-экономического развития народов Европы, он отрицал качественные различия между общественными формациями.

Мы отвергаем мысль о том, что на всем Востоке, т. е. у всех народов Азии, северо-восточной Африки и юго-восточной Европы, было одно так называемое «восточное» общество, где «характер производственных отношений» был общим у всех. По существу это то же самое, если сказать, что на всех этапах исторического развития у египтян и бурят, вавилонцев и курдов, иранцев и казахов, согдианцев и саксов, гуннов и китайцев, монголов и индусов, якутов и армян, палестинцев и киргизов, арабов и коряков, таджиков и туркмен был один общий для всех общественно-экономический строй.

Видимо, такая странная «теория» имеет целью обосновать наличие «высокой» культуры у древних и средневековых кочевников, которые якобы несли с собою на Запад

¹⁷⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М. — Л., 1951, стр. 190.

¹⁷⁹ «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 79.

культуру и прогресс. Поэтому В. С. Батраков говорит, что кочевые народы «прошли стадию развитого феодализма, как и оседлые народы, и в тот же самый исторический период, т. е. начиная с X—XI вв.»¹⁸⁰. Если согласиться с таким утверждением, то остается признать, что все азиатские и отчасти африканские кочевники прошли стадию развитого феодализма еще в X—XI вв. и затем после того, как страны Европы перешли к капитализму, у них появился «кочевой капитализм». Согласно этой «теории» казахские племенные союзы кочевников, возникшие в XV в. и вошедшие в состав России в XVIII в., следует охарактеризовать не только как «кочевые феодальные», но и как «кочевые капиталистические» (!). В подобном заблуждении находился и А. Л. Сидоров. Он заявил: «Ценными были выступления В. С. Батракова, Н. Е. Омелина, И. Я. Златкина, С. З. Зиманова, А. Е. Еренова и других... В. С. Батраков поставил вопрос об этапах в развитии феодализма» у кочевых народов¹⁸¹.

Обосновывая мысль о развитии кочевого феодализма, В. С. Батраков говорил: «Когда же Россия стала на путь капиталистического развития, в кочевых районах, вошедших в ее состав и превратившихся в источники сырья и рынки сбыта ее капиталистической промышленности, стало развиваться товарное производство и нарождаться капиталистические отношения, вследствие чего прежние отношения, характерные для развитого феодализма, стали разрушаться и сменяться новыми отношениями» (т. е. капиталистическими. — С. Т.)¹⁸².

С точки зрения В. С. Батракова в кочевых районах Российской империи был настолько развит феодализм, что уже стал разрушаться и сменяться капитализмом. Поэтому вполне логично предположить, что после победы Великого Октября кочевые народы, входившие в состав России, перешли прямо от капитализма к социализму, а не от докапиталистических отношений к социалистическим, минуя стадию капитализма, как принято считать в марксистской науке.

Ленинизм учит, что кочевые скотоводческие народы, подобные казахскому, не дошли до стадии капиталистического развития еще в момент Великой Октябрьской социалистической революции, но такие народы с помощью рабочего класса передовых стран «могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁸³. Это пол-

¹⁸⁰ Там же, стр. 79.

¹⁸¹ Там же, стр. 572.

¹⁸² Там же, стр. 79.

¹⁸³ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 246.

ностью подтвердилось практикой социалистического строительства в СССР.

Что же касается народов Китая и Индии, у которых сохранился родовой быт, то в программе Коминтерна, принятой 1 сентября 1931 г., было записано: «Центральное значение имеет здесь борьба с феодализмом, докапиталистическими формами эксплуатации»¹⁸⁴. Следовательно, там преобладала докапиталистическая форма производственных отношений.

В. И. Ленин говорил, что трудящиеся таких отсталых стран, как Туркестан и другие, «находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹⁸⁵. Ленинское определение «полуфеодальное» мы понимаем применительно к Казахстану как «патриархально-феодальное».

Опять-таки И. Я. Златкин заявляет, «что различия между кочевым животноводством и оседлым земледелием не так глубоки. Животноводство и растениеводство — две главные отрасли сельскохозяйственного производства, каждая из которых имеет в своей основе определенное, целенаправленное использование земли, в одном случае для разведения домашних животных, в другом — для выращивания полезных растений»¹⁸⁶.

И. Я. Златкину вторит С. З. Зиманов. Он так пишет о казахском обществе XVIII в.: «Сельскохозяйственное производство занимало безраздельно господствующее положение в системе народного хозяйства. Промышленное производство как особая сфера материального производства, отдельная от сельского хозяйства, можно сказать, вообще не существовало»¹⁸⁷.

Подобное суждение о сельскохозяйственном производстве допустимо лишь в том случае, если речь идет об органически связанном между собой скотоводстве и земледелии в условиях оседло-земледельческого общества после отделения города от деревни. Но это суждение является домыслом, если иметь в виду кочевое скотоводство, которое еще не достигло уровня развития сельскохозяйственного производства. Само понятие «сельское хозяйство» существует не вечно. Оно возникло на сравнительно высоком уровне развития общества, когда произошло отделение города от деревни.

---

¹⁸⁴ «Программа Коминтерна». М. — Л., 1931, стр. 106.

¹⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 244.

¹⁸⁶ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 74.

¹⁸⁷ С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 29.

Кочевники потому и называются кочевниками, что у них нет еще оседлых селений с жителями, занимающимися главным образом земледелием, как и нет еще городов с населением, живущим ремеслом и торговлей. Поэтому у них не могло быть ни сельского, ни городского хозяйства, а лишь кочевое скотоводческое. Животноводство и растениеводство становятся составными частями сельского хозяйства только тогда, когда уже нет кочевого скотоводства. Кочевое скотоводство, о котором идет речь, исторически и логически предшествует сельскому хозяйству.

Без оседлого земледелия и городов сельскохозяйственное производство не могло бы возникнуть ни в одном обществе. Поэтому, когда И. Я. Златкин и С. Э. Зиманов рассценивают кочевое скотоводство как сельское хозяйство, они рассматривают само сельское хозяйство не исторически как производство вообще, а вне времени и пространства.

Филологи не без основания объясняют происхождение слова «селение» от слова «заселенное место», т. е. место, где поселились люди.

Исторические документы говорят, что процесс заселения в древней Руси шел с VI по IX в. путем образования «сел, дворов, двориц, печниц»¹⁸⁸, которые были различными названиями и формами родовых поселений. Следовательно, появление селений и населенных пунктов предполагало уже оседлый образ жизни, а не кочевое скотоводство. В истории народов развитие ремесел и торговли привело к возникновению и росту городов. Затем последовало отделение города от деревни. «У народов с оседлым земледелием — эта оседлость уже большой прогресс, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принципы организации земледелия в города и в городские отношения»¹⁸⁹.

В таких обществах скотоводство, подобное кочевому скотоводству, не могло существовать раздельно от земледелия, оно выступало как одна из отраслей земледелия, являясь уже оседлым скотоводством. Это позволяет понять, почему скотоводство в зависимости от уровня развития производительных сил играло различную роль в жизни общества и могло выступать в разное время и в разных странах в форме кочевого, полукочевого и оседлого скотоводства. Кочевое ско-

¹⁸⁸ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 81—82.

¹⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

товодство как самое примитивное из этих видов было преобладающим способом производства в обществе, находившимся, как правило, на патриархально-феодальной стадии развития. Эту стадию общество могло пройти тем быстрее, чем быстрее шел процесс оседания кочевников. Без этого условия кочевое скотоводство могло бы существовать веками и переходная патриархально-рабовладельческая или патриархально-феодальная стадия не была бы пройденной.

Что касается оседлого скотоводства, то оно, как было сказано, являлось одной из отраслей земледелия, одной из отраслей сельского хозяйства во всех общественно-экономических формациях, где общественное разделение труда выступало в виде отделения города от деревни, в виде отделения городского ремесла от сельского хозяйства. «С созданием города появилось и новое деление — между городом и деревней. Это произошло не сразу — в течение веков большинство горожан владели землей за стенами города и обрабатывали ее. Прибавочный продукт, образовавшийся благодаря большей эффективности земледелия, поступал в город»¹⁹⁰. Из этого следует, что кочевое скотоводство нельзя путать со скотоводством оседлых земледельцев вообще, тем более — со скотоводством в капиталистическом обществе. Капитализм постепенно подчинял сельское хозяйство и превращал продукты производства всех его отраслей в товары. «В той мере, в какой земледелие становится просто одной из отраслей предпринимательства и капиталистическое производство водворяется в деревне, (468) в той мере, в какой земледелие производит на рынок..., пшеница, сено, скот, всякого рода семена и т. д. *продаются* как товары...»¹⁹¹.

В капиталистическом обществе с характерной для него противоположностью между городом и деревней, экономической основой которой была эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы, сельское хозяйство становится весьма сложным и многоотраслевым, охватывающим разные отрасли растениеводства и животноводства.

В эпоху восходящего капитализма оседлое скотоводство не только является отраслью сельского хозяйства, но и составной частью земледелия.

В. И. Ленин, рассматривая вопрос о прогрессивном развитии капитализма в пореформенной России, сопоставляя экстенсивное сельское хозяйство с интенсивным, где скотоводство играет подчиненную роль по отношению к зерново-

¹⁹⁰ Д. Ж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 65.

¹⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 57.

му хозяйству, пишет: «Если при зерновой системе хозяйства и при экстенсивном земледелии этот прогресс может выразиться в простом расширении посева и сокращении числа рабочих, количества скота и пр. на единицу посева, то при скотоводственной или технической системе хозяйства, при переходе к интенсивному земледелию, тот же прогресс может выразиться, например, в посеве корнеплодов, требующих большего количества рабочих на единицу посева, или в заведении молочного скота, в посеве кормовых трав и пр. и пр.»¹⁹² В. И. Ленин, говоря, что соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны¹⁹³, в понятие земледелия включал и высокоинтенсивное социалистическое животноводство.

Таким образом, в развитом феодальном и капиталистическом обществах, где сельское хозяйство приобретает многоотраслевой характер, основной его отраслью, как правило, остается производство зерна, а скотоводство выступает как одна из отраслей земледелия, а следовательно, и сельского хозяйства. Так как само сельское хозяйство имеет историю возникновения и развития, то между кочевым скотоводством и оседлым земледелием, между кочевым и оседлым скотоводством всегда существовало качественное различие, определяющееся уровнем развития производительных сил общества.

Однако И. Я. Златкин такого различия не видит. Он пишет: «Чем же отличается оседлое животноводство от кочевого животноводства? Разве не тем, что в одном случае производитель имеет дело с большей, в другом — с меньшей земельной площадью, используемой в качестве кормовых угодий, в одном случае с меньшим, в другом — с большим количеством механических орудий труда, используемых для обеспечения животных кормами? С точки зрения народнохозяйственной и социальной мы вправе рассматривать обе эти системы как нечто однотипное, различающееся между собою количественно, но не качественно»¹⁹⁴. В этом вся суть вопроса, в этом вся суть различного подхода к его пониманию. Переход от кочевого скотоводства к оседлому И. Я. Златкин понимает как чисто механический акт, который не обусловлен никакими социально-экономическими отношениями людей. С такой трактовкой нельзя согласиться.

---

¹⁹² В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 66—67.

¹⁹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 9.

¹⁹⁴ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 92.

В действительности же различие в количестве используемых земель этих двух видов скотоводства указывает на качественное различие между ними, различный уровень развития их производительных сил, культуры и на различные способы ведения хозяйства. Известно, что уровень развития хозяйства, его отсталость или прогрессивность, меньшая или большая степень интенсивности всегда сказывались на величине используемой земельной площади. При большей плотности населения и более высоком уровне культуры общества сельское хозяйство должно быть интенсивным, а размер используемой площади постоянно уменьшаться. Наоборот, при меньшей плотности населения и низкой производительности общественного труда хозяйство, как правило, занимает большую земельную площадь. Поэтому «с точки зрения народнохозяйственной и социальной мы вправе рассматривать эти две системы» как различные виды материального производства, отличающиеся качественно и количественно.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что количество земли, которое занимает данное хозяйство, если эта земля не обрабатывается, не дает никакого представления о размерах хозяйства и объеме выпускаемой им продукции. Правильность этого положения подтверждается всей историей развития человечества. Развитие производительных сил общества и повышение культурного уровня людей приводили к постоянному росту продукции с единицы площади земли.

Особенность интенсивного хозяйства состояла в том, что оно, занимая небольшую площадь земли и давая большое количество продукции, постепенно превращалось в крупное производство с высокоразвитой культурой. Вся история земледелия, включая оседлое скотоводство, показывает, что процесс развития шел по линии интенсификации земледелия. При интенсивном хозяйстве на определенном участке земли все больше концентрировалось средств производства и труда, что позволяло получать с единицы земельной площади все больше и больше продуктов. Поэтому кочевое и оседлое скотоводство нужно рассматривать с учетом исторического пути их развития, а не как неизменные и раз навсегда данные формы хозяйства.

Кочевое общество всегда развивалось сначала к полукочевому, а от него к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству, т. е. от старого, отсталого к новому, передовому, от малопроизводительного к высокопроизводительному использованию земли, от незнания тайн природы к постепенному постиганию ее, от рабского подчинения человека стихийным силам природы к покорению их и сознательному направлению по нужному руслу. Кочевое скотоводство по

отношению к оседлому было пережитком старого, а оседлое скотоводство по отношению к кочевому, наоборот, прогрессивным, имеющим неодолимую тенденцию к развитию.

И. Я. Златкин и его единомышленники не видят разницы между кочевым скотовладельцем и оседлым феодалом. Они считают, что «первый являлся собственником сотен и тысяч квадратных километров, а второй — сотен и тысяч гектаров; первый со своими крепостными передвигался по определенной территории, а второй жил оседло. Характер экономических связей, существовавших между оседлым феодалом и его крепостными, ничем существенным не отличался от характера связей, существовавших между кочевым помещиком и его крепостными»¹⁹⁵. Один из последователей И. Я. Златкина, А. Е. Еренов, вторит ему: «Феодалному способу производства, независимо от того о земледельцах ли или кочевниках идет речь, присуща крупная монопольная земельная собственность»¹⁹⁶. В данном случае И. Я. Златкин и А. Е. Еренов не учитывают разницы в уровне развития производительных сил кочевого и оседлого обществ. Такой подход к вопросу не научный.

Патриархально-феодалное кочевое скотоводческое общество отличается от феодального оседлого земледельческого именно уровнем развития производительных сил. Однако не только этим, но и потенциальными возможностями развития материального производства, но между тем И. Я. Златкин и А. Е. Еренов в своих утверждениях отрывают производственные отношения людей от типа хозяйства.

Для существования кочевого хозяйства необходима обширная территория и необитаемое пространство. В течение года люди кочевали на огромные расстояния, что было вызвано экономической необходимостью, обусловленной основным средством производства кочевого скотоводства. Кочевое скотоводство, базировавшееся исключительно на утилизации дикотравного пастбища, иначе не могло существовать. Кочевание было первым показателем отсталости и примитивности кочевого скотоводства как определенного вида материального производства.

Кочевники, не имея условий для обработки земли, лишь снимали с нее «сливки» путем использования готового растительного снежного покрова почвы и не давали ей ничего. Поэтому «переход к земледелию привел к новому типу общества, качественно отличного от предшествующих в си-

¹⁹⁵ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 79—80.

¹⁹⁶ А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960, стр. 151.

ду колоссального количественного роста числа людей, которые могли бы прокормиться на той же земле»¹⁹⁷. Оседлое же скотоводство всегда являлось составной частью земледелия и по сравнению с кочевым было качественно другим видом скотоводства.

Оседлое скотоводство в условиях земледелия играло различную роль. Скот служил тягловой силой, давал навоз для удобрения полей, мясо, молоко для питания и сырье для ремесла. Какая из полезных сторон использования скота выступала на первое место, опять-таки определялось общим уровнем развития культуры земледелия, производительных сил общества в целом.

В условиях оседлого земледельческого хозяйства количество скота и размеры посева, кормление скота и удобрение полей, уход за скотом и обработка почвы взаимно обуславливают друг друга. Говоря об освобождении крестьян от крепостной зависимости и уничтожении общинного землепользования после буржуазно-демократической революции в Германии, Ф. Энгельс писал, что «не пользуясь общинными угодьями, мелкий крестьянин не может содержать скота; не содержа скота, он не имеет удобрений, без удобрений невозможно рациональное земледелие»¹⁹⁸.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит данные о большом значении удобрений для полеводства: «... у зажиточных крестьян скоп навоза от 1 головы крупного скота почти вдвое выше, чем у несостоятельных... Происходит это от того, что беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, продавать его и пр. «Нормальный» скоп навоза от 1 головы скота (400 пудов) достигается, следовательно, лишь у крестьянской буржуазии»¹⁹⁹. Эти факты еще раз подтверждают правильность положения о том, что оседлое скотоводство имеет подчиненное по отношению к полеводству значение и является в сущности его «вторым цехом».

Развитие капитализма и рост городского населения вызвали на капиталистическом рынке огромный спрос на продукцию животноводства. Он послужил стимулом для дальнейшей интенсификации полеводства и животноводства. Необходимо было ввести новую научную систему земледелия, которая предполагала замену старой системы севооборота новой, создание искусственной кормовой базы для скота и замену старых малопродуктивных пород высокопродуктивными.

¹⁹⁷ Д. ж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 60.

¹⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 343.

¹⁹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 106 (сноска *).

В то же время в капиталистическом сельском хозяйстве продолжают существовать два вида оседлого скотоводства: экстенсивное, малопродуктивное пастбищно-нагульное мясное и интенсивное, высокопродуктивное молочное. Между ними существуют промежуточные виды оседлого скотоводства различной степени интенсивности. В. И. Ленин, имея в виду Россию, указывал, что пастбищно-нагульное мясное скотоводство требует больше земельной площади, чем самое экстенсивное полеводство, а интенсивное молочное скотоводство, наоборот, меньше, чем самое интенсивное полеводство.

Применение удобрений и улучшение других условий капиталистического земледелия неминуемо вели «к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств — 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству *должен* породить тенденцию к уменьшению площади хозяйства»²⁰⁰. Сокращение земельной площади хозяйства во всех этих случаях сопровождалось ростом затрат труда на определенном участке земли и увеличением количества продуктов с единицы земельной площади.

В 90-х гг. XIX в. в сельском хозяйстве России капитализм сделал значительные успехи. Оседлое скотоводство в районах получило различное направление. В. И. Ленин установил, что скотоводство в Прибалтийских, Северных и отчасти в Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской губерниях приобрело молочный характер. «В других областях России скотоводство имеет другое значение. Например, на крайнем юге и юго-востоке утвердилось самая экстенсивная форма скотоводства, именно нагульное мясное скотоводство. Севернее рогатый скот получает значение рабочей силы. Наконец, в средней черноземной полосе он становится «машинной», производящей навозное удобрение»²⁰¹.

Из сказанного вытекает, что между кочевым и оседлым скотоводством существует не простое количественное различие в размерах используемых земель, как полагают И. Я. Златкин и его сторонники, а большое качественное социально-экономическое различие.

Таким образом, стада и табуны кочевников и обработанные поля земледельцев были различными средствами и

---

²⁰⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 125.

²⁰¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 256, 258 (сноска**).

объектами труда в двух самостоятельно существовавших в истории видах материального производства — кочевом скотоводстве и оседлом земледелии. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства обусловили разный образ жизни общества. Люди при том или другом образе жизни по-разному использовали землю, следовательно, оказывали различное воздействие на природу и по-разному изменяли ее и себя.

СКОТ КАК ОБЪЕКТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СРЕДСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ В КОЧЕВОМ СКОТОВОДЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Марксизм-ленинизм учит, что на определенном этапе развития общества вследствие значительного роста производительных сил произошло первое крупное общественное разделение труда, скотоводство отделилось от земледелия. В результате, вместо отсталого и по этой причине одновременно занимавшегося как мотыжным земледелием, так и первобытным пастушеством общества возникло два новых: оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое. Они отличались друг от друга, как уже говорилось, не только основными средствами производства, спецификой процесса труда и образом жизни людей, но и объектами частной собственности. Вместе с первым крупным общественным разделением труда произошло и первое деление общества на два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабовладельцев и рабов. Такая классовая дифференциация общества могла возникнуть лишь на базе появления частной собственности на основные средства производства как у кочевых скотоводов, так и у оседлых земледельцев.

Кочевое общество было способно веками сохранять, консервировать и даже реставрировать отсталые формы общественных отношений до тех пор, пока не произошло коренного изменения в области его материального производства: кочевое скотоводство сменилось оседлым земледелием или, по крайней мере, полукочевым скотоводческо-земледельческим хозяйством, идущим по пути к оседанию. Сам процесс оседания кочевников на протяжении всей истории человечества был глубоко прогрессивным и революционным процессом, который создавал большую возможность для развития производительных сил общества. Он означал возникновение нового и разрушение старого вида материального производства, появление элементов новых производительных сил общества, новой формы и объектов собственности в качестве средств

производства, а следовательно, явился целым переворотом в социально-экономических отношениях, образе жизни людей.

Такой процесс развития человечество пережило в различных частях света в разные времена по-разному. Он имел свои специфические особенности, обусловленные конкретно сложившимися социально-экономическими и почвенно-климатическими условиями.

Переходное полуграбовладельческое или полуфеодалное кочевое, античное рабовладельческое и феодальное общества представляют собой различные стадии развития производительных сил. Определенному уровню развития производительных сил в том или другом из названных общества соответствовали свои социально-экономические отношения. Полуграбовладельческая или полуфеодалная стадия развития как переходная стадия была присуща не только кочевому обществу, но и оседлому примитивному земледельческому, где еще не было частной сословно-монопольной собственности на землю. Такое общество в основном характеризовалось натуральным хозяйством при почти полном отсутствии общественного разделения труда. Другое дело в античном рабовладельческом обществе, где было развито земледелие, городские ремесла и где решающее общественно-экономическое значение приобрело частное землевладение наряду с имеющимся общественным разделением труда и товарно-меновыми отношениями. По словам Ф. Энгельса, в древней Греции вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами собственными силами, а затем вскоре и земельная собственность отдельных лиц. «С дальнейшим развитием промышленности и обмена все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями его, торговлей, судоходством и т. д.»¹

Сословно-монопольное землевладение, развитое земледелие и городское ремесло характеризуют также феодальное общество. Например, западноевропейское «феодалное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия»². Если взять полуграбовладельческую или полуфеодалную развитое кочевое общество, то там решающее экономическое значение имело частное скотовладение, базировавшееся на общинном землевладении. Следовательно, экономическим условием развития имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком в оседлом полуфеодалном и феодальном обществах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 113—114.

² Там же, Соч., т. 3, стр. 22.

наряду с частной собственностью на движимое имущество была частная собственность на землю как на главное средство труда земледельца. При кочевом же скотоводстве экономическим условием имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком была частная собственность на стада и табуны. «Обыкновенно мы видим на ранней ступени развития выделение из массы населения земледельской аристократии, а в обществах пастушеских — скотовладельческой, и затем выделение несвободных элементов, кадры которых формируются отчасти из состава данного общества, отчасти из военнопленных»³.

Еще более убедительно о кочевых народах высказался Дж. Бернал. Он отмечает, что «племенные институты варваров также изменялись под влиянием частной собственности: усиливалась роль воинов и власть военачальников. Наибольшее влияние цивилизация оказала на культуру скотоводческих народов, не желавших в силу своего образа жизни ассимилироваться с цивилизованным населением, но все же зависевших от него из-за многочисленных потребностей в орудиях и оружии, а также в украшениях, искусством изготовления которых они не владели. Отношения между варварами и городами-государствами были разнообразными и сложными»⁴.

Принципиальное различие между этими двумя самостоятельно существовавшими в истории отраслями материального производства состояло именно в том, что частная собственность на землю мелких землевладельцев послужила одной из основных предпосылок появления крупной сословно-монопольной феодальной земельной собственности, тогда как частная собственность мелких кочевых скотоводов на скот — для возникновения только полуфеодального кочевого скотовладения, не связанного с частной земельной собственностью. Этим объясняется то, что в кочевом скотоводческом обществе казахов не могли достаточно развиться феодальные отношения, пока не началось его оседание в связи с добровольным присоединением к России.

Не говоря уже о различном уровне и различных потенциальных возможностях обществ, в основе которых лежат различные виды материального производства, следует отметить, что уровень развития феодализма даже в условиях оседлого земледелия не был везде одинаковым. Об этом Маркс писал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бес-

---

³ М. М. Хвостов. История Древнего Востока. М. — Л., 1927, стр. 10.

⁴ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 85.

конечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влиянием и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁵. Такое указание Маркса приобретает еще большее значение при сравнительном выявлении специфики кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого обществ.

Правильное решение научной проблемы, касающейся общественно-экономического строя такого кочевого общества, как казахское в XV—XVIII вв., возможно только на основе глубокого изучения и обобщения богатых конкретных фактов о формах землевладения и скотовладения, следовательно, о формах собственности на стада и табуны, о специфике организации труда и производства в условиях кочевого скотоводства, а также выявления и анализа формы и сущности эксплуатации в нем человека человеком. Всякий вид производства «предполагает *общение (Verkehr)* индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством»⁶.

Факты говорят, что развитое и основанное на классовом делении кочевое скотоводческое общество было одной из ранних стадий зарождавшегося феодализма, когда еще были переплетены между собой элементы патриархально-рабовладельческих и патриархально-феодальных отношений. Например, в условиях казахского кочевого общества XV—XVIII вв. феодального землевладения не было, а эксплуатация патриархальных рабов и полузависимых закабаленных крупными скотовладельцами-баями бедных скотоводов (малай и консы) осуществлялась на основе частной собственности на стада и табуны. Недаром К. Маркс писал, что «кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме...»⁷ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Из этого, во-первых, следует, что у кочевых народов имуществом являлась живой скот, он воплощал в себе как средства производства, так и средства потребления, поэтому имущественное неравенство и классовое расслоение среди кочевников могли возникнуть только на почве частной собственности на стада и табуны; во-вторых, использование скота в качестве всеобщего эквивалента свидетельствует о существовании у кочевников меновых отношений, возникших на

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

⁶ Там же, Соч., т. 3, стр. 19.

⁷ Там же, Соч., т. 23, стр. 99.

основе первого крупного общественного разделения труда и укрепления частной собственности на основные средства производства. Эта мысль Маркса отражает жизнь развитого кочевого скотоводческого общества, где имущество и имущественное положение людей действительно определялись количеством скота, находившимся в собственности отдельных лиц. В этом обществе только скот выступал в качестве основного средства эксплуатации человека человеком.

Главный предмет, которым обменивались между собой и соседями казахи, были скот и продукты скотоводства (шерсть, войлок, кожа). Возможность и необходимость обмена обуславливались тем, что каждый вид скота имел свою потребительную стоимость. В кочевом скотоводческом хозяйстве баран, лошадь и верблюд имели определенное назначение во всем воспроизводстве.

Мало того, существовала разница между верблюдом — рабочим скотом, верблюдом — производителем, верблюдом — молодняком, верблюдицей — молочной и верблюдом старым, которого откармливали на убой. Имелась качественная разница и между различными особями одногорбого и двухгорбого верблюдов. Качественное различие лошадей, например, скакуна, иноходца и ломовой определяло их ценность. Это хорошо подметил Е. Алекторов, который писал: «Бэрк, джурдэк и джюйрик — вот виды или сорта, на которые разделяют киргизы своих лошадей. Бэрк — крепкий, плотный конь, джурдэк — конь ходкий, а джюйрик — скаковой»⁸.

О соотношении между различными видами скота говорится в материалах обследования казахского землепользования Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области: «Одна взрослая лошадь = $\frac{6}{5}$ взрослого рогатого скота = 1 взрослому верблюду = 6 овцам, 6 козам = 4 ослам; двухлетки (тай обоого пола и тайлак) = $\frac{1}{2}$ взрослого скота своего рода; однолетки (кулун, бзау и бота) = $\frac{1}{6}$ взрослого скота того же вида или = 1 овце. Соотношения приняты те же, что в ранее обследованных уездах»⁹.

Таким образом, качественные различия создавали различные потребительные стоимости не только разных видов скота, но и его отдельных экземпляров; они делали необходимыми меновые отношения при господстве частной собственности на стада. Несмотря на то, что все виды скота обменивались на другие предметы по формуле $T—T$ или продава-

⁸ Е. Алекторов. Скотоводство киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 17—19.

⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и обработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. V. Казалинский уезд, Ташкент, 1913, стр. 48.

лись на деньги, вступая в обращение Т—Д—Т, на которые приобретались продукты земледелия и фабрично-заводской промышленности, в кочевом предреволюционном казахском ауле основным видом скота, выполнявшим функцию денег, оставался баран.

Одним из величайших открытий марксистско-ленинской науки является установление взаимной обусловленности частной собственности на средства производства независимо от их натуральной формы и физических свойств и эксплуатации человека человеком. На основе такого открытия было выяснено, что там, где господствует частная собственность на средства производства, не может быть имущественного равенства между членами общества, она неизбежно приводит его к классовому расслоению. При господстве частной собственности на средства производства неравномерность распределения общественного богатства между членами общества была и остается незыблемым законом общественного развития. В таком обществе большая часть общественного богатства сосредоточена в руках его меньшинства. С этого времени начинается эпоха, по словам Ф. Энгельса, когда всякий прогресс в положении одних в то же время означал и относительный регресс в положении других, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других ¹⁰.

Этот закон действовал и в полурабовладельческом или полуфеодальном кочевом скотоводческом обществе. Наличие частной собственности в виде стад и табунов у кочевников вызывало в различной форме и степени зависимость от ее владельцев материально необеспеченного или малообеспеченного слоя населения. Стада и табуны в руках крупных скотовладельцев служили основным орудием эксплуатации массы кочевников. Не подлежит сомнению, что «богатый пастух или скотовладелец, уважаемый за свое богатство, за большое количество людей, зависящих от него в средствах существования, за благородство своего происхождения, незапамятную древность своей блестящей фамилии, естественно имеет власть над всеми младшими пастухами или скотовладельцами своей орды или племени. Он может командовать соединенной силой большего количества людей, чем они. Его военная мощь больше, чем у кого-либо из них. Во время войны они все скорее склонны собраться под его знаменем, чем под знаменем кого-либо другого; его происхождение и богатство естественно предоставляют ему своего рода исполнительную власть» ¹¹.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 68—69.

¹¹ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935, стр. 252.

Имущественное неравенство и социальное расслоение кочевников, подобных казахам XV—XVIII вв., весь контраст в общественно-экономической жизни населения, выражающийся в противоречии между богатством и нищетой, правами и обязанностями, господством и подчинением — в конечном счете определялись размером частного скотовладения.

Частное скотовладение возникло как результат развития производительных сил кочевого общества. По словам Ф. Энгельса, «приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения... Теперь же прогрессировавшие пастушеские народы — арийцы в индийском Пятиречье и в области Ганга, как и в еще гораздо более богатых в ту пору водой степях бассейнов рек Оксуса и Яксарта, семиты по Евфрату и Тигру — приобрели в стадах лошадей, верблюдов, ослов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако уже рано должна была развиться частная собственность на стада»¹².

Появление частной собственности на стада и табуны послужило основой для возникновения классовых отношений у кочевников. Кочевое скотоводческое общество имело свои специфические особенности развития, обусловленные своеобразием его материального производства и образа жизни людей. Сам объективный ход развития как кочевого скотоводческого, так и оседлого земледельческого обществ отвергает всякие стремления «унифицировать» общественные явления, возникшие в разных условиях исторического развития общественного производства. Такими действиями хотят подменить изучение конкретной и богатой по своему содержанию общественно-экономической жизни народов, находящихся на различных ступенях исторического развития, оторванной от жизни абстрактной схемой, называя ее общей закономерностью.

Некоторые исследователи считают, что если в условиях кочевого общества нет частной сословно-монопольной земельной собственности, то в нем не может быть и классовых отношений. Экономическую и политическую зависимость одной социальной группы от другой они представляют

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 57.

крайне схематично, руководствуясь общими положениями, касающимися исключительно оседлого земледельческого общества. Всякую зависимость людей в кочевом обществе они сводят непременно к такой форме, которая возникла на основе частной собственности на землю, совершенно сбрасывая со счетов частную собственность на стада и табуны, специфику данного вида производства и уровень развития производительных сил общества. Они «искусственно» прикрепляют к земле кочевников, чтобы доказать наличие крепостнической формы зависимости в кочевом обществе.

Характерно по этому поводу высказывание И. Я. Златкина. Он говорит: «Если земля в кочевом хозяйстве является основным средством производства, то каковы в нем формы землевладения и землепользования при феодализме?... Содержанием процесса феодализации является узурпация феодализирующейся знатью земли, превращение земли в монопольную собственность класса феодалов, а массы непосредственных производителей — в класс зависимых, крепостных. Таково научное марксистско-ленинское понимание процесса становления и развития феодального способа производства»¹³. Сказанное в свое время Марксом о Михайловском можно целиком отнести к автору этих слов. Маркс писал: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»¹⁴

Схема И. Я. Златкина полностью расходится с реальной жизнью племенно-феодального и военно-кочевых скотоводческого общества. В действительности тысячи табуны и стада кочевников, находившиеся в частной собственности отдельных лиц, играли там роль основного средства производства и основного орудия эксплуатации человека человеком, хотя не было никакой феодальной сословно-монопольной собственности на территорию кочевания. В таком обществе, которому была хорошо знакома эксплуатация человека человеком с момента первого крупного общественного разделения труда и появления частной собственности на средства производства, абсолютное большинство кочевников было сословно неполноправным и в различной форме и степени находилось в экономической и политической зависимости от эксплуататорской верхушки — крупных скотовладельцев.

¹³ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 93.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 120.

Богатство в виде стад и табунов, находящееся в частной собственности семейств, являлось материальной основой могущества отдельных лиц и целой социальной группы в кочевом скотоводческом обществе. Каждый представитель эксплуататорской верхушки кочевников преследовал свои классовые интересы, стремился укрепить свое влияние и власть над народной массой в тех пределах, которые были возможны в данных условиях общественного производства. Совокупность всех социально-экономических условий кочевого общества создала определенную форму отношений и связей прежде всего между представителями эксплуататорской верхушки кочевников с целью защиты и преумножения своего богатства. «В особенности богатые люди неизбежно заинтересованы в поддержании того порядка вещей, который один может укрепить за ними обладание их преимуществами. Люди менее богатые соединяются с богатыми, чтобы защищать их собственность, с условием, что богатые соединятся с ними для защиты также и их собственности. Все малоимущие пастухи и стадовладельцы чувствуют, что безопасность их стад и табунов зависит от безопасности стад богатого пастуха или стадовладельца; что сохранение их меньшей власти зависит от его большой власти; что от их подчинения его силе зависит удержание бедных в подчинении им самим»¹⁵.

Классовый характер такого сплочения в форме политической, экономической и бытовой связи между более и менее крупными скотовладельцами был широко распространен среди казахских кочевников. Об этом говорят казахские пословицы: «Бай дает баю, река впадает в реку, а жалкой ямочке нет ничего» («Бай байға құяды, сай сайға құяды, шұқанаққа дым да жоқ»); «Богата родня матери и богата родня жены, как ты бог (кудай) можешь сделать меня бедным?» («Нағашым бай, қайным бай, неғып жарлы қыласың құдайым-ай?»).

В кочевом обществе зависимость большинства трудового народа от меньшинства крупнейших скотовладельцев проявлялась в самой различной форме и степени. Например, зависимость патриархального раба (кула) отличалась от степени зависимости кочевого пролетария (малая), а зависимость малая в свою очередь от полузависимости кочевых бедняков (жарлы), которые эпизодически получали от крупного скотовладельца так называемую родовую помощь как бедные родственники или просто помощь в качестве консы; общественное положение свободных общинников (шаруа), обеспеченных и не пользовавшихся материальной «помощью» бо-

¹⁵ Адам Смит. Указ. работа, стр. 252—253.

гатых, отличалось от общественного положения бедных родственников и консы.

В то же время взаимоотношения между крупнейшими и крупными скотовладельцами определяли размеры богатств, поэтому общественное положение их было неодинаковым. Например, крупные скотовладельцы находились под политическим и экономическим влиянием крупнейшего или самого воинственного скотовладельца, несмотря на то, что они были представителями одной социальной группы. Такая соподчиненность диктовалась своеобразием организации производства, внутренними социальными и внешними политическими условиями и образом жизни.

Каждому крупному скотовладельцу было ясно, что сохранить свое положение эксплуататора и владельца больших табунов и стад и успешно бороться в первую очередь против эксплуатируемой им группы бедноты и патриархальных рабов в своем кочевом хозяйстве он сможет, только находясь под командой сильнейшего среди своих собратьев. Сила и могущество каждого крупного скотовладельца, как правило, были прямо пропорциональны размерам его стад и табунов, количеству боеспособных членов семьи, числу рабов, малаев и консы, находившихся в экономической и личной зависимости от него. Мелкие собственники или рядовые кочевники, не получавшие от крупных скотовладельцев материальной помощи, были в политической зависимости от них.

Однако все это нельзя упрощать и полагать, что у кочевников верховым военным вождем всегда выбирали самого богатого скотовладельца из патриархально-феодальной верхушки общества.

Немаловажное значение для усиления политического и экономического влияния крупного скотовладельца на массу кочевников имели периодически проводимые пиршества, а также система гостеприимства.

В XV—XVIII вв. казахские крупные скотовладельцы обязательно устраивали различные пиршества в виде поминок умершим (ас), свадебных и иных торжеств (той) или просто щедрые угощения (конак-ас или конагасы). Эти угощения высоко ценились массой почти вечно голодных кочевников¹⁶. Потом они широко распространяли славу о таком щедром бае, бие, батыре и султানে далеко за пределами данного рода и племени. Безусловно, каждый голодный кочевник, ко-

¹⁶ «На праздниках (асах) всегда можно встретить несколько удалцов, хвастающихся перед собранием и всех удивляющих своею прожорливостью, но гораздо более таких проголодавшихся скупцов, которые втихомолку, приняв неизмерное количество мясной пищи, платятся потом за это здоровьем». М. Красовский и др. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1868, стр. 399.

торый время от времени наедался досыта у крупного скотовладельца, считал себя его должником. Об этом свидетельствует казахская пословица: «Одно сытое угощение для бедняка — наполовину обогащение» («Жарлының бір тойғаны, шала байығаны»). В другой казахской пословице подчеркивается, что трудовая масса кочевников почти всегда жила впроголодь: «Если ты каждый день будешь сытый, то разоришься, а если в неделю один раз не наешься, то умрешь» («Күнде тойсаң бүлінерсің, аптада бір тоймасаң өлерсің»).

О низком жизненном уровне основной массы мелких кочевых и полукочевых казахских скотоводов еще в конце XIX в. писали члены экспедиции Ф. Щербины. «Самый факт недоедания, существования впроголодь в среде бедных казахов, имеющих очень мало скота, также не подлежит сомнению. По рассказам, очень многие казахи продовольствуются мясными продуктами более или менее удовлетворительно только в первые месяцы зимы, а затем, по мере того, как истощается заготовленное впрок мясо, мясная порция все уменьшается и уменьшается, бедное население к весне также тощает и худеет, как казахский скот, и бывают будто бы случаи, когда бедняки, чтобы ослабить действие голода, туго затягиваются поясами»¹⁷.

При военно-походном кочевом образе жизни, который сопровождался постоянной борьбой со стихией и лишениями вследствие набегов и войн, кочевник был обязан помнить добро человека, который накормил его во время голода, приютил и утолил жажду. Об этом говорит казахская пословица: «Когда сыт, не забывай о лице, утолившей голод» («Апта жеген құйқанды, тоқта ұмытба»). В ней рекомендуется помнить о человеке, который накормил тебя, уважать его и оказывать помощь. Это очень хорошо понимал и каждый крупный скотовладелец.

Такой способ привлечения людей на свою сторону был не чисто казахским национальным явлением, он бытовал почти у всех народов, находившихся на переходной, полуфеодальной или патриархально-феодальной стадии развития, как казахи XV—XVIII вв. Метод создания опоры в народе путем богатого угощения у казахов был весьма действенным. Чем обильнее и богаче было угощение, чем больше поток гостей, тем быстрее росло количество приверженцев и оруженосцев у данного скотовладельца.

Если после возвращения из гостей кочевник совершал какой-либо неблагоприятный поступок по отношению к хозяи-

---

¹⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей», т. I, Воронеж, 1898, стр. 155—156.

ну, то на него со всей силой обрушивалось общественное мнение. В пословицах это выразилось так: «Если поделишься пищей с друзьями, то они поласкают твою голову; если отдашь пищу собакам, то они растерзают твою голову» («Досқа берсең асынды, достар сүйер басынды, итке берсең асынды, иттер тартар басынды»). Данная пословица — разумный совет стоять на защите интересов крупных скотовладельцев. Такой способ усиления влияния на массу кочевников в свое время умело использовал каждый крупный бай.

Казахские султаны и бии, славившиеся хитростью, нередко обезоруживали своих ярых противников умелым хлебо-сольством. Щедрое угощение (сыйлык) в их руках превращалось в орудие нападения. О таких фактах в народе говорили: «Того, кто ударит тебя камнем, ударь пищей» (Таспен ұранды аспен ұр»). Смысл подобных угощений еще более откровенно передан в другой казахской пословице: «Если жирной костью бросить в собаку, она шикогда не гавкнет» («Сүйекпен ұран ит қаңсыламайды»). Понятно, что под словом «собака» богачи подразумевали простой народ, который оказался под их влиянием благодаря кормежке. Это была своеобразная тактика патриархально-феодальной верхушки.

Об одном из них, султани Арынгазы Абулгазизове, жившем в низовьях р. Сыр-Дарьи, в документах пишется, что «в орде же котлы его с гостеприимною пищею отверсты каждому. Он щедр (мырза), чтобы показать презрение к скуности (саран), (по) характеристике казахов, всем: от последнего [человека] до самого хана»¹⁸. Так поступали все казахские ханы и султаны. Это было повседневное гостеприимство, которое отличалось от пиршеств, устраиваемых главным образом летом.

Крупные пиршества с изобильным угощением народа мясом, кумысом и чаем в течение нескольких дней сопровождалась раздачей больших призов или подарков (байги) победителем на конских скачках, в национальной борьбе и певцам-импровизаторам и сказителям. Описание подобных пиршеств встречается во многих произведениях казахской народной поэзии, относящихся к XV—XVIII вв. В лирико-эпической поэме «Боз-жигит» рассказывается, что у одного бездетного хана родился сын. По этому случаю он собрал народ, устроил грандиозный пир, каждому гостю было зарезано по барану¹⁹. В лирической поэме «Кыз-Жибек» говорится, что

¹⁸ «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М.—Л., 1940, стр. 378.

¹⁹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и дзунгарской степи, ч. III, Киргизское наречие. СПб., 1870, стр. 340.

Сырлыбай-хан при выдаче замуж дочери пригласил весь свой народ и устроил пир на 40 дней и веселье на 30 дней. Аналогичный этому эпизод приведен в эпической поэме «Желькильдек». У бездетного бая по имени Сарыбай жена сразу родила сына и дочь. Бай собрал свой народ, зарезал для угощения бесчисленное количество скота, подарил по коню тому, у кого не было лошади, а также одежду, у кого не было одежды²⁰.

Вполне возможно, что эти факты несколько идеализированы. Однако не вызывает сомнений то, что пиршества с подарками были широко распространены в кочевом обществе казахов. Эта традиция продолжала существовать и в более позднее время. В 1855 г. очевидец писал, что «есть очень много [сибирских] казахов, которые проживают на тысячу, две, три и даже более баранов в год, и в каждой волости найдется хозяев до 100 таких, у которых по несколько тысяч голов разного скота. Казахи эти хладнокровно ставят в призы при байгах тысячи баранов, ходят ежедневно в фанзовых сорочках, канфовых халатах, в бархатных питых шелками шальварах, имеют сбрую и оружие, украшенные золотом и камнями; жены и дочери их не менее блистают драгоценными нарядами из кашемировых и дорогих китайских тканей, обшитых золотом и жемчугом, и живут летом не в кошечных юртах, а в палатках из дорогих тканей, окружая себя во всех потребностях жизни азиатской роскошью»²¹.

Аналогичные факты приводит С. Шарипов из жизни кочевников крупного рода баганалы (Центральный Казахстан). «На урочище Ердень-Куле в 1860 г. устроены поминки Ердению Сандыбаеву. Выставлены были для гостей 500 юрт, зарезано на угощение 160 лошадей и 200 баранов. Приглашено население Акмолинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской областей. Устроены бега с призами: первой лошади — 100 лошадей, второй — 50 лошадей, третьей — 30 лошадей, четвертой — 25 лошадей; 5, 6, 7, 8 и 9 — по 20 лошадей, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 лошадям — по 7 лошадей, остальным пяти лошадям — по 5 лошадей, 25 песенникам — 25 лошадей, т. е. всех расходов 620 лошадей и 200 баранов. Таким порядком Ердень три раза поминали и потратили всего 1860 лошадей и 600 баранов»²².

Подобные данные сообщает А. И. Добросмыслов на основании сведений М. И. Преображенского. В 1855 г. казах

²⁰ Там же, стр. 108.

²¹ Григорий Колмогоров. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, стр. 24.

²² С. Шарипов Баганалинды. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4, стр. 153.

Аракарагайской волости Байсенгир Кенебаев справлял поминки по отцу. «На этих поминках было из Тургайской и Сыр-Дарьинской областей более пяти тысяч человек; съедено было около 500 голов разного скота, в том числе более 150 лошадей; первый приз состоял из 40 лошадей и множества разных вещей — ковров, одеял, халатов и т. п. Если прибавить к этому остальные восемь призов, подарки распорядителям, угощение и другие расходы и перевести все это на деньги, то выйдет очень порядочная сумма»²³.

В июле 1860 г. есаул Кулумбаев во время поминок отца устроил две скачки: одну малую, где участвовали 42 трехлетки (құнан бейгі), и другую, большую, со 137 лошадьми старше трех лет (үлкен бейгі). В малой скачке призы были выданы владельцам 9 лошадей 43 рубля серебром, пять мехов выдры и ружье. В большой — владельцам 13 лошадей: 8 верблюдов, 55 лошадей, 24 червонца, 60 рублей серебром, 5 китайских монет (ямб), 5 шкурок бобра, серебряный стакан, 3 ружья, сабля и кольчуга²⁴.

А. И. Добросмыслов, приводя эти факты в 1895 г., отмечает, что «в настоящее время байги устраиваются очень редко и уже далеко не в таких грандиозных размерах, как прежде, и, вероятно, скоро, по крайней мере в Тургайской области, перейдут в область преданий»²⁵.

Мы говорили о больших пиршествах. Но в жизни кочевников гораздо большее значение имело повседневное гостеприимство богатых. О нем в 1865 г. И. Завалишин писал, что «богатый казах всегда окружен при съездах не только большим почетом, но и клиентами, как водилось в древнем мире и доселе водится у таких библейских народов. Толпа всадников окружает его, и каждый из самолюбия почел бы для себя унижением, отпрапляясь из аула, не иметь при себе нескольких конных. Этим тщеславием пользуются, разумеется, бедняки, стараясь попасть в число сопровождающих богача, который и кормит их на свой счет. Впрочем, в казахском быту гостеприимство — первенствующая добродетель... У богатей есть всегда наготове такие кибитки и при них особая прислуга. Иногда бывает так, что гость, приехавший ночью, напившись и наевшись, уезжает на рассвете, даже не повидавшись с хозяином»²⁶.

Такой обычай бытовал не только среди казахских кочевников. Об одном крупном туркменском скотовладельце в

²³ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 123.

²⁴ Там же, стр. 125—127.

²⁵ Там же, стр. 127.

²⁶ И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь. М., 1867, стр. 119—120.

XI в. Ибн Фадлан сообщает, что «он поставил для нас тюркские юрты, и мы остановились у него. И вот у него челядь и свита, и большие дома. Он пригнал нам овец и привел лошадей, чтобы мы закололи овец и ездили бы верхом на лошадях. Он пригласил всех своих домочадцев и сыновей своего дяди (по отцу) и убил для них множество овец. Итак, крупная частная собственность на скот — несомненный факт»²⁷.

Пережитки этого способа укрепления экономического и политического влияния на массу путем гостеприимства — кормежки продолжали существовать в дореволюционном Казахстане в разнообразной форме. Например, в 1906 г. М. Чорманов о казахах Павлодарского уезда писал: «Казахи щеголяют друг перед другом своим гостеприимством. Казахи, принимающие всех, считаются мырзами (благотельными)»²⁸. Жизнь казахов летом на летовке (джайлау) в Семиречье в этот же период другой автор описывает так: «Кумыс и молоко здесь в изобилии, нет недостатка и в мясе. И то там, то здесь в горах вы видите дымки костров; это — «той». С участием муллы и с многочисленными языческими обрядами казашки жарят в десятках казанов, врытых в косогор, мясо множества убитых лошадей и баранов; заготавливают громадные «сабы» (бурдюки) в десятки ведер кумыса; расставляют для гостей юрты и палатки. На богатых тоях эти приготовления занимают несколько дней; съезжаются сотни родственников и гостей, которые и пируют чуть не неделями. Вообще к джайлау приурочиваются «тои», связанные со свадьбами, и «ас», связанные с поминками»²⁹.

В 20-х гг. XX в. среди кочевников Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области в племени шомекей жил певец Коргамбай из рода ак-балхи. О гостеприимном бае того же рода Кирбасе он пел: «Неисчерпаемо богатство у Кирбасы, как большое озеро, наш народ угощается у него, как стада и табуны на водопое»³⁰. Подобно ему раннесредневековые арабские поэты в своих хвалебных стихотворениях рисовали фантастические картины изобилия и щедрости своих сейдов.

²⁷ «Материалы для обсуждения». Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 58.

²⁸ М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, 1906, Омск, стр. 25.

²⁹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Лепсинский уезд», т. I, вып. 1. СПб., 1911, стр. 335.

³⁰ А қ-Б а л х и К о р ғ а м б а й: «Қыдырлы Кірекеңнің көп дәулеті мысалы таусылмайтын бір шалқар-көл; дарияның шетіндегі шығанақтай, ішіп те шығып жатыр біздің бір ел» (по личному наблюдению автора).

«Неотъемлемым качеством сейда должна была быть щедрость, проявляющаяся в широком гостеприимстве. Последнее вовсе не являлось выражением широты натуры и тщеславия, а имело серьезный социальный смысл»³¹.

Основные аулы у некоторых крупных баев Казалинского, Перовского и Иргизского уездов почти весь летний сезон оставались на определенной территории, доили кобылиц и верблюдиц и специально содержали небольшое стадо отборных ягнят и двухлетних баранов (50—60 голов) для ежедневных угощений своих гостей. Для особо почетных гостей резали жирного жеребенка и ягненка. У казахов жеребятина считалась деликатесом. Путем щедрых угощений и устройств празднеств баи обеспечивали себе популярность и влияние среди населения. У некоторых хозяев дневной расход ягнят и баранов иногда достигал 10 голов.

У каждого из таких баев на джайляу было не менее трех юрт. В одной жила его семья, во второй принимали гостей. Обе юрты были большими, около 30 кв. м, их покрывали белыми кошмами, внутри и снаружи украшали коврами, остои их делали массивным и красили масляными красками синего, бордового и белого цвета. Третья юрта была простая и использовалась как кухня.

Хорошо знавший хозяйство и быт казахов А. И. Добросмыслов писал: «Кибитка составляет важную часть движимого имущества казаха. У богатых людей их бывает несколько (2—6); но они охотнее расходуются на украшение одной кибитки, чем на снаряжение многих. Знатный казах щеголяет своей кибиткой, устраивая ее со всевозможной роскошью из дорогого войлока, с разными внутренними украшениями, состоящими из ценных ковров и шелковых, искусно сшитых и вышитых занавесей, которыми он в праздничные дни украшает внутренность своего жилища»³².

Совершенно в иных условиях находились бедные трудящиеся казахи, их жизнь была невыносимо тяжелой. «Среди очень бедных казахов бывают случаи, что одну кибитку разделяют несколько семейств; при обилии детей у казахов это создает невообразимую тесноту, особенно зимою; летом большинство предпочитает спать на открытом воздухе, и ночью вокруг кибитки можно видеть свертки различной величины из войлока и ковров, которые при ближайшем рассмотрении выдают свою истинную натуру»³³.

³¹ Е. А. Белаяев. Арабы. Ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 76.

³² А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 336—337.

³³ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 110—111.

В быту кочевавших круглый год казахских баев конца XIX — начала XX в. еще сохранялись традиции полуфеодалных скотовладельцев XVIII в., о которых писали еще Паллас и Георги³⁴. Для обслуживания гостей баи держали по несколько батраков из проворных молодых джигитов. Они заготавливали топливо, носили воду, доили кобылиц, разбалтывали кумыс в огромных черных «сабах», ставили самовары, резали баранов и жеребят, варили мясо, смотрели за конями особо важных гостей. Положение этих людей было почти рабским.

Все факты говорят о том, что система гостеприимства у казахов была одним из способов создания определенной формы личной зависимости бедного населения от крупных скотовладельцев в патриархально-феодалном кочевом обществе.

Довольно ясную картину о сути всех форм зависимости в кочевом обществе нарисовал Адам Смит при описании основы экономической мощи монгольских вождей. «Татарский вождь на прирост своих стад и табунов может содержать тысячи людей, не может употребить своего дохода на что-либо другое, кроме содержания этих тысяч людей. Низкая степень развития его общества не доставляет ему каких-либо промышленных продуктов или драгоценностей и предметов роскоши, на которые он мог бы обменять часть собственных сырых продуктов, которых производится во много раз больше, чем нужно для его собственного потребления. Тысячи людей, которых он таким образом содержит, всецело зависят от него в средствах к своему существованию, должны повиноваться его приказам на войне и подчиняться его юрисдикции в мирное время. Он непременно является и их полководцем, и их судьей, и его власть есть необходимое следствие превосходства его благосостояния»³⁵.

Но в кочевом казахском скотоводческом обществе наряду с системой гостеприимства, поддерживаемой господствующим классом, существовал народный обычай гостеприимства. Каждый казах принимал гостей, бесплатно угощал их (қонақ-асы).

При этом гости делились на случайных (құдайы қонақ) и почетных (анайы қонақ). Как правило, случайными гостями были люди, занятые в производстве, т. е. которые пасли скот, ухаживали за ним, или проезжие, а почетными — лю-

³⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, СПб., 1773, стр. 568; И. Г. Георги. Описание всех обитавших в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 131.

³⁵ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935, стр. 250.

ди, развлекающиеся или обличенные общественными полномочиями.

Обычно хан через специальных посыльных перед выездом оповещал хозяев, у которых был намерен остановиться. Так осуществлялась постоянная повинность. К ней следует отнести также разъезды биев, баев, а впоследствии волостных и аульных старшин, ходжей, мулл и других влиятельных лиц, иногда сопровождаемых певцами, музыкантами и рассказчиками. Они останавливались по своему усмотрению у того или иного бая.

Если случайные гости приезжали поединочке, то специальные гости, как правило, по два-три человека. Один из таких эпизодов из жизни казахов Лепсинского уезда описан статистиками переселенческого управления. «Солидные «баи» и их жены, — писали они, — ездят друг к другу в гости. Часто в горах вы встретите такой кортеж: впереди на кованном серебром и украшенном самоцветными камнями седле едет бай, за ним жена или жены и верблюд, нагруженный сабой кумыса; кортеж сопровождают младшие родственники и слуги»³⁶.

Случайные гости — явление, тесно связанное с кочевым скотоводческим хозяйством. При этом были неизбежны такие виды деятельности человека, как разыскивание отбившихся косяков лошадей и верблюдов, блуждание пастухов в степи со стадом баранов или без стада из-за метели, дождя, тумана или трудности ориентироваться в покрытой снегом степи, в бутристых песках и т. д.

Подобные случаи в кочевой жизни людей происходили почти ежедневно. В этих условиях им нельзя было обойтись без взаимного гостеприимства. Оно было одной из форм сотрудничества людей в процессе производства, точнее формой производства взаимопомощи.

В гостеприимстве нет элемента общности имущества или признака первобытнообщинного строя. Оно было проявлением одного из моментов общественно-производственных отношений людей, занимавшихся пастбищно-кочевым скотоводческим хозяйством.

Однако нельзя понимать, что гостеприимство у казахов было чисто производственным явлением. Наоборот, оно как всякое общественное явление постепенно приобретало классовый характер.

Форма приема гостей и характер угощения их с давних пор определялись социальным и имущественным положе-

---

³⁶ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семкренской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева». стр. 335.

нием гостя, с одной стороны, и социальным и имущественным положением домохозяина, с другой.

Если случайным гостем бая или бия оказывался малай (пастух) или жарлы (бедняк), словом, кто-либо из эксплуатируемой части населения, то хозяин мог его не принять. Тогда его должен был приютить какой-либо бедняк данного аула. Если же бай или бий не отказывали бедняку в ночлеге, они все равно его специально не угощали, а кормили наравне со своими малаями и отводили место в юрте пастуха или где-нибудь у порога своей юрты. Однако подобным приемом и угощением такие гости были довольны. О них в народе говорили: «Гость смиреннее барана, что дашь, то и съест» («Қонақ қойдан да жуас, не берсең де жей береді»).

В летнюю жару эти же люди могли попросить напиток у хозяина любой юрты любого аула. «Утолить жажду путника в жаркий летний день считается высшим проявлением гостеприимства, и казаху оказывается благодеяние, если ему доставляют случай выполнить эту обязанность»³⁷.

Каждый хозяин или хозяйка юрты никогда не отказывали в этой просьбе и угощали каким-либо кисломолочным напитком; в байских хозяйствах, имевших все виды кислого молока, начиная от кумыса и кончая айраном, подавали жаждущим напиток в зависимости от их общественного положения. Батракам и беднякам, если и не отказывали, то давали прокишлый айран, а более состоятельным по внешним признакам постоям — кумыс. При этом хозяйки учитывали кому в какую посуду наливать. Из этого видно, что существовал строго дифференцированный подход к каждому из гостей.

О гостеприимстве казахов было широко известно. Многие дореволюционные иностранные и русские исследователи отмечали, что каждый казах, когда резали в ауле барана, никогда не съедал его только своей семьей, всегда звал соседей. Многие, не поняв смысла такого явления, принимали его за проявление общности имущества казахов в данном ауле. На самом же деле все объяснялось простым экономическим расчетом: за один раз съесть целого барана семья не могла, сберечь мясо в степи в жаркое время года невозможно, поэтому зарезавший барана кормил своих соседей с расчетом на взаимное угощение. Обычно беднейшие из соседей, не имевшие возможности ответить угощением, не приглашались.

Гостеприимство, продиктованное условиями кочевого общества, высоко ценилось среди казахов. Но и оно в какой-то

---

³⁷ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 74.

мере регламентировалось. Об этом гласит народная поговорка: «Если гость день пробудет — благо, если два дня — джут (бедствие)» («Қонақ бір күн қонса құт, екі күн қонса жұт»). Здесь подчеркивается желательный характер однократного посещения гостей.

Долг гостя перед угостившим был настолько серьезным, что выполнялся даже в период патриархально-феодалных междоусобиц, военных столкновений между жузами и родоплеменными группами внутри жузов. В такой обстановке люди, принимавшие в качестве гостя представителя из враждебного ему лагеря, рисковали многим. Само собой разумеется, что за такой поступок хозяина благодарный гость не мог не сделаться его верным другом. Как правило, гость гарантировал в случае встречи ответную услугу.

Если случайными гостями были представители имущего класса, им оказывался почет и уважение с учетом возраста, богатства и престижа среди населения. Чем старше, богаче и влиятельнее был гость, тем радушнее был прием.

Как правило, большие требования предъявляли гости, которые останавливались у людей, стоящих ниже их по общественному положению. Если юртовладелец не сумел угодить их вкусам, приезжие открыто выказывали свое неудовольствие хозяину и иногда даже затевали скандал, к разбору которого привлекали биев.

Если бий считал жалобу истца обоснованной, то юртовладелец платил штраф (айып) «оскорбленному» гостю в размере, установленном бием. В подобных случаях гости иногда самоуправничали. Они ловили одного из лучших баранов хозяина и либо забирали его с собою, либо резали на глазах. Именно о таких гостях говорит казахская поговорка: «У не богатого юртовладельца гость хозяйничает» («Жаман үйдің қонағы би»). Это было одной из форм проявления права сильного в казахском кочевом обществе.

Аналогичным с гостеприимством общественным явлением был «хабарласу» и «узун-кулак».

У казахов существовал обычай, согласно которому любой человек, проезжавший мимо аула или стада с пастухами, должен был остановиться, чтобы обменяться приветствиями, независимо от того, знакомы они или нет, и поделиться новостями.

Он обязан был сообщить, если не знаком, как зовут его и отца, откуда и куда, по каким делам он едет, из какого аула, тайфы, рода, где находится его аул, долго ли там пробудет, куда держит путь, каковы там пастбища, вода, как выглядит их скот.

Потом он рассказывал новости, которые знал, позднее стали спрашивать, что слышно из городов, о волостных и

аульных администраторах, их разъездах и сборах с населения и т. д.

После такой подробной информации в свою очередь слушатель сообщал, что знал независимо от того, кто это был, 70-летний старик или 10-летний мальчик.

Такой обычай казахов почти все дореволюционные русские исследователи расценивали как склонность к болтливости или же как проявление «природной лени». Такое ошибочное суждение было результатом превратного представления о народе и его производственной деятельности чиновников колонизаторского аппарата. Исследователи даже не ставили вопроса, чем же вызвано такое явление.

«Хабарласу» и «узун-кулак» в действительности были такими же явлениями в жизни казахов, как случайное гостеприимство. Народ, занимавшийся кочевым пастбищным скотоводством на необъятной территории, нередко становившейся ареной боевых действий, без «хабарласу» и «узун-кулака» не мог обойтись. Они были постоянными спутниками кочевого скотоводства и являлись одной из форм проявления сотрудничества людей в определенных исторических условиях процесса общественного производства.

Каждый кочевой аул передвигался в известной географической зоне и входил в более крупное целое как его составная часть, которое принято называть в литературе кочевой общиной. Кочующие в соседстве общины как бы сливались в единый поток большой движущейся массы аулов, исчисляемых десятками. Сближаясь во время кочевок, эти общины образовывали еще более обширное целое, называемое казахами — тайфа.

Кочуя параллельно или последовательно друг за другом, соблюдая при этом необходимый для пастбы скота интервал, иногда соприкасаясь стадами или находясь во время остановок в близком соседстве друг с другом, этот движущийся поток представлял собой громадную массу кочевого населения с колоссальным количеством скота.

Такое положение требовало, чтобы каждый глава аула или каждый скотовладелец ориентировался в кочевом передвижении и разумно решал хозяйственные задачи по пастбе скота.

Данная общественно-производственная жизнь породила необходимость «хабарласу» — взаимной информации, взаимной осведомленности каждого кочевого скотовода. Разумеется, ни один из кочевников не мог заниматься своей трудовой деятельностью в бескрайней степи, пустыне и полупустыне, если не знал, с какими аулами, общинами и тайфами соседствует. Требовалось знать, какое количество аулов, с какой массой скота, на каком расстоянии находится от

данного аула; куда они намерены двинуться, чтобы правильно решить вопрос о темпах кочевок своего аула и выборе нужного направления.

Круг вопросов, занимавший кочевого скотовода, этим не ограничивался. Его интересовало в одинаковой мере также и то, что было слышно о всходах и урожае трав на ближайших и дальних зонах кочевания, погоде, осадках и т. д. Все эти вопросы были жизненными вопросами хозяйственной деятельности кочевых скотоводов.

Каждый аул и каждая кочевая община учитывали эти данные и в соответствии с ними выбирали направление и определяли темпы кочевания, корректировали свою хозяйственно-производственную деятельность на данный пастбищный сезон (коктеу, джайляу, куздеу или кстау).

Кочевое население казахов получало ежедневно такую взаимную информацию — «хабар», поэтому в народе говорили: «Казахи живут слухами» («Қазақ хабармен»). Однако нельзя считать, что казахи пользовались всякими слухами независимо от того, достоверны они или нет. Каждое сообщение или новость, прежде чем хозяин аула или глава общины примет решение, подвергалось проверке, выяснялось: кто сообщил, что он собой представляет, заслуживают ли внимания его сведения, не лгун ли он (өтірікші); и только, когда не сомневались в правоте слуха, принимали решение.

С древнейших времен было заведено, если кто-нибудь из хозяев аулов получил какое-то важное или тревожное сообщение, он был обязан немедленно поставить об этом в известность ближайших соседей. Те в свою очередь оповещали остальных с разъяснением, от кого получены сведения. При этом посыльные непременно должны были привезти ответное мнение или решение по поводу этого сообщения.

Однако аул или группа аулов не удовлетворялись только получением, сбором и утилизацией доходящих до них слухов. Богатые аулы посылали своих осведомителей (жер керуші), которые изучали состояние травостоя, возможности водопоя, выпадания осадков на будущей пастбищной территории и высказывали свое мнение о целесообразности выбора того или иного направления для кочевания.

Таким образом, данные осведомителей в сочетании с сообщениями «узун-кулака» были необходимы для лучшей ориентировки в кочевой пастушеской жизни казахов.

«Хабарласу» и «узун-кулак» для кочевого скотоводческого населения имели первостепенное жизненное значение, в особенности в эпоху бесконечных войн, т. е. с XV по вторую половину XIX в., когда совершались систематические набеги джунгарских калмыков, среднеазиатских ханов и проис-

ходили междоусобные войны между отдельными племенно-феодальными объединениями казахов. В такой обстановке «хабарласу» приобретали больше общественно-политическое значение, чем общественно-производственное. Поэтому неприменный разговор между казахами при встрече в степи, обязательный заезд наездников во встречный аул или к пастухам попадающих на пути стад были единственной формой общественной связи, возникшей на специфической основе общественного производства пастбищно-кочевое скотоводства.

Такая форма общественной связи постепенно превратилась в обычай, объясняющий до некоторой степени характер и психологию народа. Но эта психологическая особенность казахов несколько изменилась в связи с переходом к оседлости, особенно вследствие коренной социалистической перестройки всей общественно-экономической жизни народа.

О решающем экономическом и политическом значении в кочевом обществе частного скотовладения сообщают китайские, арабские и другие источники. В 682 г. о хане кочевников Гудулу племени тугю написано: «Гудулу ограбил девять родов и мало-помалу очень разбогател лошаадьми: почему объявил себя ханом»³⁸. Об арабских кочевниках П. Цветков сообщает, что все богатство их состояло из скота, а скудность пастбищ неизбежно требовала вечных перемещений места и не позволяла больших скоплений народа в одном месте³⁹. Единственным видом богатства доисламских арабов-бедуинов, как и всех кочевников скотоводов, были стада и табуны, а эксплуатация человека человеком в основном выступала в форме патриархального рабства. Р. Ю. Виппер отмечает, что все расчеты у степных арабов производились домашними животными. Даже за убийство свободного человека еще с доисламского периода истории арабов взималось сто верблюдов, что было узаконено⁴⁰.

Таким образом, единственным богатством, орудием полурабской и полуфеодальной эксплуатации человека человеком во всех кочевых скотоводческих обществах выступали стада овец, верблюдов и табуны лошадей.

Что касается феодальной эксплуатации при оседлом земледелии, то она осуществлялась на основе частной собственности на землю. В. И. Ленин в знаменитой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» дал классическую характеристику феодальному землевладению в России. Он писал: «...что земля разделена была

³⁸ Н. Я. Бичурин (Иакпиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М. — Л., 1950, стр. 266.

³⁹ П. Цветков. Исламизм, т. I, Ашхабад, 1912, стр. 24—25.

⁴⁰ Р. Ю. Виппер. История средних веков. М., 1947, стр. 82.

между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»⁴¹. Таким фондом в XV—XVIII вв. для эксплуатации патриархальных рабов и несения беднейшими казахскими кочевниками полуфеодальных повинностей в пользу султанов, баев, биев и батыров в кочевом скотоводческом обществе было частное скотовладение. Следовательно, частная собственность на скот и общинная форма землевладения создали те экономические условия, которые всецело определяли специфику эксплуатации в кочевом скотоводческом хозяйстве.

Различия экономических условий полуфеодального кочевого и оседлого феодального общества объяснялись различием форм собственности на средства производства, присущих двум разным видам общественного производства. Эти виды материального производства характеризовались и различной формой земельной собственности, которая указывала на разную степень развития производительных сил общества.

Марксизм установил, что само юридическое представление о частной земельной собственности означает не больше того, что частный «земельный собственник может поступать с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром»⁴². Этим объясняется то, что владелец мог передавать землю по наследству, дарить ее, выделить в «надел» крепостным крестьянам, а в более позднее время заложить, сдать в аренду и даже продать. Данные факты были конкретной формой реализации права феодальной собственности на землю. В этом состоит сущность понятия «распоряжение» земель.

Отношение отдельных лиц к земле как к своей собственности породило определенную форму производственных отношений и соответствующее ей право. Суть таких экономических и правовых отношений сводилась к тому, что землевладельцы, как всякие владельцы богатства, стали использовать землю не только как всеобщее средство труда, как необходимое естественное условие производства, без которого невозможно никакое производство, но и как орудие эксплуатации чужого труда. Это произошло потому, что они имели монопольное право на известные и пригодные для хозяйст-

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 191.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

венной цели участки как на сферу исключительно их личной воли, с устранением отчужда других лиц. В. И. Ленин указывает, что частное землевладение есть монополия, и на ее основании землевладелец требует платы за пользование участком⁴⁹. Поэтому частная собственность на землю при феодализме выступала как основа феодальной эксплуатации крепостных крестьян, обрабатывавших землю, которая была собственностью феодала.

Что касается земельных отношений в полуфеодальном кочевом обществе, подобно казахскому в XV—XVIII вв., то здесь существовало другое положение. Несмотря на то, что необходимым естественным условием кочевого скотоводства также была дикая земля, естественное пастбище, владение ими имело широкую общинную форму в пределах целого кочевого ханства или соседних ханств известной народности, состоявшей из многочисленных племен и родов, при частной собственности на стада и табуны. Такой дуализм формы собственности на средства производства породил дуализм формы общества, которое было полуфеодальным, т. е. патриархально-феодальным обществом. Этим объяснялось появление у казахских кочевых скотоводов не феодальных землевладений, а полуфеодальных скотовладений. Кочевые скотоводы использовали землю как природное условие своего производства, земля не перешла еще в частную собственность отдельных лиц, которые имели в частной собственности движимые средства производства — скот и продукты этого производства. В кочевом скотоводческом обществе земля никогда не противостояла скотоводу как условие труда, находящееся в чужой собственности. В такой обстановке люди свободно могли дарить, выделять в «надел» бедным полузависимым кочевникам свой скот, закладывая и продавать его, но не землю.

Земледельческие общины во всех феодальных государствах прошли длинный путь развития вплоть до превращения из свободных в крепостные. Для земледельческой общины в период зарождения феодальных отношений, т. е. на патриархально-феодальной стадии развития, было характерно сочетание в ней общинного владения землей с частной собственностью общинника на свой дом и двор. Общинное пользование пахотными землями происходило в форме периодических уравнительных переделов между общинниками.

В конце I в. «В показаниях» Тацита находит себе подтверждение и тезис Цезаря о господстве у древних германцев общинного землевладения. Тацит заявляет, что у них «земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 119.

(cultotum) и затем они делят ее между собой по достоинству», причем «раздел облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню и (все-таки) еще остается (свободное) поле»⁴⁴. По данным Цезаря и Тацита, земли, которые германцы обрабатывали, давались им только на один год, по истечении которого они вновь становились общественной собственностью. Наследственной собственностью у германцев являлся только дом и участок земли около дома, причем исключительно лиц мужского пола.

На более поздней стадии развития возникла частная собственность на пахотную землю при коллективной собственности на неподеленные угодья. Община приобретает, таким образом, новую, двойственную природу, в ней существовала как общинная, так и частная собственность. Данная частная собственность на землю зародилась в недрах общины — марки в виде аллода, который прошел различные стадии развития. Если в начале аллод представлял собой ограниченное право наследования пахотного надела в пределах «большой семьи», то с течением времени он превратился в свободно отчуждаемую собственность малой индивидуальной семьи.

Как отмечает А. И. Неусыхин, превращение произошло в результате изменений в структуре самой общины и ее внутреннего расслоения, а также влияний извне⁴⁵. Таким образом, аллод со временем стал объектом частной собственности малой семьи, который можно было передавать по наследству, в то время как лес, пастбища, пустоши оставались общей собственностью. Такая двойственность создала условия для дальнейшей классовой дифференциации внутри земледельческой общины, укрепления и расширения частного землевладения⁴⁶. «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была левая сторона с ним римская земельная собственность, — товаром»⁴⁷.

Появление частной земельной собственности было у древних германцев одним из выражений развития производительных сил. Она могла возникнуть только на основе оседа-

⁴⁴ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 28.

⁴⁵ А. И. Неусыхин. Структура общины в южной и юго-западной Германии в VIII—XI вв. Сб. «Средние века», вып. IV, М., 1953, стр. 11.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 400—421 (Наброски ответа на письмо В. И. Засулич), а также новые исследования А. И. Неусыхина в сб. «Средние века», вып. IV, 1954, и вып. VI, 1955.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497.

ния и развития земледелия. Например, германцы эпохи Цезаря «частью только что осели на землю, частью еще отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое столетие оседлой жизни; этому соответствовал и несомненный прогресс в производстве средств существования. Они живут в бревенчатых домах, носят еще примитивную одежду жителей лесов... Их богатство заключается в скоте»⁴⁸. Таким образом, сдвиг в общественном производстве древних германцев Ф. Энгельс видел в оседлом образе жизни, в земледелии. Это положение подтверждается фактами и из истории России. Советской исторической наукой опровергнута точка зрения буржуазных историков, доказывавших, что основными занятиями славян вплоть до VIII—IX вв. были «скотоводство и охота, и показано первостепенное значение земледелия в жизни народа. «Ни охота, ни скотоводство не могли служить экономической базой для развития внутренних сил, приведших к образованию русского государства. Скотоводство и охота не могли служить базой для развития ремесла и роста городов, которые играли значительную роль в хозяйстве страны уже в IX веке»⁴⁹.

Двойственная природа или «дуализм» были характерны не только для сельской общины, но и для кочевой скотоводческой, где, как отмечено, общинная форма владения и пользования землей сочеталась с частной собственностью на скот, юрту и другое движимое имущество. Такая форма кочевой общины была обусловлена технико-экономическими особенностями кочевого скотоводства как процесса производства полуфеодалного общества. Последнее не могло достичь, минув оседлости, зрелой стадии феодализма, т. е. крепостничества.

Марксизм-ленинизм рассматривает появление частной собственности на средства производства и право наследования их как две стороны единого процесса. Частная собственность предполагала наследование и моногамную семью; наследование и моногамная семья в своем возникновении предполагали наличие частной собственности. «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — притом в руках мужчины, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого»⁵⁰. В. И. Ленин писал: «И частная собственность, и наследство — категории таких

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 141.

⁴⁹ А. Корнеев. К истории земледелия в России. «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 84—85.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 78.

общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»⁵¹. Это же положение отразилось в наследственном праве кочевых казахских скотоводов XVIII — начала XIX в.

Большие размеры частного скотовладения давали возможность баям, биям, батырам и султанам обзаводиться несколькими женами, держать патриархальных рабов, иметь богатые предметы юрты, убранства коня, лишнюю одежду. В этом состояло богатство крупных казахских скотовладельцев, передаваемое по наследству. Казахские скотовладельцы в XV—XVIII вв. не могли передать по наследству землю, так как феодального землевладения не было.

Один из знатоков дореволюционной жизни казахов Н. И. Гродеков писал: «До русского владычества земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или ее обрабатывал. До сих пор в северных уездах земля не переходит по наследству»⁵².

Наследство по-казахски — енши; название происходит от слова «ен», т. е. зарубка (метка) на ушах животного. По ней устанавливали, кому принадлежал данный скот. У казахских кочевников раздел имущества или наследства родителями между детьми означал раздел стад и табунов, т. е. раздачу «енши». Из этого следует, что главным видом богатства и объектом частной собственности у них был только скот. До недавнего прошлого о человеке, у которого не было баранов, казахи говорили, что у него нет «ен».

Николай Рычков пишет: «Обязанностью наследника является показать народу принадлежавшие покойному ценнейшие вещи. Тут должен при этом стоять на показе любимый конь покойного в самом полном, лучшем своем уборе, покрытый черной попоной. На других лошадях раскладываются лучшие платья умершего, его военное снаряжение, богатые ковры и кибитки. Все эти вещи по порядку одна за другой привязываются к натянутой веревке, и рядом стоят жены умершего, утопающие в слезах, равно и его рабы и рабыни. Замысел всей этой церемонии заключается в том, чтобы показать собравшемуся люду, как много имущества сумел приобрести за свой век умерший, и этим вселить в уме народа высокое о нем мнение»⁵³.

Этот факт доказывает, что в 70-е гг. XVIII в. частная собственность на скот, рабов, рабынь и целую группу жен (полурабынь), передаваемых по наследству, была основой

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 152.

⁵² Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент, 1889, стр. 102.

⁵³ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г., СПб., 1772, стр. 29.

социально-экономических отношений полуфеодалного патриархально-феодалного кочевого общества казахов. Данное положение нашло также отражение в казахских похоронных причитаниях «Жоқтау жыры», в которых восхваляли умершего бая, бия, бабыра или султана за то, что он был богат, всегда принимал гостей, резал для угощения самых жирных баранов, что в его юрте готовили пищу для большой массы людей... Он имел много стад и табунов и не раз угонял чужие табуны лошадей и т. д. («Қонақ қонса көп деген, қой семізің сой деген; Топқа қазан астырған, жақсылыққа көзін жеткізген; Шыл үшін салып ат мінген, шынраудан алып су ішкен; Шынжырлы қауға тарттырған, қайыңнан астау шаптырған; Қаптаған жылқы жаптырған... Қалмақтан жылқы қудырған, құлынын жолда тудырған») ⁵⁴. В свадебной песне «Бет-ашар» невестку знакомили со свекром и говорили, что он хозяин стад белых баранов, хозяин табунов негих лошадей, он самый старший среди нас, поэтому ему первый поклон. («Ақтылы қойды айдаған, алаалы жылқы байлаған, осы жанның үлкені, атасы саған бір сәлем») ⁵⁵.

О родителей главного героя эпоса «Шора-батыр» Нарикбае сказано: «Нарикбай обладал бесчисленными стадами. Скот его пасли 40 юртовладельцев-таминцев, они постоянно кочевали с ними и были его верными слугами. Нарикбай оставил Казань, вместе со своими 40 юртовладельцами и табунами обосновался около города Ак-Кала ⁵⁶. В 40-х гг. XIX в. один из попечителей прилинейных казахов Александрский в своем рапорте верно подметил особое социально-экономическое значение скотовладения в жизни казахов того времени. Он писал: «Много и кроме их есть у джагалбайлинцев людей известных, но их значение слишком односторонне потому, что зависит не от достоинства собственных их голов, а от количества голов ихнего скота» ⁵⁷.

Все факты говорят о том, что только скот представлял реальное богатство кочевого общества; он олицетворял, как вообще всякое общественное богатство, единство средств производства и предметов личного потребления. Поэтому общественное положение человека в таком обществе зависело прежде всего от количества принадлежащего ему скота или размера скотовладения.

⁵⁴ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и дзунгарской степи, ч. III, Киргизское наречие, СПб., 1870, стр. 19.

⁵⁵ Там же, стр. 11.

⁵⁶ Акад. А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М. — Л., 1945, стр. 87.

⁵⁷ «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. 1. Алма-Ата, 1943, стр. 95.

В средневековый период истории у монгольских кочевников существовало право, что в пределах одного и того же племени зимние и летние пастбища были общими для всех. «Правда, если богатство не определяется в Монголии количеством десятин земли, то оно определяется числом голов скота»⁵⁸. О таком порядке в кочевой, чисто скотоводческой части Монголии говорили и позднейшие исследователи. «Благосостояние монгола, как и других кочевников, определяется числом голов скота»⁵⁹. «Основное богатство монгола — его стадо овец, коз, верблюдов, коров, лошадей, количество которых, конечно, сильно колебалось от сотен и тысяч голов у князей и богачей до десятков у середняков и единиц у бедняков. Самые бедные совсем не имели своего скота и пасли стада богачей»⁶⁰. Точно так же было и в казахской семье, как только она не могла удовлетворить свои потребности приплодом скота, она начинала расходовать основное производственное поголовье стада. При таком положении дел казах в несколько лет из обеспеченного хозяина превращался в бедняка, которому за неимением стад становилось ненужным и кочевание. «Когда казах лишается своего стада, в его кибитку является самая страшная нужда»⁶¹. Бесспорно, что для кочевых хозяйств экономическое ослабление, обеднение выражалось в уменьшении количества скота на семью, для оседлых — в росте малоземелья.

Данные о туркменах X—XVI вв. показывают, что в X и последующие века так как у туркмен, кочевых скотоводов, не было непосредственного отношения к земле, а имелось опосредованное отношение через коллектив (через род и племя), то и собственность на землю, на пастбище была общинной. Поэтому эксплуатация имела патриархально-феодалную форму. «Итак, туркменское общество X и ряда последующих веков ставалось по форме родо-племенным. *Собственность на скот и рабов создала уже такую глубокую социальную дифференциацию, что у туркмен в X в. имелись богачи, владевшие... 10 тысячами лошадей и 100 тысячами овец и баранов*» (подчеркнуто нами. — С. Т.)⁶².

У оседлых и довольно прочно привязанных к земле скотоводов якутов XVII в., занимавшихся сенокосением и на-

⁵⁸ Э. Лизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 36.

⁵⁹ М. В. Певцов. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951, стр. 117.

⁶⁰ Акад. В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956, стр. 19.

⁶¹ См.: «Очерк киргизских степей в ветеринарно-санитарном отношении». СПб., 1890, стр. 20.

⁶² А. Б. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 60.

ходившихся в иных природно-экономических условиях, чем туркмены, также существовало общинное право на пастбище. «Не подлежит сомнению, что на пастбищные угодья в изучаемую эпоху (XVII в.—С. Т.) целиком распространялось общинное земельное право. Однако, как показывает материал новейшей эпохи, фактическое пользование пастбищными угодьями вносил важный корректив в это общинное право. Фактически пастбищами пользовались и порой их просто захватывали те, кто имел скот, т. е. богачи — тойоны»⁶³.

Скот был главным богатством якутов и находился в частной собственности отдельных семей. Якутское общество XVII в. делилось на три основные социальные группы. «По терминологии русских документов XVII в. это были: 1) «князцы», 2) «улусные мужики» и 3) «холопы». Каждое из этих обозначений соответствовало определенному понятию в якутской социальной терминологии: «князцами» русские называли тойонов, «холопами» — рабов — кулунов; какому якутскому термину соответствовало выражение «улусные мужики», — сказать труднее, но по-видимому, этот наиболее многочисленный общественный слой состоял из свободных общинников. Между этими основными общественными классами не было резких граней. Наиболее отчетливо характеризуется низший класс — рабы или «холопы»; это и понятно, ибо деление на свободных и рабов — первая, древнейшая историческая форма деления общества на классы»⁶⁴.

Приведенные данные говорят о том, что в XVII — XVIII вв. якуты были оседлыми скотоводами, но уровень развития их общества был примерно таким же, каким у полufeодального кочевого казахского в XV—XVIII вв. Об этом прежде всего свидетельствует наличие трех одинаковых социальных слоев.

Однако подобную структуру кочевого общества у казахов И. Я. Златкин отрицает. Он видит в этом обществе не три социальные группы, а только два антагонистических класса, характерных для развитого оседло-земледельческого феодального общества, и заявляет: «Но если это так (т. е. три группы. — С. Т.), то феодальное общество должно было бы состоять не из двух основных классов, а из трех — из феодалов, из феодальнозависимых и свободных, т. е. феодально не зависимых производителей»⁶⁵. Такое кажущееся противо-

⁶³ С. В. Вахрушин и С. А. Токарев. Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953, стр. 112.

⁶⁴ Там же, стр. 125.

⁶⁵ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 94.

речие — результат переоценки И. Я. Златкиным и его сторонниками уровня общественно-экономического развития кочевых скотоводческих обществ. По всем данным, якутские тайоны XVII в. имели почти одинаковую социальную природу с казахской полуфеодалной верхушкой XV—XVIII вв. Султаны, бии, батыры и бай, подобно якутской верхушке XVII в., были крупными скотовладельцами и владельцами домашних рабов (кули) и осуществляли патриархально-феодалную форму эксплуатации бедных, бескотных или малоскотных родственников (малай и консы).

Иное положение наблюдалось в развитом феодальном обществе, основанном на крупном землевладении. Основным видом богатства феодала была земля. Размеры землевладения определяли его положение в обществе, его богатство было устойчивым и надежным в отличие от богатства кочевника. По наследству помещик передавал земельные владения с прикрепленными к ним крепостными крестьянами. Земельные владения феодала могли включать: эксплуатируемый лесной участок, озера и реки, поливные луга, обрабатываемые плодородные поля, цветущие сады, виноградники, ирригационные сооружения, искусственные водоемы, живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь и хозяйственные постройки. Кроме того, по наследству передавались замки, дворцы, большие дома и др.

Простое сопоставление этих двух видов богатства, передававшегося по наследству, а именно, земельных владений с прикрепленными к ним крестьянами, с одной стороны, стад баранов, верблюдов и табунов лошадей с пастухами — рабами или полубрабами, с другой, демонстрирует характерные черты социальной природы феодала-землевладельца и полуфеодала-скотовладельца. Землевладелец и скотовладелец были персонализацией различных видов общественного богатства. Своеобразная социально-экономическая природа общественного производства каждого из названных двух обществ отразилась в отличительных чертах их общественно-политического строя и духовной культуры.

Отсутствие при полуфеодалном кочевом скотоводстве монопольных прав отдельных лиц распоряжаться «определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли с устранением всех других» породило самую широкую общинную форму земледелия. Поэтому общественное производство кочевого общества казахов вплоть до середины XIX столетия базировалось, с одной стороны, на общем владении пастбищной территорией, с другой, — на том, что отдельная моногамная семья выступала как основная хозяйственная единица общества, имеющая в частной собственности скот при существовании полигамной семьи у

эксплуататорского слоя населения. При такой экономической основе кочевого общества основным орудием эксплуатации человека человеком могла служить только частная собственность на скот.

Именно этим полуфеодалное кочевое общество отличалось от феодально-крепостнического. Непонимание данного отличия привело некоторых исследователей к отождествлению этих двух обществ и изобретению одной «универсальной» основы эксплуатации человека человеком. Ошибка их состоит в том, что при всех условиях материального производства эксплуатацию человека человеком они связывают только с определенным предметом природы, а не с формой собственности на средства производства и не с объектом частной собственности, следовательно, не с производственными отношениями людей. Например, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «Скот является продуктом земли и его бытие немыслимо без последней. Пастбища, водопойные источники, угодья составляли основу всего общественного производства в феодальном Казахстане»⁶³.

В этом заявлении «феодализм» для Казахстана преподносится не как историческая категория, связанная с какой-либо формой собственности на средства производства, следовательно, не как совокупность общественно-производственных отношений людей. Из такого утверждения вытекает, что Казахстан стал «феодальным» благодаря использованию природных условий (пастбищ, водопойных источников, охотничьих угодий), как «основы всего общественного производства», а не форме собственности на средства производства. Поэтому не случайно авторы основное средство производства кочевых скотоводов — скот — объявляют просто продуктом земли(?). В результате получается, что не форма собственности на средства производства определяет форму общества, форму эксплуатации человека человеком, а сама природа — земля(?).

Такой натуралистической точки зрения придерживается не только С. Зиманов и А. Еренов. Ее разделяют почти все последователи так называемой теории «кочевого феодализма» акад. Владимирцова. Горячо защищая эту позицию в своей заключительной речи на ташкентской сессии, А. Л. Сидоров говорил: «подавляющее большинство товарищей — участников настоящей сессии, в прениях показали, что они твердо держат марксистско-ленинского понимания феодализма и признают основой феодального способа произ-

⁶³ С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института, т. I, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

водства землю, четко характеризуют основные классовые противоречия феодального общества»⁶⁷. Из этих слов видно, что А. Л. Сидоров без всяких доказательств переносит на переходное, полufeодальное кочевое общество все признаки зрелого феодализма, игнорируя те существенные различия, которые имеются между ними. Такой подход к характеристике кочевого общества нельзя квалифицировать иначе как юридической фикцией. Надо признать теоретической ошибкой заявление А. Л. Сидорова и его сторонников, что «основой феодального способа производства является земля», а не форма собственности на землю.

Отождествление формы собственности на предметы природы с предметами природы порождает физиократическую ошибку, которая выводит все из земли, природы, а не из общества, не из общественно-производственных отношений. Даже элементарное знание основ марксизма-ленинизма предполагает, что не использование земли и других предметов природы для производственных целей отличает экономические эпохи, а в чьей собственности они находятся. А. Л. Сидоров и его сторонники не могут отрицать того, что форма землевладения и способы землепользования изменяются в зависимости от социально-экономических условий. Однако они рассматривают землю как вечную первооснову человеческого общества, превращая тем самым ее в какой-то абсолюте. Если же земля была бы таким абсолюте, то «некоторые местности имели бы совсем иной вид, чем теперь; римская Кампанья, Сицилия и Палестина оставались бы во всем блеске их бывшего процветания»⁶⁸.

Видимо, А. Л. Сидоров и его сторонники не согласны с тем фактом, что люди в зависимости от уровня развития производительных сил общества передельвали природу, землю, на протяжении всей своей истории. Примером этого могут служить результаты труда оседлых земледельческих народов древней Месопотамии, Египта, Китая, Йемена и др.

Подобный процесс совершался и на наших глазах в Советском Союзе. Например, Голодная степь оставалась веками бесплодной, несмотря на то, что земля по своему природному качеству была высокоплодородна. В советское время человек, вооруженный передовой техникой, стал орошать и осваивать эту безводную пустыню и превратил ее в край вы-

---

⁶⁷ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в доктябрьский период», стр. 571—572. На наш взгляд, научную проблему нельзя решать механизмом голосования.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 177.

сококультурного социалистического земледелия⁶⁹. Таким образом, не земля является основой феодального способа производства, а форма собственности на землю, как и на всякие другие основные средства производства, которая определяет суть экономической эпохи.

Теоретическая несостоятельность позиции А. Л. Сидорова и его сторонников еще более заметна, если учесть, что экономической основой капитализма является частная собственность на средства производства при широком общественном разделении труда; при этом средствами производства служат самые различные предметы природы в самых различных отраслях производства. Следовательно, каждый из них как основное средство той или другой отрасли производства и объект частной собственности может стать средством эксплуатации человека человеком, экономической категорией, капиталом независимо от его натуральной формы и «вещественных свойств». Суть основного средства труда понимал египтянин еще эпохи Древнего царства, который говорил сыну: «И каждый плотник, который работает и обтачивает что-то, больше ли он отдыхает, чем пахарь? Его полем является дерево; его сохой — напильник»⁷⁰.

На самом деле роль того или другого предмета природы в процессе производства зависит от специфики отрасли производства, характера данной сферы труда. Например, основным средством труда у кузнеца является молот и наковальня; у сапожника — нож, колодка; у мельника — жернова и энергия ветра или воды; у железнодорожника — рельсы и паровозы; у земледельца — земля и орудия ее обработки, а у кочевого скотовода — стада и табуны. При определенных социально-экономических условиях в каждой из отраслей производства происходит эксплуатация человека человеком как прямое следствие частной собственности на основное средство производства. Если это так, то различные натуральной формы или вещественных свойств предметов природы (скот или земля), используемых в качестве средств труда (скот при кочевом скотоводстве, земля в земледелии), не может определять основы полуфеодальной и феодальной эксплуатации, т. е. на различных этапах исторического развития феодализма, тем более при наличии разных, выражаемых словами Маркса, «вариаций и градаций» этого способа производства, решающее значение имеет форма собственности на предметы природы.

⁶⁹ См. «Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка». «Правда», 1956, 11 августа.

⁷⁰ Д. ж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 79.

Средства производства, имеющие важное значение в общественной жизни и находящиеся в частной собственности отдельных лиц, становятся средствами эксплуатации благодаря не их естественным свойствам, а той общественно-экономической роли, которую они играют в жизни общества. Известно, что никакие полезные предметы природы (скот, земля, машина) сами по себе не могут быть экономическими категориями, т. е. абстрактным выражением производственных отношений людей, если не выступают объектом определенной формы собственности в сфере материального производства. К. Маркс писал: «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»⁷¹. Имеется в виду способ эксплуатации машин не в технико-экономическом смысле, а в социально-экономическом. Собственность есть общественно-производственное отношение между людьми, возникающее посредством средств и продуктов производства, а не между людьми и предметами природы.

Не приходится сомневаться и в том, что при соответствующих социально-экономических условиях скот, как всякое другое средство производства, может выступить орудием эксплуатации человека человеком. В. И. Ленин писал: «Пока остается частная собственность на средства производства (например, на сельскохозяйственные орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма»⁷². Поэтому скот, земля и машина в одинаковой мере в соответствующих социально-экономических условиях могут выступать объектами частной собственности как средства производства и быть средствами эксплуатации человека человеком, следовательно, выражать общественно-производственные отношения людей.

К. Маркс, говоря о производственных отношениях, писал, что «люди, развивая свои производительные силы, то есть живя, развивают определенные отношения друг к другу, и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил... *экономические категории* суть лишь абстракции этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения»⁷³. Итак, наши оппоненты не понимают, что экономическая значимость и харак-

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 152.

⁷² В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 426.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 406.

тер применения отдельных предметов природы людьми в качестве тех или других средств производства определяются уровнем развития производительных сил общества и существующим экономическим строем.

Именно этот экономический момент подчеркивал К. Маркс, когда писал об использовании земли. Он указывал, что даже юридическая власть землевладельцев «пользоваться участками земли и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. *Использование всецело зависит от экономических условий, не зависящих от воли этих лиц*»⁷⁴ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Уже отмечалось, что экономические условия полуфеодального кочевого общества существенно отличались от экономических условий феодально-крепостнического, оседло-земледельческого общества, так как они определялись различным уровнем развития производительных сил, следовательно, и различными формами собственности на землю, которая была необходимым элементом средств производства при обоих видах материального производства.

Игнорируя эти теоретические положения марксизма-ленинизма и принимая на веру схему земледельческого феодально-крепостнического общества И. Я. Златкина, А. Е. Еренов пишет: «Рядовые кочевники пользовались пастбищами с позволения своих феодалов и занимали только те районы кочевий, которые указывались их родоначальниками...

Рядовые кочевники, имевшие свои самостоятельные хозяйства, не были единственно феодальнозависимыми крестьянами. Имелись и такие хозяйства, которые были лишены не только земли — основного средства производства, но и скота...

Крестьяне, лишённые средств самостоятельного ведения кочевого хозяйства, оказывались вынужденными или переходить к оседлости и заниматься хлебопашеством, или наниматься к феодалам в домашние работники...

Стихийные бедствия (напр., джут) нередко вчерашнего мелкого скотовладельца, ведшего самостоятельное хозяйство, превращали в байсуша, нуждающегося уже не только в наделении землей — пастбищами, но и скотом»⁷⁵.

Из этих противоречивых рассуждений следует, что, во-первых, крепостные кочевники занимали пастбища с позволения своих феодалов, которые одновременно являлись и их «родоначальниками»; во-вторых, при стихийном бедствии — джуте они прежде всего теряли землю и вынуждены были идти домашними работниками к своим помещикам (отрицается существование каких-либо феодально-крепостни-

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

⁷⁵ А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960, стр. 77, 80—81.

ческих отношений); в-третьих, эти обезземеленные вследствие джута кочевые скотоводы переходили к оседлости без всяких препятствий, занимали землю и становились хлебопашцами. Получается, что феодально-крепостнические отношения относятся не к земледелию, а к кочевому скотоводству. Это называется поставить вещь с ног на голову.

Марксизм утверждает, что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития рабочей силы, но и показатель общественных отношений, при которых совершается труд. Обретая новые производительные силы, люди изменяют способ производства, вследствие чего меняются и общественные отношения. Следовательно, уровень развития производительных сил общества определяет форму собственности на средства производства, форму общественно-производственных отношений. К. Маркс указывал, что «производство есть всегда особая отрасль производства, например земледелие, животноводство, мануфактура и т. д., или оно есть совокупность их»⁷⁶. Но вместе с тем, несмотря на некоторое единство между этими отраслями производства, «которое вытекает уже из того, что субъект, человекство, и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие»⁷⁷. К. Маркс в данном случае говорит о различии между отраслями производства, которые имеются внутри каждой общественной формы. Что касается кочевого скотоводства, то речь идет о преобладающем виде материального производства кочевого общества, определяющего его форму.

Когда кочевое скотоводство существовало как единственная форма общественного производства, оно имело соответствующую себе форму землевладения. Такая особенность кочевого скотоводства сохраняется в известной мере даже в условиях оседлого общества. Об этом К. Маркс писал: «При овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»⁷⁸. Следует понимать, что пока скотоводство оставалось самостоятельной отраслью производства, хозяйство было экстенсивным с общим землевладением. Кочевое же скотоводство всегда было таковым. «Кочевникам ввиду того способа, которым они занимают землю и эксплуатируют ее, всего выгоднее выступать сомкнутыми массами, целыми родами... Кочевник довольствуется свободой пользования пастбищем, и если его доста-

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 228.

точно, он и не пытается даже приблизиться к положению собственника»⁷⁹. Как только кочевые скотоводы начинают переходить к полукочевому и оседлому образу жизни, одновременно занимаясь сенокосением и хлебопашеством, скотоводство постепенно теряет былую самостоятельность, превращается в одну из отраслей земледелия, следовательно, сельского хозяйства. Земледелие в широком смысле этого слова не только растениеводство, оно охватывает и понятие интенсивного скотоводства. «Продуктивность скота получает здесь молочнохозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода»⁸⁰.

Одним из условий появления частной собственности на землю была возрастающая затрата труда на ее обработку. Об этом Г. В. Плеханов писал, что «приусадебные земли, подвергающиеся наиболее старательной обработке, раньше других переходят в подворно-наследственное владение, между тем, как дольше других в общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующие разве лишь огораживания для охраны пасущегося на них скота. Между этими двумя крайностями другие общинные угодья располагаются в порядке возрастающей или убывающей сложности их обработки»⁸¹. Памятники древнегерманского обычного права сообщают, что крестьянин теряет свои права на поле, если на нем успевает вырасти кустарник, который может достигнуть шпор всадника или скрыть двух быков. В таких правилах еще живо воззрение, что невозделываемая земля может принадлежать только всей общине⁸². Исламская религия наряду с узаконением общинной формы землевладения допускала и частную собственность с учетом затрат труда на окультуривание земли путем орошения пустыни или осушения болота. Она утверждала, что «всякая культурная земля принадлежит преимущественно тому, кто ее оживил»⁸³. Следовательно, затраты труда на обработку земли играли большую роль в прикреплении человека к земле.

Возрастающая затрата труда земледельца на определенном участке, повышение производительности его труда и развитие общественного разделения труда обусловили возникновение частной собственности на землю. Это привело в дальнейшем к свободно отчуждаемой частной земельной собственности свободных общинников в виде аллода или дру-

⁷⁹ Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1899, стр. 154, 211.

⁸⁰ В. И. Ленин. ИСС, т. 3, стр. 256.

⁸¹ Г. В. Плеханов. Наши разногласия. М., 1939, стр. 243.

⁸² Ю. Липперт. История культуры, стр. 213.

⁸³ П. Цветков. Исламизм, т. III, СПб., 1913, стр. 420.

гой формы, которая, как правило, предшествовала феодальному землевладению. Об этом закономерном процессе развития Ф. Энгельс писал: «Итак, с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»⁸⁴. Эти указания Ф. Энгельса были подтверждены исследованиями многих советских историков⁸⁵.

О такой же закономерности говорят факты истории перехода казахского народа к полукочевому и оседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству. В начале XX в. статистики Переселенческого управления о характере землепользования у оседлых и отчасти у полукочевых казахов Тургайской и Уральской областей писали: «Можно наблюдать переход от полной свободы в пользовании пашнями «без порядка» до достаточно определенной регламентации, как мест для распашки и летней пастбы скота, так и сроков пользования. Здесь же выясняется отчасти и роль затрат, и вложенного труда: право на пустоши, залежи остается в одних местах, очевидно с более плотными и трудными для разработки почвами, за первым хозяином, поднявшим целину, в других — пустоши, где они не имеют ценности по многоземелью или мягким почвам, поступают в общее достояние. Роль труда, как правового фактора, наиболее ярко представлена в отношениях казахов в тех случаях, когда труд приложен к созданию самих угодий, пригодных для какого-либо хозяйственного использования пашни, покоса, пастбища»⁸⁶. Чем больше труда человек вкладывает в землю, тем больше стремится закрепить ее за собой. Например, человек, сажающий виноградник, знает, что лишь через 4—5 лет возместится его тяжелый труд. Приступая к работе, он должен быть уверен в том, что виноградник останется за ним, иначе нет смысла затрачивать труд на его возделывание. «Устройство арыков, усадеб, строений и садов превращает землю в частную собственность»⁸⁷.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497.

⁸⁵ Имеются в виду работы А. И. Неусыхина. К вопросу о первом этапе возникновения феодальнозависимого крестьянства как класса. (Сб. «Средние века», вып. VI, 1955); М. Н. Соколовой. Свободная община и процесс закрепления крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X вв. (там же); М. А. Павлушковой. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII вв. (там же); А. И. Копанева. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. (М. — Л., 1954); К. Н. Тарновского. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. («Вопросы истории», 1954, № 4) и др.

⁸⁶ См.: «Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации». Оренбург, 1890, стр. 75.

⁸⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 102.

Ничего подобного не было при кочевом образе жизни. Казахи XV—XVIII вв. являлись номадами, кочующими с севера на юг и обратно на расстояние более тысячи верст в один конец. Они находились в постоянном движении и не имели никакой привязанности к земле, к той или другой местности. «Вследствие этого у населения совершенно отсутствует само представление о земельной собственности, принадлежащей аулу, роду или орде...»⁸⁸. Обычно аулы каждой родовой группы кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству не потому, что пути и зимние пастбища были разграничены, а вследствие того, что каждый аул придерживался тех путей кочеваний и остановок, где мог скорее встретить родственников; близость и общение с ними обеспечивали защиту в случае какой-либо опасности и помощь в нужде. В проекте преобразования судебной части в Области сибирских казахов, составленном в 1863 г., сказано: «Народ этот происхождения азиатского, не имеет научного образования и постоянной оседлости: кочует со своими стадами лошадей и рогатого скота, которые составляют все их богатство. Настоящий образ жизни сих инородцев не допускает у них недвижимой собственности»⁸⁹. Пережитки такого образа жизни у казахов сохранились в разных местах в различной степени и в начале XX в.

В Казахстане наряду с существованием элементов старого обычного права кочевников, отрицавшего всякое право частной собственности на землю, с 1868 г. действовал новый земельный закон царизма, исключавший право частной собственности на землю кочевых и полукочевых казахов. В результате этого в крае была полная неразбериха в землевладении. Это наблюдал в Семиреченской области В. А. Васильев, который писал, что «отсутствие прочности владения землей является, конечно, одной из причин, тормозящих прогресс сельского хозяйства в области: невозможны никакие серьезные улучшения земли, если владелец ее не уверен, что воспользуется плодами своих трудов и затрат»⁹⁰.

Появление частной собственности на землю в Бенгрии в XI—XIII вв. тоже было связано с возрастанием количества труда, вложенного общинником в землю. «Выделение аллода явилось следствием достижения такого уровня развития производительных сил, при котором производитель вкладывал в землю значительное количество труда и поэтому перестал

⁸⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 83.

⁸⁹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, л. 46.

⁹⁰ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 87.

быть заинтересованным в ежегодных уравнильных переделах пахотной земли»⁹¹.

Вначале в частное владение отдельных семейств переходили только приусадебный участок и пашня, так как они уже были обработаны, т. е. отвоеваны у природы. Остальные угодья, которые использовались в естественном состоянии, в том числе пастбища, долго еще оставались в общественном владении. Ф. Энгельс, рассматривая процесс оседания древних германцев эпохи Тацита, указывает, что «находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникавшими теперь отдельными домашними хозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»⁹².

Несомненно, что в условиях патриархально-рабовладельческого или патриархально-феодального общества у древних кельтов и германцев, перешедших к оседлому образу жизни, общественное владение лесами, выгонами и водами имело преемственную связь с общественным землевладением, свойственным кочевому скотоводческому хозяйству. Кочевники под землепользованием подразумевали использование естественных пастбищ, вод и лесов. «Необходимо различать разные виды земельных угодий: охотничьи, рыболовные, пастбищные, сенокосные. Конечно, формы собственности на эти разные виды угодий не могли быть одинаковы и не могли одинаково развиваться»⁹³. По характеру землепользования в своем хозяйстве кочевые скотоводы не знали и не могли знать никаких других видов угодий, кроме пастбища. На первых порах оседлого образа жизни и развития земледелия у людей в общественном владении находилось все то, что было в общем владении у кочевников. Об этом говорят многочисленные факты из истории народов, совершивших переход от кочевого образа жизни к оседлому.

В полуфеодальном кочевом обществе, где основным орудием производства были стада и табуны, общественная форма землевладения, с одной стороны, соответствовала низкому уровню развития общественного производства, когда люди постоянно перемещались на большой территории, извлекая ничтожную и непропорциональную ее величине выгоду; с другой, предполагала наличие свободных земель, позволяв-

⁹¹ М. А. Павлушкова. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII веках. Сб. «Средние века», вып. VI, 1955, стр. 62.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 140.

⁹³ С. В. Бахрушин и С. А. Токарев. Якутия в XVII веке. (Очерки). Якутск, 1953, стр. 102.

ших вести такое примитивное хозяйство. Именно примитивность исключала оседлый образ жизни и возможность приложения труда людей к земле для получения большого количества продуктов с небольшой площади. В таких условиях кочевой скотоводческой жизни народа основным орудием эксплуатации человека человеком могли выступать в руках богатых скотовладельцев только стада и табуны.

Особое экономическое значение скота в жизни людей могло быть утрачено лишь в результате замены кочевого скотоводства другим видом материального производства (земледелием, городским ремеслом, фабрично-заводской промышленностью). После первого крупного общественного разделения труда в обществе шло дальнейшее развитие форм собственности на средства производства, углублялось общественное разделение труда и росла классовая дифференциация. Всякое производство, как присвоение предметов природы, всегда обусловлено объектом присвоения и уровнем развития производительных сил общества. Изменение общественного строя, переворот в отношениях собственности были следствием создания новых производительных сил, которые перестали соответствовать старым отношениям собственности. Форма собственности на средства производства и общественная форма производства взаимосвязаны и имеют переходящий характер.

Как сообщает В. И. Авдиев, в Ново-вавилонском рабовладельческом государстве «богатые владельцы стад обычно сдавали скот в аренду. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что арендная плата, как правило, взималась натурой»⁹⁴. Если такое положение существовало в рабовладельческом обществе с развитым городским ремеслом и многоотраслевым орошаемым земледелием, включавшим хлебопашество, садоводство и виноградарство, то бесспорно, что в условиях кочевого скотоводства скот мог быть единственным средством эксплуатации человека человеком.

Надо полагать, что для кочевников-казахов в XV—XVIII вв. скот имел не меньшее экономическое значение, чем для оседлых рабовладельцев Ново-вавилонского царства. В 1514 г. казахский хан Касым характеризовал казахское общество моголистанскому хану Султан-Саиду так: «Мы жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей; главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждою (в кашгарском переводе: мясо их служит нам лучшей пищею); а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него приготавливается (т. е., как и сказано в кашгарском переводе, — кумыз); в зем-

⁹⁴ В. И. Авдиев. История Древнего Востока. Л., 1953, стр. 484.

дах наших нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется — вот цель наших прогулок; поедем же в табун, поглядим на лошадей, и, кстати, проведем несколько времени вместе в приятном сообществе»⁹⁵. Следовательно, богатством и гордостью самого популярного казахского хана Касыма были только его стада и табуны. В этот период и позже некоторые казахи имели до 10 000 овец, около 5000 лошадей и соответственное количество верблюдов⁹⁶.

Такие колоссальные стада и табуны доставляли громадные средства потребления, а размеры потребления хозяина ограничивались «объемом его желудка». При всем хорошем аппетите богатый казах, однако, не мог вместе с семьей потребить мясо годовичного приплода своих стад, не мог выпить всего молока, которое давали эти табуны и стада, а для езды и перевозки имущества ему было достаточно небольшого числа лошадей и верблюдов, составлявших малый процент всего конского табуна и верблюжьего стада. О таких богатых казахских скотовладельцах начала XIX в. А. И. Левшин писал: «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал: «Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, всякий говорит, что я богат»⁹⁷. Значит, он силен. Сарычев отмечает, что у тунгусов богатство измеряется числом оленей и что большое стадо, достигающее у особенно богатых 2000 голов, доставляет своему владельцу особый почет⁹⁸. Следовательно, общественное положение кочевого скотовода определялось количеством его скота. Находясь в частной собственности, он был орудием эксплуатации человека человеком.

Каждому, кто знаком с жизнью и бытом кочевых скотоводов, известно, что огромные стада и табуны крупных скотовладельцев-полуфеодалов обслуживались большой армией кочевой бедноты, которая таким путем получала средства к существованию и находилась в экономической и политической зависимости от скотовладельцев. Великий казахский поэт Абай еще в конце XIX в. говорил, что бай думает всех

⁹⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 165—166.

⁹⁶ «Баян-Аул никогда не знал повальных упадков скота, в нем Азнабай приобрел 17 тысяч лошадей». Ч. Ч. Валиханов. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 324.

⁹⁷ См.: «Ученые записки Института истории Росс. Асс. научно-исследовательских институтов общ. наук», т. II, М., 1927, стр. 7.

⁹⁸ Там же, стр. 6.

закормить, всех запойть, всех принудить караулить его скот от воров и волков, уберечь от стужи⁹⁹.

О том, что частная собственность на скот порождала полудрабавладельческую или полуфеодалную эксплуатацию, говорят многочисленные факты. М. М. Броднев пишет: «Богатый оленевод отдавал малооленному ненецу необученных быков на 5—6 месяцев. Обучив и поработав на них немного, бедняк возвращал владельцу обученных оленей, а если он их задерживал на длительное время, то платил за них арендную плату пушшиной. Эта форма эксплуатации являлась пережитком родовых отношений, когда бескорыстная помощь сородичу в любой беде была совершенно естественна, но богатый оленевод, выручая из тяжелого положения малооленного, стал на этом наживаться»¹⁰⁰. Аналогичный факт приводит И. С. Гурвич: «Отношения зависимости и эксплуатации среди оленекских и анабарских якутов складывались не на основе владения охотничьими угодьями, а на основе частной собственности на оленей, так как охота и рыболовство, требующие частых перекочевок в бассейнах рек Оленека и Анабары, базируются на оленеводстве. Слабо обеспеченные оленями хозяйства неизбежно попадали в зависимость к владельцам крупных стад и жестоко эксплуатировались. Однако все формы эксплуатации выступали под оболочкой родовой и родовой «помощи»¹⁰¹.

Н. П. Никульшин отмечает, что родовой строй у эвенков в XVII и начале XVIII в. уже разлагался, о чем свидетельствуют появление имущественного неравенства внутри рода и возникновение патриархального рабства внутри некоторых больших семей. Упоминается, что бедные и безоленные эвенки по нужде даже продавали своих детей в рабство, как это было у казахов в конце XVIII и начале XIX в. У эвенков «наличие обедневших и потерявших свои оленные стада сородичей давало возможность крупным оленеводам эксплуатировать их труд при пастьбе оленей»¹⁰².

Эксплуатация протекала в форме совместного выпаса оленей, обычая взаимопомощи и т. д. Бедняк работал главным образом за одежду и пищу и после ряда лет работы получал несколько оленей, а иногда ничего.

⁹⁹ А бай К у н а н б а е в. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 334—335.

¹⁰⁰ М. М. Б р о д н е в. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа). «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 99.

¹⁰¹ И. С. Г у р в и ч. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейна Оленека и Анабары. «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 107.

¹⁰² Н. П. Н и к у л ь ш и н. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 14—15.

Следовательно, эксплуатация человека человеком могла происходить посредством частной собственности на скот. У эвенков «плата за труд носила еще форму «подарков», дачи оленей в долг или широкого гостеприимства и угощения оленьим мясом»¹⁰³, словом, как у казахов, о чем частично было сказано.

Г. П. Башарин сообщает факты, которые говорят о том, что частная собственность на скот служила основой полуфеодальной эксплуатации не только среди кочевых скотоводов, но и среди оседлых якутских скотоводов. Он пишет: «Одной из форм содержания тойонского скота в чужих хозяйствах был хасаас. Непосредственный производитель брал известное количество коров на период с начала мая по 1 октября с обязательством пасти и доить с тем, чтобы осенью доставить владельцу скота определенное количество масла (обычно около пуда) и замороженной простокваши (как правило, около 10 пудов). Эти молочные продукты и называются по-якутски хасаас — скопленное, сбереженное... Здесь имела место патриархально-феодалная форма эксплуатации. Тойоны доверяли содержание своего скота обычно своим «близким», а бедняки вынуждены были прибегать к «помощи» своих «благодетельных родственников»... Прикрепление якутских крестьян к наследной общине в то же время означало прикрепление непосредственных производителей к тойонам, к их скоту»¹⁰⁴.

Однако непонятно, почему Г. П. Башарин в начале своей статьи возражает против нашего основного тезиса о том, что при полном кочевом образе жизни казахских скотоводов, при отсутствии частной собственности на землю основным объектом частной собственности были стада и табуны, и, следовательно, они служили основой патриархально-феодалной эксплуатации кочевых скотоводов. В этой же статье он сам все факты эксплуатации даже у оседлых якутских скотоводов связывает со скотовладением. Было бы логичнее, если бы Г. П. Башарин доказывал, что хозяйственная жизнь кочевых казахских скотоводов, постоянно передвигавшихся на огромной территории, и оседлых якутских скотоводов, заготавливавших огромное количество сена для своего скота, существенно различается.

Как широко во второй половине XVIII в. под видом «родовой помощи» применялась патриархально-феодалная форма эксплуатации казахских бедняков крупными скотовладельцами на основе частной собственности на стада и та-

¹⁰³ Там же, стр. 50.

¹⁰⁴ Г. П. Башарин. О патриархально-феодалных отношениях в Якутии конца XVIII — первой половины XIX века. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 87.

буны явствует из свидетельства И. Г. Георги. Он писал: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей... если же он (податель. — С. Т.) по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему такое же число или еще с приплодом скота, хотя бы у самих их весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благодарений табуны свои как будто вечными»¹⁰⁵. Следовательно, в XVIII в. одним из основных условий воспроизводства стад, принадлежавших полуфеодальной верхушке казахов, была эксплуатация ими бесскотных и малоскотных кочевых бедняков (малаев и консы) путем наделения их скотом.

Отрицание экономического значения скотовладения и роли скота как основного средства эксплуатации в кочевом скотоводческом обществе равносильно отрицанию в нем вообще эксплуатации человека человеком. Л. П. Потапов указывает: «Разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом, оттого что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи скота на кабальных условиях»¹⁰⁶. В самом деле, кочевой скотовладелец еще не был феодалом со всеми его атрибутами, так как само кочевое общество было только переходным, полуфеодальным обществом. Но богатый скотовладелец был полуфеодалом, эксплуататором, в этом нет никакого сомнения. Если согласиться с мнением Л. П. Потапова, то возникают вопросы: к какому же классу относился крупный скотовладелец — бай? Была ли эксплуатация бедноты баем посредством скота патриархально-феодальной эксплуатацией? Согласно утверждению Л. П. Потапова, казахские бай не принадлежали к классу полуфеодальных скотовладельцев, эксплуатация в их хозяйстве на основе частной собственности на стада и табуны не являлась по существу патриархально-феодальной, так как скот не был основным средством труда в полуфеодальном кочевом обществе (?!).

Это никак не вяжется с фактами, показывающими, что общественное положение людей в кочевом казахском обществе в XVIII в. определялось именно количеством скота, находящегося в частной собственности. И. Г. Георги писал: «Табуны их (казахов. — С. Т.) состоят из лошадей, верблюдов,

¹⁰⁵ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 131.

¹⁰⁶ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 85.

рогатого скота, овец и коз. От них они заимствуют свое пропитание и одеяние, так же как и самое благосостояние, и сия их слава кущно с соучаствованием в советах доставляет им преимущественные места и пр.»¹⁰⁷. Одновременно И. Г. Георги отмечал элементы патриархальщины в быту казахов, которые, с одной стороны, создавали видимость «равенства» кочевых скотоводов, а с другой, показывали, что каждый разбогатевший скотовод мог попасть в ряды знатных. Итак, богатство, имевшееся в частной собственности в кочевом обществе, как и во всем мире, было средством, возвышавшим данного субъекта над остальной массой народа.

Еще в конце XIX и начале XX в. общественно-экономическая жизнь казахских кочевников строилась на данной основе. Казахи, занимавшиеся исключительно кочевым скотоводством, составляли 20—25% всего населения.

У кочевых скотоводов было два типа аулов: байские аулы с огромными стадами и табунами и маломощные в основном из малоскотных трудовых хозяйств. Каждый байский аул состоял из семьи бая и его детей, а также значительного количества семей малаев и консы, которые были в экономической и политической зависимости от бая. В патриархальном рабстве находились только женщины.

Сами байские аулы также различались между собой как мелкобайские, среднебайские и крупнобайские. В основе дифференциации опять-таки лежали размеры стад и табунов.

Например, в кочевых аулах Казалинского и Перовского уездов к крупнобайским относили хозяйства, имевшие 2000 и больше голов мелкого и 400 и больше голов крупного скота (верблюдов и лошадей); к среднебайским, имевшим 1000 и больше голов мелкого и 150 и больше голов крупного скота; к мелкобайским с 500 и больше голов мелкого и 100 и больше голов крупного скота¹⁰⁸.

Общим между байскими хозяйствами было то, что все они, правда, в различной степени, использовали в хозяйстве рабочую силу батраков и экономически зависимых бедняков, применяя докапиталистические способы эксплуатации в сочетании с элементами капиталистического способа.

Кочевое скотоводство в своей основе было натуральным хозяйством, обслуживающим в первую очередь нужды кочевой семьи. «А так как у кочевников основным средством производства хозяйственных благ является скот, то таковую

¹⁰⁷ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, стр. 126.

¹⁰⁸ Подсчитано по материалам землепользования казахов Казалинского и Перовского уездов, собранным и разработанным Переселенческим управлением Сыр-Дарьинской области в 1910—1911 гг. (Ташкент, 1912 и 1913).

обеспеченность можно выразить количеством скота, приходящегося на душу»¹⁰⁹.

Наряду с небольшим числом байских хозяйств, сосредоточивших в своих руках основную массу скота, существовало большое количество середняцких и бедняцких хозяйств. В чисто скотоводческо-кочевом ауле к категории середняцких хозяйств при 4—6 членах семьи относились хозяйства, имевшие от 100 до 150 овец и коз и от 20 до 25 голов крупного скота (15—20 верблюдов с молодым и 4—5 лошадей). Меньше этого минимума невозможно даже простое воспроизводство поголовья. Когда оно было еще меньше, то хозяйство становилось бедняцким. Материалы по киргизскому землепользованию в отдельных уездах характеризуют те классовые контрасты, которые были обусловлены количеством имеющегося скота в различных по своему социальному типу хозяйствах. «Беднейшие по скоту группы заключают в себе большую часть населения. Так, первые две группы хозяйства (безлошадные и с 1 лошадью) включают в себя 64,5% населения или 68,6% всех хозяйств уезда, а первые три группы (от нуля до 3 лошадей) — 82,2% всего населения или 86,3% всех хозяйств»¹¹⁰.

По данным этого же источника, в 1910 г. в Перовском уезде маломощных хозяйств было 68,7%, середняцких — 17,6, зажиточных — 8,8, а богатых — 4,9%¹¹¹, в соседнем Казалинском уезде маломощных хозяйств было 65,4%, середняцких — 19,5, зажиточных — 10,1 и только 5% богатых¹¹². О таком же характере классовой дифференциации населения на основе частной собственности на скот свидетельствуют материалы переселенческого управления по Уральскому уезду: «Из этой группы 21 исключительно богатых хозяйств, так как в их руках (менее 1,5% хозяйств волости) сосредоточено 16,7% скота всей волости или 27,8% скота всей самостоятельной части волости. До 60% хозяйств по волости не могут существовать самостоятельно и состоят на иждивении богатых»¹¹³. Эти данные иллюстрируют, с одной стороны, соотношение различных социальных групп в

¹⁰⁹ И. Р а д и щ е в а. Киргизское равнинно-кочевое хозяйство. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924, стр. 18.

¹¹⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева», т. IV, Перовский уезд, Ташкент, 1912, стр. 92—93.

¹¹¹ Там же, стр. 31.

¹¹² «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева», т. V, Казалинский уезд, Ташкент, 1913, стр. 55.

¹¹³ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд». Оренбург, 1909, стр. 107.

дореволюционном кочевом скотоводческом ауле, а с другой — степень концентрации скота в руках малочисленной эксплуататорской верхушки.

Заработная плата пастухов и других наемных работников в кочевом ауле, как правило, выплачивалась натурой — скотом или же частично скотом и продуктами скотоводства путем пользования молочным или рабочим скотом.

Бай отдавал также продукты своего скотоводства бедным родственникам в виде «помощи», что формально не считалось вознаграждением за их труд, а выглядело как «благодарность» за оказанную в хозяйстве «помощь». Это было самой удобной формой патриархально-феодальной эксплуатации, осуществляемой на основе частной собственности на стада и табуны.

Такой факт С. Зиманов полностью отрицает и пишет: «Каких-либо признаков, которые бы свидетельствовали о том, что члены кочевой общины владели скотом условно, на правах «пожалованного», «наделенного» имущества, мы нигде не находим. При этом нельзя упускать из виду того, что основная масса скота была сосредоточена в руках господствующего класса»¹¹⁴.

Из дальнейшего изложения С. Зиманова мы узнаем, что он не отрицает фактов передачи скота баями во временное пользование или в надел беднякам, он не согласен лишь с эксплуататорской сущностью такой сделки.

«Более или менее состоятельное в хозяйственном отношении семейство, следуя принципам патриархальной идеологии, общепринятой традиции, не могло отказать в помощи обедневшему родственнику, в особенности когда последний пользовался определенным влиянием при решении вопросов внутренней жизни и внешних связей аула, общины и т. д. В этом случае сауи (т. е. надел скотом. — С. Т.) не вел к потере самостоятельности, к личной зависимости сауищика (т. е. бедняка. — С. Т.). Он позже мог вернуть полученный скот, мог и не возвращать, в особенности, если он получил скот от родственника в качестве пожертвования (сауи-аягымен) (может быть, сауи-басымен? — С. Т.).

Существование сауна в казахском обществе было обусловлено природой хозяйствования, особенностями производственного цикла у кочевников-скотоводов. Кочевую аульную общину, совершающую свое производство на обширном пространстве, часто постигают стихийные бедствия. В этих условиях взаимная выручка общинников, т. е. сауи как форма хозяйственной взаимопомощи, выступает как средство, в

¹¹⁴ С. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 117.

известной мере предохраняющее кочевой коллектив от распада и гибели. Взаимная помощь скотом есть необходимость, вытекающая из самой природы производства в кочевом скотоводческом обществе»¹¹⁵.

Из сказанного С. Зимановым вытекает, что бай, имевшие большое экономическое и политическое влияние на население аулов, якобы оказывали обедневшему родственнику бескорыстную помощь, следуя принципам патриархальной идеологии, общепринятой традиции. Поэтому наделение скотом бедноты кочевыми баями не приводило первых ни к экономической, ни к личной зависимости от баев-полуфеодалов (?). Мало того, бай были «настолько добры», что позволяли самим беднякам решать вопрос о возвращении или невозвращении скота, полученного во временное пользование (?).

Причем С. Зиманов наделение скотом бедноты расценивает не как выражение определенных социально-экономических отношений людей, складывающихся на основе частной собственности на скот, а как технологическое явление, обусловленное «природой хозяйствования, особенностями производственного цикла у кочевников-скотоводов», где якобы «взаимная помощь скотом есть необходимость, вытекающая из самой природы производства в кочевом скотоводческом обществе». Отсюда следует, что все дело в «природе» производства, а не в общественных отношениях людей.

Если в действительности в кочевом скотоводческом обществе производство имело такую природу, которую «обнаружил» С. Зиманов, то надо полагать, что в нем не было никаких социальных отношений, никакой эксплуатации человека человеком и бай не являлся эксплуататором (?). Мы же убеждены в том, что кочевое общество казахов было классовым обществом и бай безжалостно эксплуатировали широкую массу казахской бедноты путем отдачи ей во временное пользование скота.

Отрицание Л. П. Потаповым и его сторонниками принадлежности казахских баев к полуфеодалам и полуфеодално-го характера эксплуатации в их хозяйствах на основе частной собственности на стада и табуны по существу повторение мелкобуржуазной «теории» алашордынцев о бесклассовости казахского общества. Прикрываясь этой теорией, алашордынцы яростно боролись против конфискации скота у казахских полуфеодалов-скотовладельцев в 1928 г., которая была экспроприацией основных средств производства у крупных собственников в условиях кочевого хозяйства. С этой же «теорией» вместе с правыми капитулянтами они выступали

---

¹¹⁵ Там же, стр. 120.

против коллективизации сельского хозяйства, ликвидации на ее основе байства и кулачества как класса. Националисты доказывали, что казахский бай не полуфеодал, не эксплуататор, он рядовой скотовод, помогающий обедневшим сородичам.

Коммунистическая партия и Советское правительство возглавили казахских трудящихся, аульных батраков и бедняков, сломали сопротивление агентуры казахских полуфеодалов-баев — буржуазных националистов и провели в 1928 г. конфискацию скота у крупных казахских скотовладельцев. В обращении КазЦИКа ко всем трудящимся Казахстана в связи с конфискацией имущества у баев было сказано: «Еще существуют в ауле бай-полуфеодалы, крупнейшие скотоводы, до сих пор грубо и жестоко эксплуатирующие массу аульного населения, держащие ее в нищете и вековой темноте»¹¹⁶. Прав А. П. Кучкин, когда говорит: «Экономическая мощь бая заключалась в скоте. Это было у бая основное средство производства, основное орудие закабаления бедноты. Чтобы полностью высвободить аульное население из под байского влияния, надо было ликвидировать байскую верхушку и прежде всего отобрать у нее скот»¹¹⁷.

Конфискованные у баев стада в основном были распределены между бесскотными бедняками, которым было передано 61,1% всего конфискованного скота, колхозам — 20,6%, совхозам — 3,4%. У баев в качестве трудовой нормы осталось 14,9%¹¹⁸. Это произошло в Казахстане, когда кочевое скотоводческое хозяйство существовало как пережиточное явление, его вело примерно 20—25% казахского населения. Начало разрушению уклада кочевое хозяйство казахов было положено в конце XVIII в., когда казахское население стало частично оседать в связи с добровольным присоединением Младшего и Среднего жузов к России.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно приводили в своих трудах факты о том, что скот в условиях капитализма выступал в роли как основного, так и оборотного капитала, следовательно, он служил орудием эксплуатации человека человеком. К. Маркс писал: «Скот в качестве рабочего скота есть основной капитал; скот, откармливаемый на убой, представляет собой сырой материал, который в конечном счете как продукт вступает в обращение, — следовательно, это не основной, а оборотный капитал»¹¹⁹. Если в условиях

¹¹⁶ См.: «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 8, стр. 127.

¹¹⁷ А. П. Кучкин. Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г. «Исторические записки», № 35, 1950, стр. 7.

¹¹⁸ Ф. И. Голощекин. Партийное строительство в Казахстане. Москва — Алма-Ата, 1930, стр. 318.

¹¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 181.

капиталистического хозяйства скот мог играть такую роль, то в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, когда единственным видом материального производства людей было экстенсивное скотоводство, лишь скот был средством полурабовладельческой или полуфеодальной эксплуатации.

Ф. Энгельс указывал, что во всяком обществе со стихийно сложившимся производством не производители господствуют над средствами производства, а наоборот. В таком обществе каждый новый рычаг производства превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. «Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником»¹²⁰. В кочевом обществе таким средством порабощения является скот.

Виднейшие русские исследователи дореволюционного Казахстана приводили огромное количество фактов и на этом основании в один голос утверждали, что в экономической жизни народов едва ли существовала другая такая отрасль хозяйства, которая наложила бы столь сильный отпечаток на жизнь и быт людей, как кочевое скотоводство. Они отмечали, что если по отношению к земледельцам, несмотря на крупные успехи земледельческой техники, имеет силу и значение «власть земли», то в отношении казахов-скотоводов с еще большей силой проявляется «власть скота». Они констатировали, что вся жизнь и быт казахов так приспособлены к скотоводческому хозяйству, что «наблюдая их, порою затрудняешься ответить, кто для кого существует: скот для казахов или казахи для скота»¹²¹.

Из этих слов следует, что, во-первых, единственным средством труда и существования казахских кочевников был скот; во-вторых, образ жизни народа был приспособлен к условиям кочевого скотоводства; в-третьих, что казахские бедняки рассматривались полуфеодальной верхушкой аула только как придаток к их табунам и стадам, необходимый для ведения скотоводства. Эти лишённые или имеющие ничтожное количество скота бедняки работали у баев табунщиками, пастухами, а также были домашними слугами.

Ведение кочевого скотоводства означало не только пастьбу скота, но и ежедневную затрату труда на кочевание (постановка и разбор юрт), умелый перегон, организацию водопоя. Летние кочевания в безводных местах вынуждали ремонтировать или копать заново колодцы различной глуби-

¹²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 303.

¹²¹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. IV, Верненский уезд. СПб., 1913, стр. 148.

ны. Чем глубже был колодец, тем труднее было организовать из него водопой скота.

Подъем воды с различной глубины и разлив ее в водопойные деревянные чаны (астау) производились вручную ведром или кожаным мешком, привязанным к шесту или веревкой (кауга). В сухое и жаркое время года каждый вид скота надо было поить не менее двух раз в день, за исключением верблюдов. Кроме этого, нужно было своевременно снимать шерсть и волосы с животных для изготовления различных изделий. Не случайно в обращении КазЦИКа было сказано: «Батраки и бедняки Казахстана! Вы имеете полное право на получение конфискованного скота, вы его поили, кормили, вы берегли его в холод и стужу. Своим неустанным тяжелым трудом вы вырастили его; теперь настало время, когда вы, наконец, получаете должное за свой труд»¹²².

Производственное поголовье скота для кочевника в весенне-летний период было источником питания, давало молоко. В таких условиях для маломощного скотоводческого хозяйства гибель дойной верблюдицы или кобылицы зачастую означала почти полный упадок. Разорившиеся кочевники обращались к богачам за своеобразным видом помощи — молочным скотом¹²³, вследствие чего попадали в полную экономическую и политическую зависимость от скотовладельца.

Бедняки, получившие молочный скот от бая, должны были доить скот, ухаживать за ним и изготавливать разнообразные продукты из молока для владельца. Нужно было также приучать молодяток лошадей и верблюдов к хозяйственным работам, организовать кастрацию, случку, прием приплода и т. д. — все это требовало затрат труда. Количество его увеличивалось с наступлением холодов. В этот период овцам и верблюдам на ночь были необходимы передвижные загоны (ықтырма или ший-хора). Много сил затрачивали работники на то, чтобы очистить огромное пространство от снега — место для ночлега овец и верблюдов (кона)¹²⁴. Это делали почти ежедневно, так как перемещались постоянно.

¹²² См.: «Народное хозяйство Казахстана», 1926, № 8, стр. 127.

¹²³ «Саун в условиях натурально-замкнутого скотоводческого хозяйства является... средством в руках богатого скотовладельца держать в экономической и политической зависимости всю массу членов рода и весь род, чтобы с помощью его защищать родовые пастбища и свой скот от посягательств богачей других родов». Е. Федоров. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1825 гг.), т. IV. (Рецензия). См.: «Большевик Казахстана», 1941, № 2, стр. 66.

¹²⁴ «Кон» — место в степи и пустыне с толстым слоем овечьего и верблюжьего навоза вследствие многократных остановок скота в процессе ежегодных передвижений. В такой слой не проникала вода, он лишь сверху покрывался мерзлой корочкой. Ее счищали, обнажался сухой слой, который служил подстилкой на ночь для овец и верблюдов.

но. Такой труд по физической напряженности можно сравнить с трудом землекопа. Следовательно, эксплуатация трудящихся казахов полуфеодальной верхушкой аула в кочевом скотоводческом обществе происходила на основе частной собственности на скот, а не на пастбища, на территорию передвижения массы кочевников.

Поэтому неправильно отрицать первенствующее значение скотовладения как сферы, в которой осуществлялись полуфеодальная эксплуатация и фактическое пользование землей опосредовано через скотовладение. В противном случае можно прийти к отрицанию того, что кочевое скотоводство является особой сферой материального производства.

Форма проявления эксплуатации при кочевом скотоводстве имела свою особенность. Она заключалась в том, что отделение прибавочного труда от необходимого во времени и пространстве, как при земледельческой барщине, здесь было невозможно. Если при барщине крепостной крестьянин после работы на барском участке в оставшиеся дни недели мог трудиться на своем участке, то нельзя себе представить, чтобы пастух несколько дней ухаживал за байским скотом, а потом за своим. Этого не позволяла осуществить технология скотоводческого хозяйства. Скот — движимое существо. Он не может оставаться без охраны и ухода. К тому же скот, полученный в «надел» малаем или консы, пасся вместе со стадом бай.

В феодально-крепостническом обществе оброк выражался в бесплатной отдаче помещику крепостным крестьянином продуктов сельского хозяйства и кустарного производства. При кочевом скотоводстве в такой форме он выступать не мог, потому что скотовладелец обеспечивал крестьянина не землей, а скотом. Скот, полученный малаем или консы во временное пользование, был источником средств существования пастухов, как бы своеобразной формой оплаты, в которой реализовался их необходимый труд.

Это показывает, что при кочевом скотоводстве, где нет частного землевладения и прикрепления крестьян к земле, характерные формы крепостнической эксплуатации развитого феодализма, основанного на землевладении, еще ярко не проявляются. Здесь нет разграничения между барщиной и оброком, они выступают еще в органическом единстве, принимаемая форму полуфеодальной, вернее патриархально-феодальной эксплуатации.

Против этого правильного положения возражают без всяких доказательств Л. П. Поталов и его сторонники. Например, А. Еренов, отвлекаясь от реальной социально-экономической жизни кочевого общества казахов XV—XVIII вв., пишет: «Вполне понятно, отрицающие наличие у кочевников

феодалной собственности на землю заодно отрицают и возможность прикрепления трудящихся кочевников к земле... Нам думается, что правильным решением его (вопроса. — С. Т.) применительно к условиям феодального Казахстана также будет *признание* факта прикрепления трудящихся крестьян к земле. Такой подход к вопросу является логическим продолжением признания наличия у кочевников-казахов феодальной собственности на землю»¹²⁵ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Таким образом, нужно лишь согласиться с существованием феодальной земельной собственности в кочевом обществе казахов на основе рассуждения о феодализме вообще, признать прикрепление кочевых скотоводов к земле. Вряд ли такая концепция имеет что-либо общее с наукой.

В действительности патриархально-феодалная эксплуатация при кочевом скотоводстве означает присвоение полуфеодалами-скотовладельцами прибавочного продукта, создаваемого трудом патриархальных рабов, зависимых малаев и полузависимых консы в процессе воспроизводства стад и табунов полуфеодалов.

Форма проявления патриархально-феодалной эксплуатации, определяемая частным скотовладением при общинной форме землевладения, отражала постоянное стремление полуфеодалов-скотовладельцев к увеличению своих стад путем эксплуатации патриархальных рабов, зависимых малаев и полузависимых консы в процессе круглогодичных кочеваний, путем угона скота и ограбления слабых племен и народностей, путем сбора дани у покоренных племен и народов.

Таким образом, специфика общественно-экономической жизни развитых кочевых народов, в том числе казахского, в XV—XVIII вв. заключалась в том, что общинная форма землевладения существовала не в условиях бесклассового родового строя, а классового общества. Однако кочевое скотоводство и связанная с его ведением общинная форма землевладения тормозили процесс развития производительных сил общества и дальнейшую классовую дифференциацию среди кочевников. Внутри каждой родоплеменной группы, эксплуататоры, владея основным средством производства кочевое скотоводства — стадами и табунами, фактически использовали в своих интересах большую долю пастбищ всей кочевой общины как необходимое естественное условие производства. Такая форма землевладения казахов в XV—XVIII вв. соответствовала классовым интересам консервативной полуфеодалной верхушки кочевое общества.

¹²⁵ А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960, стр. 115—116.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА И ОБ ОШИБОЧНОЙ
ТЕОРИИ «КОЧЕВОГО ФЕОДАЛИЗМА»
АКАД. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА**

Кочевое скотоводческое и оседлое земледельческое общества, основанные на разных видах материального производства, имели различные темпы и возможности для развития производительных сил. Недаром земледельческие народы еще в древности говорили: «Можно покорить и кочевые народы; но трудно изменить их»¹. Эти слова содержат истину, что голым насилием нельзя изменить общественно-экономические отношения людей, для изменения образа жизни кочевников нужна перестройка их материального производства. Это стало возможным только в связи с переходом кочевых скотоводов к оседлому земледелию. История народов Азии дает богатый материал для изучения вопроса о постепенном подпадании кочевых завоевателей под влияние культуры покоренных ими областей, постепенной утрате родовых делений и замене родового быта жизнью территориальных общин.

Процесс оседания кочевников был большим прогрессивным скачком, огромным переворотом в социально-экономических условиях жизни народа, вызванным коренным изменением вида материального производства, следовательно, изменением объекта и формы собственности на средства производства. Сама оседлость открыла большие перспективы для развития производительных сил общества. Она была первым условием для создания более прочного материального и духовного богатства общества.

Историческая наука доказала, что эра культурного процветания человечества в древности началась именно в условиях оседлого земледелия. Например, творцы вавилонской и египетской цивилизаций «не были более пастухами и своим духовным развитием были обязаны земледелию и оседло-

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 219.

му образу жизни»². Потребовались века, чтобы работы по завоеванию почвы в Месопотамии были завершены. Историческая заслуга превращения диких земель в культурные принадлежит только земледельцам. Обитатели берегов Нила путем постоянной борьбы с разливами научились удерживать реку в русле, отводить и распределять ее воды, создали земледельческие орудия.

В юго-западной Аравии — Йемене тоже с древнейших времен существовало орошаемое земледелие. Возделывание земли и ее орошение здесь были сопряжены с еще большими трудностями. Земледельцам пришлось научиться задерживать воду на склонах гор путем устройства резервуаров и подземных водопроводов (акведуков). Они достигли высокой культуры земледелия. Благодаря земледельческой культуре и естественным богатствам юго-западная часть Аравии была названа древними греческими и римскими авторами «Счастливой Аравией».

Другим примером важного значения оседлого земледелия для культурного развития человечества является древняя Греция. Без оседлости и земледелия, а затем городской культуры не могла бы возникнуть и развиваться и древнегреческая культура. Само римское слово «культура» первоначально означало возделывание или обработку чего-либо, приложение труда человека к предметам природы для удовлетворения своих потребностей³.

Культура во всей совокупности не может быть даром природы, ее нужно приобрести ценою медленного, постепенного труда целого общественного организма. Рост человеческой культуры в своих основных чертах выражается в росте производительных сил общества, в усилении власти человека над природой, в обогащении общества вещами, входящими в комплекс средств труда, в фактическом умножении источников средств существования населения, следовательно, в появлении большей возможности для лучшего удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Возникновение первых городских общин как на Востоке, так и на Западе было следствием развития оседлого, сельского образа жизни, следствием появления укрепленных поселений с целью защиты от внешних врагов. Это одновременно усилило и власть человека над природой. Сельские жители научились эффективнее использовать производительную силу домашних животных, почвы и других предметов природы. Возникновение городов было результатом развития культу-

² Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 503.

³ К. М. Тахтарев. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. 2, Л., 1924, стр. 273—274.

ры земледелия. Поэтому слово «цивилизация» (civilization) произошло от слова «город» (city — civitas)⁴.

Древние греки построили много городов, которые одновременно были торговыми пунктами, центрами науки и искусства. Эти факты говорят о том, что первым обязательным условием развития культуры был оседлый образ жизни, успехи земледелия и появление городов, т. е. более значительный рост производительных сил данного общества по сравнению с уровнем развития производительных сил кочевого общества⁵.

Известно, что кочевники до появления оседлой земледельческой культуры, а также в период ее распространения странствовали со своими стадами и табунами во всех уголках Азии, отчасти Африки и Европы. Вся производственная деятельность их заключалась в пастьбе, водопое домашних животных и получении их продуктов для производительного и индивидуального потребления. На территории своего постоянного передвижения кочевники не могли оставлять никаких других памятников материальной культуры, кроме могильников с остатками одежд, предметов домашнего обихода и костей животных. Поэтому места обитания древних кочевников в любой части света изучаются только по могильникам. Скотоводы не могли оказывать облагораживающего действия на землю, превратить ее в могучий источник самых разнообразных материальных благ, создать высокую, свойственную оседлым земледельцам, материальную и духовную культуру. Например, как в плодородных долинах рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзыцзяна. Творческое воздействие кочевников на природу не шло дальше разведения архаическим способом домашних животных и кормления их на естественном пастбище.

Воинственные кочевники почти всегда относились презрительно к оседлому образу жизни и ее культурным достижениям. Мало того, ведя военно-кочевой образ жизни, они оказывали крайне отрицательное влияние на прогрессивное развитие соседних с ними оседло-земледельческих народов. Даже самому прогрессивному племени кочевого общества — оседанию во многих случаях предшествовало разрушение производительных сил оседлого земледельческого общества, истребление людей, ограбление имущества и уничтожение памятников материальной культуры.

⁴ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 64.

⁵ «С успехом земледелия связано теснейшим образом все материальное и умственное благосостояние трудящейся массы, составляющей лучшую, значительнейшую и необходимейшую часть всякого человеческого общества». Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 263.

Это подтверждается фактами из истории народов Востока. Вторжение семитов в Африку, известное в египетской истории под названием вторжения гиксосов, относится к царствованию XVII—XV династий. Нашествие этих кочевников разрушило царство древних фараонов. Пришельцы сожгли города, разрушили храмы, истребили и поработили население Египта. «Нашествие гиксосов есть набег номадов, совершенно такой же, как мирян и персов в страну Евфрата, арийцев — в Индию, кельтов и германцев — в Европу, — это, пожалуй, первое мощное проявление той своеобразной кочевнической культуры, которая выросла на почве скотоводства»⁶.

В долинах Тигра и Евфрата с древнейших времен жили оседлые народы аккады, шумерийцы и халдеи. Эти мирные земледельцы постоянно подвергались набегам разных кочевых племен, находившихся в вечном движении в поисках новых областей для пастбы стад. Кочевники разрушали производительные силы страны.

Население огромного Аравийского полуострова еще в древности делилось на оседлых крестьян, горожан и кочевников пустынь — бедуинов. Оседлые жители занимались в основном земледелием, горожане — ремеслом и торговлей, так как все старые города Аравии возникали на больших караванных дорогах.

Арабы-бедуины занимались скотоводством и делились на многочисленные племена и роды, из которых каждое племя или род имело своего шейха, патриарха или родоправителя. Шейхом выбирали человека, имевшего заслуги перед родом или племенем, а также располагавшего достаточным богатством в виде табунов и стад, необходимых для влияния на кочевников, помимо всего прочего, путем широкого гостеприимства и щедрого угощения.

Такой шейх был прежде всего военачальником рода или племени, он командовал во время войны, вел переговоры. В мирное время шейх был лишь старшим членом своего рода и не имел никакой власти. «Шейх не мог самостоятельно делать какое-нибудь распоряжение или наложить наказание: он лишь мог уговорить глав семейств, составляющих клан, поступить так или иначе, и, совещаясь с ними об общественных делах, он являлся лишь первым между равными»⁷.

Все родовые шейхи подчинялись старшему шейху племени, который мог в случае надобности созывать общие совещания для обсуждения вопросов, касающихся жизни племени. Как все кочевые племена, так и арабские кочевники всегда были готовы к защите своих стад и табунов или к

⁶ Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1899, стр. 92—93.

⁷ П. Цветков. Исламизм, т. I, Ашхабад, 1912, стр. 21.

тому, чтобы отправиться в поход для совершения набега на других с целью грабежа и приобретения рабов и рабынь. «Разбой так неразрывно связан с бедуинским образом жизни, что мы собственно могли бы назвать его законным промыслом бедуинов»⁸.

Арабы пустынь, как все кочевники, не могли оставаться на одном месте более трех-четырёх дней. «Как только скот выпщипал всю траву у водопоя, племя подымается на розыски нового пастбища. Лагерь разнятся по числу палаток, и число это доходит порою до 700—800 палаток. Зимой, когда в воде и траве недостатка почти не бывает, племя разбивается на небольшие группы, по 3—4 палатки, на расстоянии получаса ходьбы друг от друга. Палатка шейха ставится в таких случаях с той стороны, откуда всего вероятнее можно ожидать прибытия гостя или появления неприятеля, чтобы он мог первым встретить и принять одного и дать сигнал об отражении другого»⁹.

При несогласии или недовольстве части племенщ кочевников шейхом она могла отделиться от данного племени без всякой ссоры. Кочевые народы «пользуются большой свободой, так как, не занимаясь возделыванием земли, они и не связаны с нею. Они ведут кочевой образ жизни, и если бы какой-нибудь из их вождей захотел лишить их свободы, то они стали бы искать свободы под главенством другого вождя, или удалились бы»¹⁰. Таким образом, племена постоянно дробились и соединялись.

Такой образ жизни арабские кочевники вели еще в конце XIX— начале XX в. Об этом О. А. Щербатова сообщает, что «бедуин, как личность, не имеет никаких обязанностей, даже по отношению к своему племени, с которым он неразрывно связан. Он точно также не подчиняется относительно своей личности никаким ограничениям от какой-либо высшей власти. Если он недоволен тем или другим действием общества, которому он принадлежит, он может во всякое время отделиться от него без объяснения причин и без опасения наказаний»¹¹. Этот факт лишний раз доказывает, что у кочевых племен пустынь и степей социально-экономические перемены за весьма длительное время бывали настолько незначительными, что их трудно было заметить. Поэтому утверждение о том, что кочевые арабы «в течение 3000 лет совершенно не изменились»¹², имеет основание.

⁸ Ю. Липперт. Указ. работа, стр. 236.

⁹ П. Цветков. Указ. работа, стр. 21.

¹⁰ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 398.

¹¹ О. А. Щербатова. Вверхом на родине бедуинов в поисках за кровавыми арабскими лошадьми. СПб., 1903, стр. 120.

¹² П. Цветков. Указ. работа, стр. 28.

Вся доисламская история арабов насыщена фактами постоянных грабительских набегов кочевников на населенные пункты и города как на территории самих арабов, так и ближайших соседних народов. Бедуины не только открыто грабили, но и облагали данью караваны за беспрепятственный пропуск через пустыню. Чтобы оградить город и свои караваны от грабежей, богатые купцы г. Мекки заключали союзы со степными племенами и приглашали их на свои празднества. Арабские кочевники на городоких рынках продавали скот и взамен покупали необходимые изделия.

Особенно страдали от набегов арабских кочевников восточные провинции Римской империи и Персия, которые постоянно враждовали. Войны между Римской империей и Персией особенно сильно разоряли богатые и густо населенные области — Вавилонию и Сирию, из которых первая принадлежала Персии, а вторая — Римской империи. В то же время эти две области, расположенные по окраинам большой Аравийской пустыни, были привлекательной добычей для кочевников-арабов.

Вековая вражда между Римской империей и Персией создавала благоприятные условия для таких набегов. К тому же эти два могущественных государства не раз приглашали к себе на службу арабских кочевников. «Императоры поселили в Сирии на краю пустыни несколько западноарабских племен, поручив им оберегать границу наподобие германских федератов; такие же военные колонии из восточных арабов образовали персы в Двуречьи для обороны своих владений от империи. Также, как поселение германских федератов на северных границах империи подготовило захват ее европейскими варварами, и здесь водворение арабов на южной окраине двух культурных государств подготовило завоевание степняками всей Передней Азии»¹³. Имеется в виду нашествие арабов под знаменем новой религии — ислама.

Ислам, возникший в Аравии в условиях оседлого оазисного земледелия, городского ремесла и развитой местной и транзитной торговли, в основном отразил идеологию патриархальных рабовладельцев, городоких ремесленников и купечества, на которую оказало влияние и обычное право арабских кочевников. За принятие новой религии выступили представители меккского купечества, которые оформили новую религию и использовали ее в своих классовых интересах.

Купечество, игравшее руководящую роль в объединении арабских племен под знаменем новой религии и ее дальнейшем распространении, использовало в качестве основной

¹³ Р. Ю. Виплер. История средних веков. М., 1947, стр. 79.

военной силы кочевников пустынь, так как в этом нашествии оно видело возможность нажиться в больших городах Сирии, Византии, Персии и др. «Все арабские племена полуострова обязались признать божий мир, прекратить взаимные усобицы. Аравия объединилась под верховенством Медины. Вслед за этим успехом преемник Мухаммеда направил беспокойных и склонных к разбою хабрецов в «священную войну»¹⁴.

То, что ислам был в основном идеологическим оружием купечества и земледельцев, понимали сами арабские кочевники. Они заявляли: «Религия Мухаммеда никогда не предназначалась для нас. Он предписывает омовение, а у нас нет воды; милостыню, а у нас нет денег; пост — но мы и так всегда постимся; паломничество, — но ведь бог всюду»¹⁵. В священной книге ислама — коране кочевники причислялись к категории тех людей, которые хотя и молятся, но не выполняют или не могут выполнять предписаний религии вследствие своего образа жизни и бытовых условий. Очевидно, поэтому ислам ставит в более льготные условия земледельцев, чем кочевников. Например, платить религиозный налог — зекет должен был владеец скота, содержащий его на вольном, естественном пастбище, а не вскрамливающий свежим или сухим фуражом. Следовательно, зекетом облагалось все поголовье скота кочевника, так как оно содержалось на естественном пастбище.

Одним из сборников хадисов, т. е. преданий, составленных в IX в., является сборник Муслима. В нем один из хадисов гласит: «Засажающие пшеницу, собирающие жатву, молотящие пшеницу, мелющие муку, пекущие хлеб, разрезающие его на куски, съедающие с жиром и топленным маслом, вы лучше людей войлока (кочевников) и не хуже людей глины (горожан)»¹⁶. В этом предпочтении исламом земледелия обнаруживается сущность его как идеологии эксплуататорской верхушки населения, связанной с земледелием и городской культурой.

Арабы на завоеванной территории руководствовались принципом, что «всякая культурная земля, силою орудия отнятая у неприятеля, делается собственностью мусульманской общины, а не только сражающихся или другим путем принимавших участие в военных действиях»¹⁷. Ислам использовал общинное землевладение в качестве основного экономического оружия для обращения иноверцев в му-

¹⁴ Там же, стр. 89.

¹⁵ П. Цветков. Указ. работа, стр. 28.

¹⁶ Л. Климович. Происхождение ислама. «Ислам». Сб. ст., III, 1931, стр. 20.

¹⁷ П. Цветков. Указ. работа, стр. 419.

сульман. Если население приобретенной земли принимало ислам, за ним закреплялось право на землю как члена мусульманской общины и оно освобождалось от всякого налога, за исключением налога на бедных. Народы, выполнявшие ранее бесконечный ряд повинностей, изобретаемых жадностью господ, теперь должны были платить один налог, который было легко и уплачивать, и взимать. «И они предпочитали повиноваться этим варварам, чем испорченному правительству, под властью которого им приходилось претерпевать все неудобства уже не существующей свободы вместе со всеми ужасами существующего рабства»¹⁸. Однако арабы не отменили домашнего рабства.

В узаконении общинного землевладения и домашнего рабства отразился традиционный взгляд как мелких арабских патриархальных рабовладельцев, живущих в оазисах, так и кочевых скотоводов пустыни, смотревших на землю как на общее достояние народа и эксплуатировавших патриархальных рабов. В то же время право распоряжения над всеми завоеванными территориями было оставлено за духовной главой мусульманской общины — имамом, который должен был позаботиться о создании фонда за счет доходов от земли «в целях общественной пользы, как: охрана границ, священная война, общественные работы и т. п.»¹⁹. Но это не мешало устранению частной собственности на землю и замене ее общинным землевладением, вызвавшим большую симпатию к арабам у широкой неимущей массы завоеванных народов. Эта новая форма владения землей, по словам Э. Реклю, была настоящим освобождением для целых толп поработанных людей, и эти последние встречали взрывом энтузиазма победителей, которые гарантировали им одновременно как сохранение их человеческого достоинства, так и получение хлеба насущного²⁰. Этим фактом, пожалуй, объясняется быстрое завоевание арабами во второй половине VII в. колоссальной территории — Иранского нагорья, Туркестана, Месопотамии, Сирии, Палестины, Армянского нагорья, части Кавказа, Египта, Ливии и Атласских стран, а в начале VIII в. — почти всего Пиренейского полуострова²¹.

¹⁸ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 346.

¹⁹ П. Цветков. Исламизм, т. III, Анхабад, 1912, стр. 419.

²⁰ Элизе Реклю. Человек и земля, т. III, стр. 426.

²¹ «В эпоху средних веков положение с питанием в Испании было лучше, чем в остальных странах Европы; это явилось следствием культурного влияния арабов, завладевших большей частью страны и положивших начало, особенно на орошаемых землях юга, интенсивному и многоотраслевому сельскому хозяйству, опиравшемуся на садоводство и огородничество». Жозуэ де Кастро. География голода. М., 1954, стр. 302.

Главное отличие нашествия арабов от обычных варварских нашествий кочевников состояло в том, что они не были просто грабителями, презиравшими оседлое земледелие и городскую культуру. Торговля и земледелие у них были в большом почете. Поэтому богатые люди не считали для себя зазорным занятие земледельческими работами, которые, как правило, вне арабских владений признавались оскорбительными. В этом сказалось благотворное влияние на арабов культуры земледельческих народов завоеванных стран, в частности культ земледелия древней персидской религии зороастризма. Арабы владели искусством садоводства, цветоводства и т. п. Это способствовало быстрейшему усвоению ими богатейшего культурного наследия других народов и тому, что они смогли внести определенный вклад в мировую науку и культуру. Арабы, соприкоснувшись с культурой Византии, Персии и Индии, творчески переработали ее²². При всей реакционности исламской религии нашествие арабов нельзя отождествлять с нашествием гиксосов, гуннов, монголов и других кочевников.

Кочевое скотоводство и оседлое земледелие после отделения друг от друга выступали как две различные отрасли производства, находившиеся в самом различном взаимодействии. В ходе исторического развития эти отношения в основном выражались во взаимном грабеже и военных столкновениях.

Известные в истории опустошительные набеги кочевников на оседлые земледельческие страны были ничем иным как бурным проявлением этих взаимоотношений. В результате разрушительных нашествий кочевников многочисленные культурные страны мира оказывались стертymi с лица земли.

Известно, что в VII—VI вв. до н. э. на побережье Черного моря возникли греческие колонии в виде рабовладельческих городов-государств: Аполлония, Одесс, Томы, Истрия и Тира, Ольвия, Херсонес. В течение VI в. до н. э. были основаны города Феодосия, Пантикапей (Керчь), Мирмекий, Нимфей, Фанагория и другие, объединившиеся в Боспорском государстве. Эти рабовладельческие города сосуществовали на протяжении почти тысячелетия с племенами, находившимися на различных ступенях развития первобытнообщинного строя. Экономические и культурные взаимоотношения греческих городов с местным населением сыгра-

²² «Первым центром арабской культуры был Дамаск, затем Багдад, этот «город чудес», в котором аббасиды выставляли на вид весь блеск своего могущества, поражая мир роскошью дворцов и неслышанным великолепием их убранства; затем следуют Каир, Кордова и др.». Ф. Белявский. Ислам и культура арабов. СПб., 1913, стр. 53.

ли важную роль в общественном развитии местных племен, ускорили процесс их социального расслоения и приобщения к достижениям греческой культуры. Происходило оседание кочевников и развивалось земледелие. Но преобладание кочевого населения на обширной территории степей сдерживало дальнейшее развитие экономики и культуры как в городах, так и в среде кочевых племен.

Кочевники систематически облагали данью земледельческие племена и города, систематически их разоряли. Например, сарматские кочевые племена, вторгшиеся в конце III в. до н. э. в пределы Северного Причерноморья, совершали грабительские набеги на г. Ольвию. Населению Ольвии приходилось то отбиваться, то откупаться «дарами». Все это «весьма отрицательно отзывалось на ее хозяйственной жизни, поскольку были дезорганизованы торговые отношения с окрестным населением»²³. Во второй половине II в. до н. э. скифы, окончательно подчинив себе Ольвию, повели наступление на Херсонес и Боспорское царство и обложили их население тяжелой данью. Ожесточенная внутренняя классовая борьба и натиск кочевников привели Боспорское рабовладельческое государство и другие причерноморские греческие города к окончательному распаду. «Разрушительное нашествие гуннов в 70-х годах IV в. н. э. явилось завершающим ударом по Боспорскому государству. Оно уже не было в состоянии оказать сопротивление страшному и небывалому по своей жестокости и разрушительной силе вторжению гуннов, подвергших разграблению и сожжению большую часть городов и поселений Боспора, в которых еще продолжалась жизнь в IV в.»²⁴.

Гибель причерноморской цивилизации привела к тому, что земли, дававшие богатые урожаи в древности, запустели на многие века. Вплоть до середины XIX в., по словам Д. И. Писарева, жалкие пастухи пасли на этих местах малочисленные стада свиней. Еще более значительны были опустошения в Малой Азии, в Сирии, по берегам Тигра и Евфрата, где процветала древняя культура, и там, где «земля кипела молоком и медом»²⁵.

Образ жизни кочевников, вторгшихся в XI в. с Востока, т. е. из среднеазиатских степей, на южнорусские равнины и затем переправившихся за Дунай, был таким же, каким у сарматских и гуннских племен. На протяжении XI—XII вв. Киевская Русь вела непрерывную войну с кочевни-

²³ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 53.

²⁴ Там же, стр. 147.

²⁵ Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 182.

ками — печенегами, торками и половцами, последовательно сменявшими друг друга. Едва Киевская Русь одолевала одних врагов, на смену им появлялись новые. В 1036 г. Ярослав нанес решительный удар печенегам. Их в степях сменили торки, которые явились новой угрозой для Руси. В 1060 г. объединенные силы русских княжеств заставили торков покинуть южнорусскую степь, хотя часть печенегов и торков осталась и растворилась среди пришедших кочевников — половцев.

Кочевников сюда манила богатая девственная степь. «Половецкая земля в конце XI и в XII веке занимала причерноморские степи и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за Нижней Волгой до Яика. У восточных народов страна, занятая половцами, или кипчаками, известна была под названием Дешти-и-Кипчак»²⁶.

Они старались расчистить себе дорогу для передвижений путем разорения и уничтожения городов и населенных пунктов. Как отмечает П. Голубовский: «Стремление обратить все в широкую пустыню, в которой вольно и свободно дышалось степному наезднику, проявляется везде. Так, с переправой половцев за Дунай вследствие опустошительных погромов Македония в короткое время окончательно лишилась жителей и опустела. Вполне справедливо Никита Акоминат называет половцев крылатой стаей, налетающей на землю и опустошающей ее чище саранчи. Года не проходило, чтобы какая-нибудь местность Руси не была обращена в пустыню»²⁷. Еще более страшными разрушителями производительных сил оседлых стран Азии и Восточной Европы были чингисхановские монголы, установившие татаро-монгольское иго на Руси. Их отрицательная роль в истории общеизвестна. «В декабре 1240 года подступил к Киеву с несметным своим войском Батый и превратил первопрестольный град всея Руси в груды развалин»²⁸. Монголы опустошили Азию — от Индии до Средиземного моря; весь край, составляющий восточную Персию, обратился в пустыню.

Примером отрицательного влияния кочевников на развитие общества является история взаимоотношений между Китаем и тюрко-монгольскими кочевниками. Китай, как известно, был одной из крупных стран с древнейшей культурой. Вся древнюю и средневековую историю этого государства можно назвать историей вековых разорительных войн между кочевыми племенами и Китаем.

²⁶ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 124.

²⁷ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. В кн.: История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884, стр. 82.

²⁸ М. М. Захарченко. Киев теперь и прежде. Киев, 1888, стр. 49.

Китайские источники сообщают, что почти на всей полосе Средней Азии от Охотского моря на запад до Каспийского моря искони обитали кочевые народы. Они «вели тот же образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве»²⁹.

Племена этих кочевников занимались разведением домашних животных, военными упражнениями, чтобы производить набеги на соседей с целью грабежа. Исторические факты говорят о том, что предки монгольского, тюркского и тангутского кочевых народов вели вековые грабительские войны, что было формой регулярных сношений с Китаем и, безусловно, тормозило развитие его производительных сил.

Оседлые народы Китая постоянно страдали от этих кровавых войн, люди погибали десятками тысяч. Картина боя с кочевниками того времени описана так: «Отец сражался впереди, сын умирал позади, слабые женщины стояли на пограничных притинах (т. е. на пограничных точках. — С. Т.), малолетние дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теням (т. е. к душам. — С. Т.) павших в песчаных степях»³⁰. Для защиты себя от таких бедствий китайское государство, «не дорожа силами народа, сбilo Долгую стену на протяжении 10 000 ли»³¹. Великая Китайская стена была воздвигнута в IV—III вв. до н. э. Она была величайшим в мире сооружением (длиной более 6 тысяч км, высотой 10 м, толщиной у основания 6 м), имевшим не только военное, но и экономическое значение, так как одновременно защищала поля от песков пустыни. Тем не менее создание такого гигантского сооружения очень тяжело отразилось на производительных силах страны и благосостоянии народа. Надо было отрывать от производительного труда громадную массу народа, снабжать его орудиями труда, продуктами питания и обеспечивать жилищем в течение целых столетий. Сооружение стены является одним из многочисленных доказательств отрицательного влияния кочевников на культуру оседлого населения Востока.

Но и она не смогла предотвратить вторжения кочевников в пределы Китая, лишь несколько препятствовала их массовым стремительным набегам.

Кочевые племена систематически совершали нашествия на культурные области Китая, причиняя огромные бедствия мирному земледельческому народу.

²⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 2.

³⁰ Там же, стр. 126.

³¹ Там же, стр. 107.

В последней четверти XIII в. монголы проникли далеко в глубь страны в плодородные долины рек Цейхо и Хуанхэ, где основали династию Юэн (1280—1368 гг.). «Покровитель Марко Поло, Кублайхан, устроивший свою резиденцию в Ханбальке — «городе хана» — в том самом городе, который в настоящее время носит название Пекина, что значит «двор севера», — был еще монголом по чрезвычайной энергии и по чистолюбию... Из особой народности, каковыми они ранее были, монголы Китая сделались привилегированной кастой, носящей титулы, обладающей властью и богатством»³².

Столетнее господство монголов над Китаем и последующее почти непрерывавшееся политическое и экономическое влияние Китая на монголов не прошли бесследно. Такое положение отразилось на социально-экономической жизни монгольских кочевников. Произошли изменения в характере землевладения, радиусе кочевания и родоплеменном устройстве. В результате экстенсивное скотоводческое хозяйство в отдельных областях Монголии приобрело полукочевой и даже оседлый отгонно-пастбищный характер, тем самым стало привязанным к известным пастбищным территориям.

В этом же направлении действовали маньчжурские завоеватели, превратившие Монголию в свою колонию с XVI и до начала XX в. Поэтому новую форму социально-экономических отношений и несколько измененное родоплеменное устройство, сложившееся в Монголии в XIX и начале XX в., нельзя считать искони существовавшими у кочевых скотоводов всех стран мира, как это делает И. Я. Златкин.

Он пишет: «В Монголии арат вел свое мелкое скотоводческое хозяйство на пастбище, которое выделял ему крепостник-феодал. Как во времена Чингис-хана, так и в последние годы маньчжурского господства, вплоть до победы народной революции 1921 г., арат в Монголии не имел права кочевать по своему усмотрению, использовать для своего скота то пастбище, которое ему нравится, поставить свою юрту там, где ему хочется. Только феодалу принадлежало право распределения принадлежавших ему пастбищных угодий между крепостными, которые могли перекочевывать, лишь туда, куда им было указано их собственником»³³.

Это означает перенесение новейших явлений в жизни монгольского народа на его далекую историю. Между тем они возникли, как отмечено, в результате сложившихся особых социально-экономических условий и бурных политических перемен. «Из истории Китая видно, что императоры

³² Элизе Реклю. Человек и земля, т. IV, СПб., 1907, стр. 203—204.

³³ И. Я. Златкин. Монгольская Народная Республика — страна новой демократии. М.—Л., 1950, стр. 21—22.

устраивали в Татарии китайские колонии. Эти колонисты — китайцы сделались татарами и смертельными врагами Китая, что не помешало им внести в Татарию дух китайского правления»³⁴.

Сходные с этим факты происходили в жизни многих других кочевых народов, подпавших под влияние более развитых в политико-экономическом отношении земледельческих народов. Например, с XVI в. «решающее значение приобретает вопрос о дальнейшем распаде родовой организации у туркмен, разложении среди них патриархально-родового уклада и развитии феодальных институтов по линии сращивания с господствующими классами соседних феодальных государств в развитии новых форм собственности. С этой точки зрения заслуживают внимания сообщения источников о наделении земельной собственностью живинскими и иранскими феодалами отдельных туркуменских предводителей»³⁵.

Аналогичные явления совершались и во многих уездах дореволюционного Казахстана. Постепенно часть казахского населения превращалась в оседлых или полукочевых скотоводов, не только не похожих на своих предков XV—XVIII вв., но и соплеменников, продолжавших кочевать в пустыне и сухих степях Казахстана с севера на юг и обратно в конце XIX и начале XX в. В 60-х гг. XIX в. о сибирских казаках И. Завалишин писал: «Теперь каждый род уже строго ограничивает свои кочевья в известных пределах, и если казахи еще упорно держатся своего пастушеского быта, однако недалеко время, что соха не будет в нынешнем у них презрении и слово «егинши» (земледелец) перестанет быть ругательством. К тому же в последние 40 лет (т. е. с начала XIX в. — С. Т.) многие народы, схожие бытом с казаками, обратились ревностно к земледелию: буряты в Забайкалье, каракаинцы и туркмены в Астраханской губернии, даже некоторые роды Малай орды в Оренбургском ведомстве»³⁶.

Игнорирование И. Я. Златкиным конкретных исторических и экономических условий Монголии, сложившихся под действием семивекового политического и экономического влияния Китайской империи, лишает его возможности понять некоторые своеобразные черты уже деформировавшегося в XVIII—XIX вв. монгольского скотоводческого хозяйства и родового устройства. Он пишет: «Многочисленные путешественники, посетившие Монголию в XVIII—XIX вв., единодушно свидетельствуют отсутствие признаков общин-

³⁴ III, Монтегкские. Избранные произведения. М., 1955, стр. 390.

³⁵ См.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 36.

³⁶ С. И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. III. Сибирско-Киргизская степь. М., 1867, стр. 102—103.

ного землепользования в этой (т. е. восточной) части Монголии. Исторические факты не подтверждают теории о родовом строе (надо говорить не о родовом строе, а о родовом устройстве. — С. Т.) и общинном землепользовании как неизменных условиях кочевой формы хозяйства»³⁷. В другом месте И. Я. Златкин говорит: «...Халха монголы давно прошли через этап патриархально-родовой организации и что в памяти монгольского народа стерлись даже воспоминания о родовых именах»³⁸. Приведенные данные И. Я. Златкиным недостаточно убедительны для утверждения, что кочевники вообще могут изжить у себя родовое устройство. Халха — так называют монголов, живущих на территории между реками Керулен и Орхон, где происходили основные политические события, а в результате их и интенсивное смещение различных племен вокруг ханских ставок. Вполне возможно, что данная группа населения утратила свое родовое деление. В Казахстане так было с тюленгутами ханов. «Пришельцы эти разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого казаха, кроме одного права клеймить скот свой султанским тавром»³⁹. Само название «халха» в истории монгольского народа появилось во второй половине XVI в. Еще в материалах своей экспедиции 1883—1886 гг. Г. Н. Потанин писал: «Халхасы не помнят имен своих родов, что составляет странное исключение среди других племен»⁴⁰. Что это было исключением, видно из дальнейшого изложения путешественника, в котором говорится: «Ордосские монголы сохранили память об именах своих родов или, как они зовут, «омоков»; несмотря на то, что кочевой быт в Ордосе сделал значительные уступки оседлости, хотя и не в такой мере, как у хуху-хотинских тумуков. В восточной половине Ордоса, по которой мы прошли, мы видели войлочные юрты всего только в одном месте; все монголы живут в мазанках, сделанных из плетня и обмазанных глиной»⁴¹.

Однако И. Я. Златкин, руководствуясь своей теорией, далее противопоставляет форму хозяйства экономическим и политическим условиям жизни народа. Он пишет: «Наличие родового строя или его пережитков объясняется не пре-

³⁷ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 77.

³⁸ «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 91.

³⁹ См.: «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алма-Ата, 1948, стр. 136.

⁴⁰ Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950, стр. 122.

⁴¹ Там же, стр. 121, 126.

обладанием той или иной формы хозяйства, а конкретными экономическими и политическими условиями жизни данного народа»⁴². В действительности конкретные экономические и политические условия жизни народа определяются той или другой формой хозяйства, выражающей известную систему производственных отношений людей, в основе которых лежит определенная форма собственности на средства производства.

В. И. Ленин высмеивал народников за то, что ими «крепостное право изображается не как *определенная форма хозяйственной организации* (подчеркнуто нами. — С. Т.), порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как *столкновение определенных хозяйственных форм* (подчеркнуто нами. — С. Т.) и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «*неверный путь*», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие»⁴³. Следовательно, какова форма собственности на средства производства, такова и форма хозяйства, таковы экономические и политические условия жизни народа. Из «теории» И. Я. Златкина вытекает, что форма хозяйства — это одно, экономические и политические условия — другое. Видимо, он не подозревает, что эти понятия взаимно обусловлены.

В этот же период, примерно с VI в. до н. э., далеко на западе от Китая шла борьба между северными кочевниками, скифами, массагетами и саками и правителями древнеиранского государства. Персидский царь Кир вел долгую и упорную борьбу с кочевниками-массагетами и в 529 г. до н. э. в одном из больших сражений был убит. В конце II в. до н. э. оседлый Туркестан (Согдиана, Бактрия и Маргиана) снова подвергается нашествию северных кочевников: сначала парфов и саков, а потом тюркского племени — юечжыев⁴⁴, которые имели полный успех и в конце I века до Р. Х. окон-

⁴² И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов, стр. 77.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 342.

⁴⁴ «Юечжы — китайское название саков-массагетов». Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 258 (сноска 1). По нашему мнению, юечжы — массагеты, а не саки.

чательно закрепили за собою Южный Туркестан, оттуда двинулись дальше. С III века до Р. Х. Иран освобождается от парфян, а затем сбрасывает в Туркестане тяжелое иго тюрков-юечжыев. В конце IV в. н. э. Южный Туркестан подвергается нашествию гуннов-эфталитов; эти кочевники, разорив Согдиану до Аму-Дарьи, нанесли смертельный удар юечжыям, чем стихийно помогли персам избавиться от последних. За Аму-Дарьей гунны потерпели поражение и ушли на север, а оттуда — на запад — в Европу»⁴⁵. Все эти столкновения, происходившие между кочевниками и оседлыми земледельцами, сопровождались громадным разрушением производительных сил, созданных в условиях оседлого земледельческого хозяйства.

О реакционных и разрушительных результатах нашествий кочевников на древние очаги культуры Средней Азии говорят перемены в жизни древних жителей Северного Ирана.

Культурная жизнь в Мервском оазисе Мургабской долины имеет богатую историю. По имеющимся данным, Мерв в древности занимал видное место среди лучших городов мира. Один из преемников Александра Македонского Антиох Сотер для защиты Мургабской долины от набегов кочевников массагетов соорудил крепостную стену длиной 260 верст. Во II в. до н. э. здесь побывали саки. В середине VII в. Мургабскую долину захватили арабы. При их господстве население долины имело больше возможностей для улучшения земледелия. При всех этих условиях Мерв, находясь в X в. в составе среднеазиатского государства саманидов, славился шелководством, хлопководством, а также фруктами и хлебом. Значительного развития город достиг в XI—XII вв. Сельджукский султан XII в. Санджар, который выбрал Мерв столицей своего государства, сделал много для усиления орошения и развития земледелия в долине⁴⁶.

Цветущий Мервский оазис еще при жизни Санджара был разгромлен турками-огузами. Хозяйственная жизнь оазиса начала возрождаться лишь с 1172 г., но в 1221 г. его полностью разорили монголы Чингис-хана.

Оставшаяся в живых часть земледельческого населения оазиса была вынуждена заняться охотой или стать кочевыми скотоводами. В истории многих народов Азии такие

⁴⁵ Н. Павлов. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1910, стр. 6—7.

⁴⁶ «Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветающих, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 184.

катастрофические события повторялись неоднократно. Мервский оазис начинает восстанавливаться только с конца XIV в. при Тимуре.

По словам акад. В. В. Бартольда, Тимур, завоевав в 1381 г. Хорасан, распорядился, чтобы каждый из военачальников (эмиров) и вельмож (аркан и даулет) вывел из Мургаба канал и положил здесь основание земледелию⁴⁷. Тимур и тимуриды заботились о культурном развитии Мургабской долины. В результате Мервский оазис в XV в. был одним из богатых земледельческих оазисов Средней Азии.

Но и в дальнейшем жители оазиса испытали немало разрушительных вторжений врагов. На экономику района отрицательно влияли набеги туркменских кочевников, войны, происходившие между государствами, образовавшимися в результате распада империи Тимура, а также вторжение и оседание узбекских кочевников⁴⁸.

Власть в оазисе оказалась в руках представителей кочевой патриархально-феодальной верхушки, которая еще долго вела кочевой образ жизни и жестоко эксплуатировала крестьян на захваченной территории через своих ставленников. «Все это и приводило к тому, что там, где в XV веке преобладали феодальные отношения, как, например, в долине Зеравшана, Кашка-Дарья, в XVI—XVII веках и даже позже преобладали отношения патриархально-феодальные»⁴⁹. Лишь с постепенным переходом кочевников к земледелию и оседлому быту восстанавливались оросительные системы, расширялись площади культурных земель.

Почти одинаковую историю с Мервским оазисом имеет один из крупных очагов древней цивилизации в Средней Азии, возникший в низовьях р. Аму-Дарья, — Хорезм. Он распространил свое культурное влияние на бассейны рек Жана-Дарья, Куван-Дарья и низовье Сыр-Дарья. Земледельческая культура, то возникавшая, то угасающая вследствие набегов кочевников, имеет здесь древнюю историю. Об этом говорят развалины таких городов и крепостей на р. Жана-Дарья, как Чирик-рабат, Бабьш-мулла⁵⁰, Беш-там, Дженд,

⁴⁷ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 65.

⁴⁸ «В XVI веке Туркестан снова был завоеван варварским народом, пришедшим с северо-запада, из пределов прежнего золотоордынского ханства, узбеками. Ими были образованы два государства: ханства Бухарское и Хивинское, к которым в XIX в. присоединилось еще третье — Кокандское, образовавшееся в Фергане». В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 19.

⁴⁹ А. Б. Якубовский. Серьезное исследование по истории таджикского народа. «Коммунист», 1953, № 1, стр. 108—109.

⁵⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 56, 58.

Кум-кала и другие; на р. Куван-Дарья — развалины городов и крепостей Альб, Рабенсай, Джеты-асар и другие, в низовьях Сыр-Дарьи — развалины городов Куюк-кала, Кескен-куюк-кала и Джангент-кала, отнесенные экспедицией С. П. Толстова к средневековой эпохе. Эти развалины городов и крепостей свидетельствуют о зарождении и значительном расцвете в разное время в этих местах оседлой сельской и городской жизни, возникшей на основе развития культуры интенсивного орошаемого земледелия. Но развалины говорят еще и о том, что оседлая земледельческая культура городов и крепостей не раз была разрушена и сметена с лица земли кочевниками.

В XV в. обитателями основной части казахских степей были узбекские кочевники. Прежде они жили в восточной части Золотой орды, а после ее распада передвинулись на восток. Будучи разделены на отдельные племена и роды, узбеки нередко враждовали между собой, занимали земли от р. Урал на восток до р. Сары-Су, а на юге — до р. Сыр-Дарьи. Междоусобная борьба между ними привела, наконец, к окончательному распаду узбекского улуса. Часть родов, возглавляемая враждебными узбекскому хану Абул-хайру джучидами — Гиреем и Джанибеком, отделилась в середине XV в. от остальной массы узбеков и получила название казахов⁵¹. Казахи, находившиеся в сфере влияния Моголистана, кочевали в низовьях Чу и в пустыне Бетпак-Дала.

Распад узбекского улуса сопровождался завоеванием культурных земледельческих оазисов Средней Азии и оседанием узбеков в этих местах, а также массовым притоком к казахам узбекских племен и родов, чем объясняется быстрое увеличение их численности.

В результате казахские кочевники образовали свое кочевое ханство. Первым казахским ханом был избран Гирей. В третьей четверти XV в. к казахам присоединилась большая часть кипчаков, отложившихся от Золотой орды, а в XVI в. — роды керей, найман и аргын из восточной половины Джагатаевого улуса. При ханствовании сына Джанибека — Касыма казахский союз очень усилился, население его достигло 1 млн. человек⁵².

С момента образования казахского кочевого ханства казахские ханы и султаны в союзе с Моголистаном, а иногда и без него, продолжали грабить своих соседей — оседлых жи-

⁵¹ При такой ситуации вполне допустимо, что слово «казах» произошло от слова «кашак», что значит «беглец».

⁵² П. Хворостанский. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степей. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, СПб., стр. 55—56.

телей Средней Азии. Так, в конце XV и начале XVI в. в течение многих лет шла война между Шейбани-ханом (внуком узбекского хана Абулхаира) и казахским ханом Касымом (сыном брата первого казахского хана Гирея). Насколько жестоки были такие войны, видно из сообщения имама Шейбани-хана Рузбахани. Он отмечает, что в 1509 г. 50 тысяч казахов во главе с племянником Касым-хана Ахмет-султаном готовились напасть на Мавреннахр, Бухару и Самарканд, но свой план полностью осуществить не смогли, а «вернулись в свою страну, разграбив Куфинский округ, город Добуси и волости в Самаркандском округе, также по ту сторону Бухары, напад на Наб-коак, и увели в плен тамошних мусульман с учинением над ними издевательства; то, что попало им под руки — скот ли, вещи ли, — все взяли. Пройдя по Бухарским степям, против города Узгенда переправились через Сыр-Дарью и въехали в самый ближайший к Туркестану округ Джаньш-султана. Пленных мусульман вели рядами, продев в их уши бечевки и концы их привязывали к седлам. Этих пленных было свыше тысячи»⁵³. Не менее разорительны были набеги на соседние земледельческие народы и последующих казахских ханов и султанов.

Со временем земледельческие народы Средней Азии, собрав большие силы, отвечали кочевникам тем же. Основным районом военно-политических событий, связанных с борьбой между шейбанидами и казахскими ханами, был бассейн нижнего течения Сыр-Дарьи. Частенько победителями выходили казахские ханы, которые подчиняли себе присырдарьинские города, включая и Ташкент. Они, подобно древним и средневековым кочевникам, собирали дань с завоеванных городов.

Казахским кочевникам немало приходилось страдать от бухарского Абдуллы-хана. Иногда его войска, преследуя кочевников, заходили в глубь казахских степей. «Могущество узбеков достигло высшей степени во второй половине XVI века во время царствования Абдуллы-хана бухарского, которому удалось подчинить себе и Хорезм и образовать сильное государство, в состав которого входит и Хорасан. Абдулла-хан совершил несколько походов на север против казахов, причем доходил до Улу-Тага (гора Улу-Тау)»⁵⁴.

В связи с военными успехами Абдуллы-хана число набегов казахских ханов во второй половине XVI в. несколько уменьшилось. Это позволило в бассейне нижнего течения

⁵³ См.: «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», ч. I. М., 1935, стр. 103.

⁵⁴ Акад. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 25.

р. Сыр-Дарьи каракалпакскому племени заняться земледелием.

Каракалпаки — одно из бывших узбекских кочевых племен, в XVI в. они находились в постоянном общении и взаимодействии с казахскими племенами. С конца XVI в. каракалпаки начали оседать в низовьях Сыр-Дарьи и бассейне Куван-Дарьи. В XVII—XVIII вв. они уже занимались интенсивным орошаемым земледелием и полукочевым скотоводством. Но кочевые казахские ханы и султаны, как их предки, совершали набеги на каракалпаков. Они брали с победенных тяжелую дань хлебом или совершали открытый грабёж, что, безусловно, тормозило дальнейшее экономическое и культурное развитие данного района. Число районов, где каракалпаки могли заниматься земледелием, довольно значительно, но невыгодность их заключалась в том, что все они представляли собой небольшие разрозненные участки, тянувшиеся узкой полосой среди безжизненного пространства. Вследствие этого в нижнем течении реки не могла возникнуть прочная оседлость, существование которой было немыслимо без обширной ирригационной системы и достаточно крупных населенных и укрепленных пунктов, где оседлое население способно было отразить удары кочевников⁵⁵.

Кочевники были верны своим традициям, вытекавшим из их способа производства. «И способ грабежа опять-таки определяется способом производства»⁵⁶. Особенно разорительным для каракалпаков было вторжение казахского хана Абулхайра. В 1743 г. он собрал большое количество всадников и вместе со своими сыновьями Нурали, Ерали и Джанибек-тарханом внезапно напал на каракалпаков, якобы потому, что они отказались платить ему дань. Было перебито много людей, население ограблено и большая часть его взята в плен, в том числе и хан Урускул с семьей. В результате этого и других последующих набегов казахских ханов и султанов каракалпакская земля была опустошена, земледельческая культура в низовьях Сыр-Дарьи и долинах рек Куван-Дарья и Жана-Дарья уничтожена. В октябре 1810 г. султан Тимур (внук Абулхайра), управлявший шомекейским родом Младшего жуза, с отрядом в 1500 человек напал на каракалпакские роды теге-кытай и кыпчак и ушел с большим количеством добычи и пленных. Бесперывные набеги кочевников не давали житья каракалпакам и довели их до окончательного разорения. В конечном счете каракалпаки были вынуждены оставить обработанные земли и уйти под власть хивин-

⁵⁵ См.: «Материалы по истории каракалпаков». Труды Института востоковедения, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 48.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.

ского хана⁵⁷. И после этого в хивинско-каракалпакских хрониках сообщается, что «султан Тимур-хан, Келебай-бий, Бурктай-бий и другие направили воровским путем в сторону Хорезма большую шайку чумекейцев, которая прошла через Янги-Дарью, совершила набег на некоторых янги-дарьинских людей (эль) в районе Таукара, захватила много скота и пленных и вернулась»⁵⁸.

Из сказанного видно, что древние, средневековые и нового времени кочевники, вторгавшиеся из северо-восточных стран в область Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и Арало-Каспийского бассейна, частью передвигавшиеся на запад, а частью продолжительное время обитавшие в основном на территории современного Казахстана, систематически разрушали и уничтожали земледельческую культуру. При каждом столкновении с оседлыми народами эти кочевники грабили не только население, но и разоряли культурную землю. Они «воздействовали двояким образом на изменение природы страны, ее почвы и климата, — прежде всего на нее повлияли их жестокие опустошения, уничтожение садов, рощ и лесов, затем уничтожение земледелия и замена его скотоводством. Кочевники засыпали каналы, или, по крайней мере, давали иду их занести; вместо того, чтобы регулировать течение рек, они тем, что поили свои стада по берегам, содействовали образованию болот на берегах и неправильному течению вод»⁵⁹.

Древними кочевниками, обитавшими на территории Казахстана, были массагеты (юечжы), саки, усунь, кангюй, хунны и др. На основании китайских документов, относящихся к II—I вв. до н. э., Н. Я. Бичурин отмечает основную зону кочевания каждого из этих племен. Он указывает, что «усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (Ферганы) на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновенных сходятся с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска (т. е. мужчин, способных натягивать лук), отважного в сражениях...

Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновенных совершенно сходствует с юечжысками; имеет до 90 000 войска...

Яньцай лежит почти в 2000 ли от кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновенных совершенно сходствует с кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом

---

⁵⁷ «Хорошо видна поздняя, XVIII—XIX вв. н. э. заброшенная каракалпакская ирригационная сеть и многочисленные развалины каракалпакских укреплений и мавзолеев». С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации», стр. 56.

⁵⁸ См.: «Материалы по истории каракалпакков», стр. 122.

⁵⁹ Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, стр. 381—382.

озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море (т. е. Каспийское море. — С. Т.).

Большой юечжы лежит почти в 3000 ли от Давани на запад, от реки Гуй-шуй (Аму-Дарьи) на север... Также кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Имеет от 100 000 до 200 000 войска»⁶⁰. Эти данные показывают, что усуни кочевали в Семиречье, кангюй — в Центральном Казахстане, а юечжы — севернее Аму-Дарьи и в низовьях Сыр-Дарьи, используя сезонно луговые пастбища ее рукавов и Кызыл-Кумскую пустыню.

Эти кочевые племена между собою почти ничем не отличались. Все они постоянно кочевали вместе со своими стадами, непрерывно воюя друг с другом и с оседлыми земледельцами оазисов.

Сила военно-кочевых племен состояла в том, что они «следуя за травой и водой, занимаются звероловством, не имеют постоянного места пребывания и упражняются только в военных делах»⁶¹. Одним из главных орудий производства и войны у них были лошади. Кочевники хорошо ездили верхом и могли проводить целые сутки на лошади, что говорит о их большой закалке и выносливости. Этими же качествами обладали казахи новейшего времени⁶². У кочевников, находившихся на более высокой ступени развития, как, например, у монголов, турков, арабов и казахов XV—XVIII вв., каждый мужчина был воином. Ведя военно-кочевой образ жизни, они искусно владели оружием, не боялись жары и холода, дождя и бурана. Все это было для них своей стихией.

До изобретения огнестрельного оружия превосходство на войне всегда было на стороне тех, кто был ловок и искусен в управлении конем и применении оружия. Победителями в большинстве случаев оказывались кочевники. Это свидетель-

---

⁶⁰ Н. Я. Вичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 150—151.

⁶¹ Там же, т. I, стр. 274.

⁶² «Точно также поразительная мускульная сила и выносливость казаха, его острый глаз, отчетливо различающий малейший предмет в туманных далах горизонта, его способность проводить на седле дни и ночи, его глубокое и тонкое знание всех суровых стихий пустыни и господство над нею путем этого знания, — все эти практические таланты, побеждающие дикую природу настолько, насколько это необходимо для скромных потребностей кочевника, — право, тоже стоят со своей точки зрения многих наших книжных и письменных премудростей, несомненно подрывающих непосредственную способность человека к борьбе с враждебными силами природы и судьбы». Е. Марков. Россия в Средней Азии. «Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской областям, Каспийскому морю и Волге», т. II, СПб., 1901, стр. 174.

ствовало о более высоких военных качествах ополченцев-кочевников, а не оседлых земледельцев. Этим объясняется тот факт, что оседлые земледельческие народы, полагаясь в деле обороны на свое ополчение и не имея обученной армии, почти всегда терпели поражение от кочевников. «Частые завоевания татарами (вернее, монголами, арабами и турками. — С. Т.) всех цивилизованных стран Азии достаточно показывают превосходство ополчения варваров над ополчениями цивилизованных народов»⁶³.

Кочевники быстро могли собираться целыми родоплеменными группами и совершать массовое и стремительное нападение на противника. Направление на войну кочевых племен не было для них чрезвычайным событием и не требовало особой подготовки. Народ, привыкший к кочевой жизни в мирное время, легко передвигался и во время войны. «Выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков, хотя поставленные перед ними цели весьма различны»⁶⁴.

Н. Г. Чернышевский одну из главных причин отставания в экономическом и культурном развитии государств Азии с ранней высокой культурой от европейских стран видел именно в отрицательном влиянии на первых кочевников, постоянно осаждавших очаги древних цивилизаций Востока. Он писал: «Западная Европа так далека от степей Средней Азии, главного центра, из которого выходят вторгающиеся кочевые народы, что в последние 2000 лет они только один раз успели проникнуть в нее. Орды Чингис-хана, Тамерлана и османов или вовсе не доходили до Западной Европы, или едва касались ее пределов, просто по отдаленности. Западноевропейское земледельческое население вот уже 1400 лет избавлено от новых наводнений варварства и в этот долгий период имело время укрепить, устроить свои дела»⁶⁵.

Оседлые азиатские народы почти не знали длительных передышек от нашествий кочевников. Такая историческая обстановка не давала им возможности сделать более прочными свои культурные достижения. Н. Г. Чернышевский, глубоко понимавший эту тысячелетнюю историческую ситуацию в жизни восточных народов, резко осуждал буржуазную расовую теорию, объяснявшую их отсталость особенностями расы.

Все факты показывают историческую ограниченность перспектив прогрессивного развития производительных сил

---

⁶³ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М.—Л., 1935, стр. 246.

⁶⁴ Там же, стр. 235—236.

⁶⁵ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. III, ч. I, М., 1948, стр. 30 (сноска).

кочевого общества и его крайне отрицательное влияние на оседлое земледельческое общество.

* * *

Огромное различие, которое существовало между кочевым скотоводством и оседлым земледелием, можно понять из образного выражения К. Маркса, что «труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать»⁶⁶. Суть такого положения с давних времен закреплялась в сознании различных земледельческих народов в виде обычаев и религиозных обрядов, связанных с обработкой земли.

По древней египетской мифологии божество Озирис соединял свои силы с силами плодоносной реки Нил, а Изида, его жена, являлась и матерью-землею, оплодотворяемой семенами растений. Брак Озириса и Изиды происходит на поле, засеянном хлебом⁶⁷. С разливом Нила и началом земледельческих работ связано у современных египетских крестьян представление о здоровье мужчины, о способности к деторождению женщин. Свадьбы справляют предпочтительно в это время⁶⁸. У земледельческого народа — чувашей — новый год, совпадающий с началом земледельческих работ, считался праздником «свадьбы плуга», где невестой являлась земля. Такой же «праздник» существовал у марийцев и казанских татар⁶⁹.

Земледельческие народы древних очагов культуры: Месопотамии, Ирана и оазисов Средней Азии исповедовали религию в виде земледельческого культа с его празднествами пахоты, посева и жатвы. Основное требование такой религии сводилось к усиленному возделыванию хлебных злаков.

Древнейшей историей земледелия, пожалуй, можно объяснить традицию китайского народа отводить первое место в обществе земледельцам. Этому соответствует китайская эмблема победы над кочевыми народами, которая означает «насаждение ивы», т. е. выращивание дерева. Следовательно, у китайцев развитие культуры было синонимом развития земледелия, возделывания растений. Китайские императоры древнейшего времени ежегодно совершали церемонии начала земледельческих работ. «Цель этого публичного и торжественного акта — побудить народ заниматься земледелием»⁷⁰. Примерно также в древнегреческой поэзии воспева-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 52.

⁶⁷ Элизе Реклю. Человек и земля, т. II, стр. 176.

⁶⁸ А. Айру. Феллахи Египта. М., 1954, стр. 142.

⁶⁹ В. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 50.

⁷⁰ Ш. Монтегье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 355.

ется всепобеждающая сила человека, вечно плодоносная земля и рабочий скот как основные элементы производительных сил общества ⁷¹.

Культ земледелия существовал почти у всех народов, где оно было развито в более или менее значительной степени. Например: «Культурный обитатель древней Мексики считал не только невозможным, но и опасным дать просыпаться и пропасть даром хотя бы одному зернышку маиса, потому что оно будет жаловаться божееству на пренебрежительное к себе отношение... У земледельческих народов это запрещение переносится в особенности на запасы, отложенные для посева. Так, например, в Камбодже у племени банар существует поверье, что божеество наказывает смертью всякого, кто позволит себе продать семена, отложенные для посева» ⁷².

Древние народы Европы, как свидетельствует Страбон, занимались преимущественно культурой проса. К ним относились кельты, иберийцы в Испании и Аквитании. В Марселе Цезарь нашел больше всего запасов проса. Большое экономическое значение производства проса и преобладание последнего в пищевом балансе народа в древности отразились на религиозных и праздничных обычаях славян. «Домашние духи у них оказывают особенное предпочтение пшеничной каше, а славянские свадьбы никогда не обходятся без этого неизбежного праздничного блюда, несмотря на то, что славяне давно уже привыкли к лучшей пище и почти не занимаются теперь возделыванием проса» ⁷³.

У американских индейцев возрастающее значение земледелия привело к возникновению культа основных земледельческих растений — кукурузы, бобов и тыквы, почитавшихся под именем «трех сестер нашей жизни», «наших кормилиц». Они представлялись в виде трех прекрасных женщин, каждая — в одежде из листьев соответствующего растения ⁷⁴.

Всякое более или менее развитое земледелие было немислимо без рабочего скота, главным образом быков. Видимо, этим можно объяснить существование культа священных быков Аписа и Мневиса, а также священной коровы — богини Хатахор у древних египетских земледельцев ⁷⁵; религиозные догматы, запрещающие в Индии убивать коров и употреблять их мясо, очевидно, имеют то же основание, что и в древнем Египте. «Индийский крестьянин готов умереть с голоду рядом с жирным быком. Требования суверия суровы по отно-

⁷¹ Н. Ф. Дератани и др. Греческая литература. М., 1939, стр. 232.

⁷² Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1899, стр. 20.

⁷³ Там же, стр. 22.

⁷⁴ «Индейцы Америки». Этнографический сборник. М., 1955, стр. 86.

⁷⁵ А. И. Авдиев. История древнего Востока. М., 1953, стр. 287.

шению к отдельному индивидууму, однако они направлены на сохранение общества в целом; сохранение рабочего скота обеспечивает продолжение земледелия, а тем самым и источники будущих средств существования и будущего богатства»⁷⁶. Культ крупного рогатого скота сначала существовал у оседлых земледельцев, а не у кочевых скотоводов.

Это было отражением реальной экономической жизни, тех условий, когда решающее значение приобретало земледелие. Труд, возделывающий землю, создавал более надежный источник общественного богатства, чем труд, затраченный в кочевом скотоводстве. Земледелие на раннем этапе развития общества было самым важным видом трудовой деятельности людей. Прогресс в земледелии был основой развития материальной и духовной культуры всех народов. В этом смысле труд земледельца действительно был отцом богатства, а земля — его матерью.

У казахских кочевых скотоводов была поговорка о земле и скоте: «Земля — мать, скот — ее дитя» («Жер — анасы, мал — баласы»). Но она лишена того смысла, какой имеет изречение Уильяма Петти, приведенное К. Марксом. В ней только констатируется факт, что «земля кормит скот» или «скот кормится растениями земли». Эта поговорка лишь подтверждает, что судьба кочевого скотоводства в конечном счете зависела от дикой природы — никем не обработанной земли. Поэтому в ней ничего не сказано о труде, прилагаемом к земле. Известно, что при кочевом скотоводстве земля не оплодотворялась трудом человека, как при земледелии, вся его трудовая деятельность была направлена на уход за животными, которые одновременно служили людям орудием для присвоения пастбищных трав. Это делало кочевника более зависимым от стихийных сил природы, чем земледельца. Такое положение является яркой иллюстрацией того, что чем примитивнее хозяйство, тем больше оно находится во власти стихийных сил природы, следовательно, для него природа, земля — злая мачеха. Пастбищная трава и вода для кочевника были естественно возникшими средствами жизни и готовыми плодами природы.

Это подчеркивает и казахская пословица: «Где земля богата, там и народ богат» («Жері байдың елі бай»). Под богатством земли казахи подразумевали богатые травой и водой естественные пастбища, обеспечивающие кормом животных кочевника. Следовательно, и здесь говорится о полной зависимости богатства — скота кочевника от дикой природы — естественного пастбища. В зимнее время монгольские скотоводы, жившие в пустынной части Монголии, еще в кон-

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 267.

це XIX и начале XX в., как и казахи, откочевывали в большинстве случаев «в безводные местности, на которых в летнее время пасти скот, конечно, совершенно невозможно, а потому эти пастбища и остаются невытравленными до наступления глубокой осени или зимы... Если выпадает снег, то они располагаются на безводных пастбищах еще свободнее, укрываясь иногда далеко от воды на хорошие корма. В этих случаях и люди, и животные довольствуются вместо воды снегом»⁷⁷.

Большинство безводных казахских пустынь, таких, как Кызыл-Кумы, Мангышлак, Устюрт, Мукун-Кумы и другие, эксплуатировались кочевыми казахами тоже зимою или глубокой осенью при наличии снежного покрова. Это показатель того, что «при естественно возникших орудиях производства (стада и табуны.—С. Т.), индивиды подчиняются природе»⁷⁸. В данном случае стада и табуны рассматриваются нами как «естественно возникшие орудия производства» не в том смысле, что они — дар природы, а в смысле живого организма.

Если такова была роль необработанной земли при кочевом скотоводстве, то в условиях оседлого земледелия земля также переставала быть матерью-кормилицей как только прекращалась ее обработка. В. И. Ленин писал: «У массы рогожников земледелие падает, и они бросают землю; «пустыррей» около $\frac{1}{3}$ озимого и $\frac{1}{2}$ ярового поля. Но для «зажиточных мужиков» «земля уже не злая мачеха, а мать-кормилица»: достаточно скота, есть удобрение, арендуют землю, стараются исключить свои полосы из передела и лучше ухаживают за ними»⁷⁹.

Господство кочевого скотоводства как основной сферы материального производства народа, в которую вкладывался труд, находило свое отражение в его сознании. Акад. Б. Д. Греков писал: «У народов, у которых долгое время господствовало скотоводство, например, у казахов, название месяцев обозначает: месяц, когда ягнятся овцы, месяц, когда начинают доить кобыл для кумыса, месяц стрижки овец, месяц, когда режут скот в зимний запас и т. д.»⁸⁰. Аналогично этому время измеряли временем, необходимым для приготовления пищи из продуктов животноводства. Обычно говорили: «Нужно столько времени, сколько для кипячения молока или для варки мяса».

Одним из главных проявлений того, как отражался в сознании людей процесс их жизни, был культ скота. Казахские

⁷⁷ М. В. Певцов. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951, стр. 110.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 65.

⁷⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 371—372.

⁸⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 50.

кочевые скотоводы обожествляли скот, а через него крупных скотовладельцев-баев, называя их «Арвахом и кудаем (богом) одаренным, вечным счастьем наделенным, созданным для богатства священным лицом» («Аруақ-құдай берген, бақыт-құсы басына қонған қасиетті адам»).

Казахи считали, что смерть есть отделение души от тела, т. е. уход души в виде мухи или в невидимой форме. По их представлению, дух был бессмертен и священен, его называли «арвах», он питается мясом животных, приносимых в жертву, и салом или маслом, которое бросали для него в огонь. Отсюда казахская пословица: «Если часто будешь класть в огонь масло для святых, то они чаще станут сниться, а если часто будешь делать подарки детям, то они чаще будут посещать твою юрту» («Әулиеге май сала берсең түсіне ене береді, балаға бере берсең үйіңе келе береді»). Об арваху Ч. Ч. Валиханов писал: «У казахов почитание арвахов до сих пор во всей силе. Они в трудные минуты жизни призывают имя своих предков, как мусульмане своих святых. Всякую удачу приписывают покровительству арвахов...

В честь арвахов приносят в жертвы разных животных, а иногда нарочно ездят на поклонение их могилам и, принося жертву, просят их о чем-нибудь, например, бездетные — сына. В древности могилы знатных и великих людей были скрыты или заповеданы, — вероятно, чтобы их не могли осквернять враги. У нынешних казахов воздвигнуть курган или памятник — считается неременной обязанностью детей, и могилы эти заменяют им обо⁸¹. Это единственные святые казахов⁸². Об этом же в другом месте Ч. Ч. Валиханов писал: «До Тамерлана казахи поклонялись духу предков — арваху, огню, как очистительной силе, луне, солнцу, земле и животным, составляющим их богатства, обоготворяя каждую породу в индивидуальном лице»⁸³.

Казахи верили тому, что путем пожертвования можно добиться расположения духа предков, пользоваться их покровительством и стать богатым и счастливым. Это убеждение закреплено в казахской пословице, которая гласит: «Кто угощает живых, тот станет баем, а кто угощает умерших, тот станет баем» («Тіріні сыйлаған би болады, өліні сыйлаған

⁸¹ «В Монголии каждый перевал дороги через горы, а также выдающиеся вершины украшены «обо». Обо — большая или малая куча камней, в которой попадают также кости, тряпки, ржавое железо и в которую часто воткнуты палки с защемленными в них или привязанными полосками или обрывками ткани, или пучком конских волос. Обо — это приношения горным духам». Акад. В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956, стр. 17.

⁸² Ч. Ч. В а л и х а н о в. Статья, переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 18.

⁸³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 298.

бай болады»). Казахи больше верили духу предков, чем богу. Эти два слова — арвах и кудай — они употребляли вместе как синонимы, причем на первом месте всегда стоял дух предков. Поэтому богатых казахи считали любимцами арвахов и кудаей; богатство понималось как их дар. Следовательно, верным средством обеспечения своего существования было почитание арвахов и кудаей, от которых якобы зависела вся жизнь человека. По этой причине бедняк, лишившийся своих стад и табунов не из-за барымты, а чего-либо другого, был всеми презираем, как человек, оставленный арвахами и кудаем. Напротив, «богач приобретал спокойствие, силу, почет у своих соотечественников, влиял даже на решение дел, безнаказанно обижал бедняка, безропотно переносившего обиду, потому только, что на пастбищах обидчика бродят выражающие благословение божее неисчислимые табуны»⁸⁴.

В монгольской легенде «Заячи»⁸⁵, записанной Г. Н. Потаниным, сказано, что бедняк просил своего зайчи научить его, как разбогатеть. Он сказал бедняку: «Где-нибудь добудь верблюда, убей его, шкуру его набей сухою травой, зашей и знеси на гору». Так и сделал бедняк. Когда заячи собрались все к богу, заячи бедняка крикнул: «Посмотрите, какой силач верблюда на себе несет на гору». Все боги и заячи, заседавшие в собрании, взглянули в ту сторону. В то же мгновение у бедняка стало множество скота»⁸⁶, он разбогател и стал сильным в обществе.

Жизненно важным экономическим значением скота и его продуктов объясняется обожествление кочевыми скотоводами скота и молока. Как казахи, так и монголы считали, что «молоко, кумыс, творог нельзя проливать или ронять на землю; сделав это нечаянно, нужно омочить пальцы в пролитом и вытереть о правое плечо (или о лоб, как казахи. — С. Т.), потому что эти три вещи есть счастье»⁸⁷. Одним из страшных проклятий у казахов в чей-либо адрес были слова «Чтобы его ударило молоко» («Ақ ұрсын, ақтың киесіне ұшыра») ⁸⁸. Кочевники были убеждены в сверхъестественной силе молока. Иначе и не могло быть, так как счастье и несчастье у кочевника определялось количеством скота и его

⁸⁴ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1868, стр. 391.

⁸⁵ «Заячи» — дух-покровитель по-монгольски.

⁸⁶ Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии, М., 1948, стр. 407.

⁸⁷ Там же, стр. 398.

⁸⁸ Это по существу то же самое, что у пастушеского племени негров-денки. «Разведение скота, который пасется среди волнующегося моря высоких трав, — единственное их занятие; домашний скот для них, как и для индусов-браманстов, — нечто вроде божества; ни одна клятва не считается у них более священной и страшной, как клятва предками коровы». Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1906, стр. 151.

продуктов. «Заселенные турко-монголами азиатские степи и солончаки, лишенные фруктовых деревьев и хлебных растений, кишели лишь скотом, составлявшим все достояние кочевника; и последний использовал главный продукт его скотоводческого хозяйства — молоко, чтобы из него приготовить возбуждающий напиток кумыс из кобыльего молока и кефир, айран — из кровяного, чал (туркменск.) — из верблюжьего»⁸⁹.

Кочевые монголы обожествляли дикие травы, идущие на корм скоту. Буддийская религия учит: «И у травы есть душа»; «Великий грех косить траву и пахать землю — при этом губятся души бесчисленных растений». Исходя из этого нельзя заниматься земледелием, а надо лишь кочевать со своими стадами, т. е. быть в полной зависимости от стихийных сил природы. Вот почему на громадных просторах Внутренней Монголии в течение веков единственным видом транспорта был верблюд, единственной одеждой — шерсть, единственной пищей — молоко без хлеба и изредка мясо. В годы засухи гибли не только стада, но и сами кочевники, их жизнь оставалась такой же суровой и необеспеченной, как и на ранних стадиях становления человеческой культуры⁹⁰. Обычай у монголов поднимать избранного хана на белом войлоке указывает на особое значение войлока в жизни кочевников. Посадить на белый войлок значит пожелать благополучия. Поэтому во время свадебного обряда невесту, а также лиц, отправляющихся в дальнюю дорогу, сажали на белый войлок. Животное, предназначенное в жертву, убивали на белом войлоке⁹¹.

По данным Г. Н. Потанина, ордосские монголы обожествляли атлантовый позвонок быка, забитого на мясо. Объем и очистив позвонок, они вставляли в него три курительных свечи, клали на него масло и сало, садились перед огнем и, держа позвонок в руке, говорили: «Из северной страны пришедший позвонок, золотом, серебром украшенный позвонок! Из южной страны пришедший позвонок, салом, маслом помазанный позвонок! На месте ожидания пусть родится бурый теленок, на месте, где был убит бык, пусть родится пестрый теленок! Изрубленное топором пусть станет стадом! Хозяин дома да будет бел, как молоко!»⁹² Изрубленное топором пусть

⁸⁹ А. В. Адрианов. Айран в жизни минусинского инокордца. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1906, стр. 491.

⁹⁰ В. А. Федорович. Лик пустыни. М., 1954, стр. 309.

⁹¹ Лама Гайсан-Гомбоев. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Пяно Карпини. Труды Восточного отд. императорского археологического об-ва, ч. 4, СПб., 1859, стр. 243.

⁹² Белый у монголов означает счастливый.

превратится во множество (скота)!»⁹³. Эти монгольские обычаи аналогичны казахским. Казахи приписывали сверхъестественную силу, например, локтевой кости (кәрі жілік) барана. Также, как монголы, обже и очистив локтевую кость барана, они хранили ее дома, вставляли между костями траву — чий и верили, что она оберегает скот от воров и волков.

Казахские кочевники считали, что животные одарены сверхъестественными и таинственными качествами, поэтому по их понятиям всякое несчастье, печаль и смерть можно предотвратить, если принести в жертву животных. Отсюда юмористическая поговорка у казахов, возникающая в связи с жертвоприношением при болезни человека: «Обещанием принести в жертву черного и куцега козленка три раза обманул куда» («Қара шұнақ лақпен құдайды үш рет алдадым»), т. е. он три раза получил от бога отсрочку смерти. Обожествлении животных говорит казахская сказка, записанная Г. Н. Потаниным: «Корова создана из воды, верблюдов — из солнца, конь — из ветра, баран — из неба, человек — из земли, козел — из камня»⁹⁴. Культ животных выводится из культов: неба, солнца, воды, ветра, земли и камня, которые были широко распространены среди многочисленных китайских, тюрко-монгольских и арабских народов с древних времен. Наряду с этим, по установившемуся среди казахов мнению, каждый вид скота имел своего покровителя — святого отца в образе старика-пастуха. Например, священным отцом баранов является Шопан-ата, верблюдов — Ойсул-кара, лошадей — Жилкыши-ата-Камбар и коров — Зенги-баба⁹⁵.

Культ животных у кочевых народов, как одна из форм общественного сознания, надо полагать, не мог сразу исчезнуть даже после того, когда эти народы уже превратились в оседлых земледельцев или смешались с ними. В новых условиях этот культ и его пережитки могли проявляться в различных формах. Вероятно, пережиточным явлением было изготовление золотых престолов или тронов в виде барана, верблюда или лошади у многих правителей мелких оседлых среднеазиатских владений в VI—VII вв.⁹⁶. Если такое явле-

⁹³ Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950, стр. 150.

⁹⁴ Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии. М., 1948, стр. 388.

⁹⁵ Г. Н. Потанин. Сказание о предке коров Зенги-баба, предке лошадей — Жилкыши-ата, верблюдов — Ойсул-кара и овец — Чопан-ата. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. X, Омск, 1888, стр. 32.

⁹⁶ Например, Н. Я. Бичурин (т. II) сообщает, что «в VI в. царь среднеазиатского царства Босыского сидит на золотом престоле, представляющем барана (стр. 261); царь среднеазиатского владения Фухо имеет золотую тронную, перед тронной — семь золотых верблюдов, каждый в

ние нельзя объяснить тем, что ближайшие предки этих народов были кочевыми скотоводами, то вполне возможно, что они веками находились в окружении и под сильным политическим и экономическим воздействием кочевых скотоводов, разводивших главным образом овец и верблюдов, отчасти лошадей, и не имевших в своих стадах крупного рогатого скота.

Многие доисламские кочевники арабских племен верили в воскрешение, как сообщает П. Цветков, поэтому на могилах умерших привязывали верблюдов, чтобы в день оживления на том свете им не пришлось идти пешком. Арабская легенда говорит, что верблюд и финиковая пальма были сотворены аллахом из той же земли, что и человек, поэтому если они были в земном раю вместе с первым человеком, то они также будут сопровождать его и в будущий мир. Для этого к могиле умершего араба привязывали верблюда и клали на нее финики ⁹⁷.

О подобном явлении рассказывали старики из административного аула № 3 Карабастугайской волости Казалинского уезда Кулунбай Жаменкин и Елижей Бекбулатов. В юношеские годы они были очевидцами такого случая у крупнейшего бая Кувана Жаримбетова из рода саргаска, владельца 5000 лошадей, помимо других видов скота. В 50-х гг. XIX в. умер его любимый младший сын Дагир-мырза. Бай решил построить сыну достойный памятник (уйтам), но изготовить кирпичи было невозможно, так как местность вокруг песчаная. Тогда бай велел стричь гривы и хвосты у двух тысяч лошадей и ежедневно выдавать тысячу кобылиц, из смеси молока, песка и конского волоса были сделаны кирпичи, а из них построен уйтам. В полуразрушенном виде он сохранился до сих пор. На поминки было израсходовано много скота и, наконец, как «енши» ⁹⁸ бай оставил около могилы сто лошадей, чтобы Дагир-мырза на том свете воспользовался ими ⁹⁹.

три фута вышиною (стр. 267); царь среднеазиатского владения Аньси (государство в районе Хорасана или Мерва) сидит на золотом престоле, представляющем верблюда, вышиною от 7 до 8 футов (стр. 272); царь мелкого владения Вохань (в районе Восточного Туркестана) сидит на престоле, представляющем золотого барана (стр. 274); цари таких мелких владений: Хэ и Унагэ тоже сидели на престолах, представлявших собою золотых баранов (стр. 275), а также царь владения Цао сидит на престоле, представляющем золотого коня (стр. 276)».

⁹⁷ П. Цветков. Исламизм, т. I, Ашхабад, 1912, стр. 45—46.

⁹⁸ «Енши» — скот, передаваемый детям в наследство от родителей.

⁹⁹ «Татары о жизни вечной не умеют сказать ничего ясного, а думают, что они и там будут есть, пить, заниматься скотоводством и проч.» Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IV, М., 1903, стр. 29.

Вся производственная деятельность кочевых скотоводов сводилась к обеспечению сохранности своих стад, а также их кормлению.

Иначе не могло и быть. Стада и табуны были основным материальным богатством кочевого общества, они были орудием производства и войны, орудием повседневного кочевания и продуктом производства. Поэтому стада и табуны для кочевника были гордостью, радостью, счастьем и несчастьем. Несчастьем потому, что занятие экстенсивным пастбищным скотоводством не гарантировало сохранения всех табунов и стад. Сама жизнь скотовода всецело зависела от стихийных сил природы. «Мор, недостаток корма, холода губят стада... Скот и благосостояние — нераздельны в понятии казаха; употреблять заработанные деньги на что-либо иное, как покупка скота, не в обычае казаха; стадо дает необходимые для его существования припасы, оно же наполняет, главным образом, его внутреннюю жизнь, дает ему сознание своей силы и обеспеченность, приносит ему положение и влияние — оно делает из него человека»¹⁰⁰.

Казахи переходили с одного пастбища на другое, исходя из производительности трав сообразно сезонам. «Здесь все — опыт, наблюдение и своего рода скотоводческая культура, выработанная веками»¹⁰¹. Эта скотоводческая культура казахов проявлялась в самой разнообразной форме организации производства и труда.

Скотоводческая деятельность кочевников определяла их духовную жизнь, их мораль. По словам Абая, казахские кочевники думали: «Вот сядет им на голову птица счастья, и станут они владельцами полумира, умножат стада и все купят за свой скот. Так, ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье, разум, наука — все это для них ниже скота. Они думают, что за подарки скотом можно получить даже доброе мнение бога. Для них религия — скот, народ — скот, знание — скот, совесть — скот»¹⁰². У монголов «верблюды, лошади и бараны с огромными курдюками являются почти единственным предметом беседы, — встречаясь, монголы спрашивают друг у друга об их здоровье!»¹⁰³. До сих пор точно также казахи аулов при встрече обращаются друг к другу с вопросом: «Скот и душа целы?» («Мал-жан аман ба?»).

Богатейший фольклор казахского народа, благоволения

¹⁰⁰ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 42.

¹⁰¹ См. «Восточное обозрение», 1885, № 40.

¹⁰² А бай К у н а н б а е в. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 334.

¹⁰³ Э л и з е Р е к л ю. Человек и земля, т. I, стр. 35.

и проклятия, пословицы и поговорки, народные песни и эпос составляют основное содержание духовной культуры и, следовательно, являются наиболее полным выражением общественного сознания народа в прошлом. Он был для казахов веками неписанным кодексом правил хозяйственной деятельности, обычного права, войны и мира, морали и быта. В нем, в особенности в пословицах и поговорках, отразилась даже история кочевого общества без дат¹⁰⁴. Лейтмотивом всего народного творчества были скот и скотоводство.

Почти все добрые и злые пожелания казахи связывали со скотом. Например, идеалы кочевников (алгыс) выражались такими фразами: «Будь богат всеми видами скота» («Бай бол, төрт түлікке сай бол»); «Пусть бог даст тебе тысячу овец с ягнятами, восемьдесят верблюдиц с верблюжатами и восемь женатых сыновей» («А, құдайым оңдасын, ондағанның белгісі мың саулығың қоздасын, сексен інген боталап, сегіз келін қомдасын»). При встрече друг с другом во время передвижения караванов они говорили: «Пусть размножаются вьючные животные» («Көш көлікті болсын»); в период дойки скота: «Пусть размножаются раздаиваемые» («Сауар көбейсін»); во время стрижки овец или других видов скота: «Пусть размножаются стригуемые» («Қырқар көбейсін; күзер көбейсін»); при встрече с пастухами на пастбище: «Пусть размножаются стада» («Жаяр көбейсін»); во время водопоя: «Пусть размножаются пьющие» («Суарар көбейсін») и т. д. Злые пожелания (қарғыс), призывающие несчастья, выражались следующими фразами: «Чтобы ты никогда не имел своего скота и не смог кочевать вместе с народом» («Мал көрме, елге ере алмай жұртта қал»); «Чтобы ты не имел ни лошади, ни верблюда и всегда оставался пешим» («Көлік көрме, жаяу қал»); «Чтобы ты никогда не насытился молоком» («Ернің аққа батпасын»); «Пусть тебя бог накажет, чтобы ты ревел, как верблюдица, у которой издох верблюжонок» («Ботасы өлген інгендей боздағыр»); «Чтобы твой скот достался посторонним» («Малың өзіңе бұйырмағыр»); «Чтобы ты был пастухом чужих стад» («Кісі малын бағып қалғыр») и т. д.

Вот некоторые образцы казахских пословиц, где под животными подразумеваются люди: «Худому коню и кнут тяжести» («Арық атқа қамшы ауыр»); «Темногнедой конь не пригоден для похода, широкогрудый — для совета» («Керме иық кеңестен, керторы ат жүрістен қалды»); «Существуют

¹⁰⁴ «Раздел земель — вот главная причина, увеличивающая объем гражданского свода законов народов. У народов, не имеющих этого раздела, гражданских законов очень мало. Учреждения этих народов скорее можно назвать обычаями, чем законами». Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 398.

разные скакуны, но каждый скачет по своей силе» («Алуан-алуан жүйрік бар, әліне қарай шабады»); «В худом стаде жирного не найдешь» («Сүрегі арықтан семіз шықпас»); «Каждый украшает своего верблюжонка» («Әркім өз ботасын үкілейді»); «Каждый своего козленка выбирает козлом» («Әркім өз лағын теке қояды»); «Нравы людей подобны нравам лошадей» («Адам жылқы мінезді»); «Когда много пастухов, больше гибнет баранов» («Қойшы көп болса, қой арам өледі»); «Среди четвероногих верблюжатки дружны, среди двуногих ровесники дружны» («Төрт аяқтыда бота тату, екі аяқтыда құрдас тату»); «Безрогая коза, желая приобрести рога, уши потеряла» («Тоқал ешкі мүйіз сұраймын деп, құлағынан айрылды»).

Абай Кунанбаев о жителях казахских степей XIX в. говорил, если спросить: «Какже у них заботы, какое горе они знают, то они ответят пословицей: «Скот — печень человека», «Богатому — свет, а бедняку — тьма». «Много у нас пословиц, но не говорится в них о науке, о знании, о справедливой и спокойной жизни. Человек любит свой скот как собственные свои потроха»¹⁰⁵.

Во всех образных выражениях казахского народа о лучших и худших, сильных и слабых, красивых и уродливых, добрых и злых, о высоких и низких человеческих качествах, все сравнивается с представителями домашней и дикой фауны и явлениями природы. О сильном и отважном человеке говорили: синегривый волк, бесстрашный беркут, одногорбый верблюд, сильный конь, лев, тигр, ураган и т. д.; об остроумном, находчивом и красноречивом ораторе — скакун, иноходец; влиятельных биев-родоправителей уподобляли водырю козлу (серке), породистому жеребцу, барану-производителю.

Гордую и красивую женщину сравнивали с лучшей одногорбой верблюдицей (арвана), породистой кобылицей (назбедеу), с солнцем, луной, звездой, озером, а также с птицами и красной лисицей и т. д.

О необходимости приспособления человека к обстановке говорили: «Если жизнь стала лисицей, то гонись за ней, как борзая» («Заманың түлкі болса, тазы болып шал»); бесплодные мечты бедняка об увеличении своих стад сравнивали с погоней собаки за сайгаком: «Богатство — сайгак, человек — собака» («Дүние — киік, адам — ит»); о плуте говорили: «Он козу называет старшей сестрой, а козла — мужем сестры» («Ешкіні — апа, текені — жезде деп»); о многообе-

¹⁰⁵ Абай Кунанбаев. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 328.

щающем подростке говорили, что он напоминает ягненка, выбираемого производителем («Қошқар қоятын қозыдай»).

Многие местности степей и пустынь Казахстана получили свое название от скота, например, Ақ байтал (белая кобыла), Ақ ешкі (белая коза), Ақ тайлақ (белый верблюжонок), Торы айғыр (гнедой жеребец), Қой қырылған (место гибели овец), Жирен айғыр (рыжий жеребец), Тарғыл тана (пестрый теленок), а также вследствие сходства с внешностью разных видов скота, например, Түйе ойнақ (шея верблюда), Тау түйе (гора-верблюды)¹⁰⁶, Айғыр жал (грива жеребца), Құс мұрын (птичий клюв) и т. д.

Восхищаясь богатством поэтического и музыкального устного творчества казахского народа, многие русские исследователи дореволюционной истории и этнографии казахского народа называли его народом-поэтом, народом-певцом. Казахская устная народная литература отличается богатством и разнообразием, которые обусловлены своеобразием материального производства и образа жизни народа. Народ, веками ведущий военно-кочевой образ жизни на необъятных просторах степей и пустынь, был тонким наблюдателем природы и хорошо знал технологию кочевого скотоводства.

Почти каждый неграмотный кочевник-казах, как и все кочевники, был одновременно пастухом и воином, отчасти оратором, поэтом и певцом. Народная мудрость, созданная веками, существовала только в устной форме, она жила «на губах у людей» или же «писалась на мышцах их сердец».

Казахский кочевник поэтизировал процесс своего производства, окружающую природу и все, с чем сталкивался, создавал характерные для своего народного творчества поэтические образы. Об этом говорят народные песни. Например, ослепшая девушка поет: «Я была подобна легкой лошади, которая выделялась в тысячном табуне, я была подобна темно-серому ягненку, которым любовались родители».

«Ішінде көп жылқының аласы едім.
Ата-анам қоңыр қозы баласы едім...».

Джигит, обращаясь к любимой говорит: «Любимая, как плавна твоя походка, ты сияешь, как луна, ты спишь сладким сном в белой юрте, как насытившийся молоком ягненок, если любишь меня, то покажись».

¹⁰⁶ «Гора—верблюды», находящаяся верстах в семи от Верхнеозерной станции по Орскому тракту, молчаливо стоит до сих пор, грустно поглядывая на расстилающуюся перед ней равнину, на полусыхающий мелководный Урал, напоминая собою кочевникам о гневе Кудая и его награде за корыстолюбие». А. И. К а с т а н ь е. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 46.

«Бетің айдай қарағым сылаңдайсың.
Сүтке тойған қозыдай солықтайсың.
Егер көңлің шыныммен бере қойсаң,
Ақ боз үйден бұралып жолыққайсың».

«Девушка-кудаша, ты как летающий гусенок в небе, я тоже любимое дитя своих родителей, не осуждай меня за то, что я пастух».

Әуеде ұшып жүрген қаз баласы.
Жылқының тоқтамайды азғанасы.
Құдаша қой бақты деп сөге көрме,
Біреудің менде өзіңдей боз баласы.

«Мой аул перекочевал на озеро, которое видно с высоты, любимая, я тоскую по тебе, не зная, где ты сейчас».

Ауытым қонды көшіп Алакөлге,
Алакөл сағымданар шықсам белге.
Төрт қылып екі көзді сағындырып
Жүр екен біздің қалқа қандай жерде.

«Нет лучшего коня, чем белоногий конь, скачущий рысью, нет лучшей девушки, чем ты со смеющимися глазами и все понимающая без слов».

Ат қайда ақбақайдай ақсай желген.
Қыз қайда құдашадай көзі күлген.
Алыстан ат терлетіп келгенімде,
Айтқызбай сөз мәнісін өзі білген.

В поэтических образцах казахских кочевников первое место занимали предметы процесса их производства. Как и везде, технология производства оказывала решающее влияние на форму и содержание сопровождавших работу песен. Они находили особую красоту у пасущихся стад овец, верблюдов и табунов лошадей, а также в строении тела домашних животных и в их движениях.

Одаренный народный акын Мухамбет Утемисов, близкий друг и сподвижник вожака казахов, восставших против байско-феодальной верхушки в Букеевской орде в 30-х гг. XIX в., Исатая Тайманова, так воспел гибель его в стихотворении «Мой орел»:

«Орел мой, летящий над целью гор!
Дотянутся ли к тебе мои руки?
Долетит ли жалобный мой призыв?
С тех пор, о мой лев, как угас твой взор,
Желаний моих бесплоден порыв!
Мой сокол крылатый, как ты был тверд!
В борьбе беспощадной—бесстрашен и горд!

Кулан мой, твой голос громовой гремел,
Кошкар (баран-производитель) мой,
ты был упорен и смел ¹⁰⁷.

Абай Кунанбаев также во многих произведениях придерживается традиций казахской устной народной поэзии. Например, он сравнивает достоинство человека с лучшим качеством скакуна-тулпара или с храбростью волка, а слабых и трусливых — с захудалой лошадей и плохой собакой. Абай писал:

«Тулпара не обгонит конь простой.
Будь он украшен пестрой бахромой.
Как бы меня злодеи не чернили,
Не омрачится дух высокий мой.
Собакам в чаще волка не догнать.
Поможет бог осилить вражескую рать.
Хотя не раз на цепь мы их сажали,
Привычно псам бессовестно рычать ¹⁰⁸».

Кочевник любовался походкой барана с огромным курдюком, своеобразной красотой верблюда, его большими черными глазами, бегом скакуна. Он испытывал поэтическое воодушевление при виде растущего молодняка. Это было для него олицетворением счастливого детства и юности. Когда кочевник-пастух смотрел на стадо овец во главе с белым длиннорогим козлом, на табун лошадей с выделяющейся фигурой гнедого жеребца или же на стадо жирных верблюдов с черным бура душа его радовалась. Перед его глазами были не просто стада и табуны, а слитки золота. С этой точки зрения поэзия казахов почти совпадает с поэзией бедунов-арабов. П. Цветков пишет: «Поэт в душе, араб, все поэтизировал, даже животных. Верблюд, конечно, не заменим для араба, и он является для него не только работником или товарищем, но прямо другом и членом семьи, так как рождение верблюжонка встречается с неменьшей радостью, чем рождение младенца» ¹⁰⁹.

Хорошо понимал огромное жизненное значение домашних животных для кочевых скотоводов классик буржуазной политической экономики Адам Смит. Он отмечает, что после открытия Америки, когда испанцы высаживались на каком-нибудь острове, они обычно спрашивали, имеется ли в окрестностях золото или серебро. В зависимости от полученных сведений они решали, стоит ли здесь на берегу устраивать поселение или завоевывать страну. Монах Плано Карпини,

¹⁰⁷ Х. Джумалиев. Мухамбет Утемисов. Алма-Ата, 1948, стр. 36.

¹⁰⁸ Абай Кунанбаев. Стихотворения, поэмы, проза, стр. 134.

¹⁰⁹ П. Цветков. Исламизм, т. I, Апхабад, 1912, стр. 66.

отправленный королем Франции в качестве посланника в Монголию, рассказывает, что монголы часто спрашивали его, много ли овец и других видов скота во Французском королевстве. Их вопрос преследовал ту же цель, что и вопрос испанцев. Они хотели знать, достаточно ли богата страна, чтобы стоило ее завоевать. У монголов, как и у других скотоводческих народов, которые обычно не имели денег, скот был предметом обмена и мерилom стоимости. Поэтому в их глазах богатство состояло только в скоте, как для испанцев оно выражалось в золоте и серебре ¹¹⁰.

Казахский кочевник поэтизировал и воспевал красоту родных бескрайних степей, покрытых весной пестрым ковром; он наслаждался всеоживляющими лучами весеннего солнца, теплым ветерком и пением жаворонков среди безмолвной тишины. Весна и лето доставляли степным жителям много приятного, радовали их душу в отличие от осени и зимы, которые приносили ненастье и холод. Разное душевное состояние, вызванное окружающей природой, казах выражал с помощью контрастов между положительным и отрицательным, добром и злом, радостью и печалью. Казахский джигит говорит своей возлюбленной: «Твое милое лицо греет меня, как лето, печаль твоя для меня, как зима. Увидев тебя, я радуюсь, как ребенок. Меня чарует твой смех, как пение соловья.

Қайғың — қыс, күлкің — жаз,
Боламын керсем мез.
Күлкіңіз бойды алар,
Бұлбұлдай шықса әуез ¹¹¹.

Об этом же пели и казахские акыны. Один из многих акынов, живший в начале XX в. в Казалинском районе, Кургамбай говорил: «Хорошо быть джигитом, беззаботным, как степная дрофа, играющая ночью в песчаной пустыне; моя песня вкусна, как мясо, съедаемое проголодавшимися; мои слова согревают, как лучи весеннего солнца.

Жігіттік деген бір нәубет.
Күмға ойнаған құба жектей.
Менің әнім төтті шырын,
Қызылсырап жеген еттей...

Человеку дорого и мило то, к чему он привык. Это образно передано в казахской народной пословице: «Разве может знать прелести озера дрофа, разве может знать прелести пустыни серый гусь?»

¹¹⁰ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935, стр. 9—10.

¹¹¹ А б а й Қ ұ н а н б а е в. Жинақ, I т., Алматы, 1954, 161 бет.

Шөлде жүрген дуадақ кел қадірін не білсін,
Келде жүзген қоңыр қаз шөл қадірін не білсін.

Кочевник, наслаждаясь родной природой, в то же время не боялся грозных явлений. Он мужественно переносил грозы, страшные вихри, снежные бураны и трескучие морозы; он боролся с ними и сразнивал себя со многими явлениями природы. Например, во второй половине XIX в. популярный среди казахов Казалинского, Иргизского и Перовского уездов певец из рода балхи акын Базар говорил о себе, что он подобен сгущенным тучам, не успокоится до тех пор, пока не пронесется снежным бураном; он подобен скакуну, не успокоится до тех пор, пока обильно не прольется его пот.

Будақтаған бұлтыны
Борай жаумаи апылман.
Шыны дағдар жүйрікпін
Тер төкпей сіре басылман...

Лирика наряду с эпосом является самым сильным жанром устной поэзии казахов. Она была порождена социально-экономическими и природными условиями их общественного производства — кочевого скотоводства. В. Г. Белинский писал: «У арабов, как не народа, а племени, и притом племенно-номадного, рассеянного по пустыне... существовала только лирическая, или лирико-эпическая поэзия, но драматической — никогда не было и не могло быть»¹¹².

Казахский кочевник восхвалял и поэтизировал своих предков, свой род и племя. Например, на состязании певец Сарбас из рода дулат говорил знаменитому Джамбулу: «Называюсь я дулат. Кто присмотрится, поймет: я как озеро в разливе, в пору самых полных вод. Шапрашты¹¹³ же, разве род? Кто пример с тебя берет? Я — Майкота сын восьмой, я ходил, и подо мной все бывали смятыны, как ты»¹¹⁴. Джамбул отвечает Сарбасу: «Многолюден твой род дулат, да делами не богат. В Каскару у вас был в пору ту батыр Кырбас, Суранпчи¹¹⁵ его поймал, цепь на шею привязал и в степи того Кырбаса на цепи с собой таскал, весь дулат вороньей стаей с карканьем вокруг летал»¹¹⁶.

Данные черты народного творчества очень совпадают с чертами доисламской поэзии арабов. Жизнь кочевника развилась в арабе необыкновенную наблюдательность. Доисламская поэзия араба дает образцы несравненных по богатству

¹¹² В. Г. Белинский. Собрания сочинений. СПб., М., 1843, стр. 872.

¹¹³ Шапрашты — название рода Джамбула.

¹¹⁴ Джамбул Джабаев. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1946, стр. 67.

¹¹⁵ Суранпчи — батыр из рода шапрашты.

¹¹⁶ Джамбул Джабаев. Указ. работа, стр. 83.

образов, выражений и описаний. В них видны независимый дух народа, его страстность в любви и мести, способность на глубокие чувства. «Кочевой и воинственный быт: беспрестанные столкновения независимых племен, перекочевки с места на место, любовь к кровавой мести, похвала себе и своему племени, описание любимого коня или верблюда, занимающее иногда целую треть поэмы; наконец, изображения явлений природы, марева, молнии, дождя — вот о чем простодушно и искренно поет араб»¹¹⁷.

Казахский эпос характеризуется всеми основными чертами, которые присущи эпосу других кочевых скотоводческих и древних народов. В нем ярко отразилась внутренняя социально-экономическая и внешне-политическая жизнь казахских племен XV—XVIII вв. Слова В. Г. Белинского вполне справедливы и для казахского народного творчества, что «эпос есть первый зрелый плод в сфере поэзии только что пробудившегося сознания народа. Эпопея может явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на две противоположные стороны — поэзию и прозу, когда его история есть еще только предание, когда его понятия о мире суть еще религиозные представления, когда его сила, мощь и свежая деятельность проявляются только в героических подвигах»¹¹⁸. В такую историческую эпоху жизнь народа преимущественно выражается в удалстве, храбрости и героизме.

Главным героем казахского эпоса, как правило, выступает батыр, или ер, это выдающийся воин, необычайный силач и храбрец, т. е. идеал общества, ведущего военно-кочевой образ жизни. Непременным спутником и другом батыра, или ера, является неутомимый скаковой конь — тулпар. Обычно батыры, или еры, бывают выходцами из среды богатых скотовладельцев-баев, которые охраняют многочисленные табуны и стада своих родителей. Они успешно настигают врагов, угоняющих скот и увозящих в плен людей из своего рода или племени; совершают нападения с дружиной на соседние племена или жителей селений с целью угона скота, ограбления и захвата рабов.

Судя по содержанию, многие казахские лирико-эпические произведения, по нашему мнению, в основном рассказывают о времени, охватывающем период между XIV и концом XVIII в. В пользу этого говорят многочисленные факты, имеющиеся в произведениях. Например, Ер-Таргын — главный герой одноименного эпоса называет своим противником

¹¹⁷ Ф. Велявский. Ислам и культура арабов. СПб., 1913, стр. 49—50.

¹¹⁸ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. СПб., М., 1883, стр. 803.

калмыка Аюке-хана. Аюке-хан — историческая личность, современник казахского хана Тауке, был ханом приволжских калмыков примерно с 1772 по 1792 г.

Почти во всех дошедших до нас вариантах казахского эпоса описаны военно-кочевой образ жизни, кровавые схватки племен и родов, грабительские набеги на соседей, захват невольников. Воспеваются скотовладение, героизм и отвага при угоне чужих стад, в приобретении рабынь и рабов; восхваляются хороший скаковой конь и умная красавица жена, показывается страдание народа от грабежей во время отлучки защитников.

Во всех произведениях основные художественные образы сравниваются со скотом, дикой фауной и явлениями природы. Например, в эпосе «Кобланды-батыр» сказано, что красавица Кыз-Куртка вышла навстречу волку — Кобланды, ведя на поводу коня Тайбурыл («Тайбурыл атты жетектеп, Кобландыдай бөрінің, бұландыған қыз-Құртқа алдынан кетіп барады»); сам Кобланды про себя говорит, что он в табуне — пегий конь («Жылқы ішінде аламын, қылшық жүнді қарамын»).

Родители Кобланды, прощаясь со своим единственным сыном, отправляющимся в опасный далекий поход, желают ему счастливого пути и обещают при благополучном возвращении принести в жертву арваху и кудаю: пару серых производителей-верблюдов, пару серых производителей быков, пару серых производителей жеребцов («Осы кеткен жалғызым есен барып, сау келсе: егіз туған көк бура ол да сенің жолыңа, егіз туған көк бұқа ол да сенің жолыңа, егіз туған көк айғыр бұл да сенің жолыңа») ¹²⁰.

В эпосе «Алпамыс-батыр» главный герой Алпамыс сравнивает своего противника с черным зубастым производителем-верблюдом, который готов загрызть и растоптать человека («Құрсаулы қара бура, қарсы қарап шабынды»); в эпосе «Шора-батыр» говорится, что главный герой похож на молодого и сильного беркута («Тауда өскен тас түлек емсейді де жемсейді»); в эпосе «Камбар-батыр» отец красавицы Қыз-Назым Азимбай назван лучшим темно-серым конем («Он екі баулы өзбекте Әзімбай еді қара көк»); в эпосе «Ер-Саин» борьба Ер-Саина с калмыками описана как столкновение между жеребцами («Айғырдайын алыспай, қызыл қанға батыспай»); в эпосе «Ер-Таргын» дочь Акша-хана Ак-Жунус сравнивает себя с жирным ягненком в стаде, с белой лошадью в табуне и домашним гусем ее родителей («Атам менен анамың асыранды қазы едім, қойда бағлан қозы едім, жыл-

¹¹⁹ «Батырлар жыры», I т., Алматы, 1938, 68, 71-беті.

¹²⁰ Бұл да сонда, 82-бет.

қыда шаңқан боз едім») ¹²¹. Сравнение Ак-Жунус с домашним гусем, надо полагать, не случайное. По-видимому, она была дочерью крымского хана, который жил оседло и разводил домашних птиц.

В лирико-эпической поэме «Кыз-Жибек» главная героиня поэмы — красавица Кыз-Жибек говорит, что она подобна течению реки, народ бережет ее, как свой скот, весь род с любовью ухаживает за ней, как за стадом овец («Ағыным судай ағады, халқым малдай бағады, жұртым қойдай қағады») ¹²².

Эти казахские поэтические образы, в которых всюду фигурирует скот, подтверждают то положение, что на более низкой ступени исторического развития «искусство — есть непосредственный образ процесса производства» ¹²³. Здесь мы видим неразрывную связь между трудом, музыкой и поэзией, в которой определяющим элементом является труд. Казахские скотоводы, живя исключительно в условиях кочевого скотоводства, имели лишь те эстетические вкусы и понятия, которые могли быть порождены этими условиями. Читая отрывки лирико-эпической поэмы, где грациозные движения красавицы Кыз-Жибек сравниваются с походкой трехгодовалого барана, можно недоумевать от такого художественного образа. Однако следует помнить, что эстетические вкусы и понятия людей появляются и изменяются вместе с изменениями тех материальных условий жизни, в которых они живут.

Кочевые скотоводы, трудовая деятельность которых была связана со скотом, иначе смотрели на домашних животных, чем лесные охотники или оседлые земледельцы, или жители крупных городов. Они лучше знали свойства разводимого скота, очень дорожили основным источником своего существования. Поэтому они так поэтизировали животных и их качества. Красочность и оттенки чувств, которые содержат казахские поэтические строки, невозможно полностью передать на другом языке. Выражение по-казахски: «Жүйрік аттай ойқастап, құнан қойдай бой тастап...» иначе звучит на русском языке: «Она двигается, как скакун, ее походка полна достоинства, как походка трехгодовалого барана»... Переводный текст утрачивает смысловую образность казахского оригинала, что вполне объяснимо, ибо одно и то же слово, существующее в языках двух народов, занимающихся различными видами материального производства, выражает понятия с различными оттенками.

¹²¹ Бұл да сонда, 199, 252, 302, 371, 404-беттер.

¹²² Бұл да сонда, 534-бет.

¹²³ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 38.

Своеобразные условия кочевого скотоводства и быта наложили свою печать на все стороны жизни кочевника и его мировоззрение. Это отмечает и академик В. В. Радлов. Он писал, что любовь казахов к лошади сказалась и на их языке, чрезвычайно богатом терминологией по коневодству. Казахи знают множество оттенков конской масти, которые европейцы не различают. Например, торы (гнедая), жирен (рыжая), құла (саврасая), күрең (бурая), көк (серая), бурыл (чалая), қара (карая), шабдар (игренивая), кер (мухортая), сары (буланая), ақ-сары (соловая), сұр (голубая), шұбар (чубарая), қаракер (мухорто-вороная), мақбал-қара (чисто вороная), шаңқан боз (чисто сивая), тобылғы торы (чисто гнедая), қара-торы (гнедо-карая), кер-торы (гнедо-мухортая), құлаторы (гнедо-саврасая), ала (пегая), торы-ала (гнедо-пегая), көк-ала (серо-пегая), қара-ала (каре-пегая), күрең-ала (буро-пегая), жирен-ала (рыже-пегая), сұр-ала (голубо-пегая), қарашұбар (каре-чубарая), торы-шұбар (гнедо-чубарая), боз-шұбар (сиво-чубарая), қара-көк (темно-серая), қызыл-көк (красно-серая), құла-жирен (саврасо-рыжая), қара-бурыл (темно-чалая), көк-бурыл (серо-чалая), торықасқа, торы-төбел, торы-алааяқ и т. д.

Сказанное о лошадях, несколько в иной форме относится также к верблюдам и овцам. Например, Г. Себеповым зарегистрировано 112 казахских терминов, связанных с верблюдоводством, из них только названия верблюдов составляют около 40¹²⁴.

К достоинствам джигита казахи относили: знание ведения кочевого хозяйства, трудолюбие, стойкость, силу и смелость, находчивость и остроумие, знание родословной рода и племени и поэтическое дарование. Отсюда казахская поговорка: «Джигит должен иметь твердый характер и различные способности» («Жігіт бір сырлы, сегіз қырлы болсын»). Эту поговорку дополняет другая: «Если Есет на войне наездник, то дома он — сыровар» («Жауға барса ат ойнатқан Есет, үйге келсе күрт қайнатқан Есет»). Такая многогранность навыков кочевника была показателем неразвитости его общественно-экономической жизни. У кочевников не было условий для отделения умственного труда от физического, для широкого развития духовной культуры.

Необходимо учесть, что постоянное передвижение и пастьба стад и табунов, в особенности в весенне-летний период, на бескрайнем просторе, под открытым небом, больше располагали кочевников к устному поэтическому и музыкальному творчеству, чем процесс труда земледельца или ремесленни-

¹²⁴ Г. Себепов. Термины верблюдоводства у казахов. «Известия КазФАН. Серия языка и литературы», 1944, вып. 1, стр. 145—155.

ка. «Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы... Все путешественники, посещавшие арабийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выпаливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения»¹²⁵. Кочевники были красноречивы и старались облекать свою мысль в поэтическую форму.

Сказанное дает основание заключить, что самым ярким выражением развития духовной культуры у кочевых народов является устное поэтическое и музыкальное творчество. Это ощущали многие казахские кочевники, которые говорили: «Самое сильное в искусстве — красноречие» («Өнер алды — қызыл тіл»). В этом была сила и слабость духовной культуры кочевых народов различных исторических эпох.

Сила устного лирического или лирико-эпического произведения состоит в том, что сама по себе устная речь общедоступна. У кочевых народов певец-импровизатор одновременно был автором и исполнителем своего поэтического и музыкального произведения. Такое произведение, исполненное искренне и прочувствованно, своими художественными образами и интонационной выразительностью обладало особой силой воздействия на массу. Именно этими качествами отличалась и казахская устная поэзия.

Слабость же поэтического и музыкального творчества кочевников как выражения духовной культуры народа заключалась в том, что оно было устным. Например, все казахские лирические или лирико-эпические произведения передавались из одного рода в другой, из одного племени другому, из одного жуза в другой, от поколения к поколению. Вследствие этого они постоянно изменялись. Каждый сказитель мог сократить или удлинить свое повествование, сместить в нем события и т. д.

Произведения народного творчества изменялись и по объективным причинам, так как даже самая феноменальная человеческая память не в состоянии точно воспроизвести длинные эпические поэмы. При всех положительных качествах устной народной поэзии данные обстоятельства не могли не придавать ей отрывочный и лоскутный характер. В то же время ни одно из крупных произведений не могло исчезнуть, ибо его автором и хранителем был сам народ. Поэтому устное поэтическое творчество кочевников было предшественником письменной многожанровой литературы. «Литература лишь в силу одного того, что она по своей форме является пи-

¹²⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 192.

саной, зависит от письменности и может процветать только там, где письменность является простой и широкодоступной для чтения, то есть в местах, где имеется алфавитное письмо»¹²⁶.

Созданные в XV—XVIII вв. казахскими кочевниками устные поэтические и музыкальные произведения были зеркалом общественно-экономической жизни народа данной эпохи. Такое поэтическое творчество веками бытовало в самых различных сочетаниях и оттенках и придавало особый колорит всей духовной культуре казахских кочевников. Устная казахская поэзия создавалась народом и его талантливыми представителями в условиях военно-кочевой жизни.

Вся тяжесть кочевого скотоводства ложилась тяжелым грузом прежде всего на плечи рабов — кулов и зависимых малаев и консы, эксплуатировавшихся крупными скотовладельцами-полуфеодалами. Правильно отметил А. Диваев, «единственным развлечением пастуха в монотонной и постоянно одинокой его жизни является песня. Слова своей песни он нередко обращает к баранам, а последние, якобы, отвечают ему»¹²⁷.

Творцами многих протяжно грустных, глубоко лирических и даже радостных казахских народных песен были казахские пастухи. Беспросветную нужду, тоску и одиночество, горячую любовь к родителям, семье и детям, светлую надежду и постоянную мечту о свободной и счастливой жизни они передавали в песнях. Они пели их от души во всю мощь своего голоса, на всю широкую бескрайнюю степь.

В 1909 г. об овечьих пастухах-певцах на Мангышлаке Р. Карутц писал: «Пастухи по большей части — красивые, веселые мальчики, все достоинство которых состоит в коротком в лохмотьях платье, разорванных сандалиях из шкуры, да разве сумочки для «корана»¹²⁸, тростниковой флейте или глиняной окарине и в неизменной палке, служащей в одно и то же время для защиты, календарем и записной книжкой, так как на ней пастухи вырезают число рабочих дней. Не раз я любовался живописной картиной, полной настроения, когда они пасли в диких ущельях свои стада, наполняя мирную идиллию своего уединения трогательными мотивами — на следием пастухов всего света, — которым редко может противостоять душа в часы отдохновения»¹²⁹.

¹²⁶ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 93.

¹²⁷ А. Диваев. Из области киргизского скотоводства. «Туркестанские ведомости», 1905, № 4.

¹²⁸ Видимо, Р. Карутц ошибочно назвал «коран», скорее всего в сумочке был жумыр — кожаный сосуд для кислого молока.

¹²⁹ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 47—48.

Скот для кочевых скотоводов был основным средством и продуктом производства, определившим существо кочевого скотоводства как особой сферы материального производства общества. Поэтому частная собственность на скот была главным экономическим орудием, которое обусловило материальное и общественное положение людей в кочевом обществе. Народное поэтическое творчество и культ скота были отражением таких реальных экономических отношений. Это пример того, как «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹³⁰.

Следовательно, кочевое скотоводство, пока оставалось самостоятельным видом материального производства, не могло создать условий для более или менее интенсивного развития экономики и культуры страны и мешало накоплению в ней прочного богатства материальной и духовной культуры народа.

* * *

Правильное освещение основных вопросов общественно-экономического строя кочевого хозяйства казахов в XV—XVIII вв. затрудняет ошибочная теория «кочевого феодализма» акад. Б. Я. Владимирцова¹³¹. Согласно ей, без достаточных обоснований вся структура войск, в основном состоявших из «получивилизованных» воинствующих кочевников Чингис-хана, была объявлена «феодальной» иерархией, так называемым «кочевым феодализмом» монголов.

Основные ошибочные положения этой теории заключались, во-первых, в идеализации уровня развития общественно-экономического строя монгольских кочевников эпохи Чингис-хана и его потомков; во-вторых, в объяснении возникновения классовых отношений у монголов и у покоренных ими

¹³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

¹³¹ «Историко-литературные работы Б. Я. Владимирцова проникнуты идеалистической концепцией. Они написаны под влиянием теории культурных заимствований. Владимирцов пытался, в частности, доказать наличие значительного индийского и персидского влияния на монгольский эпос.

Особое значение имеет историческая работа Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934, издана посмертно). Этот труд Владимирцова является его последним и наиболее выдающимся произведением... Однако Владимирцов переоценивал степень зрелости феодализма как господствующего способа производства у монголов XII в., в действительности еще находившихся на стадии перехода от рабовладельческих отношений к феодальным». БСЭ, т. 8, 1951, стр. 243—244.

кочевников завоеваниями, насилием; в-третьих, в механическом отождествлении социально-экономических отношений монгольского общества XI—XII вв., XIII—XIV вв. и XVI—XX вв., без учета больших социально-экономических изменений в кочевом обществе монголов, происшедших под влиянием культурных народов с оседлым земледелием и городской культурой, населявших завоеванную кочевниками обширную территорию; в-четвертых, в голом утверждении, что основой эксплуатации у всех кочевых скотоводов является феодальное землевладение, якобы аналогичное землевладению у оседлых народов Западной Европы.

Ошибочные положения теории «кочевого феодализма» послужили методологической основой решения Ташкентской сессии историков в 1954 г. о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. В решении сессии сказано: «Основой феодализма у кочевников, как и всюду, являлась феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты. При всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевых народов сущность этих отношений является феодальной, как и у оседлых земледельческих народов»¹³².

Такая переоценка руководителями Ташкентской сессии вслед за акад. Владимирцовым уровня развития производственных отношений у кочевников явилась результатом игнорирования важного положения марксизма, что «из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства»¹³³.

Акад. Владимирцов, а затем и его последователи утверждают, что у кочевых скотоводов существуют такие же поземельные отношения, как и у феодальных земледельческих народов. Кто оспаривает это, тот отрицает общую закономерность общественного развития, следовательно, он «антимарксист». Подобная «теория» вытекает из стремления иметь «единую» форму землевладения, присущую как кочевому скотоводству, так и оседлому земледелию. Такая позиция в общественной науке уже давно осуждена. Кто в истории «погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот

¹³² «Решения объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1954, стр. 4, 5.

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

немногим поживится, — разве только банальностями и общими местами худшего сорта»¹³⁴.

Акад. Владимирцов насильственное привлечение покоренных племен и народов в войска Чингис-хана и его наследников, а также регламентацию кочевого передвижения населения под командой военачальников приравнивает к действиям феодала-землевладельца, тогда как «война является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захватить этот охранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»¹³⁵.

Акад. Владимирцов не учел, что стада и табуны в военном походе кочевников были источником питания, транспортом и орудием войны (в особенности лошади и верблюды). Каждый работоспособный мужчина был воином; уход за скотом и сражение на поле битвы имели почти одинаковое значение в осуществлении кровавого, грабительского похода орд Чингис-хана. По словам Элизе Реклю, впереди многочисленной армии двигались неутомимые всадники, готовые скакать день и ночь, пока не достигнут своей цели, — их единственной провизией были кожаные мешки с кумысом или кусочки сушеного молока (дүрт, ірімчik). Когда запас пищи у них иссякал, они соскакивали с коня, вскрывали ножом у него вену на ноге, подкреплялись глотком крови, закрывали рану каким-то стягивающим веществом и снова вскакивали в седло. Каждый воин гнал впереди себя запасных коней, которых бывало, как говорят летописцы, до 18, и потому густые облака пыли поднимались на равнинах, извещающая жителей за несколько часов или даже дней о приближении лавины людей, угрожавшей населению смертью. Позади авангардов двигалась основная масса народа, затем их многочисленные стада.

Все покоренные племена и народы включались в монгольское войско, которое делилось на такие войсковые единицы: тумены (10 тыс.) во главе с темниками, тысячи во главе с тысячниками и сотни во главе с сотниками. В армии соблюдалось строгое соподчинение: сотники подчинялись тысячнику, тысячники — темнику, темники — начальнику корпуса или улуса — царевичу, начальники корпусов — улусов — главнокомандующему всеми монгольскими войсками — Чин-

¹³⁴ Там же, Соч., т. 20, стр. 90.

¹³⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 8.

гис-хану, который был военным вождем и главой кочевой империи.

Разумеется, ни один из воинов не мог уйти от своего военачальника, поэтому верно, что «самовольные переходы от одного начальника к другому были запрещены под угрозой смертной казни»¹³⁶. Эти слова акад. Владимирцова Л. П. Потапов воспринимает по-своему и пишет: «Население было прикреплено к этим землям [к местам остановки], ему было запрещено под страхом смертной казни откочевывать, переселяться куда-либо без позволения феодалов»¹³⁷. На это обратил внимание еще де Плано Карпини, ездивший в 1246 г. в столицу монголов Каракорум. Он отмечал: «Сам же он (император) указывает, где побывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте по отношению ли к войне или к смерти, или к жизни они повинуются без всякого противоречия»¹³⁸. О чисто военном значении этой десятичной системы сам Чингис-хан говорил: «Каждый из эмиров тумена, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда придет фирман и приказ, безразлично, ночью или днем!»¹³⁹. Но из такого положения совершенно не вытекают выводы, которые делал акад. Владимирцов и Л. П. Потапов, что здесь существуют феодальные порядки, основанные на крупном феодальном землевладении.

Например, в период завоевания европейцами Америки из всех многочисленных индейских племен на самой высокой ступени развития стояли ацтеки Мексики и инки Перу. Экономической основой общественного устройства у них являлось общинное землевладение, но с элементами уже появляющейся частной собственности на землю. У инков «земля делилась на три части: одна для солнца (духовенство), другая для инки, верховного вождя, и третья для народа. Все эти земли обрабатывались коллективно: сначала земли, принадлежавшие духовенству, затем земли больных, престарелых, вдов и всего народа и, наконец, земли инки... Работники были прикреплены к земле; род занятий человека определялся

¹³⁶ Акад. В. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 104.

¹³⁷ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 82.

¹³⁸ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 23.

¹³⁹ Рашид-ад-дин. Сб. летописей, т. I, кн. 2, М. — Л., 1952, стр. 264.

при его рождении на всю жизнь. Люди делились на группы в десять, пятьдесят, сто и тысячу семейств; каждую группу возглавлял начальник, ответственный за работу и благополучие ее членов. Правящие касты жили в роскоши»¹⁴⁰. Кроме того, «как инки, так и ацтеки в своих «империях» держали в подчинении множество различных племен. Эти покоренные племена эксплуатировались различными способами: они поставляли людей для человеческих жертвоприношений, а также рабов и воинов, платили дань благородными металлами и другими ценностями»¹⁴¹.

Эта система эксплуатации не могла устранить родовых отношений у покоренных племен, инки и ацтеки в своей среде тоже сохраняли родо-племенные порядки. Перед нами как бы два социальных родо-племенных слоя, находящихся между собой в отношениях эксплуататора и поработанного. Однако аристократическая верхушка господствующего племени не была уже в полной мере защитницей интересов старого родового общества. Она старалась лишь расширить и укрепить свое господствующее положение над трудовой массой народа. Порабощение слабых племен сильными происходило путем межплеменных войн. Война возникала «из-за охотничьих угодий, водоемов, речных долин, воды для нужд орошения и по другим поводам»¹⁴².

Однако межплеменные войны из-за овладения землей, рабами и имуществом еще мало говорят об оформившихся феодальных отношениях у американских индейцев. «В основе этого общественного устройства лежала система, при которой землей владело, распоряжалось и пользовалось все племя, независимо от того, чем это племя добывало себе средства к существованию — охотой, рыбной ловлей, скотоводством, земледелием или всеми этими занятиями одновременно»¹⁴³.

Как и у американских индейцев, межплеменные войны происходили и среди кочевых скотоводов. Они воевали друг с другом за места для охоты или рыбной ловли, за пастбище для скота, не имея при этом закрепленной за собой территории с точно обозначенными границами.

Как верно указывает Уильям З. Фостер, оседлые американские индейцы, занимавшиеся интенсивным земледелием с применением искусственных удобрений и сооружением грандиозных оросительных систем, в момент завоевания европейцами находились на переходной патриархально-рабо-

¹⁴⁰ Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 39.

¹⁴¹ Там же, стр. 43.

¹⁴² Там же, стр. 31.

¹⁴³ Там же.

владельческой стадии развития. На основе неуклонного распада общинной системы землевладения, постепенного разложения рода, концентрации власти в руках определенных семейств и усиливающегося порабощения трудящихся масс постепенно возникали два класса — правящий и производителей. Первый класс состоял из военно-рабовладельческой знати и жрецов, а второй — из рабов и общинников.

Большое сходство с взаимоотношениями ацтеков и инков, с одной стороны, и порабощенным ими другим индейским населением, с другой, имели взаимоотношения между двумя афганскими племенами еще в конце XVIII и начале XIX в. Одно из них — гандапурцы — были кочевыми скотоводами-завоевателями, а другое — хамсая — покоренными оседлыми земледельцами. Здесь тоже господствовала своеобразная форма «коллективного присвоения прибавочного продукта, произведенного отдельными хамсая и даже целыми общинами хамсая, обрабатывавшими земли господствующего племени»¹⁴⁴. Как указывает И. М. Рейснер, «начав с коллективной формы эксплуатации зависимого населения, сидевшего на землях, являвшихся общей собственностью племени, и распределяя доходы от эксплуатации зависимых между членами племени по числу 36 000 дадди (доли), гандапурцы кончили тем, что почти целиком разделили земли племени, включая и альмендные, между отдельными членами племени, причем каждый владелец закрепленного за ним участка земли эксплуатировал теперь непосредственно тех хамсая, которые обрабатывали его участок»¹⁴⁵. Такое же положение в XIX в. существовало в Пакистане. «Важную роль в социально-экономическом развитии патанов играло то обстоятельство, что патанский хель выступал как коллективный эксплуататор неполноправных чужаков (хамсая), арендаторов и и общинных слуг, а у некоторых племен так же и как коллективный рабовладелец»¹⁴⁶.

По словам Рашид-ад-дина, когда Чингис-хан покорил племена тайджиут, урут и манкгут, он сделал их своими «унаган боголами». Завоеванный род или племя были обязаны нести повинности в пользу победителей. Аристократические семьи покоренного рода или племени обязаны были исполнять «благородную» службу главам рода победителя, а простые семьи делать грубую, «черную» работу. Эта зависимость была особенно тяжелой для карачу покоренного пле-

¹⁴⁴ И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 110—111.

¹⁴⁵ Там же, стр. 148.

¹⁴⁶ Л. Р. Гордон. Аграрные отношения в северо-западной провинции Индии (1914—1947 гг.). М., 1953, стр. 12.

мени, поскольку простой народ кроме службы своей аристократии должен был работать и на знать победившего племени¹⁴⁷. Хотя Чингис-хан по отношению к покоренным народам являлся всевластным азиатским деспотом, однако во внутренних делах своей державы он считался с военно-племенным строем монголов¹⁴⁸. Это положение было подмечено также С. П. Толстовым, который писал: «Традиции варварской сплоченности, относительно еще очень слабое развитие классового антагонизма внутри монгольского народа были широко использованы Чингисом в его объединительной политике»¹⁴⁹.

К государству Чингис-хана можно отнести характеристику государственного объединения киргизов, данную С. В. Киселевым. «Война, как средство обогащения и одновременно как средство ослабления социальных противоречий у себя дома, определяет и внешнюю политику не одних только киргизов. В интересах войны старая родовая аристократия объединяется вокруг удачливого вождя, подчиняется военной власти и создает такую организацию управления, которая представлялась китайскому историку сложной системой чиновничьего аппарата... Вокруг киргизского кагана, грозного врага орхонских тюрок, мы увидим старую родовую аристократию — бегов, принятых на службу тарканов и многочисленную дружину витязей, огланов»¹⁵⁰.

В XII—XIII вв. монгольский род еще выступал как союз кровных родственников, в котором все считали себя происходящими от одного общего предка, где браки не могли совершаться внутри рода и мужчина должен был брать себе в жены девушку только из другого рода, как происходило в казахских родах в XV—XVIII вв. и позже. В старинном монгольском сказании о Чингис-хане говорится: «Разлучиться с родными значит сделаться добычей посторонних... Отделиться от многочисленного семейства значит сделаться добычей малочисленного семейства. Если распадается многочисленное семейство, то оно делается добычей малочисленного народа. Можно найти движущихся (живые существа), но родных не найдешь. Можно приобрести народ, но родных приобрести нельзя»¹⁵¹.

¹⁴⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. I, М., 1953, стр. 795.

¹⁴⁸ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 174.

¹⁴⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 290.

¹⁵⁰ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 598.

¹⁵¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. I, М., 1953, стр. 793.

Все эти данные являются основанием для заключения, что «получивилизованное» — полурабовладельческое или полуфеодальное государство монголов Чингис-хана осуществляло в основном коллективную форму эксплуатации покоренных отсталых кочевых и с передовой культурой оседлых земледельческих народов. Оно, как страшный спрут, высасывало соки своей жертвы.

Если десятичное деление войска Чингис-хана считать признаком феодальной сущности кочевого общества, то тогда следует признать, что начальники над десятью, пятьюдесятью, сотней и тысячей семейств у американских индейцев были феодалами или же, что хунский шаньюй Модэ, живший в III—II вв. до н. э. на родине тюрко-монгольских кочевых народов, был главой «феодального» государства хуннских кочевников. Но это не имеет под собой почвы. На самом деле в общественном производстве, образе жизни и политико-экономическом строе кочевых обществ монголов XI—XII вв. и хуннов III—II вв. до н. э. нет существенной разницы. Следовательно, из приведенных слов акад. Владимирцова и де Плано Карпини никак не вытекают те выводы, которые сделал Л. П. Потапов.

Видя в сказанном де Плано Карпини элементы крепостничества и узурпацию общинных пастбищ монголами на завоеванных территориях, в том числе и современного Казахстана, М. П. Вяткин механически перенес эти положения на общество казахских кочевников XV—XVIII вв., которые никогда не участвовали в больших завоевательных походах, как монголы XIII в.¹⁵² Л. П. Потапов так же, как и акад. Владимирцов и М. П. Вяткин, утверждает, что «монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли»¹⁵³.

В данном случае все они смешивают распоряжение кочеванием с распоряжением кочевьями. Все документы, на которые данные авторы ссылаются, говорят только о существовании распоряжения направлением кочевания, кочевым передвижением, например, когда направляться на летние пастбища и когда на зимние. В этом нет распоряжения пастбищем или процессом пастбы скота, или распределения пастбищных земель между кочевниками. Здесь налицо политический момент, а не экономический, хотя само кочевое передвижение было и процессом производства у кочевников.

¹⁵² М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 87.

¹⁵³ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 81.

Об этом, например, идет речь в рассказе Мухаммед-Хайдара, в котором приведено свидание моголистанского хана Султан-Саида с казахским ханом Касымом в 1514 г. Он писал: «Лето уже подходило к концу. Казахи, по распоряжению Касым-хана двинулись на зимовки. Касым объявил хану, что ему теперь идти на шейбанидов трудно. «Казахи, — говорил он, — как жители степи, должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует»¹⁵⁴. Слова Мухаммед-Хайдара: «Казахи по распоряжению Касым-хана двинулись на зимовки», М. П. Бяткин рассматривает как факт узурпации земель кочевников патриархально-феодальной знатью, как доказательство распоряжения кочевьями, пастбищами. Это ошибка. Здесь опять-таки имеются в виду перекочевки, направление на зимние кочевья, что было необходимо хану для сохранения известной компактности населения. Это и понятно, ибо в начале XVI в. казахи, окруженные со всех сторон враждебными племенами, иначе не могли существовать.

Каждый казах прекрасно знал, что зима, зимнее кочевание, зимняя пастьба скота — самое трудное в жизни кочевников. Поэтому зиму они сравнивали с вооруженным до зубов врагом, говоря: «Идет зима, волоча за собою меч» («Қылышын сүйреп қыс келеді»). Следовательно, бесприютным казахам, кочевникам Касым-хана, и без шейбанидов было с чем бороться. Они воевали не на жизнь, а на смерть с природной стихией, с морозами и снежными буранами за сохранение своего процесса производства, источника существования, единственного богатства — скота — путем перекочевывания с места на место по земле, на которую не было никакой частной собственности.

В этом заключалась сила и слабость кочевого хозяйства. Сила была в том, что для кочевников постоянно подвижная жизнь была формой существования. Они легко могли собраться большими массами и не нуждались в специальных обозах, необходимых для армии оседлых народов; целый племенной союз за очень короткий срок мог превратиться в единую боевую силу. Такой образ жизни в то же время был показателем слабости кочевого хозяйства потому, что кочевники, будучи неприкрепленными к земле, занимаясь не земледелием, а примитивным кочевым скотоводством, всегда находились под угрозой внезапного разрушения производительных сил, массовой гибели скота от природной стихии. Процесс производства, скот и благосостояние для них были неразделимыми понятиями.

---

¹⁵⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях и даревичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 132, 167.

Исходя из своей неверной позиции и идеализируя общественный строй монголов, акад. Владимирцов объяснял возникновение патриархально-феодальной эксплуатации у монголов только насилием, внеэкономическим принуждением. «Ведь все монголы, — пишет он, — знатные и незнатные, все «принадлежали» какому-нибудь сеньору (ноян), будь то царевич (кобеген) или тысячник, сотник. Раз сеньор владел людьми, то естественно должен владеть землей, на которой они могли бы жить — кочевать»¹⁵⁵. Это рассуждение чисто умозрительное и, следовательно, неправильное. Из него явствует ошибочное положение, что основой «кочевого феодализма» монголов и феодализма вообще было внеэкономическое принуждение. В результате получается, что сначала существовало владение людьми, а потом землей, между тем в истории дело обстояло как раз наоборот.

Процесс некоторой «феодализации» монгольского общества, включая эпоху Чингис-хана, акад. Владимирцов объясняет также насилием: «Институт «унаган богол» продолжал существовать и в эпоху Чингис-хана даже тогда, когда созидалось его кочевое государство... Все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, все делаются «унаган боголами» его и его рода»¹⁵⁶. То же самое повторяет Л. П. Потапов: «Владения Чингис-хана, населенные различными племенами и народностями, были объявлены частной собственностью чингизидов. Они были разделены на уделы — улусы — между династийными собственниками. Их население — кочевое и оседлое — оказалось живущим на земле, составляющей собственность монгольских феодалов, и таким образом попало в феодальную зависимость от последних»¹⁵⁷. Отсюда вытекает, что целые племена и народы, без исключения, становятся «унаган боголами», т. е. классом крепостных крестьян. Соответственно такой точке зрения в период татаро-монгольского ига все покоренные монголами народы, в том числе и русский народ, превратились в «класс крепостных» (?!). Данная трактовка вопроса о зарождении и формировании классов феодального общества по существу объясняет появление классов и распространение классовых отношений действием внешних факторов — завоеваний и войн. По рассуждениям акад. Владимирцова и Л. П. Потапова происходило насаждение монголами феодальных отношений на всей завоеванной территории, несмотря на то, что у подавляющего большинства народов

¹⁵⁵ Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 111.

¹⁵⁶ Там же, стр. 99, 100.

¹⁵⁷ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 82.

уровень развития общественно-производственных отношений был более высоким, чем у «полуцивилизированных», полурабовладельческих завоевателей-монголов.

Монголы Чингис-хана ничего прогрессивного в структуру общества покоренных народов не внесли и не могли внести. Золотоордынские ханы, устроившись в г. Сарай, построенном в 60 верстах от Астрахани на левом берегу Ахтубы, распространили свою власть лишь на ближайшие юго-восточные и восточные области России и побережье Черного моря, особенно на полуостров Крым. Они предоставляли княжествам центральной и западной Руси относительную свободу управления, разрешали вести войны между собой и даже выступать против врагов, но если только князья платили им дань и являлись в г. Сарай для оказания почестей хану. Эта относительная свобода до некоторой степени способствовала росту мощи Московского княжества, в результате которой русскому народу удалось свергнуть татаро-монгольское иго.

Золотая орда не была монолитным государством в этническом и тем более в социально-экономическом отношении. Она была не в состоянии оказать серьезное воздействие на подвластные племена и народы, устранить в какой-то степени контраст между оседлыми земледельцами и кочевыми скотоводами. Если на западе Золотой орды в основном находились плодородные земли, обитатели которых веками занимались земледелием и превращали постепенно силой примера в земледельцев многих проходивших через них завоевателей, то на востоке ее простирались в основном необъятные сухостепные, пустынные и полупустынные территории, обитатели которых не были привязаны к земле и по-прежнему занимались кочевым скотоводством.

В обстановке, когда различные кочевые племена или союзы племен постоянно воевали между собой, непрерывно покоряя друг друга, когда политический союз каждой победенной группы разрушался, отношения господства и подчинения поработителей и поработенных в кочевой среде существовали с древних времен. В таком положении не раз пребывали как кочевые, так и оседлые народы Азии еще задолго до нашествия монголов Чингис-хана, так и после него.

В обыденной жизни тюрко-монгольские кочевые народы не могли скопляться в большом количестве, что было несовместимо с их пастбищно-экстенсивным кочевым скотоводством. Они могли объединяться только на короткое время. «Это объединение и происходит, когда какой-нибудь их вождь подчинит своей власти многих других вождей, после чего им остается одно из двух: или снова разойтись, или отправиться совершать завоевания в пределах какой-нибудь импе-

рии»¹⁵⁸. Во время нашествия или похода рядовые кочевники выступали в качестве бойцов. Они получали от своих вождей «боевого коня и грозный дротик. Не изысканная, но обильная пища служит для них как бы жалованьем. Вождь поддерживает свою щедрость только посредством войны и грабежа. Их гораздо труднее убедить обрабатывать землю и ждать жатвы, чем бросить вызов противнику и получить раны в бою. Они не станут приобретать потом того, что могут добыть кровью»¹⁵⁹.

Теория «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова по существу есть повторение реакционной теории «насилия» Дюринга. Дюринг писал: «Весьма важным обстоятельством является то, что фактически господство над природой произошло (господство произошло!) «только вообще» (!) «благодаря господству над человеком. Хозяйственное использование земельной собственности на значительных пространствах никогда и нигде не осуществлялось без предшествующего порабощения человека и принуждения его к тому или иному виду рабского или барщинного труда. Установление экономического господства над вещами имело своей предпосылкой политическое, социальное и экономическое господство человека над человеком»¹⁶⁰. На это Ф. Энгельс отвечает: «Итак, чтобы доказать, что человек для подчинения себе природы должен был предварительно поработить другого человека, г-н Дюринг без дальнейших оличностей превращает «природу» в «земельную собственность на значительных пространствах», а эту земельную собственность — неизвестно чью — он обращает тотчас же в собственность крупного землевладельца, который, разумеется, не может обрабатывать свою землю без помощи порабощенных людей»¹⁶¹. Далее Ф. Энгельс это утверждение Дюринга называет чистойшим продуктом его свободного творчества.

Марксизм-ленинизм давно установил, что никакое насилие и никакое завоевание сами по себе не могут привести к новым высшим социальным отношениям, если для этого нет экономических условий внутри данного общества. Только при наличии материальных, экономических предпосылок насилие может выступить как «экономическая потенция» или, по образному выражению К. Маркса, в роли «повивальной бабки», когда старое общество «беременно» новым. По нашему мнению, рассматривать внутреннюю организацию населения так называемой военно-кочевой империи Чингис-

¹⁵⁸ III. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 397.

¹⁵⁹ Там же, стр. 657—658.

¹⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 179.

¹⁶¹ Там же, стр. 180.

хана, представлявшей собой временное и непрочное военно-административное объединение кочевых племен, как явление якобы феодальных отношений у кочевых народов неверно. В действительности Чингис-хан превратил весь монгольский народ в «правильно организованное войско, в котором старинный родо-племенной принцип организации сменяется миллионно-территориальной системой с правильным делением на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тыс.), являющиеся одновременно и военно-мобилизационными и административными единицами»¹⁶².

Поэтому нельзя признать правильным тезис Л. П. Потапова о том, что «владения монголов включали в себя много различных тюркоязычных племен и народностей, в том числе и исторических предков современных казахов, киргизов, каракалпак, значительной части узбеков, алтайцев и др. Все эти кочевые скотоводческие племена и народности были вовлечены в процесс развития феодальных отношений. С этого времени (т. е. с момента завоевания. — С. Т.), как и в дальнейшем, в период распада монгольской державы и образования новых различных государств кочевников, феодальные отношения стали господствующим типом общественных отношений»¹⁶³. Такое утверждение неверно, во-первых, потому, что конгломератную «монгольскую державу» нельзя считать каким-то единым социально-экономическим организмом; во-вторых, весьма сомнительно, что тюркоязычные народы — предки казахов, каракалпак, киргизов, алтайцев, узбеков и других стояли на одном уровне развития и затем сразу же оказались вовлеченными в сферу «феодальных отношений». Если бы это было так, то следовало бы считать нашествие монгольских насильников прогрессивным явлением в истории этих народов (!). На самом же деле не монгольские кочевники насаждали феодальные отношения на завоеванной ими территории, а, наоборот, процесс феодализации в среде кочевников¹⁶⁴ происходил под влиянием высокой культуры оседлых земледельческих народов Средней

¹⁶² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 290.

¹⁶³ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, стр. 84.

¹⁶⁴ «... так называемая «золотоордынская культура» на деле не что иное, как культура хорезмийская, импортированная на Волгу. Все легенды о якобы высоком культурном уровне золотоордынских татар, культивировавшиеся у нас антимарксистской школой Покровского, не имеют под собой никакого основания. Весь внешний блеск золотоордынских памятников — краденый, подобно тому, как на военном и фискальном грабеже было основано само существование этой реакционной, разбойничьей, полурабовладельческой варварской державы». С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 309 (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Азии, России и Китая; в-третьих, нельзя отождествлять казахов, занимавшихся круглый год кочевым скотоводством даже в XV до середины XVIII в. в пустынных, полупустынных и сухостепных просторах центральной части Казахстана, с коренными земледельческими народами Мавреннахра — с основным ядром предков узбеков; точно также неверно отождествлять характер землевладения и землепользования у степных и пустынных кочевых казахов с характером землевладения и землепользования у горных жителей — киргизов и алтайцев. Следовательно, предки этих народов и племен не могли стоять на одинаковом уровне развития не только в более отдаленном прошлом, но и после распада «монгольской державы».

Л. П. Поталов и его сторонники ошибочно полагают, что, если уровень общественно-экономического развития не у всех народов, завоеванных монголами Чингис-хана и Батыя, был одинаковым, то уже после покорения все народы были уравнены в своем социально-экономическом развитии. Ошибочность подобных положений не требует особых доказательств.

Л. П. Поталов и его сторонники, видимо, не допускают мысли о том, что немалая часть кипчакско-монгольской аристократии стала типичными оседлыми феодалами в Крыму, Булгаре, на Нижней Волге и в оазисах Средней Азии под влиянием местных условий, тогда как тюрко-монгольские кочевники на далеком юго-востоке России и на необъятном пространстве между Волгой и Иртышом, в районах Каспия, Арала и Сыр-Дарьи продолжали вести прежний образ жизни, оставаясь «получивилизованными» кочевниками на протяжении всей истории существования Золотой орды.

О том, что это было именно так, говорят исторические факты. Например, де Плано Карпини в 1246 г. сообщает: «Мы проехали всю землю половецкую, обширную равнину, где текут реки: Днепр, Дон, Волга, Яик и где летом кочуют татары, повинуваясь разным воеводам, а зимою приближаются к морю Греческому (или Черному). Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор, и 600 000 воинов, 160 000 татар и 450 000 иноплеменников, христиан и других подданных»¹⁶⁵. Такая армия служила для завоевания чужих стран и для грабежа и выколачивания дани с подвластных ему народов и племен. Она была организована по десятичной системе, как при Чингис-хане. «Земля половецкая во многих местах есть дикая степь: жители истреблены татарами или бежали; другие признали себя их под-

¹⁶⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, М., 1903, стр. 22.

данными.. За половцами начинается страна кангитов (канглей или хвалисов), совершенно безводная и малонаселенная... Вся земля опустошена монголами; жители, не имея домов, обитают в шатрах и так же, как половцы, не знают хлебопашества, а кормятся одним скотоводством»¹⁶⁶.

Доказательством превращения кипчако-монгольской аристократии в типичных феодалов могут служить такие примеры. Некий Мухамбет, сын ходжи Байрама, был крупным помещиком в окрестностях Судака в Крыму, которому Тимур-Кутлуг и выдал подтверждающий тарханский ярлык¹⁶⁷; «во время ханствования Джанибека год лошади был дважды: в 1342 г. и в 1354 г. ...Тайдула (жена хана Джанибека. — С. Г.) имела обширный земельный удел, и даже название города Тула производят от ее имени, поэтому она и давала тарханские ярлыки русскому духовенству только касательно своих владений»¹⁶⁸. Такие феодалы владели землями и водами, виноградниками и садами, банями и мельницами, деревнями и другими видами недвижимой собственности. Не подлежит сомнению, что простые люди тюрского, монгольского или иного происхождения, работавшие в подобных владениях и имениях, находились в полной феодальной зависимости. Такого уровня развития не могли достичь золотоордынские тюрко-монгольские скотоводческие племена XIII — XIV вв., кочевавшие в половецкой и кангитской (казахской) степях. Об отсутствии особых изменений после походов Чингис-хана и во время существования Золотой орды в общественно-экономической жизни тюрских и монгольских кочевых племен арабский писатель XIV в. ал-Омари писал, что монголы «смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода»¹⁶⁹. Правильно, что «Золотая орда — общество не только кочевое, но и оседлое, с пестрым этническим составом, где сами монголы являлись, как мы видели, столь незначительным меньшинством, что постепенно утеряли даже свой язык. В степи, в Дешт-и-Кипчак, в XIII и даже в XIV в. картина едва ли была значительно иной, чем это наблюдалось в Монголии накануне завоеваний Чингис-хана»¹⁷⁰.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М. — Л., 1950, стр. 109.

¹⁶⁸ Н. И. Веселовский. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 531.

¹⁶⁹ См.: «Материалы по истории каракалпаков». Труды Института востоковедения, т. VII. М. — Л., 1935, стр. 16.

¹⁷⁰ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. работа, стр. 104.

Держава Чингис-хана и Золотая орда в действительности были такими же государственными объединениями, какими государственные образования в VI—X вв. у алтайских тюрок и енисейских кыргызов. В истории алтайских тюрок и енисейских кыргызов были периоды, «когда их молодая государственность подчиняла себе огромные пространства Центральной Азии, населенные другими народностями и племенами. В такие периоды их расширившиеся государства были очень близки к тем империям древности и средневековья, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹⁷¹.

Явное преувеличение уровня развития тюрко-монгольских кочевых племен XII—XIII вв., по нашему мнению, является результатом идеализации общества древних и средневековых кочевников. Последняя неизбежно отдаст дань «теории» современных реакционных историков, которые кровавые деяния предводителя гуннов Аттилы описывают очень ярко. Аттила же был прозван пострадавшими от него народами «бичем божьим»¹⁷². Походы кочевых орд гуннов привели к невиданным разрушениям производительных сил многих древних обществ¹⁷³. Грабительское нашествие гуннов на народы Европы в древности имело такое же реакционное значение, как нашествие монголов Чингис-хана и его потомков на Среднюю Азию, Восточную Европу и Китай в средние века.

«Полуцивилизованные», т. е. полурабовладельческие и полупфеодальные кочевые монголы Чингис-хана, так же, как гунны в древности, разорили огромную территорию Азии и Восточной Европы. Города и села были превращены в развалины, крепости разрушены, культурные ценности уничтожены, часть населения истреблена, другая обращена в рабство или обложена непосильной данью. Когда в 1219 г. Чингисхан взял приступом Самарканд, он умертвил там 140 000 его защитников и 400 000 мирных жителей. Он разрушил цветущую

¹⁷¹ С. В. Кисилев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 491.

¹⁷² В. Удальцова, Ф. Потемкин, В. Крылов. Фальсификация исторических событий. «Коммунист», 1953, № 10, стр. 120.

¹⁷³ К типу государства, существовавшего у гуннов Аттилы и монголов Чингис-хана, относятся государства Кира или Александра, которые представляли собой «случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя». И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

щий город Валх с огромным количеством дворцов, мечетей и общественных бань, сложил целые пирамиды из трупов у подножья разрушенных городских укреплений. Таким же способом был уничтожен город Мерв. «Свирепые воины Чингис-хановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда, так что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть своего прежнего цветущего состояния»¹⁷⁴.

Татаро-монгольское иго явилось страшным бедствием и для Руси. Оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, надолго задержало хозяйственное и культурное развитие русских земель¹⁷⁵. Все это объясняется характером походов Чингис-хана. Целью их были ограбление и порабощение народов завоеванных стран путем надругательства и истребления людей. По монгольским сказаниям, Чингис-хан говорил: «Наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что он имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, (в том, чтобы) сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, (в том, чтобы) превратить животы его прекраснотеликих супругов в ночное платье для сна и подстилку»¹⁷⁶. Этим принципом руководствовался и Батый при нападении на русские княжества. Например, при взятии г. Рязани: «Веселая отчаяниями и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников, или, связав им руки, стреляли в них, как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилуем юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей... Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стонать и плакать. На сем ужасном театре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу»¹⁷⁷.

Эти данные говорят о том, что кочевники-монголы, стоявшие на низком уровне развития, как и кочевники-гунны, не были носителями прогресса. Занимаясь всецело кочевым скотоводством, ведя военно-кочевой образ жизни и грабя оседлые народы, они эксплуатировали землю в ее естественном состоянии как сезонное пастбище, без всякой обработки.

¹⁷⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, М., 1903, стр. 114.

¹⁷⁵ Акад. Е. А. Косминский. История средних веков, т. I, М., 1952, стр. 310.

¹⁷⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М. — Л., 1952, стр. 265.

¹⁷⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, стр. 136.

Такое положение было одним из результатов отсутствия необходимых экономических условий для дальнейшего развития производительных сил кочевого общества. Верхушка завоевателей-кочевников вела по существу паразитический образ жизни за счет эксплуатации покоренных земледельческих народов, постоянно выкачивая из них в громадном количестве продукты земледелия и ремесла в виде «непосильной дани»¹⁷⁸.

Иначе и не могло быть, ибо все покоренные монголами земледельческие народы стояли на значительно более высокой ступени развития именно благодаря наличию собственности на землю, благодаря постоянной и прогрессирующей обработке земли.

Для обоснования наличия феодальной земельной собственности у древних кочевников Азии в III—II вв. до н. э. Л. П. Потанов пишет: «Кочевники весьма ценили территорию своего обитания и кочевания. Когда гуанскому хану (шаньюю) Модэ посоветовали уступить часть территории соседям, чтобы сохранить с ними добрососедские отношения, он очень разгневался и заявил: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?» «Всем советовавшим отдать землю отрубил головы»¹⁷⁹. Если этого достаточно для вывода о наличии феодального землевладения у гуанов в III—II вв. до н. э., то вполне логично признать прогрессивность нашествия гуанов на Запад (?!), так как феодализм был более прогрессивной общественной формацией, чем античное рабство, которое тогда процветало в Римской империи.

Это все противоречит историческим фактам. О социально-экономическом уровне развития кочевого общества гуанов спустя 600—700 лет после того периода, о котором говорит Л. П. Потанов, римский историк Аммиан Марцеллин писал: «Они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота... Никто у них не пахнет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они,

¹⁷⁸ «Варвары-монголы не были в состоянии создать устойчивое политическое объединение на огромной территории их завоеваний. «Монгольская империя» распалась на фактически независимые улусы уже при внуках Чингис-хана. И сами эти улусы проявили известную устойчивость лишь в той мере, в какой потомкам завоевателей удалось использовать уже сложившиеся связи, экономические и политические. Монголы выступают всюду в качестве паразитического нароста на теле местных политических объединений, традиции которых восходят к домонгольскому времени. Юаньская империя использовала связи средневекового Китая, хуадская — Ирана». С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 318.

¹⁷⁹ Л. П. Потанов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 80—81.

словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — далеко оттуда, вырос — еще дальше»¹⁸⁰. Рутинная и консервативность кочевого скотоводческого хозяйства как сферы материального производства подтверждаются еще тем, что уровень развития общественно-экономической жизни кочевников-монголов эпохи Чингис-хана мало чем отличался от уровня кочевого общества гунов в IV—V вв.

При таком уровне общественно-экономического развития все кочевники постоянно разрушали производительные силы оседлых обществ, сами же будучи поголовно неграмотными, были не в состоянии оставить каких-либо существенных памятников материальной и духовной культуры, что объяснялось условиями материального производства — кочевого скотоводства.

В свое время критике была подвергнута и точка зрения А. Н. Бернштама на кочевое общество, подобная концепции Л. П. Потапова. «В предисловии к «Очерку истории гунов» А. Н. Бернштама подчеркивается, что автор пришел к выводу о прогрессивном характере гунских завоеваний, выявил роль гунов в этногенезе народов Азии и Европы. Уже из этого предисловия с достаточной полнотой вырисовывается порочная, антимарксистская концепция А. Н. Бернштама, задавшегося целью обосновать прогрессивность грабительских походов гунов, определивших, по его мнению, в конечном счете крушение рабовладельческого строя и возникновение феодальных отношений... Он переносит центр тяжести с изучения внутренних, социально-экономических причин крушения рабовладельческой формации на внешнее явление — «варварское» завоевание»¹⁸¹.

Переоценка Л. П. Потаповым общественно-производственных отношений у кочевников и их определение как развитых феодальных нашла еще выражение в его тезисе об особой исторической роли «скотоводческих кочевых племен» как «классообразователей». Л. П. Потапов пишет: «В процессе классообразования скотоводческие племена сыграли большую роль»¹⁸².

В действительности же образование классов связано с появлением частной собственности на средства производства, независимо от того, были ли это стада и табуны или земля.

¹⁸⁰ См.: «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 301.

¹⁸¹ З. Удальцова. Против идеализации гунских завоеваний. «Большевик», 1952, № 11, стр. 68.

¹⁸² Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений..., стр. 74.

Экономической основой появления противоположных классов в кочевом обществе и отделения скотоводов от остальной массы населения был переход стад и табунов из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей. Появление частной собственности на стада и табуны вызвало целую революцию в производственных отношениях людей. Поэтому нельзя рассматривать «скотоводческие кочевые племена» какими-то особыми «классообразователями» (!). Подобное мнение является плодом признания прогрессивности грабительских нашествий древних и средневековых кочевников.

Об ошибочности подобной точки зрения говорит тот факт, что насилие в виде восточных деспотий и сменявшегося господства завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могло поделать с существовавшими с древних времен общинами в Азии. «Вообще возникновение частной собственности в истории отнюдь не является результатом грабежа и насилия»¹⁸³.

В. И. Ленин указывал, что никакое насилие было не в состоянии переделать старые устои русского общества в течение ряда веков без изменения экономической основы. Общественно-экономическая жизнь России не могла быть перестроена голым насилием, никакими политическими событиями — ни бесконечными феодальными войнами между русскими князьями, ни страшным «кровавым болотом» — татаро-монгольским игом. Подчеркивая это, В. И. Ленин писал: «Именно потому и прогрессивен капитализм в русском земледелии, что он обнаружил «пренебрежительное отношение» к «исконным», «освященным веками» формам отработков и кабалы, которых действительно не могли сломать никакие политические бури до «удельных безурядиц» и «татарщины» включительно»¹⁸⁴.

Из сказанного вытекает, что так называемая кочевая империя Чингис-хана по своему социально-экономическому и политическому строю не была, как изображалось Б. Я. Владимирцовым, а в настоящее время его последователями, феодальной монархией, а лишь военно-кочевым полурабвладельческим и полуфеодальным государственным образованием, представлявшим собой случайный и мало связанный конгломерат племен и народов и не имевшим прочной экономической базы.

Поэтому конец широкого завоевательного похода Чингис-хана был по существу и концом его эфемерной кочевой империи.

¹⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 165.

¹⁸⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 314 (сноска).

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ НАКАНУНЕ ДОБРОВОЛЬНОГО
ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ**

Золотая орда проводила реакционную политику угнетения чужих стран и народов путем военного грабежа и выколачивания непосильной дани. В ней господствовали отсталые патриархально-феодальные отношения, утвердившиеся главным образом на базе кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства.

Образование в XV в. могущественного централизованного русского государства, сбросившего в результате более чем двухвековой героической борьбы русского народа татаро-монгольское иго, было громадным прогрессивным явлением в мировой истории.

Несмотря на большое вынужденное отставание в своем экономическом и политическом развитии от европейских стран, Россия сразу же выступила на мировой арене как империалистическая сила, которая благотворно повлияла на судьбы многих стран мира, где так или иначе существовало татаро-монгольское владычество.

Казахское кочевое ханство образовалось в середине XV в. из осколков распавшейся Золотой орды и различных мелких, беспорядочно борющихся друг с другом кочевых племен, именовавшихся тогда узбеками и ногаями, на базе архисталого, экстенсивного кочевого скотоводства в низовьях р. Чу и пустыне Бетпак-Дала. Здесь сложилось племенно-феодальное и военно-кочевое объединение, которое передвигалось по пустынным и сухостепным просторам центральной части современной территории Казахстана.

Разрозненные условиями кочевого скотоводства казахские племена и роды, образовав союз в виде кочевого ханства, в основном продолжали характерные для всех непрочных политических объединений древних и средневековых кочевых народов межплеменные раздоры, грабительские войны.

«Орды делились на поколения, поколения на роды, роды на отделения, отделения на подотделения, подотделения на аулы. Все эти поколения, роды, отделения и подотделения находились в постоянной вражде между собою»¹. Это показывает, что господство на большом пространстве пустынь и степей в середине XV столетия у казахов кочевого скотоводства было одним из отрицательных последствий татаро-монгольского господства. В некоторых земледельческих странах после нашествия кочевников поля заросли дикой травой и жители были не в состоянии восстановить свое благосостояние земледелием и превращались в кочевых скотоводов или охотников.

Экономический строй кочевого хозяйства казахов, как основа кочевого общества имел по сравнению с экономическим строем земледельческого общества меньше потенциальных возможностей для развития производительных сил. Он мог лишь сохранить, законсервировать на длительный срок переходную систему общественно-производственных отношений людей в форме патриархально-рабовладельческих или патриархально-феодальных отношений с родовым бытом и отсталой политической надстройкой — полуфеодальным кочевым ханством. В XV в., когда начался во многих странах процесс разложения феодализма и зарождения капитализма, широкое распространение кочевого скотоводческого хозяйства, несмотря на относительно более высокий уровень развития по сравнению с древним и средневековым кочевым скотоводческим обществом, что выразилось в большем приспособлении структуры стад и хозяйственного инвентаря к кочевой жизни, не было прогрессивным явлением.

История показывает, что прогрессивное развитие кочевого скотоводческого общества должно было всегда и везде приводить к оседанию, к оседлому образу жизни, при котором пастбищное скотоводство должно было сочетаться с сенокосением и хлебопашеством; в противном случае такое общество должно было исчезнуть, как это случилось со многими кочевыми народами древности и средневековья, в частности с джунгарами и ногайцами, в основном кочевавшими когда-то на территории современного Казахстана.

На всем протяжении существования казахских кочевых ханств взаимоотношения их с соседними кочевыми и оседлыми народами были почти всегда враждебными. Насилие, грабеж и война, которые постоянно сопутствовали полурабовладельческому или полуфеодальному кочевому обществу, заполняли всю жизнь и этих кочевников. На основании изу-

---

¹ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 32.

чения более чем 10-летнего периода жизни казахов Младшего жуза, принявших российское подданство, один из русских государственных деятелей пришел к верному заключению, что «тишина, спокойствие и взаимное дружелюбие никогда не были уделом сих кочевых своевольных народов... Раздоры между родоначальниками, неповиновение сих подданных и всегдашние ссоры, драки и враждование всегда существовали в казахах... Родоначальники сильнейшие, притесняющие и явно разоряющие слабейших, удалцы из простых казахов, известные под именем батыров, каков был довольно наделавший шуму и многих затруднений здешнему начальству Срым, ныне существующие Джанзах, Куран и прочие, производящие с пристающими к ним казаками явные насилия и грабительства, не только неповинующиеся биям, султанам и самому хану, яко законным начальникам сего народа, но наводящие самим даже им страх и часто разорение»².

Народные массы постоянно страдали от непрерывных внутренних и внешних войн, взаимного истребления, грабежа, изнурительного кочевого образа жизни. Они страдали от неустойчивости и шаткости общественного производства — кочевого скотоводства, систематически приводившего к голоду и эпидемиям. Об этом же говорит множество зарегистрированных в конце XVIII и начале XIX в. фактов. В записях мы читаем, что «бедные казахи, дошедшие до крайней нищеты и неимеющие пропитания, частью располагаются кочевьями при Оренбургской линии в близости к крепостям и форпостам. Число сих обнищавших, можно полагать, примерно от 2000 до 3000 человек обоего пола; рассеянных же по пространству степи, подобно им бедных же, совершенно предположить нельзя, как потому, что не кочуют они при линии... Однако ж, вообще полагать можно (вместе) с кочующими при линии — до 10 000 человек, ибо, по мере умаления скота во время зимнее от холоду (от джутов.— С. Т.) возрастает их нищета и увеличивается число бедных»³. В другом документе сказано: «Народ киргиз-кайсацкой Меншой орды по причине междоусобной барымты не только потерял тишину и спокойствие, но уже стоит на краю гибели»⁴.

Эти явления свидетельствовали о разложении кочевого патриархально-феодального общества. Из такого состояния его мог вывести только переход к оседлости с дальнейшим изменением экономических и политических условий жизни народа.

² См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М. — Л., 1940, стр. 218.

³ Там же, стр. 234.

⁴ Там же, стр. 224.

Подобный кризис в XVI в. переживало кочевое общество ногайцев. Они были соседями казахов и постоянно с ними враждовали. По свидетельству Дженкинсона, в самую лучшую пору жизни всякий ногайский мурза имел около себя подчиненных людей с семействами, а также со скотом. Когда скот съедал всю траву, ногайцы перекочевывали в другое место. Они, как и казахи, не занимались ни ремеслом, ни наукой, ни профессиональным искусством, за исключением военного, в котором были достаточно опытны. Этот народ по преимуществу был пастушеским, владел множеством скота, составлявшим все его богатство⁵.

Кризис, который переживала система кочевого хозяйства ногайцев в XVI в., выразился в систематическом разрушении основных элементов производительных сил кочевого общества. Ногайцы в середине XVI в. занимали всю территорию на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее северное и северо-восточное побережье Каспийского моря, граничащее с землей туркмен и казахов. У них нехватки в земле — пастбищах не было. Но избыток пастбищных пространств не могло служить основой для процветания ногайского общества, разьедаемого социально-экономическими противоречиями, так как сама по себе природа не могла быть решающим фактором развития экономики и культуры. Картину кризиса кочевого хозяйства ногайцев убедительно нарисовал Дженкинсон. Он писал: «В бытность мою в Астрахани в 1558 г. население совершенно было расстроено гражданскими усобицами, голодом, мором и т. п. бедствиями до такой степени, что в этом году померло до 100 тыс. человек; подобного бедствия здесь не запомнят, так что ногайская земля, изобилующая пастбищами, останется не населенной»⁶.

Экономическая катастрофа и вымирание ногайцев были концентрированным выражением всех внутренних и внешних противоречий кочевого общества. Поэтому, когда мы говорим об упадке и кризисе кочевого хозяйства казахов в XVIII в., то не можем считать все это результатом нехватки пастбищ или какого-то мнимого выселения казахов в «бесплодные пустыни», как это делают некоторые историки. Критическое положение ногайцев в XVI в. и казахов в XVIII в. нельзя объяснять тем, что Россия якобы стеснила их в пастбищах. Объяснение надо искать в кризисе самой системы кочевого хозяйства. Иначе не понятно, почему громадная территория ногайской земли с запустевшими пастбищами осталась, а ногайцы как народ исчезли. Причем это случи-

⁵ См.: «Известия англичан о России XVI века». Пер. Середина. М., 1848, стр. 38.

⁶ Там же.

лось тогда, когда еще не было поблизости ни одного русского селения.

Основной причиной обнищания широких народных масс казахских кочевников было разложение кочевого хозяйства в XVIII и начале XIX в. Усилившиеся взаимные грабежи, истребление людей и уничтожение стад и табунов исключали рациональное использование пастбищ, подрывали и истощали хозяйство трудовых кочевников, способствовали обогащению патриархально-феодалной верхушки — султанов, батыров, биев и баев. Игнорирование этой главной причины привело некоторых исследователей дореволюционной истории Казахстана к ошибочному выводу, что все эти отрицательные явления в общественно-экономической жизни народа были якобы прямым результатом принятия казахскими племенами Младшего жуза российского подданства. Так, М. П. Вяткин пишет: «Принятие русского подданства ханом Абулхайром в 30-х годах XVIII в. облегчило наступление феодально-крепостнической России на казахские степи... Наступлением руководил первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев. В военном отношении деятельность Неплюева сводилась к концентрации на Яике регулярных войск, затем к составлению так называемого «запасного плана», содержащего проект мобилизации местного русского, так и нерусского населения для военных «поисков», т. е. нападений на казахов, и, наконец, к созданию укрепленных линий... Линии укреплений не являлись оборонительными. Эти линии ограничивали районы кочевий казахов: жалобы на стеснения кочевков мы встречаем в документах еще 40-х годов (XVIII в.)»⁷.

О сужении района кочеваний пишет и С. З. Зиманов: «Процесс сужения пастбищного пространства, которым располагали казахские скотоводы, начинавшийся гораздо раньше, активизировался в первой половине XIX века»⁸.

Такое освещение вопроса расходится с исторической правдой. В конце XVIII и начале XIX в. никакого сужения пастбищного пространства у казахов не происходило, а наоборот, оно расширялось за счет территории России.

До принятия подданства казахи не были обитателями долин рек Урала, Тобола и Иртыша. Впервые в 1785 г. хан Младшего жуза Нурали получил письменное разрешение (открытый лист) от оренбургского губернатора на зимовку на левом берегу Урала против Калмыковской крепости. Че-

⁷ М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX в. «Введение к материалам по истории Казахской ССР», т. IV, М.—Л., 1940, стр. 3.

⁸ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 23.

рез год, в 1786 г., 17 старшинам с народом в количестве около 45 тыс. хозяйств позволили расположиться в зимнее время кочевьем на внутренней стороне Урала⁹. В 1797 г. русское правительство дало согласие на кочевание между Семипалатинском и Омском на правом берегу Иртыша Айтхоже Кочину с 15 тыс. семейств¹⁰, а в 1801 г. разрешило султану Букею Нуралиханову с 5 тыс. хозяйств перейти за Урал на землю Российской империи, образовав тем самым «Внутреннюю Букеевскую орду». Поэтому неверно утверждение М. П. Вяткина и вслед за ним С. Зиманова о сужении пастбищного пространства казахских скотоводов в этот период.

М. П. Вяткин и С. Зиманов по существу отрицают добровольный характер присоединения Казахстана к России и пытаются подделать под народное движение всякие реакционные выступления казахских султанов против присоединения к России. С этой целью С. Зиманов приписывает «недовольство» небольшой реакционной кучки султанов и батыров всему казахскому народу в начале XIX в. и заявляет: «Используя недовольство народа колониальными притеснениями, эти султаны вовлекли некоторую часть его в свою борьбу за узкословные интересы, старались оторвать казахское общество от России»¹¹.

Если поверить С. Зиманову, то весь казахский народ был недоволен присоединением к России, причем часть недовольных выступала под знаменами реакционных султанов вроде Кенесары Касымова.

В действительности во время выступления Кенесары, например, бедные казахи, проживавшие в районе рек Иргица, Тургая и Джиланчиков, перекочевывали к российским границам и сообщали сведения о Кенесары и предлагали схватить людей, посланных им для сбора дани. Таким образом, подобного рода реакционные выступления казахских султанов ничего общего не имели с интересами трудового казахского народа.

В результате присоединения к России начался процесс оседания казахов прежде всего в районе пограничных линий, где они приобщались к земледелию. Это явилось важным поворотным пунктом в развитии производительных сил казахского общества, ознаменовавшим собой процесс ломки старого кочевого уклада хозяйства и образа жизни народа.

Прогрессивное значение оседания кочевого общества казахов в том и состоит, что без него кочевое скотоводческое

⁹ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М. — Л., 1940, стр. 66, 68, 83—87.

¹⁰ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии с картами и планами, т. I, СПб., 1906, стр. 84—85.

¹¹ С. З. Зиманов. Указ. работа, стр. 190.

хозяйство не могло дальше развиваться. Это бесспорное положение С. Зиманов отрицает и пишет: «...нельзя сделать категорический вывод о том, что земледельческие общества по уровню своего развития всегда стоят выше, чем скотоводческие, и было бы серьезной ошибкой объяснять отсталость того или иного общества только характером форм общественного производства, тем более выводить эту отсталость непосредственно из них. То, что земледелие является более прогрессивной формой производства, чем скотоводство, относится в первую очередь к сфере хозяйствования, но отнюдь не к сфере отношений людей между собою (подчеркнуто мною. — С. Т.). Рабовладельческие общества могли быть земледельческими по характеру преобладающей формы производства. Наоборот, феодальные отношения могли господствовать и в скотоводческих обществах»¹².

В этом отрывке имеется ряд глубоко ошибочных положений. Во-первых, С. Зиманов при определении общественного строя страны сводит на нет значение уровня развития производительных сил и связанного с ним преобладающего вида материального производства. Марксизм учит: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹³.

Во-вторых, процесс общественного производства в виде земледелия или скотоводства он называет «сферой хозяйствования», не относящейся к сфере и характеру отношений людей между собою. Хотя известно, что не бывает никакого производства без производственных отношений людей. Наоборот, в общественном производстве «люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹⁴.

В-третьих, С. Зиманов считает, что в кочевом скотоводческом обществе могут господствовать феодальные отношения, хотя оно не может перейти от патриархального рабства к античному. В действительности кочевое скотоводческое общество по уровню развития производительных сил и производственных отношений всегда стояло ниже как античного рабовладельческого, так и развитого феодального общества.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.

Его переход в античное рабовладельческое или развитое феодальное общество мог произойти только в условиях оседлого или, по крайней мере, полуседлого хозяйства.

Присоединение казахских жузов к России было далеко не мирным процессом. Что касается действительно происходивших позднее выездов в степь карательных отрядов русских пограничных войск, то это не были завоевательные походы, а лишь ответы на грабительские налеты казахских батыров и султанов, во время которых страдало немало невинных. Однако устранить эти отрицательные явления, в основном вызванные реакционными силами, мешавшими казахскому народу стать на более прогрессивный путь развития, люди не всегда были в состоянии. Но эти факты никак не могут умалять прогрессивного значения добровольного присоединения Казахстана к России. Не следует забывать, что ни одно прогрессивное изменение в жизни общества никогда не происходило без жертв. В. И. Ленин писал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения...»¹⁵.

До недавнего времени для некоторых казахстанских историков отрицание М. П. Вяткиным прогрессивного значения присоединения казахских жузов к России служило теоретической базой для восхваления всяких реакционных, антинародных выступлений многочисленных казахских батыров и султанов. Ошибка М. П. Вяткина заключается в том, что он поднял на щит реакционных казахских деятелей. Наиболее ясно данная точка зрения изложена им в «Очерках по истории Казахской ССР». О реакционном движении батыра Срыма Датова, боровшегося против присоединения казахов Младшего жуза к России в течение 14 лет, собравшего вокруг себя все реакционные силы изживающего кочевого общества, а также пользовавшегося моральной поддержкой среднеазиатских ханств и турецкого султаната, он писал: «...подъем движения Срыма был вызван угрозой превращения Младшей орды в колонию. Движение носило характер освободительной борьбы. Отряды Срыма напали на Илецкий городок, готовивлялось нападение на Красногорскую крепость»¹⁶ и далее: «Срым никогда не поднимался до понимания противоположности интересов масс и старшин (он был старшиной байбактинского рода и зятем хана.— С. Т.). Его сознание также было сковано патриархально-родовыми фор-

¹⁵ В. И. Ленин, ПСС, т. 26, стр. 311.

¹⁶ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941, стр. 202.

мами быта. Поэтому, а не только в силу своей классовой принадлежности, он никогда не ставил целей борьбы против родовых старшин как социальной опоры»¹⁷.

М. П. Вяткин неправильно оценил не только восстание батыра Срыма, но и реакционное движение султана Кенесары Касымова. О последнем он писал: «Движение Кенесары явилось крупнейшим антиколониальным национально-освободительным движением в Казахстане...»¹⁸. Далее: «...оно совершенно не затрагивало основ сложившейся экономики и классовой структуры казахского общества и в этом смысле не ставило своей задачей облегчить положение трудящихся масс»¹⁹.

Передовые представители казахского общества осуждали эти реакционные выступления. Г. Н. Потанин писал: «Рассказы Чокана (Валиханова. — С. Т.) о казахах были очень интересны. Конечно, он мог бы очень занимательно написать историю восстаний его дядей Саржана и Кенесары... Степь тогда разделилась на две партии: русскую и национальную... Антагонизм двух партий проявлялся во всех явлениях жизни, даже в тенсонах казахских певцов на тризнах. Памятно было в народе состязание между двумя певцами на тризне о богатом бие Сапаке; тут Утебай пел куплеты, в которых доказывал пользу для казахского народа от подчинения русской власти, а другой певец оспаривал его доводы»²⁰.

Историки, отрицавшие прогрессивное значение присоединения казахских жузов к России, всякие реакционные движения и грабежи, совершаемые необузданной военщиной — казахскими батырами и султанами в XVIII и начале XIX в., квалифицировали как борьбу «простого народа» за пастбище, следовательно, как национально-освободительную борьбу против захвата русскими казахских земель и выселения казахов в «бесплодные пустыни»²¹. В действительности же территория кочеваний казахских жузов в XVIII в. расширилась по сравнению с той территорией, на которой они кочевали прежде. Если в XVI и XVII вв. условная граница казахской земли на западе доходила до Мугоджарских гор, на севере подходила к Арало-Иртышскому водоразделу, на востоке — к рекам Сары-Су и Чу, а на юге — к р. Сыр-Дарье, то после года «великого бедствия» (1723 г.) и в результате победы над джунгарами в 1729 г. она продвинулась на севе-

¹⁷ Там же, стр. 212.

¹⁸ Там же, стр. 273.

¹⁹ Там же, стр. 289—290.

²⁰ Г. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 30.

²¹ М. П. Вяткин. Указ. работа, стр. 51.

ре до рек Убаган, Уй, Тобол и Орь, на западе — до р. Урал. Прежде здесь жили калмыки.

Исторические документы показывают, что на большей части занимаемой в XVIII в. территории казахи оказались позднейшими пришельцами, искавшими защиту у русского государства от Джунгарии, среднеазиатских ханств и своих более сильных племенных союзов. Они расселились по этой территории, вытеснив других кочевников — калмыков, башкир и даже некоторых соплеменников.

Крупнейший русский географ А. И. Макшеев в 70-х гг. XIX в. тщательно изучил замечательный памятник трудов первых русских географов «Книгу Большого Чертежа»²². Он излагает, что от верховьев р. Бузулук, впадающей в р. Самару, по прямой до Аральского моря верст 800. Все это пространство, т. е. западная часть казахской степи, в XVI столетии было занято ногайцами. «А промеж озера Акбашлы и реки Саук, и озера Ак-Коль и по обе стороны Зеленчика, и реки Кендирлика, и реки Сарсы, и песков Кара-кум, на тех местах на 600 верст, кочевья казацких орд. Пространство, заключающееся между песками Кара-кум, озером Аксакалбарби, рекою Тургаем, озером Ак-куль и реками Джаланчиком, Кентгиром, Сары-су и Сыр-Дарьею имеет от севера к югу верст 500 и от запада к востоку верст 3000». Как видно, последняя цифра преувеличена более чем в два раза. Но это не столь важно, по словам А. И. Макшеева, в конце XVI столетия казахи жили в тех местах, которые обозначены в «Книге Большого Чертежа», и часто воевали с узбеками, а в XVII столетии владели даже городами Туркестаном и Ташкентом²³.

Это же имел в виду Н. А. Аристов, когда писал о местах обитания казахских жузов в начале XVIII в.: «Вытесненные калмыками из восточных своих земель казачьи племена кочевали в это время за Балхашом в бассейнах Ишима, Нуры и Сары-Су, откуда кипчакские орды по необходимости подались к Аральскому и Каспийскому морям, а также на северо-запад, подвигая здесь алчинов и башкиров далее на запад. Оттесненные таким образом к русским границам на Ишима, Тоболе и Урале и занимая часть земли русско-подданных башкиров и ногаев, Малая и Средняя орда вынуждены были в тридцатых годах XVIII века принять русское подданство,

²² Начало составления «Книги Большого Чертежа» относится к 1552 г., когда царем Иваном IV было «велено землю измерити и чертеж государства сделати». Карта была дополнена при Борисе Годунове и обновлена в 1627 г. при царе Михаиле Федоровиче.

²³ А. И. Макшеев. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880, стр. 33—35.

ожидаю найти защиту от дальнейших нападений калмыков»²⁴. Другой автор писал: «В XVII веке посреди азиатских кочевых народов возобладали джунгары, вытеснившие соплеменных с ними торгоутов из древнего ойратского кочевья. Торгоуты ушли к рр. Тоболу и Яику, подчинили себе там остатки ногайских племен и начали враждовать с казацкими или казахскими ордами... А в половине XVIII века..., вслед за откочевкой торгоутов на низовья Волги, — к башкирскому кочевью и к Сибири приблизились казахи»²⁵. В документах, относящихся к 1730 г., сказано: «Оных кайсацких кочевых народов 40 000 кибиток и, кроме помянутого хана Абалхайра (который в той орде главный), есть еще два хана — Барак да Абол Мамбет. Кочуют они по горам улутов и кичитов, по рекам Сыр, Сары-Су и Торгай, на степи Кара-Кум расстоянием от башкирцев месяц езды»²⁶.

После уничтожения манчжуро-китайскими войсками в 1758 г. джунгаров казахи подошли к левому берегу Иртыша и на востоке дошли до озера Зайсан. «После истребления большей части калмыков, земли, занимаемые ими до сих пор, опустели; казахи, жившие прежде только на части нынешней своей территории, ринулись на восток и заняли все степи от Урала до Черного Иртыша и озера Ала-Куля»²⁷.

Поэтому совершенно неверно утверждение М. П. Вяткина об отнесении в 40-х гг. XVIII в. казахов в «бесплодные пустыни». Напротив, именно в этот период благодаря принятию российского подданства, казахи заняли такие места, где впоследствии можно было осесть, заняться сенокосением и земледелием (см. схематическую карту 1).

Отсталость и малопродуктивность кочевого хозяйства, бедственное положение трудящихся казахских племен были явлениями хроническими, постоянными спутниками общественно-экономической жизни кочевых казахских жузов. Казахи бедствовали еще тогда, когда совершенно не соприкасались с русскими и кочевали на необъятных просторах центральной части Казахстана²⁸. В этот период им были необ-

²⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе турецких племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1896, стр. 316.

²⁵ См.: «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. III. Омск, 1881, стр. 2—3.

²⁶ См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», Алма-Ата, 1961, стр. 35—36.

²⁷ А. К. Гейнс. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, № 5, стр. 324.

²⁸ «Бесперывные лишения, сознание своего бессилия в борьбе с природою, зависимость своего существования от случая и в то же время неуверенность в возможности предотвратить этот случай — сильно отразились в том мрачном настроении духа, которым отличается большая часть казахов и которое становится понятным у обитателей суровой,

ходимы не столько земельные расширения, сколько условия для ограничения землепользования, возможного только при оседлой жизни. Некоторое ограничение в землепользовании в отдельных районах в связи с появлением земледелия после присоединения казахских жузов к России положило начало постепенному изменению хозяйства и образа жизни кочевников.

Появление общей границы с русским государством, установление политической и экономической связи с ним, добровольное присоединение Младшего жуза к России, затем ведение полукочевого и оседлого образа жизни, в первую очередь казахскими родами, кочевавшими вблизи русских укрепленных пунктов, были новыми и прогрессивными явлениями в жизни воинствующих кочевников. Нельзя признать правильным утверждение М. П. Вяткина о том, что в начале 90-х гг. XVIII в. нищета масс выросла. «Особенно это чувствовалось вблизи пограничной линии, где влияние союза феодальной верхушки казахского общества с представителями колониальных властей сильно сказалось на экономике казахского общества. Нищета проявилась в массовом занятии казахов рыболовством по нижнему течению Урала. Известно, с каким пренебрежением они раньше относились к этому занятию. Только в случае крайней нищеты они прибегали к рыболовству»²⁹. По мнению М. П. Вяткина, хронические бедствия в жизни кочевников-казахов вызывались не условиями неустойчивости хозяйства при кочевом скотоводстве и грабительскими войнами, а условиями, возникшими в результате присоединения казахских племен Младшего жуза к России, т. е. колониальной эксплуатацией. В действительности в этот период казахские племена и роды не несли никаких повинностей и не платили никаких податей русскому государству. «Вообще подданство казахов было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство ухаживало за ними, точно ради славы считаться владыкою казахов! Ханов заманивали в подданство и удерживали в нем щедрыми подарками, а с 1750 г. и жалованием»³⁰.

Казахи, о которых пишет М. П. Вяткин, в своей массе разорялись и нищали не от мнимой колониальной «эксплуатации» русского государства в 90-х гг. XVIII в., а вследствие

бедной, безжизненной степи». М. Красовский. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1858, стр. 330.

²⁹ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, т. I, Л., 1941, стр. 205.

³⁰ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I, СПб., 1906, стр. 57—58.

реальной внутренней междоусобной борьбы и внешних грабительских набегов, а также систематически повторявшихся джудов³¹, которые в жизни кочевников были явлениями постоянными, принявшими более острый характер в связи с кризисом кочевой системы хозяйства.

Хорошо знал и глубоко понимал особенности общественно-экономической жизни кочевников-казахов Ч. Ч. Валиханов. Он писал: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни казахского народа... 1723 год особенно памятен казахам своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши, с несметным чериком (войском) вторгается в Казахскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства»³². В обращении оренбургского военного губернатора к султанам, биям и старшинам Малой орды 10 мая 1805 г. говорится: «Всегдашние ссоры, драки и повсеместное в орде расстройство, доводя казахов до крайней бедности, угрожают неминуемым падением благосостояния ордынцев»³³.

Разорившиеся и обнищавшие казахи все более стремились приблизиться к русской укрепленной линии и становились подлинными подданными России.

Прилинейные казахи Оренбургского ведомства, как отмечается в одном из документов, в середине XIX в. начали заниматься хлебопашеством только лет 15 или 20 тому назад. «Главная причина, побудившая их (казахов) к сему — бывшие в прошлых десятилетиях по орде мятежи и беспорядки, доведение некоторых из них (казахов) до совершенного разорения, — лишаась главного источника богатства своего — скотоводства, удовлетворявшего их во всех нуждах и жизненных потребностях, будучи не в состоянии уже вновь обзавестись таковым, многие из ордынцев невольно, для снятия себе пропитания шли на линии и поступали к линей-

³¹ 7 мая 1796 г. в донесении письмоводителя Г. Феткуллина оренбургскому военному губернатору С. К. Вязмитинову о разорении казахов вследствие жестокой зимы сообщается, что «у зимовавших по Сыр-Дарье, в урочищах Чун-Бузачи смежно с трухмэнцами, по Эмбе, Сагизу, в островах Каспийского моря, около Шамского колодца и по прочим степным речкам киргизов в разном скоте произошел великий падеж («джуд»), так что у некоторых ни лошади, ни барана и ни верблюдов не осталось; у богатых, имевших лошадей и баранов от 2000 и более, только лошадей до 100, а баранов до 70 и до 60, а у бедных до последней скотины вывелось. С голоду малолетние дети многие померли... Киргизская орда дошла до великой гибели». «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л., 1940, стр. 186—187.

³² Ч. Ч. Валиханов. Аблай. «Записки ИРГО по отд. этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 1.

³³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 116.

ным жителям в работники и, находясь (у них) долгое время, научились способу возделывания земли и сеянию хлеба, — оставив затем своих хозяев, начали сами заниматься хлебопашеством, сначала приобретая готовые для сеяния земли от казаков, а потом и сами начали оную обрабатывать»³⁴.

В другом документе, датированном 1834 г., указывается, «что казахи теснятся около линии не от того, что тут только остались удобные места, но потому что они чувствуют необходимость променять свой скот на наш хлеб и под нашей защитой укрываться от междоусобной барымты; сие доказывается тем, что если бы правительство признало полевым вместо перенесения линии вперед отнести оную назад, то казахи бы следовали за нашим движением, заняли бы места, нами оставленные, и опять бы явились близ линии. Мы их видим на всем протяжении границы Оренбургской губернии, кочующими против наших селений и крепостей, не смотря на удобство или неудобство места, собственно кочевьем занимаемого»³⁵. К Российской линии стремились прежде всего те казахи, которые искали защиту от преследования враждебных соплеменников³⁶.

Прилинейные казахи сразу же приобретали возможность для занятия рыболовством и земледелием. Это верно подметил А. К. Гейнс, который, писал, что «с течением времени соседние к линии казахи сблизились с русскими, узнав на опыте выгоды спокойной и мирной жизни, прежде других обратились к покровительству русской власти. Вскоре они стали обращаться за фактической помощью с вооруженной защитой против барымты и хищничества дальних казахов. Наше правительство не только приняло под свою охрану тех из казахов, которые просили нашего покровительства, но даже, чтобы совершенно обезопасить наиболее преданных из них, предоставило им право кочевать на правой стороне Иртыша, на пустопорожных землях Кулундинской степи»³⁷.

В начале XIX в. сибирские казахи сами сообщали: «Ведя жизнь своевольную, никаким начальством неограниченную, усилившимися барымтами совершенно расстроились и довели себя подобными беспорядками до такого состояния, что,

³⁴ Там же, д. 3591, л. 31.

³⁵ Там же, д. 312, л. 6.

³⁶ В своем донесении Г. Феткулли сообщает, что в связи с разорением кочевников «те казахи, у которых скот прозимовал благополучно, опасаются, говоря, что между ними спокойствия уже быть не может, ибо лишившиеся скота своего казахи будут делать великое воровство и барымту. А потому нынешнего лета все согласились и намерение положили, чтобы кочевать при линии». «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 187.

³⁷ А. К. Гейнс. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, № 5, стр. 332.

не имея ниоткуда пособий, близки были к гибели, и даже некоторые, шатаясь по бесплодным диким степям, подвергались голодной смерти»³⁸. Такие обнищавшие казахи, «чувствуя большую же крайность, одумались и поручили судьбу свою в покровительство России, и назад тому лет 30 вошли в границы наши на вечное подданство совершенно в жалостном положении»³⁹. Следовательно, в конце XVIII и начале XIX в. часть казахского населения стремилась к русским границам, добивалась принятия в подданство России и даже переселялась на территорию Российской империи. Само собой разумеется, что добровольно народ не мог идти туда, где его ожидала более худшая жизнь, чем та, которую он имел.

Население казахских военно-кочевых ханств, избежало вымирания, т. е. участи ногайцев и джунгаров, благодаря трем важным обстоятельствам.

Первое. С возникновением казахского ханства сложилась новая форма кочевания, которая придала несколько большую жизнеспособность казахскому кочевому хозяйству по сравнению с ногайским и джунгарским. Это было кочевание с навьюченными верблюдами, которое отличалось большой мобильностью, способностью к дальним переходам, сравнительной быстротой и большой проходимостью по пустынно-степной территории. Такая форма кочевания пришла на смену старомонгольскому способу кочевого передвижения на громоздких колесных телегах с шатром, запряженных в основном быками. Новая форма позволила удлинить кочевые пути, что дало возможность более интенсивно использовать травы пустынь и степей. Это было своеобразным изменением организации процесса труда, вызванным частичным изменением средств труда, т. е. видоизменением состава стада. Казахи стали держать преимущественно лошадей, верблюдов, овец и коз, полностью ликвидировав в своих стадах неспособный к быстрым и дальним переходам и непригодный к почвенно-ботаническим особенностям пустынь, полупустынь и сухих степей крупный рогатый скот⁴⁰. Каза-

³⁸ См.: «О состоянии и хозяйстве верноподданных казахов в Омской области». «Земледельческий журнал», 1827, № 9, стр. 5.

³⁹ Там же, стр. 6.

⁴⁰ «По неполным данным, в течение 14 лет (с 1745 по 1759 г.) казахи продавали в Оренбурге 49 697 лошадей и жеребят, 195 447 баранов, 7740 козлов, 238 быков, а всего скота 252 122 головы, что по тогдашним тарифным ценам стоило почти миллион рублей». Важно заметить, что крупный рогатый скот тогда составил 0,1%, или 1/1000 часть всего проданного казахами поголовья скота, что дает ясное представление о незначительном удельном весе этого вида скота в хозяйстве кочевников. Это имело место почти через 30 лет после присоединения Младшего жуза к России, когда известная часть прилинейных казахов Младшего жу-

хи начали кочевать большими родовыми группами «куренями», а не одиночным аулом. В условиях военно-кочевой жизни никакой одиночный аул не мог существовать, его непременно бы разграбили либо степные скитальцы (жорьқышы), либо враждебные соседи. Такая форма кочевания диктовалась главным образом политической обстановкой и базировалась на соответствующем составе стад и общественном владении пастбищем, что в конечном счете привело к консервации патриархально-родового быта.

Второе. Обширная и пустынная территория служила казахам-кочевникам надежным убежищем от преследования полчищ враждебных государств. Этот фактор был не маловажен и в период присоединения Казахстана к России. Еще в начале XIX в. происходило немало случаев, когда барымтачи, воспользовавшись проходами по пескам, скрывались от преследования. Например, систематически грабительские набеги совершали батыры из родов табын и тама, но «...обширность степей способствовала ему (табынскому отделению казахов. — С. Т.) укрываться от происков с линии»⁴¹. Следовательно, для самосохранения воинственных кочевников размер территории их кочевого передвижения имел огромное значение.

Третье и самое главное обстоятельство — это принятие казахскими жузами подданства русского государства. Добровольное присоединение Казахстана к России сыграло решающую роль в исторической судьбе казахского кочевого общества.

До присоединения к России вся история казахских кочевых ханств была историей кровавой межплеменной борьбы; она была историей постоянных взаимных грабительских набегов на соседние народы, организованных эксплуататорской верхушкой с целью приобретения чужого имущества, скота и пленных. В течение столетий казахские кочевые племена

за веда уже полукочевой образ жизни. «Историческая монография В. Н. Витевского», т. III, Казань, 1897, стр. 670.

По данным А. И. Левшина, в Оренбурге с 1784 по 1789 г., только за шесть лет, было продано казахами всех видов скота 1 670 048 голов, в том числе 3 664 головы крупного рогатого скота, который составил в общем поголовье проданного скота уже 0,2%. Значит, удельный вес крупного рогатого скота в составе стад Младшего жуза за 30 лет (с 1759 по 1789 г.) возрос с 0,1 до 0,2%, т. е. в 2 раза. «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 487.

А. И. Добросмыслов передает слова Левшина, сказанные в 30-х гг. XIX в., что лет 160—170 тому назад, т. е. во второй половине XVII в., казахские жузы совсем не имели крупного рогатого скота, но потом позаимствовали от каракалпаков, а также у торгашей, проходивших через казахские степи в 1771 г. в Джунгарию. А. И. Добросмыслов. «Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 169—170.

⁴¹ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 474, 478.

подвергались систематическому разбою джунгаров, ногайцев, племен среднеазиатских ханств и были также объектом грабежа для «своих» батыров, султанов, биев и баев. Степь с момента образования казахских кочевых ханств была полем постоянных военных действий. Эпоху непрерывных патриархально-феодальных войн казахи называли «эпохой войн» (жаугершілік заман). Недаром в народе об этом беспокойном времени родилась поговорка: «Не говори, что нет неприятеля, он — под яром, не говори, что нет волка, он — под шапкой» («Жау жоқ деме, жар астында, бәрі жоқ деме, бәрік астында»).

Кочевое патриархально-феодальное общество при полном кочевом образе жизни было крайне консервативным. Оно существовало без особых изменений, без заметного прогресса в развитии производительных сил в течение 3—4 столетий, т. е. с XV по XVIII в. Такая его относительная устойчивость объясняется спецификой самого кочевого скотоводческого общества, неспособного к развитию производительных сил на основе изменения и усовершенствования основного средства труда — скота. Следовательно, в таком типе хозяйства не было никаких импульсов и возможностей к преобразованию материально-технической основы процесса производства без перехода к оседлости. Причиной относительной устойчивости кочевого скотоводческого общества была примитивность его производства. Простота производительной структуры кочевых общин казахов, построенных по родо-племенному признаку и производивших самостоятельно в основном все, что было необходимо для их хозяйства, приводила к тому, что эти кочевые общины воспроизводили свою структуру в прежней форме. Такое кочевое хозяйство с экономической точки зрения было именно тем патриархальным хозяйством, которое традиционно, по словам В. И. Ленина, работало «только на себя»⁴².

Данному общественно-экономическому укладу жизни была свойственна консервативная идеология. Патриархально-феодальная или племенно-феодальная военно-кочевая казахская знать смотрела с презрением на земледелие, оседлость и городскую жизнь. Временно отказавшихся от кочевания казахов она презрительно называла джатак (лежащий), балыкши (рыболов), егинши (хлебопашец), а их постоянное жилище в виде землянок сравнивала с могилой (там-мола). О подобных людях верно писал побывавший в России в 1516—1526 гг. австрийский дипломат Герберштейн. Он так характеризовал ногайцев: «Они не остаются долго на одном и том же месте, считая за сильное несчастье долго пребывать

⁴² В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

на одном и том же месте. Поэтому, иногда рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят: «Чтобы тебе оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь»⁴³. Эта же консервативная идеология была присуща господствующим слоям казахского кочевого общества. Броневский писал: «Казахи не только не имеют оседлости, но, почитая неволю оставаться на одном месте, презирают жизнь постоянную»⁴⁴. В этих условиях беднейшая часть населения, которая больше всех страдала от военно-кочевого образа жизни, даже если бы захотела осесть и заняться рыболовством и земледелием, не смогла бы сделать этого до тех пор, пока господствовала кочевая военщина.

Отставшие от основной массы своего племени (рода) хозяйства или аулы непременно были бы разграблены и поработены. Об этом же говорит факт, приведенный султаном Сейдалиным. В начале XIX в. зачинатель хлебопашества на р. Тургае Сеиткул для защиты от грабителей «выстроил небольшую крепость-курган из земляного вала и с довольно глубоким рвом... К нему начали стекаться и присоединяться от кочующей массы Торайгыр — кипчаковского рода те казахи, которые грабежами, барымтой и падежами скота от суровых зим доведенные до невозможности кочевать искали под защитой его укрепления и в его ремесле средства к дальнейшему существованию». Но Сеиткул накануне 1830 г. был убит шомекейскими барымтачами.

Со времени образования своего кочевого ханства и вплоть до завершения добровольного присоединения казахских жузов к России казахские племена и роды постоянно враждовали между собой. Каждый кочевой ауд, услышав о приближении неприятеля, независимо от времени года тотчас же собирал свое имущество и, наспех навьючив его на верблюдов и даже опрокинув варившуюся в котле пиццу, чтобы взять котел, пускался наутек. Если угроза была очень велика, то бросали даже юрту и стадо баранов, бежали в чем были, угоня своих лошадей и верблюдов.

Мухаммед-Хайдар, как очевидец, рассказывает об одном походе, организованном в 1526 г. моголистанским ханом Султан-Сайдом на киргизов: «Прибыв к этому месту, мы увидели одни кибитки, киргизов же не было. Разные вещи и пожитки были разбросаны; нам и показалось: не бежали ли киргизы, проведая у нашем приближении... Пошли мы еще далее. Тут мы наехали на киргизских баранов в количестве

---

⁴³ С. Герберштейн. Записки о Московских делах. Пер. Малеина. СПб., 1908, стр. 144.

⁴⁴ С. В. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», ч. 43, СПб., 1830, стр. 72.

ста тысяч голов и захватили их... Поход наш прозвали походом за баранами»⁴⁵.

Как правило, со времени формирования казахского ханства каждый батыр, выявив свои возможности в боях и собрав вокруг себя определенное количество вооруженных конников, организовывал нападения на аулы и роды под предлогом сведения старых счетов за грабеж или обиду отца, деда, сородича и т. д. В свою очередь ни одно из нападения не проходило безнаказанно. Об аналогичных взаимоотношениях в обществе древних германцев Тацит говорил, что всякий вождь держал при себе отряд людей, которые были к нему привязаны и за ним следовали. Между ними существовало удивительное соревнование в приобретении отличий у своего вождя, и такое же соревнование существовало между вождями в отношении числа и храбрости их спутников⁴⁶.

Подобная картина жизни характерна и для казахских кочевников XV—XVIII вв. «Экономическое благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или другого казахского рода; оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадало на долю родов, военно-разбойническая организация которых оказывалась более развитою... Оно могло держаться в степи лишь в пределах того крайнего минимума, какой был необходим в продовольственном смысле, как материальное обеспечение войнолюбивого «батырства» степных предводителей»⁴⁷.

Казахи, кочевавшие на территории Арало-Каспийского бассейна и р. Сыр-Дарьи, еще до второй половины XIX в. жили так же, как в XV—XVIII вв. жил весь казахский народ. Взаимоотношения различных казахских родов являли собой кровавые межплеменные столкновения. Их грабили и враждебные соседние народы. Например, султан Арунгазы сообщает, что «на урочище Малые Барсуки близ р. Сыр-Дарьи, февраля в 25 день 1820 г. Мухаммед-Рахим-хан, внезапно явившись с силой, состоящей приблизительно из 10 000 человек, в качестве ее руководителя и для поддержки Жакаш-султана Ширгазы-улы, совершил набег на беспечно живущий подвластный мне народ и на меня и разграбил много скота, скарба и имущества, перебил много людей, большинство женщин и девиц угнал в плен...»⁴⁸.

В докладной записке оренбургскому военному губернатору в 1821 г. сказано: «Султан Маненбай, предводительствуя

⁴⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 200—201.

⁴⁶ Ш. Монтегье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 657.

⁴⁷ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 133.

⁴⁸ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 403.

1000 хивинцев... доходил даже до правого берега Сыра... и грабил всех казахов, чумекейцев, аргынцев и дюрткаринцев, кочевавших между Куваном и Сыром и объявивших себя преданными Арунгазы Абулгазиеву»⁴⁹. В документе, датированном 1825 г., сообщается, что «разграбление в степи казахов, от линии кочующих, было произведено только казахскими родами, приверженными (султану) Каратаю... Причем побито оных, как говорят, до 100 человек, в плен взято до 60-ти, но до прибытия на линию часть из оных освобождена Каратаем, а 37 отосланы в Уральск; похищено от 2000 до 3000 лошадей, большое количество верблюдов и 15 000 или 20 000 баранов... Каратаем некоторое количество добычи разделено между приверженными ему казахами, большую же часть оной оставил себе»⁵⁰.

По данным отчетов Оренбургской пограничной комиссии видно, что в конце апреля 1851 г. 600 казахов тляукабакского рода под предводительством сына известного батыра Исата Котибарова напали на казахов адаевского, иссыкского и тазовского родов, прикочевавших с Мангышлакского полуострова в Кара-Кумы, и разбили у них 15 аулов, захватив 200 верблюдов, 100 лошадей, 300 баранов и несколько женщин; в том же году казахи чумичли-табынского рода разграбили аулы тазовского рода, отбили 5 верблюдов, 200 лошадей и убили несколько человек; казахи назаровского, чуреневского и каракиякского родов отогнали у казахов черкесского рода, кочевавших на урочище Тойсуйгане, 300 лошадей, причем в схватке тоже было убито несколько человек; казахи дюрткаринского и кичкене-шектинского родов барымтовали у казахов шомекеевского и джапасского родов, кочующих на правом берегу Сыра, причем с обеих сторон было убито до 50 человек и т. д.⁵¹

Обычно в таких случаях боеспособные мужчины аулов быстро группировались на лучших лошадях для оказания посильного сопротивления неприятелю. Но это не всегда удавалось. Тогда шанс на спасение был только в бегстве. Казахская пословица, сложившаяся в таких обстоятельствах, гласит: «От неприятеля можно спастись бегством, от джута — откочевкой» («Қашқан жаудан, көшкен жұттан құтылады»). Людей, которые показывали в этих условиях мужество, ловкость в схватке с врагами, кочевники называли «батырами». Повседневная боевая жизнь выдвинула немало батыров, известных в истории казахского народа.

⁴⁹ Там же, стр. 371.

⁵⁰ Там же, стр. 478.

⁵¹ А. Рязанов. Прошлое Кзыл-Орды (Ак-мечеть). «Советская Киргизия», 1925, № 5—6.

Так, одна из наиболее многочисленных родовых групп Младшего жуза бекет выдвинула из своей среды батыра Кетебая. Эта родовая группа в середине зимы 1840 г. находилась в Кзыл-Кумских песках в местности Зангартау. Внезапно сообщили, что приближается многочисленное кокандское войско. Аулы моментально собрались и снялись с места. Все мужчины верхом на лошадях направились навстречу неприятелю. В данный период у родовой группы был один старый батыр брат Кетебая — Мырзабай. У Мырзабая был 20-летний сын Ходжеке, но его не уважали в ауле из-за вздорного характера. Казахи вступили в бой с кокандцами, в котором отличился Ходжеке. Благодаря его героизму враги отступили. Аулы родовой группы были спасены. С этого момента Ходжеке Мырзабаева стали называть батыром. О людях, подобных Ходжеке Мырзабаеву, А. Харузин писал: «Предводители барымтачей отличаются смелостью, сметливостью и умением владеть тяжелым и неудобным казахским вооружением; их ловкость выходит нередко за пределы вероятного и часто в степи встречаются батыры и джигиты, которые сбрасывали пикой с лошадей десятки наездников, не причинив им ни малейшей царапины»⁵².

Р. Л. Золотницкая в статье к работе Н. А. Северцова «Путешествия по Туркестанскому краю», касаясь его пленением весной 1858 г. кокандскими казахами под предводительством батыра Дащана, пишет: «Дащан восхищал его удалством, ловкостью, силой и находчивостью. По собственному выражению Северцова, этот батыр вызвал в нем такой же интерес, как у натуралистов древние, вымирающие породы животных»⁵³.

Патриархально-феодалные столкновения, грабительские нападения батыров одних казахских родов на другие, раздоры с такими внешними врагами, как джунгары, ногайцы, кокандцы, хивинцы породили осуждающие народные выражения: «Разобщенные и разногласные батыры» («Интымақсыз, алауыз батырлар»); «Вместе с врагами разграбившие отца батыры» («Әкесін жау шапса, бірге шапқан батырлар»).

О такой жизни казахских кочевников было известно и русскому правительству. В одном из документов за 1734 г. записано: «С той обиды все те киргиз-кайсацкие орды с зюнгарскими калмыками в непрестанной войне и могли бы тех калмык одолеть, ежели бы обще согласились, а у них один хан с войной пойдет, а другой оставляет, и так свое

---

⁵² А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, вып. I, СПб., 1889, стр. 75.

⁵³ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947, стр. 22.

владение у калмыков теряет»⁵⁴. Об этом же говорилось в документе 1821 г.: «Все казахи теперь чувствуют свое бессилие и приписывают оное внутренним раздорам. Мы оттого слабы, говорят они, что всякий из нас хочет быть начальником»⁵⁵. Это показатель того, что казахи не имели объединяющей власти или какой-либо национальной организации, поэтому, как правило, каждый род в борьбе с внешним врагом располагал лишь собственными силами.

Взаимная вражда настолько ослабляла казахов, что они не могли противостоять нападениям соседей, располагавших вполне организованными вооруженными силами. Разумеется, эти многочисленные кочевые племена еще не обладали общенародным, тем более национальным самосознанием. Военно-кочевая жизнь с господствовавшим положением батыров была каким-то заколдованным кругом, из которого не было выхода без внешнего толчка. Подобные условия социально-экономической жизни обрекали веками на нищенское существование народ и являлись непреодолимым препятствием на пути прогресса и развития производительных сил общества.

Тяжелые условия жизни казахского народа отразились в ряде легенд. Одна из них популярная легенда об «Асан-кайге». В ней дан образ мудрого старца, который горевал о тяжелой доле народа и искал для него благодатную землю (жер ұйық), где он мог бы зажить спокойно и счастливо. Но такой земли Асан-кайге найти не мог, так как все роды постоянно враждовали. Он с горечью всегда повторял слова: «Как может существовать и защищаться от бурана кулан, если он не имеет ни гривы, ни хвоста, а как существовать змее без рук и без ног». Надо полагать, что под образом Асан-кайги подразумевался казахский народ.

У патриархально-феодальной верхушки военно-кочевого общества имелась своя мораль, оправдывавшая насилие и самоуправство. Она была такова: кто силен, тот должен показывать свое превосходство, совершая насилие над слабым; кто батыр, тот должен демонстрировать свою силу, грабя трудящихся как чужого, так и своего рода; кто богат, тот должен показывать свое могущество над бедняками. Люди кочевого общества только так представляли себе сильных, храбрых и богатых. С точки зрения господствовавшей воинствующей эксплуататорской верхушки это было вполне нравственно и похвально.

---

⁵⁴ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год, т. I, Оренбург, 1900, стр. 35.

⁵⁵ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 374.

Такова мораль, например, одного из героев казахской лирической поэмы «Кыз-Жибек» — Бегежана. Он любит Кыз-Жибек. Предательски убив ее жениха Толегена, Бегежан приезжает к ней в аул свататься и с гордостью заявляет: «Я в безлюдной степи долго караулил путь Толегена и застрелил его. Я никого не пожалю, так как батыр; убил Толегена и присвоил его коня».

Суровые условия военно-кочевой жизни и постоянная угроза опасности выработали у кочевников известную смелость и решительность. Кочевники закалялись в борьбе со стихией в процессе производства и постоянных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью, физической силой и ловкостью. Постоянно проявляя себя в военных схватках, с течением времени он становился батыром и по существу господином прежде всего того родового отделения, откуда происходил. Наиболее выдающиеся батыры, опиравшиеся на поддержку многолюдного, сильного родового отделения и отличавшиеся искусством военачальника, подчиняли себе дружины нескольких родовых отделений и становились во главе сравнительно крупных войсковых масс. Например, батыры Букенбай, Тленши Букенбаев, Срым Датов, Жоламан Тленшин, Котибар Басенов, Есет Котибаров, Жанхожа Нурмухамедов и др.

Военачальники-батыры занимали господствующее положение и в среде патриархально-феодальной верхушки казахского общества. Зачастую батыр сочетал в своем лице бия и хана. Каждый хан кочевого общества был главным военачальником и распоряжался судьбой народа во время боевых действий. Казахский хан Касым (конец XV — начало XVI в.), узбекский хан Шейбани — современник хана Касыма и моголистанский хан Султан-Саид были батырами⁵⁶. Казахский хан Абулхайр был избран представителями трех казахских жузов верховным предводителем объединенных военных сил, выступивших против джунгаров после страшного в истории казахов 1723 г. Батыром был и хан Аблай, который в начале участвовал во всех набегах как рядовой воин, а затем показал подвиги необыкновенной храбрости⁵⁷. В документах, касающихся личности султана Арунгазы и его отца султана Абулгазиза Каипова, отмечается, что они были батырами. «Образование его (Арунгазы) азиатское: примеры храбрости и мужества отца его на Сыр-Дарье, уверенность, что одними только воинскими подвигами мог он приобрести право на наследие, право на покорение и возвы-

⁵⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 160.

⁵⁷ Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 9.

шение в Орде, побудили его почесть главнейшим в образовании искусство управлять конем, луком и саблею. Сабля его, которую я имел случай видеть, есть чрезвычайной доброты и редкого булата»⁵⁸. Подобными личностями были все известные в истории казахские ханы и султаны. Этим же объясняется, почему султана, бывшего ханом в шомекеевском и кетинском родах в 40—50-х гг. XIX в., Еликеея Касымова, правнука Ерали, величали батыр Еликей.

Об особо почетном положении батыров в обществе свидетельствуют и собственные имена казахов. Султан, современник хана Абулхаира, отец которого по имени Каип был ханом Хивы, имел имя «Батыр». Казахи нередко называли своих детей: Батыр-хан, Батыр-бек, Батыр-бай, Батыр-жан, Сар-батыр, Кара-батыр и т. д. Наше мнение подтверждают и факты, приведенные С. А. Фуксом. Он пишет: «По словам Левшина, и в XVIII в. казахи требовали от хана прежде всего «храбрости и подвигов мужества». Рычков и Тевкелев заявляли, что объем власти хана зависел от его воинских доблестей. О Касyme и Тевкеле современные восточные авторы писали прежде всего как о вождях, которые славились храбростью по всему Дешт-и-Кипчаку»⁵⁹.

Анализ материалов, характеризующих кочевое общество казахов в XV—XVIII вв., дает возможность считать, что батырство возникло вместе с переходом кочевых скотоводов от патриархально-родовой стадии развития к патриархально-феодальной, от бесклассового общества к классовому. Оно было постоянным спутником и надежной опорой казахского кочевого ханства. Без батырства немыслимо существование самого кочевого хана, как главного батыра. Правильно указывал историк ад-Хорезми, что сам титул хан означает предводитель или батыр. «Хаган — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шахиншах»⁶⁰. Поэтому нельзя признать правомочным утверждение С. В. Юшкова, что только борьба казахов с джунгарами в конце XVII и начале XVIII в. выдвинула на общественную арену батыров, как новый социальный слой феодалов⁶¹.

Все данные красноречиво говорят о том, что до присоединения казахских жузов к России полуфеодальная и сама по

⁵⁸ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 379.

⁵⁹ С. А. Фукс. Некоторые вопросы истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия юридическая», 1951, вып. 3, стр. 100.

⁶⁰ См.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 218.

⁶¹ С. В. Юшков. Об основных моментах истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4, стр. 55—56.

себе слабая власть над народом предводителя рода — бия, султана или хана была более реальной в том случае, если хан, султан и бий были батырами. Влиятельный батыр во многих случаях мог распоряжаться имуществом и скотом «своего» родового отделения, так как выступал его защитником, покровителем и предводителем.

В той исторической обстановке жизни казахских кочевников неустойчивость их хозяйств была результатом не только полной зависимости экстенсивного пастбищно-кочевogo скотоводства от стихийных сил природы, но и постоянно го ограбления и угона скота. Старинная казахская пословица гласит: «Скот на самом деле принадлежит лютому бурани и сильному врагу» («Мал айдаса жаудікі, ысқырса желдікі»). Об этом рассказывают и легенды монгольских кочевников, относящиеся к эпохе до и после Чингис-хана. В них говорится, как батыр, мстя за смерть брата, убил обидчика, угнал его народ вместе со скотом и собаками, захватил его золото и серебро, отца его заставил собирать аргысин и пасти скот, а мать — доить коров и выносить золу или же батыр убивает убийц и затем берет себе в услужение их семьи, кого в пастухи, кого в стряпухи⁶². Об аналогичных условиях жизни помнят и якуты: «В старину мы не знали ни законов, ни бога... Кто был сильный, тот был и правый...»; «В старину люди постоянно между собой воевали, отнимали друг у друга скот, уводили женщин. Кто что хотел и мог, то и делал...»⁶³.

Принцип хозяйничанья батыров точно передан в казахской пословице: «Если хозяин даст — батыр возьмет из его рук, если не даст, то сам возьмет» («Берсе қолынан, бермесе жолынан алады»); «Батыр и волк найдут пищу на дороге» («Ер азығы мен бері азығы жолда»). Поэтому ясно, почему столь велика была роль батыра в кочевом обществе казахов.

Идеология военно-кочевого общества казахов отразилась и в казахских пословицах. Одна из них: «Молодежь сильного аула называет друг друга батырами, а молодежь слабого аула называет друг друга бабами» («Өскен ауылдың баласы бірін бірі батыр дейді, өшкен ауылдың баласы бірін бірі хатын дейді»). Именно этими социально-экономическими условиями был порожден и героический эпос народа. Вся жизнь проходила во «взаимных грабежах, в грубых насилиях при почти полном господстве батыров.

Казахское батырство в период присоединения казахских жузов к России являлось самой реакционной и влиятельной прослойкой племенно-феодальной и военно-кочевой знати.

⁶² И. А. М а л и н о в с к и й. Начальная страница из истории смертной казни. (Кровавая месь). «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909. стр. 206.

⁶³ Там же, стр. 207.

Акын Базар из рода балхы, живший в середине XIX в., красочно и правдиво воспевал героизм казахских батыров.

Никому не суждено жить вечно.
Ушли из жизни такие батыры —
Вооруженные всегда (они)
Врагу были грозой,
При встрече с противником,
Как озлобленный верблюд,
Вступали в бой.
От одиночества не скучали,
Зеленый флаг поднимали,

Мына шолак дүниедең,
Ер елмейді дер едім.
Тапса теңін тайласқан.
Еменнен найза сайласқан.
Кіжінген кекті жауына,
Азу тісін қайраған.
Қарсы келген дұшпанмен,
Қарт бурадай лайнасқан.
Жалғыз жүрсе қуанған.
Қолына жасыл ту алған.
Найзасын қарға асынып,
Алмасын қарға суарған.

Полные исполинских сил и
героизма,
Овеянные славой в народе,
Свергали неугодных им ханов,
Могли кушать в неделю раз,
В течение короткого дня
Могли сорок раз вступать в бой—
Тоғанас, Есет, Қстаубай,
Жанхожа, Сейіл, Бұқарбай.

Құланды қақтан қайырған,
Ордадан бөкенді айырған.
Қанадан асып кайраты,
Байтаққа даңқы жайылған.
Ересікен хандарды,
Алтын тақтан айырған.
Жетіде тағам бір татқан.
Қысқа күнде қырық шапқан.
Тоғанас, Есет, Қыстаубай,
Жанхожа, Сейіл, Бұқарбай⁶⁴.

Балхи Базар-акын.

В эпоху расцвета батырства народная масса казахских кочевых ханств систематически подвергалась насилию. Общественно-экономическая жизнь казахского народа в этот период характеризовалась грабежом слабых и беззащитных, алчностью, грубой страстью к наслаждениям. Все гнусные средства, как насилие, разбой, воровство, обман, измена и эксплуатация человека человеком были в ходу. Это привело к разобщенности и раздорам как внутри родов, так и между отдельными родами.

Хозяйство казахских кочевников до конца XVIII в. было натуральным. Торговля у них в основном сводилась к обмену скота и рабов на различные предметы. В этом обществе пока оно оставалось кочевым не было достаточных социально-экономических условий для созревания существовавших и появления новых прогрессивных классов, могущих развивать дальше производительные силы. Патриархально-феодалная верхушка кочевого общества казахов была не в состоянии не только ликвидировать отсталость, но и выдвинуть задачу какого-либо общественного прогресса.

Для выхода из такого положения следовало прежде всего изменить политическую обстановку в стране путем ликвида-

⁶⁴ Из рукописных материалов известного собирателя народного фольклора Алькуата Кайнарбаева. Архив Ин-та литературы АН КазССР.

ции батырства, изменить хозяйственную жизнь, сочетав скотоводство с земледелием, постепенно преобразовать систему экстенсивного пастбищно-кочевого скотоводства с его родовым бытом путем перехода к оседлости. Но казахские кочевые племена в тех социально-экономических условиях, в которых находились, не могли сделать ни того, ни другого собственными силами, без свежей прогрессивной струи извне, точнее, без присоединения к России.

Связь с Россией казахи стали поддерживать с конца XVI в. Этому особенно способствовало приближение границ русского государства к казахским кочевьям после завоевания им Казанского, Астраханского ханств и Сибири. С тех пор граница между Россией и казахскими степями на западе проходила по р. Урал, а на северо-востоке — по р. Иртыш.

В это время шла постоянная война между казахскими и бухарскими ханами. Бухарский хан Абдулла совершил несколько разорительных походов против казахов. Надпись на скале в Джизакском ущелье свидетельствует об одном из таких походов, происходившем в 1571 г.⁶⁵ Спустя некоторое время ответное нашествие на владения Бухарского ханства совершил казахский хан Тевеккель (Таукель). Он доходил до Самарканда. Но военный успех кочевого казахского хана не привел к приобретению новых земель и оседанию населения, что могло бы явиться толчком для экономического развития. Войны, которые вела верхушка казахских кочевников, никогда не имели характера больших завоевательных походов и цели приобретения новых территорий. Они были скорее военными набегами с целью угона скота, взятия пленных и грабежа имущества. Такие набеги под названием «барымты» постоянно происходили между отдельными жузами, племенами и родами. Нападения на соседей были той же барымтой, но только более крупного размера⁶⁶.

Однако нужно отметить, что рутинное в своей основе кочевое общество казахов достигло наивысшего уровня развития в период с конца XVI до конца XVII в. Это было обусловлено тем, что патриархально-феодалная верхушка казахов, распространив свое влияние на часть территории оседлого земледельческого населения Мавреннахра с городами Ташкентом и Туркестаном, а также на смежную с кочевьями ка-

---

⁶⁵ Акад. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 25.

⁶⁶ П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 13.

захов территорию Сайрама и Таласа, эксплуатировала их и получала от них продукцию земледелия и ремесла в виде дани, грабежа. В результате XVII в. в истории казахского ханства был периодом его относительного подъема, несмотря на периодический урон кочевого скотоводства от джутов, глубокую нужду и разорение широких народных масс в страшной войне с соседними народами.

«От времени до времени среди казахов появлялись могущественные ханы, которым иногда удавалось подчинить себе и восточных соседей — киргизов (потом известных под названием каракиргизов), но ни казахам, ни киргизам не удалось достигнуть прочного политического объединения, возможного для кочевников только при условии обширных завоеваний в культурных странах. Казахские ханы могли подчинить себе только пограничные местности культурного Туркестана, причем и за эти местности им постоянно приходилось вести борьбу с узбекскими ханами, иногда и местным населением, во главе которого становились представители сословия ходжей...»⁶⁷.

С конца XVII в. наступает более мрачный период в истории казахского народа. Это было время упадка, разложения кочевого хозяйства и военного поражения казахского ханства. По всем данным, если бы казахские жузы не присоединились к России, этот период мог бы кончиться истреблением и расчленением казахского народа между враждебными оседлыми и полукочевыми соседями, как это случилось с ногайцами и джунгарами.

Передовые люди казахского народа еще в конце XVI в. стали понимать безвыходность создавшегося положения казахских кочевых племен, всю губительность для народа существовавших враждебных взаимоотношений с соседями и невозможность преодоления их своими собственными силами. В то же время растущее могущество русского государства обращало на себя внимание этих людей, они полагали найти выход из создавшегося своеобразного исторического тупика в подданстве России.

Первой попыткой осуществить это желание была посылка в 1594 г. казахским ханом Тевеккелем посла в Москву с предложением принять подданство России, а также с просьбой освободить находящегося там в плену племянника Ураз-Магмета. «Феодор с 1595 года объявил себя владыкою и многолюдной Орды Киргизской... обещал Тевеккелю милость,

⁶⁷ Акад. В. В. Бартольд. Указ. работа, стр. 98.

защиту и снаряд огнестрельный»⁶⁸. Но из-за территориальной отдаленности русское правительство тогда не могло оказывать помощи казахскому ханству как своему подданному. Поэтому взаимные намерения остались неосуществленными.

Как следовало ожидать, социально-экономические и внешнеполитические условия казахских жузов в дальнейшем еще более осложнялись. В 1694 г., т. е. через 100 лет после направления первого посла к русскому царю, казахский хан Тявка (Тауке) принял в г. Туркестане русского посла. Петр I, осведомившись о желании казахского хана, поручил сибирскому губернатору Тагарину наладить связь с казахскими жузами и помочь им в борьбе против Джунгарии, что им и было сделано. В 1717 г. казахские ханы Тауке, Каип и Абулхайр обещали во всем повиноваться России. Но казахи подданства России на сей раз не приняли из-за разногласий между правителями жузов.

Вечные ссоры и раздоры между ханами и родоправителями-батырами и биями сопровождались дальнейшим усилением грабительских набегов на соседние народы. Это ослабляло единство казахских жузов, разоряло население и еще больше усиливало ненависть соседей.

Воспользовавшись этими обстоятельствами, джунгарский властитель Галдан-Церен в 1723 г. нанес страшный удар казахским жузам, истребил массу людей, опустошил их кочевья и угнал скот. Казахское население бежало в панике. Большая часть населения укрылась в Средней Азии. Это ужасное событие надолго сохранилось в памяти казахского народа как год «великого бедствия».

Это массовое бегство (Ақтабан шұбырынды — буквально босоногое бегство) совершалось в сильной нужде. Люди шли пешком через пустыни и степи, умирали от жажды и голода, бросали престарелых родителей и малолетних детей. В этих страшных условиях народом была создана трагическая песня «Қаратаудың басынан көш келеді», в которой говорится: «Как тяжела разлука с родными, градом льются слезы из черных очей».

В результате бегства Старший жуз дошел до Ходжента, Средний — до Самарканда, Младший — до Хивы и Бухары. Общее бедствие вследствие нападения внешнего врага на время примирило племенно-феодальную и военно-кочевую казахскую знать трех жузов. На всенародном собрании представители трех жузов поклялись забыть обиды и объединен-

---

⁶⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского т. X, М., 1903, стр. 89.

ными усилиями выступить против общего врага казахского народа. Предводителем был избран хан Абулхаир⁶⁹. Преисполненные единодушного желанья отомстить джунгарам, казахи выступили в 1729 г. и в основном заняли свои прежние кочевья, отеснив джунгар на восток до горы Каратау и за р. Сары-Су.

Такое единство и сплоченность между племенами и родами казахских жузов было кратковременным. Вскоре начались вновь раздоры между жузами, племенами и родами, что опять было на руку Галдан-Церену. Племена и роды Среднего жуза удалились на север к российской границе и заняли под свои кочевья земли от р. Орь до р. Уй; племена и роды Младшего жуза стали кочевать на территории от Приаральских Кара-Кумов вплоть до Мугоджарских гор, приблизившись к границе России, а племена и роды Старшего жуза, оставшиеся в основном на прежних местах, почти все были покорены джунгарами.

Младшему жузу и на новом месте было беспокойно. Он непрерывно воевал с хивинцами, калмыками и башкирами. Благополучие населения с каждым годом ухудшалось. Люди гибли во время военных столкновений, теряли свое основное средство производства и единственный источник средств существования — стада и табуны. Положение казахских племен было аналогично положению ногайцев в XVI в. Ежеминутно ожидавшие нападения враждебных соседей и несущие на своих плечах всю тяжесть внутренних междоусобиц, казахские кочевники дальше не могли оставаться в таком положении.

Нищета народных масс неизмеримо усилилась, экономика кочевого общества пришла в упадок. Казахский народ жаждал мирной жизни и искал выхода из обострившегося политического и хозяйственного кризиса. Передовые люди казахского общества, заботившиеся о судьбе народа, мудро поступили, указав единственно верный путь для выхода из этого состояния — принятие подданства России. Первым человеком, который сделал решительный шаг в этом направлении, был завоевавший популярность во всех трех казахских жузах в год «великого бедствия» хан Младшего жуза Абулхаир.

Его историческая заслуга состоит в том, что, будучи ханом-батыром, представителем племенно-феодалной и военно-кочевой казахской аристократии и не забывая о своих классовых и личных интересах, он явился инициатором добровольного присоединения казахских жузов к России, кото-

---

⁶⁹ И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 19.

рое открывало перспективу исторического развития для казахского народа.

Казахское общество совершило большой прогрессивный шаг по пути перехода от чисто кочевого скотоводческого общества к более высокой ступени общественного развития. 23 мая 1851 г. в письме К. Марксу Ф. Энгельс писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁷⁰.

Абулхаир учел, что, приобретая спокойствие для подвластного ему народа, он сразу выдвинется среди других ханов, будет самым влиятельным и самым любимым властелином кочевников. «Но обеспечить мир и спокойствие в стране, где царил анархия и насилие и где стоны и плач оглашали воздух, и кровь лилась рекою, можно только добившись покровительства и защиты такой могущественной державы, какою уже в то время была Россия»⁷¹. Абулхаир в сентябре 1730 г. отправил письмо императрице Анне Ивановне с просьбой принять его с подвластными ему людьми в подданство. Официальным ответом на просьбу Абулхаира была жалованная грамота императрицы хану от 19 февраля 1731 г., которой разрешалось принять Младший жуз в подданство⁷².

Историческая заслуга Абулхаира состояла прежде всего в понимании им критического положения народа и стремлении принять подданство России.

Он совершал этот знаменательный шаг с небольшим количеством приверженцев, руководствуясь горячим желанием жаждавших мирной жизни народных масс, своим убеждением и не считаясь с враждебным отношением к этому прогрессивному стремлению многочисленных реакционных султанов и батыров кочевого казахского общества. Чтобы принять подданство России, он пренебрег так называемыми народными обычаями и старыми традициями изживавшей себя «военной демократии» казахов. Этот факт был зафиксирован еще в документе 1734 г. «Абулхаир-хан изо всех киргиз-кайсацких ханов — знатный и умный человек, имеет одну жену и от нее пять сынов (из которых один здесь). Он, будучи между таким вольным и, почитай, диким народом, сам в подданство ее императорского величества пришел и не токмо одних своих подданных склонил, но и каракалпац-

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

⁷¹ И. И. Крафт. Указ. работа, стр. 20.

⁷² См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.» Сб. документов. Алма-Ата, 1961, стр. 36, 41.

кого хана со всем народом к тому подданству привел, да через него же пересылки, и Большая орда прислала о подданстве просить, и сам желает, чтобы российский город близ его владения у устья Орь реки, впадающей в Яик, сделать, где обещает временем жить и службу свою оказывать»⁷³. Об этом же говорил сам Абулхаир на собрании старшин Младшего и Среднего жузов 4 марта 1742 г. Противоборствуя желаниям этих старшин, он заявил: «Он, Абулхаир-хан, сию благодать и неизреченное сокровище им, киргиз-кайсакам, нашел один и без них всепощаднейше просил ее и. в., чтоб как его, Абулхаир-хана, так и всю киргиз-кайсацкую орду соизволила всемилостивейше указать принять в подданство Российской империи; и потому ее и. в. всемилостивейше соизволила повелеть для принятия их в подданство и к присяге привести прислать мурзу Тевкелева, который в 1731 г. и был». «Киргиз-кайсацкие старшины были недовольны... зло с ним поступали и крайние делали досады, представляя то, что для чего Абулхаир-хан без их совету и согласия оное учинил и просил быть в подданстве»... Далее он говорил: «Он, Абулхаир-хан, на оное поступил не для себя, но для пользы и спокойного жития всего киргиз-кайсацкого народа»⁷⁴.

Все исторические документы говорят о том, что Абулхаир не был выскочкой, который воспользовался лишь благоприятным моментом, как изображали его в своих различных донесениях чиновники оренбургского генерал-губернаторства, повторявшие клевету, возводимую на Абулхаира его ярыми врагами.

Эти крайне реакционные казахские султаны, бии и батыры были против присоединения казахских жузов к России и боролись за сохранение устоев патриархально-феодального, военно-кочевого общества. Они были противниками всего нового и прогрессивного в жизни казахских кочевников⁷⁵.

Несмотря на отрицательные черты характера Абулхаира — вспыльчивость, высокомерие, в чем его чаще всего упрекали враги, его стремления и дела были прогрессивными. Это видно из того, что он не ограничился формальным при-

⁷³ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год, т. I, Оренбург, 1900, стр. 35—36.

⁷⁴ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751 гг.)». (Макет), т. II, ч. 2. Под ред. М. П. Вяткина, Алма-Ата, 1948, стр. 222.

⁷⁵ «К зиме 1732 г. старшины Младшей и Средней орд, недовольные принятием русского подданства Абулхаиром, сгруппировались вокруг султана Батыра». М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941, стр. 130.

нятием российского подданства, а был горячим сторонником широкого распространения влияния России в казахской степи. По просьбе Абулхаира и при его активном участии в 1735 г. был основан г. Оренбург. Очевидец П. И. Рычков писал: «Между прошениями Абулхаира-хана главное было то, чтобы при устье реки Орь построен был российский город»⁷⁶. Абулхаир добивался строительства городов и в других местах Казахстана. «На устье же этой реки (Сыр-Дарья) находятся развалины старинного города Джанкента, о котором Абулхаир-хан казахский просил, чтобы его возобновить, которое место по тому его ханскому прошению и осмотреть было повелено»⁷⁷. Это имел в виду М. А. Терентьев, когда писал: «Давно сами казахи звали нас на р. Сыр. Им хотелось иметь среди своих кочевок опорный пункт против набегов соседей, хотелось иметь рынок, где бы они могли приобретать мануфактурные изделия, сбывать свое сырье»⁷⁸. Такое желание Абулхаира и его сторонников диктовалось не только внешнеполитической обстановкой, в которой находились казахские кочевники Младшего жуза, но и острой политической борьбой с реакционной верхушкой кочевого общества, выступавшей против присоединения казахских жузов к России.

Это исторически справедливое желание Абулхаира из-за сложности процессов присоединения казахских жузов к России фактически исполнилось только спустя более ста лет, т. е. в 1847 г., когда было построено Раимское укрепление, переименованное затем в Аральское, а в 1853 г. перенесенное на новое место под названием форт № 1 (Казалинск).

Принятие казахами Младшего и Среднего жузов подданства России⁷⁹ дало им возможность кочевать у границ Российской империи. Это обстоятельство, а также появление русских крепостей, впоследствии ставших городами, и строительство Оренбурга явились надежной защитой для казахских племен и родов от главного их врага — Джунгарии.

Как отмечает П. И. Рычков, в 1740 г. джунгарский владетель посылал на казахов две партии войск, каждую по 10 тыс. человек. Они вторглись в пределы казахских жузов, истребили много людей, захватили массу скота и пленных. Этому грабежу подверглись аулы хана Среднего жуза Абул-

⁷⁶ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 105.

⁷⁷ См.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рыčkова, Э. Я. Эверсмана, С. С. Неуструева». М., 1949, стр. 65.

⁷⁸ М. А. Терентьев. Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах. «Записки ИРГО по отделению статистики», т. IV, СПб., 1874, стр. 2.

⁷⁹ Хан и султаны Среднего жуза вскоре отказались от подданства.

мамбета и султана Аблая. Сам Аблай попал в плен. Джунгарское войско преследовало бежавших к русским границам казахов до самой Орской крепости. Движение джунгарского войска по просьбе Абулхаира было приостановлено начальником крепости, который заявил, что казахи являются подданными Российского государства и находятся под его защитой⁸⁰.

Неизвестно, чем бы кончилось для казахов наступление джунгаров, если бы не вмешались пограничные власти России. Очевидно, казахам пришлось бы не лучше, чем в 1723 г. Для них был возможен исход войны, как в 1758 г., когда Цинское правительство воевало с джунгарами, после чего Джунгария как государство перестало существовать. О реальности подобной угрозы один из прогрессивно настроенных казахских биев — современник хана Абулхаира. Тлепберген в 1750 г. говорил: «На сих-де наших кочевьях прежде нас кочевали ногайцы..., токмо от своего непослушания и несогласия получили себе разорение и гибель и кочевья их остались все пусты. Потом також и мы имели свое кочевье около Туркестана, откуда уже умерший наш Абулхаир-хан с нами сюда прикочевал, и для лутчаго нашего спасения он достаточным своим разумом удостоил нас быть в подданстве ее и. в., где и в последнее нападение на нас от джунгарских калмык Сарыманджи мы живот свой около Орь и по Янку спасли; а ежели-де в то время такое высочайшее защипение от ее величества над нами по отдаче Абулхаир-хана сына своего, Ерали-салтана, не было, то б-де и мы давно уже с обеих сторон изогнаны и разорены были бы вовсе»⁸¹.

Мнение Тлепбергена совпадает со словами ханши Попай — жены Абулхаира, высказанными на собрании старшин Младшего и Среднего жузов двумя годами раньше. Она заявила: «Киргиз-Кайсацкая орда чего никогда не имела как ее и. в. высочайшую милость себе получила: 1. Спокойное житие, 2. Никакой неприятель на них отважно не нападает и имеют себе немалую оборону. Токмо они, киргиз-кайсацкий народ, сами не чувствуя такую великую ее и. в. милость, всегда делают продерзости и Абулхаир-хана приводят в стыд и его, яко своего владельца, не принимают и не слушают. Ныне же сын их содержится в аманатах и надлежит другим сыном переменить, понеже-де не токмо человек, но и зверь к своим детям жалость имеют, и они, также как и другие, детей своих любят, а Абулхаир-хан детей своих в аманаты отдает не для поступок и не ради неверки своей и де-

⁸⁰ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 25.

⁸¹ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751 гг.)». (Макет), т. II, ч. 2. Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата, 1948, стр. 346.

тей его, но для непостоянства киргиз-кайсацкого народа из обычая»⁸².

В присоединении казахских жузов к России не были заинтересованы как Джунгария, так и реакционные элементы казахского кочевого общества. Джунгарские военачальники, опасаясь России, как отмечает П. И. Рычков, не могли продолжать наступление на казахов, а всячески стремились привлечь на свою сторону казахских султанов и батыров. Так, после смерти Галдан-Церена, сын его — Цевень-Даржа-Намжи сделал предложение дочери Абулхаир-хана, но это сватовство не состоялось в связи со смертью ханской дочери⁸³.

Раздоры и политическая борьба между казахскими ханами, султанами, биями и батырами после принятия российского подданства Младшим жузом еще более усилились. Центральным вопросом во всех политических интригах стал вопрос о присоединении казахских жузов к России. Представители русского правительства не могли понять основной причины вражды в казахской степи и приходили порой к неверному заключению, что якобы русское «правительство приняло ошибочную систему управления новым, подвластным ему народом и стало действовать наперекор исконным обычаям и понятиям казахов»⁸⁴. Эта ошибочная точка зрения в дальнейшем привела также к неправильному утверждению, что «государственные люди того времени не знали, что Абулхаир был признан ханом лишь небольшим числом поколений и по своему происхождению не принадлежал к дому, который бы пользовался влиянием и почетом среди казахского народа. Оттого и вышло, что Абулхаир и его потомки, даже если бы и желали, но не могли выполнить данных правительству обещаний: охранять границы и торговые караваны в степи, давать в случае надобности вспомогательные войска из казахов и уплачивать установленный ясак»⁸⁵.

Данная трактовка как вопроса о принятии Абулхаиром российского подданства, так и возникших в этот период в большинстве овоем реакционных движений и выступлений в казахской степи после принятия российского подданства Младшим, а затем Средним жузами была характерна для всех, кто писал историю казахов в XIX и начале XX в. По-

⁸² Там же, стр. 222—223.

⁸³ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 25. Возможно, что сюжет казахской лирической поэмы «Кыз-Жибек» появился в эти времена.

⁸⁴ Н. Маев. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 г. «Ежегодник Туркестанского статистического комитета», 1873, вып. II, СПб., стр. 418.

⁸⁵ Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб., 1900, стр. 39.

добное утверждали и некоторые историки в советское время, что привело к неверному толкованию ряда важных вопросов истории Казахстана, связанных с добровольным присоединением казахских жузов к России.

Такие дореволюционные историки Казахстана, как М. Красовский, Л. Мейер, Н. Маев, М. Терентьев, Ф. Любывич и другие придерживались именно этой ошибочной точки зрения. Не понимая сущности общественно-экономического строя кочевого хозяйства казахов и существа казахского кочевого ханства, они приводили свидетельства о нелестных личных качествах Абулхаира, вроде таких, что у него был неуживчивый буйный характер, что он имел незнатное происхождение и т. д. и т. п.

Далее они осуждали решение русского правительства об утверждении ханом после убийства Абулхаира его сына Нурали, что было якобы нарушением «исконного казахского обычая» и потому явилось причиной больших политических интриг среди казахов. Действительная же причина интриг заключалась в том, что в казахском обществе существовали различные реакционные партии, враждебно относившиеся к присоединению казахских жузов к России и считавшие виновниками такого акта Абулхаира и его сторонников. Эти партии в Младшем жузе возглавил связанный с Хивой султан Батыр, в Среднем жузе — султаны Барак и Абулмамбет, связанные с джунгарами. Борьба велась открыто. О ней писал сам Абулхаир в письме русскому правительству от 4 марта 1742 г.: «Барак-султан с находящимся при Абулмамбете Карасакалом, прелятствуя всяким делам, стал на путь разбоя, возглавив его. Абулмамбет-султан, Барак-султан, Карасакал и Батыр-султан — эти четыре — единомышленники. Они, говоря нам «лучше отдать калмыкам своих сыновей и алман (дань), отталкивают журт (народ) от России»⁸⁶.

П. И. Рычков утверждает, что султаны Среднего жуза и Абулхаир постоянно враждовали. Султаны Среднего жуза, гордясь знатностью происхождения, при всяком удобном случае старались унижить как Абулхаир-хана, так и его фамилию, смотрели на него свысока и не терпели его. «Напротив того, Абулхаир-хан, будучи гораздо хитрее и проворнее, а притом признавая себя основателем Оренбурга и всей той пользы, которую киргиз-кайсацкий народ от подданства российского возымел, всячески тщился оных Средней орды владельцев обесславить»⁸⁷.

⁸⁶ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751 гг.)». (Макег), т. II, ч. 2, стр. 30.

⁸⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 109.

Хан Среднего жуза Семеке в 1731 г. по примеру Абулхаира принял российское подданство. «Однако Шемяка (Семеке) скоро опомнился, — писал Л. Мейер, — понимая, что это событие должно слишком возвысить Абулхаира, и потому отклонил своих подданных от России и делал набеги на русские границы»⁸⁸. После смерти Семеке ханом Среднего жуза стал Абулмамбет, который вместе с султаном Аблаем и многочисленными старшинами 24 августа 1739 г. присягнул на подданство России. Несмотря на это, хан Абулмамбет и султан Барак, поддавшись влиянию Джунгарии, стали ее вассалами. Абулмамбет «в 1742 г. из той орды с несколькими улусами откочевал к Туркестану и сына своего джунгарскому владельцу отдал в аманаты, за что получил себе в жительство город Туркестан, где он живет и поныне»⁸⁹. Однако, как отмечает П. И. Рычков, хан Абулмамбет не мог увлечь за собою большого количества людей, видимо, потому, что казахи «ханов своих слушают только тогда, когда хотят или когда видят в том собственную пользу»⁹⁰. Возможно, казахские кочевники в результате вековой кровавой борьбы с джунгарами понимали, что быть их подданными очень опасно. Итак, присяга ханов Среднего жуза Семеке, Абулмамбета и султана Аблая на подданство России была ложной.

Реакционной политической интригой и серьезным проявлением ненависти к новому прогрессивному шагу — присоединению казахских жузов к России было злодейское убийство в 1748 г. хана Абулхаира, совершенное группой султана Барака. Оно явилось результатом организованного заговора султанов Барака, Батыра, хана Абулмамбета и др. Султан Батыр ловко спровоцировал нападение султана Барака на хана Абулхаира, объявив, что якобы последний разграбил посланцев, везших от хивинского хана Каипа (его сына) подарки султану Бараку. Такой довод, надо полагать, заранее был подготовлен для обмана народных масс и оправдания убийцы.

О подрывной деятельности группы султана Батыра против Абулхаира в 1742 г. доносил Неплюеву купец Гок, который долго находился в ауле Батыра. Гок писал, что старшины, приезжая к султану Батыру, «Абулхаир-хана жуют и бранят для чего он, хан, к России приближается и всегда подтверждают, чтобы он с юртами удалялся (пропал)»; да-

⁸⁸ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 7.

⁸⁹ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 25—26.

⁹⁰ Там же, стр. 109.

лее они жаловались, что хан с ними уже не советуется, «за что они намерены его покинуть и прийти под дирекцию его, Батыр-султана»⁹¹.

Барак управлял сильным найманским родом и считался главным султаном в Среднем жузе после хана Абулмамбета. Убив Абулхайра, он откочевал на границу Джунгарии и при поддержке своих единомышленников — султанов и батыров не понес никакого наказания. Однако злодейское убийство борца за добровольное присоединение казахских жузов к России хана Абулхайра вызвало огромное возмущение народной массы и прогрессивно настроенной части биев и батыров.

По сообщению Смаила Абрезякова от 20 ноября 1748 г., султан Барак после убийства Абулхайра посылал своих людей к родоправителям-биям и батырам Среднего жуза, чтобы они избрали его ханом. На такую дерзость Барака родоправители ознакомились, что они не только не изберут его ханом, а готовы отрубить ему голову. Он убил нужного им человека, от которого народ имел огромную пользу. «Он же-де, хан (Абулхайр), сколько для своего собственного, а притом-де и для общего всех их покою и благополучия, и сына своего в аманаты белому царю отдал, через что-де многие знатные и торги произвел и удобные к кочевкам места распространил⁹², также и другия к их народному состоянию увеселения достиг, которыми и до днесь со всяким удовольствием пользуются, почему же они его, Абулхайр-хана, яко знатного и главного почитали. Что же-де касается до убийства его им, Баракком, то же и сам в таком состоянии, как ныне есть, не останется, но, как-де время присплет, головы своея лишиться может... Ныне же-де он, Барак-салтан, кочует на р. Сарасу к Зюнгорской стороне, людей при нем более не осталось уже, как сот с 5 кибиток, ибо-де от времени до времени от него возвращаются в свои улусы, да и оставшие-де при нем такие только, которые ему в убийстве хана помогали»⁹³.

Такое же настроение было и в Младшем жузе. Оренбургский губернатор Неплюев, который недружелюбно относился к Абулхайру, исходя из клеветнических доносов, все же вынужден был сообщить: «И из Чектимского-де роду, собравшись многолюдно, поехали убить до смерти Батыр-салтана, признавая, что то убийство произошло от его, Батыр-салтановых интриг, которого сын Каил был у персидского шаха и

⁹¹ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, стр. 144—145.

⁹² Подтверждение указанного нами факта, что площади кочевания казахского народа в 40-х гг. XVIII в. не уменьшались, а увеличивались.

⁹³ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751 гг.)». (Макет), т. II, ч. 2, стр. 278.

от него в Хиве учинен ханом и сосватал же он, Каип, за себя дочь Барак-салтанову»⁹⁴. Таким образом, Батыр свою дружбу с Бараком в совместной борьбе против Абулхаира подкрепил женитьбой своего сына на дочери Барака.

Если хан Абулмамбет и султан Барак в борьбе против присоединения казахских жузов к России ориентировались на полукочевую отсталую джунгарскую державу, то султан Батыр был тесно связан с враждебной России феодальной Хивой, где ханом был его сын Каип. «Батыр-султан, у коего сын именем Каип в Хиве уже несколько лет ханствует и, обогащая отца своего разными из Хивы присылками, в киргиз-кайсацком народе его подкрепляет, и так уже, что он и народ, придерживавшийся его, Батыр-султана, Нурали-хана весьма мало уважают и от него ничем не зависят»⁹⁵. Следовательно, налицо политическая линия реакционных казахских султанов и батыров, которые стремились сохранить старый военно-кочевой образ жизни казахского жуза при помощи Джунгарии и были тесно связаны с реакционной политической отсталых среднеазиатских ханств, за спиной которых стояли турецкий султанат и Англия.

Политика русского правительства в XVIII в. в отношении племен и родов Младшего и Среднего жузов в основном была направлена на то, чтобы всеми мерами установить «во всех сторонах по обеим сторонам линии народов тишину...»⁹⁶, полагая с течением времени сделать их послушными подданными, доступными для колониальной эксплуатации. Политика умиротворения кочевого общества объективно совпала с коренными интересами казахских трудящихся, жаждавших мира. Военно-кочевое общество казахов с господством батыров вынуждало русское государство к мерам предосторожности. Этим объясняется составление так называемого «Запасного плана» 1744 г., который должен быть приведен в действие, если «со стороны казахов, обнаружатся неприятельские по отношению к России действия»⁹⁷.

От насилия и грабежей батыров страдали как казахское, так и соседнее с ним население. В этот период казахское батырство было злом, которое препятствовало развитию общества, оно являлось одним из политических учреждений, относящихся к надстройке над экономическим базисом патриархально-феодального кочевого общества. Люди в таком обществе жили в постоянном страхе за свою жизнь, свободу и имущество, в условиях самоуправства и произвола. Против этой очевидной исторической правды без всяких доку-

⁹⁴ Там же, стр. 242.

⁹⁵ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 111.

⁹⁶ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 45.

⁹⁷ Там же, стр. 486.

ментальных доказательств выступает С. З. Зиманов. Он пишет: «Попытка представить царское правительство — как силу, заинтересованную в установлении «гражданского мира», оседлости и развитии земледелия в Казахстане, по меньшей мере является наивной»⁹⁸.

Между тем русское правительство понимало, что извлекать выгоду от подданства воинствующего кочевого общества казахов можно при условии, если сначала «вводворить в народ сем благоустройство, утвердить в нем согласие, спокойствие, тишину и общий порядок... Пресечь самоуправство, междоусобия, грабежи и барымты, самим народом признаваемых гибельными, предохранить спасительными средствами от всяких могущих случиться общих бедствий»⁹⁹. Прежде всего было необходимо ликвидировать казахское батырство. Оренбургское начальство считало нужным убедить ханов и родоначальников не допускать усиления батыров для их собственной пользы и установления спокойствия между подчиненными¹⁰⁰. В другом документе говорилось: «Вообще своевольству казахов в степях нет границ: раздоры их между собою, убийства, барымты — бесчисленны, а грабежи купеческих караванов почти совсем остановили ход их»¹⁰¹. Строительство в XVIII и XIX вв. военных крепостей на границе, а затем в самой казахской степи с целью колонизации края объективно играло положительную роль в усилении политического и экономического влияния России на кочевое общество казахов и постепенном изменении их племенно-феодального строя и военно-кочевой жизни. В результате этих мер удалось ввести российскую систему государственного управления среди казахов и избавить их от грабительских войн и набегов, постепенно приобщив к земледелию. Руководствуясь мыслью К. Маркса, высказанной им по поводу взаимоотношений древнего Рима с провинциями, следует отметить, что связь кочевого общества казахов с соседними народами была почти исключительно политической, поэтому она также должна была быть изменена политическими событиями¹⁰². Для преодоления материальной силы требовалось применение также материальной силы.

Русское правительство с первых же шагов присоединения племен и родов Младшего жуза к России столкнулось с неблагоприятной деятельностью казахского батырства. Об этом говорят указы за 1749—1783 гг. В указе от 6 ноября 1749 г.

⁹⁸ С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 25.

⁹⁹ ЦПА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1320, л. 49.

¹⁰⁰ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 319.

¹⁰¹ Там же, стр. 451.

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 22.

отмечалось: «...если казахские батыры увезут людей, угонят скот или совершат грабежи, то в таком случае нужно писать хану с требованием возвращения людей и скота с возмещением убытков. Если же поблизости нет хана, то можно принять ответные меры»¹⁰³. Однако это не устранило столкновений. Набеги на русские селения казахских батыров не прекращались, а усиливались. В результате последовал указ от 18 июля 1760 г., который гласил: «При случаях происходящих от киргиз-кайсак при здешних местах продерзостей, чтоб оные злодеи без отомщения не оставались, отправлять до самых их улусов немалолюдные команды и через оных людям и скоту делать захват»¹⁰⁴.

Слустья 16 лет после этого указа последовал третий указ от 25 июня 1776 г., который требовал: «Киргиз-кайсак, злодейским образом корыстующихся набегами и воровством при здешних местах и остающихся без всякого возмездия, для выручения находящихся в их руках здешних пленников, задерживать проезжающих из них для торгу в Оренбург и другие места и содержать безвыпускно, пока родственники их, принадлежащие к одному с ними улусу, не склонятся на разделку и действительно на то не поступят»¹⁰⁵. Такой указ, хотя и был направлен против злодейный батыров и воров, однако не мог не причинить огромного вреда всему жузу. Это привело к разорению и гибели немало числа невинного казахского населения.

По сути дела грабительские набеги казахских батыров на пограничные пункты и контрмеры пограничных войск осложняли и задерживали нормализацию политических и экономических связей между русским и казахским населением.

В этом отношении характерно письмо от 10 октября 1793 г. главного старшины рода жетгыру бия Тленши Букенбаева (бывшего батыра) султану Ширгазы Каип-улы, в котором он перечисляет несколько случаев взаимных грабежей, захвата людей и угона лошадей.

1. Сыновья султана Айчуака с младшим братом Бармака и другими людьми увели из Илецкой заштыи двух русских и 30 лошадей. Жители Илецкой заштыи устроили за ними погоню. Однако воров не догнали и в отместку из соседнего рода кдырбек-табын захватили двух человек и 1000 лошадей. Оставив себе 136 коней, остальное поголовье вернули.

2. Пять лет назад некий Булан южнее Уральской крепости захватил лошадей, принадлежащих калмыкам и русским. Владельцы лошадей вместе с султаном Айчуаком в ответ на это в прошлую зиму пленили родственников Булан-султана,

¹⁰³ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 87.

¹⁰⁴ Там же, стр. 87—88.

¹⁰⁵ Там же, стр. 88.

его дочь, жену и сестру. Будучи непричастным к грабежам, султан не хотел давать выкупа за пленных. Вслед за этим были пленены еще три казаха. Тогда же есаул крепости Сахарной возле форпоста, расположенного между крепостями Мергенном и Сахарной, задержал и сына Тленши — Едге, который разыскивал пропавших отцовских лошадей. Далее бий пишет, что другого его сына, возвращавшегося с учебы из медресе, возле «Защиты Базар» арестовал полковник и атаман Уральского войска Донсков. Он держал его три месяца и отпустил лишь тогда, когда сын тяжело заболел. Прибыв домой, он умер.

3. Казахские батыры под предводительством Кене-Каратау Омурзак-улы пленили несколько человек из Уральского войска, когда те косили сено. За ними в погоню выехал Донсков. По дороге он встретил занимающихся хлебопашеством жителей нескольких аулов из рода кердери. Старшины их, Тлеп Корбас-улы и Кушек Конас-улы, представились Донскову. Он им заявил, что никаких дел с ними не имеет. Несмотря на это, его команда убила из казахских хлебопашцев 18 человек, мужчин и женщин и увезла с собой двух. Эти пленные умерли в Уральской крепости. Кроме того, команда Донскова захватила много имущества и разного скота. Тленши заключает, что таких невинно пострадавших в каждом роде немалое количество¹⁰⁶.

Казахские батыры XVIII— начала XIX в. совершали на пограничную линию России грабительские набеги, подобные нападениям, производимым кочевниками с давних времен на соседние оседлые и полукочевые народы Средней Азии. В характеристике об основных чертах общественного строя туркмен (огузов) в IX—XI вв. справедливо сказано: «По всему кочевому миру, начиная от отдаленных кыргызов и до печенегов, башкир и туркмен шла усиленная ловля людей. Война, набеги имели целью чаще всего не захват территории, а просто добычу, куда, кроме драгоценностей и скота, входили и люди»¹⁰⁷. Это целиком относится к кочевому обществу казахов XV—XVIII вв. В 1785 г. ахун М. Хусайнов отмечает, что «с каракаллаками, по давнишнему их междуусобию, происходит ненависть и взаимный захват людей и скота»¹⁰⁸.

Казахские батыры, разграбив имущество, взяв с собой людей и скот, быстро уходили в глубь обширных степей и пустынь. О подобном факте говорит документ, датированный 1825 г. В нем сообщается, что Жиджиштабынское отделение Жетыру «с давнего времени наносило великое беспокойство

¹⁰⁶ Там же, стр. 148—150.

¹⁰⁷ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XVIII—XIX вв.» Ашхабад, 1954, стр. 61.

¹⁰⁸ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 71.

Орде и линии. Устраняя себя от подчиненности и какой-либо зависимости у старших султанов, оно не имело определенных мест для своего кочевания; сделав в западной части барымту, поспешно уходило в среднюю для грабежа и захвата людей на линии, оттуда, обращаясь опять в западную часть, производило тоже. Обширность степей способствовала ему укрываться от поисков с линии»¹⁰⁹. Речь идет о грабительских набегах партии батыра Жоламана Тленшина. Батыр Тленши, отец Жоламана, в молодости был одним из участников неоднократных набегов на линию батыра Срыма¹¹⁰, но потом от него отошел. Об этом свидетельствует первое письмо Тленши Букенбаева, тоже адресованное султану Ширгазы Каип-улы, датированное также 10 октября 1793 г. Там сказано: «Срым просил у меня людей, чтобы к российской стороне сделать злодейства, коему я из табынцев никого не дал, о чем можете вы известить от употребляющихся между нами в посылках людей»¹¹¹.

В момент усиления набегов сообщников батыра Срыма на русские селения вышел пятый указ русского правительства от 3 июля 1783 г. В нем говорилось, что над стремящимися «на дальнейшие продерзости киргиз-кайсаками, чтоб при границах здешних восстановлено было спокойствие, чинить репрессалию, т. е. захват людям и скоту, употребляя к тому воинских людей, казаков и башкирцев»¹¹².

Движение батыра Срыма было одним из многочисленных грабительских набегов казахских батыров на русскую пограничную линию. Это был протест против добровольного присоединения казахов Младшего жуза к России, введения российской системы государственного управления и стремление сохранить старое «кулачное», патриархально-феодальное обычное право. О реакционности движения батыра Срыма говорят многочисленные факты и документы. В частности, сам состав партии Срыма из батыров и биев отдельных казахских родов и наставников ислама — Ходжи Абдул-Желила и бухарца муллы Абдул-Лафита, подписавшего письмо на имя Екатерины II, показывает, каковы могли быть задачи движения¹¹³. Письмо подписало 47 человек, из них 23 батыра, 23 бия и один ходжа. Эти архиреакционеры — грабители и эксплуататоры казахского народа свои корыстные цели выдавали за «коренные интересы» всего казахского народа, что противоречило действительности. Из содержания письма

¹⁰⁹ Там же, стр. 478.

¹¹⁰ Там же, стр. 54.

¹¹¹ Там же, стр. 142.

¹¹² Там же, стр. 88.

¹¹³ Там же, стр. 53, 54.

видно, что движение Срыма, во-первых, по задачам и форме было продолжением старой реакционной межплеменной и межродовой борьбы, стихийной барымты, взаимного грабежа и воровства скота; во-вторых, продолжением реакционной политической линии, которая привела к убийству инициатора добровольного присоединения Младшего жуза к России хана Абулхаира.

Это подтверждается тем фактом, что авторы письма первым выдвигали требование отстранить от ханствования сына хана Абулхаира, предпочитая ему бывшего хивинского хана султана Каипа. Причина кроется в том, что хан Нурали, как и Абулхаир, не соблюдал всех древних обычаев кочевого общества казахов. Кроме того, хан Нурали наказывал тех казахов, которые совершали грабительские набеги на российскую пограничную линию. Об этом сторонники Срыма в другом письме на имя Екатерины II, датированном 31 октября 1785 г., писали: «Когда из казахов кто, злодействуя, из-под российских селений отгонит скот, тот скот хан отбирает и себе употребляет... Ежели из народа нашего российскими кто-либо за какую-либо вину захвачен, да после из милости отпущен будет, с тех он, хан, по 20 кобыл или 20-ти кобыл цену берет...»¹¹⁴. Вполне возможно, что хан действительно, наказывая виновных, не забывал о своих интересах. Однако это ни в какой мере не может служить основанием для оправдания разбоя и ограбления русских и казахских трудящихся. Тем более это не оправдывает реакционную борьбу батыра Срыма против добровольного присоединения казахов Младшего жуза к России.

Сообщники Срыма в этом же письме жаловались на то, что «когда из покушных нами для службы нашей персиян или калмык некоторые, пришед в огорчение, на фарпосты ваши бегут, о коих фарпостные начальники вам знать не дают, а сделав согласие, оных наших служителей хан к себе берет и во услужение свое употребляет... Меньшей нашей Орды старшины, бии, батыры и мурзы (баи) согласно усоветовали и за полезное себе признали... Каип-хана на ханстве быть учредить, ибо он, Каип-хан, Киргиз-Кайсацкой орды природной ханской фамилии¹¹⁵, в чем имеющая печати свои приложили» (в том числе сам Срым)¹¹⁶. Как видно, в этом

¹¹⁴ Там же, стр. 63.

¹¹⁵ Каип действительно происходил из более сильной и более реакционной султанской фамилии. Его дед — Каип Карибов — был ханом Хивы, отец — султан Батыр — был три года ханом Хивы, он сам, Каип, был ханом Хивы 11 лет, потом подданные его за жестокость изгнали из города. После он «образовал вокруг себя партию из казахов Малой орды и существовал грабежом караванов». «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 359.

¹¹⁶ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 65.

программном требовании партии Срыма содержится только лишь жалоба патриархальных рабовладельцев — реакционной верхушки кочевого общества на то, что им не возвращают их беглых рабов и наказывают грабителей из их партии. Это положение имел в виду И. И. Крафт, когда писал: «...покровительство, оказанное выбегавшим пленным, вызвало у казахов озлобление против русских, почему казахи стали захватывать в плен русских людей»¹¹⁷.

Из приведенных данных вытекает, что движение Срыма представляло собой «династическую» борьбу одной из двух султанских групп, боровшихся за ханское звание. Партия Срыма была партией более реакционного крыла и под предлогом свержения неудобного, но более прогрессивного по своим делам хана, вела борьбу против присоединения казахских жузов к России. Она боролась за сохранение устоев старого патриархально-феодалного кочевого общества казахов. Срым никогда не боролся за ликвидацию реакционного казахского ханства, как полагают некоторые историки, а за передачу ханского звания в Младшем жузе от дружественно относящихся к России, более прогрессивных султанов из дома Абулхайра крайне реакционным султанам из дома хивинского хана Батыра.

Факты доказывают, что движения батыра Срыма (1783—1797 гг.), султана Каратая Нуралиева (1805—1816 гг.), султана Арунгазы Абулгазизова (1815—1821 гг.), батыра Жоламана Тленкина (1819—1824 гг.) и султанов Саржана и Кенесары Касымовых (в 20—40 гг. XIX в.) по своим целям и задачам ничем друг от друга не отличались. Эти реакционные движения казахских султанов и батыров означали отчаянную борьбу против всего того нового, что зарождалось и развивалось в жизни кочевников в результате присоединения Казахстана к России.

Истинное свое лицо участники движения Срыма показали тогда, когда губернатор Игельстром подкупил различными подарками самого Срыма, дал ему титул главного старшины Байули и утвердил членом ханского совета. В связи с этим движение Срыма затихло и его сообщники в апреле 1787 г. поклялись: «Не злодействовать против соседственных российских жилищ, т. е. не чинить захвата российским людям, не похищать тайно, ниже с натлостью явно скота и всякой их собственности, не делать прабительства, но, устраниаясь всех сих порочных поповзновений, всегда находиться в мире, тишине и спокойствии»¹¹⁸.

¹¹⁷ И. И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 99.

¹¹⁸ Там же, стр. 83.

Из этой клятвы срымовцев явствует, что: во-первых, они признались в том, что вели борьбу против России путем захвата людей и угона скота; во-вторых, их клятва была ложной. Об этой клятве в документах сказано: «Казахи Меньшей орды хотя некоторые в верное подданство склонены, но они сие сделали не из чистосердечия, а из единого лакомства, получая великие подарки»¹¹⁹. Далее говорится о подрывной деятельности участников движения Срыма: «Воруют людей по большей части сообщники Срымовы и караваны разбивают. Даже и в нынешнем (1788) году до 30-ти человек мужского и женского пола по линии из Оренбурга украдено»¹²⁰.

В документах имеются данные о связи Срыма с Турцией через Хиву и Бухару, которая тогда вела войну с Россией: «Когда же прислан был в Бухарию от турков посол Интурли-паша, якобы с грамотою от солтана, и имел магометов волос, дабы сим знаком взбунтовать Бухарию, Хиву и киргизцев, и как слышно, что ему киргизцы приносили жалобу, что взят их хан понапрасну, таковая жалоба будто отправлена с ним в Царьград, в самое то время оной Срым-батыр из своего улуса пропадал более месяца... когда тот паша из Бухарии уехал, то и Срым-батыр появился, и как слышно, требовал денег на расходы к разведыванию, какое к турецкой стороне Бухария и Хива намерение имеет»¹²¹.

О реакционной сущности и опасности для России восстания Срыма можно понять из такого документа. «В нынешнем положении киргиз-кайсаки не опасны; но ежели происки турков, врагов империи вашего величества, успеют возбудить их к общему мятежу, тогда уже не воровством людей и скота будут беспокоить здешний край, но многочисленными партиями начнут делать неприятельские нападения и тогда 60 000 диких мятежников не могут быть уже неопасными»¹²².

Приходится сожалеть, что С. З. Зиманов с такими фактами не знаком. Поэтому он напрасно отвергает наше мнение о том, что «царизм в период проведения колониальной политики в Казахстане, вплоть до 1868 г., всячески избегал осложнений взаимоотношений и военных столкновений с казахами. Этого требовало внутреннее и международное положение как России, так и казахских жузов»¹²³. С. З. Зиманов

¹¹⁹ Там же, стр. 104.

¹²⁰ Там же, стр. 105.

¹²¹ Там же, стр. 108.

¹²² Там же, стр. 122.

¹²³ С. Е. Толыбеков. Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII—XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях. Труды Ин-та экономики АН КазССР, т. 3, 1959, стр. 147.

считает это заявление голословным и пишет: «Автор работы (С. Е. Толдыбеков), не утруждая себя анализом фактов и приведением доказательств, объявляет антиколониальное и антиханское движение, развернувшееся в конце XVIII в. в Младшем жузе под руководством Срыма Датова — «реакционным антинародным движением» и отождествляет его с феодально-монархическим движением султана Кенесары Касымова»¹²⁴. Это называется ломиться в открытую дверь.

Позволительно спросить С. З. Зиманова, чем же отличается движение Срыма от движения Кенесары Касымова? По существу ничем, разве только меньшим масштабом.

Казахский народ враждебно относился к движению Срыма. «Все настояния Срым-батыра в черном народе еще действия не имеют; он требует от них неприятельских с нами (с Россией) действий и отдаления, но народ черный жалеет лишиться тех мест, на которых все их имущество состоит»¹²⁵.

Батыр Срым 14 сентября 1792 г. в обращении к бухарским и хивинским купцам писал: «По засвидетельствовании нашего почтения, да будет вам ведомо, что киргиз-кайсацкое общество с россиянами имеет войну... И так по нашему единозаконию и дружеству изъясняем, что во внутрь киргиз-кайсак с именем не выезжать, а ежели выехать имеете и учинится с вами или над именем вашим несчастье, то на нас жалоб не производите, потому мы в знак услуг сим письмом и доносим»¹²⁶. Из документа мы видим не только враждебное отношение Срыма к России, но и его явную панисламистскую ориентацию. Это не случайно. О том, что Срым находился под реакционным влиянием исламской Хивы и Бухары, показывает еще документ, датированный 4 февраля 1790 г. В нем говорится: «Приехали к реке Кок-Уйрок, где кочевал старшина Каратаубий, куда прибыл и старшина Срым-батыр, и, пробыв там все вместе 15 дней, означенные муллы уговаривали их, чтоб оставили мир с россиянами и шли против их. И притом объявляли: если сего они не сделают, то потеряют свой закон и не могут быть мусульманами, потому что они имеют в получении из Хивы и Бухарии письма, которые подтверждают то же самое, что и от них, муллов, им сказано. Срым-батыр и Каратау-батыр, услыша таковые известия, объявили, когда вредно нашему закону быть споконными с Россией, то мы согласуемся идти против России и, взяв Алкоран, об оном присягнули. И от Каратаубиева улуса Срым-батыр обще с ним, Каратау-бием, и муллами, бежавшими из Уральска, откочевали к устью реки, именуемой по-

¹²⁴ С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960, стр. 26.

¹²⁵ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 130.

¹²⁶ Там же, стр. 139—140.

киргизски Елек, и кто с ним не приезжал, всякому объявляли, что они с россиянами мир нарушили, соглашая их, если можете, то идите против России»¹²⁷. Все эти данные красноречиво говорят о реакционной сущности движения Срыма Датова.

Движение батыра Срыма, которое происходило в период, когда еще не было завершено присоединение к России даже Младшего жуза, было с начала и до конца реакционным. Срым был выразителем интересов не казахских трудящихся, а наиболее реакционной части патриархально-феодалной верхушки кочевого общества казахов.

М. П. Вяткин и его последователи восхваляли движение Срыма. Чтобы облагородить движение и придать ему справедливый характер, М. П. Вяткин пишет: «По существу, в законе 1756 г. проявилась та общая линия в политике царского правительства, которая вела к ослаблению колониальных или полуколониальных зависимых народов, а в области земельных отношений к оттеснению их, по выражению товарища Сталина, в «бесплодные пустыни»¹²⁸. Утверждение об оттеснении казахов в «бесплодные пустыни» еще в 50-х гг. XVIII в. не соответствует исторической действительности. Слова о «бесплодных пустынях» И. В. Сталиным были сказаны в связи с характеристикой столыпинской буржуазно-помещичьей земельной политики.

Положение, верное для характеристики политики царизма периода столыпинской реформы, нельзя переносить на 50-е гг. XVIII столетия и объяснять им движение батыра Срыма. Такое истолкование, видимо, было необходимо для того, чтобы всякого рода реакционные выступления казахских султанов и батыров, направленные против присоединения казахских жузов к России, начиная с восстания батыра Срыма и кончая восстанием султана Кенесары Касымова, оценить как национально-освободительные и антиколониальные. М. П. Вяткин искусственно создает «основу» для этих реакционных выступлений в виде «борьбы за пастбище» и пишет: «Основа освободительных движений — борьба «простого народа» за пастбище, которая придавала этим движениям не только антиколониальный, но и классовый крестьянский характер»¹²⁹. В действительности ни одно из этих движений не ставило перед собой подобных задач, никто из предводителей не был защитником интересов народа.

Одним из проявлений реакционности политических группировок, таких, как группировка Срыма, было то, что они

¹²⁷ Там же, стр. 129.

¹²⁸ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М. — Л., 1947, стр. 175.

¹²⁹ Там же, стр. 51.

прикрывались лозунгом борьбы за сохранение и строжайшее соблюдение «исконных обычаев и понятий казахов». По существу же, эта была борьба против проникновения прогрессивного влияния более развитой российской экономики и культуры в Казахстан¹³⁰.

Тенденциозная и искаженная трактовка вопросов политической борьбы казахских батыров и султанов в XVIII в. в связи с присоединением казахских жузов к России была дана еще в книге «Киргизский край»¹³¹. Наиболее реакционные султаны XVIII в. Аблай, Абулмамбет и Барак в ней описаны как любимцы народа. Их двурушническая политика, которая больше подготавливала почву для принятия казахами подданства Джунгарии и других отсталых восточных государств с целью сохранения устоев старого казахского кочевого ханства, чем России, оценивается как борьба за независимость казахов. «Султаны Старшей и Средней орды Аблай, Абулмамбет и Барак, пользовавшиеся расположением народа, в XVIII веке остались правителями его. Самый популярный среди казахов, названный ими ханом, Аблай, тщательно избегал подчинения казахов чужой власти. Некоторые роды Средней орды приняли русское подданство при сыне хана Аблая, в 1782 году, и при сыне Барака, Букей-хане — в конце XVIII века»¹³².

Казахское кочевое ханство было оборонительно-наступательным военным союзом отдельных мелких объединений казахских родов, предводительствуемых султанами. Из того, как легко, быстро и многократно он распадался, следует заключить, что этот военный союз никогда не перерастал в сколько-нибудь прочный военно-политический союз.

Казахское кочевое ханство XV—XVIII вв. представляло собой начальную стадию государственности. Оно сохраняло в себе все основные черты и признаки «военной демократии» и не имело в мирное время почти никакой власти над кочевниками.

Такая сама по себе слабая и весьма условная власть казахских ханов над кочевыми племенами еще больше расширялась острой политической борьбой, развернувшейся в период присоединения казахских жузов к России. В 1748 г. на собрании родоправителей Абулхаир сказал, что казахские старшины не понимают той огромной пользы, которую дает казахскому народу подданство России, делают большие не-

¹³⁰ Более подробно см. С. Е. Толмачев. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего жуза против добровольного присоединения к России. «Вестник АН КазССР», 1955, № 6.

¹³¹ «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII, Киргизский край. СПб., 1903.

¹³² Там же, стр. 144.

приятности и тем самым «ево, Абулхайр-хана, приводят к ее и. в. к гневу и ему великий стыд делают»¹³³.

По поводу отсутствия серьезной государственной власти у казахских ханов справедливо указывалось, что ханские ставки «не были центром, сосредоточением казахской жизни (в смысле политического центра. — С. Т.), — роды казахские жили своей отдельной жизнью совершенно независимо от ханской ставки, в которой они решительно не нуждались, ибо эта ставка ровно ничего им дать не могла»¹³⁴.

Русское правительство в 1734 г. при приеме в подданство племен и родов Младшего жуза поставило им следующие условия: 1) охранять русские границы; 2) охранять русские торговые караваны; 3) содействовать русским войскам в борьбе с другими кочевниками; 4) платить ясак — «кожами звериными». Хан Абулхайр принял эти условия. Но ни одного из этих обязательств он не мог выполнить, так как, подобно другим кочевым казахским ханам, не имел для этого достаточной власти над народом.

Пограничное русское начальство тогда еще не имело возможности бороться со стихийной кочевой жизни казахов, с ее отрицательными явлениями и не могло поддержать в любое время признанного хана. О сложности политической обстановки в степи в XVIII в. Нурали-хан говорил Неплюеву: «...ныне хотя и довольный вид верности показывают, но внутренне, может быть, не так думают»¹³⁵.

Казахские ханы в сопровождении султанов, биев и батыров время от времени являлись в Оренбург, давали торжественные обещания исполнять все условия русского подданства, получали подарки и возвращались в степь. Это лишь лично их обогащало.

Все дипломатические отношения между русским правительством и казахскими ханами, а также известный рост торговых связей между Россией и казахскими жузами не могли в тот период внести сколько-нибудь существенных изменений в систему экстенсивно-пастбищного кочевого скотоводства казахов, следовательно, в социально-экономические отношения кочевого общества. Это еще в большей степени касалось кочевников центральной и южной частей Казахстана, кочевавших круглый год и более близко соприкасавшихся со среднеазиатскими ханствами. В этих областях набеги друг на друга и барымта, а также грабительские войны с соседними

¹³³ «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751 гг.)». (Материалы), т. II, ч. 2, стр. 222.

¹³⁴ «Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем». «Русский вестник», т. 215, СПб., 1891, стр. 52.

¹³⁵ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897; стр. 784.

народами, включая русских, не прекращались, что делало совершенно условным русское подданство этой группы казахского населения.

Одной из характерных черт военно-кочевой, патриархально-феодальной жизни казахов в XV—XVIII вв. было наличие у них патриархального рабства и работорговли, которые вытекали из самой социально-экономической сущности патриархально-феодального кочевоего общества. О существовании патриархального рабства и работорговли в XVIII в. вплоть до 60-х гг. XIX в. говорят многочисленные документы. В частности, это отмечается в постановлении Сената от 9 января 1757 г., где сообщается о продаже казахами на Сибирской линии пленных из азиатских народов¹³⁶. Действительно, казахи Среднего жуза, приезжая в Троицкую крепость для меновой торговли, «нередко привозили с собой и живой товар, состоявший из плененных калмык и особенно калмычат... В 1758 г. было выменено калмык и калмычат м. пола 44 чел., женского пола 21 чел., и, кроме того, двое персиан, а всего в этом году 67 человек; в 1760 г. было уже променено на половину меньше: м. пола 28 чел., ж. пола 7 чел.; в следующем 1761 г. число их сократилось до 9 чел., из них 7 м. пола и 2 ж. пола, а в 1762 г. их было уже только 5 чел., в том числе 3 м. пола и 2 ж. пола»¹³⁷. В. Н. Витевский указывает, что в дальнейшем вывоз казахами в Троицкую крепость калмыков совершенно прекратился. Это было связано с окончательным разорением джунгаров и переселением оставшейся части в Китай в 1758 г.

О постоянном угоне скота, пленении людей султанами и батырами в казахском обществе в конце XVIII и начале XIX в. свидетельствуют факты. 21 июня 1800 г. Мендей Ядыгеров в пограничной комиссии на допросе сообщил, что 20 лет назад он попал в работники к купцу Мусе Улеву, от него бежал. В трех верстах от г. Оренбурга его поймали казахи Младшего жуза кетинского рода и привезли в свой аул. Он достался батыру Каракаю Картабаеву и стал его рабом¹³⁸. Батыр Беркутбай из каракетинского рода со своими сообщниками 6 апреля 1815 г. около Орской крепости напал на казачьего урядника Замятина и казака Гудощникова, забрал у них двух лошадей и увез самих в плен¹³⁹. В 1805 г. «хивинцы, прибывшие в сем лете с караванами к Оренбургу, выменивают и покупают ежедневно за меновым двором от казахов обоего, а паче женского пола людей, под названием каракалпаков; хотя в самом существе сии несчастные суть истин-

¹³⁶ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 228—229.

¹³⁷ «Историческая монография В. Н. Витевского», т. III, 1897, Казань, стр. 736, 739.

¹³⁸ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 197, л. 57.

¹³⁹ Там же, лл. 91, 92.

ные казахи, от крайней бедности похищенные своими одноплеменниками и проданные хивинцам или самими родственниками, даже отцами, для укрытия себя и их от голодной смерти, проданные в неволю...».

«Таможня сего числа отправила уже в Комиссию, отобравши от хивинцев, 80 обоего пола душ, освободив таковым средством несчастных детей, ввергнутых казахами в неволю хивинцам, и остановив приобретение их на сие время»¹⁴⁰. Источниками получения рабов была междоусобная борьба казахских родо-племенных групп и военные нападения на соседние народы. В 1825—1826 гг. отмечалось, что «дети казахские и калмыцкие, на Сибирскую линию вывозимые для продажи, суть большею частью дети вместе с барымтою, т. е. вместе с отгоном скота, похищенные»¹⁴¹.

Эти данные говорят не о каких-то единичных и случайных эпизодах, а характеризуют всю общественно-экономическую жизнь казахских кочевников в течение ряда веков. После принятия подданства России Младшим жузом еще долго казахский народ «продолжал жить своей обычной жизнью, казахи не платили никаких ясаков, не признавали над собой русского господства, при удобном случае нападали на пограничные поселения и торговые караваны»¹⁴². Грабительские набеги на русские и другие населенные пункты в основном совершали батыры, для которых разбой был главным и постоянным занятием. Поэтому они всеми средствами боролись против всего того нового и прогрессивного, что начало появляться в казахском обществе в связи с присоединением к России.

Одним из таких грабителей-батыров был Срым Датов. Вся история восстания под его руководством, по существу, есть история грабежа, продажи в рабство людей из пограничных русских населенных пунктов и борьбы против присоединения Младшего жуза к России. Его выступление началось в конце 1783 г. с пленения и продажи в рабство в Живу одного из старшин Уральского войска Чаганова. Батырство и патриархальное рабство в кочевом обществе казахов было двумя сторонами одной медали. Даже в 30-х гг. XIX в. казахские батыры типа Срыма, имея тайный договор с оренбургским купцом Зайчиковым, систематически захватывали русских людей для продажи в рабство в среднеазиатских городах. За это впоследствии Зайчиков был сослан в Сибирь на каторжные работы¹⁴³.

¹⁴⁰ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 229.

¹⁴¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 635, л. 15.

¹⁴² В. Пистоленко. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939, стр. 74—75.

¹⁴³ А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 38 (сноска).

В условиях неустойчивого пастбищно-кочевого скотоводства, постоянного грабежа и насилия трудящиеся казахи владели полурабское, нищенское существование и гибли с голоду. Нищета и голод вынуждали бедняков продавать своих детей в рабство. Такие факты подтверждаются указом царского правительства от 23 мая 1808 г., в котором сказано: «Дозволить русским подданным свободных состояний выменивать казахских детей, которые по достижении 25-летнего возраста должны быть свободными»¹⁴⁴. При этом покупка казахских детей среднеазиатским купцам была запрещена. Указ царского правительства, с одной стороны, констатировал факт существования страшной нищеты среди казахского населения и наличия рабства и работорговли, с другой, показывал, что продажа людей в рабство с точки зрения русских крепостников-помещиков не считалась явлением особо зазорным, а наоборот, продажа с ограниченным сроком рассматривалась как большое облегчение для рабов по сравнению с вечным рабством, существовавшим в среднеазиатских ханствах.

Действительно, угнетенные всегда ценили всякое облегчение своего тяжелого положения, следовательно, рабство с ограниченным сроком было немаловажным обстоятельством для людей, обреченных на вечное рабство.

В соответствии с этим указом в октябре того же года Оренбургская пограничная комиссия отобрала у хивинских торговцев 7 казахских девочек, купленных в разных родах Младшего жуза: у Мамет-Рахим Шите-Ниязова 16-летнюю дочь казаха Юлдубая из табынского рода, у Гиднира Ишметова 10-летнюю дочь казаха Акбуры из кзыл-курт-таминского рода, у Мамет-Нияз Ишметова 13-летнюю дочь казаха Утавлия из бюргу-табынского рода, у Ишнияз Ишниязова 13-летнюю дочь казаха Тукмака из кенжебай-таминского рода, у Нияз-Мет Ишметова 10-летнюю дочь казаха Чункая из курак-таминского рода, у муллы Кутлумурата Муратова 10-летнюю дочь умершего казаха Джайлгана из таминского рода¹⁴⁵.

Имеется много фактов, относящихся к XVIII и началу XIX в., которые говорят о продаже полунцими казахскими кочевниками своих детей в рабство. Например: 7 сентября 1816 г. Оренбургской пограничной комиссией записано объяснение Петра Степанова, новокрещенного казаха. Он говорил, что ему от роду 19 лет, настоящее его имя Аманбай, он из киргачского рода Среднего жуза. Отец его казах Джай-

¹⁴⁴ И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 146.

¹⁴⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1720, лл. 4—5.

лау и мать Кульмекен кочевали около Звериноголовской крепости, и 13 лет тому назад «отец его по бедному состоянию продал неизвестному ему казаку со взятием от него одного жеребенка и одной коровы»¹⁴⁶. В том же 1816 г. в Оренбургскую пограничную комиссию явилась девушка Анна Андреева, новокрещенная казашка, и объявила, что ей от роду 17 лет. 11 лет назад «отец ее казах Жемикий и мать Заузана, кочевавшие при Орской крепости, по бедному своему состоянию продали ее находящемуся в Орской крепости вахтеру Лисюкову; но за какую цену не помнит»¹⁴⁷. 30 апреля 1823 г. священник Троицкой церкви Г. Е. Ильин заявил, что 23 мая 1808 г. у казаха Средней орды кочубе-кирейского рода Еманая Бызауова купил 7-летнего сына Исенбая Еманаева за 150 рублей «с тем, что я приобретатель Ильин казаченка сего обязан воспитывать, иметь в прислуге впредь до 25-летнего возраста»¹⁴⁸. Тогда же было записано и заявление священника Ф. П. Рычкова, который говорил: «Казак Сарыкбай Ейкбаев... по случаю совершенной его бедности по доброй воле означенному Рычкову продал родного своего сына Сагаынбаса Сарыкбаева, имеющего от роду пять лет ценою за сто пятьдесят рублей...»¹⁴⁹.

О массовости таких явлений среди казахских кочевников говорит еще тот факт, что только на территории по р. Урал от г. Уральска до Гурьева, по неполным данным, в 1817 г. было зарегистрировано 72 случая продажи казахскими родителями с ограниченным сроком в рабство своих детей (57 мальчиков и 15 девочек) в возрасте от 2 до 23 лет разным чинам военнослужащих. Почти все подростки и дети были крещены, имели христианские имена и фамилии, включая и двухлетнего казахского мальчика Аргынбая, который воспитывался у урядника Д. Белотелкина¹⁵⁰. Отражением таких явлений в жизни патриархально-феодального кочевого общества казахов является сохранившаяся в ламяти народа казахская пословица: «Продав сына, имел лошадь; продав дочь, имел пищу» («Ұлымды сатып ат еттім, қызымды сатып ас еттім») ¹⁵¹.

Такое положение не было явлением, возникшим в жизни казахских кочевников якобы в связи с присоединением к России, как полагают некоторые историки и юристы. Оно было присуще полурабовладельческому и полуфеодальному обще-

¹⁴⁶ Там же, д. 1173, л. 419.

¹⁴⁷ Там же, л. 326.

¹⁴⁸ Там же, д. 4601, л. 3 и об.

¹⁴⁹ Там же, л. 9.

¹⁵⁰ Там же, д. 4595, лл. 2—3.

¹⁵¹ Эта же пословица имеется в работе Н. И. Гродекова. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889, стр. 296.

ству кочевников. Патриархальное рабство существовало у монголов эпохи Чингис-хана и у кочевников Дешт-и-Кипчак XIII—XIV вв. Об этом ал-Омари писал: «Во время голода и засухи они (кочевники Золотой орды. — С. Т.) продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»¹⁵². Это немаловажный показатель, по которому можно судить об уровне общественного развития у кочевников-казахов в XV—XVIII вв.

Один из дореволюционных авторов Ф. Зобнин в своей работе указывает, что в 1834 г. у султана Матаевской волости Даута Мамырканова оказалось во владении 5 семей невольников и девушка 14 лет, всего 12 душ мужского пола и 7 женского; у султана Назаровской волости Ишима Ючина значилось по списку 39 слуг, составлявших 8 семей: 24 лица мужского пола и 15 женского и т. д. В этот период казахские батыры и баи, имевшие в своем распоряжении лишнее количество рабов, продавали, обменивали их на скот и другие товары. Раба преподносили в подарок в знак родства (вместе с приданным), дружбы и признательности; его выставляли как приз на конских скачках (бейгі). Одним словом, раб был удобным и ходким товаром. «Природный казах шел также в невольники к другому богатому казаку за неоплаченный долг, бывший на его отца. Казах делался рабом султана другого рода, являясь искупительной жертвой за воровство и грабег скота (барымту), произведенные обществом, к которому он принадлежал»¹⁵³.

О широком распространении среди казахских кочевников домашнего рабства говорят казахские пословицы: «Толпа рабов не заменит начальство, а куча песка камень» («Құл жиылы бас болмас, құм жиылы тас болмас»); «Раба называть рабом — осрамить его до смерти, а бия называть рабом — рассмешить его» («Құлды құл десең, өлгісі келеді, биді құл десең күлкісі келеді»).

Рабство у казахов было ограничено Уставом Сперанского¹⁵⁴. Официально упраздненное в годы отмены крепостного

¹⁵² В. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 118.

¹⁵³ Ф. Зобнин. К вопросу о невольниках и тюленгутах в Киргизской степи. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год». Семипалатинск, 1902, стр. 23.

¹⁵⁴ «Уставом о сибирских казаках» 22 июля 1822 г., на основании коего ныне подтверждается повсеместно прекращение торговыми детьми, вывозимыми из казахской степи, постановлено правилом (§ 273): в волостях, образованных по сему уставу, сила и действие указа 1808 года о приобретении казахов в частное владение прекращается (§ 277). Невольники, ныне находящиеся у казахов, остаются при их владельцах с пра-

права в России, оно фактически было ликвидировано только в 70-х гг. XIX в. в связи с завершением добровольного присоединения трех казахских жузов к России.

Патриархальное рабство и работорговля в жизни казахского общества XV—XVIII вв. нашли свое выражение также в бытовании многоженства среди патриархально-феодальной верхушки и в существовании института калыма или выкупной платы жениха за невесту ее родителям. Несомненно, по своему происхождению калым был оплатой за девочку, продаваемую в рабство. В аналогичных с казахскими социальными условиями он существовал у всех народов мира. Казахский калым, будучи одним из признаков патриархального рабства, распространялся на всю женскую половину кочевого общества. Следовательно, он был одним из крупных социальных явлений, характеризующих уровень развития патриархально-феодального кочевого общества казахов. Калым в XV в. и позже был основным условием для возникновения новой семьи, семейного очага среди всех слоев кочевого населения. Бесскотный бедняк на всю жизнь мог остаться холостяком, не имея возможности выплатить за девушку калым.

Основной формой семьи у казахов в XV—XVIII вв. была индивидуальная семья, которая появилась в период деления общества на антагонистические классы. Господство формы производства, основанной на частной собственности на основные средства труда кочевников — стада и табуны, предполагало моногамную семью во главе с мужчиной. Кочевое скотоводство, ставшее единственным видом материального производства казахского населения, в основном было делом мужчины, как у других народов на переходной ступени от варварства к цивилизации. Ф. Энгельс пишет, что скот принадлежал мужчине, «ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности»¹⁵⁵.

У казахов было так же, о чем свидетельствуют многочисленные документы. В одном из них, относящемся к середине XIX в., сказано: «Никогда и ни в коем случае женщина не имеет собственности, это привилегия мужчин»¹⁵⁶. Поэтому наследование у казахов шло только по мужской линии и наследниками обычно были сыновья. Это положение продолжало существовать и в предреволюционном Казахстане. Ка-

---

вом продажи, передачи и наследственного владения. Но строго запрещается вновь приобретение в неволю природных казахов». ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 635, лл. 17—18.

¹⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 162.

¹⁵⁶ ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 48.

захская девушка не имела никаких наследственных прав. «Ни состояние отца и ни заработанное ее руками все это не ее; это наследство ее братьев, а нет их — наследство дяди. Родная дочь не наследница, все идет мимо нее»¹⁵⁷. Главной семьи и господином был муж-отец. Первым плодом господства отца в семье было его право продавать своих детей. Отсюда казахская поговорка: «Сын перед отцом — раб перед господином» («Аталы ұл — қожалы құл»).

Наряду с калымом существовало и многоженство у эксплуататорской полурабовладельческой и полуфеодальной верхушки казахов. Это было характерной чертой семьи патриархально-феодального общества. «Многоженство — привилегия богатых и знатных и осуществляется главным образом путем покупки рабынь; масса народа живет в моногамии»¹⁵⁸. Казахские султаны, батыры, бии и баи приобретали жен-полурабынь (кроме первой) как путем захвата пленниц во время войны, так и путем выплаты мизерного калыма за дочерей бескотных или малоскотных кочевников. Многоженством богатые казахские кочевники преследовали такие цели: во-первых, обеспечить свое домашнее хозяйство дополнительными рабочими руками; во-вторых, быть отцом большого количества сыновей, что было одним из основных условий экономического и политического могущества среди кочевото населения; в-третьих, удовлетворить личную прихоть.

Рост поголовья скота в частной собственности кочевой семьи требовал увеличения ее численности, вернее, количества ее рабочих рук. Такая задача на первых порах разрешалась путем приобретения патриархальных рабов и рабынь или полурабынь-жен. О большом значении для кочевника увеличения числа членов патриархально-феодальной семьи как субъективного фактора богатства говорят поговорки народа: «Самая большая семья может быть и самой богатой скотом» («Мал басқа бітеді, қына тасқа бітеді»); «Если разбогатеет узбек, он строит дом, если разбогатеет казах — набирает жен» («Өзбек байыса там салды, қазақ байыса қатын алады»); «Длинная кочерга руку не сожжет, имеющего шесть братьев никто не тронет» («Көсеуің ұзын болса, қолың қуймес, атадан алтау тусаң, адам тимес»).

Связью многоженства с патриархальным рабством объясняется и то обстоятельство, что первая жена, как правило, у казахских полуфеодалов именовалась «байбише», т. е. полноправная жена бая, а остальные имели презрительную кличку «тохал» и работали главным образом под командой

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 64.

байбише¹⁵⁹. Такое неравноправное положение жен распространялось и на их детей. Преимущественным правом пользовались сыновья байбише, значительно меньшим — сыновья тохал. Отсюда и оскорбительное выражение по адресу детей тохал: «Рожденный от тохал — раб — чурбанная голова» («Тоқалдан туған томарбас құл»). Султан Букей Нуралиханов в письме от 22 февраля 1806 г. на имя русского царя не случайно отметил: «...всепопданейше прошу оказать мне высочайшую милость: ибо я во уважении состою наравне с прочими ханами и по знатности моего рода имею перед ними старшинство, тем что нас три брата: приходим же от отца хана и матери ханской дочери, а прочие султаны ведут свое происхождение от подлых матерей и ныне являются превосходнейшими»¹⁶⁰.

О сохранившейся еще в конце XIX в. этой традиции в быту казахов Внутренней Букеевской орды А. Харузин писал: «Если казах-букеевец имеет несколько жен, то первая считается старшей и называется «байбише»; ей приказать может только муж, она же распределяет работу между другими женами, которые считаются младше ее и носят название «тохал»¹⁶¹. Об этом же в 1874 г. говорил и Г. С. Загряжский: «По древнему народному обычаю только дети старшей жены сохраняют благородство отца, дети же младших жен суть кулы (невольники) первых. Но это выходит из употребления и если поминается, то в брани и попреках»¹⁶².

В 1880 г. в жизни семиреченских казахов наметились изменения: богатые казахи при новой женитьбе отделяли жен

---

¹⁵⁹ Буквальный перевод слова «тохал» — куца. Например, безрогую козу называют «тоқал ешкі». Мы полагаем, что происхождение этого слова связано с тем обстоятельством, что почти все младшие жены казахских полуфеодалов доставались как военная добыча «жесыр» или «ясыр» (это то же самое, что и раб) или брались из бедных семей, поэтому они не имели приданого. Первым признаком бедности было отсутствие на голове невесты конусообразной формы головного убора из бархата или парчи с насечками из драгоценных металлов и камней, украшенного красивыми перьями филина — саукеле. Отсутствие саукеле на голове невесты давало повод сравнивать ее с безрогой козой, ибо большинство образов как положительных, так и отрицательных у дореволюционных казахов связывалось с различными видами скота. О саукеле А. С. Бежкович, характеризуя этнографические рисунки Вл. Плотникова о быте казахов в середине XIX в., пишет: «Из этой группы рисунков необходимо отметить казахский свадебный головной убор — саукеле, изображенный со всеми деталями украшения, очень богатого, пышного и весьма нарядного». См.: «Советская этнография», 1953, № 4, стр. 113.

¹⁶⁰ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 268.

¹⁶¹ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, вып. 1, СПб., 1889, стр. 108.

¹⁶² Г. С. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 27.

и давали им имущество и скот. «Размер надела зависит от усмотрения мужа и потому, конечно, различен. Однако все придерживаются обыкновения наделять первую жену большим прочим... У султана Найман-хана Камбарова три жены. Первой — байбише — Джангумис дано: 60 лошадей, 200 баранов, 6 верблюдов, одна корова, юрта и имущества разного на сумму до 5 тыс. рублей. Второй — уртанши — Зияде дано: 20 лошадей, 150 баранов, 3 верблюда, юрта и имущества на 500 рублей. Третьей — тохал — Залихе дано: 10 лошадей, 100 баранов, 2 верблюда, юрта и имущества на 200 рублей. Турспек Маманов дал женам, кроме юрт и имущества, первой — 60 лошадей, 300 баранов, 6 верблюдов и 10 коров; второй — 50 лошадей, 250 баранов, 5 верблюдов и 9 коров. Весь этот надел не составляет собственность жен, они им только распоряжаются, да и то не самостоятельно, — например, дарить и продавать без согласия мужа нельзя, — до совершеннолетия сыновей»¹⁶³.

Многоженство было условием многодетности; у кого было много сыновей, тот располагал и большим количеством пастухов и воинов. Отсюда казахская пословица: «Где много кобылиц, там много и жеребят» («Байтал көп болса, құлын көп болады»). В обстановке той общественно-экономической жизни казахов авторитет и влияние человека среди населения определялись наряду с богатством количеством взрослых сыновей. Многодетность была одним из условий большой силы не только для рядовых казахов, но и ханов. Об этом в 1823 г. знаток казахской жизни А. И. Левшин писал: «Трудно и даже едва ли возможно определить степень власти начальников казахского народа. Границы оной зависят от множества обстоятельств частных и расширяются по большей части не столько твердостью характера и правосудием лица повелевающего, сколько многочисленностью его семейства, богатством, старостью лет, происхождением и умением пользоваться обстоятельствами, кстати льстить буйству, иногда покровительствовать оное, а иногда карать и преследовать без пощады»¹⁶⁴.

Перечисленные А. Левшиным моменты, касающиеся положения кочевого хана, объяснялись господством переходных, патриархально-феодальных отношений в кочевом обществе казахов. И. Г. Георги, который в 1771 г. посетил аул хана Нурали, отмечал, что у этого хана «было четыре супруги и восемь наложниц, из коих первые были дочери знатных, наложницы же — простых казахов, отчасти и из невольниц, а особливо лохнценные калмычки»¹⁶⁵. От этих 12 жен хан

¹⁶³ ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 49 и об.

¹⁶⁴ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 435—436.

¹⁶⁵ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 136.

Нурали имел 75 детей, из них 40 сыновей¹⁶⁶. Хан Аблай имел 71 сына, по всей вероятности, он располагал тоже большим количеством жен¹⁶⁷. Один из сильных батыров-биев шо-мекейского рода, живший в конце XVIII — начале XIX в., — Кететбай, упоминаемый Кубеком Шукуралы-улы в 1803 г. в записке оренбургскому губернатору Волконскому, имел 30 сыновей¹⁶⁸.

Такое положение не было только «казахским» явлением, оно наблюдалось и у других народов на соответствующем этапе исторического развития. Например, у якутов в XVII в. «из дальнего рода богатый человек брал себе трех жен за крупный калым, среднего состояния человек — двух жен, бедный человек — одну жену. Сильный человек (по-казахски батыр. — С. Т.) — тот, который, убивши мужа красивой женщины, брал ее вместе с богатством. Обычай многоженства объясняется желанием, чтобы родилось много детей»¹⁶⁹.

Представители патриархально-феодальной верхушки казахского кочевого общества покупали и продавали женщин как рабынь и полурабынь. Относительным почетом у мужа, кроме первой, пользовалась та жена, которая больше других родила сыновей. Отсюда напутствие казахских старцев молодой женщине, чтобы «она долго жила и рожала много сыновей» или чтобы «она долго жила и родила сына-батыра».

Патриархальный момент в семейно-брачных отношениях у казахов в этот период и позже заключался еще в экзогамии. Были запрещены брак и половые сношения между членами одной и той же родовой группы, считавшимися потомками одного общего предка, если их отделяло меньше семи поколений. Например, еще в конце XIX в. в брачный союз могли вступать лица, находящиеся между собой не ближе седьмой степени родства.

Нарушение этого правила могло повлечь за собой выступление против виновных всей родовой группы, вплоть до физического уничтожения. Запрет был освящен духом умерших предков и народ верил, что нарушители должны подвергнуться сверхъестественным карам духа предков. В то же время экзогамный род считал, что если девушка из другого рода засватана кем-нибудь из данного рода, то она ока-

¹⁶⁶ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 66.

¹⁶⁷ Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 12.

¹⁶⁸ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 514.

¹⁶⁹ Э. К. Пекарский. Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 148.

звалась невестой — жесыр (в XVIII в. — ясыр — пленница. — С. Т.) этого рода. Если почему-либо засватавший девушку жених не мог на ней жениться (полоумие и т. п. или смерть), то ее должен взять в жены один из его братьев, если их не было, то кто-нибудь из ближайших родственников по отцовской линии, если и их не было, то кто-нибудь из данного рода. Упускать из рода засватанную девушку считалось величайшим позором для всего рода. Поэтому говорили: «Хоть невеста уйдет от жениха, но она не уйдет от рода» («Жесір ерден кетсе де, елден кетпейді»). Таким образом, многоженство, калым и экзогамия у казахских кочевников были ярким выражением существовавших тогда переходных патриархально-феодалных отношений, а не зрелых феодальных.

Таким образом, добровольное присоединение казахских жузов к России, вызванное их внутренним социально-экономическим и внешнеполитическим положением в 30-х гг. XVIII столетия, несмотря на имевшиеся отрицательные явления, было большим прогрессивным событием, отвечавшим коренным интересам казахского народа. Постепенно оно оказывало благотворное влияние на ход дальнейшего развития общественно-экономической жизни казахского общества. Возникла возможность для сближения казахских племен с русским населением и тем самым «основание к некоторой оседлости и удобству разделения впоследствии казахов на волостные и сельские общества»¹⁷⁰.

Завершение присоединения казахских жузов к России получило свое юридическое оформление в реформе 1867—1868 гг., на основании ее была перестроена вся система государственного управления казахами, вся казахская земля была объявлена государственной собственностью, предоставленной на основе обычаев в бессрочное пользование кочевого общества.

Завершение присоединения казахских жузов совпало с новым этапом в развитии России, когда крепостное право было отменено и промышленный капитал в экономике страны стал занимать господствующее положение. Царизм, отражая интересы помещиков и капиталистов, усилил колониальную эксплуатацию казахского народа.

Общественная жизнь казахов в XV—XVIII вв. характеризовалась грубым насилием, открытым грабежом и угнетением мелких скотоводов и патриархальных рабов крупными скотовладельцами-полуфеодалами: султанами, батырами, биями и баями. Многоженство и калым по своему происхождению и существу были связаны с патриархальным

¹⁷⁰ ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, л. 7.

рабством, являясь атрибутами переходных патриархально-феодалных отношений.

Отсталому экономическому базису кочевого общества казахов соответствовала отсталая политическая надстройка в виде кочевого ханства, которое было непрочным племенно-феодалным государственным образованием с господствующим влиянием в нем воинствующих элементов — батыров.

Экстенсивное пастбищное кочевое хозяйство казахов в XVIII и начале XIX в. переживало период упадка и разложения, исчерпав все возможности прогрессивного развития.

Патриархально-феодалная верхушка кочевого общества казахов в лице султанов, батыров, биев и баев (мурз) в основной массе вела длительную активную реакционную борьбу против присоединения казахских жузов к России, за сохранение устоев отсталого пастбищно-кочевого хозяйства с господством патриархально-феодалных отношений.

В частности, одним из реакционных выступлений в Младшем жузе в конце XVIII в. против присоединения племени этого жуза к России было движение батыра Срыма. Он выступал за сохранение военно-кочевого образа жизни и подчинение казахских жузов Хивинскому и Бухарскому ханствам, насаждавшим реакционные идеи панисламизма. В свое время М. П. Вяткин идеализировал реакционные выступления батыра Срыма, султана Кенесары Касымова, батыров Жоламана Тленшина, Есета Котибарова и др. К сожалению, до сих пор историческая наука в Казахстане не освободилась от ошибок в освещении этих движений.

Добровольное присоединение казахских жузов к России для исторической судьбы казахского народа имело колоссальное значение. Ни одно общественно-экономическое явление в истории Казахстана, начиная с 30-х г. XVIII в. и до победы Великой Октябрьской социалистической революции, не может быть правильно оценено вне связи с этим фактом.

**О ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В КАЗАХСКОМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ В XV—XVIII вв.
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАДСТРОЙКЕ**

Марксизм-ленинизм рассматривает каждую общественно-экономическую формацию как особый естественно-исторический организм, который имеет время своего возникновения, жизни и смерти, т. е. перехода на высшую ступень развития. Между различными общественно-экономическими формациями существует глубокая длительная связь, которая проявляется в борьбе между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся.

Производственные отношения людей, соответствующие периоду смены одной общественно-экономической формации другой, периоду становления новой формации, называются переходными.

Одной из таких переходных форм производственных отношений являются патриархально-феодалные отношения. Определение «полуфеодалные» или «патриархально-феодалные отношения», принятое на X съезде КПСС, имеет глубокий теоретический смысл и отражает конкретные исторические условия жизни общества. В решениях X съезда партии, прошедшего под руководством В. И. Ленина, была записана такая директива по национальному вопросу: «Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству»¹ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Такая же оценка давалась характеру общественно-экономических отношений и у особо отсталых народов Азии и Африки. В

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 560.

документах IV конгресса Коминтерна, происходившего в 1922 г., сказано: «Отсталость колоний сказывается в той мере, в какой национально-революционные движения против империализма, которая отражает различные ступени перехода от феодальных и феодально-патриархальных отношений к капитализму... Лишь там, где феодально-патриархальный уклад не настолько разложился, чтобы совершенно отделить туземную аристократию от народных масс, как у кочевников и полукочевников, представители этих верхов могут выступать, как активные руководители борьбы с империалистическим насилием»².

Как видно, в этих документах дана научная характеристика того общественного строя, при котором процесс формирования феодализма еще находился на начальной стадии развития, когда старые отживающие патриархальные отношения еще переплетались с нарождающимися феодальными. Поэтому нужно признать ошибочным мнение, отрицающее социально-экономическое содержание научного понятия «патриархально-феодальные отношения» и считающее случайным сочетание в данной формуле двух форм производственных отношений, относящихся к двум различным общественно-экономическим формациям.

Марксизм-ленинизм требует прежде всего изучения материального производства, общественного бытия для того, чтобы правильно охарактеризовать данный общественно-экономический строй, так как от этого зависит объективная оценка уровня развития экономического базиса и соответствующей ему надстройки. Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

В условиях кочевого скотоводческого общества сохраняется отсталая форма общественно-производственных отношений в виде полуфеодальных, патриархально-феодальных или патриархально-рабовладельческих отношений с патриархально-родовым бытом и отсталой политической надстройкой — аморфным полугосударственным образованием переходного типа в виде кочевого хозяйства. Отсталость и неразвитость общественно-производственных отношений людей обусловили и специфические черты, присущие классам этого общества и отразившиеся в их общественном сознании. «Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства. В средневековье, зависевшем от земледелия, — перед

---

² «Коммунистический Интернационал в документах». Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919—1932 гг.). М., 1933, стр. 318.

нами помещик и крепостной; в городах позднего средневековья — цеховой мастер, подмастерье и поденщик; в XVII веке — владелец мануфактуры и мануфактурный рабочий; в XIX веке — крупный фабрикант и пролетарий»³. Следовательно, какова жизнедеятельность людей, таковы и они сами. «То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»⁴.

Эти указания основоположников научного коммунизма С. Зиманов решил опровергнуть. Он пишет: «Нельзя сделать категорический вывод о том, что земледельческие общества по уровню своего развития всегда стоят выше, чем скотоводческие, и было бы серьезной ошибкой объяснять отсталость того или иного общества только характером форм общественного производства, тем более выводить эту отсталость непосредственно из них. То, что земледелие является более прогрессивной формой производства, чем скотоводство относится в первую очередь к сфере хозяйствования, но отнюдь не к сфере и характеру отношений людей между собой»⁵.

Данное утверждение не выдерживает критики. Земледелие и скотоводство сами по себе не являются различными формами общественного производства, как заявляет С. Зиманов, а различными видами или отраслями материального производства. Каждая из отраслей производства представляет собою совокупность определенных материальных элементов производительных сил общества. Как в земледелии, так и в скотоводстве независимо от их общественной формы человек как субъективный фактор процесса труда превращает одни из элементов производительных сил в орудия (средства) труда, а другие в предмет (объект) труда для производства материальных благ. Уровень развития производительных сил определяет уровень общественного развития, форму общественного производства. Какова форма общества, такова и форма общественного производства. Оказывается, что кочевое скотоводство и оседлое земледелие, существовавшие в истории и выступавшие каждое как преобладающая форма общественного производства на том или другом этапе общественного развития, по мнению С. Зиманова, относятся «отнюдь не к сфере и характеру отношений людей между собою». Получается, что земледелие и скотоводство должны

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 330—331.

⁴ Там же. Соч., т. 3, стр. 19.

⁵ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958, стр. 27.

существовать там, где не было людей, не было никаких общественно-производственных отношений людей между собой. Это абсурд. Мы считаем, что когда речь идет о производстве, то всегда имеется в виду производство на определенной ступени общественного развития, производство взаимодействующих членов общества. Вероятно, С. Зиманов не допускает мысли, что форма общественного производства определяется господствующей формой общественно-производственных отношений людей, в основе которой лежит определенная форма собственности на средства производства. Следовательно, форма общественного производства или система производственных отношений людей должна обязательно соответствовать своему содержанию — наличным производительным силам общества. Однако, С. Зиманов явно не в ладах с основным теоретическим положением марксизма-ленинизма. К Маркс писал: *«Итак, общественные отношения, при которых производят индивиды, общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером»*⁶.

Далее С. Зиманов преобладавшие на отдельных этапах исторического развития общества различные формы материального производства, как кочевое скотоводство и земледелие, называет не общественным производством, а только хозяйствованием, не связанным с производственными отношениями людей. Это — бессмыслица. Дело в том, что термин хозяйствование во всех классовых досоциалистических общественно-экономических формациях марксистская политическая экономия оценивает как режим или метод организации своего индивидуального хозяйства каждым хозяином независимо от того, к какой отрасли производства оно относится. При любой антагонистической общественно-экономической формации метод хозяйствования, в конечном счете, сводится к тому, что каждый хозяин стремится сделать свое хозяйство высокопроизводительным, высокодоходным и наталкивается на противодействующие объективные обстоятельства, приводящие к огромным непроизводительным затратам сил и средств. Наоборот, в социалистическом обществе принцип социалистического хозяйствования вытекает из особенностей действия в условиях социализма закона экономии рабочего времени. Принцип хозяйствования каждого социа-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 442.

листического предприятия заключается в снижении трудовых, материальных и денежных затрат на единицу выпускаемой продукции, а также в рациональном использовании природных богатств при постоянном улучшении всех технико-экономических показателей. Следовательно, нельзя отождествлять формы общественного производства с принципом хозяйствования. Причем и принцип хозяйствования определяется господствующей системой производственных отношений людей.

С. Зиманов, путая понятия «хозяйствование», «отрасль производства» с понятием «формы общественного производства», пытался поправить некоторых исследователей Казахстана, которые «патриархально-феодалные отношения, которыми характеризовалась природа общественных отношений в дореволюционном Казахстане, в последнее время стали выводить из наличия кочевого скотоводства у казахов»⁷. Возникает вопрос, из чего же тогда выводить природу общественных отношений дореволюционного Казахстана, если не из общественной формы преобладающего вида материального производства? На этот вопрос давным-давно ответили классики марксизма-ленинизма. «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. *Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом*»⁸ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Следовательно, С. Зиманов не разрешил никакой научной проблемы, лишь сам запутался.

Таким образом, кочевое общество казахов в XV—XVIII вв. и позже являлось олицетворением своей преобладающей формы общественного производства — кочевого скотоводства. Поэтому само патриархально-феодалное кочевое общество казахов было совокупностью общественно-производственных отношений кочевников, находившихся на определенной ступени исторического развития.

Кочевое общество казахов XV—XVIII вв. всецело зависело от примитивного, архизкстенсивного кочевого скотоводства, которое породило кочевое полуфеодалное скотовладельца и патриархального раба, зависимого малая и полузависимого кочевого мелкого скотовода — шаруа. Это общество было патриархально-феодалным или полуфеодалным именно потому, что оно характеризовалось не зрелыми феодаль-

⁷ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века, стр. 27.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

ными, а полуфеодальными и полурабовладельческими отношениями. Все классы его отличались недоразвитостью и незрелостью. Господствующий класс был представлен военно-полуфеодальными или полурабовладельческими кочевыми скотовладельцами: султанами, биями, баями и батырами, которые были еще не типичными феодалами, а полуфеодалами или полурабовладельцами. Эксплуатируемую прослойку составляли патриархальные рабы⁹, зависимые малаи и полузависимые кочевые бедняки — консы или хараши, получавшие так называемую «родовую помощь» в большинстве случаев как «ближайшие» родственники крупных скотовладельцев. Полузависимые еще смотрели на бая или батыра как на своего родственника и покровителя на том основании, что все они происходили от общего дальнего предка. Это доказательство того, что масса казахских трудящихся тогда еще жила воззрениями давно минувшего патриархально-родового строя¹⁰.

Одним из характерных признаков кочевого общества казахов в XV—XVIII вв. было то, что классовые отношения в нем имели патриархально-родовую окраску. Жизнь кочевника пронизывал родовой принцип, даже борьба классов в основном протекала как борьба за «родовые» интересы. Как правило, малай из одного рода, доведенный жестокостью бая из другого рода до отчаяния, угонял от него одну или несколько лошадей. Он мог сделать это в том случае, если собственный род был способен его защитить. Такой явно классовый конфликт неминуемо превращался в родовой. Подобные черты общественно-экономической жизни казахов, в особенности у кочевой его части, с некоторыми изменениями сохранились до начала XX в.

Неустойчивость материального производства и источника средств существования казахских кочевников, связанная с примитивностью кочевого скотоводческого хозяйства, деловила не только нищету широких народных масс, но и сделала неустойчивым положение самого господствующего

---

⁹ «Невольники» или «кулы» не имели никаких прав: их продавали, заставляли исполнять самые тяжелые работы, в случаях неповиновения убивали, без всякой на то ответственности перед своим судом». М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1868, стр. 405.

¹⁰ «У бедуинов во всех почти кочевьях встречаются негры в качестве прислуги, так как никакой бедуин не согласится быть слугой даже своего шейха, оказывая ему полное почтение, они тем не менее считают себя и его равными по рождению и отдающему знаки уважения лишь как избранному своему шейху» О. А. Щербатова. Верхом ча родине бедуинов. В поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по Аравийским пустыням в 1888 и 1900 гг.). СПб., 1903, стр. 119.

класса. Самой многочисленной и имущей группой среди представителей патриархально-феодальной верхушки казахов были баи. Но каждый бай-полуфеодал, потерявший свое состояние — весь скот во время большого джута, зачастую уже не мог возвратиться в прежнее положение. Он сам и его потомки в качестве середняков или бедняков вливались в народную массу и теряли связь с патриархально-феодальной верхушкой. Это подчеркивается в казахской пословице: «Потомки самого крупного бая с голоду умирают» («Ақыры байдың түбі аштан өледі»). Богатство казахов, основанное главным образом на владении стадами и табунами, весьма непрочное. «У них происходят весьма быстрые повышения и понижения материального благосостояния, зависящие почти исключительно от погоды и урожаев (трав); от этого каждый казах привык к мысли о возможности во всякое время почти совершенного для него разорения. Несколько лишних градусов мороза, внезапно настигшего зимние пастбища, могут в самый короткий срок богатого казаха обратить в бедняка»¹¹. Положение, отмеченное Б. Юзефовичем, полностью сохраняло свою силу среди «вечных кочевников» Казалинского, Перовского и других уездов предреволюционного Казахстана. Например, бедняк старик Уралбай Таубаев аула № 3 Карабастугайской волости Казалинского уезда был внуком крупного скотовладельца — бая Кабая, который в середине XIX в. имел рабов. Бедняк старик Койбагар был сыном крупного бая Мангыбая, а его жена Калышбике — дочерью крупного бая Ордамбая из рода карабазар-кете. Когда ее выдавали замуж в 60-х гг. XIX в., ее отец купил в Бухаре для дочери вместе с приданым служанку-рабыню, что свидетельствовало об его высоком положении. Потомки бая Ордамбая также были бедняками. Таких фактов немало. Для кочевника-казаха гурты скота составляли и предмет первой необходимости и богатство; вместе с их гибелью погибал и он или же делался нищим¹².

По всем признакам патриархально-феодальные отношения не тождественны развитым феодальным. Между патриархально-феодальным строем и феодально-крепостническим имеются существенные различия. Они выражают разный уровень развития производительных сил и различную степень зрелости общественно-производственных отношений, характерных для этих стадий развития, относящихся к одной общественной формации. Экономические условия в рамках одной и той же общественной формации по мере ее раз-

¹¹ Б. Юзефович. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник», т. 146, СПб., 1880, стр. 303.

¹² Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 149.

вития должны изменяться. Без этого не могла бы происходить смена одной общественной формации другой. Данный факт показывает, что каждая общественная формация как естественно-исторический организм все время развивается, проходит различные стадии.

Если взять первобытную общественно-экономическую формацию, то она после отделения от животного мира прошла в своем развитии через многочисленные ступени матриархально-родового и патриархально-родового строя; рабовладельческая формация — через патриархальное и античное рабство; а феодальная — через раннефеодальную или патриархально-феодальную и феодально-крепостническую стадии. Эпоха первоначального накопления была последним этапом разложения феодализма и первым этапом зарождения капитализма. Переходный период от феодализма к капитализму является феодально-капиталистической стадией развития. Сама капиталистическая формация делится на эпоху промышленного капитализма и империализма. Переходный период от капитализма к социализму есть необходимая полоса исторического развития, когда происходит процесс революционного преобразования капитализма в социализм, который является первой или низшей фазой коммунистической формации. Следовательно, каждая стадия или фаза развития той или другой общественной формации имеет специфические черты, выражающие те или другие стороны данного способа производства.

Сущность марксистско-ленинского метода анализа явлений заключается в том, что вещи и их мысленные отображения рассматриваются во взаимной связи, в их сцеплении и движении, в их возникновении и исчезновении. Диалектическая логика требует брать предмет в его развитии, самодвижении, изменении. Марксизм-ленинизм всякую иную формулировку развития считает «односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе»¹³.

Любую общественную формацию нельзя рассматривать как застывшую, раз и навсегда данную, не имеющую определенных этапов развития. Нежелание считаться с этим привело, например, И. Я. Златкина к тому, что он поставил непреодолимый барьер между концом первобытнообщинной формации и началом зарождающейся в ее недрах новой рабовладельческой или феодальной формациями. И. Я. Златкин пишет: «То, что Маркс и Энгельс вслед за Морганом называли «высшей ступенью варварства» — вместе со свой-

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 53—54.

ственной этой ступени политической надстройкой в виде военной демократии, — является не началом феодальной формации, а концом первобытнообщинного строя, последним этапом его разложения»¹⁴. По И. Я. Златкину получается, что последний этап разложения старой общественной формации не связан с зарождающейся новой. Выходит, что старая формация умирает до появления новой. Это неверно.

Конец старой формации вместе с тем есть начало новой. В переходный период сосуществуют элементы как старого, так и нового общества. Исследование особенностей такой стадии развития общества является одним из трудных и важных вопросов марксистско-ленинской науки.

Марксизм-ленинизм учит, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹⁵. При этом созревание и появление материальных и социальных условий перехода от первобытнообщинной формации к антично-рабовладельческой или феодальной происходит менее заметно, чем в последующих высших формациях.

В. И. Ленин на примере переходного периода от капитализма к социализму показал, как надо подходить к анализу исторических этапов общественного развития. Он разъяснил, что переходный период от капитализма к социализму есть такой этап в общественном развитии, в экономике которого «есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма... Но не всякий, признавая это, — говорит В. И. Ленин, — размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса»¹⁶.

Такой переходный период, характеризовавшийся многоукладной экономикой страны, народы Советского Союза в основном прошли за первые двадцать лет. Это было в одной стране. Но этим не исчерпывается содержание понятия переходного периода от капитализма к социализму в мировом масштабе. Вся пятидесятилетняя история человечества после раскола мира на две системы есть история сосуществования и борьбы новой развивающейся коммунистической общественно-экономической формации со старой, разлагающейся капиталистической общественно-экономической формацией.

¹⁴ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 72.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 206—207.

Поэтому основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Сейчас лагерь социализма превратился в могучую силу коммунизма. Трудно назвать точную дату, когда эта стадия развития завершится в мировом масштабе. Но нет сомнения в том, что она окончится победой коммунизма над капитализмом. Следовательно, любая переходная стадия развития общества есть сочетание элементов нового с элементами старого.

По определению Ф. Энгельса, политическая экономия по существу является исторической наукой. Она имеет дело с историческим, т. е. с постоянно-изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь после этого может определить немногие, самые общие законы, применимые к производству и обмену вообще. Поэтому стремление некоторых историков подвести под одни и те же законы политическую экономию полуфеодального и полурабовладельческого кочевого общества типа казахского, существовавшего в XV—XVIII вв., и политическую экономию разлагающегося феодализма, основанного на крупном землевладении в Западной Европе и России того же периода, очевидно, ничего для науки не даст, кроме общих мест.

В. И. Ленин историко-экономические термины «патриархальный», «патриархально-крестьянские отношения» и «патриархальщина» употреблял в двояком значении: в одном случае, как образное выражение для того, чтобы подчеркнуть экономическую и культурную отсталость вообще, отсталость деревенской жизни при капитализме, оторванность деревни «от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом»¹⁷, а в другом случае — для характеристики пережиточного общественно-экономического уклада с натуральным хозяйством вообще, натуральным кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством в частности.

На IV конгрессе Коминтерна в 1922 г., еще раз касаясь пяти общественно-экономических укладов в России, В. И. Ленин, говорил, что первый уклад это — «патриархальная, т. е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства»¹⁸. Именно в этом смысле В. И. Ленин писал: «...Патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»¹⁹.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 228.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 279.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

Марксистско-ленинская теория всегда рассматривала различные уклады хозяйства в рамках той или другой общественной формации как сосуществование старого и нового. При рассмотрении и изучении любого общественно-экономического уклада необходимо ставить вопрос так, «как естественный испытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»²⁰.

Научное исследование должно правильно оценить каждое явление реальной жизни в свете основных положений марксистско-ленинской теории без догматизма и шаблона.

Стремление некоторых историков найти ответы на конкретные вопросы, касающиеся сущности кочевого хозяйства казахов в XV—XVIII столетиях, в простом логическом развитии общей истины о феодализме, их попытка навязать умозрительные схемы, не связанные с анализом конкретно-исторических фактов, обусловленных соответствующими материальными условиями жизни общества, мешают научному исследованию исторического процесса развития общества. Примером такого догматического подхода к определению сущности социально-экономических отношений у казахов в XV—XVIII вв. и вообще социально-экономических отношений у кочевников является такого рода рассуждение: «Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности, то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде. Следовательно, о феодализме при этом говорить не приходится. Отсюда видно, что основой феодализма у кочевников, как и у других народов, была только земельная собственность»²¹.

Это утверждение является ошибочным. Во-первых, основной признак развитого феодализма — феодальная собственность на землю — декларативно навязан переходному патриархально-феодальному кочевому обществу, которое еще не является зрелым феодальным. Это противоречит основному требованию марксизма-ленинизма о творческом применении общих принципов развития общества к конкретно сложившимся социально-экономическим условиям каждой страны, о недопущении механического перенесения пройденного пути развития отдельной страны в со-

²⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. 85.

²¹ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 85.

вершенно другие социально-экономические условия; во-вторых, отрицание роли скота как основного средства производства и как средства эксплуатации в кочевом обществе свидетельствует об отвлечении от реальной жизни и стремлении руководствоваться так называемой общей истиной о феодализме, которая ничего не говорит о данной стадии развития производительных сил этого общества и о его преобладающем виде материального производства; в-третьих, бездоказательно предлагается принять на веру существование у кочевников частной собственности на землю. Это делается Л. П. Потаповым лишь исходя из того, что иначе ему и его сторонникам нельзя говорить о развитом феодализме у кочевников (!). Свою субъективную позицию он хочет прикрыть фразой о так называемой «общей закономерности феодализма». Поэтому сущность патриархально-феодальных отношений у кочевников он определяет так: «Патриархально-феодальные отношения — это отношения феодальные, выросшие у кочевников, как и у земледельческих народов, под воздействием общей закономерности феодализма, на основе развития и упрочения феодальной собственности на главное средство производства — землю»²². Это в корне неверно. В кочевом скотоводстве, как уже было выяснено, как в особой сфере материального производства главное средство производства отличается от главного средства производства в оседлом земледелии. На такой важный конкретный вопрос о жизни кочевого общества нельзя ответить ссылкой на общую закономерность феодализма. О подобной теоретической позиции в оценке конкретных общественных явлений В. И. Ленин писал, что стремление найти ответы «на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»²³.

Для понимания общей закономерности развития общества и анализа процесса возникновения эксплуатации человека человеком и антагонистических классов решающее значение имеет факт появления частной собственности на средства производства, а не физические свойства предметов природы, являющихся средствами производства. Что касается вопроса о том, какие предметы природы оказываются основными средствами производства в производственной деятельности людей, то это зависит в каждом конкретном случае от господствующего вида материального производства общества. Поэтому данное Л. П. Потаповым определение сущности па-

²² Там же.

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 14.

триархально-феодальных отношений у кочевых скотоводческих народов не отражает объективной реальности. Надуманность его заключается прежде всего в том, что Л. П. Потапов исходит из предположения, что понятие «патриархально-феодальные отношения» якобы не имеет никакого социально-экономического содержания, следовательно, не отражает никакого этапа или стадии общественного развития. Он ставит знак равенства между понятиями «патриархально-феодальные» и «феодальные» отношения, как между адекватными понятиями. Далее, сводя на нет научно-теоретический и историко-экономический смысл понятия «патриархально-феодальные отношения», Л. П. Потапов связывает эти отношения только с кочевым хозяйством, тогда как через такой этап развития прошли все народы мира, совершавшие переход от дофеодальных формаций к феодальной.

Русский народ проходил эту стадию развития с VI в. по IX в. Известно, что в этот период на территории древней Руси существовал патриархально-родовой быт при широкой общественной форме землевладения; славяне вели оседлый образ жизни, занимаясь в основном земледелием.

Такая общинная форма землевладения проявлялась в том, что каждый член рода имел землю там, где хотел, и в таких размерах, в каких мог. Право на землю определялось общепризнанными началами «куда топор и соха ходили», «расчисти — и твое», «что к тому селу изстарь потягло» и т. п.

Не существовало и точных границ племенных владений, а тем более отдельных семей и дворов²⁴. Такой стадии исторического развития в основном соответствовала племенная собственность на землю. «Первая форма собственности, это — племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенной земли»²⁵.

В Древней Руси весь период, предшествовавший образованию Киевского государства,²⁶ был переходным к раннефео-

²⁴ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 80—81.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 20.

²⁶ «Новые археологические данные и показания письменных источников, рассмотренные в свете марксистского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—XIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от первобытнообщинного строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному относительно единому государству. Этот период можно назвать полупатриархальным-полуфеодальным. «Очерки истории СССР, IX—XV вв.», ч. I, М., 1953, стр. 68.

дальному или патриархально-феодальному. Это был период, когда в восточнославянском обществе в условиях разложения общинно-патриархального строя происходило становление феодальных отношений, когда на основе развивающегося имущественного и политического неравенства возникли классы, появилась частная собственность на землю, стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников.

П. Н. Третьяков считает, что известную роль в процессе возникновения классового общества у восточных славян сыграла также и еще одна форма примитивной эксплуатации — взимание дани с покоренного населения. Эта форма эксплуатации, давно известная на славянском юге, в VII—IX вв. получила широкое распространение. Дань явилась одним из существенных источников накопления богатства в руках феодализирующейся знати. Впоследствии, уже во времена Древней Руси, когда процесс превращения земель в частную собственность близился к завершению, эксплуатация сельского населения путем сбора дани претерпела трансформацию, превратилась в ряде случаев в ренту продуктами²⁷.

Сбор дани был одной из архаических форм эксплуатации, которая существовала в истории многих народов. Дань — форма эксплуатации, отмеченная у всех племен с развитым «военно-демократическим» устройством. Во времена «великого переселения народов» даннические отношения были широко распространены. Требование платить дань являлось следствием любого завоевания или подчинения. «Дань собирали готские «короли». Все племена, входившие в состав державы Аттилы, уплачивали ему дань. Такой же порядок устанавливали авары, подчинившие себе, в частности, и некоторые славянские племена. Основу общественной структуры антских и славянских племен в VI—VII вв. составляла, по-видимому, патриархальная община, находившаяся в состоянии распада и входившая в состав территориальной поземельной общины. Это была та самая «задруга» — большая семья, которая сохранялась в некоторых местах на Балканском полуострове до XIX — начала XX вв.»²⁸.

В VI—VII вв. славяне стали образовывать «полугосударственные объединения переходного типа». До IX в. при оседлом земледельческом характере экономики и быта населения, при многочисленности племенных объединений и обширности территории «мелкий земледельческий производитель — общинник сохранял свою личную и экономическую

²⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 281, 294, 296.

²⁸ Там же, стр. 175—176.

свободу от небольшой верхушки господствующих классов и не был закрепощен ими»²⁹. Киевское государство IX—X вв., которое стояло по сравнению с любым кочевым обществом на более высоком уровне развития, Маркс все же считал «варварским» государством переходного типа, подобно империи Карла Великого на Западе, образовавшейся на основе объединения и завоевания «варварских» племенных государств франков, лангобардов, саксов, остготов, вестготов и других, возникших на развалинах Римского рабовладельческого государства.

Эти «варварские» племенные государства, по нашему мнению, находились примерно на одном уровне развития с племенно-феодальными, военно-кочевыми государственными образованиями, включая государственные образования, существовавшие у монголов эпохи Чингис-хана и кочевые ханства казахов XV—XVIII вв., которые были непрочными государственными объединениями и не имели экономических условий для дальнейшего прогрессивного развития, пока оставались в кочевом состоянии. Ибо марксистско-ленинской наукой давно доказано, что «экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие»³⁰. Поэтому К. Маркс кочевое общество монголов эпохи Чингис-хана не случайно называл «полудивилизованным», т. е. «полуварварским» обществом, в котором уже существовала эксплуататорская верхушка, пользовавшаяся привилегией, схожей в некотором отношении с феодальным правом. Но это было полufeодальное, патриархально-феодальное право, имевшее место «у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»³¹. Слова «варварско-племенное» и «полудивилизованное» Маркс употреблял по отношению к обществу, являющемуся переходным к феодальному, и в этом смысле это понятие совпадает с понятием «патриархально-феодальное». Во всех работах К. Маркса и Ф. Энгельса, где встречаются понятия «варварство», «полуварварство», они используются как равнозначные понятиям «патриархальный» и «патриархально-феодальный». Следовательно, стадия исторического развития общества, которая Ф. Энгельсом названа «высшей ступенью варварства», мало чем отличается от стадии патриархально-феодальной. Например, полукочевые германцы перед переселением народов в Европе, т. е. в III—IV вв., находились на высшей стадии варварства. «...Только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации. И высшая ступень варварства, до

²⁹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1952, стр. 101—102.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 174.

³¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, Л., 1938, стр. 220.

которой и на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса»³².

Нет сомнения, что К. Маркс и Ф. Энгельс под словами «варварские» и «полуварварские» подразумевали то, что В. И. Ленин под понятием «полуфеодальный» или «патриархально-феодальный». В частности это видно из текста «Манифеста Коммунистической партии». К. Маркс и Ф. Энгельс о буржуазии писали: «Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»³³ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Понятие «полуфеодальное» у В. И. Ленина всегда имело двойное значение. В одном случае оно означало явление, переходное от патриархального к феодальному, а в другом — от феодального к капиталистическому. Оба явления существовали параллельно в разных районах обширной территории дореволюционного Казахстана. Если в чисто скотоводческом кочевом ауле мы могли видеть кочевого бая — скотовладельца отсталого, патриархально-феодального типа, то в оседлом и полукочевом аулах — баев, занимающихся земледелием, скотоводством и отчасти торговлей. Хозяйство и образ жизни делали их баями феодально-капиталистического типа, приближающегося к типу кулака³⁴.

При всей однородности социально-экономического содер-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 155.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428.

³⁴ «... хозяйственный быт туркестанских казахов отличается от хозяйственного быта казахов северных областей и уездов: именно, в дифференциации казахов на несколько резко друг от друга отличающихся слоев или классов. Дифференциация, и тоже резкая, замечается и в северных степях; и там богачи-баи резко выделяются из массы заурядных, средних казахов, и эти последние, опять-таки, резко отличаются от более или менее закабаленных байгушей или джатаков. Но на севере эта дифференциация — главным образом, если можно так выразиться, количественная: богач имеет всего больше, нежели среднесостоятельный казах, а тем более — нежели джатак; но он имеет все то же, что имеют и они. Будучи крупным скотоводом и в силу этого совершая со своим скотом дальние перекочевки, он в то же время в больших размерах занимается земледелием, имеет большой дом, заготавливает много сена и во всем этом идет, обыкновенно, впереди своих среднесостоятельных и бедных сородичей. Совсем не то у туркестанских казахов: у них дифференциация является не только количественною, но и, так сказать, качественною; богач имеет не только большее по размерам, но и совершенно другое по характеру хозяйство, а вместе с тем ведет и совершенно иной образ жизни, нежели бедняк, причем среди сыр-дарьинских казахов богачи являются не только не прогрессивным, но наоборот — наиболее отсталым элементом». А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 141—142.

жания патриархально-феодалных отношений как у оседлых земледельческих, так и у кочевых скотоводческих народов, они имели специфические особенности. Эта специфика заключалась в том, что оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое хозяйства создавали различные потенциальные возможности для дальнейшего развития производительных сил общества. Разные виды материального производства — кочевое скотоводство и оседлое земледелие, с присущей каждому из них технологией производства и социально-бытовым укладом жизни, обусловили различные формы земельных отношений. Специфические условия кочевого скотоводства и военно-походный образ жизни у кочевников создали общинную форму землевладения при частной собственности на стада и табуны. Такое положение ни в какой мере не противоречит общей закономерности общественного развития, а говорит лишь о многогранности, сложности процесса исторического развития. Научная конкретность означает всесторонность охвата явления, она вытекает из марксистского принципа историзма. Проводя научный анализ явления, нельзя пренебрегать его исторической связью с конкретными условиями, с условиями его существования и развития.

Сила общей закономерности общественного развития в том и состоит, что ее невозможно втиснуть в рамки какой-нибудь схемы, как пытаются сделать некоторые историки и юристы. Эта закономерность прежде всего проявляется в том, что каждый народ в зависимости от преобладающего вида материального производства, от конкретно сложившихся социально-экономических, природных и прочих условий, совершает закономерный процесс развития от низшей стадии к высшей, создавая свою собственную историю. История одного народа никогда не может быть стереотипом истории другого народа. Догматическое и надуманное определение сущности патриархально-феодалных отношений отрывает науку от ее жизненного источника, лишает содержания.

Патриархально-феодалное общество является начальной, ранней стадией развития феодализма; у кочевых народов феодализм полного развития достигает только тогда, когда происходит оседание их и скотоводство начинает сочетаться с земледелием и сенокосением. «Без перехода на оседлое состояние кочевники-скотоводы дальше патриархально-феодалных отношений не идут»³⁵. Без оседания кочевые народы не могли перейти ни к античному рабовладельческому, ни к развитому феодалному обществу, оставаясь полурабовла-

³⁵ А. Ю. Якубовский. Серьезное исследование по истории таджикского народа. «Коммунист», 1953, № 1, стр. 109.

дельческими и полуфеодальными обществами. В обоих случаях социально-экономическая причина была одна и та же.

Отождествление патриархально-феодальных отношений с феодальными и переоценка возможностей развития производительных сил кочевого общества вытекает из субъективного желания искусственно «выравнивать», т. е. «нивелировать» уровень развития производительных сил и производственных отношений у кочевых полуфеодальных скотоводческих и оседлых феодальных земледельческих народов. Сторонники такого взгляда не учитывают, что раскрытие общей закономерности развития той или другой общественно-экономической формации возможно только путем изучения и выяснения конкретных проблем, связанных с развитием общественного производства, а не путем чистой абстракции и схематизма.

Следует обратить внимание на определение составных элементов производительных сил кочевого общества, которое дал Л. П. Потапов: «Производительные силы у скотоводов-кочевников имели частный характер, а собственность на главное условие производства: кочевье, пастбища и т. д., то есть на землю — общинный. Это противоречие и было постепенно устранено новыми производственными отношениями, отношениями классовыми, которые нередко, впрочем, в течение долгого времени сосуществовали со старыми патриархальными отношениями»³⁶. У Потапова основное средство (орудие) производства в кочевом обществе — земля, но оно оказывается вне рамок производительных сил скотоводов-кочевников. Парадоксально, но факт, «главное условие производства» кочевника — земля исключена из понятия производительных сил. В действительности, как уже не раз отмечалось, землю — естественное пастбище — у кочевников нужно рассматривать как один из элементов предмета труда, т. е. в единстве с пасущимся стадом, поэтому ее нельзя исключить из производительных сил кочевого скотоводческого общества.

Л. П. Потапов ошибочно полагает, что классовые отношения у кочевников не могли возникнуть до тех пор, пока существовало общинное владение землей. Он отвергает роль стад и табунов как средства производства вообще и отрицает возможность эксплуатации человека человеком на основе частной собственности на стада и табуны.

Как уже говорилось, в условиях кочевого скотоводческого общества эксплуатация человека человеком происходила на

³⁶ Л. П. Потапов. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1954, стр. 27.

основе частной собственности на стада и табуны при общинном владении пастбищем. Поэтому классовые отношения у кочевников складывались на основе частной собственности на стада и табуны, а общинное землевладение на «необитаемые пространства» всегда было главным естественным условием существования кочевого скотоводства.

Теоретическое положение К. Маркса о том, что форма организации труда определяется средствами производства, блестяще подтверждается и в условиях кочевого скотоводства. Кочевое передвижение скотоводов было своеобразной формой организации их труда. Она была вызвана тем, что основным средством производства выступал живой скот, посредством которого присваивалась дикорастущая трава. Известно, что «технология каждого производственного процесса и техника данного производства создают соответствующие себе ритм труда, следовательно, форму организации труда»³⁷. Процесс воспроизводства стад и табунов был и процессом кочеваний. Полная зависимость существования кочевников от экстенсивного скотоводства, требовавшего постоянного передвижения с целью утилизации готовых плодов природы — дикорастущих трав естественного пастбища, определила и соответствующий жизненный уклад кочевников.

Кочевники всегда использовали естественное богатство земли и грабили готовые материальные ценности у оседлых жителей, сметали с лица земли все, что препятствовало их свободному передвижению. «У варварского народа-завоевателя сама война является еще ...регулярной формой сношений, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства»³⁸. Этими обстоятельствами вызывались кровавые нашествия гуннов и монголов, а также беспрерывные войны и переселения среди многих других кочевых народов. «Нашествие кочевых узбеков и подчинение ими Средней Азии и Хорасана в самом начале XVI в. явилось последней волной огромных народных переселений, которыми была так богата предшествующая история этих стран. Поэтому узбеки являются как бы последним компонентом в этногенезе современного узбекского народа»³⁹.

Кочевое общество развивалось вширь. Пока оно остава-

³⁷ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 66.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 21.

³⁹ А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Труды Института истории АН ТаджССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 3.

лось кочевым, в нем отсутствовали экономические предпосылки для достаточного развития производительных сил, необходимых для перехода от патриархально-феодалных отношений в развитую стадию феодализма. Причиной образования колоний Древней Грецией и Римом, а также нашествий древних и средневековых кочевников было очень слабое развитие производительных сил этих обществ. Об этом Маркс писал: «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя... Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция.

То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен привел к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»⁴⁰.

Монголы Чингис-хана и другие кочевники увеличивали богатства своей патриархально-феодалной верхушки не только путем эксплуатации патриархальных рабов и полузависимых бедняков в своей среде, но в значительной мере грабежами скота и имущества у других народов. Такой паразитизм был характерным явлением для всех военно-кочевых обществ. Например, Хазарский каганат, образованный в VII в. в прикаспийских степях как «паразитическое государство сыграло глубоко реакционную роль в истории южных областей Восточной Европы»⁴¹. Таким же паразитическим полуграбительским и полуграбительским переходного типа государственным образованием было государство Чингис-хана. Чингис-хан типичный военный авантюрист, в начале —

---

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 567—568.

⁴¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 206.

вожак разбойничьей банды, умело использует недовольство обездоленных народных масс, выходит победителем из борьбы со своими могущественными противниками и создает сильное централизованное военно-рабовладельческое государство, сразу вступающее на путь широкой внешней экспансии, успех которой является условием самого его существования ⁴².

Надо полагать, что отражением подобной жизни военнокочевого и грабительского общества, существовавшего в XV—XVIII вв., является сохранившееся в казахском языке выражение «собрание скота» (мал жинау). Речь идет о собирании уже кем-то разведенных табуков и стад. Это лишний раз подчеркивает, что патриархально-феодалное кочевое общество всегда было связано с постоянным передвижением, переселением народов и грабительскими войнами. Такая война кочевников была одним «из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно-сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для приобретения ее» ⁴³.

У гуннов, монголов и других кочевников не было и не могло быть развитых феодальных отношений, они не были носителями прогресса и культуры. Их нашествия и непосильная дань задерживали развитие других народов, стоявших на более высоком уровне социально-экономического развития. К. Маркс о нашествии монголов на Среднюю Азию писал: «...орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к чорту» ⁴⁴. Следовательно, все кочевники, которые завоевывали более крупные страны, сами подпадали под влияние этой высокой культуры, переходили к оседлости и только в результате этого затем могли достичь уровня развитого феодализма.

Средства производства при оседлом земледелии и кочевом скотоводстве существенно различны. Из анализа, данного в первой главе, видно, что необходимыми элементами производительных сил в земледелии являются земледелец с определенными трудовыми навыками и орудия труда (соха, плуг, рабочий скот и земля), а предметом труда — семена в единстве с обрабатываемой почвой; необходимыми же элементами производительных сил в кочевом скотоводстве выступают

---

⁴² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 290.

⁴³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 21.

⁴⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. V, Л., 1938, стр. 221.

пастух с определенными трудовыми навыками и орудия труда (стада, табуны и мелкий инвентарь), а предметом труда опять-таки — пасущиеся стада и табуны вместе с естественным пастбищем. Следовательно, если в условиях оседлого земледелия элементами средств труда являются соха и рабочий скот вместе с обрабатываемой землей, то в условиях кочевого скотоводства — стада, табуны и мелкий инвентарь.

В различии элементов производительных сил в земледелии и кочевом скотоводстве заложена различная потенциальная возможность прогрессивного развития данных обществ. Производство изменяется на основе развития производительных сил, которое начинается прежде всего с изменения и развития орудий производства. Орудия труда и их дееспособность являются показателями вооруженности человека в борьбе с окружающей природой. В патриархально-феодалном кочевом обществе основным средством производства выступал живой скот, который не поддавался быстрому усовершенствованию ни механическим, ни химическим путем. Это одно уже ограничивало возможности прогрессивного развития кочевого скотоводческого общества.

Рост производительных сил кочевого общества выражался в усовершенствовании производственных навыков скотоводов, в более целесообразном использовании естественных ресурсов. Имеются в виду улучшенные приемы пастбы и поения скота; знание географии используемой территории, климатических условий, качества пастбищных трав в каждом сезоне для разных видов скота; частичное улучшение пород животных путем индивидуального отбора производителей и маточного поголовья (хотя в условиях кочевого скотоводства эта возможность крайне ограничена, поэтому на первом месте стояла задача количественного увеличения поголовья, а не его качественное улучшение); выработка навыков в выращивании молодняка; методов ухода за различными видами животных; создание народной ветеринарии и т. п.; улучшение и приспособление к кочевой жизни мелких орудий и инвентаря. Этот народный опыт и вековая производственная практика людей не могли вызвать коренного изменения материально-технической базы производства и организации труда, пока не совершился переход к оседлости, к земледелию.

Следовательно, эти достижения в развитии производительных сил общества не могли привести к коренной перестройке общественно-экономической жизни кочевников потому, что «имеющаяся в каждый данный момент ступень раз-

вития производительной силы труда, служащая отправным пунктом, существует не только в виде навыков и способностей рабочего, но вместе с тем и в тех предметных органах, которые этот труд создал себе и ежедневно возобновляет»⁴⁵. Теми предметными органами, которые создал себе и ежедневно возобновлял кочевник, в основном были стада и табуны.

Изучение и анализ сущности экономики кочевого скотоводческого хозяйства показывают, что кочевое скотоводческое общество без перехода к оседлости не могло достичь уровня развитого рабовладельческого или феодального хозяйства. Примером отрыва от конкретной жизни и умозрительного заключения является утверждение С. З. Зиманова о том, что «рабовладельческие общества могли быть земледельческими по характеру преобладающей формы производства. Наоборот, феодальные отношения могли господствовать и в скотоводческих обществах»⁴⁶.

В реальной жизни переход к оседлости был первым и основным условием дальнейшего развития кочевого общества. По характеру своего материального производства и общественно-экономическому укладу жизни оно имело несколько специфических консервативных признаков.

Первый. Кочевое скотоводство исключало оседлый образ жизни, занятие земледелием, появление населенных пунктов, а также частной собственности на землю. Причиной этого была специфика средства труда кочевого скотоводства, организации производства и труда, выразившаяся в опосредствованном производственном использовании земли людьми через стада и табуны, в вынужденном кратковременном пребывании на одном месте, отсутствии постоянного места жительства. Эти обстоятельства объективно закрывали путь людям для вложения своего труда в землю, чтобы кроме утилизации дикорастущих трав путем пастьбы скота извлечь из нее и другие полезные предметы природы, усовершенствовать свои средства труда. Относительно быстрое изменение и развитие средств труда, которые происходили в земледелии, не были присущи кочевому скотоводческому обществу. Вследствие отсталости кочевники не могли вести активную и интенсивную борьбу с природой, познать глубже ее законы, постепенно ставить их на службу людям. Кочевое скотоводство исключало появление городов — очагов промышленности и культурно-политической жизни, тем самым оно ограничивало экономическое развитие общества и прогресс вообще.

Второй. Кочевое скотоводство по сравнению с земледели-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 305.

⁴⁶ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 27.

ем имело значительно более продолжительный период производства. Это вытекало из его естественных и экономических условий, которые тормозили развитие производительных сил общества и рост производительности общественного труда. Если в условиях кочевого скотоводства началом периода производства следует считать момент случки животных, то концом — получение взрослого производственного поголовья скота от этого приплода. Например, период котности у овец и коз длится пять месяцев. Это — естественный момент, который нельзя изменить, поэтому кочевник в умеренном климате получал в год один приплод, тогда как в условиях оседлого интенсивного хозяйства можно добиться трех окотов за два года от одного и того же маточного поголовья овец и коз. На воспитание и выращивание ягненка и козленка, чтобы они стали взрослыми, при отсталом кочевом скотоводстве требовалось около 24 месяцев, тогда как при оседлом и интенсивном овцеводстве этот срок уменьшался в 2—3 раза. Еще более длительным был период производства в коневодстве и верблюдоводстве. Например, период жеребости длится у лошадей 11, а у верблюдов — 12—13 месяцев. Для получения полноценного маточного поголовья или рабочего скота от этого молодняка нужно 5—6 лет. Это значит, что период производства в кочевом коневодстве равнялся 71—83 месяцам, а в верблюдоводстве — 73—85 месяцам. Между тем в земледелии период производства зерновых, включая время подготовки к севу и уборку урожая (без озимой), не превышал шести месяцев. Продолжительность периода производства в экстенсивном скотоводстве К. Маркс удачно сравнил с таким же периодом в лесоводстве. К. Маркс писал: «В приведенной выше цитате из книги Кирххофа заслуживает особого внимания следующее место: *«Кроме того, регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз его ежегодный расход»*. Это значит, что один оборот капитала совершается в 10—40 и более лет.

То же самое и в животноводстве. Одна часть стада (запас скота) остается в процессе производства, в то время как другая часть стада продается в качестве ежегодного продукта»⁴⁷. Таким образом, кочевое скотоводство по сравнению с земледелием было менее производительным, требующим постоянной затраты труда, легко подверженным природной стихии процессом производства, где творческая инициатива человека и возможность усовершенствования орудий труда были скованы характером пастбищного скотоводства и условиями кочевого образа жизни.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 275—276.

Третий. Кочевое скотоводство препятствовало развитию общественного разделения труда среди кочевников. Каждый новый шаг в развитии общественного разделения труда означает новый, более высший уровень развития производительных сил общества, а всякая новая производительная сила влечет за собой расширение общественного разделения труда. История кочевых народов показывает, что из кочевого скотоводства как отрасли материального производства не могли выделиться новые отрасли общественного производства. Оно задерживало процесс роста производительных сил общества, классовой дифференциации населения, появление новых прогрессивных классов, консервируя отсталые формы общественных отношений.

Это связано прежде всего с тем, что при кочевом скотоводстве нет свободного промежутка времени между периодом производства и рабочим периодом, дающим возможность заниматься ремеслом, тогда как в земледелии он существует. «Рабочим периодом называется то время, в течение которого продукт подвергается действию труда; временем производства — то время, в течение которого продукт находится в производстве, включая и период, когда он не подвергается действию труда»⁴⁸.

Известно, что период производства, включая подготовку к севу и уборку урожая, равняется по яровой культуре примерно 6, по озимой — 11 месяцам; рабочий период после посева прерывается до созревания хлебов, если не считать полива и прополки там, где они совершаются. Кроме того, после снятия урожая до подготовки к следующему севу земледельцы опять имеют большой отрезок свободного от производства времени, что дает им возможность заниматься ремеслом или другим видом трудовой деятельности. Это отмечал К. Маркс при рассмотрении экономики России. Он писал: «Возьмем, например, Россию. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году... Так, существуют деревни, в которых все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. д.; в особенности это имеет место в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской губерниях»⁴⁹. Что касается кочевого скотоводства, то вследствие постоянного передвижения и круглосуточного ухода за скотом нет разрыва между периодом производства и рабочим периодом. В этом причина, мешающая отделению ремесла от кочевого скотоводства.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 319.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 272.

Ремесло могло серьезно развиваться и превратиться в самостоятельную отрасль производства только при оседлом земледелии. Отделение ремесла от земледелия знаменовало собой появление новой производительной силы общества и огромнейший прогресс в истории развития человечества. В условиях же кочевого скотоводства ремесло никогда не достигает уровня развития самостоятельной отрасли общественного производства, оно не выходит за рамки примитивного домашнего промысла натурального хозяйства кочевников.

Прогрессивное развитие человечества пошло быстрее вперед в связи с оседанием кочевников, развитием земледелия, усовершенствованием средств производства и ростом общественного разделения труда в условиях оседлой жизни.

«...Земледелие давало теперь наряду с зерном, стручковыми растениями и фруктами также растительное масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия»⁵⁰, город от деревни, чего не было и не могло быть в условиях кочевого скотоводства. Отсутствием ясного представления о кочевом скотоводстве как процессе материального производства и его экономике можно объяснить в корне неверное утверждение С. В. Юшкова о том, что и в условиях кочевого скотоводства возможно и неизбежно отделение ремесла от земледелия. Он писал: «В результате дальнейшего развития производительных сил, в частности, дальнейшего отделения торговли и ремесла от земледелия или от кочевого скотоводства, дальнейшего разложения первобытнообщинного строя, феодальный уклад превращается в феодальный, господствующий способ производства»⁵¹ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Четвертый. Кочевое скотоводство задерживало процесс отделения умственного труда от физического, не способствовало более интенсивному развитию материальной и духовной культуры. Это было одним из важных проявлений задержки

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

⁵¹ С. В. Юшков. Об основных моментах истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4, стр. 46. Такое высказывание С. В. Юшкова вытекало из его ошибочной концепции в вопросах древней истории восточных славян и России. В свое время В. В. Мавродин писал, что в некоторых последних работах по истории восточных славян имеет место и модернизация, сказывающаяся в стремлении без каких-либо ссылок на источники утверждать развитие феодальных отношений и складывание государства у восточных славян в первые века н. э., чем повторяется ошибка, допущенная в свое время С. В. Юшковым, считавшим Киевское государство продолжением скифского государства... VIII в. до н. э.» «Советская этнография», 1964, № 2, стр. 33.

процесса общественного разделения труда в кочевом обществе. Кочевание есть отправление караванами в путь всех людей аула. Во время движения свободное от выюков поголовье верблюдов, табуны лошадей, а также стада овец и коз направлялись пастухами и табунщиками. В этот процесс кочевания, т. е. процесс труда, было втянуто почти все трудоспособное население аула. Даже глава богатого аула, пока был трудоспособным, участвовал в нем. Как правило, на его долю выпадал почетный труд вести караван за собой, сидя верхом на лошади, на место новой остановки. Он выполнял функцию его вожака.

Примером образа жизни казахских кочевников XV—XVIII вв. может быть описание кочевания адаевцев и других «вечных» кочевников в предреволюционном Казахстане. Так, население четырех адаевских волостей проходило в год не менее 2800 км кочевого пути. «На каждой остановке кочевник должен собрать имущество, навьючить его на верблюдов, затем, по приходе на стоянку, развьючить и привести имущество в некоторый порядок, а чаще и поставить кибитки. И все это он должен сделать от 60 до 125 раз ежегодно, т. е. до $\frac{1}{3}$ всей своей жизни кочевник проводит в пути. Не удивительно поэтому, что он свел свое имущество до минимума, не удивительны его некультурность, антисанитарное состояние одежды, посуды, жилья. Можно говорить также и о малой производительности его труда, но само кочевание, не дающее возможности вести сколько-нибудь культурный образ жизни, вечная забота о скоте, его корме и водоопое, для громаднейшего большинства людей была каторгой»⁵². Следовательно, характер организации труда кочевого скотоводства был таков, что поголовно все члены аула находились так или иначе в процессе кочевого передвижения.

При таком образе жизни невозможно было научиться грамоте, кочевники почти поголовно были неграмотными, они не могли посвятить себя умственному труду, серьезно заняться наукой и искусством. Поэтому и не произошло отделения умственного труда от физического. Все свелось к устным преданиям. Духовная культура кочевых народов никогда не выходила за рамки фольклора, устного творчества, которое передавалось из поколения в поколение устно, во многих случаях в отрывках. Итак, кочевое скотоводство никогда не способствовало развитию культуры страны и накоплению в ней действительно прочного материального и духовного богатства. В жизни же общества «...степень искусности

---

⁵² «Материалы экспедиционных исследований Академии наук СССР», вып. 13, серия Казахская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 108—109.

наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде»⁵³. Серьезное накопление духовного богатства, которое представляет собой основу дальнейшего развития производительных сил общества как системы знаний о способах воздействия на окружающий мир, происходит только в условиях оседлого земледельческого общества, когда умственный труд отделяется от физического.

Пятый. Кочевое скотоводство всегда было связано с патриархально-родовым бытом. Они взаимно обуславливали друг друга.

Казахские скотоводы в XV—XVIII вв. кочевали на обширной, сухостепной и пустынной территории. При незначительной плотности населения, постоянных грабежах, во время круглогодичного кочевания они могли обеспечить сохранность своих стад, имущества и свою безопасность только путем союза родственных племен, поддержки родовых связей, сохранения патриархально-родового быта.

Это же положение постепенно привело к обозначению общего контура территории кочевания казахского народа, состоявшего из нескольких союзов племен. «Союз родственных племен становится повсюду необходимым, — писал Ф. Энгельс, — а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа — *rex basileus, thudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом»⁵⁴. Этот закономерный процесс развития проявился и в условиях кочевого общества. Территориальная обособленность у кочевых народов весьма непрочно и условна. Поэтому общая территория перемещения казахского народа никогда не была территорией народа, объединенного в одном государстве⁵⁵. Каждый из трех казахских жузов совершал в основном кочевое передвижение в определенной зоне казахских степей, не имевшей каких бы то ни было установленных границ с другими жу-

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 306.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

⁵⁵ «История казахов не представляет почти ни одного примера прочной и постоянной власти, — чему причиной был кочевой образ жизни, по которому даже самые влиятельнейшие их правители, расходясь со многими из них всегда на значительные расстояния и не видясь с ними нередко целые годы, а с другими почти никогда, естественно утрачивали на них свое влияние и оставались в отдельных родах всегда лишь номинальными». Л. Баллюэк. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона. «Записки Оренбургского отд. ИРГО», вып. 2, 1871, Казань, стр. 160.

зами. Каждое большое племя внутри жуза тоже в основном кочевало в зоне, местность которой была хорошо знакома всем кочевникам данного племени. Каждый кочевой аул стремился не отставать от сородичей. В кочевом обществе с патриархально-родовым бытом никаких экономических и политических условий для раздела земель между полуфеодалными кочевыми султанами, батырами, баями и биями не было.

Образование условного контура территории кочевания казахского народа в условиях сохранения патриархально-феодалного общества на базе кочевого скотоводства не способствовало упразднению патриархально-родового быта или «родового устройства». Сила каждой казахской родо-племенной группы или рода прежде всего определялась его численностью.

Главы родов — представители эксплуататорской верхушки (бай, бии, батыры), прикрываясь патриархально-родовыми традициями, эксплуатировали патриархальных рабов и бедных сородичей (малай и консы), под различными предлогами грабили более слабые роды⁵⁶. Война и организация для войны были регулярными функциями народной жизни⁵⁷. Постоянно происходили межродовые распри, внутренние патриархально-феодалные междоусобные войны и военные походы на соседние народы, от которых, в конечном счете, страдали эксплуатируемые массы населения. Рабство мужского пола в казахской степи исчезло только в результате завершения добровольного присоединения казахских жузов к России, которое в корне изменило политическую обстановку в крае. «Прекратились войны и распри между племенами, поставившие контингент пленников-рабов, обеднел правящий класс, владевший вечными слугами (туленгутами), и не стало рабства в Казахской степи. Но интересен тот факт, что рабство, возникшее в Казахской степи не на почве владения землей, не потребовало, при своей ликвидации, никаких забот об устройстве быта бывших рабов»⁵⁸.

В степных просторах, где не было никаких преград, никаких разграничений земли на участки, кочевые племена не могли обособиться друг от друга. Они постоянно смешивались как в процессе кочевых передвижений, так и в резуль-

⁵⁶ «Стоя на низшей ступени гражданского развития, кочевой казах застыл на понятии о роде, далее этого он ничего не знает. Государство, народ, — для него только звуки без значения. Один род грабит другой, даже родственный ему, а никто не помышляет о союзе, о слиянии в один крепкий и могучий народ». М. А. Терентьев. Очерк I. Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах. «Записки ИРГО по отделению статистики», т. 4, СПб., 1874, стр. 77.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

⁵⁸ И. И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 105.

тате войн. Общность языка, психического склада и обычаев у казахов на всей обширной территории Казахстана объясняется именно этим фактом. Консервативность патриархально-родового быта заключалась в том, что она была непреодолимым препятствием на пути ко всяким новшествам, к любому проявлению личной инициативы. «Каждый жил так, как и стари жил весь род, как завещали отцы и деды. Теряя связь с родом, кочевник утрачивал свои права»⁵⁹.

Попытки отдельных казахских ханов организовать единое государство не могли увенчаться успехом вследствие родо-племенной обособленности казахского населения в результате отсутствия экономической базы, которая могла бы возникнуть в условиях оседлости. Патриархально-родовой быт казахов был столько же фактором, объединяющим людей в роды, сколько и фактором, разъединяющим весь народ на мелкие родо-племенные группы. Таким образом, взаимная обусловленность кочевого скотоводства и патриархально-родового быта была одним из признаков рутинности и консервативности патриархально-феодального кочевого общества казахов.

Все охарактеризованные признаки кочевого скотоводства препятствовали развитию производительных сил и изменению производственных отношений кочевого общества, способствовали сохранению длительного времени низкого уровня развития производительных сил и отсталой формы общественных отношений.

* * *

В истории более развитая земледельческая страна показывала менее развитой, кочевой скотоводческой стране «лишь картину ее собственного будущего». Переход к оседлости был первым и основным условием культурного развития кочевого общества.

Догматический подход к определению сущности социально-экономических отношений патриархально-феодального кочевого общества, который в своей основе не содержит ни грана историзма, ни грана исторической реальности, мешает изучать богатую многообразием жизнь. Он заводит научную мысль в тупик, стремясь все втиснуть в одну известную схему. Основа для догматического подхода к характеристике экономики кочевого хозяйства была заложена акад. Владимирцовым в его ошибочной теории «кочевого феодализма»,

⁵⁹ Н. Коныш. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 30.

существо которой состоит в игнорировании значения преобладания в обществе того или другого вида материального производства. Преобладающий вид материального производства в конечном счете определяет форму общества и темпы его прогрессивного развития. «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств (т. е. всех общественных явлений. — С. Т.)... Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»⁶⁰.

Вся история борьбы классов, прогрессивной борьбы социальных групп, партий и передовых людей любой эпохи в развитии общества по сути была историей борьбы за замену отсталого вида общественного производства передовым, за замену отсталой материально-технической базы производства передовой, за замену старой отсталой формы собственности на средства производства новой и борьбой за замену отсталого образа жизни более прогрессивным. Следовательно, такая борьба была по существу борьбой за приведение в соответствие отстающих в своем развитии производственных отношений характеру новых производительных сил. В этом состояло одно из проявлений действия экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Такая борьба могла происходить в самой разнообразной форме в зависимости от достигнутого уровня развития производительных сил общества и существующей исторической ситуации, но под каким бы девизом она ни выступала, она всегда была борьбой революционной. Марксистско-ленинская теория оценивает такую борьбу как непрекращающуюся борьбу между новым и старым в природе и в обществе. Поэтому ошибочно утверждение Л. П. Потапова о том, что феодальные отношения у кочевников побеждают без революции, без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм. Он пишет: «Феодальные по своему экономическому содержанию производственные отношения у кочевников выступают не только в формах, присущих феодальным отношениям, но в значительной степени в старых, патриархальных родовых формах, характерных для первобытнообщинного строя. Почему это так происходит? Объяснение этому нужно искать не только в том, что эти формы всячески сохраняли и поддерживали феодалы в эксплуататорских целях, но также и в условиях зарождения феодальных отношений у кочевников, которые возникают в недрах первобытнообщинного строя, что дает возможность феодалам использовать его патриархальные формы. Зародившись в недрах первобытнообщинного строя, они,

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

как и патриархально-рабовладельческие отношения, побеждают без революции, без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм, а, напротив, используют их, приспособливают к себе. Некоторые старые патриархальные формы, конечно, выгоднее было сохранить и использовать, а не разрушать»⁶¹.

Ошибочность и оторванность от исторической правды такой трактовки вопроса заключается в том, что, во-первых, она отрицает возможность существования какого бы то ни было переходного этапа развития в истории кочевников — от первобытнообщинного строя до так называемого «кочевого феодализма». Получается какое-то «вращание» первобытнообщинного строя кочевников в феодализм без переходных этапов, без революции и революционных преобразований. Нельзя предполагать, что кочевники сразу же «перепрыгнули» от первобытнообщинного строя к пресловутому «кочевому феодализму». Так не бывает и не было. Во-вторых, Л. П. Потапов выдумал какой-то особый безреволюционный путь развития кочевников, особую закономерность, ратуя на словах за обязательность так называемой общей закономерности феодализма и для кочевого общества. Получается, что у кочевников экономический закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил не действует. В этом состоит надуманность теории «кочевого феодализма». Л. П. Потапов пытается мотивировать свою точку зрения тем, что старые формы всячески сохранялись и поддерживались «кочевыми феодалами» в эксплуататорских целях, а также тем, что новые «феодальные отношения» у кочевников возникали в недрах первобытнообщинного строя. Стремление использовать отживающие формы производственных отношений в корыстных целях всегда было и остается закономерным явлением всех отживающих социальных групп и классов в истории любого народа независимо от его преобладающей формы материального производства и образа жизни. Поэтому это общее явление нельзя приписать только кочевникам, только так называемым «кочевым феодалам». В-третьих, Л. П. Потапов возвышает патриархально-рабовладельческие отношения до экономического базиса самостоятельной общественной формации. В действительности патриархально-рабовладельческие отношения существовали при переходе от первобытнообщинной формации к рабовладельческой, так же как патриархально-феодальные отношения были переходными к феодальным.

⁶¹ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 88.

Трудно представить, что подразумевает в данном случае Л. П. Потапов под революцией. Нам думается, что переход кочевников даже к патриархально-феодальному этапу сопровождался большими для своего времени революционными событиями в виде перехода средств производства — стад и табунов из общественно-родовой собственности в частную, образования социальных групп и классов, появления эксплуатации человека человеком в форме патриархального рабства и патриархально-феодальной эксплуатации, хотя полный переход кочевников к развитому феодализму не мог быть завершен без перехода их к оседлости. О революции у кочевых скотоводческих народов Ф. Энгельс писал: «Как и когда стада из общего владения племени или рода перешли в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени (т. е. в связи с первым крупным общественным разделением труда. — С. Т.). А с приобретением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция»⁶² (подчеркнуто нами. — С. Т.). В четвертых, ошибочные утверждения Л. П. Потапова вытекали из его неправильного определения сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников и отождествления их с развитыми феодальными, отрицания их переходного характера. Это обусловило смешение двух различных форм производственных отношений. Одно дело, когда базис общества составляет переходная форма производственных отношений, когда борьба новой формы еще не одержала полной победы над старой, которая продолжается, как, например, в условиях существования патриархально-феодальных или патриархально-рабовладельческих отношений. Другое, когда новая форма производственных отношений окончательно одерживала победу над старой, когда завершается переход от одной общественной формации к другой.

Смешение двух различных этапов исторического развития привело Л. П. Потапова к ошибочной теории безреволюционного перехода кочевых народов от первобытнообщинной формации к «кочевому феодализму». Для нас бесспорно, что как патриархально-рабовладельческие, так и патриархально-феодальные отношения, существовавшие тогда, когда экономическую основу их составляла уже частная собственность на средства производства: в первом случае на землю, во втором — на стада и табуны, а революционные преобразования еще не были завершены, — неразрывно связаны с древней формой эксплуатации — с патриархальным рабством. Рабство в кочевом обществе носило патриархальный

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 161.

характер, т. е. рабы работали вместе с членами семьи кочевника-скотовладельца, нередко обзаводились семьей и хозяйством⁶³.

Полное абстрагирование от конкретных исторических условий преобладающего вида материального производства кочевников привело Л. П. Потапова к возведению скотовладельческой верхушки патриархально-феодального кочевого общества в ранг «кочевых феодалов», имевших якобы право сословно-монопольной, крупной феодальной земельной собственности, тогда как в реальной жизни кочевников, таких, как казахские в XV—XVIII вв., общественное богатство существовало только в виде скота. Кочевник-скотовладелец действительно являлся монополистом в степной жизни потому, что был скотовладельцем, т. е. владельцем основных средств производства, как любой владелец во всякой отрасли общественного производства. Л. П. Потапов отрицает экономическое значение частной собственности на живые средства производства — стада и табуны в условиях кочевого скотоводческого общества и упускает из виду, что сословно-монопольная собственность феодала на землю и в условиях оседлого земледельческого общества могла возникнуть только на зрелой стадии развития феодализма.

Она возникла тогда, когда вся или почти вся земля стала собственностью феодалов, а обрабатывающие ее крестьяне превращались в крепостных. Известно, что такая сословно-монопольная земельная собственность складывалась в Западной Европе в VII—VIII вв., в России — не раньше IX—X вв. и процесс ее укрепления достиг кульминации только в XII—XIV вв. Этот факт из истории германцев был отмечен Ф. Энгельсом. Он указывал, что «медленно совершавшееся развитие крупных землевладельцев в особое сословие, в аристократию, было признано государством, включено в государственную организацию и сделалось одним из официально-действующих рычагов»⁶⁴. «Клан принадлежит к тем формам общественной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя, иными словами он принадлежит к патриархальному общественному строю»⁶⁵. Значит, между пат-

⁶³ «При отсутствии земельной собственности, при крайней простоте бытовых условий и при господстве патриархальных отношений не могло образоваться у кочевников чисто сословного развития, а также не могло возникнуть и рабства на почве аграрных отношений, так как и самого земледелия не существовало... Тем не менее рабство, хотя и в измененной форме, приспособленной к потребностям кочевого быта, у казахов существовало». И. И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 95.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 511.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 523.

риархально-феодальными и феодально-крепостническими отношениями лежит большой путь развития. Исторические факты показывают, что в период развитого феодализма свободное крестьянство, которое преобладало в обществе на патриархально-феодальной или раннефеодальной стадии, либо совсем исчезло, либо сохранялось в сравнительно небольшом количестве.

Рассматривая сословно-монополюную феодальную земельную собственность не как продукт длительного исторического развития в условиях оседлого земледелия, а как категорию, появляющуюся чуть ли не с момента зарождения патриархально-рабовладельческой и патриархально-феодальной эксплуатации в условиях кочевого скотоводства, Л. П. Потапов постоянно оперирует только понятием феодально-крепостнического строя. Все признаки феодально-крепостнического общества он механически переносит на патриархально-феодальное кочевое общество и утверждает: «Собственность на скот не могла служить основой феодализма (надо заметить, что он опять-таки говорит о феодализме вообще, вне времени и пространства. — С. Т.) у кочевников уже потому, что она не являлась монополюной собственностью феодалов. Скот был в частной собственности также рядового кочевника»⁶⁶. У Л. П. Потапова все вращается вокруг схемы сословно-монополюного землевладения феодалов. Отрицая экономическое значение частной собственности на стада и табуны, как основы патриархально-феодальной эксплуатации в условиях кочевого скотоводства, он берет за основное доказательство своего мнения то положение, что в патриархально-феодальном кочевом обществе скот находился в частной собственности «также рядовых кочевников». Поэтому он спрашивает: «Можно ли представить себе в условиях феодализма у сельскохозяйственных народов такое положение, при котором земля находится в частной собственности и помещика, и крестьян?»⁶⁷. Не совсем понятно, что Л. П. Потапов имеет в виду: владение «и помещика, и крестьянина» одновременно одним и тем же участком земли или же наличие двух форм земельной собственности на разные участки земли. Мы склонны предположить второе, так как считаем, что все зависит от места и времени, от стадии развития феодализма, т. е. от конкретно сложившихся социально-экономических условий. В этом вопросе был прав

⁶⁶ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 85.

⁶⁷ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. (Доклад на научной сессии). Ташкент, 1954, стр. 29.

акад. Б. Д. Греков, когда писал: «Оформление того или иного строя происходит не вдруг, что тут неизбежны более или менее длительные переходные моменты... От первобытнообщинного строя к феодальному славяне (так же, как и другие народы средневековья) перешли не сразу. «Варварские» государства, возникшие на развалинах античного рабовладельческого мира, не сразу стали феодальными. Это дофеодальный (или патриархально-феодальный. — С. Т.) период в их истории, сущность которого состоит в том, что в основе производства этих государств лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника»⁶⁸.

Можно провести известную параллель между частной собственностью обычных кочевников на скот и частной земельной собственностью крестьян под названием «аллод», образовавшейся в среде германских и других племен в провинциях Западной Римской империи в VI—VIII вв. По словам Ф. Энгельса, там пахотная земля и луга превратились в отчуждаемую частную собственность — аллод отдельных хозяйств общины. Лес и выгоны оставались неподеленными в общем пользовании⁶⁹. По данным К. Н. Тарновского, в VIII—IX вв. на всей славянской территории соседская община совмещала в себе частное владение и индивидуальную обработку «доли» и «жребия» с коллективной собственностью на выгоны для скота. Такое частное землевладение крестьян представляло «собой не что иное, как аллод, свободно отчуждаемую земельную собственность»⁷⁰.

Такая же частная собственность на землю встречалась еще в XIV—XVI вв. у крестьян, например, в Белозерском крае. А. И. Копанев пишет: «Мы имеем многочисленные факты продажи, обмена и завещания в монастырь волостными крестьянами своих земель. Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности»⁷¹. Наличие аллода и славянского частного землевладения крестьян убедительно показывают, что в эпоху становления феодализма, т. е. на ранней, полуфеодальной или патриархально-феодальной стадии развития, у сельскохозяйственных народов существовала мелкая крестьянская частная собственность на землю наряду с зарождающейся феодальной земельной собственностью, которая в процессе дальнейшего развития ускорила классовую дифференциацию населения и способствовала образованию крупной сословно-монопольной

⁶⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 111.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 150.

⁷⁰ К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 91.

⁷¹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 190.

феодальной земельной собственности. Превращение общинников-аллодистов в держателей, т. е. захват крупными вотчинниками их аллодов, закладывает основу феодальной собственности на землю и феодальной эксплуатации крестьянства⁷². При этом представители разных слоев общины-марки разными путями утрачивали свои аллоды. Дольше их удерживали члены высшего слоя в марке⁷³. Аллод возник в результате перехода к оседлому образу жизни и земледелию германских и других племен, которые еще до падения Римской империи постепенно усваивали римскую земледельческую технику, римские земельные порядки и многие другие элементы римской культуры.

Частная собственность на землю явилась основой того процесса, при котором в обществе, где решающую роль играло земледелие, господствующим классом постепенно с ростом имущественного неравенства становился класс крупных землевладельцев. «Обладание землей и ее продуктами составляло самую большую часть тогдашнего богатства»⁷⁴. Но этот процесс шел по-разному в различных странах мира. Например, появление крупного сословного феодального землевладения в России не уничтожило сельскую крестьянскую общину, а превратило ее в крепостную. Об историческом процессе появления русской крепостной крестьянской общины В. И. Ленин писал: «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами»⁷⁵. Такие территориальные общины, в которых сохранялись старые традиции общинников, правда, с некоторыми особенностями в зависимости от этапов развития феодализма, находились под властью помещиков-землевладельцев, в крепостной зависимости от них. Это двойственное положение русской крестьянской общины, обусловленное, с одной стороны, сохранением старых общинных традиций, а с другой — наличием феодальной собственности на землю, порождало у крестьян-общинников ложное представление о том, что земля якобы принадлежит им. Они не могли понять,

⁷² А. И. Неусыхин. Структура общины в южной и юго-западной Германии в VIII—XI вв. Сб. «Средние века», вып. IV, М. 1953, стр. 31.

⁷³ А. И. Неусыхин. К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодальнозависимого крестьянства как класса. Сб. «Средние века», вып. VI, 1955, стр. 21.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497.

⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 153.

что само крепостное право было только юридическим выражением крупной феодальной собственности на землю.

Неверное представление крепостных крестьян, которые считали основой своей крепостной зависимости лишь внешнеэкономическое принуждение, разделял и Г. В. Плеханов. Он писал: «Крепостное право сковало и принизило земледельца, но не изменило его отношения к земле. «Мы ваши, а земля наша», — говорили крестьяне помещикам»⁷⁶. Ошибка Г. В. Плеханова заключалась в том, что крепостных крестьян он рассматривал как собственников феодальных земель и не видел тех изменений в их правовом отношении к земле, которые произошли вместе с появлением крупного феодального землевладения. Г. В. Плеханов не понял, что сущность правовых отношений крестьян как класса к земле, следовательно, сущность производственных отношений феодально-крепостнического общества определялась именно сословно-монополюсной феодальной собственностью на землю. Классовые отношения между земледельцами — крепостными крестьянами и землевладельцами — помещиками в России базировались на феодальной собственности на землю, так как «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁷⁷.

В период ускоренного развития капитализма в России народники, как идеологи мелкой буржуазии, боясь острых конфликтов и противоречий капитализма, расшатывавших устой мелкой буржуазии, кричали об «обезземеливании», о «потере самостоятельности» крестьянскими хозяйствами. Изображая развитие капитализма в России как «регресс» и «упадок», они доказывали, что совершается переход от «самостоятельного крестьянского хозяйства к подневольному», батрацкому. Такая точка зрения народников была подвергнута резкой критике В. И. Лениным, который показал, что батрацкому хозяйству, появившемуся в связи с развитием капиталистических отношений, предшествует не «самостоятельность» крестьянина, а крепостничество. «Помещик давал крестья-

---

⁷⁶ Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939, стр. 255.

⁷⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 15.

нину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставляя *все прибавочное время* работать на себя, на барщине... Поэтому ссылаться на крепостническое «наделение землей» для доказательства «исконности» принадлежности средств производства производителю — сплошная фальшь»⁷⁸.

Этот давно разрешенный марксистско-ленинской наукой вопрос отдельные ученые сделали предметом нового спора. На ноябрьской экономической дискуссии 1951 г. была высказана неверная точка зрения о том, что основой феодализма было внеэкономическое принуждение, т. е. насилие, а не феодальная собственность на землю. И. В. Сталин, руководствуясь известным марксистско-ленинским положением, сказал: «Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»⁷⁹. Однако некоторые историки и их эпигоны юристы в этой фразе И. В. Сталина обнаружили, что-то новое, требующее якобы пересмотра чуть ли не всех вопросов, связанных с феодальным способом производства. Исходя из этого, последователи теории «кочевого феодализма» сделали вывод о наличии сословно-монополюльной феодальной земельной собственности и крепостничества и в условиях патриархально-феодального кочевого общества. Они подняли на щит давно осужденную немарксистскую теорию «кочевого феодализма» акад. Владимирцова.

Весьма характерна в этом отношении «теоретическая» позиция И. Я. Златкина. Повторив приведенную фразу И. В. Сталина, он добавил: «Сказанное здесь товарищем Сталиным верно не только по отношению к странам земледельческим, но и странам кочевого скотоводства. Однако некоторые советские ученые полагают, что сталинская характеристика феодального способа производства не подходит или не вполне подходит к кочевым народам»⁸⁰. Посредством такой демагогии И. Я. Златкин связывал свою ошибочную точку зрения на форму землевладения у кочевников с именем И. В. Сталина, видимо, для придания убедительности своей теории.

⁷⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 516 и вторая сноска.

⁷⁹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 41.

⁸⁰ И. Я. Златкин. О феодальной земельной собственности у кочевых народов. См. стенограмму доклада в Институте востоковедения 22 декабря 1952 г.

Разумеется, когда В. И. Ленин в своих работах давал характеристику феодально-крепостнической стадии развития, основанной на крупном землевладении, он не имел в виду патриархально-феодальную стадию развития, тем более кочевое общество. Спрашивается: «Можно ли перенести положение о феодальной собственности на землю в чистом виде с земледельческого общества целиком на общество кочевников-скотоводов? Нам представляется, что нельзя. Так как у кочевников-скотоводов нет непосредственного отношения к земле, т. е. к пастбищу, а имеется опосредствованное отношение через коллектив (через род и племя)»⁸¹.

Основное положение марксизма-ленинизма, говорящее о том, что основой феодализма была феодальная собственность на землю, вовсе не исключает существования в феодальном обществе и частной крестьянской земельной собственности. Об этом К. Маркс писал: «Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, превращенная воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* землей является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю — наиболее благоприятным условием, основным процветания его способа производства»⁸². Следовательно, нет ничего удивительного в том, что в кочевом обществе наряду с крупным патриархально-феодальным скотовладением существовала частная собственность на скот и у рядовых кочевников.

Не следует забывать, что между появлением частной собственности на землю, обрабатываемую личным трудом крестьянина, и появлением крупной сословно-монопольной собственности феодалов на землю, обрабатываемую трудом крепостных крестьян, лежит целая полоса исторического развития. Эти формы частной собственности на землю качественно различны. «Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями»⁸³.

Л. П. Потапов упускает из виду тот факт, что никогда ни в одном из антагонистических обществ не существовало стопроцентной и абсолютной монополии на средства производства. Основа всякой монополии есть частная собствен-

⁸¹ А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 60.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 163—164.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771.

ность на средства производства, право частного собственника, а не какое-то естественное свойство предметов природы. Монополия определяется общественно-экономическим значением средств производства в соответствующих отраслях материального производства, на которые распространяется частная собственность. «...До тех пор, пока существует монополия собственности, до тех пор и собственность на монополию имеет одинаковое с ней оправдание, ибо раз уж дана монополия — она есть собственность»⁸⁴. Поэтому нельзя фетишизировать монополию феодальной земельной собственности, рассматривая ее как явление, присущее и патриархально-феодальной стадии развития. Она в той или другой степени существует во всех антагонистических общественных формациях.

В. И. Ленин отмечает существование двойного рода монополии в капиталистическом сельском хозяйстве, одна из которых не связана, а другая связана с частной собственностью на землю. Первая вытекает из ограниченности земли, которая «...совершенно независимо от какой бы то ни было собственности на землю — создает известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермерами, так как спрос предъявляется на весь хлеб, производимый на всей земле»...⁸⁵ что порождает дифференциальную ренту с лучших участков земли. Здесь земля выступает как объект хозяйства, а не как объект частной собственности. Вторая монополия вытекает из существования частной собственности на землю, которая порождает абсолютную ренту со всех участков земли, вовлеченных в хозяйственный оборот. Абсолютная рента «не выплачивается там, где — фактически или юридически — нет собственности на землю»⁸⁶. «Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно не связана»⁸⁷.

Капиталистическое общество в целом характеризуется монополией класса капиталистов и крупных землевладельцев на важнейшие средства материального производства. Значит, — по словам В. И. Ленина, — и в капиталистическом обществе не устраняется монополия на землю. И там мелкие земледельцы все больше становятся монополистами, мелкими аграриями⁸⁸. Эту монополию может иметь любой владелец денег, который покупает землю, что объясняется отсутствием связи между земельной собственностью и сословной привилегией, которая была характерна только для развитой стадии феодализма. В то же время в любой отрасли капиталистического производства владелец крупной суммы денег

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 560.

⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 118.

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 220.

⁸⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 120.

⁸⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 222.

может стать монополистом, вложив деньги в производство, что ни в какой степени не противоречит принципам капиталистической монополии. Следовательно, в основе монопольного положения любого собственника как при феодализме, так и при капитализме лежит концентрация в его руках основных средств производства. Большое количественное накопление в немногих руках стад и табунов в кочевом скотоводческом обществе при бедности основной массы населения, так же, как концентрация земли в немногих руках в земледельческом обществе, порождает эту своеобразную монополию. Такая монополия отдельных членов общества на средства производства создала присущую себе мораль. «С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: «Не кради»⁸⁹.

Любой крупный землевладелец или крупный скотовладелец мог превратиться в монополиста только в соответствующих условиях определенного общественного производства. Сословно-монополия крупная собственность на землю, которая является экономической основой крепостничества, возникла только на зрелой стадии развития феодализма. Поэтому сословно-монополия собственность на землю не может быть неизменным критерием при определении сущности производственных отношений людей на начальных ступенях развития феодального общества. Например, ее совсем не было в условиях патриархально-феодального кочевого скотоводческого общества. Это нашло подтверждение и в фольклоре: в пословицах, поговорках и т. д.

Кочевое скотоводство из-за рутины и отсталости обрекало трудящихся на мучительное, полуголодное и полурабское существование. Скопление большого количества стад и табунов в руках степных богачей было результатом присвоения прибавочного продукта труда патриархальных рабов, полурабского труда бедняков и членов их семей. Летом и зимой, осенью и весной, днем и ночью, в зной и холод, буран и пургу изнурительный, тяжелый труд казахской бедноты затрачивался для обеспечения сохранности и воспроизводства господских стад и табунов, а не для возделывания пастбищ, выращивания пастбищных трав.

Различие экономических условий патриархально-феодального кочевого скотовладения и развитого феодального землевладения объясняется различием видов общественного производства и различием существовавших в них форм собственности на землю.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95.

Особенности того общественного производства, каким являлось кочевое скотоводство, определили своеобразную сущность социально-экономических отношений казахских кочевников до начала процесса оседания казахских жузов, так как «если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидуумов ...мы имеем дело с определенной исторической эпохой»⁹⁰. Отсталость кочевого скотоводства крайне ограничила возможность развития производительных сил общества, расширенного воспроизводства и роста общественного богатства. «Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается»⁹¹. Следовательно, увеличение общественного богатства и темпы развития производительных сил общества в рамках классово-антагонистических формаций определяются не продолжительностью прибавочного времени, а производительностью общественного труда, которая зависит от материально-технической базы данного общественного производства и уровня развития культуры самих трудящихся.

Применительно к казахским жузам в XV—XVIII вв. это означало, что ничем не ограниченные размеры рабочего времени патриархальных рабов и бедных зависимых и полузависимых пастухов, затрачиваемого на уход за стадами и табунами степных богачей, не могли обеспечить воспроизводства более или менее прочного богатства общества из-за низкой производительности труда, несмотря на очень тяжелую форму патриархально-феодальной эксплуатации. Низкая производительность общественного труда обуславливалась примитивностью кочевого скотоводства, которая определялась условиями труда, исключавшими возможность производства и использования более или менее сложных орудий труда и применения в процессе производства каких-либо новых технических усовершенствований, могущих привести к изменению материальной основы производства и резкому повышению производительности общественного труда. Следовательно, при таких условиях производства существовавшая тяжелая эксплуатация труда патриархальных рабов, малаев и консы не могла обеспечить постоянного расширения воспроизводства, более интенсивного роста материальной и духовной культуры общества.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710—711.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 386.

Концепция сторонников теории «кочевого феодализма» и построена на полном отрицании различия между классическим феодализмом с развитым земледелием и раннефеодальным или патриархально-феодальным обществом с кочевым скотоводством. Они исходят не из анализа действительности, а обосновывают свои предположения простой аналогией с различными историческими фактами и событиями. В. И. Ленин предостерегал от такой ошибки и писал: «Марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»⁹².

Поэтому и патриархально-феодальное кочевое общество необходимо рассматривать как живой социальный организм с его материальным производством, которое представляло определенное единство производительных сил и производственных отношений, выявить и показать достигнутый уровень развития кочевого общества, представлявшего собою переходную, патриархально-феодальную форму производственных отношений со своеобразными формами проявления эксплуатации человека человеком и соответствовавшей им политической надстройкой.

Как уже выяснено, основным видом материального производства в патриархально-феодальном кочевом обществе казахов XV—XVIII вв. было кочевое скотоводство. Земля использовалась только как пастбище в ее естественном состоянии, люди прилагали свой труд не к обработке земли, а к уходу за скотом и его разведению. Подобное положение охарактеризовано К. Марксом следующим образом: «У кочевых пастушеских племен, — а все пастушеские племена первоначально кочевые, — земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют, как пастбище и т. д., на ней кормятся стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности»⁹³. Термин К. Маркса «собственность» в данном контексте вовсе не означает частную собственность, ибо общинное владение землей представляет собой также форму собственности. Слова К. Маркса о том, что «они никогда не

⁹² В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 197.

⁹³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 23—24.

фиксируют этой собственности», по-видимому, означают отсутствие частной земельной собственности, отсутствие закрепления отдельных участков земли за теми или иными кочевниками⁹⁴.

Когда К. Маркс говорил о степях Азии, то имел в виду и беспредельные степи Казахстана. На необъятных просторах степей, пустынь и полупустынь, где существовало кочевавшее круглый год скотоводческое хозяйство, у населения не возникала и не могла возникнуть экономическая необходимость частной собственности на землю, исключительное право тех или других лиц на владение отдельными участками земли. Казахи в тот период приблизительно рассуждали так: никто же не производит траву и воду, которыми питаются их табуны и стада, а уход за ними осуществляют они сами, а табуны и стада обеспечивают их средствами существования⁹⁵. Это говорит о том, что они не имели никакого понятия о частной собственности на землю.

О существовании такого взгляда на пастбище у кочевников Сыр-Дарьинской области еще в конце XIX в. писали, что «...свободный сын степи, казах, не может еще усвоить себе священного значения межи. Он привык, что трава, вырастающая в степи, составляет общее достояние всех имеющих скот»⁹⁶.

Кочевые скотовладельцы были не частными владельцами естественных пастбищ, а их пользователями постольку, поскольку пасли на них свои стада и табуны, которые были их частной собственностью. В XV—XVIII вв. пастбища находились в общинном владении, т. е. они были общими природными условиями производства скотоводов, которые не перешли в индивидуальное владение, что было видно из отсутствия каких бы то ни было границ закрепленных за отдельными лицами, аулами, родами и даже жузами пастбищ. Из этого следует, что если люди в процессе постоянных передвижений только временно и сообща использовали пастбище, то никакого частного землевладения не могло возникнуть.

⁹⁴ «Правовые отношения казахов, как вытекающие из обычая (адата), не знают формы частного владения землею, почему русская юрисдикция в статьях Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. 270-й и последующих, признав все земли государственными, передала их в пользование всех кочевников без права отчуждения под видом частного владения». И. И. Гейер. Голод и колонизация в Сыр-Дарьинской области. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. III, Ташкент, 1894, стр. 2.

⁹⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 123.

⁹⁶ И. И. Гейер. Указ. работа, стр. 70.

Такая форма хозяйствования сделала необходимым ведение кочевого скотоводческого хозяйства на громадном пространстве казахских степей. Весь народ занимался разведением стад и табунов, которые служили основным средством производства и средством существования людей. Поэтому он стал пастушеским народом. Скотоводы всегда были вместе со своими стадами, а землю-пастбище меняли почти ежедневно. Они использовали землю до тех пор, пока на ней не была вытравлена вся дикорастущая трава. Такая специфика скотоводства породила общинную форму землевладения⁹⁷.

Эту особенность скотоводческого хозяйства глубоко понимали классики научного коммунизма. «У пастушеских народов, — как писал К. Маркс, — собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»⁹⁸.

Эти слова К. Маркса следует понимать, во-первых, не в том смысле, что овцы есть простой дар природы, а в том, что растения, являясь поглотителями и хранителями солнечной энергии в измененной форме, служат кормом для скота; во-вторых, что при кочевом скотоводстве первичным и основным средством труда были стада и табуны. Без этого средства труда, т. е. без стад и табунов, не было бы возможно присвоение таких предметов природы; в-третьих, что пастбище использовалось только теми, у кого были табуны и стада. Кочевой скотовод смотрел на естественные луга, пастбища как на свою собственность до тех пор, пока он присваивал дикорастущую траву этих лугов путем пастбы скота, до тех пор, пока паслись, следовательно, передвигались на этих лугах его стада и табуны. Круглый год кочующее скотоводческое хозяйство, а всякое развитое кочевое скотоводческое хозяйство пустынь и степей было именно таким, было несовместимо с частным землевладением.

Такое понимание слов К. Маркса подтверждается его другим высказыванием. «Например, — пишет К. Маркс, — монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для

---

⁹⁷ «Но прежде при совершенно кочевом образе жизни скотоводов... при частых перекочевках с одного урочища на другое, иногда расположенных на расстоянии сотен верст, фактически нельзя было отстаивать право пользования урочищем в течение круглого года, не существовало вообще каких-либо строгих земельных разграничений даже между крупными родами». «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 54.

⁹⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

которого большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было обычным способом производства, так же как и изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия»⁹⁹ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Прежде всего, К. Маркс подчеркивает существенную разницу общественного производства у оседлых земледельцев и кочевых скотоводов, игравших различную роль в истории человечества. Первые были активными участниками образования новой прогрессивной общественно-экономической формации — западноевропейского феодализма; концентрируя в своих руках земельную собственность, они опрокинули старые античные и патриархально-феодалные формы земельных отношений. Вторые же, монголы, не были носителями чего-либо нового, наоборот, они разрушали более высокую культуру, опустошали города и села, собирали дань с покоренных народов и племен, используя большие необитаемые пространства лишь как естественное пастбище для кочевого скотоводства. Со временем эти монголы под влиянием высокой культуры покоренных народов частично осели, и в результате известная часть их достигла уровня развитого феодализма¹⁰⁰.

Как видно, нельзя ставить знак равенства между историческими последствиями двух разнохарактерных завоеваний, т. е. между завоеваниями древних германцев и других народов Римской империи и нашествиями монголов на Среднюю Азию и Россию, происшедшими при господстве двух различных видов общественного производства и при различных социально-экономических условиях.

В выражении К. Маркса о том, что большие необитаемые пространства являются главным условием для кочевого скотоводства, подчеркивается еще тот факт, что чем примитивнее материальное производство, тем больше требуется земельного простора. Существование кочевого хозяйства предполагает, что в каждый данный момент на территории постоянного кочевого передвижения населения должны быть как

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.

¹⁰⁰ «В XII в. создаются предпосылки для выхода Хорезма из периода феодальной раздробленности и превращения его в ядро одной из наиболее ранних и могущественных феодальных монархий Востока, империи хорезмшахов, принявшей на себя первый удар полчищ Чингиз-хана, разделив с Русью высокую заслугу спасения своей кровью европейской цивилизации». С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 321—322.

пустующие, так и населенные пространства, иначе кочевое скотоводство немислимо. Этими требованиями общественно-экономической жизни кочевого общества казахов в значительной степени была обусловлена обширность территории казахских жузов, которая превышала 2,7 млн. кв. км. Наличие такой огромной территории, по размерам уступающей только территории РСФСР и представляющей в основном степи и пустыни, где плотность населения в XV и первой половине XVIII в. была ничтожна, является самым убедительным доказательством господства такого способа ведения кочевого скотоводческого хозяйства, при котором отсутствовала частная собственность на землю.

* * *

Казахское ханство возникло на базе патриархально-феодалных отношений кочевого скотоводческого общества подобно тому, как создавались в истории всякие неустойчивые, полуфеодалные и весьма слабые государственные образования или полугосударственные объединения, характерные для типа отношений, переходных к антично-рабовладельческому или к феодальному обществу. Подобно другим типам государства, казахское ханство выступало как аппарат насилия в руках полупатриархального, полурабовладельческого, полуфеодалного господствующего эксплуататорского класса крупных скотовладельцев. Оно возникло из потребности господствующего класса в охране частной собственности на стада и табуны и другое движимое имущество от посягательств, для подавления сопротивления угнетенной и эксплуатируемой массы населения, для обеспечения себя территорией кочевого передвижения и ее охраны от внешних врагов, для ограбления других народов.

Казахское кочевое ханство XV—XVIII вв., представляя собой начальную стадию развития государственности, сохраняло в себе все основные черты и признаки «военной демократии»: Война велась главным образом ради грабежа. Она становилась постоянным занятием патриархально-феодалной верхушки общества. У казахских султанов, батыров, биев и баев того периода грабеж считался делом «...более легким и даже более почетным, чем созидательный труд»¹⁰¹.

Органы «военной демократии», сохранившиеся в казахском обществе в лице выборных военачальника или хана, совета старейшин или собрания родоправителей, уже переродились и являлись учреждениями классового господства. По

---

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

всем данным, в кочевом обществе казахов в этот период органы «военной демократии» превратились из орудий народной воли в орудия порабощения и угнетения народных масс. «Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы в результате распространения рабства добывание средств к существованию собственным трудом не начало уже признаваться делом, достойным лишь раба, более позорным, чем грабеж»¹⁰².

В XV—XVIII вв. казахские полуфеодалы во главе с ханом открыто снаряжали на разбой людей, которые возвращались с награбленным имуществом, скотом и пленными. За счет этого представители верхушки казахского общества обогащались. Они не считали грабежи и разбой позором, наоборот, кто чаще участвовал в таких делах, тот пользовался почетом в своей среде, его расхваливали и представляли на показ как человека выдающейся силы, храбрости и ловкости. «Самые знатные казахи даже собирают вокруг себя шайки для грабежа в соседних странах. Каракалпаки, аралыцы, ташкентцы являются всегдашними жертвами насильничества» этих грабителей¹⁰³. П. С. Паллас также отмечал, что если составляется сильная партия за войну, то это обсуждают на собраниях и выбирают одного из старшин или начальников предводителем. Малые же грабежи совершают без всякого предварительного совещания. Если с границы какого-либо государства они отгоняют табуны лошадей или хватают людей, то это делают лишь тогда, когда их стада достаточно удалились от данной страны. Вообще, грабительские набеги они совершают в такое время, когда их трудно поймать¹⁰⁴. Патриархально-феодалная верхушка казахов была весьма схожа с аристократией «варварского государства» орхонских тюрок. «Опираясь на силу и богатство, постоянно приумножаемые войной, данью и подневольным трудом зависимых и рабов, орхонская аристократия выработала не только своеобразную, поражающую современников дикой роскошью материальную культуру кочевий, но и характерную идеологию степных рыцарей-хищников»¹⁰⁵.

Первый свод народных обычаев под названием «Джетгы-жарга», составленный семью биями (точнее: джетгы-жорга—

¹⁰² Там же, стр. 165.

¹⁰³ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, стр. 26.

¹⁰⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I, СПб., 1773, стр. 579—580.

¹⁰⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 507.

семью иноходцами) при хане Тауке во второй половине XVII в., дает возможность понять сущность казахского ханства как государственного образования. Созданием свода кодексов, «во-первых, добиться в степи ежегодных осенних съездов из всех старейшин и правителей отдельных родов для рассуждения в присутствии хана о делах, касавшихся всего народа, во-вторых, вменить в непререкаемое руководство, чтобы все являющиеся на эти съезды казахи были с оружием, которое только и давало каждому присутствовавшему на собрании право голоса»¹⁰⁶. Ежегодные съезды, на которые все должны были являться вооруженными, были явным пережитком собраний «народа войска» эпохи «военной демократии», а не каким-то новым институтом, созданным ханом Тауке. Прав С. Л. Фукс, который пишет: «Можно вообще считать установленным, что казахская традиция напрасно приписывала Тауке роль смелого социального реформатора. В его действительно энергичной деятельности центр тяжести лежал не в создании каких-либо новых рычагов классового господства казахских феодалов, а в укреплении старых. Уже Гавердовский высказывал предположение, что казахи «по пристрастию или незнанию» «несправедливо приписывают сему их владетелю изобретение общественных законов», в то время как он «только поддержал угасающую между народами силу оных». И не даром о составителях «законов Тауке» говорят, что они соединили в «Жеты-Жарга» «чистую дорогу хана Касыма» и «древнюю дорогу хана Есыма»¹⁰⁷.

О слабости власти казахского кочевого хана в XVIII в. говорят многочисленные документы. В донесении от 27 июня 1785 г. Екатерине II губернатор Игельстром писал: «Однако, со всем тем желают остаться при древнем обыкновении: иметь хана, отделя только его от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятен»¹⁰⁸. В письме А. Р. Воронцову от 24 февраля 1787 г. Игельстром еще раз указывал: «Поелику ханы казахские над подвластными им народами не имеют самовластного правления, то обещания их, ежели бы и были, не могут иного действия иметь, как только на срочное время, в рассуждении того, что орды киргизские никакого благоустройства в себе не имеют»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I, Оренбург, 1924, стр. 212.

¹⁰⁷ С. Л. Фукс. Некоторые вопросы истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4, стр. 103.

¹⁰⁸ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, М.—Л., 1940, стр. 57.

¹⁰⁹ Там же, стр. 78.

В объяснении полковника Д. А. Гранкина от 13 декабря 1788 г. сказано: «Ерали-салтан, по-моему письму намерение свое оставил и караван возвратить обещался; и конечно, он сие выполнил бы тогда же, ежели бы в скором времени для взятия оных товаров послано было, но уже спустя около 2-х месяцев, когда они на зимовые кочевья перешли на Сыр-Дарью, и так как казахи самовольны, то, несмотря на Ерали-салтанова повеление, товары по себе разделили»¹¹⁰. Эти факты говорят о том, что у казахских ханов еще не было сильной власти, опирающейся на постоянную вооруженную силу. Решающее значение еще имели традиции «военной демократии», проявлявшиеся в большом влиянии на народ родопривителю в лице биев, старшин (аксакалов) и в особенности ба-тыров.

Г. С. Волконский в 1810 г. верно отметил, что «самая власть ханская ограничивалась единственно личным титулом ханского достоинства, как известно мне из дел предместников и из собственных моих наблюдений, ибо казахи управ-ляются более частными родоначальниками, нежели ханами»¹¹¹. А. И. Левшин, лично изучавший быт казахских пле-мен в начале XIX в., в 1823 г. писал: «Образ внутреннего управления казахов представляет глазам наблюдателя явле-ние странное и совсем необыкновенное: анархическую смесь деспотизма с неограниченною свободою каждого частного лица. И потому в одно и то же время видим здесь полномоч-ного властелина, который вешает своего подданного за кражу барана или лошади, а возле него толпу подвластных ему же, которая торжественно отказывается от повиновения и объяв-ляет, что она переходит от него под власть другого повелите-ля за то, что он из нее какого-нибудь хищника выдал русско-му пограничному начальству или отказал злодею в покрови-тельстве»¹¹². Такое сочетание элементов деспотизма ханской власти в отношении мелких и нищих воришек с ее беспомощ-ностью в отношении более или менее многочисленной группы людей, имевших полную личную свободу, дававшую возмож-ность в любое время бросить своего хана или султана, ясно показывает, что эти кочевые ханства, представлявшие собой непрочные политические союзы племен, еще не имели той экономической базы в виде феодального землевладения, на основе которой могли бы возникнуть феодальное государство и крепостничество. Кочевые казахские ханства за все время своего существования были племенно-феодальными государ-ственными образованиями, во главе которых стояли выбор-

¹¹⁰ Там же, стр. 104.

¹¹¹ Там же, стр. 246.

¹¹² Там же, стр. 436.

ные кочевые ханы, «не обладающие ни крепостью, ни войском для охраны»¹¹³.

Вопреки этим данным, сторонники теории «кочевого феодализма» переоценивают уровень развития государственности у кочевых народов, следовательно, и кочевое хозяйство казахов XV—XVIII вв. как государственность. Этим обстоятельством объясняется, почему составители проспекта «История государства и права Казахстана» приписали все признаки феодальной монархии оседлых земледельческих народов кочевому казахскому ханству. Они утверждают, что казахские трудящиеся выполняли различные повинности в пользу казахских ханов и султанов в XV—XVIII вв. «Феодальная рента и феодальные повинности трудящегося населения. Формы продуктовой земельной ренты зависимых людей: зекет, ушур, согум, сыбага и другие поборы. Формы отработочной ренты зависимых людей. Формы внеэкономического принуждения, использовавшиеся казахскими феодалами в целях эксплуатации трудящегося населения»¹¹⁴. По мнению этих авторов выходит, что казахские кочевые ханы в XV—XVIII вв. регулярно производили сборы скотом в пользу хана или султана (зекет) и сборы из урожая (ушур), хотя казахи в то время земледелием не занимались.

На самом деле податей под названием «зекет» и «ушур», которые собирались аппаратом теократической государственной власти мусульманского Востока и существовали чуть ли не с момента распространения ислама, в казахском обществе XV—XVIII вв. не было. Что касается кочевого ханства казахов, то оно никогда не было теократическим мусульманским государством. Среди узбекских кочевников — предков казахов — ислам начал распространяться в XIV в. Выделение казахов из Узбекского улуса и образование казахского ханства в XV в. не привели к усилению среди казахов влияния ислама.

В трудах участников экспедиции Российской Академии наук в казахскую степь, состоявшейся в 1768—1774 гг. под руководством акад. П. С. Палласа, отмечается плохое знание казахами исламской религии. Например, И. П. Фальк писал: «Магометане казахи очень плохие, невежественные и суеверные. Ни мечетей, ни школ у них нет совсем и мало служителей культа, мулл. Муллы все тоже очень невежественны. В силу всего этого казахи не умеют ни читать, ни писать. По казахским степям разъезжает несколько операторов обрезания. За совершение этой необходимой правоверному магоме-

¹¹³ Там же, стр. 347.

¹¹⁴ «История государства и права Казахстана». (Прспект), ч. I, Алма-Ата, 1954, стр. 6.

танину операции взимается хорошая плата — овца... Но их тоже не хватает. У казахов можно встретить даже подростков, мальчиков лет 14, еще не обрезанных»¹¹⁵. И. Г. Георги даже утверждает, что казахи приняли ислам только в начале XVIII в. С этим полностью согласиться нельзя, так как формальное принятие ислама предками казахских кочевников относится к более раннему периоду. Однако отчасти он прав, что 20-е гг. XVIII в., точнее период с 1723 по 1729 г., являются годами, когда все три жуза казахского народа находились в изгнании на территории среднеазиатских ханств, спасаясь от преследования джунгаров. Тогда казахи — сомнительные мусульмане могли по требованию правителей и служителей религиозного культа Хивы, Бухары и Самарканда еще раз повторить церемониал принятия ислама¹¹⁶.

Об обожествлении казахами предметов природы и могильников говорят почти все участники экспедиции П. С. Палласа. И. Г. Георги о поклонении казахов могиле хана Абулхайра писал: «Казахи признают сего умершего хана за святого, производя сие из следующего заключения. От того места, где лежит ногами усопший, выросло нарочитой величины ветловое дерево, покрывающее ветвями своими восточную часть над ним поставленного здания... Все казахи чтут с благовением его могилу и приписуют ему творение различных чудес»¹¹⁷. Подобное у узбекских кочевников наблюдал В. Наливкин. «Издrevле узбеки принесли с собой обычай боготворения деревьев; каждый раз, как они встречали одиноко стоящее большое дерево, женщины вешали на его ветки лоскуты разных материй, после чего дерево это становилось священным, — мазаром; сюда приходили молиться, просить бога о помощи, справлять поминки, совершать жертвы и т. п.»¹¹⁸. Казахские кочевники вплоть до XIX в. оставались номинальными мусульманами¹¹⁹.

¹¹⁵ См. «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», т. I, М., 1935, стр. 197.

¹¹⁶ Там же, стр. 196—197.

¹¹⁷ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. ч. II, СПб., 1799, стр. 44.

¹¹⁸ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 15—16.

¹¹⁹ Не случайно в начале XVI в. имам узбекского Шейбани-хана Рузбахани говорил, что раз казахи еще идолопоклонники и творят насилье и издевательства над мусульманами, то одно произношение символа мусульманской веры значения не имеет. Об этом А. А. Семенов пишет, что среди казахов были распространены некоторые обычаи неверия. «Эти-то обычаи неверия» и были причиной объявления «священной войны» Шейбани-ханом против казахов со включением в фетву, что они поклоняются идолам. По словам Рузбахани, главным божеством у казахов было солнце. «Впервые как казах берет чашу с кумысом, — пишет Рузбахани, — он прежде, чем выпить ее, обращает свое лицо к солнцу

Ислам среди казахов Оренбургского и Сибирского ведомств более или менее усиленно стал насаждаться с начала XIX в. по инициативе царского правительства через татарских мулл. Об этом Л. А. Словохотов писал: «Настойчиво, по политическим видам, насаждая и укрепляя среди казахов мусульманство, мы тем самым сближали народный суд с шариатом исламизма. Для примера, как в жертву политики приносили мы интересы народности, укажу на судейский состав комиссии хана Ширгазы, куда вошли: султаны Темир Ералиев и Медет-Галий Турдалиев, почетный старшина Исенгельды Жанмурзин, мулла Абдрахман-Магомед Шафиров, ахун Габдулсалам Габдрахманов и мулла Сулейманов»¹²⁰. Таким образом, 50% состава созданной царским правительством в 1812—1824 гг. судейской комиссии хана были муллы. Барон Е. К. Мейендорф убеждал Министерство иностранных дел России в 1820 г. в необходимости введения усиления ислама для политики царизма: «Правительство могло бы иметь самое большое влияние на эту орду, выбрав подходящего человека на должность первого муллы, который был бы главным судьей или кази при хане, и наблюдая, чтобы он имел достаточно влияния над ханом, для того чтобы Орда управлялась так, как хочет Россия»¹²¹.

О насаждении царским правительством ислама среди сибирских казахов Ч. Валиханов писал: «Кочующие татары, хотя и исповедуют ислам, но подобно языческим собраниям составляют совершенный контраст с оседлыми одноплеменниками. Мусульманская религия, принятая ими хотя и давно, не имела на них разрушающего влияния, как на татар и др. ...В короткое время с открытия первых округов в 1822 году, ислам, благодаря заботам правительства, сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе — школа; кто не содержит 30-дневную уразу и 5-временный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей; словом: казах-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу, кувыркателю ордена Мевлеви»¹²².

В тот же период казахи на юге попали под власть Кокандского и Хивинского ханств. Кокандское и хивинское владычество над казахами сопровождалось усилением среди по-

---

и выплескивает из нее некоторое количество напитка по направлению к востоку и затем совершает земной поклон сему солнцу». Труды Института истории АН ТаджССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 32.

¹²⁰ Л. А. Словохотов. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905, стр. 59.

¹²¹ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 365.

¹²² Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 190, 191.

следних влияния ислама. Кокандские и хивинские беки собирали с казахов непосильную дань под названием «зекет» у кочевников и «ушур», или «усур», у оседлой части населения вплоть до завершения присоединения казахских жузов к России.

Ф. И. Лобысевич писал, что присырдарьинские казахи в начале XIX в. сделались «предметом» притязаний двух азиатских ханств, Коканда и Хивы. Овладев в 1814 г. Туркестаном, кокандцы решили распространить свои владения вниз по Сыру и после непрерывных набегов на казахов построили на реке несколько укрепленных пунктов, в том числе Ак-Мечеть, близ выхода из Сыра Яна-Дарьи. С юга на казахов наступала Хива и успела подчинить их своему влиянию, обложив податью. То же самое происходило и на восточном берегу Каспийского моря с адаевцами¹²³.

В 1848 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии был прислан ответ на вопрос об ушуре, откуда он произошел и каким образом распространился среди казахов. «Начало «ушура» (усура) произошло во время законодательства Магомета в Аравии. Отсюда со временем, по распространении магометанского вероисповедания, сбор этот перешел в соседственные Аравии азиатские владения, и, наконец, явился в Бухарии и Хиве... кочующие по реке Сыр-Дарья казахи исповедуют (хотя не со всей точностью) магометанскую религию, то состоя частью до настоящего времени под владычеством упомянутых ханств, они отдавали наряду с другими магометанами каждогодно десятую часть получаемого с обрабатываемой ими земли хлеба, разумеется, те только, которые исключительно занимаются земледелием, а скотоводы платили «зекет» скотом»¹²⁴.

Единственный документ, говорящий о намерении казахского хана собирать с населения налог в связи с ухудшением внешнеполитического положения ханства — это «Жеты-Жарга». Этот налог даже не назывался зекетом и ушуром. Судя по документу, хан хотел произвести сбор с каждого человека, могущего носить оружие, кроме султанов, в размере $\frac{1}{20}$ части его имущества. Экстраординарный характер проекта сбора виден еще из того, что он был неизмерно велик.

Единовременный сбор главы племенного союза кочевников существовал издавна. Например, о монгольских кочевых племенах тогон в начале нашей эры сообщается, что «положительных и определенных налогов у них не было: в случае

¹²³ Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. СПб., 1900, стр. 81.

¹²⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3516, л. 2.

крайности собирали с достаточных семейств столько, сколько требовалось на покрытие расходов¹²⁵.

Надо полагать, что именно такой характер имел сбор, намеченный в «Жеты-Жарга», он не был зекетом. Следует заметить, что вряд ли Тауке удалось бы произвести такой сбор, так как всякий кочевой хан не располагал почти никакой властью над населением в мирное время¹²⁶. То, что этот проект сбора ничего общего с зекетом не имел, показывает и тот факт, что зекет составлял $\frac{1}{40}$ часть поголовья скота, а предполагаемый сбор хана Тауке $\frac{1}{20}$ часть.

Казахские кочевые ханы еще во второй половине XVIII в., не имея сословно-монопольной феодальной собственности на землю, характерной для оседлого земледельческого народа, и твердой власти над населением, были лишены источника регулярного поступления доходов с подвластного населения.

В Казахстане впервые зекет начал собирать в конце XVIII в. бывший хивинский хан Каип, затем в 20-х гг. XIX в. его внук — султан Арунгазы Абулгазизов с подвластных им казахов в низовьях р. Сыр-Дарьи, а потом в 30—40-х гг. XIX в. хан Джангер во Внутренней Букеевской орде.

Такой факт, во-первых, говорит о развитии феодальных отношений, связанных с появлением феодальной собственности на землю среди оседлых и полукочевых казахов в Букеевской орде, где феодалы использовали в качестве важного орудия для осуществления своей корыстной цели ислам. В 1852 г. Перовский верно отметил, что самой вредной услугой, какую оказал русскому правительству хан Джангер в течение 22-летнего управления Внутреннюю ордой, было распространение и развитие в ней магометанства посредством назначения собственной властью, без разрешения начальства и без должного испытания, большого числа мулл, освобожденных им, сверх того, в числе прочих почетных лиц, от сборов зекета и согума»¹²⁷. Во-вторых, об усилении влияния Хивы на султанов присырдарьинских казахов в конце XVIII и начале XIX в. Например, Арунгазы был потомком хивинских ханов из казахов и воспитан в духе мусульманского фанатизма. Он во всем подражал среднеазиатским ханам. В 1821 г. о сул-

¹²⁵ А. И. Макшеев. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI. СПб., 1880, стр. 113.

¹²⁶ «Но одно было желать осуществления всего этого, а другое добиться возможной и действительной его реализации. Ибо слишком ничтожны еще были средства, которыми располагал в это время Тявка, чтобы победить с помощью их противоборствовавшие ему силы, несомненно коренившиеся глубоко в самом существове тогдашнего политического устройства казахского народа». А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа, ч. I, Оренбург, 1924, стр. 212.

¹²⁷ ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, л. 2.

тане Арунгазы сообщали, что «властолюбие есть господствующая страсть его и причина всех поступков. Он пышен в образе жизни, чтобы в мыслях черни равняться с ханами хивинским, бухарским, чтобы возвыситься над Ширгазы¹²⁸. Здесь, по примеру азиатских государей, рассыпает плоды и фрукты во время стола как знаки расположения своего»¹²⁹. Он так же, как среднеазиатские ханы, собирал с населения зекет и ушур.

Поэтому утверждение о том, что якобы зекет и ушур существовали в XV—XVIII вв. в казахском кочевом обществе как земельная рента не имеет под собой почвы.

Уровень развития кочевого общества казахов в XV—XVIII вв. условно можно сравнить с уровнем общественного развития восточнославянских и неславянских племен в VIII—X столетиях. В этот период в различных частях Руси с разной быстротой совершался «процесс разложения первобытнообщинных отношений и развития «военной демократии». Этот процесс, охватывающий обширную территорию от берегов Ладожского озера и до дунайских гирл, от Карпат до Оки, есть не что иное, как возникновение феодализма»¹³⁰. Причем этот процесс феодализации в целом у оседлых земледельцев, какими были славяне, шел несравненно быстрее, чем у кочевников казахов, хозяйство которых, как отмечалось, вообще не могло, не перейдя к оседлости, достичь уровня развитого рабовладельческого и феодального обществ.

Мнение С. В. Юшкова, высказанное им о кочевом ханстве казахов в XV—XVIII вв. как о развитом феодальном государстве, не соответствует действительности. Он считал, что уровень развития казахского ханства в XV—XVIII вв. был примерно таким же, как русского государства в XIV—XVI вв. Прав С. Л. Фукс, который пишет: «Удивительно, что С. В. Юшков, который в своей последней работе подчеркнул, что киевский князь до XI века «являлся главным образом военным вождем», отказывается видеть это качество у казахских ханов и султанов XV—XVII столетия, в то время как по уровню своего экономического и политического развития это общество кочевников-скотоводов стояло значительно ниже Киевской Руси с ее оседлым земледелием, ремеслом, отделенным от сельского хозяйства, и развитой торговлей»¹³¹. Примерно так же, как С. В. Юшков, неправоммерно преувеличивал уровень развития казахской государственности в

¹²⁸ Ширгазы Айчуваков — последний хан Младшего жуза.

¹²⁹ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 378.

¹³⁰ В. В. Мавродин. Образование единого русского государства. Л., 1951, стр. 7.

¹³¹ С. Л. Фукс. Некоторые вопросы истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4, стр. 101.

XV—XVIII вв. Т. М. Культелеев. Это привело к возвеличению им казахского кочевого ханства и изображению его как вполне сложившегося «феодального государства» или «феодальной монархии»¹³². Выводы у С. В. Юшкова и Т. М. Культелеева беспочвенны.

В действительности у казахских кочевников не было ни оседлости, ни земледелия и никакого феодального землевладения. Казахская патриархально-феодальная верхушка сосредоточивала в своих руках основное богатство кочевников — стада и табуны, патриархальных рабов и другое движимое имущество. Частная собственность на это богатство при общинном владении пастбищем служила экономической основой кочевого ханства казахов. Такая специфика экономического базиса кочевого общества определила специфику его политической надстройки — казахского ханства, которое было начальным и непрочным полуфеодальным государственным образованием.

Т. М. Культелеев, высказываясь в унисон с Л. П. Потаповым и другими за мифическое существование феодальной собственности на землю в кочевом обществе казахов в XV—XVIII вв., вынужден был заявить: «Но эта феодальная собственность была завуалирована, как мы указывали, сильными родовыми пережитками, имевшимися в экономике и надстройке казахского феодального общества. Поэтому, имея в виду феодализм в Казахстане, совершенно правильно говорят о патриархально-феодальном укладе. *Это обстоятельство нашло свое яркое отражение и в казахском феодальном обычном праве, где даже нет специальных норм, регулирующих право феодальной земельной собственности.* Это объясняется рядом особенностей экономики и тем, что класс феодалов, пока это было возможно, не считал целесообразным зафиксировать в нормах права свою земельную собственность и тем самым, хотя бы в известной мере обнажить ее эксплуататорскую сущность»¹³³ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Разбор аналогичных высказываний сторонников данного направления, по существу, нами уже дан. Однако следует сказать, что, во-первых, экономические категории и сущность эксплуатации человека человеком в докапиталистических формациях, тем более на низкой ступени их развития, были несравненно меньше завуалированы, чем в таком сложном социальном организме, каким является капитализм. Поэтому попытка объяснить, почему в обычном праве казахских кочевников не нашла отражение «феодальная земельная собственность»

¹³² Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 45.

¹³³ Там же, стр. 28—29.

только одной лишь «зауалированностью» производственных отношений кочевников, беспочвенна; во-вторых, не убедительна какая-то «застенчивость» или особое «благородство» казахских «феодалов» не признавать своего права собственника на землю, если оно уже возникло в результате объективного хода экономического развития общества. Строить свое доказательство существования феодальной собственности на землю в кочевом обществе казахов в XV—XVIII вв. на подобных аргументах несерьезно. Спрашивается: почему казахский полурабовладелец и полуфеодал, не отрицавший своего права собственника на громадные табуны и стада, на десятки рабов и рабынь, на другое движимое имущество и устраивавший с целью обогащения на каждом шагу открытый грабеж, грубое насилие и убийство, вдруг не смог признать своего права частного собственника на землю? Весь секрет, видимо, кроется в том, что такой собственности на землю еще не было.

Полуфеодальный характер казахского ханства подчеркивается именно тем, что его глава — хан — не был наследственным верховным сюзереном, превратившим всю территорию ханства в свой домен, а избирался родовой знатью. Казахского хана избирали почетные представители родов. Эти родоправители на большом сходе поднимали хана на белой кошме. Потом эту кошму или снятую с хана одежду разрезали на мелкие куски и каждый брал по кусочку в знак своего участия в избрании хана. После этого они расходились по домам, захватив с собой весь ханский скот. Этот акт назывался «хан-талау» (буквально: ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь ничего своего не имеет и переходит как бы на содержание народа. В оправдание этого представители родов немедленно пригоняли новое поголовье скота из стад и табунов народа, которое, возможно, значительно превышало количество расхвачанного ханского скота¹³⁴. Весь церемониал говорил о том, что богатство казахских ханов заключалось в скоте, а не в земельной собственности, «ограбление» хана символизировало военный характер его деятельности, что он лишь военный вождь — предводитель грабителей в кочевом обществе.

Например, в 1771 г. выбор Аблая ханом «происходил в присутствии созванных из разных волостей султанов и старшин и при великом стечении простого народа. Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда, по старшинству и достоинству; и когда посередине сего собрания занял свое место, на под-

---

¹³⁴ См.: «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. II, 1871, стр. 162.

ложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и перерассказывали об одержанных им победах (охарактеризован как военный вождь. — С. Т.)... По объявлении Аблаю приговора о выборе его в ханы, четверо из старейших старшин встали с мест и, подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие на собрании; наконец, сняв с него верхнее богатое платье изорвали на мелкие лоскутки и разделили оные между собою. Всякий доволен был сею доставшеюся ему безделушкою и провозглашал достоинства избранного хана. В заключение всего подали на больших оловянных блюдах вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Аблай каждому в рот¹³⁵; потом потчевали всех кумысом. Точно такой же обряд наблюдается киргизкайсаками при выборе прочих ханов и султанов¹³⁶. Все это сопровождалось громкими восклицаниями и криками вооруженных людей.

Но власть такого хана была очень ограничена. Он должен был считаться с родо-племенной знатью и наиболее близкими родоправителями, которые избирали его. Совет родоправителей (батыров и биев) был организационной формой установления «союзов племен», сохранявший черты «военной демократии».

Монголы, посадив вновь избранного хана на белый войлок, говорили: «Обрати (очи свои) на войлок, на котором ты сидишь. Если ты будешь хорошо править своим государством, то будешь владеть со славою и весь свет покорится твоей власти и пр.» По словам Плана Карпини, это делалось как бы только для того, чтобы сделать новому хану наставление: «Если станешь делать противное, то будешь несчастен и отвержен, и столь нищ, что не будет у тебя и войлока, на котором ты сидишь»¹³⁷.

Все сказанное совпадает с характеристикой, данной Ф. Энгельсом уровню развития политического строя общества у германцев IV—V вв. Ф. Энгельс писал: «У объединяв-

¹³⁵ Обычай у казахов, выражавшийся в обязанности старшего из сидящих за одним столом во время кушанья бесбармака по горсти класть каждому мужчине в рот (асату), видимо, есть пережиток способа распределения военачальником пищи между воинами во время походов эпохи «военной демократии». Потом асату остался как народный обычай у кочевников, сохранивших патриархально-феодальный уклад жизни. Наше мнение подкрепляется еще тем фактом, что в казахском ауле до недавнего прошлого каждый прижимающий асату из рук почетного гостя или уважающего старца должен выразить свое удовлетворение словом «күлдық», т. е. послушный раб или покорный слуга.

¹³⁶ «Сибирский вестник», ч. 9, СПб., 1820, стр. 117—118.

¹³⁷ Лама Галсан-Гомбов. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плана Карпини. Труды Восточного отделения РАО, ч. 4. СПб., 1859, стр. 242—243.

шихся в народы германских племен существовала такая же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старейшин, военачальник, стремившийся уже к подлинной королевской власти»¹³⁸. У германцев на этом этапе развития «были вассалы, но не было феодалов. Феодалов не было потому, что у государей не было земли, которую они могли бы раздавать; или, скорее их феодалами были боевые кони, оружие и пиры. У них были вассалы, потому что были верные люди, связанные словом и обязавшиеся вести войну; они несли приблизительно ту же службу, какая впоследствии полагалась за владение феодалом»¹³⁹. У казахских племен, объединявшихся в кочевое ханство, политическая жизнь характеризовалась в основном этими же признаками.

Бесперывные войны усиливали влияние верховного военачальника — хана, как и военачальников батыров. Казахский хан в соответствии с обычаем избирался из чингизидов, у которых еще был жив патриархальный принцип наследования власти, в большинстве случаев переходящий по старшинству от брата к брату, от дяди к племяннику. Хан, кроме военной добычи, временами мог собирать с населения некоторую дань (ясак) с целевым назначением под различными предлогами. В казахском обществе существовал своеобразный вассалитет, основанный на эпизодическом сборе дани. О подобном вассалитете на западе Маркс говорил: «Вассалитет без ленов и лены, состоящие только из даней»¹⁴⁰.

Дань была одной из древних и характерных для патриархально-рабовладельческой стадии развития форм эксплуатации народной массы. Она собиралась полурабовладельческой и полufeодальной государственной властью, когда открытый грабеж еще не утратил силы как форма сношения с внешним миром. Например, в период вторжения европейцев в Америку инки при покорении нового племени облагали его данью: забирали урожай с полей, продукты животноводства, изделия ремесла. Старейшины покоренных племен и аристократия инков получали от верховного инки большую часть из дани как дары в знак милости¹⁴¹. По мнению С. В. Киселева, в VI—X вв. формой зависимости свободных киргизских земледельцев и скотоводов от аристократов на первом этапе были дань и всевозможные приношения, одинаково присущие и ра-

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 143—144.

¹³⁹ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 658.

¹⁴⁰ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 108.

¹⁴¹ «Индейцы Америки». Этнографический сборник. М., 1955, стр. 295.

бовладельческим и «феодальным» государствам раннефеодальной поры¹⁴². Монголы XIII в. при всяком удобном случае просили у проезжающих подарки. Это они называют: «У чужого ребро вывернуть», т. е. выманить что-нибудь¹⁴³.

В таких условиях социально-экономической жизни издревле существовавшие формы простой патриархально-родовой взаимопомощи между родственными кочевниками в виде добровольных подарков в различных их проявлениях с появлением классовых отношений приобрели форму дани. Добровольные подарки, эпизодически поступавшие под теми же древними названиями от части населения в пользу казахских ханов, батыров, биев или баев в XV—XVIII вв., были ничем иным, как данью. Подобные подарки делались представителям патриархально-феодальной верхушки казахских кочевников в особо для них торжественных или несчастных случаях.

Пережитки этих добровольных подарков — дани существовали еще в предреволюционном казахском ауле. Например, добровольный подарок под названием «байгазы». Его приносили при женитьбе, рождении наследника, избрании на административную должность или при получении правительственной награды и т. д. Другим видом добровольных подарков был утешительный подарок — аза. Он означал соболезнование по случаю смерти кого-либо из членов семьи влиятельного человека¹⁴⁴. В годовщину его смерти устраивались поминки. По этому случаю тоже делали подарки под названием «сойыстық», что значит на убой, так как эти подарки поступали обязательно живым скотом, предназначенным на убой на поминках. Об аналогичном факте 11 декабря 1822 г. А. З. Горихвостов писал: «Сего числа приезжали султан Абдулла Турдагалиев и некоторые казахи к высокостепенному по усопшем сыне его султане Ишгазы Ширгазиеву служить молебем, и по заведенному обыкновению каждый приезжий привел лошадь или, смотря по состоянию, барана, а на сии подарки хотя следовало по закону магометанскому делать поминки, но высокопоставленный, почитая за грех весе-

¹⁴² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 573.

¹⁴³ Лама Галсан-Гомбоев. Указ. работа, стр. 237.

¹⁴⁴ «Приезжая для поминовения усопшего, они (казахи. — С. Т.) приводят с собою «аза» — подарок родственникам покойного, состоящий из скота... Количество скота в аза зависит от богатства, от близости отношений дарящего к покойному. Богатые иногда дарят даже «түйе бастаган тогыз» — девятку от верблюда, т. е. одного верблюда и восемь лошадей разных возрастов». В. л. Фон-Герн. Из записной книжки. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 81.

литься по усопшем, поминок вовсе не делает, а потому приезжающие султаны, бии, старшины и казахи, приведя лошадей, уезжают домой без всякого угощения»¹⁴⁵.

Третьим видом добровольных подарков является жылу или жұртшылық. Его давали пострадавшему от грабежа или разорившемуся от стихийных бедствий. Например: «Когда при преследовании его (Кенесары Касымова) царскими отрядами он вынужден был бросить до двух тысяч собственных баранов, то для возмещения этого убытка собрал насильно с приверженцев своих по несколько баранов»¹⁴⁶. Обычно вопрос об организации жылу с определением размера взимаемого взноса с каждого хозяйства решался на совете родоправителей или аксакалов. Отказавшихся от внесения принуждали к уплате, ссылаясь на случаи у предков взаимного жылу или угрожая отсечь им подол в знак исключения из числа добрых людей. Таким образом, вымогательство подарков было одним из видов патриархально-феодальной эксплуатации.

Не говоря уже о ханской эпохе, в предреволюционный период истории казахского народа многие волостные управители и народные судьи, не довольствуясь сбором в свою пользу дополнительных сумм с населения под названием «кара-шығын», еще добивались от вышестоящих органов царской власти разрешения собирать жылу с народа якобы для покрытия своих долгов. Так, «одним из уездных начальников представлен был на утверждение военного губернатора приговор волостных выборных Джулекской волости о пожертвовании по одному рублю с кибитки для покрытия долгов волостного управителя Аяке Бикджанова... В 1878 г. было разрешено на уплату частных долгов того же Аяке Бикджанова, во внимание примерного исполнения им служебных обязанностей в течение слишком 10 лет и крайне бедного положения, принять добровольное пожертвование со стороны киргизов Джулекской волости, в количестве не более семи тысяч рублей»¹⁴⁷.

Эти различные, бытовавшие в далеком прошлом виды патриархально-родовой взаимопомощи переродились в ханскую эпоху в своеобразный источник дохода патриархально-феодальной верхушки кочевого общества казахов, приобретя характер дани. После ликвидации ханов и завершения при-

¹⁴⁵ В. Ф. Шахматов и Ф. Н. Киреев. Журнал полковника А. З. Горихвостова — пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове (1822—1823 гг.), «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1957, вып. 2(5), стр. 119.

¹⁴⁶ М. И. Стеблин-Каменская. Из истории восстания султана Кенесары Касымова. «Исторические записки», № 13, 1942, стр. 251.

¹⁴⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Даринской области. Юридический быт, т. I, Ташкент, 1889, стр. 115 (сноска).

соединения казахских жузов к России эти «добровольные» подарки не были уничтожены. Наоборот, с помощью колониального государственного аппарата царизма они приобрели более принудительный характер. Обязательное подношение этих подарков было превращено волостными управителями, биями, аульными старшинами и всеми аткаминерами в один из основных методов феодальной эксплуатации народной массы аула.

Казахский кочевой хан в многочисленных межродовых распрях среди подвластного ему населения выступал в роли своеобразного арбитра, осуществлявшего судебную власть, решая вопросы в пользу сильных и получая за это некоторую судебную пошлину — хандык. Само судебное решение называлось «төрелік». Недаром казахи называли всех чигизидов «тере», что означало старинное неписанное обычное право у монголов, имевшее силу закона, например, в судебных тяжбах¹⁴⁸. Это аналогично тому, что осуществлялось на патриархально-феодальной стадии развития у германцев. «В древности вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью и находилась в руках народных собраний сотен, округов, наконец, всего племени»¹⁴⁹.

Хан получал хандык при взимании штрафа за убийство, хун — за увечье и кражу, а айп — за другие преступления, в том числе за примирение враждующих родов с взаимной барымтой.

Хун у казахов был, по существу, разновидностью виры или головничества, которые возникли при родовом строе. Они существовали и в патриархально-феодальную эпоху, изменив сообразно ей свою социальную природу. Например, в Древней Руси, Германии и у других народов это был выкупной штраф вместо кровной мести за убийство и увечье. Размер хуна у казахов зависел от классовой принадлежности, пола и возраста убитого и искалеченного. Взимали хун за нечаянные или злонамеренные убийства, за пособничество кому-либо в совершении их. Например, размеры хуна за убийство мужчины были в 2 раза больше, чем за убийство женщины, что говорило о ее порабощенном положении. Точно так же размеры хуна за убийство богатых и привилегированных людей превышали размеры хуна за убийство свободных рядовых людей¹⁵⁰. В несколько меньших размерах был хун за увечье.

¹⁴⁸ В. Д. Смирнов. Крымское ханство. СПб., 1887, стр. 314, 597.

¹⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 336.

¹⁵⁰ «Хун ханский равнялся хуну семи простых казахов. Это основано на том, что хан есть повелитель по крайней мере семи отделений или родов. За убийство хана Малой орды, Абулхайра, батыром Средней орды Сырымбетом, сын убитого — Эрали, собственноручно убил убийцу

Подробное описание хуна и айша казахов мы находим у И. Г. Георги и Николая Рычкова. И. Г. Георги писал: «Кто убьет мужа, тот подвергается гонению его родственников на два года, в течение которых могут они его убить, не навлекая на себя через то наказания. Если же он жизнь свою между тем сбережет, то должен дать родственникам убиенного сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов. Пять баранов или овец берутся взамен одной лошади. За убиение жены, ребенка или невольника, так же, как и за осквернение женщины, за которым последуют безвременно роды, полагается наказание в половину противу вышесказанного... Изуродование человека почитается в половину противу лишения жизни. Большой палец стоит 100, малый 20, а прочие от 30 до 60 овец. Лишение ушей считается у них толико ужасным пороком, что человек, претерпевший урон, хотя и безвинно, отнюдь им несносен. Кто в гневе соперника своего хватит за бороду или за детородный уд обоего пола, тот по произволению судей истязуется крайне строго. За похищение какой ни есть вещи взыскивают в девять крат больше»¹⁵¹. Последняя фраза говорит об айпе.

О хуне и айпе в 1771 г. Николай Рычков писал: «У казахов нет ни каких-либо правовых норм, ни судов для решения правовых споров. Только в отношении убийства и воровства имеется у них странный порядок, заведенный их предками. Кары за то и за другое преступление установлены следующие:

Убийца ни в коем случае не отвечает за свое преступление головой. Возмещением являются карательные платежи; совершивший убийство вносит: сотню коней, одного пленного раба, двух верблюдов, суконный кафтан высшего качества, (мех) чернобурой лисицы, ястреба или беркута, один панцырь и другие предметы военного обихода. Все это следует ближайшему наследнику убитого. В случае, если личного имущества не хватает, то остаток взыскивают с родственников убийцы, и родственники не могут в этих случаях возражать против этого обычного права, и все подчиняются этому ненарушимому порядку. Это установление называется у казахов куном.

Причинение увечья или лишения трудоспособности приравнивается к убийству, и, сообразно тому, в пользу потерпевшего идет половина хуна, положенного за убийство...

своего отца и сверх того по присуждению бия Большой орды уйсюквенца Туле получил два хуна, а остальные затем четыре — Эрали простил». «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 204.

¹⁵¹ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», ч. I, М., 1935, стр. 186.

Совокупность законоположений, направленных против воровства, носит у казаков название айбана. По силе этих законов задержанный с лошастью или с овцою похититель, приведенный к старшине улуса, повинен уплатить 27 лошадей или овец¹⁵².

До завершения присоединения казахских жузов к России хун и айп могли взыскать с виновника не все. Этого добивались только те, у кого была достаточная сила — все решалось соотношением сил родовых объединений и богатством. Поэтому, когда какой-нибудь род взыскивал хун с преступника за увечье или убийство своего человека, говорили: «Теңдік алды», что означает: «Получил равное». Многие родовые объединения при столкновении с более сильными всегда оставались неудовлетворенными, хотя все они считались потомками одного общего отдаленного предка, как, например, шомекей, шекты, аргын и т. д. В таких случаях говорили: «Күшке салды, теңдік бермеді» («Опора на силу не дала равенства»), «Күш атасын танымайды» («Сила не признает даже своего отца»).

Невозмещенная обида, нанесенная одной частью населения другой, передавалась в различной степени из поколения в поколение и почти никогда не забывалась. Любой представитель обиженного родового подразделения при удобном случае мог предъявить иск представителю родового отделения, когда-то нанесшего обиду его отцу или деду. Это было связано, прежде всего, с тем обстоятельством, что каждый казахский мальчик с малых лет воспитывался и хорошо знал по рассказам отца, деда и других старших о своем родословии, о всех событиях в жизни предков, по крайней мере, отца, деда и прадеда, о невозмещенной обиде, неуплаченном хуне и айпе. Отомщение за старую обиду считалось делом чести. Поэтому при проявлении крайней враждебности кого-нибудь к кому-либо говорили: «Атаңның құны кеттіме» («Неужели за ним сохранился невзысканный хун за убийство твоего деда?»). Во многих случаях войны между крупными родо-племенными объединениями, сопровождавшиеся взаимной барымтой, возникали и по этой причине. Отсюда казахская народная поговорка: «Потомки равных предков хотя могут согласиться на равенство, но на неравенство никогда» («Тең атаның баласы теңдікке кенсе де, кемдікке кенбейді»).

Взыскание хуна с виновника как мера наказания за увечье и убийство людей из более слабых родов, хотя бы в уменьшенных размерах, без особых затяжек и осложнений стало возможным только при активном вмешательстве рус-

---

¹⁵² Н. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, стр. 25.

ской администрации после завершения присоединения казахских жузов к России.

Общественно-политическим явлением, существовавшим в казахском кочевом обществе в течение веков, под названием барымта была пронизана вся жизнь казахов. Барымта отражала в себе как в фокусе все стороны общественно-экономической жизни народа, многочисленные и самые разнообразные социальные конфликты, возникавшие по различным причинам, факты угона или задержки чужого скота, начиная с захвата многочисленных табунов при межродовой или межплеменной войне и кончая захватом барана за личное оскорбление какого-нибудь кочевника среднего достатка.

С. Зиманов, выхолостив социально-экономическую сущность барымты, пишет: «Казахскому кочевому обществу неизвестны такие классовые конфликты, которые велись бы за преобладание в сфере скотовладения. По поводу владения скотом не возникали и ссоры, кроме случаев, когда они касались барымты и отгонов чужого скота за какие-либо обиды или в порядке возмещения ущерба или мести. Такое положение объяснялось тем, что никто не мог посягать на чужое имущество — скот, поскольку оно находилось в полной частной собственности каждого двора»¹⁵³. Это сплошная путаница. Выходит, что классовые конфликты или ссоры между кочевниками за преобладание в сфере скотовладения это — одно, а насильственные угоны чужого скота под названием барымты это — другое (!). В кочевом скотоводческом обществе классовые конфликты прежде всего и проявлялись в виде барымты. Она была одной из черт патриархально-феодальной эксплуатации народной массы господствующим классом, которая временами приобретала форму открытого грабежа.

В противоречии с марксистско-ленинской теорией находится утверждение С. Зиманова о том, что якобы отсутствие классовых конфликтов в области скотовладения среди казахских кочевников объясняется существованием «у каждой семьи полной частной собственности на скот». Из этого следует, что он не согласен с тем, что экономической основой возникновения противоположных классов, эксплуатации человека человеком, следовательно, классовых конфликтов всегда и везде было появление частной собственности на средства производства, а в кочевом скотоводческом обществе — на стада и табуны. В действительности барымта была обусловлена появлением частной собственности на стада и табуны, расколом общества на классы эксплуататоров и экс-

¹⁵³ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 133—134.

плуатируемых, патриархально-родовым бытом и безраздельным господством кочевого скотоводческого хозяйства. Неразрывную связь барымты с типом хозяйства — кочевым скотоводством хорошо понимали сами казахские кочевники. Об этом говорит казахская поговорка: «Барымтадан қорыққан мал жмайды» («Кто боится барымты, тот не может заниматься скотоводством»).

Барымта возникла как открытая форма возмездия за оскорбление и материальный ущерб, она являлась способом заставить обидчика вступить в переговоры с пострадавшим. В дальнейшем барымта переродилась и превратилась в орудие преднамеренного вызова на межродовой скандал или на открытый грабеж, возбуждаемый батырами и биями с целью личного обогащения. В таких межродовых конфликтах казахский кочевой хан всегда выступал в качестве арбитра.

Роль межродового арбитра была самой главной политической деятельностью кочевого хана казахов. Она создавала ему известный престиж в глазах народной массы и была надежным источником его дохода. Поэтому не случайно, по устным преданиям казахов, хан Аблай завещал своим сыновьям никогда не решать до конца вопросов межродовых конфликтов среди казахов, так как только такая обстановка является необходимым условием для сохранения влияния хана среди кочевников.

Хан, хотя и брал военную добычу, «судебную» пошлину, добровольные приношения и эпизодически скот с населения, должен был в основном жить своим хозяйством, как крупный скотовладелец, имевший рабов и слуг. В 1771 г. акад. Фальк писал: «У ханов все доходы от их собственных стад, и больше у них нет никаких иных поступлений. У Нурали до 100 верблюдов, до 3000 коней, до 1000 голов рогатого скота, до 5000 овец и до тысячи коз и сверж всего до 100 ослов. Еще богаче султан Аблай, но хан берет тем, что ему доходят русские подарки, до 600 рублей наличных денег, не говоря о прочем»¹⁵⁴.

Доходы хана, которые поступали с населения, не были еще земельной рентой, а скорее имели характер дани. «Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или земельный собственник — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или левит — за счет десятины, — все они получают долю общественного продукта, которая определяется другими законами, чем доля раба и т. д.»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». М., 1935, стр. 185—186.

¹⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 713.

Казахский хан всегда должен был выступать как военный вождь или военачальник в походах. Поэтому верно, что «власть ханов и султанов, их «право» обирать население, требовать от него повиновения базировались не на том, что они узурпировали пастбища или право распоряжения кочевьем, а на том, что эта группа хищников, не всегда самая богатая, но всегда самая воинственная, нужна была родовой знати в качестве боевых вождей ополчения для защиты и нападения на соседей. Родовая знать, эта основная и решающая группа патриархально-феодальных эксплуататоров, содержит хана «на иждивении» народа, т. е. за счет трудящихся. Ясно, что хан не бедняк, а богатый, крупный скотовод, но власть принадлежит ему не как самому богатому феодалу, не как крупнейшему сеньору, стоящему на вершине феодальной иерархии собственности, для него власть не является «атрибутом земельной собственности»¹⁵⁶.

Казахское кочевое ханство существовало на рубеже двух эпох — эпохи перерождающейся в органы государства «военной демократии» и эпохи развития раннефеодальных отношений. Аналогичное явление переживала Киевская Русь. Советская историческая наука установила: «Расцвет Киевской Руси падает на время княжения Владимира (973—1015 гг.)... Владимир стоит на грани двух эпох. Он — последний князь — воин дружинной Руси эпохи «военной демократии» и в то же самое время он — первый князь, который всей своей деятельностью подготовил тот тающий в себе элемент грядущего распада Киевского государства расцвет раннего феодализма, который падает на княжения его внуков... С течением времени, особенно во второй половине XI в., картина резко меняется. Времена походов в «иные страны» с целью захвата военной добычи и взимания дани кончаются... Дань перерастает в ренту»¹⁵⁷. Такие изменения на Руси произошли в результате появления и укрепления крупного феодального землевладения в условиях оседлого земледелия. Частная собственность на землю была экономической основой русских княжеств, как всяких оседлых земледельческих феодальных государств.

Поэтому нельзя отождествлять социально-экономическую природу кочевого казахского ханства и его экономическую основу с социально-экономической природой ни одного из развитых феодальных государств, основанных на крупном землевладении.

---

¹⁵⁶ С. Л. Фукс. Некоторые вопросы истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4, стр. 100.

¹⁵⁷ В. В. Мавродин. Образование единого русского государства. Л., 1951, стр. 8.

Казахский хан имел небольшую дружину, сформированную в его ауле из рабов и безродных бедняков. Члены ханской дружины использовались главным образом как посыльные и личные слуги хана при его разъездах, а также как домашняя прислуга и пастухи в его кочевом скотоводческом хозяйстве. Они назывались тюленгутами, хараши и т. д. Если в отдаленном прошлом слово хараши (карачу) у монголов означало «простой народ», а у некоторых народов, подчиненных Золотой орде, карачи — это титул советников хана, то впоследствии у казахов оно стало прозвищем пастухов и домашних слуг, находившихся в личной зависимости от ханов. Еще позднее в ауле любого бая хараши означало «зависимый бедняк».

У казахских ханов постоянного войска не было. Вместо него по мере необходимости собиралось народное ополчение, выступавшее под предводительством хана, батыра и бия. «Вполне естественно, что в этот период у всех народов войско и народ — понятия тождественные»¹⁵⁸.

Территория казахских ханств определялась сугубо ориентировочно по относительной давности обитания в известной зоне основной массы подвластного тому или другому хану населения, исходя из направления и места кочеваний по временам года.

Всякий раз кочевое передвижение населения ханства по временам года происходило более чем на сотни и даже тысячи верст в один конец как массовое переселение народа. В случае внешней опасности или какой другой причины население ханства полностью или частично могло покинуть прежнюю зону кочеваний без ущерба для своего хозяйства и занять новую, не спрашивая на это разрешения хана. Безболезненность и легкость постоянного передвижения или переселения для кочевников объяснялись тем, что вся их хозяйственная жизнь была к этому приспособлена. Обширность территории, находившейся в общем пользовании, суровость природных условий края, постоянная подвижность и неуловимость населения обуславливали слабую зависимость крупных казахских родоправителей — батыров и биев от хана и их непокорность по отношению к нему.

Такая крайняя децентрализация сил аппарата подавления составляла главную особенность государственной власти патриархально-феодального кочевого общества. Отсюда слабость власти хана, которую никак нельзя отождествлять с властью монарха в развитом феодальном государстве.

Хан знал примерное местонахождение в различные времена года основной массы «подвластного» ему населения.

¹⁵⁸ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 306.

Но вести, как это думают некоторые, учет и распределять между родами пастбища ему не приходило в голову, для этого не было соответствующих социально-экономических условий. Кто же хочет видеть в таком «владении» кочевого казахского хана феодальную государственную собственность на землю, как в древних земледельческих государствах на Востоке, возникшую в связи с необходимостью строительства больших ирригационных сооружений для орошения пустынь и с появлением частной собственности на них, — тот тоже неправ. Все данные, характеризующие различные стороны социально-экономической жизни казахского кочевого общества в XV—XVIII столетиях, показывают, что в нем не было никакой ханской собственности на землю.

Казахский хан был способен заботиться только о том, чтобы на подвластное ему население не нападали враждебные соседи, чтобы оно не откочевало от него, как это случилось в первой четверти XVI в. во время правления казахских ханов Бурундука, Тагира, а также многих других¹⁵⁹. Невозможно согласиться с мнением С. Л. Фукса о том, что наличие свободных земель, могущих служить сезонным пастбищем, было серьезным препятствием для превращения земли, пастбищ в монополию ханов и султанов и основное орудие феодальной эксплуатации.

Вопреки документальным данным переоценивая уровень развития патриархально-феодального кочевого общества казахов и идеализируя их полуфеодальное ханство, составители проспекта «Истории государства и права Казахстана» пишут: «Феодальная собственность на землю — основа феодализма в Казахстане. Право феодальной собственности на пастбища. Право хана передавать землю своим вассалам. Полномочия феодалов на владение пастбищами, предоставленными им ханами»¹⁶⁰. При подобном искажении исторической правды вряд ли возможно признание прогрессивного значения добровольного присоединения казахских кочевников к России в XVIII в., так как феодально-крепостническая Россия XVIII столетия не могла бы являться прогрессивным общественно-экономическим строем по отношению к кочевому обществу казахов.

Говоря об отсутствии различия между уровнем развития производства в феодальном оседло-земледельческом и патриархально-феодальном кочевом обществах, сторонники такой точки зрения приходят к выводу, что государственность

---

¹⁵⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 201.

¹⁶⁰ «История государства и права Казахстана». (Проспект), ч. I, Алма-Ата, 1954, стр. 8.

у кочевых скотоводческих народов, в частности у казахов, находилась на том же уровне развития, что и в условиях развитых феодально-крепостнических отношений, базировавшихся на оседлом земледелии и крупном феодальном землевладении. Весьма характерно в этом отношении утверждение: «Казахские ханы всегда провозглашали, что они являются верховными владыками и собственниками земли. Так, например, Аблай-хан в своей переписке с царской администрацией именовал владения ханства «моей землей». Реакционные потомки Аблай-хана, типа Кенесары и Саржана, в своей антинародной борьбе ссылались на то, что огромные пространства кочевий Среднего жуза оставлены им в наследство от Аблай-хана»¹⁶¹. Если поверить подобным заявлениям Аблая и Кенесары, то надо поверить и другому заявлению Кенесары о том, что весь казахский народ восстал против присоединения к России. На самом же деле, если они и провозглашали себя собственниками казахской земли и ее народа, то только с той целью, чтобы от его лица высказаться против присоединения к России. Ни Аблай, ни тем более Кенесары не были главами централизованного феодально-крепостнического государства, которого не знала вся история казахского народа.

Например, китайские источники о подвластных Аблаю казахах сообщают: «Они не имеют ни законов, ни учреждений; мало слушают и приказаний своего государя. Ежели кто провинится, то преступника судят на общем сборе. За малые вины штрафуют скотом, а за большие — общим приговором, предают смерти и разделяют между собою имущество виновного, не относясь к государю»¹⁶². Другой пример. Хан Нурали, возглавлявший Младший жуз с 1748 по 1786 г. и постоянно пользовавшийся поддержкой русского правительства, имел гораздо больше власти над населением по сравнению с ханом Аблаем, правившим в Среднем жузе с 1771 по 1781 г. Несмотря на это, хан Нурали в 60-х гг. XVIII в. платил хун за увечье, нанесенное его слугами и рабами члену подвластного ему рода. Этот случай так описан Н. Рычковым: «Одна калмычка, рабыня казаха, жившего неподалеку от ханского двора, не могла снести буйного нрава и побоев своего господина, убежала от него и укрылась в кибитке самой любимой из ханских жен. Разгневанный господин ее, однако, преследовал ее со всею поспешностью, не

¹⁶¹ С. Зиманов и А. Ерезов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института. т. I, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

¹⁶² «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829, стр. 145—146.

отставал ни на шаг, ворвался в самую кибитку, где беглянка искала себе спасения, и отнюдь не задержался тем, что в кибитке в ту минуту находилась сама ханская жена. Ханским женам вообще от казахов бывает не слишком-то много почета, особенно, если казахи чем-либо взбешены. Не стесняясь присутствием хозяйки, казах тут же принялся ругать и бить рабыню и поднял на ноги весь ханский улус. На крики бежались узбары, — так называлась служивая дворня хана, — и выволокли вон дерзкого нахала, нанеши ему при этом определенные повреждения. Последовал осмотр избитого собравшимися казахами, и было признано, что потерпевший не способен более к производству потомства. Хан тщетно пытался защитить себя ссылкой на наглый образ действий потерпевшего в присутствии его жены. Народное собрание принудило его к половине того хуна, какой полагается за убийство»¹⁶³. Третий пример. В проекте об утверждении в русском подданстве казахов и способах управления ими, составленном в мае 1734 г., сказано: «Сей народ так, как и прочие нижеупомянутые, веры магометанской, имеет хана только для одного имени, а владельств его над ними нет, который хан или для утверждения себя в ханстве, или для помощи к отвращению от контайши своих прежних владельств под Российскую державу с некоторыми салтанами и старшинами пришел и шertz (то есть присягу) учинили»¹⁶⁴.

Как это мало похоже на централизованное феодальное государство, существовавшее в XV—XVIII вв. в России. Казахский хан возглавлял слабо спаянные между собой родоплеменные кочевые союзы и объединения, в своей деятельности он был опутан патриархально-родовыми традициями и старинным обычным правом кочевников. Само ханство представляло собой не иерархию феодальных землевладельцев, взаимоотношения которых основаны на вассалитете с получением лена, а пестрый и малоустойчивый комплекс различных кочевых племен и родов. Связь этих кочевых племен и родов с ханом, главным образом, была основана на «вассалитете без лена» или «ленах, состоявших из даней». Эта характеристика К. Маркса, данная государственному устройству Киевской Руси, полностью относится к государственному устройству казахских кочевых ханств. Как бы ни переоценивали составители проспекта уровень развития казахского ханства, исторические факты не подтверждают их точки зрения. Свообразие казахского кочевого ханства как

¹⁶³ Н. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, стр. 25.

¹⁶⁴ «Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год, состав. А. И. Добросмысловым», т. I, Оренбург, 1900, стр. 8.

органа государственной власти, не достигшего уровня развития типичного феодального государства, проявилось в специфической организации аппарата управления. Управление народом происходило по родам кочевников. Прежним по форме оставался институт родоправителей из батыров и биев. Хотя этот орган и патриархально-родового строя, однако в патриархально-феодальном обществе он превратился из орудия народной воли в орган угнетения народа.

Все вопросы социально-экономической жизни народа решались в крупных родах и их подразделениях. Сородичи вместе кочевали и пасли свой скот, вместе совершали набеги на неприятелей и отбивали нападения их, вместе устраивали празднества и обряды. Родами управляли самые видные военачальники из крупных скотовладельцев: батыры, бии и баи. Ханом могла быть только персона, принадлежавшая к прослойке «торе» — «белая кость» из потомков чингизидов. Хан избирался, хотя за чингизидами были закреплены своеобразные «династические» права. Без батыров, биев и баев хан был бессилён¹⁶⁵. Ограниченность власти хана проявлялась: во-первых, в том, что она распространялась только на один или несколько родов, в редких случаях на один из трех казахских жузов, из которых каждый был целым конгломератом различных племен и родов; во-вторых, и в этих пределах хан приобретал более или менее реальную власть только во время крупных военных действий. В мирное же время народом фактически правили батыры и бии, они же предводительствовали в повседневных межродовых распрах, связанных с угоном скота, уводом или нарушением условий выдачи замуж девушек в кочевом обществе¹⁶⁶.

В общественной жизни казахов в этот период боролись две тенденции, которые выразились в форме борьбы нового со старым, между зарождающимися феодальными отношения-

¹⁶⁵ Власть казахского хана была похожа на власть арабских шейхов у бедуинов. Шейх «не может своей личной властью взимать ни малейшего налога, ни решать какие-либо особенно важные вопросы, а также в его распоряжении не имеется никакого подобия полиции или стражи для поддержания его авторитета. Его приказания в незначительных делах исполняются, потому что общественное мнение на его стороне; но когда последнего нет, то приказаниями пренебрегают». О. А. Шербатова. Верхом на родине бедуинов. В поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по Аравийским пустыням в 1888—1900 гг.). СПб., 1903, стр. 123.

¹⁶⁶ «В тех (казахских. — С. Т.) ордах не столько ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливаться не допускают и грамотных в ханы не избирают, однако ж ведут (счет) наследственных ханов, а детей ханских называют салтанами». «Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, составленный А. И. Добросмысловым», т. I, Оренбург, 1900, стр. 35.

ми и отживающими патриархально-родовыми. Но для полной победы первых над вторыми не было достаточных экономических условий, этому препятствовал хозяйственный уклад жизни казахов, связанный с ведением чисто кочевого хозяйства. Надо полагать, что деление казахов на три сотни (үш жүз), существовавшее в XV—XVIII вв., было обусловлено военно-племенным устройством казахского общества. Оно было у всех народов, переживавших период «военной демократии».

Держава Чингис-хана в наиболее бурный завоевательный период сохраняла черты военно-племенного демократического строя. Будучи по отношению к покоренным народам деспотом и расхитителем их материальных богатств, во внутренних делах своей державы он считался с военно-племенным строем монголов. Академик Б. Д. Греков правильно определил сущность десятичной организации у монголов эпохи Чингис-хана и у славян в период Киевской Руси, связав ее с историей «военной демократии»¹⁶⁷. Это в полной мере можно отнести к делению казахов на три сотни.

Победа феодализма могла быть завершена лишь на основе господства частной земельной собственности в условиях оседлого земледельческого хозяйства. Без этого нельзя было прикрепить к земле непрерывно передвигавшихся на необъятном пространстве казахских степей кочевых скотоводов. Без прикрепления невозможно было какое бы то ни было упорочение власти хана над кочевым народом.

Не подлежит сомнению, что форма проявления власти хана как военного вождя над населением была различной во время крупных завоевательных походов, нашествий и в условиях обычной военно-кочевой жизни. Отождествление формы проявления ханской власти в различных условиях является одним из главных источников ошибочных суждений о социальной природе казахского кочевого ханства.

Указанными обстоятельством объяснялось бессилие ханской власти в казахской степи перед влиятельными представителями крупных и сильных родо-племенных групп. Если казахскому хану иногда удавалось держать этих родопривителей в повиновении, то только потому, что последние виде-

---

¹⁶⁷ «Десятичная организация — это военная организация; монгольские ханы застают ее уже готовой и лишь приспособляют ее для своих целей... Это деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединялись для общих целей в большие организации военного характера, т. е. в период военной демократии, когда вооруженный народ выступал в военных предприятиях. Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, вносила порядок в движение людских масс, превращала толпу в войско». Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 312.

ли в этом какую-нибудь выгоду для себя. Но как только изменялись обстоятельства, как только хан начинал в какой-то мере проявлять самостоятельность, он утрачивал поддержку избравших его представителей родов — батыров, биев и баев, на его место выдвигали какого-либо другого султана. Но это вовсе не значит, что хан никогда и никого не мог наказать. При поддержке более сильных родоправителей он иногда подвергал телесному наказанию, налагал штрафы, отбирал скот и даже казнил провинившихся из подвластных ему родоправителей и отдельных лиц, руководствуясь обычным правом, но он никогда и ни при каких обстоятельствах не мог никого лишить земли потому, что никто не имел прав частного владельца на какие-либо определенные участки.

Отсутствие устойчивой производственной базы родо-племенных объединений, основанной на земледелии при крупной феодальной земельной собственности, следовательно, отсутствие крепкой экономической основы казахского ханства, обуславливало общую неустойчивость политических учреждений, прежде всего, власти самого хана. Общественные союзы, какими являлись родо-племенные объединения казахов, которые входили в то или другое казахское ханство, были между собой слабо связаны и легко распадались, что нередко приводило к распаду и всего кочевого ханства. Этим же объясняется несостоятельность обязательств хана Абулхайра и его последователей, взятых ими перед русским правительством при принятии подданства России. Такая несостоятельность была и следствием того, что к принятию ханом Младшего жуза российского подданства крупнейшие казахские скотовладельцы, воротилы степной жизни — батыры, бии и баи — относились враждебно. Они продолжали жить по-прежнему и не хотели помнить ни о какой присяге хана, данной русскому правительству. Они продолжали устраивать набег на русские поселения и друг на друга.

Насколько возрастала роль ханов во время крупных военных событий, можно видеть на примере борьбы казахов с Джунгарией, которую они вели в 1729 г. под руководством хана Абулхайра. В результате этой войны казахи разбили своих врагов — джунгаров и заняли значительную часть прежних кочевий. Это намного подняло популярность и авторитет Абулхайра в народе, но укрепления ханской власти не произошло. Абулхайр остался таким же кочевым ханом, а, по существу, старшим аксакалом нескольких кочевых племен и родов Младшего жуза, жил, окруженный небольшим количеством своих рабов и тюленгутов, пас свои стада в песках Кара-Кума, Барсука и у рек Ирғиз, Турғай и Сыр-Дарья, как всякий другой казахский хан или богатый скотовладелец.

Поэтому нельзя отождествлять место обитания казахского хана с владениями, допустим, великого и удельного князей на Руси. Специфические черты «владения» казахского хана, отличавшие это владение от владений великого и удельного князей, были вместе с тем показателями отсталости и неразвитости социально-экономических отношений у кочевников-казахов.

«Владение» казахского хана включало в себя приблизительно определяемые территории кочеваний подвластных ему родо-племенных объединений; эти территории не были распределены между ними, границ никаких не устанавливалось. В этом не было экономической необходимости и политической целесообразности. Все «владение» ханства представляло собой общее кочевье большой массы населения. Так как границы кочевий между родоплеменными группами вследствие изобилия сезонных пастбищ и свободных кормовых пространств не определялись, кочевники пользовались ими явочным порядком, без всякой регламентации родоправителей и ханов. При таком положении не было расчета присваивать себе какой-либо участок земли. Никто не видел для себя выгоды в том, чтобы прочно утвердиться в каком-нибудь определенном месте степи. Это было и невозможно. Как только стадо истощало траву вокруг аула, кочевник должен был двигаться на новое место. Для него более выгодным было иметь свободу пастбы своих стад на всем пространстве степи, чем быть частным собственником какого-либо ограниченного участка земли. В условиях чисто кочевого скотоводства этот участок не мог бы служить основой ведения хозяйства и благополучия кочевника. Отсутствие разграничения степных земельных просторов между скотоводами и закрепления за ними участков было продиктовано экономикой господствовавшего кочевого хозяйства. Степной житель не знал и не мог знать той замкнутости, которая была характерна для лесных и горных жителей, например, якутов, бурятов, алтайцев, отчасти киргизов и др.

Поэтому контуры «владения» того или иного кочевого хана определяло расположение мест кочевания и ориентировочное направление летних и зимних, осенних и весенних кочеваний подчиненных ему племен и родов. В этом особенно проявился характер отношения человека к земле в условиях кочевого скотоводства. Земля не могла быть закреплена как неотъемлемая собственность за племенами и родами, тем более как частная собственность за отдельными лицами, что было обусловлено мимолетным характером землепользования — использованием земли кочевниками лишь в качестве сезонных пастбищ. В основе земельных от-

ношений кочевников лежало неограниченное на условной территории целого ханства общинное землевладение.

Если русская община при феодальном землевладении существовала внутри владения каждого феодала на положении крепостной общины, которой он распоряжался, то казахская кочевая община не была связана с феодальным землевладением и крепостным правом. Поэтому она имела полную свободу кочеваний на всей территории кочевого ханства, неразграниченной между отдельными родо-племенными объединениями, а тем более между частными лицами.

Если крепостная русская община была союзом крестьян по владению наделной землей данной вотчины, то казахская кочевая община была союзом аулов, родов и племен по владению пастбищем всей территории ханства. О сущности крепостной крестьянской общины в России В. И. Ленин писал: «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр.»¹⁶⁸

Если изолированность русских общин и обособленность их друг от друга составляла основу прочности деспотизма царизма, то общность кочевий казахских аулов, родов и племен создавала основу непрочности и номинального характера власти казахского хана. В свою очередь границы ханского «владения» были настолько неопределенны, что ни один из казахских ханов, вероятно, даже не задавался целью точно их себе представить; это не вызывалось экономической необходимостью. Неопределенность границ так называемого «владения» хана отражала низкий уровень и слабость самого казахского ханства как государственного образования, связанного со всеми очень медленно разлагающимися институтами «военной демократии».

Общинный характер землевладения на всей территории «владения» хана или даже нескольких ханов, порожденный способом ведения хозяйства в условиях кочевого скотоводства, исключал возможность возникновения частного землевладения, препятствовал развитию производительных сил общества и тормозил его переход от полуфеодальной, патриархально-феодальной стадии развития к феодально-крепостнической стадии.

Неустойчивость и шаткость экономической основы кочевого общества определяли неустойчивость и аморфность государственных образований кочевых народов вообще, казах-

¹⁶⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 381.

ских ханств в частности. Только этим фактом можно объяснить, что казахский народ никогда во всей своей истории досоветского периода не знал ни одного примера существования прочного единого централизованного государства. Такое государство никак и не могло возникнуть на базе примитивного кочевого скотоводства с присущим ему патриархально-родовым бытом, без очагов оседлости и городской культуры.

Всеми этими обстоятельствами объясняется то, что власть казахских ханов над населением, кочующим на необъятной обширной территории, почти всегда оставалась номинальной и условной.

Кочевые ханства, так называемые кочевые империи, никогда не были прочными, они обыкновенно быстро распадались на мелкие части и исчезали. Приобрести большую или меньшую прочность они могли лишь в том случае, если их население пользовалось трудом земледельцев или само перешло к оседлой жизни.

Это ясный показатель того, что определенная ступень развития способа труда с соответствующей ей производительностью определяла всегда политическую форму господства и подчинения, т. е. специфическую форму всякого государства. Отсталому экстенсивному пастбищно-кочевому скотоводству и незрелым полуфеодальным производственным отношениям соответствовала и незрелая политическая надстройка в виде кочевого ханства казахов.

Таким образом, экстенсивно-пастбищное скотоводство прошло длинный путь развития от первобытного комплексного, сочетавшего в себе первобытное пастушество с мотыжным земледелием хозяйства, до кочевого скотоводства, затем от круглый год кочевавшего скотоводческого хозяйства до полукочевого и оседлого экстенсивно-пастбищного скотоводческого, сочетавшегося уже с сенокосением и хлебопашеством.

Существенная особенность экономического строя дореволюционного Казахстана в том и состояла, что он представлял собой конкретное целое в сложном многообразии, заключавшем в себе признаки различных стадий экономического развития казахского общества. Это наглядно показывает весь путь исторического развития общественного производства, исторического развития земельных отношений у казахов, по крайней мере со времени образования казахского кочевого ханства.

На обширной территории дореволюционного Казахстана существовали параллельно разные формы земельных отношений, начиная от древних, постоянно изживавших себя патриархально-феодальных отношений, характерных для

периода господства кочевавшего круглый год скотоводческого хозяйства, и кончая общинно-аульной формой земельных отношений, характерных для оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства, связанного с проникновением в аул элементов капиталистических производственных отношений. Между этими полярными формами земельных отношений существовала переходная, или промежуточная форма, которая была свойственна главным образом полукочевому скотоводческому хозяйству с присущим ему образом жизни.

Кочевое общество казахов в XV—XVIII вв. в своих основных чертах характеризовалось кочевым скотоводством с большим радиусом кочевания, частным скотовладением при общинном владении пастбищем, патриархальным рабством и полуфеодальной эксплуатацией, родо-племенным устройством с калымом и многоженством, выражавшими порабощенное положение женщин, военноплеменным полуфеодальным государственным образованием в виде кочевого ханства с данью и данническими отношениями, непрерывной грабительской внешней и внутренней войной, неписанным обычным правом, культом предков и скота. Все эти явления были между собой связаны и в совокупности определяли достигнутый уровень развития кочевого скотоводческого общества как патриархально-феодального.

**ПРОЦЕСС ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ
К РОССИИ И ПРОГРЕССИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У КОЧЕВНИКОВ**

Присоединение обширных казахских степей к России не было кратковременным и однократным политическим актом. Это был сложный и богатый политико-экономическими событиями длительный процесс в истории казахского народа.

Вся почти полуторавековая история присоединения казахских жузов к России характеризуется постепенным и неуклонным ростом политического и экономического влияния России на социально-экономическую жизнь казахских жузов, глубокими прогрессивными социально-экономическими изменениями в кочевом обществе казахов, переходом к полукочевому и оседлому образу жизни, разрушением старых и возникновением новых земельных отношений среди казахов, появлением элементов частного землевладения.

Но этот процесс не был ровным и спокойным. Происходили многочисленные эксцессы, выступления народных масс против колониального гнета, как, например, антифеодальное и антиколониальное восстание Исатая Тайманова в Букеевской орде (1836—1837 гг.), восстание казахов рода щекты в низовьях Сыр-Дарьи (1855—1858 гг.) и другие, а также реакционные войны, начатые наиболее враждебно настроенными султанами, батырами, биями и баями с целью сохранения своего господствующего положения.

Несмотря на колонизаторские цели, русское правительство, заинтересованное в развитии земледелия и оседлости среди казахов, сыграло объективно прогрессивную роль в перестройке казахского кочевого общества. Процесс присоединения казахских жузов к России протекал в форме острой борьбы между новым и старым, между прогрессивным и консервативным, в форме борьбы между отдельными прогрессивными элементами и основной массой консервативной патриархально-феодальной верхушки казахского общества.

Подъем на более или менее высокую ступень общественного производства и серьезные изменения в социально-экономической жизни казахов были немыслимы без ломки старой, веками существовавшей системы крайне шаткого, малопроизводительного из-за своей примитивности, круглый год кочевавшего скотоводческого хозяйства, без ликвидации грабительских войн и междоусобиц среди казахских жузов и родо-племенных групп. Такие коренные изменения были невозможны без оседлости.

Присоединение казахских жузов к России создало необходимые условия для более быстрого развития производительных сил в Казахстане; оно навечно соединило казахский и русский народы и в дальнейшем послужило основой для совместной освободительной борьбы против эксплуататоров.

Как свидетельствуют документы, более высокие формы экстенсивного пастбищного скотоводства, сочетавшегося с сенокосением и хлебопашеством, начали возникать именно со времени присоединения Казахстана к России. Хозяйство казахов стало приобретать черты полукочевоего, а в отдельных случаях оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Экономическая сущность прогрессивного значения добровольного присоединения казахских жузов к России состоит прежде всего в этом.

В результате в конце XIX и начале XX в. в казахском обществе произошли существенные изменения в характере землевладения. В. И. Ленин, отмечая живучесть многочисленных форм землевладения, соответствовавших различным историческим эпохам развития общества, писал: «Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения — феодалное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и прочее, — которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену»¹. Это «чрезвычайное разнообразие форм землевладения» существовало и в дореволюционном Казахстане. Каждая из них имела свою историю.

С конца XVIII в. на территории, близко расположенной к русским границам, появляются первые признаки новой формы землевладения у кочевников. Они стали общаться с русскими вследствие обмена продуктами производства, перенимать у них навыки к новым видам труда, в частности в организации работ в сенокосении, рыболовстве и хлебопашестве, в употреблении в своем хозяйстве русских сельско-

---

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 180.

хозяйственных орудий, в постройке постоянного жилища².

Русское правительство в целях колонизации было заинтересовано в установлении гражданского мира, в развитии оседлости и земледелия в казахской степи. В 1764 г. оно охотно удовлетворило просьбу султана Аблая о присылке десяти русских с земледельческими орудиями и сетями для обучения казахов земледелию и рыболовству с условием, что султан Аблай, в свою очередь, пошлет 10 казахов для обучения земледелию, которые затем будут отпущены с орудиями производства, выданными из казны³. С этой же целью царь в 1767 г. издал указ о постройке домов хану Нурали и султану Досали. В указе говорилось: «При этом стараться обучить казахов, которые живут при Досали, заготовлению сена, посеву хлеба и заведению огородов и садов»⁴. Хан Нурали в 1770 г. «ходатайствовал перед оренбургским губернатором в том, чтобы разрешено было ханскому народу нанимать илецких казаков для обучения косье. Ходатайство было удовлетворено»⁵.

Для усиления своего политического и экономического влияния на казахское кочевое общество царское правительство 23 мая 1808 г. приняло решение об устройстве разорившихся казахов, кочевавших по Оренбургской линии. В этом решении сказано об обеспечении беднейших казахов средствами существования, разрешении всем казенным селениям принимать их для водворения наравне со старожилами и «повелено прирезать землю селениям, которые примут казахов, а самим казахам предоставить 10-летнюю льготу от податей и служб и выдавать пособие»⁶. «В видах облегчения кочевых инородцев с смежным русским населением, еще в 1808 г. администрацией Сибирского казачьего войска было предложено привлечь заречных казахов (кочевавших к югу от территории, занятой войском) на внутреннюю сторону казачьих линий, с целью перечисления желающих из них в казачье сословие для образования оседлых населенных пунктов и для развития между кочевниками земледелия»⁷. Дальнейшее общение русского и казах-

² «Культурному влиянию русских крестьян могли подвергаться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости... Ознакомление... казахов с косой, действительно составляет несомненно заслугу русского крестьянства». В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 158.

³ И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ См.: «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». М., 1935, стр. 156—157.

⁶ И. И. Крафт. Указ. работа, стр. 146.

⁷ См.: «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». СПб., 1900, стр. 84.

ского населения как Оренбургского, так и Сибирского ведомств способствовало постепенному переходу кочевых хозяйств казахов к оседлости и земледелию.

Крупными событиями, имевшими прогрессивное значение в истории казахов, были ликвидация реакционного казахского кочевых ханства в Среднем и Младшем жузах в 20-х гг. XIX в. и распространение системы российского государственного управления на казахов Среднего жуза в соответствии с законом под названием «Устав о сибирских киргизах». Устав был разработан русским государственным деятелем М. М. Сперанским и утвержден правительством 22 июля 1822 г. Согласно Уставу, население Среднего жуза должно было группироваться в административные аулы по 50—70 хозяйств; 10—12 таких аулов образовывали волость, а 15—20 волостей — округ. В 1838 г. в северной части Казахстана числилось 7 внешних округов, которые и составили Средний жуз.

Большое прогрессивное значение в социально-экономической жизни казахов наряду с созданием впервые в истории казахского народа стройной системы государственного управления имело основание окружных городов, которые постепенно превращались в глухой казахской степи в политико-экономические и культурные очаги. Кокчетавский, Каркаралинский и Кушмурунский округа были организованы в 1824 г. (Кушмурунский округ в 1859 г. был переименован в Атбасарский); в 1831 г. были открыты Аягузский и Кокпектинский, а в 1832 г. — Баян-Аульский и Акмолинский.

Основная линия политики русского правительства в этот период, направленная на развитие оседлости и земледелия среди казахов, хорошо видна из донесения от 25 декабря 1826 г. командующего кокчетавским военным отрядом сотника Федорова. Он писал: «Г. Броневский уведомляет при сем общество⁸, что многие из казахов в просьбах своих к нему изъявляют желание начать хлебопашество, требуя людей для показания, как обращаться с пахотными орудиями, и семян для посева, что по возможности удовлетворяется, и Омским областным советом определена в каждый внешний округ, в казахской степи устроенный по Уставу о сибирских казаках, Высочайше Конфирмованному в 1822 г., сумма на покупку орудий и семян, коими, желающие заняться хлебопашеством, казахи ссужаются. К сему они особенно подстрекаются водворившимися между их кочевьев казаками, составляющими стражу округа, где третий год уже как положено начало хлебопашеству; а когда в казахской степи

---

⁸ Речь идет об императорском Московском обществе сельского хозяйства.

заселятся казаки, куда уже переехало оных около 200 семейств, и начнут пашню в надлежащем порядке, то казаки еще более убедятся в пользе сей промышленности и конечно будут время от времени обращаться в земледельцев»⁹. В основном так и произошло.

Реформа, проведенная в 1824 г. в Младшем жузе по ликвидации казахского ханства, была менее удачна, чем осуществленная среди сибирских казахов¹⁰. Она не ввела никакой новой системы государственного управления и почти не коснулась вопросов упорядочения земельных отношений. Необъятная территория оренбургских казахов от Уральска до места слияния рек Тобол и Убаган, от Гурьева до горы Улугау, от полуострова Мангышлак до горы Каратау была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную; каждая по существу явилась новым ханством. Были назначены три султаны-правителя: Каратай Нуралиев, Темир Ералиев и Джума Худаймендин.

Султаны-правители впервые в истории кочевого ханства казахов, если не иметь в виду Устава М. Сперанского о сибирских киргизах, наметили весьма условные границы своих так называемых владений¹¹, что не внесло ничего нового в земельные отношения среди основной массы кочевого насе-

⁹ См.: «О начале хлебопашества в Киргизской степи. «Земледельческий журнал», 1827, № XIX, стр. 10—11.

¹⁰ «Отчасти половинчатость реформы в Младшем жузе объясняется реакционной политикой некоторых оренбургских генерал-губернаторов. Например, генерал-губернатор Сухтелен «считал вредным поощрять хлебопашество среди казахов и не дозволял им селиться. Система эта получила еще большее развитие при приемнике Сухтелена генерале Перовском, и в то время, как в сибирской степи распространение между казаками земледелия и даже оседлости делало постепенные успехи, в отношении к Малой орде долго продолжали придерживаться упомянутой ложной теории, тормозя дело мирного успокоения степи». Ф. И. Лобсевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб., 1900, стр. 81.

¹¹ «Границю между ними (речь идет о границах между Западной и Средней частями ведомства оренбургских казахов. — С. Т.) поставлена черта, начиная от Илецкого городка и проводя ее по рекам Илеку и Большой Хобде до впадения в сию последнюю речки Бурмы; от оного через урочище Кук-Тепсань по реке Темиру до устья его, и оттуда по прямому направлению к югу до Аральского моря, оставляя Большие и Малые Барсуки к востоку» (ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 274, л. 74). Дальше: «По разделению Восточной со Среднею частью оренбургских киргизов, сделанному в Комитете, где присутствовали султаны Джума и Темир, поставлена граничащая между оными черта, начиная от Степной крепости и проводя через вершины рек Тогузака, Кара-Али-Аята, Карагай-Аята, Джилкузера и Тобола с тем, чтобы все течение их в Киргизской степи принадлежало к части Восточной, потом через озеро Карсак-Баши на переправу Кылы и на Сыр-Дарью к могиле Кур-Кут до развалин Куна-Кала; оттуда по дороге Яничке через колодезь Суз-Кара до первого Бухарского ключа Киндерли». (Там же, л. 108).

ления (см. схематическую карту условного размежевания территории оренбургских и сибирских казахов и султанов-правителей оренбургских казахов).

В «Уставе о сибирских киргизах» большое внимание уделялось упорядочению землевладения и землепользования с целью развития среди них оседлости. Устав требовал точного установления границ между внешними округами и их охраны, но это осуществить было невозможно вследствие господствовавшего в народе взгляда, что «вся степь есть общественное достояние казахов»¹². Но вместе с тем пункт Устава о том, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства», постепенно влиял на характер землевладения казахов: сначала устанавливались границы между округами, волостями, а затем между административными аулами. «Сущность изменения земельных форм в казахской степи до сих пор заключается в обособлении земельной собственности: сначала род обособился от рода, затем внутри начали обособляться более мелкие родовые единицы, наконец, по отношению к некоторым угодиям (ценные оберегаемые пастбища, покосы) обособление дошло до предела, т. е. до семейной собственности»¹³ в виде так называемых кой-булик и ата-булик и покосных пайков¹⁴, которых раньше у кочевников не было.

Прогрессивное значение введения «Устава о сибирских киргизах» в том и состояло, что впервые в истории кочевого общества казахов были созданы административные единицы — округа, волости и аулы, которые одновременно являлись и территориальными единицами.

С.этим положением С. З. Зимапов не согласен. Он пишет: «Выходит, что до принятия Устава в административном делении подданных государства господствовал только родовой принцип, после — территориальный принцип. Такой взгляд ошибочен в своей основе»¹⁵. На самом же деле таков был ход развития земельных отношений в Казахстане. Никаких феодальных поместий и даже территориальных соседских общин в кочевом обществе казахов не было, потому кочевые скотоводы назывались кочевниками. С. Зи-

¹² М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. III, СПб., 1868, стр. 159.

¹³ П. Хворостанский. Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства. «Тургайская газета», 1906, 26 марта.

¹⁴ Кой-булик — овечье пастбище, то же кой-тебинь; ата-булик — отцовская семейная собственность.

¹⁵ С. З. Зимапов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 26.

манов и его сторонники не хотят понимать, что в каждую историческую эпоху, определяемую уровнем развития производительных сил общества, собственность на средства производства имела присущую этому уровню развития форму. «Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впасть в метафизическую или юридическую иллюзию»¹⁶.

В ходе дальнейшего развития оседлости в конце XIX и начале XX в. появилась и стала самой распространенной среди оседлых и полукочевых казахов «общинно-аульная» форма землевладения. Эта форма землевладения была основательно изучена экспедицией Ф. Щербины 1896—1901 гг. в 12 уездах Степного края. Огромное социально-экономическое значение Устава М. Сперанского состояло еще и в том, что он выдвинул ряд положений о частном землевладении среди казахов с целью культивирования сенокосения, хлебопашества и изменения тем самым кочевого образа жизни казахов, перехода к полукочевому и оседлому типам хозяйства.

«Новые же условия жизни народа во многом порождены устройством степи по Уставу 1822 года»¹⁷. Под влиянием новых политических условий и роста экономических связей с русским населением постепенно изменялось прежнее отношение казахов к земле. Устав рекомендовал вводить среди казахского населения, начиная со старшего султана — главы окружной администрации — и кончая рядовым скотоводом, частное землевладение на основе развития оседлости и земледелия. Согласно Уставу, старшему султану выделялось от 5 до 7 кв. верст удобной для земледелия, скотоводства и других надобностей земли¹⁸, заседателям — по 2 кв. версты, волостным султанам и русским чиновникам окружной канцелярии — по 1 кв. версте, переводчикам и проживающим в округе казакам — по 15 десятин на душу, а также каждому казаку, если он желает заниматься земледелием. Далее в Уставе сказано: «Русские заседатели в приказах и казаки, составляющие стражу, должны подать первый пример к возделыванию земель... На отведенных им землях должны они стараться завести хлебопашество и, буде представится возможность, садоводство, пчело-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 168.

¹⁷ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. III, СПб., 1868, стр. 159.

¹⁸ «Киргизским султанам Сибирского ведомства... предоставлены права потомственного дворянства при условии прослужения по выборам трех трехлетий в звании старших султанов». И. И. Крафт. Из киргизской старины (Султаны, тарханы и бии). Оренбург, 1900, стр. 81.

водство и проч. ...Они должны употреблять все старание, чтобы султаны, старшины и прочие казахи убеждены были в пользе таковых заведений, доставлять им к тому все способности и помогать нужными советами»¹⁹. Из документа видно, что русское правительство, вводя дифференцированное частное землевладение как одно из условий оседания кочевников, заботилось о том, чтобы русские люди, работавшие в окружном приказе, стали учителями казахов в области земледелия. Личным примером они должны были убедить казахских султанов и старшин как представителей господствующего класса среди казахов и служащих российского государственного аппарата в пользу земледелия и оседлости.

Право собственности казахов на выделенные участки признавалось в том случае, если они занимались на них земледелием. Среди поощрительных мер, которыми нужно было возбудить у казахов интерес к занятию земледелием, было уведомление, что «казах, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и проч., равно и все те, которые окажут в их делах отличные успехи, получают право на собственную награду, о назначении которой представлять на высочайшее усмотрение»²⁰. Нельзя не признать прогрессивного значения такого закона в истории племенно-феодального кочевого общества казахов. Мы крайне удивлены, что Л. П. Потапов считает его по сути дела реакционным. Он пишет: «М. М. Сперанский пытался использовать по существу уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его, как и в Сибири, к административным целям»²¹. Заметим, что в этот период родо-племенное деление у казахов было еще не изжито, оно играло решающую роль в общественно-экономической жизни народа²². Касаясь значительно более позднего периода, Г. А. Колпаковский писал: «Борьба партий при выборах волостных управителей неизбежна и особенно сильна потому, что волости составлены, в громадном большинстве слу-

¹⁹ См.: «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. XXXVIII, 1822—1823, СПб., стр. 426 («Устав о сибирских киргизах», § 181, 182 и 183).

²⁰ Там же, § 187.

²¹ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 86.

²² «Родственная связь у казахов чрезвычайно уважается, а численность данного семейства составляет его силу. Старики еще помнят те времена, когда до введения нашим правительством известных порядков многочисленные племена и семейства пользовались особым значением и делали, что хотели». Б. Ю з е ф о в и ч. О быте казахов Тургайской области. «Русский вестник», т. 146, 1880, стр. 803.

чаев, из нескольких родов, каждый род стремится, во что бы ни стало, провести своего сородича на должность волостного управителя. Это вредное явление, неустрашимое никакими административными средствами, происходит именно потому, что родовое начало еще очень сильно и, конечно, не может быть упразднено законодательным путем по тому непреложному закону истории, что декретами нельзя отменить народные нравы и обычаи»²³. Устав М. Сперанского способствовал не сохранению родо-племенного деления у казахов, а, наоборот, его разрушению. Он был направлен на поддержание и развитие оседлости и земледелия, а оседлость, как известно, неизбежно ведет к разложению родового устройства. П. П. Румянцев верно отметил, что введение административного деления у казахов «не считалось с родовым строем казахов, — оно устанавливало механическую, в лучшем случае, территориальную группировку казахских «кибиток» в аульные общества, а этих последних — в волости. Проводилась аналогия с делением русских крестьян на сельские общества и волости... Таким образом вносилась ломка в естественно-сложившиеся отношения; родовые общины должны были втиснуться в новые юридические рамки»²⁴. Это подтверждается и документом канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства: «С постепенным водворением в степи безопасности и гражданского порядка посредством учреждения административных властей, по выбору русского правительства, родовое начало между казаками, особенно прилинейными, начало ослабевать, явилась возможность жить безобидно помимо защиты родовичей, и вот казахи одних родов начали приселяться к казахам других, то есть в прилинейных дистанциях образовалось смешанное народонаселение»²⁵. Об этом же явлении писал и Л. Костенко: «В настоящее время родовые подразделения казахов исчезают, вследствие той администрации, которую начали вводить здесь русские... Появились новые разделения: волости и аулы, несовпадающие с прежними разделениями на поколения и аулы»²⁶. Но разложение родо-племенной общины казахов шло крайне медленно. Оно продолжалось до Великой Октябрьской социалистичес-

²³ В. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», кн. XVIII, вып. II, Омск, 1895, стр. 53.

²⁴ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. I, Лепсинский уезд. СПб., 1911, стр. 154—155.

²⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3877, л. 25.

²⁶ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 37—38.

кой революции. Даже после победы Великого Октября пережитки господствовавших в дореволюционном Казахстане патриархально-феодальных отношений и родового быта преодолевались довольно долго. Для этого потребовалась целая полоса исторического развития уже в условиях диктатуры пролетариата.

Земельные отношения, сложившиеся в 30-х гг. XIX в. во Внутренней Букеевской орде, Л. П. Потапов опять-таки оценивает неправильно. Он пишет: «Общинное землепользование у казахов отнюдь не препятствовало крупным феодалам распоряжаться землей по своему усмотрению. Когда у хана Букеевской орды возникла необходимость юридически оформить право владения земельными угодиями, он закрепил за собой 400 тыс. десятин самой лучшей земли, отвел 700 тыс. десятин султанам Мучегалию и Чингалию Урмановым, 400 тыс. десятин брату своему Менлигирею и т. д. Из оставшихся 800 тыс. десятин хан продавал земельные участки мелким султанам, старшинам, ходжам, сдавал в аренду и т. д. За период с 1830 по 1835 г., например, хан выдал разным лицам 1517 актов на владение земельными участками в орде»²⁷. Л. П. Потапову вторят С. Зиманов и Е. Еренов. «Джангир-хан во Внутренней орде считал себя единственным владельцем всей земли орды. Он мог перераспределять, отторгать кочевья, сдавать в аренду и продавать земельные угодия орды»²⁸. Л. П. Потапов и поддерживающие его единомышленники неверно полагают, будто приведенные ими сведения подтверждают исконное существование сословно-монополюльной крупной феодальной земельной собственности в военно-кочевом племенно-феодальном обществе казахов и вообще у подобных им кочевников. Такая точка зрения противоречит исторической правде.

Ошибка Л. П. Потапова, С. Зиманова и А. Еренова состоит в том, что они рассматривают и оценивают события, относящиеся к 1830—1835 гг., вне связи с конкретно сложившимися в результате добровольного присоединения Младшего жуза к России социально-экономическими условиями как в казахском обществе в целом, так и во Внутренней Букеевской орде. Они упускают из виду тот важный факт, что эти земельные сделки во Внутренней Букеевской орде происходили ровно через сто лет после присоединения племени Младшего жуза к России.

²⁷ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана». «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 86.

²⁸ С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института, т. 1, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

Внутренняя же Букеевская орда образовалась официально по указу царского правительства в 1801 г., спустя 70 лет после присоединения Младшего жуза к России, на территории русского государства за р. Урал, отчего получила название Внутренней орды. До этого данная территория была занята подданными России калмыками, которые покинули ее в 1771 г. В 1799 г. султан Букей Нуралиханов обратился к русскому правительству с просьбой разрешить с привлеченными ему казаками кочевать между Уралом и Волгой. 11 марта 1801 г. последовало высочайшее повеление императора Павла I: «Председательствующего в Ханском совете Киргиз-Кайсацкой Малой орды Букея-султана, сына Нуралиханова, принимая к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль золотую с моим портретом, которую носить на шее на черной ленте и проч.»²⁹ Далее «по высочайше утвержденному 19-го мая 1806 г. положению о наделении кочующих народов землями, казакам предоставлен участок Заволжской степи (от р. Узенья через горы Богдо и Чапчак до Каспийского моря), входившей в состав Астраханской губернии. Затем в 1828 г., по высочайше утвержденному положению Азиатского комитета, им отдан участок Уральской степи в Черноярском уезде до 670 000 десятин. Все пространство занимаемых казаками земель простирается до 7 000 000 десятин»³⁰.

Таким образом, Букей и его потомки во Внутренней Букеевской орде приобрели право владельцев на эту землю на основании русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов. Это хорошо понимал сам султан Букей. В 1806 г., узнав о том, что астраханское начальство намеревается отдать часть его земель калмыкам, он в письме военному министру напомнил, что эта земля «всемилодивейше нам пожалована для кочевья моего»³¹.

Хан Внутренней Букеевской орды всегда находился в полной зависимости от оренбургского или астраханского губернатора. Титул хана здесь был использован с целью подготовки условий для распространения на Внутреннюю орду единой системы государственного управления Российской империи. Поэтому в положении об управлении Внутренней Букеевской ордой говорилось: «Казахи, находясь

²⁹ См.: «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. XXVI, 1801, СПб., № 19773.

³⁰ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, л. 2 (спуска 2).

³¹ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV. М.—Л., 1940, стр. 268.

всегда под особым ханским управлением, не были еще подготовлены к столь важному переходу; всякая-де внезапная коренная перемена среди народа полудикого могла бы произвести тревогу, весьма опасную по своим последствиям в пограничных степях, удаленных от центральной власти. Из такого положения Внутренней орды проистекала необходимость разделить меры устройства ее на приуготовительные или переходные и на окончательные. Поэтому предполагалось:

1. Поставить ханское управление в зависимость главного почитателя астраханских инородцев, но облечь эту зависимость сколь возможно приятно для хана и орды формою в виде содействия хану и упрочению благосостояния казахов; для производства же дел ханских учредить при нем Русскую канцелярию...

6. Дабы подействовать на сближение казахов с русскими, учредить при Ханской ставке, кроме существующих ярмарок, постоянную торговлю в гостином дворе. Эта мера, при распространении русского населения в Ставке, могла со временем образовать из этого места хороший уездный город и, таким образом, незаметно приуготовить в степи центральный пункт для нашей уездной администрации и гильдейской торговли.

7. Ордынские земли разделить по родам и тем самым положить основание к некоторой оседлости и удобству разделения впоследствии казахов на волостные и сельские общества.

8. Для распространения в Орде русского языка учредить при Ставке училище.

9. Для распространения хозяйственных улучшений учредить в Орде, по мере возможности, общественные запасы хлеба и сена, а для улучшения породы лошадей — случные конюшни.

10. Определить в Орду медика, ветеринара, повивальную бабку и оспопрививателей.

11. Для устройства сих учреждений и вообще для пособия в чрезвычайных случаях составить хозяйственный капитал, сообразно с предположением хана, из особого ежегодного сбора по 50 к. с кибитки, из сбора за паспорта и из остатков от содержания управления.

Сими средствами предполагалось положить основание к введению в Орде русского управления; оно могло постепенно ознакомить казахов с выгодами нашей администрации и с теми улучшениями, которые впоследствии могли быть введены для пользы народа»³².

³² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, лл. 10—12.

Из документа видно, на каких условиях было сохранено ханское звание во Внутренней Букеевской орде при ликвидации ханства в казахских степях в 1822—1824 гг. Ханом Букеевской орды с 1824 по 1845 г. был генерал-майор русской службы, сын Букея — Джангер. Он получил дворянское воспитание, был образован и пользовался всеми правами русского князя — крупного землевладельца³³. «Кроме значительных денежных пособий от монарших щедрот, четыре сына хана, по высочайшему повелению, воспитывались в пажеском его величества корпусе. Сам хан имел чин генерал-майора, а в 1839 г. ему были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Анны I-й степени, императорскою короною украшенного»³⁴. По законам царского правительства: «Все имеющие офицерский чин ордынцы пользуются правами личного дворянства; в потомственное возводятся лица, оказавшие особые заслуги и преданность правительству»³⁵. Джангер-хан был потомственным дворянином. Следовательно, по делам Джангер-хана нельзя судить об общественно-экономическом строе казахских кочевых ханств XV—XVIII вв. На самом деле между прадедом Джангер-хана кочевым ханом XVIII в. Абулхайром и генерал-майором русской службы Джангер-ханом лежит целая историческая эпоха.

Переселившиеся за р. Урал казахи Внутренней Букеевской орды сравнительно быстро переходили к полукочевому и оседлому образу жизни. Этому способствовало влияние близкого соседства русских жителей и рост относительной плотности населения в орде. Что касается актов раздела, продажи, перепродажи и сдачи в аренду земли Джангер-ханом, то все эти факты были результатом появления феодального землевладения после присоединения казахов Младшего жуза к России и более усиленного проникновения в Букеевскую орду феодально-капиталистических отношений. «Купля-продажа *продуктов* земли ведет к развитию купли-

---

³³ «Во времени открытия в Оренбурге военного училища букеевским ханом был Джангер-хан. Как получивший хорошее русское образование под руководством астраханского губернатора Андреевского, Джангер-хан позаботился доставить русское начальное образование и своим подчиненным, начав с ближайших своих родственников». А. В. Васильев. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, стр. 13.

³⁴ Царь по случаю смерти хана Джангера 11 августа 1845 г. писал: «Весьма жаль, он был человек весьма преданный, кажется в пажах его старший сын, малый весьма способный, но слишком молод, чтобы ему можно было вверить управление». ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, л. 7.

³⁵ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. I, СПб., 1868, стр. 408.

продажи самой земли (аренда и сдача), а затем, и к купле-продаже рабочей силы»³⁶.

Развитие феодальных отношений в Букеевской орде прежде всего выразилось в появлении частной собственности на землю. Хан Джангер родственникам и влиятельным лицам выделял участки земли в частную собственность, подкрепив это официальным документом. «Джангер-хан производил в орде ломку этого (старого. — С. Т.) строя, насаждая феодально-поместную систему»³⁷. «Подобная система привела к тому, что каждый влиятельный казах, с значительным состоянием, старался приобрести участки в собственность и не допускать на них других ордынцев из личного интереса»³⁸. В связи с этим Джангер-хан установил сбор оброка с населения под названием зекет и согум. Это и было проявлением перерастания добровольных приношений, имевших характер дани, в феодальную ренту³⁹.

По данным А. Харузина, сумма зекета, собираемого со всего скота населения орды, составляла от 72 000 до 92 000 руб., или в среднем 82 000 руб. Содержание 14 вестовых обходилось в 1792 руб. Кроме того, население платило хану еще согум. «Согум состоял из приношения казахами хану с 5 кибиток по одной рогатой скотине или по 6 баранов — это выходит на всю орду 4000 голов рогатого скота или 24 000 баранов. На рогатую скотину в то время была определена цена 8 рублей, а на барана 2 рубля, следовательно, на всю орду приходился согум средним числом в 40 000 рублей» (подчеркнуто нами. — С. Т.)⁴⁰.

Такой огромный оброк хан частично делил со старшинами, которые производили сбор. Старшины и султаны, управлявшие родами, пользовались особым согумом, называемым добровольным приношением от вверенного их управлению народа⁴¹. Усиление феодальной эксплуатации широкой массы казахских полукочевых и оседлых скотоводов в Букеевском ханстве вызвало в 1836—1837 гг. антифеодальное крестьянское восстание под предводительством народ-

³⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 351.

³⁷ А. Ф. Рязанов. Восстание Исатай Тайманова (1836—1837 гг.). Кзыл-Орда, 1927, стр. 5.

³⁸ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, л. 2.

³⁹ «По уставам магометанской религии под именем зекета понимает-ся подать (сороковина) со скота и со всякого движимого имущества на содержание бедных и вообще на предметы богоугодные. Согум — добровольное приношение казахов битым или живым скотом в пользу своих правителей. Хан Джангер оба эти сбора обратил в денежные, по определенной раскладке». ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, л. 2.

⁴⁰ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, т. I, СПб., 1889, стр. 198—199.

⁴¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, л. 3.

ного героя Исатая Тайманова, описанное в работах А. Ф. Рязанова и В. Ф. Шахматова⁴².

Как видно, приведенные Л. П. Потаповым, С. Зимановым и А. Ереновым факты из истории Внутренней Букеевской орды не могут служить доказательством существования испокон веков у казахских кочевых ханов и султанов сословно-монопольного землевладения.

Вся история кочевого ханства казахов не знает никакого сословно-монопольного ханско-султанского землевладения, нам не известен ни один случай прикрепления к земле кочевника-скотовода, т. е. крепостничества.

Исторические документы говорят, что родоначальники казахских ханов — султаны Гирей и Джаныбек в середине XV в. бежали от кочевого хана узбекского улуса — Абулхаира и приютились в пустыне Бетпак-Дала в низовьях реки Чу в сфере влияния Моголистана. Приверженцы их, беженцы, именовались «казахами». После смерти хана Гирея ханом казахов стал его сын Бурундук. В конце XV в. кочевники бросили хана Бурундука и сгруппировались вокруг его двоюродного брата, сына Джаныбека — Касыма. После Касыма ханом стал его племянник, сын Джадика — Тагир. Жестокость хана Тагира к подвластным ему кочевникам привела к тому, что казахи откочевали от него, а хан «остался один с сыном, и вместе с ним пристал к киргизам»⁴³. Если бы казахские ханы были полновластными государями, а кочевники казахи — крепостными, прикрепленными к земле, находившейся в монопольной собственности у ханов-султанов, то этого могло и не случиться.

Можно взять более поздний период из истории казахского ханства. После года великого бедствия в 1729 г. казахи разбили джунгаров под предводительством хана Абулхаира и заняли прежние свои территории. Но в результате этого хан Абулхаир не стал верховным собственником всех казахских земель. «Самые условия жизни и хозяйства казахов, в противоположность средневековым условиям Европы, не благоприятствовали борьбе феодализма с родовым строем (т. е. родовым бытом. — С. Т.), только победив который феодализм мог бы развиваться. Как прикрепить к месту кочевника-скотовода, который свободно бродит по необозримым степям? А без такого прикрепления невозможна сколько-нибудь прочная власть над ним. В случае попытки хана к при-

---

⁴² В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

⁴³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, 1864, СПб., стр. 201.

нуждению или насилию, казах вместе со своими сородичами просто уходил от него в другое место степи»⁴⁴.

В 1742 г. хан Среднего жуза Абулмамбет откочевал с несколькими аулами с рек Хобда и Орь в Туркестан, отдал своего сына джунгарскому хану в аманаты, отказавшись от подданства России, принял подданство Джунгарии. Но Абулмамбету не удалось увлечь за собой большого количества людей. Видимо, это случилось потому, что он не имел никакой реальной власти и не мог заставить население последовать за ним. Следовательно, не было никакого полновластного хана-государя, никакого ханско-султанского землевладения и крепостничества, а было неустойчивое и крайне условное общинное владение необъятной территорией, по которой постоянно передвигались кочевники.

Очевидец многих событий в жизни казахов в XVIII в. русский ученый П. И. Рычков свидетельствует о существовании среди казахов в тот период широкого общинного владения пастбищами. Общинный характер землевладения распространялся не только на роды одного жуза, но и на роды двух смежных жузов.

П. И. Рычков сообщает: «Чалкар-Куль, два озера, между которыми расстояния не более двадцати сажен. Одно из них окружностью верст на тридцать, а другое — верст на десять. Воду имеют соленоватую, однако же пить можно. Кочуют тут Средней, а иногда Меньшей орды казахи»⁴⁵; также около горы Карачатау кочуют «к вершинам Иргизским летом и зимою казахи Меньшей, а иногда и Средней орды. Шиша-тау, гора Хрустальная, в Казахской же степи, по эту сторону реки Сара-Су, от Орской крепости расстоянием дней двенадцать, по пути к Туркестану... Около этой горы имеются многие родники весьма чистой и студеной воды. Кочуют около нее казахи Средней и Меньшей орды»⁴⁶; то же самое он отмечает, что «знатное на селитру месторождение известно по эту сторону Туркестана, днях в трех, тут, где бывал городок Сюзак, при котором отчасти Большой орды, а иногда и Средней кунратского рода казахи кочуют»⁴⁷.

П. И. Рычков подробно описывает основную территорию кочевания Среднего и Младшего жузов — в отдельности с указанием названий рек, озер, гор и песков и отмечает: «Однако ж случается иногда и то, что по оним рекам и реч-

⁴⁴ П. И. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 19.

⁴⁵ См.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверса, С. С. Неуструева». М., 1949, стр. 60.

⁴⁶ Там же, стр. 71—72.

⁴⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 82.

кам, особливо ж по Ори, Милибаю, Камышле и по другим, в реку Орь впадающим, також по Ярлыке, Кумаке и по Суюндукке, и Средней орды казахи по несколько кочуют. *Ибо у них между собою в том никакого раздела нет и споров не бывает.* Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше, конною ездою до улусов их пустоты бывают»⁴⁸ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Весьма условная граница земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств, т. е. в основном граница между Младшим и Средним жузами, была установлена впервые и то временно русским правительством в 1838 г. В документе об этом сказано: «1. Положительно: начиная от так называемого Красного столба, определенного при Генеральном межевании между редутами Алабугским и Сибирским, вести границу к югу на озеро Тымок и западный берег озера Шаврино к дубраве Рябовой и озеру Рябову, между озерами Большого и Малого Соболева до займища и озера Улукульского (которому оставаться в Сибирском ведомстве). Далее границу вести к западной оконечности дубравы Куян-Агач, между озерами Госкабань и Яркуль до озера Коскуль и реки Абугишли Убагана. По течению сей последней реки граница должна идти до большого озера Дженгискуль, потом через самое озеро; далее по р. Верхней Абуге и речке Бурыкти-Тал, до ее источника, оставя правый берег всех этих вод сибирским, а левый оренбургским киргизам. Потом по хребту, отделяющему реку Тургай от вод, впадающих в реку Ишим, до вершины речки Карын-Салды-Тургай (текущей по землям Оренбургского ведомства). 2. Примерно: от вершины речки Карын-Салды-Тургай, граница должна идти по тому же хребту, отделяющему Тургай от речек, впадающих в речку Ишим до гор Улутау (отходящих к Сибирскому ведомству) и, наконец, от них в прямом направлении на юг до озера Телькуль. Подробное же определение мест, по которым положена временно эта часть границы, отложить до окончания топографической рекогносцировки»⁴⁹.

В 1837 г. в документе, предшествовавшем этому размежеванию, указывается: «Управляющий Омскою областью г. полковник Талызин, имея в виду, что с самого открытия Аман-Карагайского округа все вошедшие в состав его казахи везде свободно кочевали, в особенности в летнее время, и со стороны оренбургского начальства никаких на это притязаний не было и не должно быть в том движении, что до

⁴⁸ Там же, стр. 98.

⁴⁹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 329, л. 16 и об.

сего времени не сделано никакого разграничения между сибирскими и оренбургскими казаками, следовательно, неизвестно на каких землях кочуют аргыновцы»⁵⁰. Все эти данные говорят об общности землевладения и землепользования у казахов Младшего и Среднего жузов в XVIII в.

Вопреки приведенным данным, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «В своей работе «Топография Оренбургской губернии», опубликованной в 1762 году, П. И. Рычков указывает на «знатные кочевья», по-видимому, имея при этом в виду земельные владения крупной феодальной знати»⁵¹. Авторы этих строк либо совершенно не поняли смысла приведенных ими слов из работы П. И. Рычкова, либо сознательно искажают его. Употребляя слова «знатные» и «знатнейшие» в таких выражениях, как, например, «Средняя Киргиз-Кайсацкая орда знатные кочевья имеет в нижеописанных местах»⁵², П. И. Рычков вовсе не имел в виду земельные владения отдельных лиц. Если согласиться с мнением этих авторов, то такие выражения, как «птицы знатные»⁵³, «рыбы знатнейшие»⁵⁴, «знатнейшие места, подчиненные Исетской управительской канцелярии»⁵⁵, «знатнейшие в этом дистрикте озера»⁵⁶, «в новом городе для произведения с ними и с другими тамошними народами учреждена была знатная ярмарка»⁵⁷, свидетельствует о наличии частной собственности «феодальной знати». На самом деле слова «знатные кочевья», «знатнейшие места», «знатнейшие озера» П. И. Рычков употреблял как синоним «большого», «значительного» по размерам, но никак не синоним «земельных владений крупной феодальной знати». Во времена П. И. Рычкова говорили: «знатный доход», «знатная сумма» или даже «знатная похлебка» и т. д. Если эти слова толковать по С. Зиманову и А. Еренову, то выходит, что «знатная похлебка» — это похлебка, которую употребляет аристократия класса феодалов, т. е. феодальная знать (?), или же «знатная ярмарка» — такая ярмарка, на которой торгует только феодальная знать (?). С. Зиманов и А. Еренов, далее комментируя в таком же духе работу П. И. Рычкова, пишут: «Что до Средней орды принадлежит, то она (т. е. земля. —

⁵⁰ Там же, л. 4.

⁵¹ С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института, т. I, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

⁵² П. И. Рычков. Указ. работа, стр. 101.

⁵³ См.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева», стр. 95.

⁵⁴ Там же, стр. 97.

⁵⁵ Там же, стр. 171.

⁵⁶ Там же, стр. 177.

⁵⁷ Там же, стр. 102.

Авторы.) всегда особливых своих владельцев имела»⁵⁸. Здесь С. Зиманов и А. Еренов превратили «Среднюю орду» в «землю» (?), так как в данной фразе слово «она» означает не земля, а Средняя орда.

Если смысл слов П. И. Рычкова передать современным языком, то получится: «Что касается Средней Орды, то она всегда имела владельцев», т. е. своих ханов. В этом нас убеждает полный текст данной цитаты, который гласит: «Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела. В то же время, как Кириллов из Санкт-Петербурга отправляем был, находился в сей орде Шемяка-хан, чено ради с ним, Кирилловым, на имя сего хана и грамота дана была особая»⁵⁹. Отсюда ясна полная несостоятельность утверждения С. Зиманова и А. Еренова об адекватности понятий «знатные кочевья» и «земельные владения крупной феодальной знати».

В середине XVIII в. ни один из казахских кочевых ханов, султанов, батыров, биев и баев еще не имел земли, постоянно закрепленной на правах частной собственности. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Например, в документе, датированном 30 августа 1743 г., И. Лапин о кочевьях Младшего жуза писал: «Киргиз-Кайсацкой орды как владельцы, так и народ кочевьем своим пошли в Тургай, где и в зиму кочевать намерены. Эрали же салтан не знает, где свое кочевье найтить, ибо степи все погорели, однако ж, лучше желает по Ори или по Иргизу, а Джаньбек-тархан намерен неотменно по Иргизу кочевать; об Абулхаир же хане слышали, что он кочевье свое будет иметь на Сыр-Дарье, а о прочих неизвестно»⁶⁰. Итак, кто и где должен был провести зиму зависело от погоды и состояния травостоя. Это же подтверждается сообщением Гладышева о Среднем жузе от 20 мая 1744 г.: «Уведомился же я через некоторых людей, что Киргиз-Кайсацкая орда Средняя, которая кочевала прошлого года близ верхних калмык, а ныне слышно, что оная Средняя орда возвратилась и кочует к России, опасаясь тех верхних калмык»⁶¹.

О зимнем кочевании патриархально-феодальной верхушки Младшего и Среднего жузов имеются также многочисленные сведения. В документе от 16 ноября 1746 г. Ю. Артемьев и А. Аитов сообщали: «Киргизские же владельцы с улусами своими кочуют в разных местах... Абулхаир-хан

⁵⁸ С. Зиманов и А. Еренов. Указ. работа, стр. 49.

⁵⁹ П. И. Рычков. Указ. работа, стр. 106.

⁶⁰ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2, Алма-Ата, 1948, стр. 59.

⁶¹ Там же, стр. 88.

при урочище Каракуме (в 1743 г. он провел зиму на Сыр-Дарье. — С. Т.) ...Барак-салтан к их сибирской стороне за речками Сары-Тургаем, ...Эрали-салтан около тех же мест (в 1743 г. он провел зиму на Ори. — С. Т.); Джаныбек-тархан на речке Тургай (в 1743 г. он провел зиму на Иргизе. — С. Т.), ...Исет-тархан при урочище Эдели (Джидели)-Мамыт»⁶². О расположении кочевьев ханов и известных родо-правителей Младшего и Среднего жузов зимой 1747 г. сообщает сакмарский татарин К. Байназаров: «Абулхаир-хан ныне кочует к Сыр-Дарье при Барсуке ...Нуралы-салтан кочует за Эмбой-рекой, при урочище Кара-тамаке, к Каспийскому морю, ...Джаныбек-тархан повыше Каракума, при урочище Учюзек..., Ажибай-бий и товарищи к Каспийскому же морю, за Эмбой, при урочище Куктюбе... Исет же тархан поближе сюда, около Каракула, а Абулхаир-хан, Аблай, Барак и Эрали султаны к Туркестану, при каких же урочищах, — не слышал»⁶³.

В 1746 г. султаны Барак и Эрали зимовали около р. Сары-Тургай, которая находится по прямой в 1300 верстах от Туркестана.

Абулхаир-хан зимнее кочевье 1747/48 г. имел между урочищами Барсуки и горой Тулугай, Барак-султан — на озере Телекуль, Эрали-султан — на Тургае, Нуралы-султан — в урочище Кутан, Джанибек-тархан — между Каракумом и Тулугаем, Исет-тархан — на Каракуле⁶⁴. Как видно, и в зиму 1747/48 г. все переменили места своих зимних кочеваний предыдущего года, за исключением Исета-тархана, который второй раз зимовал на Каракуле.

Отсутствие закреплённости прежде всего мест зимних кочеваний — основной показатель полного кочевого образа жизни и существования в этот период общности землевладения и землепользования у казахских кочевых скотоводов.

В условиях кочевого скотоводческого хозяйства, породившего определенную форму землевладения и определенный способ землепользования, ханы, султаны, батыры, бии и баи никак не могли закрепить за собой и за своими потомками определенных участков земли на правах частной собственности, т. е. эти общие условия не способствовали образованию в XV—XVIII вв. ханско-султанского землевладения как феодальной собственности⁶⁵.

⁶² Там же, стр. 161.

⁶³ Там же, стр. 214.

⁶⁴ Там же, стр. 218.

⁶⁵ «Султаны даже вместе со своими тюленгутами были слишком малочисленные, чтобы удержать за собой право пользования сколько-нибудь обширной территорией». В период оседания казахских родов с конца XVIII и начала XX в. султанам «приходилось иметь привержен-

Сборник архивных материалов, изданный Институтом истории АН СССР⁶⁶, содержит также много ценных фактов о характере землевладения и землепользования у казахов в конце XVIII и начале XIX в. В нем имеется весьма интересная записка, составленная по поручению оренбургского губернатора кн. Г. С. Волконского, в 1803 г. старшиной жапбасовского рода Младшего жуза Кубеком Шукуралы-улы и казанским татаринном Галием Шахмуратовым о численности, местах кочеваний и торговле родов Большого, Среднего и Младшего жузов⁶⁷. В документе описано размещение казахских жузов, крупных родо-племенных групп, направлений их кочевых передвижений, указаны рынки, с которыми казахи были больше всего связаны, приведены факты из их политической жизни.

Основу записки составляют материалы старшины Кубека, которому были хорошо известны места кочевий родов всех трех жузов. Род Кубека кочевал летом с западной стороны «черных песков» — Приаральских Кара-Кумов, а зимой в зоне рек Сыр-Дарья и Куван-Дарья⁶⁸.

Из документа видно, что в этот период широкое общинное владение пастбищами господствовало среди кочевников на всей территории Казахстана, т. е. от рек Тобол и Ишим на севере до рек Сыр-Дарья, Куван-Дарья и Жана-Дарья на юге, от полуострова Мангышлак и р. Урал на западе до Джунгарского Алатау и р. Иртыш на востоке⁶⁹. Общность пастбищ существовала как общность территории летних и зимних кочеваний не только родов одного жуза, но и родов

цев из какого-либо сильного рода, вместе с которыми они и селились обыкновенно на кстау. Так получилось то, что султаны в настоящее время оказались вкрапленными в земельно-водные группы потомков «черной кости». П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 55.

⁶⁶ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М., 1940.

⁶⁷ Эта записка, несколько переработанная, была опубликована в «Сибирском вестнике» (ч. IX, 1820) под названием «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды».

⁶⁸ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», стр. 513—514.

⁶⁹ В конце XIX в. еще у значительной части казахского населения, сохранившей полный кочевой образ жизни, существовало общинное землевладение. «У баганалинцев не существует такого строго разграничения между различного рода пастбищами — зимними, весенними, осенними и летними; джайляу (летовка), кузеу (осенние пастбища) и кстау (зимние пастбища) употребляются главным образом для определения времени года, они не связывают с этими терминами представления об особых и строго определенных пастбищных площадях». «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 22.

двух других жузов. Это подтверждается наличием общих мест кочеваний родов Среднего и Младшего жузов. Последние часто кочевали на одной и той же территории, которая для одних родов была весенне-летним, а для других — осенне-зимним пастбищем.

Например, в Среднем жузе саржетимский род, имевший до 8000 семей, весной и летом кочевал в долинах рек Тургай, Тобол и впадающих в них речек, а чакчакский род из 5 отделений, насчитывавших до 6000 семей, в этих же местах бывал осенью и зимой.

Далее: Кара-Кумы были осенне-зимними пастбищами родов торыайгыр кипчакского (3500 семей) и баганали-наймановского (6000 семей) отделений, а весенне-летними кочевьями бурчи-алчинского (1200 семей), телявского (2800 семей), кияйтского (4000 семей), карасакальского (1700 семей), карагетинского (2500 семей), шомекейского (18 500 семей), турткаринского (11 000 семей) родов и т. д.

Об этом же писал географ Ю. Шмидт: «В то время казах чувствовал себя полным хозяином всей степи и свободно переходил со своими стадами к северу, свободно же передвигался, — в случае необходимости, — к югу; он не стеснялся граничными рубежами и двигался во все стороны... Вследствие простора степей не было и повода к раздору из-за урочищ во время кочевок и в одном и том же урочище часто кочевали и пасли свои стада казахи разных родов, но только в разное время. Подобный порядок вещей удерживался вплоть до времен водворения русского владычества»⁷⁰. В 1806 г. Г. С. Волконский давал такую характеристику жизни казахов: «Как из дел и многочисленных опытов известно, что ордынцы, будучи народ кочевой, не имеющий постоянного жилища, не могут никогда пребывать на одном месте, а переходят по временам, куда им рассудится и где наилучше усмотрят продовольствие для скота, то по сему никак нельзя ограничить пределов их местопребываний»⁷¹. В 1820 г. в журнале «Азиатский комитет» о трудностях разделения оренбургских казахов на два ханства сказано, что «неудобства сии состоят в невозможности определить с точностью известные округа и границы для пребывания народа, непрерывно скитающемуся с одного места на другое»⁷². В. Перовский в докладной от 30 января 1834 г. К. К. Родофинику о проведении новой пограничной линии между крепостями Орской и Степной высказал такое мнение «...по

⁷⁰ Ю. Ш м и д т. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала, и Чуйская долина. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1 и 2, стр. 117—118.

⁷¹ См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 238.

⁷² Там же, стр. 349.

крайней мере казахи не почитают нарушителями их собственности обывателей и промышленников ежедневно в степь отправляющихся, им даже не приходит на мысль требовать какого-либо возмездия за лес, соль и рыбу, добываемые в степи; и в самом деле, может ли кто из казахов называться хозяином угодья, принадлежащего поочередно каждому близ оною кочующему племени?»⁷³.

В документах, относящихся к 1850 г. и касающихся вопросов управления кочевого населения Оренбургского ведомства, с сожалением констатировалось, что казахи кочевали «с одного места на другое, и в этом передвижении не только казахи, находящиеся в ведомстве одного местного начальника, переходят в ведомство другого, но даже сами дистанции перемешиваются: на одном и том же небольшом пространстве земли вдруг кочуют несколько дистанционных начальников, между тем, как с ними нет и третьей доли подведомственных им казахов. По неурожаю трав и по другим причинам, многие казахи не возвращаются на прошлогодние свои кочевки, — вот причины беспрепятственных недоимок во взимании кибиточных денег, —... вот причина, почему дистанционный и местный начальники не могут представить требуемого к следствию казаха»⁷⁴. Это происходило спустя 20 лет после того, как Оренбургское ведомство было разбито на дистанции и управлялось дистанционными начальниками.

Об этом же неудобстве говорится в одном из документов 1862 г., касающихся казахов Сыр-Дарьинской области. Местное начальство считало необходимым прежде всего «достичь, чтобы каждый род казахов, управляясь своим родовым бием, кочевал купно, а не смешанно, как ныне кочуют казахи, где в одном становище можно встретить все различные роды. Поэтому нужно сначала определить число аймаков, ввести, чтобы каждый аймак управлялся своим старшиною и не мог произвольно менять кочевок»⁷⁵.

Приведенные факты говорят о том, что у казахов при полном кочевом образе жизни не было никаких разграничений пастбищных территорий, никакой регламентации и выработанных правил повторного использования того или другого участка земли.

Многочисленные аулы и родовые отделения населения передвигались во времени и пространстве, одни за другими и параллельно. «Нельзя сказать, чтобы при перекочевках аулов соблюдались особые правила; обыкновение, основанное на одном удобстве или привычке, заменяет все правила,

⁷³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 312, л. 2.

⁷⁴ Там же, ф. 382, оп. 1, л. 45, л. 9.

⁷⁵ Там же, л. 12.

которым следуют издревле ординцы. Одна местность, доставляющая корм скотине, определяет время, в которое должен аул откочевать. Следование аула при перекочевке не может представить ничего такого, в чем бы можно было заметить особые правила благоустройства»⁷⁶. Поэтому обширное пространство кочевого передвижения, представлявшее собой сплошной кочевой путь и сплошное пастбище, в течение одного сезона годового цикла кочеваний могло пройти много десятков аулов и различных родовых отделений. Это исключало всякую возможность установления определенного порядка в отношении того, кто первым, кто вторым и когда должен находиться на том или другом участке земли. Такая регламентация в условиях кочевого скотоводства, грабительских войн и существования широкой общинной формы землевладения и землепользования в казахских степях и пустыне не только не была нужна, но и была не осуществима.

Аулы, родовые отделения и целые роды сами выработали режим кочеваний, сообразуясь с традиционно установленным обычаем в определенное время года, в определенном направлении⁷⁷. При этом кочующие аулы и родовые отделения устанавливали между собой всевозможные хозяйственные и добрососедские отношения (сыбайлас, қоныстас). Но эти взаимоотношения аулов, родовых отделений могли изменяться и принимать различные формы в зависимости от создавшегося политического или хозяйственного положения, т. е. в случае войны, резкого изменения погоды, джунта и т. д.

Такой способ землепользования и характер землевладения у казахских кочевников могли измениться только с переходом их к оседлому или, по крайней мере, к полукочевому образу жизни. Документы, собранные по обычному праву казахов в 40-х гг. XIX в., ясно указывают на существование в старину широкой общинной формы землевладения и на изменения, которые произошли к тому времени в зе-

⁷⁶ См.: «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алмата, 1948, стр. 140.

⁷⁷ «Родовые группы не потому кочуют одними и теми же путями и зимуют по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо указаны и разграничены, а вследствие того, что каждый аул совершенно стихийно, так сказать, придерживается тех кочевок и остановок, на которых он может скорее встретить своих ближайших родственников; близость и общение с последними обеспечивает каждому казаху защиту в случае какой-либо опасности и помощь в нужде. Кочевки и зимние остановки меняются в зависимости от состояния кормов и погоды». «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 23.

мельных отношениях казахов, проживавших на северо-западе, севере и северо-востоке Казахстана. Например, попечитель казахов джагалбайлинского рода, кочевавших к востоку от крепости Орск, Александрийский писал: «Сообразно роду жизни казахов, бывшему нерасположению к земледелию и обширности занимаемых ими степей, у них вовсе не видно постановлений, относящихся до определения права на владение поземельное. Это обстоятельство порождает много запутанности, споров и распрей между прилинейными казахами, принимающимися за земледельчество, особливо в районе между линиями, где по отсутствию ясных границ с владениями войсковыми казахи подвергаются всевозможным неприятностям черезполостности»⁷⁸. Следовательно, у этих прилинейных казахов границы землевладения отдельных групп аулов устанавливались в процессе их оседания и развития земледелия.

Сказанное Александрийским о начавшемся процессе оседания и земледелия, т. е. о переходе к полукочевому образу жизни прилинейных казахов, подтверждается донесением и попечителя Белозерова от 17 июня 1846 г. Он указывает, что казахи с весны перекочевывают с места на место, в июле обязательно прикочевывают к зимовкам, косят там сено и заготавливают на зиму топливо (кизяк). В начале зимы они возвращаются к зимовкам и находятся здесь до весны. «Мелкую скотину сохраняют в устроенных кардах и вырытых в земле ямах, вроде землянок, как равно и рогатую скотину, а лошади в косяках пасутся по степи и выбивают из-под снега корм ногами»⁷⁹.

Упоминание Белозерова о вырытых в земле ямах наподобие землянок говорит о том, что казахи в данный период начали переход к полукочевому или полусоседлому образу жизни. Это подтверждают и слова Е. Смирнова, сказанные о кочевниках Сыр-Дарьинской области. Ими «...для укрытия телят, ягнят и верблюжат устраиваются небольшие загоны из кустов и камыша и выкапываются ямы, иногда закрываемые хворостом и камышом»⁸⁰. Позднее ямы зимой стали приспособлять и для жилья людей. Такие землянки (жертеле) бытовали повсюду среди бедных полукочевых казахов еще в первые годы после революции. Подобные землянки существовали в первых веках нашей эры у полукочевых германцев, на что указывал Ф. Энгельс. «Германцы имеют уже подземные кладовые — род подвалов, в которых

⁷⁸ См.: «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алмата, 1948, стр. 92.

⁷⁹ Там же, стр. 116.

⁸⁰ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 150.

зимой они укрывались от холода, и где, по свидетельству Плиния, женщины занимались ткачеством. Земледелие, следовательно, имеет уже большое значение, но скот все еще остается главным достоянием»⁸¹. Там же отмечается, что у них дети бегали нагишом; чтение и письмо взрослым, точно так же, как казахам дореволюционного полукочевого и кочевого аулов, были неизвестны. В 1890 г. о казахском населении Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области Н. Васильев писал: «Одно только в нем (в населении. — С. Т.) поражало неприятно. Его маленькие дети, а то и подростки бегают в ауле совершенно нагие, точно зверята»⁸². То же наблюдал Б. Юзефович у казахов Тургайской области: «Дети до трех и четырех лет иногда вовсе никакого костюма не имеют и бегают совершенно нагие»⁸³.

Все данные говорят об аналогии основных черт жизни и быта полукочевых казахов XIX в. и древних полукочевых германцев, которые не имели друг с другом никакой этнической, территориальной и языковой общности. Это лишний раз подтверждает правильность положения марксистско-ленинской науки о том, что сходство общественного производства, экономической жизни людей, живущих в совершенно различных частях земного шара, порождает сходство их быта⁸⁴.

Материалы по казахскому обычному праву, собранные в 1846 г. чиновником особых поручений д'Андре при участии такого знатока казахской жизни, как востоковед В. В. Григорьев, содержали интересные сведения. Д'Андре отмечает: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего, — как-то: ямы для молодых верблюдов и т. п. Но в прочих случаях как на все летнее, так и зимнее время право на местность не существует. А посему аул, имея несколько лет сряду и постоянно одно и то же место для зимовок, не может изъявлять претензии, если какие-либо дальние пришельцы расположатся на том месте и оста-

---

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 452.

⁸² Васильев Николай. Кочевники Туркестана. (Опыт экономического обзора). Самарканд, 1890, стр. 9.

⁸³ Б. Ю. Юзефович. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник», т. 146, СПб., 1880, стр. 801.

⁸⁴ «Формы общественного быта складываются у самых разных народов, независимо от их языковой принадлежности и этнического происхождения, примерно одинаково, соответственно определенной степени развития их материальных производительных сил». С. А. Токарев. О культурной общности восточнославянских народов. «Советская этнография». 1954, № 2, стр. 26.

нутя зимовать»⁸⁵. Это же подтверждают материалы, собранные в 1870 г. по заданию оренбургского губернатора Л. Баллюэка. «У казахов, по условиям их кочевой жизни и при ежедневной почти перемене места кочевания, согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности»⁸⁶ (подчеркнуто нами. — С. Т.), т. е. не было частной собственности на землю.

Один из известных исследователей общественно-политической жизни казахского народа конца XIX в. Н. И. Гродек так же писал, что «до русского владычества земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился»⁸⁷.

Кочевой образ жизни с круглогодичным кочеванием сохранился у части казахского населения дореволюционного Казахстана и был явным пережитком прошлого. О таком типе хозяйства в 1907 г. в журнале о землеустройстве говорилось: «...часть казахских родов, правда, сравнительно незначительная, до сих пор сохранила чисто кочевой образ жизни. Так, например, 12 волостей Адаевского рода все время проводят в перекочевках от пределов Хивы и Бухары до средней части Уральской области и обратно»⁸⁸. Они кочевали круглый год и кратковременно пребывали на местах стоянок, не имея никакого понятия о частной собственности на землю.

По имеющимся богатым материалам о жизни сибирских казахов в 60-х гг. XIX в. можно проследить процесс перехода их к полукочевому образу жизни. М. Красовский писал: «В условия успешного разведения стад входит необходимость частого их перегона в летнее время с вытравлением мест на новые; препятствий же к тому, при отсутствии частной поземельной собственности не было»⁸⁹. На зиму кочевник отыскивал в степи стоянку, пригодную для прокормления и укрытия своих стад. «С давних времен такие, более или менее постоянные стоянки определял для себя каждый отдельный род, но прежде не особенно привязывался к ним потому, что в силу господствовавших в то время в степи понятий об общинном владении землею, зимовки иногда приходилось менять так же, как и места обычных летних передвижений, че-

⁸⁵ См.: «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алма-Ата, 1948, стр. 140.

⁸⁶ См.: «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона». «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. II, Казань, 1872, стр. 149—150.

⁸⁷ Н. И. Гродек в. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. I, Ташкент, 1889, стр. 102.

⁸⁸ См.: «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907, стр. 10.

⁸⁹ М. Красовский. Область сибирских казахов, ч. III, СПб., 1868, стр. 14.

му в особенности способствовали еще порождаемые барымтой междоусобия»⁹⁰ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Переход к полукочевому образу жизни с сопутствующими ему сенокощением и хлебопашеством внес изменения в прежнюю форму землевладения у кочевников. Этот переход произошел только в связи с присоединением казахских жузов к России.

О границах землевладения казахских кочевников на севере Л. Костенко писал так: «Пределы распространения казахских кочевков трудно определить с точностью, потому что народ этот подобен ветру, свободно разгуливающему в пустыне, и который уловить невозможно. Однако ж при всем том северную границу казахских кочевков определить легче, чем южную, потому что здесь еще с прошлого века русское правительство стремилось обозначить пределы набегам степняков устройством укрепленных линий»⁹¹.

Знаток истории и быта казахского народа Чокан Валиханов не зря отмечал, что «в старину исходным пунктом всех казахских мотивов и забот был скот. Мы устраивали свою жизнь, принаравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Когда в одном месте был голод (имеется в виду неурожай трав. — С. Т.), казахи уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями. Казахи Младшего жуза летом кочевали под Оренбургом и в горах Мугоджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Барсука и Кара-Жум. Казахи Среднего жуза в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно»⁹².

Почти такой же образ жизни в годы революции вели упомянутые нами кошпелинцы (в начале XX в. они составляли 20—25% казахского населения). Итак, характер землевладения и образ жизни этих кочевников имели свою историю, уходящую в далекое прошлое казахского общества⁹³.

⁹⁰ Там же. Мы полагаем, что Красовский, говоря о «давних временах», имел в виду период не ранее конца XVIII и начала XIX в.

⁹¹ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданскойности. СПб., 1870, стр. 30.

⁹² Ч. Ч. Валиханов. О кочевках киргиз. «Записки ИРГО по этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 322—323.

⁹³ «В своей чистой первичной форме аул был непрерывно движущейся, кочующей общественной единицей. И весной, и летом, и осенью, и даже зимой составляющие аул родовичи переходили с места на место со своим скотом, по мере того, как истощались корма. Постоянных жилищ для людей и каких-либо защитных строений для скота в эту пору у казахов не было. Жилищем служила юрта». Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905, стр. 17.

В 1880 г. член-сотрудник Оренбургского отдела Русского географического общества Б. Даулбаев писал: «Назад тому 50 лет, казахи кипчакского рода, Карабалынского, Танабугинского и Кульдекского отделений, около 3000 кибиток во время лета кочевали по всем обширным степям, начиная от реки Тобол до озера Ургач, а к зиме откочевывали к рекам Аят и Тогузак... они перекочевывали здесь с места на место, со своим скотом и со своими семействами для приискания корма скоту, так как тогда никто из них не заготовлял сена на зиму и хлебопашеством не занимался. Домов и землянок не было ни у кого из казахов... В зимнее время в кибитках казахов, вместе с семействами, помещалась даже скотина, отощавшая, так как не было еще ни азбаров (загонов), ни сараев для скота»⁹⁴. Слова Б. Даулбаева о том, что у казахов тогда «не было еще ни азбаров (загонов), ни сараев для скота» перекликаются с описанием быта казахов, данным Чоканом Валихановым. Постоянные загоны, сараи для скота не могли существовать при полном кочевом образе жизни, когда не было закрепленных хотя бы на зиму за определенными группами населения участков земли, их возникновение предполагает наличие полукочевого типа хозяйства и признаков разрушения кочевого образа жизни.

Элементы оседлости в связи с переходом казахов к полукочевому и оседлому образу жизни появились лишь с конца XVIII и начала XIX столетий. Об этом П. П. Румянцев писал: «...приблизительно с середины XVIII по середину XIX столетия происходит оседание родов. В это время казахи, по крайней мере, в северной части занимаемой ими территории, стали проводить зиму уже в зимовках, в постоянных жилищах. Естественно, что прежде всего закреплялось право пользования кстау и прилегающей к ней площадью. Затем выдвинулся вопрос об исключительном праве определенных родов и их частей на пользование кузеу, т. е. весенне-осенними пастбищами, джайляу оставались свободными для пользования разных родов или разных частей одного многочисленного рода»⁹⁵.

У основной массы казахов Тургайской области зимовки появились «в начале минувшего (XIX в. — С. Т.) столетия, но получили особенное распространение лет 50 тому назад (т. е. в 50-х гг. XIX в. — С. Т.). На зимних стойбищах казахи северных уездов стоят с половины октября до половины мар-

⁹⁴ Б. Даулбаев. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г. «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. IV, Оренбург, 1881, стр. 98—99, 101.

⁹⁵ П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 53.

та или до начала апреля, то есть около 5—6 месяцев, в южных же уездах — с ноября до конца февраля, то есть около 4 месяцев»⁹⁶. О таком же полукочевом типе хозяйства говорит документ, датированный 1862 г. В нем указывается, что «все занятое казахами пространство степи разделили они между собою по родам, причем сильнейшие захватили, разумеемся, лучшие или обширнейшие земли, а слабейшим достались худшие или меньшего объема. При этом каждый род и каждое отделение и подотделение рода присвоили себе, соответственно с потребностями степного скотоводства, местности двух различных родов: годные для пастьбы скота летом и годные для тебеневки его зимою или, другими словами, каждое отделение и подотделение каждого рода имеет свои времена утвердившиеся за ним пространства, на которых кочуют со скотом своим в летнее и тебенуют этот скот в зимнее время, имеет, так сказать, свои зимовья и летовища...»⁹⁷.

Такой характер землепользования и форма кочевого передвижения полностью совпадают с описанной М. Красовским формой кочевого передвижения казахских аулов Среднего жуза в 60-х гг. XIX в. Последние уже относились к типу аулов, ведущих полукочевой образ жизни, они находились в течение всей зимы на постоянной зимовке, вследствие чего заметно сократилась длина пути кочевания. Эти новые явления в хозяйственной жизни у сибирских казахов возникли в конце XVIII—начале XIX в. и особенно усилились с проведением в жизнь «Устава о сибирских киргизах». Примером этого может быть образ жизни казахов Кокчетавского внешнего округа в конце 30-х гг. XIX в.

Кокчетавский окружной приказ 10 июня 1839 г. донес пограничному начальнику сибирских казахов о состоянии и изменении летних кочеваний в Кокчетавском внешнем округе. В ведомости, приложенной к этому донесению, указывается, что казахи Майлибалтинской волости Кокчетавского округа в количестве 1289 юрт, объединенных в 20 аулов, в мае находились южнее горы Кокчетав и ее окрестностей, где они, видимо, проводили зиму, на 80—150 верст; в июне — на 170 верст, а в июле — на 200 верст, вблизи озера Кечубай-Чалкар, которое, очевидно, было их конечной и самой дальней точкой весенне-летнего кочевания. Население Бабасан-Балышевской волости этого же округа в количестве 949 юрт, объединенных в 15 аулов, перекочевывало в мае с

⁹⁶ В. Я. Бенькевич. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3, Оренбург, 1918, стр. 17.

⁹⁷ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3877, л. 24.

урочищ Таинчакуль и Бель-Агач на озера Сандикуль и Тенгиз, т. е. от 80 до 120 верст к востоку; в июне и июле оно находилось в окрестностях урочища Колибека, в 45 верстах к востоку от озера Сандикуля, что составило 165 верст от исходной точки до весенне-летнего кочевья.

Казахи Андагул-Ораз-Баимбетовской волости Кокчетавского округа в количестве 1163 юрт, объединенных в 17 аулов, в мае откочевали «с речек Бурлуков по направлению к приказу и к западу на урочища Джалба и Турангуль от 35 до 95 верст; в июне — с урочищ Джалбы (Джамдумбая) и Турангуля на речки Бурлуки на 100 верст к юго-западу; в июле — одна часть населения этой волости находилась на территории округа, а другая кочевала в глубь степи, местопребывание ее было неизвестно»⁹⁸.

Сокращалась длина пути кочевания и у оренбургских казахов. Об этом писал А. И. Добросмыслов: «В тех местностях, где степь богата растительностью и земледелие уже достигло некоторого развития, там и кочевание утратило свой первоначальный характер. Казахи Актюбинского и Николаевского уездов в настоящее время, за небольшими исключениями, кочуют не далее как на 20—40 верст от своих зимних жилищ, то есть редко выкочевывают за пределы своего номера аула и еще реже за пределы своей волости. Напротив, казахи южных уездов — Иргизского и Тургайского — за недостаточностью хороших пастбищ и мест, пригодных для земледелия, должны кочевать на дальние расстояния, нередко делая 200—400 верст; казахи же Сыр-Дарьинской области — Казалинского и Перовского уездов, — кочевывающие летом в Тургайскую область, проходят 600—1000 верст и даже более»⁹⁹.

Таким образом, в конце XVIII и начале XIX в. на севере, северо-западе и северо-востоке казахских степей под политическим и экономическим воздействием России происходило оседание крупных родоплеменных групп. Однако с этим не согласен С. З. Зиманов. Он считает, что русское правительство в целях колонизации не было заинтересовано в установлении в казахской степи гражданского мира, оседлости и в развитии там земледелия. Он пишет: «...нельзя утверждать, что ограниченная политика, в некоторой степени способствующая развитию оседлости и земледелия, должна была и привести к полному подчинению племенно-феодалного общества казахов русскому государству. Во всяком случае

⁹⁸ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 193, лл. 5—6, 7, 9, 19—20, 26—27.

⁹⁹ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 12.

само царское правительство так не думало и не могло думать»¹⁰⁰.

Такое субъективное суждение С. З. Зиманова ничего общего не имеет с действительностью.

Порядок выделения земель в частную собственность старшим и волостным султанам, а также рядовым казахам, предусмотренный Уставом М. Сперанского, с целым рядом коррективов, внесенных жизнью, способствовал одновременно с оседанием родо-племенных групп возникновению частного землевладения у казахов. Инициаторами оседания, как правило, были представители патриархально-феодальной верхушки кочевого общества казахов, состоявшие на службе у царского правительства в качестве султанов-правителей, старших султанов, дистаночных начальников, волостных управителей и аульных старшин.

К сведению С. З. Зиманова русское правительство с момента введения Устава М. Сперанского постоянно следило за процессом развития оседлости и земледелия среди казахов. Например, 8 марта 1825 г. Кокчетавский окружной приказ доносил омскому областному начальству, что некоторые казахские старшины, изъявив желание заниматься хлебопашеством, просят снабдить их сельскохозяйственными орудиями и семенами. На это областное начальство ответило: «Совет Областного управления, уважив в полной мере просьбу казахских старшин и дабы ныне же удовлетворить оную полагает: 1) позаимствовать на сей предмет из штатной суммы внешнего округа до 1000 рублей и представить приказу сделать распоряжение о покупке на оные деньги сельскохозяйственных инструментов и семенного хлеба на линии или где удобнее и выгоднее представится; 2) по заготовлении таким образом производить продажу или мену при окружном приказе по тем ценам, что будут стоить инструменты и семена с доставкой; 3) соразмерно требованиям от казахов сделать новое заготовление на выручаемые деньги или вещи, если не будет доставляемо вольными торговцами, открыть на том же порядке продажу сельскохозяйственных инструментов и семенного хлеба в Каркаралинском внешнем округе, разрешив позаимствовать на сие из остаточной суммы до 1000 рублей, буде вступят требования от казахов. О чем предписать Кокчетавскому и Каркаралинскому приказу для надлежащего исполнения»¹⁰¹.

Данный документ, как и многие другие, свидетельствует

---

¹⁰⁰ С. З. Зиманов, Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 25.

¹⁰¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 417, лл. 2—3.

о начале развития оседлости и земледелия среди казахов Сибирского ведомства. В сообщении командира русского пограничного военного отряда есаула Шванского от 2 июля 1832 г. на запрос омского областного начальства о развитии хлебопашества среди аман-карагайских казахов говорится: «Тюмень-Аргынской волости старшина Язы Янов близ отряда при урочище озера Караобы расстоянием от оногo за 4 версты начал производить хлебопашество с получением пособия денег 100 рублей на покупку торгайских прос, пшеницы и нужных для хлебопашества инструментов. Сего года в мае месяце вспахано и посеяно разных прос пять десятин, пшеницы 1¹/₂ десятины... Той же волости ведения старшины Язы Янова казахи Айшекен с братьями на том же урочище, где и старшины Янова, начали оные производить хлебопашество с 1831 года без пособия от казны собственным иждивением, в сем же году получив в пособие от отряда денег 60 рублей для покупки разных семян, торгайских прос и пшеницы, вспахано оными земли и засеяно просой четыре десятины, одна десятина пшеницей и репой один загон... Янсара Уваковской волости старшина Тлей Балкочуков в нынешней весне с получением в пособие денег 30 рублей на покупку и прочие инструменты, необходимые для хлебопашества, вспахал и посеял одну десятину просой и одну пшеницей торгайских семян»¹⁰².

25 августа 1832 г. начальник Акмолинского военного округа полковник Шубин сообщает омскому областному начальству о состоянии земледелия среди казахов и указывает, что покойный отец тортульского султана Байгары Даирова с тюленгутами на озере Чуптыкуле начал производить хлебопашество 30 лет назад. Султаном Даириным «без пособия от казны собственным иждивением в сем году вспахано земли и посеяно пшеницы 2¹/₂ десятины»¹⁰³. Дальше Шубин перечисляет 16 казахских домохозяев, которые по соседству с Даириным в общей сложности вспахали и засеяли 12 десятин просом и пшеницей, и еще 17 человек, которые на озере Кургалджине в общей сложности вспахали и засеяли 39 десятин просом и пшеницей. В этом же документе Шубин пишет: «Никто из означенных выше казахов домов и других обзаведений не имеет, что ж касается собственно до хлебопашества, то земли вспахивают небольшими ручными сошниками, искапывают так называемыми четами, подымая оную глубиною не более на два вершка, отчего самого семени выдувает ветер, хлеб бывает всходом редок и произрастания посредственного или даже при бездожии худого, но в сем

¹⁰² Там же, д. 726, лл. 7—8.

¹⁰³ Там же, л. 43.

последнем случае казахи напоят землю из находившихся около пашен озер и рек через водолейные машины (атба. — С. Т.), проводя отводы каналы до пашен расстоянием от 50 до 100 и до 150 сажен, глубиною же смотря по высоте берегов, чем доказываются трудолюбие и усердие казахов, под озимь земли не пахут и хлеба не сеют, жатву производят ножами и мелют хлеб небольшими ручными жерновами, если же сделать казахам пособие, снабдить их необходимыми земледельческими инструментами, то более усугубится усердие их и распространится между ними хлебопашество»¹⁰⁴.

В сводной ведомости, составленной канцелярией омского областного начальства на основании донесений окружных начальников в 1832 г., приводится большой список казахов, занимающихся земледелием в разных округах Сибирского ведомства. При этом указывается, кто из них получил пособие от казны. В частности отмечается, что в Кокпектинском внешнем округе султаны Досан Ханбавин¹⁰⁵ и Клыч Досанов начали сеять хлеб с 1832 г. и получили как пособие от казны по десять пудов пшеницы. В том же году они засеяли пшеницей 11, овсом 4 и просом 3 десятины. Пособия от казны в таком же размере были выданы биям Тарбакаю Арканову, Чокою Тугульбаеву и Бимурзе Мурзасову. Кроме этих султанов и биев в Кокпектинском округе получили пособие от казны в размере 5 пудов пшеницы 32 казаха, которые в том же 1832 г. завели посеы¹⁰⁶.

В ведомости Баян-Аульского округа о казахах, сеявших хлеб и имевших дома, сотник Кузнецов сообщает, что в Торгульской волости Айдабуловского рода бий Бочтай Турсунбаев, «получив в январе месяце сего года от господина начальника штаба чрез есаула Махонина в пособие на заведение хлебопашотных инструментов денег 25 рублей, кои действительно употреблены на нужные для того инструменты и семенной хлеб, ...начал производить хлебопашество с 1832 года с помощью казаков с русским инструментом, от зимовья своего в 5 верстах, на урочище Игиль-Булак, от отрядного помещения в 20 верстах, засеяно земли пшеницею 2, просом 2 десятины, ячменем 2, овсом 2 загона и горохом один... Из числа разводителей пашни более всего принимает участие бий Бочтай, всеми мерами стремится к улучшению

¹⁰⁴ Там же, л. 45.

¹⁰⁵ «... султан Досан Ханбавин в 1833 г. получил топазовый перстень в награду за обработку полей около Кокпектов». Н. Кошкин. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 29 (списка).

¹⁰⁶ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 726, лл. 2—3.

онной русским инструментом, для чего приучает своих работников, а прочие мало еще на то обращают внимания»¹⁰⁷.

В ведомости Кокчетавского округа говорится, что вдовствующая ханша Айханым Валиева «близь дома, построенного для нее по распоряжению правительства, но в котором году и что стоит неизвестно, на урочище Сырымбет, расстоянием от приказа примерно в 100 верстах, на отпущенные в 1831 году от г-на омского начальника из экстраординарных сумм 150 руб. производит хлебопашество с 1831 года, но посеянный озимый хлеб на 4-х десятинах от небывших во время дождей, к произрастанию безнадежен»¹⁰⁸. Аналогичные факты о приобщении казахов к земледелию были и в Кокчетавском, Омском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Аман-Карагайском округах.

Эти данные говорят еще о начальном периоде развития земледелия и оседлости среди казахов Сибирского ведомства. В 1824, 1825 и 1827 гг. несколько влиятельных казахов от имени группы кочевников просили русское правительство о законодательном оформлении земель под оседание и земледелие, но когда дело дошло до практического осуществления, то эти казахи отказались от такого намерения, ссылаясь на нежелание населения. Например, «в 1824 году Атагаевской волости Кокчетавского округа заседатель от казахов Байтокин просил от лица той волости отвести узаконенное количество на основании устава в 22-й день июля 1822 г. земли под хлебопашество и другие угодья. Областное начальство, удовлетворив эту просьбу Байтокина, объяснило ему что, ежели на отведенной земле в течение 5 лет не будет заведено никакого устройства, то земли эти отберутся от них и отдадутся другим, на это Байтокин отозвался, что казахи в отводе земли уже надобности не имеют»¹⁰⁹. Точно также «в 1825 году старшина Кокчетавского округа Мурзатаев, просил отвести ему с одноаульцами в 115 кибиток под хлебопашество земли и снабдить их сохами и боронами. Когда же начальством сделано распространение об отводе просимой земли, то Мурзатаев впоследствии объявил, что казахи от него откочевали и он без согласия их приступить к производству хлебопашества не может...»¹¹⁰.

В 40—50-х гг. XIX в. происходит значительное развитие оседлости и земледелия как среди казахов Сибирского ведомства, так и Оренбургского, жившего в его северной и северо-западных частях. Это выражалось в стремлении уже осевшей

¹⁰⁷ Там же, л. 10—11.

¹⁰⁸ Там же, л. 16.

¹⁰⁹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2385, л. 61.

¹¹⁰ Там же, л. 62.

патриархально-феодальной верхушки закрепить за собой и своими потомками хорошую землю, построить там дома и заняться земледелием.

Источники сообщают, что многие из влиятельных казахов в этот период «обращаются с просьбами о дозволении им строить дома и разводить хлебопашество на принадлежащих им с родовичами землях, каковые просьбы, по надлежащем удостоверении о принадлежности мест, удостоверялись»¹¹¹.

Например, в 1840 г. в пограничное управление сибирскими казахами обратились с просьбой из Кокчетавского округа Майлибалтинской волости аульный старшина Селемес Джуруков и его одноаульцы Мужктай Тюяков, Сакпай Чуваков, Шанты Танатов и Бектачи-Узюн Зенгаров разрешить им построить деревянные дома в урочище Джудузекке¹¹²; в 1841 г. аульные старшины Андагул-Ораз-Ваимбетовской волости Кокчетавского округа Байгозы Кульджабаев и Казыбай Байсенгиров тоже испрашивали дозволения «построить деревянные дома и вместе с тем производить хлебопашество: первому на урочище Сагындык-Кул и последнему в Агавли-Бочай»¹¹³; в 1842 г. волостной управитель Карача-Джаулыбаевской волости султан Сейткул Чингисов донес Кокчетавскому окружному приказу о том, что аульный старшина Джантанат Авалбеков и казах Киргизбай Вайбулов «имеют желание на принадлежащих им местах при урочище Кашкарбай-Собке выстроить деревянные дома и производить хлебопашество, просили снабдить их на места письменным видом, дабы другие казахи не делали им притеснения»¹¹⁴.

«Аман-Карагайский окружной приказ от 19 января 1842 года за № 192, представляя прошение бия казаха Малдыбаева о дозволении построить ему дом и производить хлебопашество на избранных им пустопорожных местах и именно: Калкамыс, Токумулда, Каиран-Кул и Обалы-Узень и свидетельство от 20 апреля 1841 года от разных волостных старшин, биев, почетных казахов о непринадлежности никому вышеозначенных избранных Малдыбаевым мест, доносил, что на постройку того дома со стороны приказа препятствия нет»¹¹⁵.

В 1842 г. Пограничное управление сибирскими киргизами, рассмотрев рапорт Аягузского окружного приказа о том, что волостной управитель Тулинской волости султан Усман Джанаев просит разрешения выстроить в местности

¹¹¹ Там же, л. 64.

¹¹² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1070, л. 1.

¹¹³ Там же, д. 1075, л. 3.

¹¹⁴ Там же, д. 1072, л. 1.

¹¹⁵ Там же, д. 1002, л. 1.

Кайкене деревянный дом, удовлетворило его просьбу¹¹⁶. В соответствии с заявлением заседателя Аман-Карагайского приказа султана Кенджалы Астандиярова Пограничное управление 24 мая 1844 г. разрешило «производить хлебопашество на урочище Ключах... и выдать ему на сей предмет 100 руб. ассигнациями» взаимнообразно¹¹⁷. На основании заявления казаха Андай-Рысаевской волости Кокчетавского округа Кожагельды Тасыбекова Пограничное управление предписало дозволить ему: «построить дом и производить хлебопашество, на условиях в 144 стат. 12 том изображенных, если места, указанные Тасыбековым, ему принадлежат бесспорно»¹¹⁸.

11 октября 1848 г. в соответствии с заявлением волостного управителя прапорщика Байгулина Акмолинский окружной приказ сообщил: «Урочище Атанкул принадлежит Байгулину с казаками, в числе 35 кибиток, и что казахи эти через постройку дома Байгулиным стеснения в своих кочевьях иметь не будут, почему приказ полагает возможным дозволить прапорщику Байгулину построить дом и вырубить для того потребное количество леса»¹¹⁹.

В 1832 г. при основании Баян-Аульской казахской станицы в связи с образованием Баян-Аульского внешнего округа часть территории казахского рода малгозы отошла к ней. В 1843 г. старший султан Баян-Аульского внешнего округа Муса Чорманов вытеснил весь род малгозы из Аккелинских гор и поселил здесь свыше ста хозяйств своих сородичей из рода каржас¹²⁰. В результате полукочевые сородичи оказались у него почти в крепостной зависимости.

В этот период насильственные действия, связанные с проявлением феодального землевладения, совершались во многих местах Казахстана оседавшими влиятельными представителями патриархально-феодальной верхушки. Часть таких актов, например, в Баян-Аульском округе оформлялась в виде купли и продажи зимовок. В частности об этом говорит документ от 7 сентября 1858 г. Из него видно, что казахи Джангозы-Айдабульской волости в присутствии старшего султана М. Чорманова дали подписку заседателю Баян-Аульского окружного приказа сотруднику Малгельдину и бию Боктыбаю Акпанову в том, что оставшиеся «в наследство от

¹¹⁶ Там же, д. 1073, л. 1.

¹¹⁷ Там же, д. 1581, л. 1.

¹¹⁸ Там же, д. 2123, л. 2.

¹¹⁹ Там же, д. 2122, л. 6.

¹²⁰ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Семипалатинская область, Павлодарский уезд», т. IV, Воронеж, 1903, стр. 30.

отцов наших при урочище, по речке Ащису-Кунгурлек и Якши-Чурубай зимовки с принадлежащими при них осеневками Амантай-чоку и Чили-узек, Джалпак-кияк с колодцами и Кой-тасом, Обалы-Биик, Кылды-Бесчоку, Терен-узек по самый Каракудук на Ащису, Акчий с 4 колодцами у Сарыкамыса, уступили во всегдашнее владение им, Малгельдину и Акпанову и их потомству, за каковые взяли от них 22 кобылы с жеребьятами и с тем, что в этих зимовках ни из однородцев наших, ни из других волостей никто препятствовать им не будет»¹²¹.

Сотрудник экспедиции Л. А. Чермак рассматривал данный документ и правильно его оценил. «Вряд ли этот документ отражает обычно правовые воззрения казахов на поземельные отношения, скорее наоборот, он иллюстрирует, как под влиянием русских порядков они ломались»¹²².

Как видно, многие вчерашние казахские полуфеодалы-скотовладельцы, получившие от русского правительства права собственника определенного участка — феода, занимаясь сенокосением и хлебопашеством, постепенно становились феодалами-землевладельцами.

В документе 1844 г., в котором омская областная администрация подводила некоторые итоги развития земледелия и оседлости среди казахов Сибирского ведомства в соответствии с Уставом М. Сперанского, сказано: «Казахи чрез обращение их с русскими время от времени смягчаются в нравах, имеют бóльшие склонности к оседлой жизни; между ними постепенно увеличивается хлебопашество. В этой промышленности в минувшем году более отличали себя казахи Аягузского и Коклектинского округов, кочующие около гор Тарбагатай, от избытка урожая они снабжали русских (хлебом, — С. Т.), живущих в селениях за деньги и промен на вещи, даже возили на линию»¹²³.

Этот же процесс происходил в середине XIX в. и среди казахов Оренбургского ведомства, несмотря на отрицательное отношение губернаторов Сухтелена и Перовского к вопросу об оседании казахов. В документе за 1862 г. отмечается: «...и на самой линии, несмотря на воспрещение устроить здесь прочную оседлость и заводить пашни, воспрещение это, вследствие постоянно укрепляющейся власти правительства над казахами и умирения их буйного прежде характера более близким общением с русским населением Оренбургской линии, а равно и вследствие распоряжения большей части главных начальников края (кроме генерал-адъютанта

¹²¹ Там же, стр. 23.

¹²² Там же.

¹²³ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, л. 649.

Перовского — С. Т.) покровительствовать распространению оседлости и земледелия между ордынцами, — ослабевало в действителн своем с году на год, так что многие казахи издавна уже имеют пашни, а некоторые даже выстроили себе избы около самой линии»¹²⁴.

По данным полечителя прилинейных казахов Первухина, в 1852 г. на своей зимовке между старой и новой линиями зауряд-хорунжий Матень Чутанов из кипчакского рода Куккузовского отделения с родственниками засеял 25 десятин пшеницей (он начал заниматься земледелием с 1842 г.); казахи джагалбайлинского рода Вузбецкого отделения У. Кунаев, А. Мумбаев, Б. Кучурбаев и Т. Иргизбаев засеяли в том же году по речке Суюндуку 72 десятины пшеницей (земледелием занимаются с 1849 г.); казахи джагалбайлинского рода Урмантаевского отделения С. Кулов, Я. Иргизбаев, М. Бустанов, К. Чуваков, А. Карачаев и Б. Дыльдатов в 1852 г. засеяли пшеницей от 2 до 4 десятин каждый (к земледелию приобщились в 1849 г.). Далее Первухин указывает, что 30 казахских семейств засеяли 316 десятин земли¹²⁵. Эти цифры, видимо, преувеличены, так как в итоге на каждую сеющую казахскую семью в среднем приходилось более 10 десятин, что маловероятно. В том же году в другом документе начальник Оренбургского края писал: «Пограничная комиссия, при донесении от 8 прошлого января за № 296 представила ко мне ведомость о числе казахских семейств, занимающихся хлебопашеством в районе между старой и новой линиями. Из ведомости этой видно, что в 4-м полковом округе занимаются хлебопашеством 2287 казахских семейств, засевая до 3 тыс. десятин, и в 6-м округе 73 семейства, которые обрабатывают 138 десятин. Между тем из поступившего ко мне представления Войскового правления Оренбургского казачьего войска оказывается, что из кочующих в районе новой линии казахов засевают в полковых округах: 4-й 833 кибитки 1666 десятин и в 6-й — 2 кибитки — 25 * десятин»¹²⁶. Приведенные данные о количестве казахов, занимающихся земледелием, говорят о массовости данного явления. В обоих случаях в среднем на хозяйство приходится от 1,5 до 2 десятин посева, за исключением двух семейств в 6-м округе, засеявших 2,5 десятин, что близко к истине.

О заметном росте перехода к земледелию и оседанию в начале XIX в. северных казахов Оренбургского и Сибирского ведомств говорит в рапорте Оренбургской пограничной ко-

¹²⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3877, л. 29.

¹²⁵ Там же, д. 3592, лл. 7—8.

* По всей вероятности, ошибка, правильное — 2,5 десятины.

¹²⁶ Там же, л. 15.

миссии от 15 ноября 1851 г. один из попечителей прилинейных казахов. «Хотя по уверениям некоторых из ордынцев, кочующих при новой линии, как на внутренней, так и на заграничной ее сторонах, а равно и в районах, состоящих в заведываемой мною дистанции, хлебопашество, будто бы и было им известно тому назад более полстолетия, но, принимая в соображение и их сказания, что в то время почти по всей орде происходили значительные беспорядки и барымты, между тем как занятие это требует более спокойного времени и досуга, — то я и предполагаю, что вообще все казахи начали заниматься возделыванием полей и сеянием хлебов не более 15 или 20 лет»¹²⁷. Это подтверждает и другой документ, в котором отмечается, что «начало земледелия у казахов Тургайской области надо отнести еще к прошлому столетию (т. е. XVIII столетию. — С. Т.), но начатки его в области имеют лишь историческое значение. Совершенно кочевой образ жизни казахов не соответствовал в то время занятию земледелием. Оно стало заметно развиваться лишь с 70-х годов, с переходом кочевников на полуоседлый образ жизни, чему способствовало и влияние русских переселенцев, появившихся с этого времени в области»¹²⁸.

В 1851 г. султан-правитель средней части Оренбургского ведомства доносил Оренбургской пограничной комиссии, что в казахских родах, находящихся в его ведении, земледелием занимаются 4265 хозяйств и засевают около 20 тыс. десятин. Между количеством сеющих хозяйств и количеством засеянных десятин, по нашему мнению, имеется некоторое несоответствие, ибо свыше четырех десятин посева на одно сеющее казахское хозяйство в тот период — слишком большая норма.

Видимо, ошибка возникла из-за неполного показа количества сеющих хозяйств или же некоторого преувеличения количества десятин посева. Если согласиться с тем, что число сеющих хозяйств было 4265, то они составят около 5—6% всего населения, кочевавшего в средней части Оренбургского ведомства. Это может соответствовать действительности, так как оседание казахов в основном происходило в сфере влияния русской пограничной линии, а не повсеместно.

Документы говорят, что казахи табинского и таминского родов имели свои пашни по р. Урал, начиная от г. Оренбурга вверх по линии до рек Илек, Большая и Малая Хобды, вблизи своих зимовок; джагалбайлинский род — по р. Урал, начиная от станицы Никольской вверх по линии до крепости

¹²⁷ Там же, д. 3591, л. 1.

¹²⁸ См.: «Тургайская область». Сибирский торгово-промышленный календарь 1899 года. Томск, 1899, стр. 330.

Орской, рек Кумак, Орь, Уйсул-Кара и вершин Тобола; шектинские роды — около озер Батпакты и Кайрчакты, по р. Каульзюр-Табень и т. д.; кишкене-шектинские роды — на правом берегу р. Сыр-Дарьи; турт-каринские роды — большей частью по р. Иргиз, близ укрепления Уральского, а некоторые по правому берегу р. Сыр-Дарьи; карасакальские и шомекейские роды — на правом берегу р. Тургай, начиная от места, называемого Карсакбасы: Каракуль и Аксакал, Тауп, вниз до слияния реки Тургай с Иргизом; каракетинские роды — по р. Урал и у устья речки Бурлы; каракесекские роды — частью по р. Орь и частью по р. Иргиз¹²⁹.

На многих этих участках можно было заниматься земледелием в самых ничтожных размерах.

О природных особенностях этих мест можно узнать из акта, посланного 9 января 1866 г. начальником 54 дистанции Алматом Тобабергеновым в Областное правление оренбургскими казаками. В нем сказано: «Согласно предписания султана-правителя Средней части области за № 381, основанного на предписании Областного правления от 18 августа прошлого 1865 года за № 3115, касательно обсуждения вопроса о том, в каких безопасных от отравы местах удобнее было бы завести пашни в 54 дистанции, не заводя таковых уже вовсе на летних пастбищах, составили следующее соображение: в 54 дистанции для посева хлеба мест, безопасных от отрав, вовсе не имеется, потому, что в здешнем краю хлеб без поливки вовсе не рождается, почему необходимо в лето поливать его разов пять, поэтому места для посева хлеба выбирают около воды. В настоящее время страшный недостаток в воде, потому, что в прежние годы реки Иргиз и Тургай разливались широко, отчего наполнялись водою все лиманы и овраги, около которых производили пашни, а ныне по причине плохого разлива рек лиманы эти вовсе высохли. Около рек и некоторых озер, где находятся зимовки и производится сенокосение также невозможен посев во избежание отравы сена и подножного корма скота для зимы. В летних же кочевках дозволить также невозможно потому, что в летних кочевьях также не имеется довольно водных мест, а если эти места занимать под хлебопашество, то ордынцам в летних кочевках будет страшное затруднение»¹³⁰.

Несмотря на малопригодность этих мест для широкого развития земледелия, здесь в связи с основанием в 1847 г. Уральского укрепления на р. Иргиз (Жармола) и Оренбургского укрепления на р. Тургай появились первые очаги осед-

¹²⁹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3591, л. 54.

¹³⁰ Там же, д. 4070, лл. 42—44.

лости казахов. Так, упомянутый начальник 54 дистанции, пользовавшийся как родопрavitель влиянием среди кочевников и прозванный в народе сардаром, уже вел полукочевой образ жизни со своим отделением Шобдар из рода бекет-шомекейцев и имел около оз. Каракуга и р. Сары-озек рядом с укреплением постоянную зимовку и сенокосы. Конечно, всю территорию зимовки он считал своей собственностью, которую охраняли от поправки оставленные здесь на лето бедные родственники — джатаки, когда зауряд-хорунжий откочевывал на джайлау.

Несколько позже в связи с введением положения 1868 г. волостной управитель Таупской волости Иргизского уезда Сатбай с основными родовыми отделениями токинского рода шомекейцев в количестве примерно 1,5 тыс. хозяйств заложил зимовку на р. Тауп и начали заниматься сенокосением юго-восточнее Уральского укрепления. Вся территория зимовки охранялась от кочевников.

В 80-х гг. XIX в. старший сын начальника 54 дистанции Самырат Алматы, будучи волостным управителем Кеңжегаринской волости Иргизского уезда, откочевал в местность Ак-Кум в 200 км на северо-восток от пос. Иргиз и заложил там зимовку. Хозяйство Самырата накануне революции было типичным феодальным поместьем.

Во второй половине XIX в. в низовьях р. Тургай возле таких озер, как, например, Кулыкуль, Айкуль, Байтаккуль и других, осели мелкие родовые группы из бозгуловского рода шомекейцев.

Оседание казахских кочевников в бассейне р. Сыр-Дарья было связано с созданием Сыр-Дарьинской линии. Так, батыр Жанхожа Нурмухамедов, имевший чин есаула, поселился со своим кишкене-шектинским родом в низовьях Сыр-Дарьи в 40—50-х гг. XIX в.¹³¹

Полковник русской службы султан Еликей Касымов в 60-х гг. XIX в. вместе с родственниками и тюленгутами осел в местности Турткул на берегу Сыр-Дарьи.

Почти одновременно с султаном Еликеем в местности Хорхут на Сыр-Дарье закрепился волостной управитель батыр Туребай Пышанов со своим родовым отделением ерназар из каратамировского рода шомекейцев, а в местности Кентюбек со своим родовым отделением Кошкаралы (около 150 хо-

¹³¹ «В окрестностях Казалинского форта отвращают казахов от земледелия придирки к ним и казачья жадность русских поселенцев, которые готовы захватить у них все пространства, удобные для земледелия: придирки и жадность, которые в 1856 г. и послужили главным поводом к восстанию туземного населения под знаменем известного Джаиходжи». ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3936, л. 4.

зайств) из рода суюн-шомекейцев волостной управитель батыр Самырза Мырзабеков.

В это время только в зоне Сыр-Дарьинской линии, в основном вблизи таких укреплений, как Аральское, Казалинск (форт № 1), Кармакчи (форт № 2) и Перовск (форт № 3), появились постоянные зимовки казахских земледельцев.

Оседание кочевого населения Перовского и Казалинского уездов на протоках рек Сыр-Дарья, Жана-Дарья и Кувандарья приняло широкий размах после опустошительного джута 1879/80 г. и особенно джута 1892/93 г.

Родовые группы и отделения родов кете и саргаска заняли верховье рек Жана-Дарья и Кувандарья, а родовые группы и отделения родов суюн, балхи, тибет и другие — среднее течение и низовья этих рек.

Об этом процессе оседания казахов И. Аничков писал: «Оседание кочевников происходит с каждым годом все интенсивнее не только у нас в Туркестане, но и в соседней Тургайской области, где тоже так называемое кочевое население стало почти уже полукочевым... Стало быть, стремление так называемого кочевого населения к оседанию вне сомнения, и оно переживает теперь переходное время. Лучшим примером тому могут служить постоянно возникающие между волостями земельные споры; так, например, в 1892 — 1893 гг., в Казалинском уезде, после голодного года и вслед за прорывом Кувандарья к Аральскому морю, между волостями Актюбинской, Актугайской, Каратюбинской, Раимской и др., население которых с жадностью набросилось на вновь орошенные земли, возник огромный спор, долго тянувшийся, кажется, уже разрешенный, но едва ли удовлетворивший население. Раньше этого был в 1890—1891 гг. в том же уезде большой земельный спор из-за удобных для посевов мест, на Джаны-Дарье, между казаками Зангарской, Калынбасовской, Карабастугайской, Кучербаевской и Курганчинской волостей, тоже долго тянувшийся»¹³².

Соответствует действительности, что «казахами, кочующими по рекам Уралу, Ори, Кумаку, Илеку, Большой и Малой Хобдам, готовится земля таким же образом, как и у прилинейных жителей, и для разработки своих пашен употребляют сабаны и бороны по примеру русских»¹³³. Земледелие, оседлость и частное землевладение среди казахов средней части Оренбургского ведомства развивались в основном благодаря соседству с русским населением, а также благоприятным почвенно-климатическим условиям.

¹³² И. Аничков. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 35—36.

¹³³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3591, л. 55.

Казахи 23 дистанции, занимавшиеся земледелием в районе р. Кумак в соседстве с казачьими станицами Новоорской и Кумацкой и ведущие полукочевой образ жизни, не имели еще закрепленных за своими аулами мест для пашни вплоть до 1865 г. По требованию областного правления акт о закреплении пахотных земель был издан 17 ноября 1865 г. В нем отмечается, что «обсудив этот вопрос с избранными от народа биями в присутствии начальника 23 дистанции и местного начальника, избрали для хлебопашества места, а именно, начиная от речки Баузлива выходят два оврага, места эти назначены для хлебопашества аулов Бикмурзы Кинесова, Тас-Клычева, Сютлюбая Досанова с товарищами; по Члик-Саю — для аулов Кипчакова и Картыбаева с товарищами; по Каракулю — для аулов Тюлепбая Илемесова с товарищами; по Ащи-Саю — для аулов Чистебая Таптакова с товарищами; по речке Юл-Кутлы и оврага онного — для аулов местного начальника Чегенбаева с товарищами»; и т. д. В конце акта сказано: «Поименованные выше места, отведенные нам для хлебопашества, удобные, но с тем, чтобы было воспрещено однородцам других дистанций производить хлебопашество в наших местностях, и мы все однородцы не должны в других местах заводить таковые, кроме как на указанных выше местах»¹³⁴.

По данным Кобека Шукуралы-улы и казанского татарина Галия Шахмуратова, в 1803 г. в двух крупных родах или племенах Младшего жуза насчитывалось 29,5 тыс. хозяйств: в турткаринском — 11 тыс. и шомекейском — 18,5 тыс.¹³⁵, которые потом вошли в состав средней части Оренбургского ведомства. Об этих родо-племенных группах в 1851 г. младший толмач Чанышев в рапорте Оренбургской пограничной комиссии сообщает: «Хлебопашеством занимаются казахи чумекеевского и турткаринского родов разных отделений более 800 семейств по озерам, расположенным около рек Улкияку, Тургаю, Иргизу и далее за устьем Иргиза и около р. Ори, на Орь отправляют хозяева вперед работников для посева хлеба и прикочевывают на эти места тогда, когда посева хлеб, участки земли засевают до того времени, когда они перестают родить хлеб, а ячмень каждый год сеют на новую землю, земли засевают 450 десятин просом, ячменем и самую малую часть — пшеницей»¹³⁶. Как видно, сведения Чанышева о посевах почти совпадают с данными султана-правителя. Из рапорта явствует, что если даже принять количество хозяйств в этих крупных родах за 29,5 тыс., как

¹³⁴ Там же, д. 4070, л. 38.

¹³⁵ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М. — Л., 1940, Приложение 4.

¹³⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3591, л. 78.

было отмечено, то процент сеющих хозяйств будет не более 3. Это вполне объяснимо, так как показанные родо-племенные группы в своей массе оставались типичными кочевниками еще в конце XIX и начале XX в. Об этом говорит факт, изложенный в рапорте Субханкулова председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому от 18 января 1851 г. Там сказано: «Казахи турткаринского и чумекеевского родов, кочевавшие летом прошлого 1850 года по рекам Иргизу, Оре, Улкияку, близ крепости Орской и г. Троицка, осенью того же года перешли на левую сторону р. Сыр-Дарьи в числе 10 тыс. кибиток с намерением зимовать в песках Кызыл-Кум, которые, как я ныне получил верное сведение, отдают зекет хивинскому предводителю Ходжаниязову, в пользу его хана»¹³⁷. Поэтому вполне правдоподобно исходя из данных Чанышева, что на одно сеющее хозяйство турткаринцев и шомекейцев приходилось не более 0,5 десятины посева.

В материалах по обычному праву казахов, собранных в 1882—1883 гг. в Семипалатинском, Павлодарском, Каркаралинском уздах и изданных в г. Семипалатинске в 1886 г. П. Е. Маковецким, описывается полукочевой образ жизни коренного населения. В этот период земли, занятые полукочевыми казахами, разделялись на летние (джайлау), осенние (кузеу) и зимние (кстау) пастбища. Первые, по старинному обычаю, находились в общей собственности всех казахов и каждый мог пасти свой скот, где угодно.

В этих материалах отмечается, что на основе введения Временного положения (21 октября 1868 г.) по управлению казахским населением места летних кочевок были разделены между уездами и волостями. Однако в жизни этого не придерживались. Рано весной целыми старшинствами казахи откочевывали из своей волости в чужие волости, уезд или область, а из некоторых волостей Зайсанского приставства даже в пределы Китая, затем, постепенно продвигаясь, они приближались осенью к своим зимовкам и призимовочным, осенним пастбищам. Характерной чертой полукочевского хозяйства казахов было то, что осенние пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы находились уже в собственности отдельных аулов и даже отдельных семейств, как и находившиеся на них колодцы и леса¹³⁸.

Такие факты о состоянии полукочевского хозяйства в XIX в. М. Ахинжанов считает доказательством существования у казахских кочевников испокон веков частной собственности на землю. Он говорит: «...у казахов приобретение

¹³⁷ Там же, л. 104.

¹³⁸ См.: «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алма-Ата, 1948, стр. 263—264.

колодцев в собственность никогда не обходилось без споров; история не знает ни одного колодца без хозяина. Хозяин, придя к своему колодцу, имеет право прогнать от него всякого другого кочевника. Все лучшие водопои, бассейны рек и озер были в собственности крупных скотоводов. Я согласен с докладчиком в вопросе об общинной форме владения пастбищами, но добавлю, что это относилось только к «джайляу», а «кстау» никогда не были общими... Например, в районе Абая, Семипалатинской области, до сих пор сохранились «оба» и «боликтас», связанные с именами их владельцев (Кенгірбай тасы, Өскенбай обасы). Кунанбай — отец Абая — имел, например, свою собственную землю, начиная от местности Баканаса, Байкушкора, около Семипалатинска, до Аркайика»¹³⁹. М. Ахинжанов смешивает различные вещи. Одно дело земельная собственность оседлых или полукочевых старших султанов и их потомков во второй половине XIX — начале XX в., другое — форма земельной собственности при полном кочевом образе жизни казахов в XV—XVIII вв. Никто не спорит о том, что старший султан Кунанбай Ирғизбаев во второй половине XIX в. мог иметь землю в частной собственности, как его современники и собратья по классу. Это вполне закономерно, так как весь бывший Каркаралинский уезд Семипалатинской области в последней четверти XIX в. относился к зоне полукочевого скотоводства. Следовательно, данный тип хозяйства нельзя считать существовавшим на протяжении всей истории казахского народа.

Еще более странно рассуждение А. Б. Турсунбаева, который форму землевладения в полукочевом ауле, распространенную в Туркестанском уезде и отмеченную в отчете ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом в 1910 г., считает господствовавшей здесь извечно¹⁴⁰. Видимо, М. Ахинжанов и А. Б. Турсунбаев не задумываются над сущностью социально-экономических отношений, сложившихся среди казахов со времени начала присоединения казахских жузов к России и в особенности после введения Устава М. Сперанского, а также реформы 1868 г. Такая ошибка возникла вследствие игнорирования того, что в результате добровольного присоединения к России совершился переход казахов к полукочевому и оседлому образу жизни с сопутствующими ему элементами частного землевладения. В подобных рассуждениях нет историзма.

Детально изучивший землепользование казахов в конце

---

¹³⁹ См.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 113—114.

¹⁴⁰ Там же, стр. 99—103.

XIX в. Ф. Щербина верно описал имевшуюся еще в середине XIX в. форму землевладения у кочевой части населения. Он писал: «Пастбищных границ в современном смысле этого слова не существовало, каждый род из года в год путешествовал на север и обратно на юг приблизительно одним и тем же общим путем... Некоторые старики-баганалинцы помнят то время, когда все их сородичи кочевали круглый год, не имея никаких строений, кроме юрт. Северной границей кочевков были река Акан-Бурлук (приток Ишима) и озеро Челкар, находящиеся в пределах нынешнего Кокчетавского уезда, южной границей кочевков являлись реки Чу и Сыр-Дарья»¹⁴¹. Следовательно, длина кочевого пути баганалинцев в один конец в середине XIX в. была равна 1300—1400 км. При таком положении ни один кочевник не мог думать о каком-либо закреплении за собой клочка земли и ограничении прав на пользование им другими.

Частное землевладение в условиях военно-кочевой жизни племенно-феодального общества не могло возникнуть потому, что казахам приходилось постоянно менять места и направление своих кочеваний в целях пастьбы скота. Кроме того, они жили и кочевали с надеждой, как бы удачно угнать скот у враждебного рода или избежать нападения тех родовых групп, которые когда-то от них пострадали. Исследователи давно заметили, что «при прежнем неустройстве степи барымта побуждала многих часто менять зимовки»¹⁴².

Основными причинами, препятствовавшими возникновению частной собственности на землю у казахов до присоединения их к России, с одной стороны, был кочевой образ жизни, необходимый для успешного ведения скотоводческого хозяйства, а с другой — межплеменные и внешние войны, требовавшие всюду быть «в готовности остаться или, изменив обыкновенную дорогу передвижений и бросив прежние стойбище, отыскать себе новое»¹⁴³.

Наглядным примером того, как люди в связи с военной обстановкой бросали насиженные места, может служить передвижение нескольких полукочевых казахских родов в 30—40 гг. XIX в. Экспедиция Ф. Щербины отмечает, что «еще не так давно, во времена кенесаринских смут, казахи западной части Петропавловского уезда принуждены были оставить свои летовки, расположенные на юге уезда и по обе стороны

¹⁴¹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кусанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 10.

¹⁴² М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. II, СПб., 1868, стр. 68.

¹⁴³ Там же, стр. 73.

Ипима, и кочевать на северные летовки, ближе к казачьей линии»¹⁴⁴.

Первый русский ученый, написавший капитальный труд по истории и этнографии казахского народа, А. Левшин доказывал, что «месть одного частного человека другому, участие, принимаемое в одной семействами их, аулами, отделениями, даже целыми родами, и возникающие из того беспрерывно баранты (барымты) принуждают иногда сотни кибиток оставлять обыкновенные жилища свои и для избежания преследований безвозвратно переходить на другие отдаленные места»¹⁴⁵. Эту мысль А. Левшин подтверждает таким фактом: «В 1740 году большая часть Средней орды и хан ее Абул-Мамбет кочевали на Ори и Хобде; Абулхаир жил тогда более на берегах Сыра или Кувана и потому писал в 1742 году Неплюеву в Оренбург: «Я с Меньшею ордою на Сыре, а Средняя орда близ вас, генерал!» Теперь видим (т. е. в 30-х гг. XIX в. — С. Т.) совсем противное: ни один из родов Средней орды не приближается к Оренбургу. Подобно сему, многие аулы алимулинского поколения, зимовавшие всегда на Сыре, по вражде с однородцами своими, которым покровительствует хивинский хан, в 1821 году пришли на зиму к Илеку. В то же время несколько других аулов, обыкновенно кочевавших у границ наших, удалились к Хиве. Все сие ведет нас к заключению, что киргиз-казаки при настоящем образе их жизни и в ныне занимаемых ими землях не могут поселиться»¹⁴⁶.

То же самое говорит И. И. Крафт: «Однообразная равнинная местность и бедная природа степей не смогли вызвать в человеке особой привязанности к месту, а распри между разными племенами кочевников, сопровождающиеся бегством слабейшего племени, не создавали благоприятных условий для исключительного обладания землею»¹⁴⁷. На это же указывал Н. Коншин: «Прииртышские степи издавна служили местопребыванием кочевых казахских родов, которые при вечной борьбе друг с другом и с соседними племенами не могли, конечно, создать условий, необходимых для оседлого образа жизни»¹⁴⁸.

Постоянные войны и кочевое скотоводство, обусловившие

¹⁴⁴ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Петропавловский уезд», т. XII, Чернигов, СПб., 1908, стр. 33.

¹⁴⁵ А. Л е в ш и н. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, ч. III, СПб., 1832 стр. 29.

¹⁴⁶ Там же, стр. 30.

¹⁴⁷ И. И. К р а ф т. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 95.

¹⁴⁸ См.: «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 30.

общинное землевладение у казахов, также существовали у древних римлян и германцев. Об этом К. Маркс писал: «Первая форма собственности как в античном мире, так и в средние века, это — племенная собственность, обусловленная у римлян главным образом войной, а у германцев — скотоводством»¹⁴⁹.

Переход кочевников к оседлости всегда совершался под воздействием как внутренних экономических (рост народонаселения, отсутствие свободных и обширных пастбищ), так и внешних политических причин (ограничение сферы кочевых переселений соседними оседлыми народами). Так произошло оседание полукочевников — древних германцев. По словам Ф. Энгельса, в эпоху Цезаря германцы еще совершали длительные странствования, повторные походы на запад и на юг. Только «римское сопротивление на Рейне, а затем на Дунае кладет предел этому переселению, ограничивает владения германцев занятой ими до сих пор территорией и тем самым принуждает их перейти к оседлому образу жизни»¹⁵⁰. Скотоводческое хозяйство, особенно в бедных степях Казахстана, требовало простора, в поисках пастбища оно, как известно, весьма часто передвигалось на тысячи и более верст. По мере роста населения имеющихся степных пастбищ становится недостаточно, «земля отказывается кормить человека своим естественным покровом, требуя от него труда и ухода»¹⁵¹. Возможность для перехода казахов к оседлости и занятия земледелием появилась только после добровольного присоединения казахских жузов к России. В этом отношении наряду с ростом плотности населения объективно положительную роль сыграло строительство в XVIII—XIX вв. русских укреплений на западе, севере, востоке и в глубине казахской степи.

Основным признаком землевладения при переходе к полукочевому образу жизни является постоянное пользование определенной группой населения одним и тем же урочищем без установления границ с соседями; при этом зимняя стоянка или зимовка с постоянными, даже самыми примитивными хозяйственными сооружениями становится собственностью первых займщиков. В связи с дальнейшим развитием начинают обозначаться площади отдельных землевладений, намечаются пограничные урочища, но территория владений остается еще не замкнутой со стороны, прилегающей к площадям общего пользования.

¹⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 62.

¹⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 451.

¹⁵¹ В. Островский и Киргизы-земледельцы. «Туркестанские ведомости», 1897, 25 ноября.

С конца XVIII — начала XIX в., когда началось оседание казахов, каждый род занимал известную территорию, причем полуфеодаль-родоправители сильных родов захватывали лучшие места, а более слабых — что похуже. «Сильные своею численностью роды, ранее захватившие в известной местности главнейшие урочища, начали вытеснять из своей среды чужеродцев и в то же время охотно приселяли к себе своих сородичей»¹⁵². Вначале захват земель родовыми группами объяснялся тем, что казахское население из-за политических и экономических условий кочевого скотоводческого хозяйства старательно поддерживало родовой быт. В тот период сила рода определялась прежде всего его величиной. «У кочевника род по числу человеческих особей заключает в себе минимально несколько сот лиц, связанных между собой экономической нитью, разрыв которой почти всегда сопряжен с ухудшением хозяйства или по крайней мере почти всегда соединяется с какими-либо другими житейскими невзгодами. В спорах о земельных угодьях казах никогда не выступает соло, а всегда только при поддержке родоичей: казах вперед знает, что в степи соло — нуль»¹⁵³.

Внутри отдельных родовых групп в первое время земля находилась в пользовании всех общинников. Но по мере отделения от пастбищ сенокосных и пахотных угодий возникли новые нормы их использования, в основе которых лежало право захвата. Приобретенный таким образом участок оставался в наследственном пользовании семьи. «Такова обычная норма пользования естественными сенокосами и богарными пашнями. Но в основе пользования поливными землями лежит уже трудовое начало: семья имеет право на земельный участок по арыку соразмерно участию в общем труде его сооружения. Поливные участки пашни и покоса, обыкновенно, также находятся в наследственном пользовании семей. Однако встречаются и среди казахов периодические переделы земли там, где ее уже мало для полного удовлетворения спроса на нее»¹⁵⁴.

Богатство, многолюдность, следовательно, сила, были основным фактором, обеспечивавшим первоначальный захват и последующее закрепление за собою количественно больших и качественно лучших участков земли теми или другими родовыми группами. Этот фактор постоянно вносил свои коррективы в земельные отношения оседавших казахов на

¹⁵² См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 56.

¹⁵³ См.: «Русский Туркестан», 1898, 20 ноября, стр. 3.

¹⁵⁴ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 86—87.

всей территории Казахстана, но все же давность захвата того или другого урочища отдельными лицами играла большую роль. Родовые группы стали охранять свои земли, вначале более ценные угодья, а затем всю территорию. Такие изменения в земельных отношениях у казахов произошли только вследствие постепенного оседания. Прогрессивное значение оседания кочевников в том и состояло, что оно привело к повышению интенсивности казахского скотоводческого хозяйства в связи с постепенным переходом его от примитивного кочевого уклада жизни к полукочевому и оседлому — скотоводческо-земледельческому.

В начале процесса оседания наибольшую ценность для скотоводов-казахов представляли места, удобные для зимней пастбы скота. В северо-западном, северном, северо-восточном и южных районах Казахстана ими считались пастбища, расположенные в гористых местах. По всем данным, первые казахские зимовки появились в горах. «Наилучшие успехи расчлененные земледельчества сделали, по-видимому, в горных местностях южной полосы области — Чимкентского, Ташкентского и Аулиеатинского уездов, а также в Каратауских горах»¹⁵⁵.

Первые зимовки — казахские зимовки как очаги постепенного оседания начали появляться вблизи русских пограничных линий. Дальнейший процесс перехода к полuosедлости и оседлости в более широких размерах происходил уже под усилившимся политическим и экономическим воздействием русского государства. Это прежде всего означало водворение в казахской степи мира и спокойствия, без которого невозможно было тесное общение казахских кочевников с русским населением¹⁵⁶.

Только в результате прекращения междоусобиц в казахской степи стала возможной постройка на зимовках постоянных жилищ для людей и помещений для скота. Без этого право на определенную территорию зимних пастбищ не было прочным. Если его было трудно доказать там, где не было никаких, хотя бы самых примитивных, постоянных сооружений, то еще труднее было сохранить и поддержать это право в условиях частых военных нападений внешних врагов и возникавших внутренних междоусобиц. Военно-кочевая жизнь казахов вплоть до конца XVIII столетия мешала им перейти к оседлости на всей территории. Она же сдержи-

¹⁵⁵ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 158.

¹⁵⁶ «1) Водворить спокойствие между казаками и 2) положить основание к сближению их с Россией, утверждению между ними русского порядка управления, дабы со временем слить казахский народ с общим населением Империи». ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 158, л. 7.

вала процесс оседания в большинстве районов Казахстана вплоть до полного завершения присоединения его к России.

Сам факт, что полукочевой и оседлый образ жизни у казахов появился в результате влияния России, доказывается тем, что первые элементы оседлости казахского населения возникли именно на окраинах территории, граничившей с русским государством. В результате более прогрессивная форма земельных отношений, а следовательно, хозяйства и быта у казахов появилась и постепенно распространялась не с центра территории, занимаемой казахами, а с окраин, т. е. со смежных с русскими владениями земель.

Если на севере и северо-западе казахи начали оседать во второй половине XVIII в., то на северо-востоке и в Семиречье — в последней четверти XVIII в. «Казахи, после уничтожения китайцами Джунгарского царства (в 50-х гг. XVIII столетия. — С. Т.), захватили сооруженные калмыками арыки и орошаемые ими земли. Впрочем, эти так называемые «калмыцкие» арыки — по крайней мере, наиболее крупные из них — на самом деле гораздо древнее владельцев, имя которых они носят»¹⁵⁷. «Когда в XVI и XVII столетиях образовалась последняя кочевая империя — Джунгария, то в горах и степях Семиречья кочевали уже нынешние обитатели его — казахи и каракиргизы. Казахские орды конгломератного тюрко-монгольского происхождения и ведут свое начало от разных весьма древних племен, населявших Семиречье... Казахи в значительной своей части были вытеснены из Семиречья калмыками; отсюда казахи распространились по соседним областям: нынешней Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской; но, когда в середине XVIII столетия Джунгарское царство было уничтожено китайцами, казахи опять стали кочевать в Семиречье»¹⁵⁸. «С тридцатых годов XVIII ст. вселение и расселение по северным частям Казахского края продолжалось в течение всего XIX века»¹⁵⁹. В период занятия казахами прииртышских степей каждая родо-племенная группа селилась в определенной зоне. Как показывают документы, территорию бывшего Каркаралинского и западную часть Павлодарского уездов заняли роды племени аргын, а степи Зайсанского, Усть-Каменогорского и Аягузского уездов — роды из племен найман и кирей. На землях Кустанайского уезда сна-

¹⁵⁷ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, стр. 88—89.

¹⁵⁸ Там же, стр. 63—64.

¹⁵⁹ П. Хворостанский. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 63.

чала закрепились казахи Среднего жуза, позднее здесь поселились джагалбайлинцы и джалпасовцы из Младшего жуза.

Первыми стали оседать роды из племени кипчак: торайгыр-торы (алтыбас), карабалык и кульденен. Они заняли низовья р. Тобол и долину р. Уя, наиболее плодородные земли Аракарагайского бора. Казахи Дамбарской волости из тех же родов кипчака сначала поселились в Новолинейном районе, а в середине XIX в. в связи с образованием в этих местах казахских поселков перебрались на р. Тобол. К ним в начале XIX в. с Сыр-Дарьи пришли казахи из кипчакского рода алтыбас и осели по соседству. У алтыбасовцев прежде здесь были летовки. Что касается верховьев р. Тобол и долины р. Аят, то там в первой половине XIX в. казахи оседали свободно, они захватывали под зимовки никому не принадлежавшие летовки или приселялись к близким родственникам, успевшим осесть в этих местах¹⁶⁰.

Первыми поселенцами на землях Аман-Карагайской волости были казахи аргынских родов: ермен, алимбет и кырыкмылтык, которые до конца 30-х гг. XIX в. кочевали между Аман-Карагайским бором и рекой Сыр-Дарьей и «большинство из них определенных зимовых стойбищ не имело, а зимовало то на Сыр-Дарье (Терекультата), то по речке Тургай, например, на урочище Шошкакуль, а иногда проводили зиму и в Аман-Карагайском бору, смотря по состоянию кормов и погоды»¹⁶¹.

Джагалбайлинцы, занявшие земли Джетыгаринской и Кумаковской волостей, до середины 40-х гг. XIX в. кочевали на территории, которая потом отошла к Иргизскому уезду, и по левому берегу р. Урал. После введения в действие положения 1844 г. об управлении оренбургскими казаками джагалбайлинцы начали селиться и строить зимовки в верховьях р. Тобол под влиянием оседания большинства дистанчных начальников у р. Урал.

Казахи Бестюбинской волости, в большинстве относящиеся к джалпасовскому роду из байулинского племени Младшего жуза, в конце 40-х гг. переселились с берегов Сыр-Дарьи на старые летовочные места. Многие из них осели после большого джута, происшедшего в середине XIX в., когда погибло так много верблюдов, что «из костей их затем строили загородки для овец»¹⁶².

В целом процесс оседания казахов в Кустанайском уезде протекал таким образом, что зимовки с сенокосными участ-

¹⁶⁰ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 44.

¹⁶¹ Там же, стр. 40.

¹⁶² Там же, стр. 45.

ками становились собственностью первых поселенцев. Осевшим позднее казахам доставались худшие земли. Это привело к неравномерности в распределении лучших земель на территории Кустанайского уезда, да и, пожалуй, на всей территории Казахстана, с одной стороны, между первыми и последующими поселенцами, а с другой — между сильными многолюдными и слабыми малолюдными родовыми группами.

В первое время после перехода к полукочевой жизни коренное население сразу не могло порвать с традициями былого. Многие на зиму разделяли хозяйство на две части. В одну входили верблюды и овцы, которые зимовали на юге в пределах старых зимних пастбищ, где-нибудь на берегах рек Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, а в другую — лошади, которые паслись круглый год на севере. Экспедиция Ф. Щербины отметила существование в конце XIX в. остатков такого типа хозяйства, правда, как исключение, у джаппасовцев Дамбарской волости и у аргынцев Аман-Карагайской волости. «Старики помнят то время, когда многие кипчаки, имея зимовки, расположенные по рекам Ую и Тоболу, в то же время каждую зиму отправляли своих овец и верблюдов в Сыр-Дарьинскую область. Такой способ хозяйничанья имеет за собой большие преимущества, так как обеспечивает хозяйства в случае недорода трав... В то же время эти обстоятельства препятствовали прочному закреплению тех или иных урочищ за той или другой родовой группой казахского населения»¹⁶³. Эти факты говорят о процессе оседания казахов на севере, северо-западе и северо-востоке Казахстана.

В 40-х гг. XIX в. казахи Омского уезда «жили и зиму, и лето в юртах, не делали запасов сена, почти не держали рогатого скота и совершали кочевки не только летом, а и во время зимы переменили стоянки. Летние кочевки в то время были дальние»¹⁶⁴. Почти таким же в тот период был образ жизни казахов Петропавловского, Кокчетавского, Павлодарского и других уездов. Постоянные постройки на зимовках они начали сооружать в основном в 40-х гг. XIX в., когда стали заниматься сенокосением и употреблять русскую косу.

В 60-х гг. XIX в. М. Красовский писал: «Сено казахи косят русскими литовками, покупаемыми на внутренних рынках, несмотря на беспошлинный ввоз железа (т. е. литовок.— С. Т.) в степь, они довольно дороги, именно по 1 руб., а то и по 1 руб. 50 коп. за штуку. Заготовленное сено сушат и

¹⁶³ Там же, стр. 55.

¹⁶⁴ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Омский уезд», т. XI, Омск, 1902, стр. 28.

складывают в копны так же, как это делают русские поселенцы; от которых все это заимствовано»¹⁶⁵.

По количеству кос, ввозимых ежегодно в аулы сибирских казахов, можно предположить, как развивалось у них сенокосение. По неполным данным, через Омскую дистанцию в область в 1857 г. было ввезено 658 кос на 410 руб. 60 коп.; в 1858 г. — 795 шт. на 667 руб. 80 коп.; в 1859 г. — 1175 шт. на 867 руб. 80 коп. и т. д.¹⁶⁶ Ф. Щербина пришел к выводу, что с разделением степи Сибирского ведомства на области и округа местные казахи дальних переходов уже не совершали. В середине XIX в. их можно было считать прикрепленными к своим зимовкам. Аулы летом, весной и осенью превращались в кочевые, а зимой в оседлые. Такой образ жизни сначала стало вести население, жившее в северной части степи, к этому вынуждали суровые зимы и глубокие снега. Здесь с 40—50-х гг. XIX в. казахи начали учиться у русских устраивать зимние жилища¹⁶⁷.

При заселении территории современного Восточного Казахстана от г. Усть-Каменогорска до Черного Иртыша казахи также оседали большими родовыми группами, как, например, бура, теристанбалы и др. Причем внутри каждого рода размещение происходило тоже по родовым ветвям, но более мелким, и каждая ветвь занимала определенную территорию. Такой порядок расположения родов сохранялся всегда независимо от того, оседал ли род в полном составе или же постепенно. Так, в Кулужунскую волость Усть-Каменогорского уезда раньше пришли три ветви рода караул-джасака: кудас, болат и мурат. Кудас и мурат заняли долину р. Буконь, а болат — долину р. Кулжун. Но, несмотря на это, по заявлению стариков, «ни о каких границах между этими родами и помину не было. Это случилось позднее, когда вследствие прироста населения и главным образом отрезки земель под казачьи поселения явилась необходимость разграничить владения отдельных групп»¹⁶⁸.

Аналогичным путем начиная с конца XVIII в. заселялся Актюбинский уезд. «При тогдашнем просторе и массе пустующих пастбищ широко велось скотоводческое хозяйство в тех формах, намеки на которые сохранились лишь в западных частях уезда. С того отдаленного времени и до настоя-

¹⁶⁵ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. II, СПб., 1868, стр. 76.

¹⁶⁶ Там же, стр. 108.

¹⁶⁷ Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905, стр. 18.

¹⁶⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд», т. IX, СПб., 1905, стр. 30.

щего в крае шли процессы главным образом внутреннего расселения старыми аулами, выделялись новые, и прирост населения, в конце концов, привел к тому распределению основных поселочных форм, которым характеризуется Актюбинский уезд»¹⁶⁹ в конце XIX в.

Заселение казахами полуострова Мангышлак началось в 60-х гг. XVIII в. Об этом в 1926 г. говорилось в отчете экспедиции АН СССР: «Около 175 лет тому назад, во времена Есена Есенгулова (6-е поколение от Адая) адаи вместе с родами байулы из района Сауран (Западный Туркестан) начинают продвигаться по направлению к западу... К этому периоду владения калмыцкого народа простирались до рек Эмбы, Уила и Темира... Достигнув пределов калмыцкой территории, казахи почти не встретили сопротивления со стороны обессиленных войною калмыков, зверски их разоряли и отобрали их земли... Путем открытых войн и частых периодических взаимных набегов, около ста лет тому назад, во времена Байменбета, пользуясь поддержкой русских, адаи очистили от туркмен почти всю территорию Усть-Урта, весь полуостров Мангышлак, полуостров Бозащи и дошли до западных берегов Аральского моря. Кроме того, адаи при поддержке русских войск расширили границу своих кочевок вплоть до дороги, проходящей между Красноводском и Хивой»¹⁷⁰.

Следовательно, установление границ современной территории Казахстана и процесс возникновения и распространения полукочевого и оседлого образа жизни с элементами частного землевладения были новыми явлениями в истории казахского народа, возникшими в процессе присоединения казахских жузов к России.

Это положение было отмечено многими дореволюционными исследователями Казахстана. Например, А. Бессонов писал: «В настоящее время казахи, отчасти вследствие влияния различных мер, принятых правительством в последние времена преимущественно с 1835 года, отчасти вследствие влияния смежного населения, русского, башкирского и татарского, уже не представляют собой по быту и характеру своему цельного народа; тогда как одна часть казахского народа по-прежнему держится кочевого быта, другая находится на различных стадиях перехода от кочевого быта к быту оседлому и представляет собой многочисленные и инте-

¹⁶⁹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Актюбинский уезд», т. VII, Воронеж, 1903, стр. 9.

¹⁷⁰ См.: «Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 13, серия казахстанская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 100, 101.

ресные формы видоизменения древних привычек, вкусов, верований, вообще всего характера»¹⁷¹. Ему вторит Н. И. Гродеков. По его мнению, русское государство со своими порядками и культурой, переход кочевников к земледелию, появление новых видов производства и прочее серьезно повлияли на обычное право казахов. «В жизнь народа широкою волною влились новые взгляды и понятия; жизнь начала предъявлять новые требования, к которым пришлось приспособить постановления обычного права»¹⁷².

Игнорирование прогрессивных изменений вследствие добровольного присоединения казахских жузов к России приводит к недооценке роли новых, более передовых типов хозяйства, появление которых было началом разрушения старой консервативной основы традиционного кочевого скотоводческого хозяйства и порожденного им уклада жизни людей.

Таким образом, общественно-аульная форма землевладения и землепользования у казахов, существовавшая в конце XIX и начале XX в. в полукочевых и оседлых аулах, начала формироваться со времени присоединения их к России. Это происходило путем закладывания зимовок и закрепления определенных участков земли в «примитивно-захватной» форме за отдельными родо-племенными группами, главным образом в рамках административных округов, волостей и аулов, организованных по «Уставу о сибирских киргизах», и дистанчных разделений у оренбургских казахов. В 1862 г. в докладной оренбургскому генерал-губернатору отмечено, что «поземельное пользование, особенно в прилинейных дистанциях, находится ныне в гораздо более дробном виде, нежели в каком было оно десять, пятнадцать лет тому назад. Владения особыми участками уже не крупные единицы, каковы родовые отделения, подотделения, а группы более или менее близких родственников в 50, 25, 15, 10 и даже 5 кибиток»¹⁷³. Такая тенденция развития вполне закономерна.

Процесс прогрессивного развития земельных отношений у казахов можно проследить также на материалах Уральской области. По данным Н. Огановского¹⁷⁴, казахи Уральской и Калмыковского уездов Уральской области в 1900 г. всю территорию по характеру землепользования делили на три разряда: сенокосные места, призимовочные угодья (пашни, осенние и весенние пастбища) и летовки.

¹⁷¹ См.: «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. IV, Оренбург, 1881, стр. 98 (сноска).

¹⁷² Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент, 1889, стр. V.

¹⁷³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3877, л. 25.

¹⁷⁴ Н. Огановский. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год». Уральск, 1900.

В данных уездах сенокосы были разделены в 30-х гг. XIX в., в этот же период здесь произошли закладывание постоянных зимовок и постройка первых зимних жилищ¹⁷⁵. Например, в 1911 г. записано, что центральная часть территории Уральского уезда «Чедертинская волость еще 90 лет назад представляла из себя незаселенное пространство, используемое в очень небольшой части как летнее пастбище казахами байулинского рода, отделения байбакты, зимние стойбища которых находились на берегу реки Урала. Около 80 лет назад несколько кибиток начали зимовать в камышах, при впадении реки Куперли-Анкаты в озеро Челкар; почти одновременно с ними часть казахов осталась зимовать при слиянии рек Чедерты и Уленты... Казахи начали строить землянки для себя и загоны для мелкого скота»¹⁷⁶. В начале XX в. сенокосные угодья у оседлых и полукочевых казахов этого района уже находились во владении отдельных хозяйств.

Второй вид частного землевладения представляли собой призимовочные угодья, которые «были разделены между отдельными хозяйствами вскоре после постройки зимовок, когда завелось у казахов хлебопашество»¹⁷⁷, т. е. тогда же в 30-х гг. XIX в.

В начале XX в. призимовочные участки уже находились в общинной собственности одной аульной родственной группы из 15—30 хозяйств, а сами зимовки — в частной собственности лиц, их построивших. «Зимовка отца, обыкновенно, переходит к младшему из сыновей, на том основании, что меньший сын дольше всех других остается при отце и кормит его в старости»¹⁷⁸.

Третьим видом землепользования были летовочные места или джайлау. Они использовались на самых широких общинных началах. По старому обычаю здесь пастись скот разрешалось всем, даже людям чужого аула, волости, уезда и области.

Призимовочные угодья, включая сенокосные, являлись в конце XIX и начале XX в. у оседлых и полукочевых казахов Уральского и Калмыковского уездов основным видом частного землевладения. Такая форма земельных отношений

¹⁷⁵ «Устройство постоянных зимовок представляется первым шагом на пути естественного перехода в оседлость и более постоянному пользованию землей». См.: «Сибирский торгово-промышленный календарь 1899 г». Томск, 1899, стр. 228.

¹⁷⁶ «Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. Отвод наделов переходящим к оседлости киргизам и их переселение в скотоводческие районы». СПб., 1911, стр. 6.

¹⁷⁷ Н. Огановский. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России, стр. 249.

¹⁷⁸ Там же.

была характерна для сходных районов всего Казахстана. Она получила название в литературе общинно-аульной с момента возникновения у оседлых и полукочевых казахов новых форм землепользования и землевладения. Влиятельные эксплуататорские элементы отдельных общинно-аульных групп, используя патриархально-родовые воззрения населения, а также служебные должности волостных или аульных старшин, распоряжались не только своими сенокосными и пахотными угодьями, но и всей приривочной территорией той или другой общинно-аульной группы или целого административного аула и волости.

Эти же представители низовой администрации, именовавшиеся «аткаминерами»¹⁷⁹, игнорируя существовавшее законоположение, за спиной населения аула сдавали в аренду русским крестьянам-переселенцам общинно-аульную землю и нередко даже леговки. Такие сделки были широко распространены в конце XIX и начале XX в. во всех земледельческих районах Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Аткаминеры, таким образом, эксплуатировали местных казахских трудящихся и русских крестьян-переселенцев. Верно сказано, что «с властью (волостного) управителя соединяется не только официальное служение, но и неофициальное давление на целую волость, выражающееся в незаконных поборах, вымогательствах, и, что самое вредное, в неправильной раскладке подати на побежденные (при выборах) партии и в неправильном распределении земель для зимовых стойбищ»¹⁸⁰.

Под аткаминерами подразумевались лица, занимавшие должности волостных управителей, волостных судей, аульных старшин, волостных писарей, переводчиков, пятидесятников, служители религиозного культа, а также все те, кто так или иначе принимал активное участие в политической жизни населения. Происхождение такого термина связано с историческим прошлым казахского народа. Еще в ханскую эпоху любой родоправитель или хан с определенной группой лиц постоянно разъезжал среди населения. Отсюда казахская пословица: «Если один торе садится на престол, то сотрок торе садятся на коней», т. е. все они будут искать добычу у народа.

¹⁷⁹ Буквальный перевод слова «аткаминер» — ездящий верхом на лошади. «Они вечно спуют верхом по базарам, аулам и сборищам, рвущая страсти и аппетиты; многие из них этим только и кормятся». И. А н и ч к о в. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 110 (сноска).

¹⁸⁰ В. О с т а ф ь е в. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XVIII, вып. II, Омск, 1895, стр. 53.

Появление аткаминерства во второй половине XIX в. было, пожалуй, одним из самых отрицательных социальных явлений в жизни казахского народа. Аткаминерство являлось продуктом перерождения старой патриархально-феодальной верхушки аула в новый тип эксплуататоров. Оно было вызвано к жизни долголетней деятельностью подкупного чиновничества колонизаторского аппарата вместе с казахскими султанами, биями и баями. «Подкуп, подставка при казахских выборах — вещь самая обыкновенная. Почти каждый богатый казах добивается места волостного, при этом начинаются жалобы, интриги и пускаются в ход всевозможные подкупы, обещания и угрозы. На все должности, за малым исключением, начиная с десяточных и волостных, лица не выбираются, а скорее назначаются русской администрацией или родоправителями»¹⁸¹. Каждый претендент на должность волостного управителя обычно затрачивал на выборах от 2 до 5 тыс. рублей, зато потом старался вернуть эти расходы сторицей. Также поступали вновь избранные управители. При новых выборах производились новые подкупы и новый управитель совершал новые поборы. Результатом такой деятельности был упадок нравственности, разорение и обнищание народа. «Для подкупа на выборах казахи занимают деньги у ростовщиков, уплачивая баснословные проценты. Многие аулы имеют большие стада, принадлежащие не жителям аула, а ростовщикам»¹⁸². Для организации и проведения выборной агитации из среды аткаминеров выделялась особая группа людей — пятидесятники. Они жили за счет различных претендентов на должность волостных управителей и биев и сделали выборы своим занятием, всячески стремясь протащить одних и провалить других.

До и после выборов высшие власти областей и краев бывали завалены «прошениями, жалобами, кляузами, доносами и телеграммами разных алчных и честолюбивых проходимцев» из кандидатов на должность волостного управителя и биев. «Все эти происки, подкупы и интриги очень развратили казахскую массу, среди которой создались даже песни о продажности их туземных заправил, волостных и биев; на руках первых лежит масса обязанностей и ответственных должностей: наблюдение за народным судом, которым решаются дела на какую угодно сумму между туземцами одной национальности и имеющим право заключать в тюрьму на полтора года, приведение в исполнение решений и приговоров биев, раскладки и сбор податей, дорожная повинность, розыск и надзор за преступниками, наблюдение за

¹⁸¹ Там же, стр. 51.

¹⁸² Там же, стр. 53.

ослопрививанием и пр., словом, вся полиция благосостояния и безопасности в степи находится в руках лиц туземной администрации, которая, благодаря такой разносторонней деятельности, имеет массу источников дохода — ими она покрывает произведенные при выборах затраты»¹⁸³.

Государственная подать с кочевого казахского населения складывалась в основном из кибиточной подати и земского сбора. Кибиточная подать по своему социально-экономическому содержанию и величине почти совпадала с оброком, взимаемым с русского крестьянства.

Вся тяжесть государственных поборов, взимаемых с казахов, падала на бедноту, так как каждый юртовладелец в среднем должен был платить в год кибиточную подать 4 руб. и земский сбор от 1,5 до 2 руб. Еще тяжелее были для трудовой массы населения побочные поборы — чигыны.

Член Сената Пален был вынужден признать, что существовавшая выборная система в казахских аулах создала прочную опору байству. Она обеспечивала кучке богатых и влиятельных лиц постоянную поддержку правительства в их борьбе за право взимать поборы в свою пользу с беднейшей части населения. «В служебной практике выборных должностных лиц, — пишет Пален, — неуклонно соблюдается правило — даром не делать ничего, но за вознаграждение решать все. Кроме вознаграждения за услуги, законные и незаконные, весьма часто преимущественно в казахских волостях они прибегают к взиманию различных поборов (чигын) с населения под видом возмещения расходов, понесенных будто бы на общественные надобности»¹⁸⁴.

Занявший должность волостного управителя мог широко пользоваться классическими методами феодальной эксплуатации трудящихся казахов. В своей волости он действовал, как феодал. Многие бедняки аула, являлись его бесплатными и бессрочными работниками, отрабатывали как бы барщину. Такой паразитизм был одной из причин, разрушавших хозяйство мелких скотоводов.

От волостных управителей не отставали и судьи. «Народные судьи снимают с бедного туземца последнюю рубашку, причем страдательной стороной являются члены той партии, которая была против избрания данного народного судьи»¹⁸⁵. По существовавшему положению сборы с казахского населения должны были взимать по раскладке, установленной для каждого аула так называемым аульным схо-

¹⁸³ И. Аничков. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 111.

¹⁸⁴ К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестанском крае. (Отчет по ревизии Туркестанского края). СПб., 1910, стр. 108.

¹⁸⁵ Там же.

дом с учетом материального положения любого плательщика. На самом деле этого не было. А. В. Аничков писал: «Пока дела в степи находятся в том положении, как в настоящее время, мы не можем быть спокойны за судьбы казахского народа, переживающего тяжелый социально-экономический кризис»¹⁸⁶.

Таким образом, аткаминеры были паразитами нового типа, продуктом медленного и мучительного разложения патриархально-феодальных отношений у казахов под влиянием феодально-капиталистических отношений России и колонизаторской политики царизма. Вся деятельность аткаминеров была прямым выражением сущности двойного гнета казахских трудящихся.

Зарождение аткаминерства обусловлено отчасти тем, что патриархально-феодальная верхушка казахского общества в лице потомков султанов и биев была для царизма удобным орудием управления кочевыми массами и укрепления среди них колониальной власти. Эти люди, занимая должности старших султанов, дистанчных начальников, волостных управителей и другие, сосредоточили в своих руках всю власть над казахским обществом и были надежными проводниками колониальной политики царизма. «Эти посредники — представители богатых и влиятельных родов всецело озабочены были упрочением собственного влияния, накоплением богатства — земель, скота и денежных капиталов, — в результате степь представляет собой все признаки феодально-крепостнического строя, не оформленного только положительным законодательством. Этот строй до настоящего времени сохранился еще даже в таких проявлениях, совершенно притом противоречащих существующему писанному закону, как производство особо влиятельными лицами сборов в свою пользу, как творимый такими лицами суд среди своих сородичей, как негласное их участие — даже если они официально не занимают никаких должностей — в опубликовании и исполнении распоряжений русской администрации»¹⁸⁷. Такова суть деятельности аткаминеров.

Многие аткаминеры и бии старались выучить своих детей русской грамоте с единственной целью: сделать их переводчиками, помощниками уздных начальников и народных судей. Владевший русской грамотой аткаминерский сын носил русскую форму и именовался чиновником — торе. Такие «торинцы» были надежной опорой и орудием царской администрации. Они были исключительно жестоки по отношению

¹⁸⁶ И. В. Аничков. Упадок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», 1902, май, стр. 73.

¹⁸⁷ А. А. Кауфман. Русская община в процессе ее зарождения и роста. СПб., 1908, стр. 70—71.

к казахскому народу, всячески терроризировали и грабили слабых и беззащитных. Народ видел в них своих злейших врагов и говорил: «Хотя бы относительную справедливость можно ожидать лишь от некоторых русских чиновников, но не казахских торинцев-законников»¹⁸⁸. Это совпадает с тем, что В. И. Ленин сказал об обрусевших инородцах: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»¹⁸⁹, подразумеваемая здесь настроением «шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»¹⁹⁰.

Классик казахской литературы, просветитель Абай Кунанбаев так характеризует моральный облик и социальную природу аткаминеров:

«Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах —
Такой герой наших дней
Правит тобою, казах.
Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов извести
Хулою и клеветой.
Ничто ему не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор,
Свершит на тебя набег»¹⁹¹.

В другом стихотворении, посвященном волостному управителю Дутбаку, в 1899 г. Абай писал:

«При первой встрече ручки жмет,
И льстит и лебезит.
Но отвернись — уже не тот,
Так подлостью разит!
Сегодня он тобой пленен,
Всем жертвует, любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя.
Плюет на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро»¹⁹².

¹⁸⁸ «В Перовске и поныне нет туземного судьи «казия», а дела между туземцами, хотя и одной народности, ведет местный русский судья, чему, заметим кстати, туземцы очень рады, предпочитая всегда русский суд — народному, как это приходилось слышать неоднократно от самих туземцев». См.: «Русский Туркестан», 1898, № 28.

¹⁸⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 358.

¹⁹⁰ Там же, стр. 357.

¹⁹¹ Абай Кунанбаев. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 73—74.

¹⁹² Там же, стр. 249.

Таким образом, аткаминеры всячески грабили и разоряли народ. Они были придатком колонизаторского аппарата царизма. Методы их действий во многом напоминали методы «героев первоначального накопления». Это неслучайно, так как в этот период в Казахстане шел своеобразный процесс первоначального накопления.

Они и занимались тем, что разжигали межродовую вражду, создавали группировки на выборах местной администрации, натравливали одних на других, выскивали всякие поводы для нового скандала, составляли клеветнические доносы. Они поднимали и решали вопросы о куне, айпе и калыме за побег невесты, раздували незначительные межродовые трения, чтобы толкнуть на драку и барымту. На общественных скандалах и интригах они добывали себе добычу — олжа, на страданиях невинных и слезах беззащитных они умножали свое богатство. Аткаминеры мастерски умели создавать межродовые споры и наживаться на этом.

Различным категориям аткаминеров народ давал незавидные, ставшие впоследствии популярными во всей степи нарицательные имена: как-то: дәукестер (скандалисты), пәлекорлар (интриганы), жалақорлар (клеветники), парақорлар (взяточники), пысықтар мен қулар (ловкачи и хитрецы), законшіктер (законники). Борьба между представителями старого патриархально-феодального и плутократического строя, отмечал И. В. Аничков, «составляет в настоящее время отличительную черту народной жизни в степях, *сопровождаемая массой клеузничества, поборов, подкупов, лжесвидетельства и ложных доносов, от которых сильно страдает общественная нравственность казахов*»¹⁹³ (подчеркнуто нами. — С. Т.). Однако алчность, корыстные и эгоистические действия представителей господствующего класса всегда прикрывались лживыми, лицемерными фразами о родовых отношениях и защите интересов рода и т. п.

Об этом писал в своих работах Н. Коншин. В одной из них автор отмечает, что длительное время старался выяснить те условия, на которых оседлые казахские баи принимают к себе бедняков. Сквозь туман кажущейся патриархальности этих условий он установил, что они мало чем отличаются от крепостнических. Он показал фигуры новых эксплуататоров в оседлом казахском ауле Усть-Каменогорского узда, таких, как Кантарбай Тлеукин, Джасыбай Кустанов и др. Они, арендуя землю у казаков, эксплуатировали бедняков старым патриархально-феодальным методом. К типичным феодалам Н. Коншин отнес султана Акбая Джолдина, который жил в

¹⁹³ И. В. Аничков. Уладок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», 1902, май, стр. 59.

Каркаралинском уезде. Он производил для продажи хлеб даровым трудом бедняков, которые жили на его земле. «Всего на Кызыл-Кенче, не считая семьи Джолдина, проживает до 30 кибиток. Арендной платы с этих казахов Джолдин не получает, но за то эти бедняки распаивают ему даром до 70 десятин. Хлеб имеет прекрасный сбыт в г. Каркаралинске»¹⁹⁴.

Самую большую роль в дальнейшем прогрессивном изменении земельных отношений у казахов после утверждения «Устава о сибирских киргизах» и дистаночных разделений у оренбургских казахов сыграло Временное положение 1868 г. Это видно из того, что «в районах недавнего, следовательно, оседлого устройства, например, в Уральской области, особенно в Темирском уезде, где оседание совпало со временем внедрения волостного управления (1868 г.), границы (землепользования) совпадают с административным делением на аулы»¹⁹⁵. Это не единичный случай. Как правило, границы аулов и волостей почти во всех оседлых и полукочевых районах впоследствии стали границами землевладения общинно-аульных групп. В конце XIX в. в таких группах главным образом в северной части Казахстана все угодья, включая безводные летовки, на которых зимой паслись лишь табуны, строго охранялись от посторонних.

Значительный рост оседлости, развитие земледелия и, следовательно, серьезные изменения в земельных отношениях казахов, кочевавших на территории бывшего Туркестанского края, произошли тоже в связи с введением Временного положения 1868 г. В начале XX в. в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, как и во всех областях Степного края, существовали кочевое, полукочевое и оседлое хозяйства. Они отличались друг от друга не только способом землепользования, но и составом стада, который определялся свойством пастбищ и степенью развития сенокосения и хлебопашества.

Это видно из данных Сыр-Дарьинского областного управления за 1902 г. о соотношении различных видов скота по уездам в процентах*.

Уезд	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблю- ды	Овцы и козы
Ташкентский	28,9	45,8	3,2	21,9
Чимкентский	33,7	17,1	20,0	28,9

¹⁹⁴ И. Коншин. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 44.

¹⁹⁵ П. Х в о р о с т а н с к и й. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Тургайская газета», 1860, 26 марта.

* Количество овец и коз дано в переводе на крупный рогатый скот.

Аулиеатинский	33,5	23,6	13,1	29,8
Перовский	17,3	11,6	31,6	39,4
Казалинский	18,3	11,9	31,1	38,7

Из данных ясно, что в Ташкентском уезде преобладал крупный рогатый скот, количество голов которого почти равно количеству голов всех остальных видов скота, число же верблюдов совершенно ничтожно, что объясняется близостью большого города и преобладанием оседлого и полuosедлого населения. Иная картина наблюдалась в Перовском и Казалинском уездах: здесь занимались в основном овцеводством и верблюдоводством, что опять-таки было продиктовано условиями местности и типом хозяйства ¹⁹⁶.

Ко времени образования Сыр-Дарьинской линии, т. е. в 50-х гг. XIX в., земледелие там еще не было развито. Немногие из казахского населения на землях с примитивными ирригационными сооружениями, «частью отбитых у каракалпаков, частью же совместно с ними, начали посевы проса, пшеницы и ячменя для общественного пропитания и для продажи сородичам», так как потеряли скот и не могли продолжать кочевать. Их называли игенчи ¹⁹⁷.

Земледелие на Сыр-Дарье стало намного заметнее развиваться после принятия Временного положения 1868 г. и ликвидации грабительских войн. В долинах рек Сыр-Дарьи, Куван-Дарьи и Жана-Дарьи, а также на побережье Аральского моря, словом, там, где было возможно сенокосение и хлебопашество, появились зимовки. Это подтверждают факты: в 1877 г. в Казалинском уезде казахов, занимающихся земледелием, насчитывалось 30,8%, в Перовском — 32,5, в Туркестанском — 38, в Чимкентском — 31,3, Аулиеатинском — 62,3 и Кураминском (Ташкентском) — 54,3% ¹⁹⁸. В подавляющей массе хозяйства таких казахов с течением времени резко отличались от хозяйства древних кочевников. Полукочевые хозяйства имели «весьма развитую усадьбную оседлость и если не прекратившие, то во всяком случае — сильно сократившие свои кочевки и переставшие ходить на дальние летовки» ¹⁹⁹.

Распространение нового типа хозяйства казахов создавало «необычайно пеструю картину, в которой первоначальная общность и расплывчатость владения и пользования самым причудливым образом перепутывается с более или менее

¹⁹⁶ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 147.

¹⁹⁷ Е. Т. Смирнов. Задичавшая страна. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. IV, Ташкент, 1895, стр. 7.

¹⁹⁸ См.: «Русский Туркестан», 1900, 15 октября.

¹⁹⁹ А. А. Кауфман. Указ. работа, стр. 140.

резким обособлением землепользования более или менее мелких групп, объединенных частью родовым началом, частью простым соседством, частью общностью труда, затраченного, например, на проведение арыков или на устройство защитительных от воды сооружений»²⁰⁰. Формы землевладения выражали «самые разнообразные переходы от совершенной общности до довольно ясного обособления отдельных землепользований, причем, однако, преобладают, по-видимому, неопределенные и расплывчатые формы, соответствующие неопределенности и неустойчивости кочевого и полукочевого быта в разнообразных встречающихся в области его разновидностях»²⁰¹.

При всем этом в дореволюционном Казахстане решающим фактором, влиявшим на земельные отношения казахов, оставался уровень развития хозяйства, т. е. степень развития сенокосения и хлебопашества²⁰². Более высокий уровень хозяйств, без сомнения, был в тех уездах, где существовало земледелие. Например, в Уральской области с 1893 по 1897 г. посевы увеличились на 31,2%²⁰³.

После присоединения казахских жузов к России, постепенно, несмотря на запрещение царского правительства, русские крестьяне, испытывавшие на себе все тяготы крепостного гнета и подавленные беспощадной эксплуатацией и нуждой, самовольно устремились в казахскую степь с целью облегчения своего тяжелого положения. В своей массе это были крестьяне, о которых В. И. Ленин писал, что «совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»²⁰⁴.

Тяжелые экономические условия, в которые крестьяне были поставлены после освобождения от крепостной зависимости, заставляли их сниматься с родных мест. В Уральской области среди джиренькупинских переселенцев было немало таких, которые пришли в Уфимскую и Оренбургскую губернии из Центральной России. Бедняки, осевшие в Ураль-

²⁰⁰ Там же, стр. 155.

²⁰¹ Там же, стр. 159.

²⁰² «Земледелие наиболее распространено в тех волостях, в пределах которых и погранично размещено наибольшее количество русских поселений... Живой наглядный пример русского земледелия, более высокие, с точки зрения исторического развития, формы хозяйства, короче — культура, вполне естественно наложила свою печать на примитивную экономическую жизнь кочевника». Н. Огановский. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год». Уральск, 1900, стр. 259.

²⁰³ Н. Огановский. Очерк развития торговли, промышленности. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1899 год». Саратов, 1899, стр. 171.

²⁰⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 325.

ской области, говорили, что причиной их переселения был голод. «На родине кормиться нечем... скотину поели, — кормиться пошли... Земли старые, т. е. такие земли, которые без унавоживания не выдерживают частых посевов и дают недород, причина эта заставляет уходить»²⁰⁵. Обычно русские крестьяне-переселенцы переносили сильные муки и страдания, пока добирались до мест оседания и обзаводились кое-каким хозяйством.

Верно описаны мытарства русских переселенцев Н. Огановским. «Брошенные на произвол судьбы, голодные, обходя подчас города, переселенцы бредут год от году густеющими толпами по окольным дорогам, сначала в Сибирь, а затем в степные области и Туркестан, потративши в долгих странствиях пешком или на подводах значительную часть средств, взятых с собою, и водворившись, наконец, на облюбованном ими месте, они строят из последних сил хибарку под страхом каждую минуту быть выдворенными за самовольное переселение»²⁰⁶. О таких же переселенцах сообщалось, что «только во время губернаторской ревизии 1884 года администрацией были обнаружены отдельные деревни в 50 дворов — «Явленная» и «Кундук», существовавшие на казахских землях уже несколько лет, несмотря на неоднократные запрещения переселенцам селиться в Степном крае. Вслед за упомянутой ревизией генерал-губернатором Западной Сибири было предложено областной администрации: 1) ни в каком случае не допускать дальнейшего вселения выходцев Европейской России, поручив уездным начальникам бдительно следить за этим, 2) ни под каким предлогом не допускать переселенцев останавливаться в ненаселенных местах области долгое время и побуждать их скорее продолжать свой путь и 3) всех самовольных новоселов выдворять на родину этапным порядком»²⁰⁷.

Однако бежавшие от невыносимого гнета помещиков русские и украинские крестьяне принесли с собой в Казахстан навыки и богатый опыт земледельческого труда. Это было той свежей и прогрессивной струей, которая способствовала значительным сдвигам в сфере материального производства и во всей общественно-экономической жизни казахского народа. Понемногу казахи начали сочетать кочевое скотоводство с занятием земледелием.

Изменения в развитии производительных сил явились толчком к появлению новых форм земельных отношений, что

²⁰⁵ Н. Огановский. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России, стр. 197—198.

²⁰⁶ Там же, стр. 174—175.

²⁰⁷ См.: «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», СПб., 1900, стр. 202—203.

формировало новые экономические условия в казахской степи. Возникли более квалифицированные отрасли труда. С развитием сенокосения и хлебопашества внутри самого скотоводческого хозяйства зарождаются элементы интенсификации. В конце XIX в. экономическая жизнь казахов в земледельческих и полужемледельческих уездах Казахстана сильно отклонилась от привычной кочевой формы хозяйства, изменился и состав стад, «с заметным увеличением рогатого скота, этого неизменного спутника более оседлых и устойчивых форм хозяйства, рассчитанных на заготовку сена и стойловое содержание скота зимой»²⁰⁸.

Вопреки реакционной политике царизма, намеренно культивировавшего на окраинах России «патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»²⁰⁹, здесь шел неодолимый прогрессивный процесс братского общения русских крестьян с угнетенными трудящимися казахами. Казахские скотоводы охотно вступали в различные хозяйственные отношения с русскими крестьянами-переселенцами. В свою очередь переселенцы пользовались поддержкой казахских трудящихся. «Многие старожилы говорят по-казахски и почти все имеют знакомых и даже кунаков (гостей в смысле друзей. — С. Т.) между казахами... Новенький же, недавно пришедший, не успел еще обзавестись знакомством. Вот это-то метание из стороны в сторону и незнакомство с казахами и составляет основную причину уменьшения преимущества новеньких»²¹⁰.

Неимущие переселенцы, как и казахская беднота, подвергались эксплуатации кулаков старожильческих русских селений, офицеров и казахских аткаминеров. Аткаминер-казах сам не пашет, «а нанимает русского, и в этом случае казахи доказали, что они в деле наживы, мало чем уступят российскому Колупаеву. Так, один влиятельный казах производит следующую манипуляцию: так как на его участке и участке его родственников много пахотной земли, то он отдает несколько десятин крестьянам за то, чтобы они вспахали ему остальную землю; а вспаханную землю он продает другому. Выгода для него громадная: не обработанная хозяйственная десятина в среднем сдается за 2 руб., а вспаханная — за 8 руб. На каждой хоз. десятине, следовательно, он, не ударив пальцем о палец, наживает 6 руб. ежегодно. Надо заметить, что сдают в аренду главным образом влиятельные

²⁰⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. IV—V.

²⁰⁹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 356.

²¹⁰ Н. Огановский. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России, стр. 234.

казахи, часто представители власти: аульные старшины, народные судьи. Бедный казах боится сдавать, потому что его может привлечь к ответственности народный суд»²¹¹. Данные, арендные отношения были лишены юридической силы, поэтому арендаторы-переселенцы находились в полной зависимости от аткаминеров, которые их всячески притесняли²¹².

В процессе совместной жизни, в совместном труде происходило постоянное сближение русской и казахской бедноты. Казахские кочевники постепенно приучались к новым формам хозяйства и труда, усваивали русские слова, обозначающие средства производства и предметы домашнего обихода. Они стали широко потреблять как в производстве, так и в домашнем быту разнообразные изделия русской фабрично-заводской промышленности. Казахские и русские трудящиеся повседневно обменивались взаимными услугами, расширяли и укрепляли дружбу. Общеизвестно, что русские «казаки, поселенные еще в конце XVIII столетия по так называемой Горькой линии, ...научились поголовно казахскому наречию и переняли некоторые безвредные обычаи и привычки кочевого народа»²¹³.

Другим примером в этом отношении может служить Кустанайский уезд. До 1850 г. на его территории почти никто из казахов полностью не перешел к оседлости и мало занимался хлебопашеством, хотя земля была черноземная. Со временем под влиянием русских поселенцев здешние казахи начали переходить к оседлости и заниматься земледелием. Очевидец Б. Даулбаев так рассказывал об изменениях, происшедших в экономической жизни казахов за 50 лет, с 1830 по 1880 г.: «С 1853 года сначала бедные, а потом богатые стали заниматься хлебопашеством... До 1870 года в двух волостях Дамбарской и Чубарской было домиков и землянок только 100 штук, а с того времени казахи, как и в других волостях, положительно поняв выгоду постоянных жилых строений, со всевозможной поспешностью занялись устройством для себя домиков и, преимущественно, землянок. Домики и землянки строили для них сначала русские и башкиры, а потом уже казахи и сами научились строить их. Таким образом, в двух этих волостях едва ли найдется до 20 семейств, живущих во время зимы в кибитках. Ныне некоторые старики, проводившие свои цветущие годы во всяких лишениях и в постоянных беспокойствах, с крайним удовольствием восхваляют настоящее положение жизни... В настоящее время образ жизни и

²¹¹ Там же, стр. 126.

²¹² См.: «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». СПб., 1900, стр. 206.

²¹³ Там же, стр. 201.

характер казахского народа почти совершенно изменились»²¹⁴.

Бесьма ценный и обширный материал о прогрессивном влиянии русских крестьян-переселенцев на казахских кочевников в конце XIX в. собран экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины. Большой интерес представляют ответы казахов на вопросы, заданные им статистиками экспедиции. Например: «Давно ли начал сеять хлеб?» Задаете вы вопрос казаху и всегда слышите в ответ: «Семь или пять лет, с того времени как поселился вблизи крестьянин». — «Какой хлеб вы сеете?» — спрашиваете вы в другом месте казахов. «Пшеницу русскую и переродку», — отвечают вам, и тут же поясняют, что «русская пшеница мельче зерном, но скорее послеваает, а переродка не боится головни, крупнее зерном и дает лучшую муку для хлеба». — А хлеб умеете вы печь? — осведомляетесь вы дальше. — «Нет, не умеем», — чистосердечно сознается казах. — «Хлеб пекут нам крестьянки, а отличать сорта пшеницы научил нас мужик». В третьем месте мужик-переселенец научил казахов, как выбирать зерно для посева. «Купленные семена, — рассказывают казахи, — мы опускаем, по совету крестьян, в воду. Если зерно при этом пускает из себя пузырьки, то значит, оно годно для посева, а если семена не дают пузырьков, то они не годятся для посева». В четвертом месте казах рассказывает о том, что первые пашни для посева выбирал им крестьянин, который учил их не сеять хлеба на низких местах, ибо он может здесь вымокать, не выбирать для посевов также очень высоких мест, так как на них чаще появляется кобылка, а пахать на небольших увалах. Выслушавая все такие рассказы от казахов, точно присутствуешь при живом процессе перехода крестьянских понятий в головы казахов. Живым примером собственного хозяйства, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советами, практическими указаниями, которыми охотно делится русский переселенец, последний втянул уже казаха в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевника на значение земли для хозяйства»²¹⁵. У таких казахов существовала общинно-аульная форма собственности на землю, которая сочеталась с частной собственностью на землю.

Данные, сообщенные В. Даулбаевым и Ф. Щербиной, а также многочисленные другие сведения неопровержимо до-

²¹⁴ В. Даулбаев. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год. «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. IV, Оренбург, 1881, стр. 114—115.

²¹⁵ Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905, стр. 44—45.

казывают, что именно русские крестьяне обучали казахских кочевников земледельческой культуре и постройке постоянных жилых домов.

Преобладающим типом хозяйства казахов Семиреченской области вплоть до революции было полукочевое хозяйство, которое «не представляет однородных хозяйственных единиц, а скорее является конгломератом скотоводческих и земледельческо-скотоводческих хозяйств»²¹⁶.

Казахи бывшего Туркестанского края, как и степных областей, переходя под влиянием русских переселенцев к оседлому и полукочевому образу жизни, начали заготавливать сено на зимовках и приобретать различные земледельческие орудия: плуг, борону, косилку, жнейку, молотилку, веялку и т. д. «Так, некоторые из живущих в окрестностях с. Ванновского казахи начали пахать такими же железными плугами, какими пашет большинство переселенцев». Дальше отмечено, что в 1903 г. «в окрестностях существующих уже 30 лет русских поселков Чалвадара и Карабалты у казахов появились превосходные земледельческие хозяйства, совершенно напоминающие по виду и по постановке дела хорошие русские хутора»²¹⁷.

Развитие оседлости, земледелия и внедрение в хозяйство более совершенной техники сильно изменили быт полукочевых и оседлых казахов. В 1880 г. в Кустанайском уезде казахи имели значительное количество усадеб с деревянными постройками. Например: «В Джетыгаринской волости насчитывают 38 деревянных усадеб, из которых 21 большая и 17 малых; в Суундукской их всего 50, из них 26 больших и 24 малых; в Чубаровской волости около 100 деревянных домов, из которых 44 большие усадьбы, и в Аманкарагайской около 80, из которых до 40 больших»²¹⁸. В Семиреченской области в этот период «у богатого казаха иногда вы найдете окруженный садом «русский» дом и в нем обычные предметы мещанского достатка: железную кровать, венские стулья, на стене зеркало, часы и т. д., но живет он все же в юрте и отдыхает только на горном джайляу»²¹⁹. Все это является наглядным примером того, как, сближаясь с населением соседних русских поселков, оседлый или полукочевой казах постепенно изменял свой старый, созданный условиями кочевой

²¹⁶ Г. Ф. Чиркин. Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., 1908, стр. 128.

²¹⁷ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 136.

²¹⁸ Б. Юзефович. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник», г. 146, апрель, 1880, стр. 813.

²¹⁹ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 94.

жизни быт и заимствовал, перенимал особенности быта своего нового соседа — русского. У осевших казахов стали часто встречаться «русские телеги вместо арб, глубокие глиняные, фарфоровые чашки и кружки вместо деревянных ковшей и чашек; в жилищах кочевника попадаются высокие столы, стулья, табуреты, даже лампы и зеркала... Распространяющаяся все дальше и дальше по степи русская оседлость, изменяющиеся условия жизни самого кочевника кладут свой отпечаток»²²⁰.

Все эти прогрессивные изменения в экономике и быту народа произошли в результате перехода его к оседлости, появления новых форм земельных отношений.

Известно, что до принятия подданства России, в период господства чисто кочевого скотоводческого хозяйства, казахи не знали никакой привязанности к земле, к определенным местам. Вследствие этого у населения отсутствовало само представление об общинно-аульной или частной форме собственности на землю. В начале XX в. такой общественный вид пользования землей сохранился только у казахов, кочевавших круглый год. «Места кочевков находятся в пользовании известного рода или колена на самых широких общественных началах, обусловленных бродячею жизнью кочевника»²²¹.

Как пережиток общинного землепользования казахских кочевников у южных и северных казахов существовала известная общность землепользования почти на всей территории Казахстана еще в начале XX в. «Кочевники Туркестанского края, и в частности Сыр-Дарьинской области, связаны в земельном отношении с кочевниками Акмолинской и Тургайской областей: известная часть первых пользуется правом летования, а частью и действительно летует в пределах Тургайской и Акмолинской областей, а тургайские кочевники, так по крайней мере наиболее богатая скотом часть их, если не ежегодно, то в годы джутов, откочевывает на зиму в пределы Туркестанского края»²²². Казахи Казалинского уезда имели родовичей в Иргизском уезде и Аму-Дарьинском отделе, а казахи Перовского уезда — в Тургайском уезде; этим устанавливалась этническая связь населения данных административных единиц. Всех казахов, кочующих в северных уездах Сыр-Дарьинской области и в южных уездах Тургайской области, было около $\frac{3}{4}$ миллиона душ. Их свя-

²²⁰ В. Ш н з. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1—2, стр. 17—18.

²²¹ Е. С м и р н о в. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 91.

²²² А. А. К а у ф м а н. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, СПб., 1903, стр. 132.

зывали между собой родственные узы, так как они составляли ветви одних и тех же родов ²²³.

Общность землепользования, подобная той, которая существовала между кочевниками Сыр-Дарьинской, Тургайской и Акмолинской областей, была также у казахов Уральской, Тургайской и Закаспийской областей. «Площадь Уральского уезда и северная часть Темирского уезда находятся в совместном общинном пользовании как оседлых казахов волостей двух уездов, так и казахов-кочевников 17 волостей Гурьевского уезда, 7 южных волостей Темирского уезда (из коих 3 адаевские волости), 11 адаевских волостей Мангышлакского и Красноводского уездов, Закаспийской области, всего кочевников 35 волостей. Кочевники этих 35 волостей каждый год с открытием весны вплоть до глубокой осени не могут оставаться со своими стадами в пределах своих административных приписок, на безводных пустынях, состоящих либо из солонцов, на которых произрастают такие неудобные для корма скота летом травы, как кокпек, биюргум, итсигек и прочие горькие травы, либо из песков, на которых с наступлением летней жары выгорает всякая растительность» ²²⁴. Следовательно, как пережиток общности землепользования между казахами Степного и Туркестанского краев, Уральской и Закаспийской областей, так и пережитки родо-племенных связей этих казахов имели огромное социально-экономическое значение еще в начале XX в.

Пережиток старой земельной общности, сохранявшийся в начале XX в., осложняя взаимоотношения между кочевниками и полукочевым или оседлым населением, приводил к многочисленным земельным спорам и конфликтам. «На юге значительная часть населения осталась еще при более или менее типичных формах кочевого быта; эти «кочевники», «кошпели» или «кошпелинцы», продолжают на лето перекочевывать в северные ковыльные и травяные степи; для них это по-прежнему летовки, на которые они имеют исконное и, по их убеждению, нерушимое право. Но прикочевки их крайне неудобны для их северных полусевших сородичей, ибо связаны с потравами и хлебов, и покосов, и призимочных пастбищ, тщательно забираемых на зиму для мелкого скота. И вот, вместо прежней безграничной свободы кочевать как угодно и куда угодно, для приходящих с юга «кошпелей» отводят определенные летовки, определенные водопой, определенные пути для прохода к летовкам... «Кочевники» и их скот остаются при старых кочевых привычках и не соб-

²²³ И. Аничков. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 74.

²²⁴ См.: «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907, стр. 126.

людают ни формальных, ни хозяйственных границ. Отсюда, конечно, постоянные столкновения, разрешаемые отчасти более или менее явным насилием, чаще вмешательством правительственной власти»²²⁵.

Кочевавшие в начале XX в. казахи Уральской и Закаспийской областей жаловались на стеснение их оседлыми казахами на северных летовках, особенно в Актюбинском уезде, а оседлые и полuosедлые казахи на вытравливание покосов и посевов стадами кочевников. Из-за этого возникали острые столкновения, пагубно отражавшиеся на благосостоянии как оседлых казахов, так и кочевых²²⁶. Данное положение нужно расценивать не только как конфликт между кочевыми и оседлыми казахами, но и как выражение противоречий между различными типами хозяйства с разными формами земельных отношений.

Земельный спор имел более выраженный классовый характер, когда происходил между оседлыми или полукочевыми казахами одной и той же волости или административного аула. Он уже не мог не регулироваться древним обычным правом кочевников. «Все основано на захвате по праву сильнейшего»²²⁷. В первом томе исторического романа «Абай» М. О. Ауэзов с глубоким знанием и большим мастерством описывает картину захвата старшего султана Кунанбая Иргизбаева (отца поэта) зимовок более слабых. Эти события происходили в конце 60-х гг. XIX в. в полукочевой волости Каркаралинского внешнего округа.

Акад. В. В. Радлов, собравший материалы по этнографии казахов, высказывал неверную точку зрения о сущности земельных отношений в полукочевых и оседлых казахских аулах в конце третьей четверти XIX в. Он пытался вывести одно, раз и навсегда данное общее положение о форме землеуладения у так называемых кочевников различных исторических эпох и мест, опираясь на материалы о быте, организации хозяйства и форм землеуладения и землепользования у полукочевых казахов Семипалатинской области 70-х гг. XIX в. Такая концепция была характерна для В. В. Радлова как типичного буржуазного ученого. «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»²²⁸. Образ жизни северо-восточных полукочевых и оседлых казахов в конце XIX столетия, когда

²²⁵ А. А. Кауфман. Русская община. СПб., 1908, стр. 126.

²²⁶ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд». Оренбург, 1910, стр. 228.

²²⁷ Г. Ф. Чиркин. Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., 1908, стр. 83, 84.

²²⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 153 (сноска).

уже прошло 50 лет со времени управления казахами по Уставу М. Сперанского и ими командовали многочисленные полупомещики в лице старших султанов, волостных управителей и аульных старшин, акад. Радлов рассматривает как искони данный, существовавший еще с глубокой древности, а не как продукт исторического развития в результате присоединения казахских жузов к России.

К сожалению, нельзя согласиться и с мнением С. И. Руденко, считающего форму землевладения, имевшуюся у казахов северо-восточной части Казахстана в 90-х гг. XIX столетия, древним и пережиточным явлением. Он пишет: «Мы вправе обратиться и к этнографии, к пережиточным чертам общественной организации киргизов и казахов прошлого века, которые могут помочь полнее понять жизнь древних горноалтайцев... У казахов, например, каждое такое племя и каждый род владели вполне определенной территорией, причем даже каждая семья имела точно определенное место для зимовки. Границы этих участков были хорошо известны всем родственникам и соседям и находились под защитой рода. В то время как участки зимовок были распределены между отдельными семьями, точнее между главами семей, места летних стоянок были общим достоянием рода»²²⁹. Эта характеристика справедлива по отношению к той части казахов, которые в конце XIX в. вели полукочевой образ жизни. Но она не верна, когда говорится об адекватности такой формы землевладения землевладению населения Горного Алтая скифского времени. Форма землевладения, о которой упоминает С. И. Руденко, была не древним, пережиточным явлением у полукочевых казахов, а новым, возникшим в результате введения российских земельных законов.

Спрашивается, была ли в этот период у казахов пережиточная форма землевладения? Да, была. Она существовала у казахов центральной, юго-западной и южной частей Казахстана как форма землевладения, основанная на круглогодичном кочевании. Так жили в своей массе большие родовые группы: адай, табын, шекты, шомекей, кете, баганалы, тама и другие в Муюн-Кумах, Бетпак-Дале, Кзыл-Кумах, Приаральских Кара-Кумах, Больших и Малых Барсуках, Мугоджарах, на Устюрте и в степях Гурьевского, Темирского, Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского, Казалинского, Перовского и других уездов. Причем такое круглогодичное кочевание казахов в конце XIX в. было пережиточным явлением по отношению к форме кочевого хозяйства не у

---

²²⁹ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 256—257.

древних скифов или алтайцев, а у самих казахов, живших на территории Казахстана в XV—XVIII вв.

В данном случае С. И. Руденко и другие новое прогрессивное явление в жизни казахских кочевников рассматривают как старое, пережиточное. Тем самым они не видят прогрессивных социально-экономических сдвигов, которые произошли в результате добровольного присоединения казахских жузов к России.

Не приходится сомневаться в том, что в конце XIX в. среди казахов Семипалатинской области преобладал полукочевой тип хозяйства, медленно совершался переход к полному оседлому образу жизни. Н. Коншин отмечает, что многие из казахов к этому времени «уже покинули полукочевой образ жизни», «сделали земледелие своим главным занятием» и «уже перешли к оседлому образу жизни»²³⁰.

Забвение того, что переход к оседлости казахских родоплеменных групп конца XVIII и начала XIX в. был, как показано выше, прогрессивным процессом, возникшим в связи с присоединением казахских жузов к России, привело некоторых авторов к явно неправильному объяснению истории оседания казахского народа. А. Б. Турсунбаев, например, считает, что «основным толчком к переходу казахского населения в Акмолинской, Тургайской, Уральской и Семипалатинской областях к земледелию было массовое изъятие казахских земель в переселенческий фонд, сокращение пастбищ, особенно усилившееся в период столыпинской реакции, когда переселенческое движение крестьян принимает небывалый размах. Лишенные пастбищ и даже своих зимовок, бедные слои казахского населения вынуждены были переходить к оседлому земледелию, чтобы прокормить семью»²³¹. «Оседлое земледельческое хозяйство выросло поэтому из тех социальных групп, которые больше теряли свой скот и переходили в число бедняков... Следовательно, вынужденное оседание и связанное с ним усиление перехода к земледелию есть признак обеднения»²³².

Принципиальная ошибка А. Б. Турсунбаева состоит в том, что он исходит из неверной предпосылки: якобы Казахстан вплоть до периода столыпинской реакции (1907—1916 гг.) был краем почти сплошного кочевого скотоводства и только массовое изъятие казахских земель в переселенчес-

²³⁰ Н. Коншин. Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 14.

²³¹ А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 83.

²³² А. Б. Турсунбаев. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950, стр. 20—21.

кий фонд привело к обеднению и оседанию казахского населения. Связывать оседание и сопутствующее ему земледелие у казахов только с их обеднением значит воскрешать старую ошибочную теорию, основанную на смешении издревле существовавшего в казахском кочевом обществе джатачества²³³ с оседанием кочевых скотоводов — отрыкшылык²³⁴.

Джатачество как результат внезапного разорения части населения от джута или войны выражалось в неустойчивом, непрочном и эпизодическом оседании его в небольшом количестве около озер и рек задолго до присоединения казахских жузов к России, в период повсеместного распространения кочевого образа жизни.

Джатачество в тот период было ничтожным придатком кочевого скотоводства и целиком определялось существовавшими экономическими и политическими условиями жизни кочевого общества²³⁵. Оно не способствовало дальнейшему развитию производительных сил. Джатаки свой образ жизни считали временным явлением, обусловленным лишь «несчастливым» случаем. Поэтому джатачество того времени было результатом несчастья и нищеты, а не оседанием, связанным с ломкой старой кочевой скотоводческой системы хозяйства и старого образа жизни. Тогдашние джатаки жили надеждой вернуться к кочевой жизни, покончить с одиночеством, вновь оказаться в среде кочевников. При первой возможности они перешли от оседлости к кочеванию и бросали все, что было связано с временным земледелием.

Как видно, старое джатачество еще не означало оседания кочевников, ибо было явлением, присущим отсталой общественно-экономической жизни кочевников. В тот период истории казахского народа джатаки — это «казахи, переставшие кочевать вследствие недостатка необходимого для перекочевков скота. Это казахский пролетариат, продукт разложения кочевого хозяйства. Главнейшая причина джатачества — так называемый «джут» — гололедица, от времени до времени поражающий степь и обездоливающий массу казахского

²³³ Термин «джатак», или «ятук», впервые упомянутый в XI в. Махмудом Кашгарским и доживший до XX в. в казахском обществе, означал «оседлый бедняк, не имеющий скота для кочевания». С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 247.

²³⁴ «...русскому слову «оседлый» более соответствует употреблявшийся в середине века (XIX. — С. Т.) термин «отрыкшы» — сидящий». Акад. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 120.

²³⁵ «Джатаки... именно люди, выбитые из колеи исконного строя казахской жизни». Н. Кошчи. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898, стр. 43.

населения. Вначале джатачество является состоянием, из которого каждый казах стремится выбиться при первой возможности»²³⁶. В данном случае подчеркнута одна сторона вопроса, а между тем до присоединения казахских жузов к России джатачество было результатом не только джута, но и разбоя и грабежа, которые являлись формами патриархально-феодалной эксплуатации народной массы. «Труд, заданный, парализованный аристократическими родовыми условиями и войною»²³⁷, был уделом одних только игенчей, этих париев казахского общества, и доселе не везде освободившихся еще от полурабского закрепощения, в каком они жили до русского завоевания»²³⁸. Например, в южных районах Казахстана, где существовала полная кочевая система хозяйства вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, было известно, что «каждый игенчи только и мечтает о том, как бы обзавестись скотом да променять пашенную работу на кочевую жизнь пастуха, и каждый, кому удастся разжиться скотом, тот же час бросает земледельческий промысел»²³⁹.

Из сказанного следует, что древнее джатачество не было по существу результатом оседания кочевого общества казахов. Об этом говорят многочисленные факты. Еще в недавнем прошлом, в конце XIX и начале XX в., лишенный скота и вынужденный заниматься земледелием ради куска хлеба казах в местах, где преобладало кочевое население, «ежегодно снимается со своих пахотных полей, в которых вся основа его благосостояния, и по старой памяти откочевывает в степь... Неудивительно, что при подобных условиях «джатак» или «игенчи» (пахарь) в степях Средней Азии являются почти синонимами нищего»²⁴⁰, а не земледельца в полном

²³⁶ В. Я. Владимирский. К вопросу о переходе казахов в оседлое состояние. «Отчет ИРГО за 1901 год». СПб., 1902, стр. 39.

²³⁷ В 1848 г., спустя год после постройки укрепления Раим, «раннею весною хивинцы сделали на низовья Сыра сильный набег. Они напали преимущественно на шектинцев и турткаринцев, как говорят, в отомщение за допуск ими русских к Раиму и за помощь при постройке укрепления. Захваченные врасплох шектинцы были разграблены самым жестоким образом. В следующую зиму набег повторился с теми же последствиями, шектинцы из сильного и богатого рода, первоначально в низовьях р. Сыр, в два-три года превратились в бедняков и почти в полном своем составе принуждены были перейти в разряд игенчей, осев в низовьях реки (теперь волости Раимская, Чибендинская, Костамская и др.)». Е. Т. Смирнов. Задичавшая страна. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. IV, Ташкент, 1895, стр. 9.

²³⁸ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 133—134.

²³⁹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп.1, д. 3936, л. 3.

²⁴⁰ В. Островский. Киргизы-земледельцы. «Туркестанские ведомости», 1897, 25 ноября.

смысле этого слова. Одной из характерных черт казахского джатачества на всем протяжении его существования было то, что джатаки, хотя и были хлебопашцами, но эксплуатировались патриархально-феодальными скотовладельцами путем наделения их не землей, а рабочим и молочным скотом. Таким образом, орудием их эксплуатации служила не земля, а скот, как и в условиях полного кочевого хозяйства.

В процессе присоединения казахских жузов к России, когда уже во многих районах Казахстана появились полукочевой и оседлый типы хозяйства, джатачество стало одним из путей оседания кочевников, но в кочевых районах, в особенности в полупустынных и сухостепных зонах, оно продолжало сохранять свои древние черты. Например, в конце XIX и начале XX в. главным образом в южной и юго-западной частях Центрального Казахстана, всюду, где только местность позволяла устроить искусственное орошение, обедневшие казахи — егинчи и джатаки — принимались за обработку земли. Обыкновенно такие бедняки были батраками богатых полукочевых скотовладельцев, имевших зимовки в местах оседания бедняков. Эти богачи «за труд снабжают их необходимыми примитивными орудиями, дают им в пользование одного или несколько молодых бычков или волов для обработки поля, развозов верхом и в арбе, корову и несколько овец, затем отпускают на посев семени, а для жилья старую, рваную, и прокопченную юрту, словом, дают все самые необходимые средства для самостоятельной жизни вблизи возделанных полей»²⁴¹. За это джатаки отдавали богачам значительную долю урожая и заготавливали им сено на их зимовках.

Несмотря на то, что эти джатаки еще сохраняли некоторые черты древнего джатачества, со временем они окончательно могли стать оседлыми земледельцами, навсегда порвавшими с кочевым образом жизни. В указанный период на юге и в юго-западной части Казахстана, как писал А. А. Кауфман: «Наиболее богатые родовичи и теперь, когда казахское земледелие значительно развилось и расширилось, всего менее занимаются хлебопашеством; и теперь земледелие у казахов — промысел бедных, не имеющих достаточных стад для выгодного занятия скотоводством»²⁴². Было бы неправильно это обобщить и перенести на оседлые и полукочевые районы Казахстана, где земледелием в более значительных размерах занимались и осевшие казахские богачи-баи. В начале XX в. в земледельческих уездах Казахстана,

²⁴¹ Ю. Шмидт. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1 и 2, стр. 125.

²⁴² А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, стр. 142.

было немало казахских хозяйств, производивших сотни и тысячи пудов хлеба для продажи.

Следует отметить, что джатаки южных районов, подвергавшиеся большей патриархально-феодальной эксплуатации, имели более интенсивное хозяйство, чем круглый год кочевавшие в пустынных и сухостепных просторах бай. Такие бай, располагая примитивным кочевым хозяйством и ведя более отсталый, чем джатаки, образ жизни, были наиболее реакционным элементом в предреволюционном Казахстане.

Среди джатаков на юге Казахстана широко применяли издолщину капиталистические элементы, приобретшие в частную собственность оросительные каналы-тоганы. По свидетельству Л. Чермака, в 1885—1888 гг. прибывшие с севера на низовья Чу богатые купцы из аргынцев ввели неизвестный населению посев исполу. «Богатый торговец казах, захвативший в свои руки один из лучших тоганов, теперь этот тоган зовется его именем, он его аксакал, хотя сам на Чу не живет, а выборные лица тогана являются чуть ли не служащими этого богача, — и предложил беднякам брать у него семена на посев, в которых они так нуждаются, а ему отдавать кроме семян еще половину урожая. И вот теперь испольный посев привился на Чу и, говорят, очень распространен»²⁴³. Это показывает, как собственник тогана выступает владельцем орошаемой земли.

Из изложенного следует, что архаическое джатачество — синоним нищеты в кочевом обществе ни в какой мере не тождествен оседанию (отрыкшылык), которое шло одновременно с присоединением Казахстана к России. Процесс оседания коснулся не только разорившейся части кочевников, но и других социальных групп казахского кочевого общества. Отрыкшылык — это процесс прочного оседания, внесший коренные изменения в характер материального производства в районах оседания, следовательно, джатачество и отрыкшылык качественно различны.

Неправильное толкование процесса оседания казахов — отрыкшылык и отождествление его с джатачеством равносильно отрицанию появления оседлости у казахов в дореволюционный период их истории. Как уже было показано, оседание казахов целыми родо-племенными группами в северо-западных, северных и северо-восточных районах Казахстана, которые потом стали районами оседлого и полукочевого скотоводческо-земледельческого хозяйства, происходило в конце XVIII и начале XIX в. в острой межродовой и

²⁴³ Л. Чермак. Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», кн. XXVII, Омск, 1900, стр. 9—10.

классовой борьбе²⁴⁴. Мы еще раз убедились, что древнее джатачество нельзя отождествлять с отрыкшыльком и расценивать его как оседание кочевого населения.

В XIX в. оседание коснулось всех социальных групп казахского общества. Это подтверждают источники. «Исследователи казахского быта в 60-е годы (XIX в.) отмечают уже усилившееся стремление к занятию земледелием не только со стороны бедных, лишенных стад казахов, как это было раньше, но и у богатых, — как самостоятельный промысел»²⁴⁵. Причем в том, что переход к оседлости и сенокосению совершали главным образом даже не бедняки, не приходится сомневаться. В ведомости попечителя о посевах и урожаях у новопоселенных казахов за 1848—1851 гг. сказано: «Развитию хлебопашества как в районах, так и на заграничной стороне между казахами кипчакского рода весьма много способствовали: бывший прежде начальник 20-й дистанции Матен Чутанов, распаивающий земли до 10 десятин, начальник 26-й дистанции Суюнчали Янбуриин — до 20 десятин и брат его местный начальник против Николаевского укрепления Курпала Янбуриин; между джагалбайлинцами местный начальник против Екатерининской станицы Мухаммеддиар Качаров — до 10 десятин. Начальник 26-й казахской дистанции Янбуриин сверх хлебопашества в нынешнем году занимался производением огородных овощей, хороший урожай коих (картофель, репа, арбузы, дыни и проч.) может возбудить желание и подать пример, весьма полезный и другим ордынцам к занятию сим предметом»²⁴⁶.

В конце прошлого столетия среди людей, изучавших историю казахского народа, было широко распространено еще два неправильных толкования понятия «джатачества». Од-

²⁴⁴ «В период вселения казахов в прииртышские степи, одновременно с изгнанием джунгар, земли для кочевания захватывались крупными родовыми группами, причем о равномерном распределении земли между такими группами, конечно, не могло быть и речи. Неравномерность в распределении земли, неустойчивость границ и т. п. неизбежно влекли за собой часто очень жестокие поземельные споры между родовыми группами (волостями), сопровождавшиеся барымтой и стычками. Должно было пройти долгое время, чтобы казахское землевладение приняло более или менее устойчивый характер. Таким образом, в основе казахского землевладения лежали два момента: право первого захвата и давность владения. На эти моменты и ссылались казахи в своих спорах уже в 20-х годах XIX ст.». «Краткий исторический очерк Семипалатинского края до 1917 года». «Наше хозяйство», 1928, №1, стр. 15—16.

²⁴⁵ В. П. Крайфельд. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год». Саратов, 1898, стр. 92.

²⁴⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3591, лл. 42—43.

ни считали джатаками всех бедняков в казахском ауле независимо от рода их занятий, а другие всех казахов, порвавших с кочевым образом жизни. Первое толкование неправильно потому, что к джатакам относили всю кочевую бедноту, наемных и полунаемных пастухов, эксплуатировавшихся патриархально-феодальными баями в чисто кочевых скотоводческих районах. Эти бедные казахи никогда не знали ни оседлости, ни земледелия, следовательно, вообще ничего общего не имели с джатаками. Второе толкование также неверно потому, что к категории джатаков причислены все казахи, порвавшие с кочевым образом жизни: торговцы-перекупщики, кустари, служащие, рабочие, сельские батраки и другие, постоянно проживавшие в определенных населенных пунктах.

Отождествление понятия «джатачества» с понятием «отрыкшылык» зачеркивает то прогрессивное значение, которое имел для казахского народа переход к оседлому образу жизни и земледелию. Такая ошибка приводит к отрицанию роста классового расслоения населения в среде уже осевших и полусевших казахов. На самом деле оно происходило под влиянием развития земледелия и товарно-денежных отношений в условиях колониального режима. Классовое расслоение населения не могло не означать усиления эксплуатации казахской бедноты как царизмом, защищавшим интересы русских помещиков и буржуазии, так и казахских аткаминеров и баев.

Не подлежит сомнению, что реакционный характер царской политики проявился не в том, что она способствовала оседанию казахского населения, а, наоборот, в том, что она, после завершения присоединения казахских жузов к России, в особенности в эпоху империализма, препятствовала оседанию казахского населения, допускала даже прямое разрушение очагов его оседлости и увеличивала таким путем земельный фонд для устройства кулацких элементов, переселяемых из Центральной России. «Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри местных коренных жителей (киргизы, башкиры)»²⁴⁷.

За консервацию отсталого кочевых образа жизни казахов в 30-х гг. XIX в. открыто выступали некоторые оренбургские губернаторы, которые заверяли, что интересы самих казахов и интересы России «требуют, чтобы они (казахи. — С. Т.) состоянии богатых пастухов не меняли на состоянии бедных земледельцев, и что самые степи их как

---

²⁴⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 561.

будто нарочно созданы для кочевой жизни»²⁴⁸. Это их желание совпадало со стремлением реакционного султана Кенесары Касымова, который писал: «Полезно было бы для блага общего казахского народа, если казахский народ остался в первобытном своем положении»²⁴⁹. Это свидетельствует о том, что политическая линия крайне реакционных ставленников царизма перекликалась с реакционной идеологией казахских полуфеодалов, которые были против прогрессивного развития кочевого общества казахов.

Если помещики и капиталисты и их аппарат насилия были врагами, угнетателями русских крестьян и рабочих, то такими же врагами, угнетателями вместе с казахскими полуфеодалами они являлись и для казахских трудящихся. У эксплуататоров и угнетателей трудящихся масс всех национальностей были свои общие классовые интересы.

Известно, что под тяжелым гнетом царского самодержавия находились все народы России и в первую очередь почти все слои русского народа. Об этом в своей знаменитой работе «Задачи русских социал-демократов» в 1902 г. В. И. Ленин писал: «Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и туеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа»²⁵⁰.

В процессе совместной жизни русского, украинского и казахского народов исторически сложилась братская дружба и взаимная помощь в борьбе с общими угнетателями. Еще задолго до революции один из русских интеллигентов, работавший в Переселенческом управлении в Казахстане, Т. Седельников очень точно передал общность коренных интересов трудящихся всех народов России. Он писал: «Взявши в свои руки власть и распорядок в государстве, ныне сам угнетенный и бесправный русский народ может смело сказать казахам, как и всем другим иноплеменникам в России: «Пока мне было плохо, плохо было и вам, но теперь, когда я стал свободен, и вы все будете свободны и всем вам будет хорошо»²⁵¹. В годы гражданской войны славный пролетарский полководец М. В. Фрунзе, обращаясь к казахскому народу, сказал: «Что же несет Вам Советская власть? Прежде всего она приносит Вам братскую помощь рабочих и крестья-

²⁴⁸ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 30—31.

²⁴⁹ М. И. Стеблин-Каменская. К истории восстания султана Кенесары Касымова. «Исторические записки АН СССР», 1942, № 13, стр. 251.

²⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 456.

²⁵¹ Т. Седельников. Борьба за землю в киргизской степи. СПб., 1907, стр. 79.

ян России. Мы, представители трудовой России, смотрим на Вас, как на наших братьев, на наших друзей. Мы не допустим, чтобы Вас обижали, чтобы отнимали ваши земли, обрекали на муки голода. Мы поможем Вам прогнать ваших буржуев, ваших досмухамедовых, которые уселись на шею казахской бедноты и думают праздновать победу. Мы поможем Вам сначала в каждой волости, а затем для уездов и для всей области создать Советы трудового казахского населения. Мы поможем этим Советам немедленно приняться за работу по улучшению вашего быта, по поднятию ваших знаний»²⁵².

Программа революционного преобразования общественно-экономической жизни казахского народа полностью осуществилась, восторжествовала ленинская национальная политика Коммунистической партии Советского Союза.

* * *

Общественно-экономический строй дореволюционного Казахстана являл собой сложную переходную экономику. Экономике России периода перехода землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому В. И. Ленин назвал переходной экономикой. Он писал: «Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий, что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе»²⁵³. Значит, истинную картину таких переходных общественно-производственных отношений мы можем познать только на основе конкретного анализа этого чрезвычайно сложного процесса.

В. И. Ленин говорил, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Для выявления этой истины необходимо хорошо знать предмет, «надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления... Диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практичес-

²⁵² См.: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР». Сб. документов. Алма-Ата, 1947, стр. 153.

²⁵³ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 187.

кий определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»²⁵⁴.

В результате применения диалектического метода при анализе экономики переходного периода В. И. Ленин сделал всемирно-историческое открытие о существовании в СССР после победы Великой Октябрьской социалистической революции пяти типов общественно-экономического уклада хозяйства. Он указывал, что переход от капитализма к социализму в применении к экономике означает, «что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма?... Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада перелетаются в ней»²⁵⁵. Не подлежит сомнению, что каждый из этих типов общественно-экономического уклада имел свою историю и представлял собой или пережиток прошлого, или зародыш нового способа производства.

В этом гениальном ленинском положении была дана также оценка уровню развития и кочевого хозяйства. В 1921 г. В. И. Ленин писал: «Присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: *первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно...*»²⁵⁶ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

В этих словах В. И. Ленина имеется указание на существование патриархально-феодального кочевого хозяйства как типа хозяйства. Тип же хозяйства определяется отношениями людей в процессе производства, установившейся организацией труда и способом ведения хозяйства. Далее мы понимаем слова В. И. Ленина в том смысле, что земельные отношения людей и роль земли, как естественного условия всякого производства и как объекта собственности во всех пяти общественно-экономических укладах хозяйства не были одинаковыми, несмотря на то, что эти уклады, за исключением социалистического, существовали задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Если в центре Советской страны патриархально-феодальный кочевой и полукочевой типы хозяйства в переходный период от капитализма к социализму выступали в виде пережиточного уклада, занимавшего незначительный удель-

²⁵⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 42, стр. 290.

²⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 295—296.

²⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

ный вес в экономике всего государства, то на окраинах, например, таких, как Казахстан, где существовало отсталое, в основном натуральное кочевое и полукочевое хозяйство, такой уклад был еще господствующим.

Однако нужно учесть, что между кочевым и полукочевым скотоводством с точки зрения формы землевладения существует большая разница. Всякое кочевое скотоводство есть пастбищно-экстенсивное скотоводство, но не всякое пастбищно-экстенсивное скотоводство есть кочевое скотоводство.

История знает существование кочевого, полукочевого и оседлого пастбищно-экстенсивного скотоводства. Эти три вида пастбищно-экстенсивного скотоводства резко отличались друг от друга по уровню развития и по форме землевладения и землепользования. Забвением этого положения объясняется то, что многие дореволюционные исследователи Казахстана и Средней Азии, да и других стран, всякое пастбищно-экстенсивное скотоводство определяли как кочевое скотоводство. Подобное общее рассуждение о так называемом «кочевом скотоводстве» всегда вносило путаницу и мешало правильному разрешению научной проблемы, связанной с историей и экономикой кочевого общества. Абстрагирование от различных типов пастбищно-экстенсивного скотоводческого хозяйства, существовавшего у многих отсталых скотоводческих народов Сибири, Алтая, Казахстана и других, имеет свою историю.

Оно отразилось еще в законах царского правительства, таких, как «Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев» и «Высочайше утвержденный Устав о сибирских киргизах (казахах)» от 22 июля 1822 г. По этим законам указанные народы делились на группы: оседлых, кочевых и бродячих. К оседлым относились те, которые жили в городах и селениях и занимались земледелием и скотоводством, к кочевым, которые меняли места жительства в течение года из-за пастбищ.

При таком определении «кочевого скотоводства» из поля зрения выпадали вопросы, характеризующие своеобразие скотоводческого хозяйства, как, например, почвенно-климатические условия и размер территории, где происходило кочевание, виды разводимых животных; количество и дальность передвижений в течение года, наличие постоянных зимовок, разграничение территории между соседями, регламентация использования пастбищ по временам года, и, наконец, существование сенокосения и хлебопашества. Поэтому многих оседлых или полукочевых скотоводов дореволюционной России неправильно называли кочевниками.

Например: «Калмыки (алтайцы) принадлежат к категории кочевых инородцев, хотя значительная их часть... ведет вполне оседлый образ жизни, не принадлежа, однако, к оседлым инородцам в том смысле, как это понимается нашим законодательством»²⁵⁷. Говорить о кочевниках вообще как о чем-то однородном — значит заведомо вносить путаницу в действительное положение вещей.

В частности, абстрактное определение всего казахского народа в конце XIX в. как «кочевников» отвечало интересам колонизаторской политики царизма. Чиновники Переселенческого управления в Казахстане и Туркестане в своей массе называли все казахские хозяйства «кочевыми», чтобы оправдать действия местной администрации по созданию переселенческого фонда из земель оседлых и полукочевых хозяйств казахского населения. В законе говорилось, что под переселенческие участки следует отводить земельные излишки кочевников. В результате «бескорыстной» деятельности местного чиновничества оказалось (на бумаге), что оседлого казахского населения в таких пустынных районах, как Казалинский и Перовский уезды, проживает больше, чем в удобных для образования переселенческих участков земледельческих районах, как Лепсинский, Капальский и Верненский уезды Семиреченской области.

В действительности, даже по уменьшенным данным того же Переселенческого управления (из материалов первого статистического обследования казахского землепользования в 12 уездах Степного края в 1896—1900 гг.) оседлого казахского населения в Акмолинской области было 45%, в Уральской — 34,5, в Семипалатинской — 13,8 и в Тургайской — 8,9, всего в Степном крае — 27,8%. Повторное статистическое обследование землепользования у казахов Степного края, сплошное статистическое обследование туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области и статистическое обследование казахского землепользования в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в 1907—1910 гг. повсеместно показали дальнейший рост оседлости казахского населения. Причем и в этих случаях оседлость казахов определяли старым методом. Несмотря на это, из материалов мы видим, что в начале XX в. удельный вес оседлого населения среди казахов был большим. Например, в 1906 г. в юго-восточной части Чимкентского уезда некочующие хозяйства составляли 83,35%; в 1907—1909 гг. в Аулие-Атинском уезде —

---

²⁵⁷ С. П. Швецов а. Прimitивное земледелие на Алтае. Омск, 1900, стр. 2.

49,9, в Лепсинском — 28; в 1910 г. в Перовском уезде — 61,18, в Капальском — 28,19; в 1911 г. в Казалинском уезде — 57,14 и в Верненском — 15,3%.

Нельзя также считать правильным то, что статистики Переселенческого управления относили к категории кочевых такие хозяйства, которые переходили от зимовки на джайлау, совершая однодневное или двухдневное кочевание с домашним скарбом на телегах, в которые запрягали даже коров, как это было в Семиреченской области и в отдельных земледельческих уездах Степного края. Именно такого характера были кочевания казахов Омского, Петропавловского, Кокчетавского, Павлодарского, Кустанайского, Актюбинского, Уральского, Усть-Каменогорского и ряда других уездов. По существу, это кочевание не было процессом производства и не имело ничего общего с укладом чисто кочевых хозяйств, который господствовал в Казахстане в XV—XVIII вв., а в пустынной и сухостепной зоне еще в конце XIX и начале XX в.

Поэтому неправильно утверждать, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции у казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков, якутов, бурятов, алтайцев, тувинцев и других было одинаковое «кочевое скотоводство». В действительности в конце XIX и начале XX в. даже Казахстан не был краем сплошного «кочевых скотоводства».

Факты показывают, что пастбищно-экстенсивное скотоводческое хозяйство, находясь в различных экономических и природных условиях, приобретало различные признаки, характеризующие тот или иной тип хозяйства.

Подтверждением является то, что еще в XIX в. миллионы жителей Азии и Африки занимались исключительно экстенсивным пастбищным скотоводством в самых различных его формах и находились в той или иной степени в кочевом или полукочевом состоянии.

В Азии к скотоводческим народам относились арабские и турецкие племена, курды, монголы; в Российской империи, помимо оленеводов и охотников из народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока, скотоводами были дагестанцы, буряты, якуты, калмыки, туркмены, киргизы и казахи. Все эти скотоводческие, в известной мере кочевые или полукочевые, народы не были похожи друг на друга как по ведению своего хозяйства, так и по форме землевладения.

В XIX в. в различных частях Азии и Африки существовали три типа пастбищно-экстенсивного скотоводства, обусловленные сложившимися экономическими и почвенно-климатическими условиями. Данные три типа скотоводства бы-

ли и в Казахстане²⁵⁸. Многочисленные работы дореволюционных авторов, изучавших общественно-экономическую жизнь казахского народа, это подтверждают. Т. И. Тихонов писал: «Казахское хозяйство в различных местностях Степного края далеко не одинаково. Количество пастбищ и покосов, способы пользования ими, качественный и количественный состав стад, техника скотоводства, земледелия и промысла, — все это складывается в самых разнообразных сочетаниях. Сравнивая между собою различные формы казахского хозяйства, нетрудно убедиться, конечно, что они представляют собою целый ряд переходных ступеней от чисто кочевого склада жизни, сохранившегося в южных частях Акмолинской и Семипалатинской областей, к полуседлому быту, который можно наблюдать, например, в иртышских волостях Павлодарского уезда или у казахов-арендаторов бельгагачской степи»²⁵⁹. О различных типах пастбищно-экстенсивного скотоводства, существовавших в дореволюционном Казахстане, писал в ряде своих работ один из знатоков экономической жизни казахов Л. К. Чермак. Он считал, что «хозяйство казахов на громадной территории не представляет чего-нибудь однообразного, а напротив, отличается крайним разнообразием в зависимости от естественных условий и экономических причин»²⁶⁰.

Такая пестрота в экономической жизни казахского народа свидетельствовала о больших сдвигах, которые произошли в процессе и после присоединения казахских жузов к России. Факты говорят, что до начала XVIII в., т. е. «до занятия берегов Сыра казахи Малой и Средней орд и поколения кунград Большой орды не имели никакого понятия о земледелии и вообще об оседлой жизни. Эти племена искони века вели исключительно кочевой образ жизни и с нескрываемым презрением смотрели на оседлый земледельческий быт, делавший, по их понятиям, из вольного человека степей раба земли и дома»²⁶¹.

²⁵⁸ По материалам предварительного районирования Казахстана в 1923 году, его население (без Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей) распределялось по трем районам: земледельческому, полуполуземледельческому и скотоводческому. «Две основных системы хозяйства представлены в республике: скотоводственная и зерновая. Между той и другой наблюдается переходный тип полуполуземледельческого хозяйства с уклоном или к земледелию или к скотоводству». «Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики». Оренбург, 1923, стр. 150.

²⁵⁹ П. И. Тихонов. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайские ведомости», 1901, 10 марта.

²⁶⁰ См.: «Сибирские вопросы», 1908, № 23—24, стр. 30.

²⁶¹ Е. Т. Смирнов. Задичающая страна. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. IV, Ташкент, 1895, стр. 6—7.

Исторический процесс появления различных типов пастбищно-скотоводческого хозяйства в колониальном Казахстане верно оценен дореволюционными исследователями-экономистами и аграрниками. П. Хворостанский писал: «Атбасарский уезд дает самый яркий образчик истории развития хозяйственных форм и землепользования: в южной части его сохранилось почти в чистом виде первобытное кочевое хозяйство, на севере значительная часть хозяйств перешла к оседлой жизни, а в средней части стоит на переходной ступени»²⁶². На существование у казахов различных стадий развития форм землевладения, «начиная от свободного пользования известного рода пастбищами крупными родовыми группами, разбросанными на пространстве нескольких уездов, до исключительного права одного хозяина на его клочок пастбища, доставшегося от предков или купленного у другого», — указывал Л. К. Чермак²⁶³. На основе собранных фактов В. А. Владимирский в докладе на собрании членов ИРГО 28 марта 1901 г. говорил, что скотоводческое хозяйство в различных районах казахской степи имеет весьма разнообразные формы. Он увидел различия между типами хозяйств: баганалинских, баян-аульских и прииртышских казахов²⁶⁴.

Группа статистиков, изучавшая в начале XX в. под руководством агронома Б. Скалова юго-западную часть Казахстана, констатировала: «Основы и порядки землепользования находятся в зависимости, главным образом, от размеров и качества угодий территории, занятой той или иной группой казахов, затем, — от высоты хозяйственной культуры населения, представляющей в данный момент все степени от кочевого скотоводческого до оседлого земледельческого хозяйства. Сообразно с изменениями хозяйственного быта условия землепользования могут быть приурочены к трем главнейшим фазам: 1) кочевое пастбищное скотоводство, 2) оседлое скотоводство со стойловым содержанием скота в зимнее время на сене, 3) скотоводческо-земледельческое хозяйство. Само собою разумеется, в данное время все эти фазы с переходными ступенями и нерезкими отличиями наблюдаются в разных местах одновременно»²⁶⁵.

Такого же мнения были члены экспедиции Академии на-

²⁶² П. Хворостанский и. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 65.

²⁶³ Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район ж. д. Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912, стр. 233.

²⁶⁴ См.: «Отчет ИРГО за 1901 год». СПб., 1902, стр. 37.

²⁶⁵ См.: «Очерк работы Тургайско-Уральской переселенческой организации», Оренбург (без года изд.), стр. 67.

ук СССР, посетившие в 1926 г. Мангышлак. В их отчете записано: «История кочевого хозяйствования в северных уездах на наших глазах уже прошла такие стадии: настоящее кочевое хозяйство, полукочевое хозяйство с зимним тебенем части скота (главным образом лошадей) и с небольшими заготовками сена, полукочевое скотоводческо-земледельческое с заготовками сена и без зимнего тебена. Несомненно, в черноземных уездах дальнейший эволюционный путь казахского хозяйства пойдет по линии увеличения земледелия за счет сокращения экстенсивного скотоводства, то есть придет к тому же, к чему уже давно пришли уезды темнокаштановой почвенной зоны»²⁶⁶. Все эти данные с достаточной убедительностью говорят о существовании в дореволюционном Казахстане трех типов экстенсивного скотоводства.

С такой характеристикой экономики дореволюционного Казахстана не согласен С. Зиманов. Он не различает типы экстенсивного пастбищного скотоводства и не видит процесса его развития, прогрессивного значения второго типа хозяйства по сравнению с первым и третьего по сравнению со вторым. Параллельное существование и сочетание всех трех типов хозяйства придавали экономике колониального Казахстана характер сложной переходной экономики. Забывая об этом, С. Зиманов пишет: «Мы считаем принципиально ошибочной позицию С. Толыбекова, рассматривающего кочевников скотоводческих районов как «чистых», «вечных» и «постоянных». Подобные термины часто встречаются в его работе, посвященной экономике и организации скотоводческого хозяйства в конце XIX и начале XX в. По его мнению, «характерным для такого типа хозяйства было почти круглогодичное кочевание населения». Они «совершенно не имели постоянных построек... не делали запасов сена и не занимались земледелием». Если исходить из указанных здесь критериев, следует признать основную массу населения Казахстана первой половины XIX в. «чистыми» и «вечными» кочевниками. Но такое понимание в научном отношении несостоятельно и ведет к путанице»²⁶⁷.

В данном случае все, что отрицает С. Зиманов является правдой о социально-экономической жизни кочевого общества и его эволюции к концу XIX в.

Теперь дадим краткую характеристику трем типам экстенсивного пастбищного скотоводства, которые существовали в дореволюционном Казахстане.

²⁶⁶ См.: «Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 13. Серия Казахская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 94.

²⁶⁷ С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 36.

К первому типу экстенсивно-пастбищного скотоводства относилось полное кочевое скотоводство, какое было у казахов в XV—XVIII вв. Хозяйства этого типа кочевали круглый год. Местом постоянного обитания их в основном являлись пустыни, полупустыни и сухие степи главным образом полынные с большим количеством солончаков и такыров. Растительный покров такой местности весьма беден и малоустойчив из-за незначительных атмосферных осадков и низкого качества почв. Поэтому такую территорию можно использовать в качестве пастбищ только кратковременно. Из лесов здесь встречались заросли саксаулов, дузгенов и других кустарниковых и полукустарниковых колючек.

В 1928 г. правительство Казахской республики издало специальное постановление, в котором была дана характеристика каждому из трех типов хозяйства. О чисто кочевом типе хозяйства было сказано: «Для чисто кочевого типа естественные признаки, то есть почвы, атмосферные осадки, водные источники, не благоприятствуют развитию земледелия. Экономические признаки, какими являются кочевание на далекое расстояние, отсутствие или незначительное распространение сенокосения и почти полное отсутствие крупного рогатого скота, а также отсутствие земледельческой культуры, в полной мере определяют кочевое ведение хозяйства. В этих районах население не имеет постоянных жилищ»²⁶⁸.

У таких скотоводов не было ни закрепленных зимовок или летовок, ни тем более определенных весенних, осенних, зимних и летних кочевий. «Чистые кочевники не знают даже деления пастбищ на зимние и летние: одни летуют там, где другие зимовали, особенно стрижку овец (кузем) производят, смотря по погоде, один год на одном урочище, другой — верст за 200—300 от первого»²⁶⁹. У таких кочевников община создавалась из нескольких родственных групп аулов для выбора общих путей кочевания и стоянок на недалеком расстоянии друг от друга для защиты от вора, зверя и пр. Такого типа хозяйства даже в конце XIX и начале XX в., не говоря о XV—XVIII вв., существовали в большом количестве в Атбасарском, Перовском, Казалинском, Темирском, Гурьевском и Мангышлакском уездах. Они кочевали на большие расстояния, на тысячи и более километров в один конец. «Судя по описаниям, приведенным в «Материалах» тех волостей Сыр-Дарьинской области, откуда выкоче-

²⁶⁸ См.: «Постановление СНК КССР об установлении кочевых, полукочевых и оседлых районов Казахстана от 30 августа 1928 года». «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 8, стр. 123—124.

²⁶⁹ А. Х в о р о с т а н с к и й. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 65—66.

вывозят казахи, идущие на север на летовки до 1200—1300 верст, там на месте нет условий ни для сенокосения, ни для развития земледелия, что и заставляет этих постоянных кочевников проводить на зимовках месяца 2—3, все же остальное время передвигаться, встречая по дороге места, преимущественно бедные растительностью. Автору настоящего доклада пришлось видеть в 1909 г. сыр-дарьинских казахов, возвращающихся в сентябре с кочевок под Троицком»²⁷⁰. Предки этих кочевников приблизительно до конца XVIII в. также совершали регулярные кочевые передвижения весной на север, осенью на юг в меридиональном направлении и находились зимой в бугристых песках больших массивов, как, например, Приаральские Кара-Кумы, Малые и Большие Барсуки, Муюн-Кумы, Кзыл-Кумы, плато Устурт и др.

У таких кочевников стада состояли преимущественно из овец как главного источника существования (молоко, мясо для пищи, шерсть для одежды и жилища), верблюдов как главного средства передвижения, а также источника мяса, молока и шерсти и отчасти табунных лошадей. Совершенно отсутствовал у них крупный рогатый скот. Все виды пастбищ, водопой, снежный покров, коны и старые колодцы использовались «в своей первичной неограниченности» всеми кочевниками в местах, где происходило кочевое передвижение. На такой обширной территории любой скотовод мог останавливаться на любом месте в любое время года. Тот, кто прибыл первым, занимал то место, которое ему понравилось. Споры могли возникнуть в особо критических случаях, когда два представителя — кошбасши (разведчик) двух разных аулов почти одновременно являлись к месту будущей остановки своих аулов. Таким местом могли быть старые колодцы, когда не было снега, или коны, когда был снег и стоял мороз. Но и эти споры разрешались патриархальным способом. «Если один из спорящих бий, а другой — известный в целом роде аксакал, старейшина, то уступка делается в пользу последнего. Если спор происходит между бием и простым казахом, то спорное место остается за первым. Если спорящие простые люди, то уступка делается старшему летами. Этому же следуют при столкновениях двух биев, двух аксакалов. При равенстве спорящих принимается в соображение старшинство рода или отделения»²⁷¹.

---

²⁷⁰ В. Я. Бенъкевич. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3, Оренбург, 1918, стр. 30.

²⁷¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. I, Ташкент, 1889, стр. 111.

Из такого факта С. Зиманов делает вывод: если при споре между бием и простым казахом уступка делалась первому, то это означает, что бий был собственником земли. Он пишет: «Это правило отражает своеобразную систему феодального вассалитета в казахском обществе»²⁷². Это — явно ошибочное мнение.

На самом деле, если согласиться с таким мнением С. Зиманова, то как понять, почему бий делал уступку аксакалу, старшему по возрасту? Почему при споре между двумя простыми казахами предпочтение оказывали старшему по возрасту или же при столкновении двух биев или двух аксакалов одинакового возраста в соображение принимали старшинство рода или отделения? От ответа на такие вопросы С. Зиманов явно уклоняется и, вероятно, потому, что их не могло быть при существовании монопольного права феодала-землевладельца, при существовании системы феодального вассалитета (!) Среди казахских кочевых скотоводов никакой частной собственности на землю не было, следовательно, не было и никакого «феодального вассалитета». Иначе невозможно объяснить такой порядок занятия временной стоянки аула: «Разведчик (кошбасши. — С. Т.), найдя новое место, например, колодезь незанятым, ставит около него знак (бельги), копые или вещь, или чертит на земле тамгу, или связывает пучком высокую траву, выросшую у колодца или родника. Видя знак, другие уже не выбирают это своим стойбищем. Если вожак кочующего общества выбрал для него место и, не отметив его ни одним из перечисленных знаков, отправится для осмотра окрестных пастбищ, а по возвращении найдет, что вожак другого аула успел занять его место, то заявление первого вожака не принимается в уважение»²⁷³.

С. Зиманов, собрав в одну кучу различные, не связанные между собой факты, пишет: «Казахские ханы Тауке, Абулай, Абулхайр, Нурали, Джангер и другие... выдавали феодалам специальные ханские ярлыки на право владения определенными пастбищными угодьями»²⁷⁴. И еще: «Н. И. Гродеков указывает, что некоторые представители знати, управлявшие родами во второй половине XIX века в Сыр-Дарьинской области, сохранили у себя ханские ярлыки, в свое время выданные им на право владения известными угодьями»²⁷⁵. Это чистейший домысел. Историческая наука по-

²⁷² С. Зиманов. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 63.

²⁷³ Н. И. Гродеков. Указ. работа, стр. 110—111.

²⁷⁴ С. Зиманов. Указ. работа, стр. 63.

²⁷⁵ С. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 145.

ка не обнаружила ни одного факта, говорящего о том, что кочевые ханы XV—XVIII вв., в том числе Тауке, Аблай, Абулхаир и Нурали, когда-либо и кому-либо выдавали ярлыки «на право владения определенными пастбищными угодьями». Вызывает удивление, почему С. Зиманов, сказанное в работе Н. И. Гродекова о ярлыках, выданных в середине XIX в. кокандским ханом или его казиями и беками на право пользования орошаемыми полями киргизским оседлым земледельческим родам, приписывает казахским ханам XV—XVIII вв. Нетрудно убедиться, что в цитате, на которую ссылается С. Зиманов, говорится об орошаемых полях земледельцев-киргизов, а не о пастбищах казахских кочевников: «У кара-киргизов арыки и колодцы принадлежат тем, кто впервые вырыл их... Если на засеваемую двумя родами землю одна из сторон заявит претензию к другой и во время расследования окажется, что одна сторона имеет документ, а другая его не имеет, так же не имеет *ханских, казийских или бекских* (подчеркнуто нами. — С. Т.) документов о том, что земля эта между обоими родами общая, то сторона, имеющая документы, может отказать другой в пользовании землей»²⁷⁶.

На отсутствие каких-либо ограничений в использовании пастбищ среди кочевников указывается во всех документах, касающихся кочевого скотоводства казахов. «Известно, что у казахов, по условиям их кочевой жизни и при ежедневной перемене места кочевания, согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности»²⁷⁷.

В очерке работ Тургайско-Уральской переселенческой организации сказано: «Кочевое лето и зимой пастбищное скотоводство при значительном просторе пастбищ предполагает полную свободу пользования ими: любой аул может разбить кибитки в любом месте степи, лишь бы в данный момент оно не было занято другими аулами»²⁷⁸.

Такие же факты регистрировали статистики Переселенческого управления в 1910 г. в Семиреченской области. Они писали: «На громадном пространстве песков, между реками Или и Караталом, исследователям Капальского уезда пришлось наблюдать еще одну любопытную форму кочевания. Это, так называемое «вечное кочевание». Казахи этой категории не имеют определенных зимних стойбищ, нет у них

²⁷⁶ Н. И. Гродеков. Указ. работа, стр. 105, 106.

²⁷⁷ Л. Баллюзек. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона. «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 212.

²⁷⁸ См.: «Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации». Оренбург (без года изд.), стр. 67.

также выработанной из года в год повторяющейся системы в смене определенных пастбищных территорий, и кочевание их происходило по всему пространству между реками Или и Караталом в течение круглого года»²⁷⁹. Это было явным пережитком былого кочевого образа жизни казахов на территории данной области. Таковы неоспоримые факты, которые изложены в многочисленных литературных и архивных документах.

Глубже понять специфику хозяйства и образ жизни казахских кочевников помогают их надгробные сооружения или могильники. Эти памятники необходимо рассмотреть еще и потому, что о них имеются различные суждения. У кочевых казахских скотоводов могильники встречаются на всей территории их кочевого передвижения, так как покойников хоронили в местах их смерти. Могильники обычно устраивали на возвышенности. Многие географические названия в казахской степи и пустыне возникли в разное время и названы по имени покойников, которым ставили памятники самой разнообразной формы: Карамола, Торкпулак, Уйтам, Мунара и др. Они были почти единственными памятниками материальной культуры кочевников. Сошлемся на факты. В 1894 г. в одной из статей В. Шнэ отмечал, что «в открытой, безграничной степи, где ничто не останавливает на себе утомленного однообразием взгляда, где один ровный ковер богатой флоры окрашивает все окружающее, бесконечную равнину и отдаленный горизонт в один цвет, могилы, в увеличенном от разряженного знойными лучами воздуха виде, еще издали приковывают взор. Эти могилы, одиноко стоящие в неприглядной степи, служат усыпальницей или богатому казаху, или славившемуся некогда своим умом бию, или просто доброму человеку»²⁸⁰.

По мнению некоторых историков, такие памятники якобы показывают, что данный участок степи или пустыни был частной собственностью этого покойника²⁸¹.

Защитая такую позицию, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «Многочисленные плодородные земельные участки назывались по имени своих владельцев — феодалов. Так, например, урочище Кучен-тоган получило название от своего вла-

²⁷⁹ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. II, Капальский уезд, СПб., 1913, стр. 195.

²⁸⁰ В. Шнэ. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1 и 2, стр. 14.

²⁸¹ Имеется в виду выступление бывшего директора Института истории СССР А. П. Сидорова 30 мая 1953 г. в г. Алма-Ате при обсуждении макета первого тома «Истории Казахской ССР» (изд. 3).

дельца Ирали Кучена»²⁸². При таком утверждении опять-таки бросается в глаза игнорирование вида материального производства народа, места и времени. Слово «тоган» — это не название урочища или пастбища, как утверждают С. Зиманов и А. Еренов, а главный канал, от которого идет вода по оросительным канавам. О таком «тогане», существовавшем в 1913 г. в Капальском уезде, сказано: «Кроме головного арыка, мы имеем второстепенные арыки и затем уже поливные борозды; одновременно здесь поливают обычно в стольких местах, сколько выведено второстепенных арыков; далее, наконец, кроме головных (тоганов) и второстепенных, бывают арыки третьестепенные и т. д.»²⁸³. В Джаркентском уезде в 1912 г. зарегистрировано, что «пашни общины расположены на призимовочной территории, на урочище Нура по арыкам: Аламан-тоган, Теректы-тоган и Коктасты-тоган; они находятся в исключительном пользовании у данной общины»²⁸⁴. О казахской общине № 95 Лепсинского уезда в 1911 г. говорилось, что жители этой общины «заняли данную территорию 35 лет тому назад, после «комиссии» 1865 г. ...Описываемая община, как и смежная с ней община № 94, — чисто земледельческая, или во всяком случае, земледелие имеет первенствующее значение в ее хозяйстве... Пашни — по вл. Джаланаш, в обособленном пользовании общины. Тоган «Джаланаш» выведен 35 лет тому назад. Воды хватает для полива пашен, и поэтому очередей полива нет»²⁸⁵.

Такого рода ирригационные сооружения, как тоганы и другие оросительные каналы, разумеется, строились в районах не кочевого скотоводства, а орошаемого земледелия. Поэтому примеры, приводимые С. Зимановым и А. Ереновым, не доказывают того, что они утверждают.

В действительности надгробные памятники в казахской степи, сооруженные в период полного кочевого образа жизни народа, ничего не говорят о наличии частной земельной собственности. Они свидетельствуют лишь о том, что именно на этом месте умер такой-то человек и его здесь похоронили.

²⁸² С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института, т. 1, Алма-Ата, 1955, стр. 50.

²⁸³ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцова», т. II, Капальский уезд. СПб., 1913, стр. 123.

²⁸⁴ «Материалы по обследованию...», т. III, Джаркентский уезд, СПб., 1912, стр. 218.

²⁸⁵ «Материалы по обследованию...», т. I, Лепсинский уезд, СПб., 1911, стр. 224.

Состоятельные родственники и дети умершего считали своим долгом увековечить память о покойном и строили ему памятник в степи или пустыне на видном месте. Это бесспорное положение подтверждает Ю. Шмидт в своей статье «Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина». Он пишет, что казахи оставляли могильники по своему своему кочевому пути.

Только на протяжении 68 верст он зафиксировал девять могил, которые были известны в народе как названия местностей. «У ключа Толегена находится казахская могила Кайке, а у подошвы сопки Булат виднеется могила Утебая. Направляясь в юго-восточном направлении по караванной дороге, находим на 18 версте казахскую могилу Кемпир-мола... На 26 версте минуем могилу Кий-Кым, на 31 версте — могилу Момахан... Далее на 41 версте слева у дороги находятся засоренные ключи без воды Тасджарган; минуя бугор Джонды-оба на 56 версте с рядом солонцоватых такырных котловин, на 68 версте от ключа Толегена достигают урочища Шайтан-Сиймеса и колодец Бесбакыр с казахскою рядом с ним могилою Чуйбека»²⁸⁶.

Такую же картину можно наблюдать на всей пустынной, полупустынной и сухостепной территории Казахстана. Например, по личному наблюдению автора, в Казалинском районе Кызыл-Ординской области на правом берегу р. Сыр-Дарья находится железнодорожная станция Байхожа, свое название она получила от когда-то находившегося здесь могильника Байхожа. Рядом со станцией стоит мунара Нурум, построенная лет на 30 раньше железнодорожной станции, т. е. в 70-х гг. XIX в., на северо-восток от нее около 2 км на бугорке расположен турткулак Алмас. Севернее его на 5 км стоит турткулак Жаркымбай, в 5 км от него имеются три сопки Ушкара и рядом уйтам Терекбай. От Терекбая на север на бугорке в 9 км расположен турткулак Кожабек, а западнее на 8 км виднеется мунара Жумаш. На севере Жумаша начинается песчаное пространство Дадик-Кум, опять-таки названное по могильнику²⁸⁷. На северном конце песков Дадик-Кум находится турткулак Ербекет, а севернее Ербекета возвышается перевал (шинг) Есреп, названный также по имени человека. На перевале есть турткулак Мангы-

²⁸⁶ Ю. Шмидт. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина. «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1 и 2, стр. 73.

²⁸⁷ Здесь была могила Дадик-батыра, о котором 20 ноября 1748 г. казачий агама Ясман Абрезяков сообщал, что среди лиц, посещавших Батыр-султана, который хотел стать ханом, были: «Чомекай Ванбек, Дадик-батыр». «Материалы по истории КазССР (1741—1751 гг.)». Под ред. М. П. Вяткина, т. II, ч. 2, Алма-Ата, стр. 276.

бай. С этого перевала в саксаульно-дюзгенной пустыне видны в разных сторонах уйтам Тлес и колодцы с могильниками: Айтимбет, Дарбас, Буха. Таким образом, на расстоянии каких-нибудь 40—50 км пути по Приаральским Кара-Кумам обнаружено 15 могильников.

Причем подобные памятники в большинстве сооружены в таких местах, где кочевому аулу со стадами и табунами нельзя было оставаться более одного или двух дней.

О казахских могильниках, существовавших еще в XIII—XIV вв., Н. М. Карамзин писал: «Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих»²⁸⁸.

По нашему мнению, могильники, расположенные в степи и пустыне, никак не могут являться памятниками частного землевладения казахских кочевников.

Фактические размеры землепользования каждого скотовода на территории кочевого передвижения определялись имеющимся у него количеством скота. Поэтому крупные кочевые скотовладельцы были и крупными потребителями дикой флоры.

Такими основными чертами характеризовалось круглый год кочевавшее скотоводческое хозяйство, существовавшее в истории казахского народа в XV—XVIII вв.

Ко второму типу пастбищно-экстенсивного скотоводства относилось полукочевое скотоводство. Такой тип казахского хозяйства был переходным от чисто кочевого к оседлому. Причем в зависимости от конкретных экономических и природных условий одна часть полукочевого типа хозяйства тяготела к оседлому земледельческому, приобретая черты скотоводческо-земледельческого хозяйства, тогда как другая — к старому полному кочевому типу, заимствуя черты чисто скотоводческого хозяйства, но уже имеющая постоянные зимовки и занимающаяся сенокосением. Основным признаком полукочевых хозяйств было пребывание на одном месте не менее шести месяцев в году. Образ жизни таких скотоводов в полном смысле этого слова не был кочевым. Возникновение такого типа хозяйства в казахском обществе относится к концу XVIII — началу XIX в. Оно произошло под непосредственным политическим и экономическим влиянием России.

Полукочевые хозяйства в процессе кочеваний дольше ос-

²⁸⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, М., 1903, стр. 32—33.

тавались на одном месте, передвигаясь на сравнительно небольшие расстояния. В результате такие скотоводы кочевали небольшое число дней, и длина кочевого пути в году была также незначительна. Это давало им возможность иметь закрепленные за собой участки земли с обширной призимовочной территорией. В составе их стад намного сократилось количество верблюдов и незначительно поголовье овец и коз, но зато появился новый вид скота, которого не было у вечных кочевников — крупный рогатый скот.

К концу XIX — в начале XX в. хозяйство казахов центральной части Казахстана характеризовалось полукочевым типом. Хозяйства такого типа накануне победы Великой Октябрьской социалистической революции составляли примерно 40—45% казахских скотоводческих хозяйств.

Свои зимовочные и призимовочные территории со всеми находящимися на них примитивными сооружениями (землянками, загонами для скота и колодцами, под названием корык) полукочевые скотоводы охраняли. «Корык составляет как бы собственность хозяйства, которой он (хозяин. — С. Т.) распоряжается по своему усмотрению»²⁸⁹. Однако почвенно-климатические условия казахстанских степей, низкий уровень развития производительных сил общества ограничивали расширение сенокосения и хлебопашества у таких кочевников. Тем не менее они имели постоянные постройки для скота и жилье. Такая форма землевладения полукочевников называлась общинно-аульной.

Совместное владение обособленной территорией являлось главным признаком общинно-аульной формы землевладения. Как правило, община выступала субъектом владения. Владеть землей, распоряжаться ею могла только община, а пользоваться землей — хозяйственные аулы или хозяева, входившие в ее состав. Возле кстау хозяйственные аулы зачастую имели клочки земли, предназначенные для выпаса зимой и ранней весной слабого скота, преимущественно овец. Эти клочки назывались кой-булюк. Ими пользовались исключительно хозяева из прилежавшего аула; без их согласия другие не могли пастись здесь свой скот. Хозяйственные аулы нередко состояли из одного хозяйства и, таким образом, кой-булюки оказывались в пользовании единичных хозяйств»²⁹⁰.

²⁸⁹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Павлодарский уезд», т. IV, Воронеж, 1903, стр. 19.

²⁹⁰ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. II, Кавальский уезд, СПб., 1913, стр. 99—100.

«Для полукошевого типа: естественно-исторические условия слабо благоприятствуют развитию земледельческой культуры. Здесь наблюдается сокращение кочевания, расширение поголовья крупного рогатого скота в стаде, расширение посевной площади, наличие сенокосения и полустойлового содержания скота и наличие постоянных жилищ»²⁹¹. Полукошевое хозяйство казахов было в основном хозяйством, занимавшимся сенокосением и в известной мере хлебопашеством. Формы землевладения внутри этого типа хозяйства в различных районах существенно различались в зависимости от естественных и экономических условий.

В период оседания на зимовки родовые группы занимали земли по соседству. Кроме того, каждый аул, численно увеличиваясь, распадался на более мелкие родственные группы. Получалась более сложная община с большим количеством хозяйств. При господстве у такой общины пастбищного скотоводства в общем пользовании находились только пастбища и притом не все. Особо ценные пастбища становились владением аула, затем семьи и передавались по наследству. Следовательно, уже здесь появляются элементы частной собственности на землю. В общих чертах основой этого типа хозяйства было скотоводство, рассчитанное на даровые силы природы. Скотовод стремился держать больше скота, в нем он видел свое богатство и почет. И, конечно, имея большие стада, он не в силах был обеспечить их сеном на целую зиму. Но понимая, какую роль играют запасы сена, он старался по возможности заготовить его побольше, а для этого требовалось получить на свою долю больше сенокоса. Одновременно казах убеждался в целесообразности занятия хлебопашеством и понемногу начал к нему приобщаться. «В конце концов, поземельные отношения, складывавшиеся до поры до времени на почве исключительно пастбищных интересов, осложняются вопросом о сенокосах и пахотных угодьях»²⁹².

При переходе к полукошевому скотоводческому хозяйству у казахов объектом длительного пользования в году становятся зимние стоянки (кстау). Для закладки их необходимо место, богатое растительным покровом и защищенное от холодных ветров. Поэтому кстау, как правило, находились в лесных, гористых местах, на берегах озер и рек с зарослями камыша и кустарника, высокими травами, в забугренных песках. У полукошевых скотоводов-казахов «...пастбища в большинстве случаев, за исключением ограни-

²⁹¹ См.: «Постановление СНК СССР от 30 августа 1928 года». «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 8, стр. 123—124.

²⁹² Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912, стр. 228.

ченных пространств вблизи самих зимовок, не строго разграничены и не строго охраняются... Границами в пастбищах, если это не естественная преграда — река, овраг, горная цепь, — являются или целые «общие» урочища, для всех доступные, или проектные линии, на которых соседский скот перемещивается невозбранно»²⁹³.

Такие полукочевники всегда проводили зиму на зимовке, за исключением особо неурожайных лет, когда приходилось отгонять часть стада и табунов в другие места. Весеннее, летнее и осеннее пастбища находились в общем пользовании с соседними группами населения, т. е. в форме более широкого общинного землепользования. Скотоводы могли летом откочевать от зимовок на 50—100 и более километров в зависимости от почвенно-климатических условий мест, имея в качестве выючных животных, как правило, верблюдов. По возможности всех умерших они хоронили около зимовок, но это не всегда им удавалось. Такой тип хозяйства до сих пор еще многие называют кочевым, хотя это определение не соответствует действительности. Приволжские калмыки, казахи Семиречья и многих других полужемледельческих районов Казахстана, население горной Киргизии, Туркмении и другие занимались скотоводством именно такого типа, а не кочевого в полном смысле этого слова.

Существование полукочевого типа хозяйства казахов с общинно-аульной формой землевладения можно показать на многочисленных фактах. Например, экспедиция Ф. Щербини зафиксировала такой характер землевладения у полукочевой группы населения Чингисской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области в конце XIX в. «На вопрос: «Поделены ли у них между аулами зимние пастбища?» Казахи Чингисской волости отвечали, что у каждого аула есть «нобай». Под этим словом они подразумевали приблизительное определение пределов пастбищ на словах и передаваемое от поколения к поколению: мой предок пас скот на этой солке, поэтому пользоваться ею вправе только я; или: отец, отделяя своих сыновей, указал им в общих чертах границы их пастбищ, и это служило руководством при пользовании зимними пастбищами и сыновьями, и их потомками. Из зимних пастбищ особенно строго оберегались пастбища, расположенные вблизи зимовок, и южные склоны солпок, на которых мало бывает снега. На удаленные более или менее от зимовок пастбища вообще мало обращалось внимания. Таким образом, у каждого аула создались обособленные зимние пастбища, которыми он имеет право распоряжаться по

²⁹³ См.: «Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации». Оренбург, 1890, стр. 68.

своему усмотрению — может продать или сдать их в аренду и может отдать в залог, в обеспечение своего долга; последним способом, в большинстве случаев, совершается переход кстау из одних рук в другие»²⁹⁴.

Для всей Семиреченской области в конце XIX — начале XX в., где казахское население территориально близко соприкасалось с оседлым русским, уйгурским и дунганским населением, была характерна полукочевая форма хозяйства. Здесь, как правило, скотоводство сочеталось с земледелием. Радиус кочевания был сравнительно небольшим — между высокими горными хребтами Тянь-Шаня и озером Балхаш. Строгое разграничение кочевых путей, проходивших через территорию оседлого населения, раздел всех видов пастбищ, включая прибалхашские пески Тау-Кум, Сыры-Ишык-Отрау, и широкое применение отгонно-пастбищного содержания скота, свидетельствуют о полукочевом типе хозяйства данного района. Поэтому экономическая жизнь семиреченских казахов в основном была почти такой же, как жизнь местного населения в скотоводческих районах Киргизии.

«Землевладение в полукочевой общине казахов № 1 Лепсинского уезда Семиреченской области характеризовалось следующими чертами: внутри общины каждый хозяйственный аул имел определенные границы прикставной территории, но при выпасе скота пастбища использовались общинно; на кстау и кузеу никаких границ не существовало и выпасали скот совместно, без каких бы то ни было ограничений, а джайляу находилось в общем пользовании с другими общинами. Аулы, входившие в общину, кочевали группой по одному пути, длина кочевых путей на джайляу и обратно достигала 200 верст. Зимой скот выпасали близ своих кстау. Поливные пашни и сенокосы находились в подворно-наследственном владении»²⁹⁵. Классическим примером землевладения полукочевых типа хозяйства с сохранением кочевания на более далекое расстояние может служить община № 45 Лепсинского уезда, описанная экспедицией под руководством П. П. Румянцева.

«Эта община распадается на две родовые группы: тубет и итпаклас. Кстау у нее при Балхаше, но в трех отдельных площадях: у итпаклас — на Тау-Куме, у тубета — на Кара-Куме (ур. Майбирюк и Кундакты-тау) и на Колдаре; послед-

²⁹⁴ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд», т. VI, СПб., 1905, стр. 59.

²⁹⁵ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. I, Лепсинский уезд, СПб., 1911, стр. 179.

нее урочище занято под кстау только со времени «комиссии» (1865 г.). Коктеу и кузеу сосредоточены около пашен на ур. Ай-бой, Уш-Тобе, Аяккараул-Тюбе и находятся в исключительном пользовании общины. Джайляу служит ур. Ольджемурат и Уш-Ащи, куда ходят, кроме этой общины, и многие другие. При кочевании, обыкновенно, объединяются в группы родственники — соседи по кстау и по пашням. Расстояние от кстау до джайляу 150—200 верст.

Первыми скочевывают потомки итпакласа и в перекочевках держатся отдельно. Пашни, принадлежащие исключительно данной общине, расположены в центре коктеу — кузеу; вода выведена 4 большими тоганами из р. Ай и, кроме того, из 2 запруд на ключах: Эспэ-булак и Эгень-булак. Большие арыки выведены 30—40 лет тому назад (т. е. в 70—80 гг. XIX в. — С. Т.). Первые посевы были сделаны 60 лет назад. Покосы есть только у потомков тюбета: расположены они в 1—3 верстах от кстау. Косить начали 50—60 лет назад.

На кстау — колодцы, только на Колдаре и Кундуктау; колодец, обыкновенно, принадлежит 4—5 хозяйствам. В остальных местах пользуются снегом. На пашнях, на каждом из арыков — своя очередь; регулируется водопользование «элюбасами». Пастбища на кстау поделены на массу мелких площадей, из которых каждая находится в исключительном пользовании 3—5 хозяев — ближайших соседей и родственников (большой семьи). На коктеу — кузеу вся площадь находится в совместном пользовании всей общины. Занятие мест при кочевках происходит по праву первого захвата. Пользование покосными местами самое разнообразное — есть и подворное, и захватное, и общинное (делят и участками и сеном). Пахотные места — в подворном пользовании»²⁹⁶.

Полукочевой характер скотоводства в Туркмении начиная с XVII в. объяснялся, как и везде, развитием и преобразованием в экономике края орошаемого земледелия, что приводило к сокращению пути кочевого передвижения скотоводов. Последние в безводной пустыне Кара-Кум летом привязывались к водным источникам — колодцам, в основном тоже используемым целыми общинными группами. У них была кое-какая регламентация в пользовании водой из колодца, но не пастбищами, где паслись овцы и верблюды.

Основная масса туркмен уже в XVII—XVIII вв. перешла к оседлости и занялась земледелием, именно этим можно объяснить проявление у них несколько раньше, чем у кзыл-кумских казахов, частнособственнической тенденции в использовании колодцев. «Туркмены, у которых в момент русского завоевания процветал если не кочевой быт (все туркме-

²⁹⁶ Там же, стр. 196—197.

ны занимались земледелием), то родовой строй и воинственные наклонности, под русским владычеством постепенно утратил воспоминания о прошлом, и вместо прежних набегов главным источником их дохода сделалось насажденное в Закаспийской области при русских хлопководство»²⁹⁷. Эти же черты образа жизни даже у туркмен пустыни Мангышлака отметила экспедиция Академии наук СССР 1926 г. «Туркмены ведут полуоседлый образ жизни. Они группами в 30—50 хозяйств живут в течение 2—4 месяцев около одного водного источника, за это время табуны пасутся отарами на расстоянии 20—30 км от аулов»²⁹⁸. Необходимо отметить такую особенность туркменских скотоводов, занимавшихся пастбищным скотоводством в пустыне: они, как правило, не были самостоятельными хозяевами, а представляли собой лишь часть оседлых земледельческих хозяйств оазиса. Например: «Селение или аул Багаджа расположен в юго-западной части Отамышской волости, а именно в той части ее, где Мервский оазис соприкасается с песками Кара-Кум, причём Мюлькьябская часть аула Багаджа как раз небольшой частью своих отдельных кибиток расположена на песках и там как бы побуждает своих поселенцев разбивать свое хозяйство на две части, а именно: на пастбищное — в песках для скота и земледельческое — в оазисе»²⁹⁹.

Следует подчеркнуть, что полукочевой тип хозяйства в песчаной пустыне Туркмении, несмотря на свои особенности, имел ту же закономерность, которая была присуща любому полукочевому типу хозяйства и проявлялась в виде сочетания скотоводства с земледелием. Такими же полукочевниками в аналогичных природных условиях Аравии являются «полуфеллахи». Они «представляют собою известную переходную категорию от кочевников к оседлым жителям. Они занимаются в основном земледелием; в период зимних дождей и жаркого весеннего времени они ведут оседлый образ жизни, живя в незатейливых хижинах или шатрах при возделываемых ими земельных участках. Так как земледелие не дает достаточных средств к жизни, то в остальное время года они занимаются скотоводством, кочуя со своими стадами и домашним скарбом в соседних с пашнями районах в поисках пастбищ»³⁰⁰. Ф. Энгельс указывает, что германцы в начале

²⁹⁷ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 121.

²⁹⁸ См.: «Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР», вып. 13, серия Казахская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 102.

²⁹⁹ С. Увизкий. Туркменское пастбищно-земледельческое хозяйство. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924, стр. 75.

³⁰⁰ Е. Вейт. Аравия. М., 1930, стр. 13.

нашей эры жили в первобытном лесу, не имели еще прочной оседлости, они возили с собою все на повозках и перекочевывали со своими стадами. Однако их нельзя было считать настоящими кочевниками. В этот период земледелие служило лишь «подсобным источником существования для полукочевых воинственных племен, медленно продвигавшихся по средневропейскому лесным равнинам»³⁰¹.

Следовательно, сочетание экстенсивного скотоводства с зачатками земледелия было характерно и для древних полукочевников — германцев. Аналогичную картину землепользования с установлением некоторых границ можно наблюдать у всех полукочевых народов, таких, как киргизы, горные алтайцы, буряты, хакасы, тувинцы и другие, которые жили в горах и лесистых местах. Например, хозяйство горных киргизов в начале XX в. характеризовалось как полукочевое, полуземледельческое. «Весною все они кочуют на 25—30 верст от зимовок: время пахоты и посева приходится на конец апреля, продолжается не больше 4—5 дней, а в начале мая начинается кочевание на джайляу. Наряду с земледелием эти хозяйства отчасти интенсифицируют и животноводство, заменяя овец крупным рогатым скотом и лошадьми. Запас корма на зиму, благодаря посевам, также увеличивается (болома, мякина)»³⁰². При таком типе хозяйства постепенно происходило закрепление отдельных участков земли, прежде всего сенокосно-пахотных угодий, за известными группами хозяйств и даже за отдельными лицами. «Первым земельным участком, — писал Ф. Энгельс, — перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом. Неприкосновенность жилища — эта основа всякой личной свободы — была перенесена с кибитки кочевника на бревенчатый дом оседлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу... Вся остальная земля, т. е. все, что не входило в усадьбу и в пахотный надел: лес, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли, — оставалась, как и в старину, общинной собственностью, предназначенной для совместного пользования»³⁰³. Эти положения Ф. Энгельса говорят об общей закономерности процесса, происходившего на первых порах оседания почти у всех народов, в том числе у полукочевых народов Аравии, Средней Азии, Казахстана, Сибири и др.

К третьему типу скотоводческого хозяйства относилось пастбищно-экстенсивное, почти оседлое скотоводство. Такой

³⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 450—451.

³⁰² М. Стеценко. Горно-кочевое хозяйство. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924, стр. 38.

³⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 332, 335.

тип скотоводства в Казахстане был характерен главным образом для горных, лесных и лесостепных мест с естественными водоемами и с богатым растительным покровом.

Казахские скотоводы этого типа хозяйства имели постоянные зимовки, постройки для скота и жилье, занимались сенокосением и хлебопашеством. Летом скотоводы устанавливали переносные жилища, которые до зимы перевозили на телегах, запряженных коровами и т. д., на небольшие расстояния, в общей сложности не более чем на 5—10 км. Сельскохозяйственные работы—косьба трав, уход за посевами, строительство помещений для жилья и скота не позволяли им уходить далеко от своих зимовок. В стаде у них имелись те виды животных, которые были более продуктивны и пригодны для земледелия в качестве рабочего скота. «Для оседлого типа хозяйства: естественно-исторические условия благоприятствуют как поливному, так и богарному земледелию. Земледелие здесь является одним из основных занятий населения и дает доходы значительно больше, чем скотоводство и прочие отрасли сельского хозяйства. В этих районах население живет в постоянных жилищах, выкочевывание на 5—10 верст от селения не является признаком кочевания»³⁰⁴. Такие оседлые скотоводческо-земледельческие хозяйства были крепко привязаны к земле. Накануне Октябрьской социалистической революции они составляли около 25—30% всех казахских хозяйств.

Оседлые жители умерших хоронили около своих зимовок, следовательно, могильники могли быть свидетельством их привязанности к данному участку.

У оседлых скотоводов вся хозяйственная территория под названием «корык» тоже охранялась от посторонних родовых групп. В пределах родовой группы использование пастбищ было общим, причем регламентировано по временам года и видам скота. Но во владении отдельных аулов и лиц находились призимовочные территории, сенокосные и пахотные угодья.

Например, казахи общины № 40 Лепсинского уезда жили в урочищах Каинды, Чубар-айгыр и Кара-булак. «Во время «комиссии» 1865 г. земли эти «записали» за собой и установили с соседями границу, живут теперь обособленной группой. Кочевки, в полном смысле этого слова, нет, а выходят из зимовок в юрты и стоят от кстау верст за 3—5. Внутри общины пастбища используют общинно, только каждый хоз. аул охраняет прикставные сенокосы и пастбища для зимы.

Пашни неполивные, прикставные — в подворно-наслед-

³⁰⁴ См.: «Постановление СНК КССР от 30 августа 1928 г.». «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 8, стр. 123—124.

ственном пользовании, поливные мелкими участками разбросаны в разных местах по ключам, даже нет арыков, — и тоже в подворно-наследственном пользовании»³⁰⁵.

Такая форма землевладения также называлась общинно-аульной. Элементы частной собственности на землю, появившиеся сначала в условиях полукочевого типа хозяйства, здесь получили свое дальнейшее развитие. Об этом говорят многочисленные случаи купли и продажи зимовок среди осевших казахов. Экспедиция Ф. Щербины в 1897 г. такие факты зарегистрировала в Павлодарском уезде Семипалатинской области.

«В горном районе мы встречаемся с любопытным явлением сдачи в аренду и продажи кстау. Так, например, в гр. № 144, аул № 23 VIII ст. Аккелинской волости купил землю «25 лет тому назад за 600 рублей, раньше ею владели аулы № 11—15 I ст. той же волости» (III район). Гр. № 120 купила кстау 30 лет тому назад у какого-то бедняка за 200 овец; купленная территория в 407 дес., значит 2 десятины пошли за 1 овцу. Гр. № 341, «5 лет тому назад Тайше (аксакал аула № 6 VI ст.) и Елеуш (аксакал аула № 7 VI ст.), обедневшие вследствие джута, продали навсегда свои кстау киргизам Карамолинской волости: первый — Чокебаку (аул № 6 VII ст.) за 70 овец и 1 лошадь, а второй — Баймагамбету (аул № 6 VIII ст.) за 75 овец и две дойные коровы с телятами. Пробыввшие года четыре по чужим кстау, Тайше и Елеуш снова вернулись, с разрешения новых владельцев, на свои прежние кстау, причем Елеуш теперь уже должен платить Баймагамбету по одной овце в год за право пользования пастбищами. В настоящее время все 4 аула пользуются совместно зимними пастбищами, хотя эти пастбища и поделены между двумя аулами»³⁰⁶.

Другой пример. «В этой общине 570 десятин, купленных за 170 баранов, значит за 1 барана было куплено более трех десятин. Гр. № 354, за исключением аулов № 9—10 III ст., объединяется общим родоначальником Бекше. Аулы № 9, 10 III ст. в настоящее время по отношению к данной группе являются как бы припущенниками, хотя на самом-то деле они коренные владельцы земель, где теперь образованы аулы № 2, 3 I ст. Дело в том, что 15 лет тому назад Алимбай

³⁰⁵ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. I, Лепсинский уезд, СПб., 1913, стр. 194.

³⁰⁶ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, под общим руководством работами по уезду Л. А. Чермака. Семипалатинская область, Павлодарский уезд», т. IV, Воронеж, 1903, стр. 19.

(аул № 10) будто бы сдал в аренду принадлежащие ему кстау аулу № 2 I ст. за 4 лошади, сроком на 25 лет, с правом совместного пользования пастбищами; Жилкыбай же (аул № 9) 20 лет тому назад продал навсегда свое кстау аулу № 3 I ст. за 4 кулунды-бие, одну лошадь, две бзаулы си-пр, причем сам выселился отсюда. Шесть лет тому назад Жилкыбай в количестве 8 хозяйств снова вернулся на свое кстау уже с согласия Абадыльды (аул № 3), купившего кстау. В настоящее время Жилкыбай и его родичи очутились по отношению к новым владельцам кстау как бы в крепостной зависимости; за право пользоваться своими бывшими пастбищами они принуждены работать на Абадыльду, исполнять всевозможные поручения его и проч.»³⁰⁷.

Такой тип оседлого скотоводства, осложненного сенокосением и земледелием, ошибочно также называли «кочевым». В конце XIX и начале XX в. к этому типу хозяйства относилось скотоводство у дагестанцев, бурятов, горных киргизов и алтайцев, якутов, казахов северных, северо-восточных и северо-западных районов Казахстана.

Алтайские теленгиты (телесы), населявшие Чолышманскую долину и плоскогорье по Улагану и Башкаусу, с давних времен вели полукочевой или оседлый образ жизни со скотоводческо-земледельческим хозяйством. Полукочевые алтайцы летом жили в долине, где у них были пастбища и пашни, на зиму уходили в долины ближних речек, где находились их зимовки с запасом сена, а оседлые алтайцы круглый год жили в долине, перенося свои аулы лишь на небольшие расстояния и занимаясь хлебопашеством и сенокосением³⁰⁸. Несмотря на это, многие авторы до сих пор называют горных алтайцев кочевниками, что не соответствует действительности. Также не верно думают и о якутах, хотя еще до встречи с русскими они занимались сенокосением. Основным видом работы у якутов было «косение сена, как ни мало его требовалось тогда; по-видимому, тогдашние лето и зима были равны по продолжительности, но в иной год (зима. — С. Т.) была дольше обыкновенного, запас сена истощался и скот погибал; таким путем количество скота уменьшалось или вовсе скот переводился»³⁰⁹.

В начале XX в. подворное пользование сенокосами (пай, по выражению казахов из районов, соприкасавшихся с ка-

³⁰⁷ Там же, стр. 23.

³⁰⁸ Ин. И. Тыжков. Из алтайских этюдов. Чолышманская долина. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 99.

³⁰⁹ Э. К. Пекарский. Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 150.

заками) было распространено у оседлых казахских скотоводов Уральского и Темирского уездов Уральской области, Кустанайского, Актюбинского и Тургайского уездов Тургайской области. Этими сенокосами, как правило, были ближайшие к зимовкам приречные, озерные, болотные (копа) и лесные угодья.

Для оседлого скотоводческого хозяйства казахов, как верно отмечает П. Хворостанский, стало характерно наличие рогатого скота. Оседлые казахи, занимавшиеся наряду со скотоводством и земледелием, а потому имевшие запасы сена и соломы, стали придавать большее значение разведению крупного рогатого скота, а не других видов животных. В таких условиях аульно-земельная община стала ограничивать «в некоторых случаях права своих сочленов в пользовании общими угодьями, а в иных и семейною собственностью, так называемыми «кой» и «ата»-буликами и покосными паями»³¹⁰. Однако быстрый рост степного сенокосения и хлебопашества приводил к захвату богачами большей части волостной территории, удаленной от зимовок. «Общинно-аульная форма землевладения не регулирует размера пользования каждого члена, не предупреждает захвата со стороны сильного, отбирает излишний покос у одного в пользу другого (для новой кибитки), но всегда у бедняка и в пользу богача, а не наоборот»³¹¹.

При всем своеобразии общинно-аульной формы землевладения, существовавшей в оседлом скотоводческо-земледельческого типа хозяйстве казахов, обусловленном пережитками патриархально-родового быта, она все же постепенно приводила к таким порядкам, которые существовали в русской общине в Казахстане.

Правильно писал Т. И. Тихонов, что первым шагом в оседании казахов было устройство постоянных жилищ, вторым — развитие сенокосения, третьим — и, может быть, самым важным — занятие земледелием. В тесной связи с этим находятся сокращение перекочетов во времени и в пространстве, удлинение срока пользования призимовочными пастбищами, более интенсивное зимнее содержание скота. «В конце концов, получаются казахские общины, сохраняющие только видимость формы кочевого быта: круглый год они держатся около своих зимовок, откочевывая на лето не более как на 5—6 верст; зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же, рогатый скот и рабочих

³¹⁰ П. Хворостанский. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 68.

³¹¹ П. Хворостанский. Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства. «Тургайская газета», 1906, 26 марта.

лошадей кормят всю зиму сеном, почти все занимаются земледелием»³¹². У таких скотоводов «пользование естественными лугами подворно-наследственное, т. е. участок сенокоса переходит от отца к сыну, или же общинно-передельное, причем от времени до времени, иногда через год—два, сенокос переделяется между членами данной группы поровну»³¹³. Весьма близок к такому образу жизни казахов был образ жизни оседлых якутских скотоводов XVII—XIX вв. В XVII в. «они имели постоянные жилые постройки, но по несколько раз в год переселялись из одного жилища в другое, по крайней мере, — из зимних в летние. Уже в документах XVII в. упоминаются «зимние юрты» и «летние юрты»... Зимники устраивались поблизости от покосных мест, и там ставились стога сена для скота на зиму, летом же и скот, и хозяева его перебирались к летним пастбищам. Поселки, или «улусы», были мелки: по несколько юрт»³¹⁴.

При оседлом скотоводстве, когда существуют у каждой общинно-аульной группы закрепленные за нею летние и осенние пастбища, колодцы или запруды являются собственностью этой группы населения или отдельных лиц.

Оседлые казахские скотоводы Омского, Петропавловского, Павлодарского, Семипалатинского, Кустанайского, Актобинского, Уральского и других уездов дореволюционного Казахстана, разделенные на общинно-аульные группы, в местах, бедных открытыми водоемами, имели свои колодцы в центральной части летовочной территории. При этом каждая общинно-аульная группа занимала только свои колодцы и гоняла скот в сторону своих зимовок. «Безводная часть степи (шуль) свободна летом от дележа и охраны, но с выпадением снега, когда сгоняются зимние табуны, и на ней намечаются границы, строго соблюдаемые в плохие годы»³¹⁵.

К использованию поливных пашен и покосов, устроенных с запрудой или арыком на земле какой-либо общинно-аульной группы, допускались все лица, принимавшие участие в строительстве запруды или арыка. Доля пользования определялась размером затраты денег, личного труда или скота, приравняваемых к какой-либо единице, чаще всего к

---

³¹² Т. И. Тихонов. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайские ведомости», 1901, 10 марта.

³¹³ Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912, стр. 227.

³¹⁴ С. В. Вахрушин и С. А. Токарев. Якутия в XVII веке. (Очерки). Якутск, 1953, стр. 70—71.

³¹⁵ П. Хворостанский. Киргизский вопрос в связи с колонизацией, стр. 71.

одному барану³¹⁶. При таком положении, конечно, больше других мог получить поливной пашни и покосов тот, кто был богаче (бай). У оседлых чуйских казахов «каждый член данной группы хозяев, имеющий свой «тоган», то есть главный арык, несущий воду из реки, сделанный трудом многих лиц нескольких поколений, имеет равное с прочими право на пользование водой для орошения и получает ее в течение равного с прочими промежутка времени, то есть каждый хозяин, участвовавший в работах по проведению или ремонту «тогана», получает равное с другими количество воды»³¹⁷. Подобный порядок существовал во всех районах до-революционного Казахстана, где имелись поливные пашни и луга.

Таковы были основные признаки оседлого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в.; этот тип хозяйства нельзя путать ни с кочевым, ни с полукочевым.

Пережитком существовавшего при полном кочевом образе жизни механического определения фактического размера землепользования количеством скота является зарегистрированный экспедицией Ф. Щербины в конце XIX в. в полукочевых и оседлых общинных аулах Акмолинской и Семипалатинской областей, а также отмеченный экспедицией под руководством П. П. Румянцева в первом десятилетии XX в. порядок распределения сенокосов и сена в Семиреченской области. Здесь казахи занимались сенокосением и хлебопашеством. Но сенокосы или совместно скошенное аулом сено они распределяли по количеству скота. Например, «IX общества Кутуркульской волости сенокосы распределяются между хозяйствами «в соответствии с количеством скота»; в аулах № 1 и 2 II общества той же волости сенокосы были разделены между хозяевами 25 лет тому назад раз навсегда «по количеству скота»; но в неурожайные годы сенокосы переверстаются между теми же хозяевами также «по количеству скота»³¹⁸. «Всегда многоскотным, или что то же, богатым, дают покосы больше. При косьбе и дележке сена копнами единицей служит косец, но и в этих случаях многоскотным достается больше сена, чем бедня-

---

³¹⁶ См.: «Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации». СПб., 1890, стр. 77.

³¹⁷ Л. К. Чермак. Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912, стр. 226.

³¹⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд», т. I, Воронеж, 1898, стр. 125.

кам»³¹⁹. «Покосы на кстау в общем пользовании; ежегодно делаются на участки сообразно потребности в сене каждого отдельного хозяйства, т. е. по количеству скота»³²⁰. «Самый дележ сена производится или по числу косцов, которых бывает по одному от хозяйства, или (реже) — по количеству скота (гр. № 143, 277, 78 и др.). В гр. № 45 «весь покос скашивается группой и делится по количеству скота между всеми хозяйствами»; в гр. № 36 «весь покос косят сообща и делят сено между всеми аулами, принимая в расчет число хозяйств (платящих подать) в каждом ауле. Каждый аул, в свою очередь, делит между всеми домохозяевами по количеству скота»³²¹.

«В материалах по киргизскому землепользованию Акмолинского уезда» говорится: «Наиболее выразительная форма общего пользования — совместная уборка сена с последующим разделом сена, не везде является вполне уравнительным пользованием. Обычно раздел копен производится по числу косцов, но не всегда число косцов совпадает с числом хозяйств; чаще бывает так, что богатые хозяйства составляют по два и более косцов. *Вообще преобладает раздел сена сообразно потребностям хозяйства в сене — по количеству скота.* Причем бедняки за отданное богачам лишнее сено иногда получают возмещение в виде права временного пользования молочным и ездовым скотом богачей... Сенокосы здесь обособлены по отдельным аулам и внутри аулов ежегодно делаются на подворные участки, причем *размер пая соображается с количеством скота каждого хозяина*»³²² (подчеркнуто нами — С. Т.). Приведенный в данном документе факт о том, что «бедняки за отданное богачам сено иногда получают возмещение в виде права временного пользования молочным и ездовым скотом богачей», говорит о многом. Он соответствует такому указанию К. Маркса: «Где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер»³²³. Гос-

³¹⁹ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. IV. Верненский уезд, СПб., 1913, стр. 105.

³²⁰ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Петропавловский уезд», т. XII. Чернигов, 1908, стр. 1.

³²¹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Павлодарский уезд», т. IV, Воронеж, 1903, стр. 23—24.

³²² См.: «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Акмолинский уезд», т. III, ч. I, СПб., 1907, стр. 121—122.

³²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

подство пастбищно-экстенсивного скотоводства в условиях оседлой жизни с зачаточной частной собственностью на землю среди казахов привело к тому, что казахские бедняки, занимавшиеся уже земледелием, эксплуатировались баями не путем сдачи им в надел или наем земли, а скота. Баи сдавали во временное пользование беднякам как рабочий, так и молочный скот, чтобы получить у них часть урожая или скошенного сена.

Один из знатоков дореволюционной жизни казахского народа Т. Седельников правильно определил характер землепользования в оседлых скотоводческо-земледельческих аулах. Он писал: «Вместо фактически существующего, но невыгодного бедным пользования землей «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково как для многоскотных, так и для совсем бесскотных. Иначе говоря, малосостоятельные слои оседлого населения степи уже достигли до сознания личного права на землю, соединяющего их психологию с психологией крестьянства, но зато идущего в разрез со всеми степными традициями, которые до сих пор в наиболее чистом виде сохранились у кочевников, а в более узком и ограниченном смысле поддерживаются и оседлыми на почве защиты вполне определенных интересов»³²⁴. Т. Седельников верно охарактеризовал исторический процесс развития земельных отношений у казахов от отношений в чисто кочевом хозяйстве до отношений в оседлом скотоводческо-земледельческом.

О таком процессе развития говорят факты из Павлодарского уезда. Там «разверстка сенокосных угодий внутри аулов производится или участками или скошенным сеном. В обоих случаях аулы распадаются на две категории: одна из них кладет в основание экономическую силу двора, принимая за разверсточную единицу определенное количество скота — делят по скоту, другая такой единицей считает двор, независимо от его экономической силы, и делит как участки, так и скошенное сено поровну... Из 98% опрошенных в этом отношении аулов, пользующихся покосами на общинных началах, делят: по скоту 302 или 30,8%, поровну — 680 или 69,2%»³²⁵.

Приведенные данные говорят об общей закономерности развития, которая имела место при переходе народов от кочевой жизни к оседлой. Например, у древних германцев,

³²⁴ Т. С е д е л ь н и к о в. Борьба за землю в киргизской степи. СПб., 1907, стр. 60—61.

³²⁵ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Павлодарский уезд», стр. 20.

когда еще стада составляли главное их богатство, все виды пастбища находились в общем пользовании. В дальнейшем в процессе оседания и развития земледелия появились элементы феодального землевладения. Крупные полукочевые скотовладельцы при переделах получали большие участки, которые потом закреплялись за ними как частные владения.

Иначе обстояло дело при полном кочевом скотоводстве. Обширность территории, хороший травостой были лишь необходимыми природными условиями и при отсутствии частной собственности на землю не могли служить средствами эксплуатации человека человеком. В условиях кочевого скотоводства ими являлись стада и табуны, находившиеся в частной собственности у кочевников.

Таким образом, в конце XIX и начале XX в. в Казахстане существовало три типа пастбищно-экстенсивного скотоводства, каждый из которых имел свою историю возникновения и особую форму землевладения и землепользования. Эти три типа пастбищно-экстенсивного скотоводства и соответствовавшие им формы земельных отношений определяли суть общественно-экономического строя дореволюционного Казахстана.

Из анализа трех разных типов экстенсивного скотоводства видны роль земли как всеобщего средства труда и своеобразная форма земельных отношений в каждом из указанных типов хозяйства. Форма земельных отношений постепенно изменялась, происходил закономерный процесс оседания кочевого общества казахов. Оно развивалось от чисто кочевого скотоводческого хозяйства сначала к переходному, полукочевому, и затем к оседлому, скотоводческо-земледельческому.

Низкий уровень развития производительных сил дореволюционного казахского общества был обусловлен слабым развитием общественного разделения труда, следовательно, и слабым развитием товарного производства.

Такое состояние являлось следствием колониального положения края и господства экстенсивно-пастбищного скотоводческого хозяйства, которому были присущи крайне рутинное состояние техники и низкая производительность труда. Существовавшие товарно-денежные отношения свидетельствовали о незначительном развитии товарного производства. Товарный выход продукции скотоводства был небольшой и носил в основном потребительский характер, принимая форму натурального обмена Т—Т и только изредка — форму простого товарного обращения Т—Д—Т.

Товарный обмен не является «одним из древних инсти-

тутов», как утверждает С. З. Зиманов³²⁶, он лишь одна из форм проявления существующих общественно-производственных отношений людей. Товарный обмен выражает уровень развития производительных сил общества, общественного разделения труда и частной собственности на средства производства. Поэтому он экономическая категория, а не юридическая.

В казахских в своей основе натуральных хозяйствах незначительная часть скота и продуктов скотоводства, таких, как шерсть, шерстяные изделия, кожи и т. д., реализовывались как товары, взамен которых покупали хлеб, мануфактуру, чай, сахар, спички и другие фабрично-заводские изделия. Проникавший в аул торгово-ростовщический капитал был еще бессилён изменить уровень общественного разделения труда и натуральный характер производства. «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях...

Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал»³²⁷.

Казахское общество знало различные формы торговли и торговых сделок. Скотоводы, во-первых, продавали скупщикам свой скот и сырьё, во-вторых, покупали товары у этих же скупщиков в ростовщический кредит и, в-третьих, постоянно практиковали натуральный обмен фабрично-заводских изделий на скот и сырьё. «Особенность этой формы состоит в том, что она свойственна не одним только мелким промыслам, а всем вообще неразвитым стадиям товарного хозяйства и капитализма»³²⁸. Главной чертой торговли в этот период в казахском ауле был её ярко выраженный неэквивалентный характер. Она была своеобразной формой экспроприации мелких собственников колониального края. Мелкие скотоводы эксплуатировались торгово-ростовщическим капиталом, с одной стороны, как покупатели, а с другой, — как продавцы продуктов своего скотоводческого хозяйства. Это верно отметил Г. Колмагоров: «Купед татарин (в казахской

³²⁶ С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, стр. 47.

³²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 145—146.

³²⁸ В. И. Ленин. ИСС, т. 3, стр. 367.

степи. — С. Т.) на затраченный капитал, полагая его в 10 рублей серебром в 1850 году, получит в 4 года, т. е. в мае 1854 года, 150 руб. серебром чистого барыша; а в какой стране, в какой торговле и в каких предприятиях и рудниках можно приобрести такую огромную прибыль на капитал, да еще без значительного труда, забот и неудач? Нужно заметить при этом, что в последние времена не было примера, чтобы у кого-нибудь пропал долг хоть на одного барана, так как, по обычаям и законам степным, за умершего должника платят его дети и ростовщики получают все сполна»³²⁹. Казахскую степь того времени, дававшую такую сказочно высокую прибыль, Колмогоров оценивает как бóльший источник легкой наживы, чем даже богатейшие золотые прииски.

В конце XIX и начале XX в. в казахской степи существовали три формы торговли, которые в основном соответствовали трем типам хозяйства, т. е. кочевому, полукочевому и оседлому. К таким формам торговли относились: разъездно-меновая, ярмарочно-периодическая и стационарная. Самой удобной для кочевых скотоводческих аулов была первая форма. Но это не значит, что ее не было в полукочевых районах Казахстана.

Разъездно-меновая торговля находилась в основном в руках нескольких узбекских и татарских торговцев. Они разъезжали по кочевым и полукочевым аулам с различными товарами и обменивали на скот и его продукты: шерсть, кожу, кошму и др. Такие торговцы оказывались в исключительно выгодном положении, так как не имели почти конкурентов. Это позволяло им назначить на свои товары немалые цены, а обмениваемые предметы брать за полцены.

Население, жившее далеко в степи и песках, имело крайне ограниченную возможность посещать города, торговые пункты. Его обслуживали эпизодически появлявшиеся кочующие торговцы, прозванные казахами «атты-аршинами», (т. е. верхом на лошади с аршином). В материалах статистического обследования Перовского уезда в 1910 г. сообщается, что такой атты-аршин, набрав в городе партию ходкого товара (дешевый ситец, галантерею, чай, сахар, муку, посуду и пр.), выучит верблюдов и углубляется со своим маленьким караваном в степь. Остановившись в каком-нибудь ауле, возможно, центре размещения казахов на джайляу, торговец некоторое время (от 2 недель до 1 месяца) сидит на

³²⁹ Г. Колмагоров. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, вып. I, стр. 24—25.

одном месте и удовлетворяет спрос казахов данного района, затем передвигается дальше. Торговля была почти исключительно меновая. Казахи платили мелким скотом, шерстью, кожей. Причем цены на продаваемые товары были в 2—3 раза выше рыночных, а на поступающие от покупателей продукты в лучшем случае — рыночные³³⁰. В материалах статистического обследования Верненского уезда также отмечается, что в некоторых глухих местах Семиреченской области, как, например, в низовьях Или, сохранился в неприкосновенности меновой торг: сюда приезжают купцы, которые обменивают фабричные продукты, необходимые казахам, на скот и шерсть. Многие должностные лица (аульные старшины) даже подати предпочитали собирать натурой, так как это выгодно³³¹.

По данным А. И. Добросмылова, в полукочевых и оседлых аулах Тургайской области, торговец, выезжавший в степь, запасался, а если он приказчик, то снабжался хозяином подводой и лошадей. Подвода нагружалась «киргизским товаром», т. е. залежалым, не имеющим сбыта в городе ситцем, спитым чаем, прескверным сахаром, дешевенькими конфетами в красных бумажках, словом, товаром самого низкого качества и достоинства. Товара рублей на 15—20, и богатейшая казахская лавка-подвода готова. Разъезжая от аула к аулу, от кибитки к кибитке, передвижная лавка останавливалась на более продолжительное время только там, где была надежда на бойкую торговлю. Как только в данной местности у казахов было обменено все, что можно, лавка отправлялась в дальнейший путь. В глухой степи редкий из казахов имел представление о мерах и весах. Поэтому чем дальше уходила в степь подвода-лавка, тем большее стадо баранов она пригоняла домой и тем плотнее нагружалась кожами и шерстью³³².

Важной особенностью разъездно-менового торгующего был ее ростовщический характер. Многие атты-аршины и зимой разъезжали по зимовкам полукочевых казахов. Как правило, они раздавали товары скотоводам в долг до весны, на что охотно шли нуждающиеся казахи. Торговцы же «поль-

³³⁰ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. IV, Перовский уезд, Ташкент, 1912, стр. 98—99.

³³¹ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцова», т. IV, Верненский уезд, СПб., 1913, стр. 268.

³³² А. И. Добросмылов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 62—63.

зуются этим обстоятельством и помимо назначения на товары громадных цен, нередко вдвое превышающих действительную их стоимость, назначают громадные неустойки в случае недоставления к сроку вымененного скота; при неокончании в срок расчетов первоначальный долг и неустойка откладываются на еще более отдаленный срок, причем вся сумма долга увеличивается и обеспечивается новой неустойкой. Но, кроме меновой торговли, проживающие в степи торговцы дают и деньги в долг состоятельным казахам, под солидное ручательство известных богачей, пользующихся влиянием в волости, или целого рода»³³³.

Разъездно-меновая, неэквивалентная торговля была особенно разорительной для бедняков. Дело в том, что если более состоятельные скотоводы еще могли время от времени бывать в местах стационарной торговли или на ярмарках, то бедняк-казак не мог отлучиться на базар или ярмарку, чтобы сбыть какую-нибудь тайнчу или пару баранов, или кожу, или полпуда шерсти и пр., — и все это поступало по невероятно низким ценам в руки казахского посредника, наживавшего на подобных сделках громадные барыши³³⁴.

В оценке уровня развития производительных сил и соответствовавших им производственных отношений в дореволюционном Казахстане вплоть до последнего времени существовали две крайние противоположные точки зрения. Каждая из них замечала какую-нибудь одну сторону общественно-экономической жизни разбросанного на необъятной территории казахского народа или один из трех типов хозяйства казахов и на этом строила свои выводы.

В действительности уровень развития производства и обмена не мог быть одинаковым в различных районах Казахстана, где существовали в основном три разных типа хозяйства. Только этим обстоятельством можно объяснить и существование трех различных форм торговли: разъездно-меновая, ярмарочно-периодическая и стационарная.

³³³ См.: «Обзор Семиреченской области за время состояния ее в составе степного генерал-губернаторства (1882—1899 гг.)», Верный, 1900, стр. 192.

³³⁴ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Актюбинский уезд», т. VII, Воронеж, 1903, стр. 43.

**КОЧЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА — ПЕРЕЖИТОК КОЧЕВОГО ОБРАЗА
ЖИЗНИ КАЗАХОВ В XV—XVIII ВЕКАХ**

§ 1. Кочевой аул и род у казахов

Методологическим недостатком многих исследований о дореволюционном Казахстане является игнорирование различий в хозяйственной жизни его районов, постоянное оперирование абстрактными понятиями «кочевник» или «кочевое хозяйство». Когда эти исследователи говорили о господстве кочевого скотоводства у казахов, то исходили из отрицания каких бы то ни было различий между существовавшими типами хозяйств — скотоводческим, кочевым, полукочевым и оседлым. Они представляли экономику казахского общества только в виде чисто кочевого хозяйства. Такое понимание было не столько результатом незнания, сколько сознательным обоснованием политики реакционной части чиновничества Переселенческого управления, которое стремилось к изъятию лучших земель у казахов, так как «под переселенческие участки отводились земельные излишки кочевого населения».

Казахский народ пережил немало больших исторических потрясений. Самое главное, что на громадной занимаемой им территории протяженностью с запада на восток 3 тыс. км, а с севера на юг — около 2 тыс. км казахское население имело неодинаковое экономическое и культурное общение с русским народом. Результатом этого были значительные различия в формах хозяйствования и в социально-экономических отношениях у жителей различных районов дореволюционного Казахстана. Существовали кочевые, чисто скотоводческие, полукочевые — скотоводческие с зачатками земледелия и оседлые — скотоводческо-земледельческие районы. Каждый из них находился на различных ступенях экономического развития.

В данных переписи 1920 г. по КАССР (без Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей) сказано: «Число хозяйств в земледельческом районе — 454 500, или 53%, в полуземле-

дельческом — 183 140 хозяйств, или 22%, и в скотоводческом кочевом районе — 219 840 хозяйств, или 25%»¹. Такая классификация районов близка к истине.

Различные типы хозяйств параллельно существовали не только в пределах казахских степей и полупустынь, но и почти в каждой области и даже уезде. Примерами могут служить Атбасарский, Акмолинский, Перовский, Казалинский, Иргизский, Темирский и другие уезды.

В действительности трудно найти такую область в дореволюционном Казахстане, где население состояло бы только из кочевников. Поэтому когда мы говорим о кочевом, полукочевом и оседлом районах, то имеем в виду преобладание в них того или иного типа хозяйства. Надо заметить, что у казахов настоящее оседлое хозяйство возникло после присоединения казахских жузов к России.

В данной главе мы рассматриваем только кочевое хозяйство, которое существовало на большей части территории Казахстана и проявлялось со всеми присущими ему специфическими особенностями.

Основной зоной кочевого скотоводства был юг, юго-запад, юго-восток и центральная часть Казахстана. Эти обширные пространства представляли собой пустыни, полупустыни и полные степи с солонцевато-глинистой почвой. К этой зоне относились также полуостров Мангышлак, плато Устюрт, часть степей Прикаспийской низменности, Мугоджарские горы, пески Большие и Малые Барсуки, Приаральские Кара-Кумы, степи Тургайской столовой страны, пустыня Бетпак-Дала, пески Муюн-Кумы, Кызыл-Кумы и т. д.

Эта зона чисто кочевого скотоводства на карте ориентировочно располагается между 54 и 74° восточной долготы и 44 и 50° северной широты. Иначе говоря, более половины территории Казахстана было занято чисто кочевым скотоводством.

Характерным для такого типа хозяйства было почти круглогодичное кочевание населения. Само кочевание — это форма производственного процесса, а кочевание в каждом сезоне — определенная стадия данного процесса в годовом цикле кочевания. Таковы зимнее и весенне-летнее кочевания, организация выпаса скота на летнем пастбище, осеннее кочевание и замыкание цикла вновь зимним кочеванием. В литературе начала XX в. таких кочевых скотоводов называли «вечными кочевниками» или «кошпелинцами» (от казахских слов: кош — караван, кошпели — кочующие).

Кошпелинцами в преобладающем большинстве были

¹ См.: «Статистико-экономический обзор Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики». Оренбург, 1923, стр. 151.

большие родо-племенные группы: адаевцы, табынцы, шектинцы, шомекейцы, баганалинцы, таминцы и др. В дореволюционном Казахстане они составляли население около 130 волостей², или 0,8—1 млн. душ (т. е. около 25% всего населения, включая казахов Туркестанского края).

Целью данной главы является анализ некоторых вопросов общественно-экономической жизни и организации производства кочевого скотоводческого общества казахов в конце XIX— начале XX в.³

* * *

Прежде чем приступить к рассмотрению организации хозяйства и социально-экономических отношений кочевого аула казахов, необходимо получить представление о том, что представлял собой с внешней стороны постоянно кочевавший со стадами и табунами аул. Это поможет увидеть специфику кочевой жизни казахского народа, что его отличает от кочевых народов Российской империи и других государств.

Приведем отрывки из описаний дореволюционных исследователей края жизни вечных кочевников в различных районах Казахстана.

В 1907 г. агроном Тургайско-Уральской переселенческой организации Б. Скалов дал такую характеристику хозяйственной жизни казахов в Темирском уезде. По его наблюдениям, хозяйство семи южных волостей уезда — Кошкаратинской, Донгузтау-Акколкинской, Самматаевской, Улусамской и трех Адаевских — почти без изменений сохранило черты кочевого скотоводческого хозяйства, которое некогда вели все казахи. Для населения этих волостей основным источником существования являлось скотоводство, единственным способом ведения скотоводческого хозяйства был пастбищный кочевой, при котором летом скот пасся на северных, зимой — на южных пастбищах и всегда довольствовался только подножным кормом. Когда снег плотно покрывал ковыльные степи севера, они делались малоприспособными для выпаса. Только табуны лошадей были способны тебеневать в заснеженных степях, для овец же и верблюдов они становились мало доступны. Поэтому в конце августа и начале сентября кочевники уходили с летовок северной и средней части Темирского уезда на юг. В начале марта они проделывали обратный путь на северную Устюртскую равнину, стремясь

² Подсчитано автором по данным статистического обследования бывшего Переселенческого управления.

³ Для написания главы автор использовал не только литературные и другие источники, но и собственные знания о хозяйстве и жизни кочевых аулов Казалинского и смежных с ним уездов.

дойти до нее возможно скорее, пока в степи еще сохранялась снеговая вода. Пользование водой из колодцев очень затрудняло перекочевку: колодцы располагались на значительном расстоянии друг от друга, в верстах 15—25, а местами и в 40, а передвижение на такие расстояния были губительны для отоцвавшего за зиму скота, к тому же нередко вода находилась на глубине 10—20 саженей. Чтобы напоить многочисленные стада, надо было затратить много труда и времени.

На северных летовках кочевники оставались 2—3 месяца. С наступлением осени они возвращались в пределы Закаспийской области и Хивинского ханства. «Необходимость возить с собою свое имущество, — отмечал Б. Скалов, — чуть не каждый день навьючивая и развьючивая его во время длинного, более тысячи верст, пути из южной части Устюрта на северные летовки и обратно, сильно затрудняет казахов и требует содержания значительного количества вьючных верблюдов. Столь же тяжелы постоянные перекочевки в зимнюю стужу для стариков, больных и детей»⁴.

Л. К. Чермак — статистик Переселенческого управления и один из знатоков жизни кочевых казахских скотоводов в 1897 г. описывал хозяйство Атбасарского уезда, которое на севере имело оседлую и полукочевую форму, а на юге типичную кочевую. Последняя отличалась весьма подвижным характером, приспособлением к разнообразным условиям степной природы. Здесь сохранились перекочевки древнего типа, когда скотоводы передвигались со своим скотом в течение всего года, проходя громадные пространства от р. Чу до г. Атбасара и обратно, совершая в общей сложности путь в две тысячи верст.

Л. К. Чермак писал, что казах был «самый лучший и самый желательный хозяин в степи — полупустыни и, что всего замечательнее, этот именно хозяин полупустыни оказывается самым богатым владельцем скота»⁵.

На примере жизни постоянных кочевников Атбасарского уезда можно выяснить некоторые характерные особенности производственного процесса кочевого скотоводства. Зимние кочевания совершались на небольшие расстояния; аулы разбивались на более мелкие кочевые единицы для обеспечения скота подножным кормом.

При очень длительных весенних перекочевках, как описывает Л. К. Чермак, — на тысячу верст в один конец, при

⁴ Б. Скалов. Строй хозяйства южных кочевников. Оренбург, 1907, стр. 30.

⁵ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд», т. II, Воронеж, 1902, стр. 35.

отсутствии колесных дорог имущество кочевника и только что окотившихся ягнят перевозили на верблюдах. В день продвигались на 20 км, короткие остановки на 2—3 дня делались через 3—4 кочевки, кочевали большими группами, но с обязательным учетом обеспечения скота водой. «Обыкновенно весной идут медленнее, чаще делают остановки, так как и скот еще слаб после зимы, много молодняка, да и останавливаться на любом месте никто не мешает; в обратный же путь стоянки можно делать только на площадях общего пользования, так как на обособленных кстау, куздеу не позволяют остановиться, да и скот крепок и может выносить большие перекочевки»⁶.

В материалах по киргизскому землепользованию Кустанайского уезда сообщается: «Многие казахи Уральской и Сыр-Дарьинской областей, вкочевывающие летом в Актюбинский и Кустанайский уезды Тургайской области, не имеют определенных зимних стойбищ, не имеют, кроме переносных кошменных юрт, никаких построек и круглый год перекочевывают с места на место. Многие из этих кочевников в иные зимы уходят даже в Хивинские пределы и там платят хивинским чиновникам за пользование пастбищами довольно значительные суммы»⁷. «Чистые скотоводы (шаруа), — пишет Л. Чермак, — не имеющие полевого хозяйства, никогда не имеют оседлости, кочуя круглый год»⁸.

Авторы приведенных описаний в основном правильно оценивали кочевание скотоводов-казахов как процесс производства со своеобразными чертами, проявляющимися по-разному в зависимости от времени года, характера территории и направления кочевания. Скотоводы, кочуя круглый год, отнюдь не совершали случайных передвижений, как это утверждали некоторые чиновники царского колонизаторского аппарата.

Такие представители русской интеллигенции, как Чермак, Аничков и другие, сочувственно относились к казахскому народу и содействовали его сближению с русским народом. Однако вследствие ограниченности своего буржуазного мировоззрения они все-таки не смогли раскрыть сущности производственных отношений в дореволюционном казахском ауле. Они увлекались простым описанием коче-

⁶ Там же, стр. 27.

⁷ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 7.

⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовья реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1915, стр. 32.

ваний аулов и недостаточно вникали в содержание общественной жизни и, самое главное, упускали из виду классовую дифференциацию населения. В их понимании аул — это бай, они не видели, что в этом ауле, кроме бая, жили трудящиеся — середняки, бедняки и наемные батраки, которые своим трудом создавали богатство баю — скотовладельцу. Поэтому описание Л. К. Чермаком коша, образованного из большого количества отборных верблюдов, нагруженных байским добром и покрытых красивыми разноцветными покрывалами — коврами, с нарядной женщиной, едущей впереди коша, с девушками, одетыми в платья с серебряными поясами, в шапках, отороченных бобром, верхом на иноходцах в сбруе с серебряной насечкой, с джигитами, с гиком и песнями гарцующими на лучших скакунах, с бесчисленными табунами лошадей и стадами овец и т. д., страдает односторонностью, показана лишь состоятельность байского хозяйства.

Рядом с пышными и богатыми байскими кошами шли коши бедняков и полубатраков, которые носили на себе следы острой нужды и были составлены из небольшого количества очень тощих, разновозрастных верблюдов, начиная от двух-трех дряхлых беззубых кастрированных верблюдов и кончая двумя-тремя еще непригодными для навьючивания молодыми верблюдами. Такие коши возглавляли замужние женщины или девушки, одетые в самые дешевые фабричные хлопчатобумажные или в грубую самодельную шерстяную ткани. Они устраивались на более или менее легко навьюченных верблюдах и иногда даже с детьми. За этими караванами — кошами, за табунами лошадей и за стадами верблюдов и овец частью верхом на лошадях, частью верхом на верблюдах, а иногда пешком в качестве пастухов шли полуголые и голодные батраки, бедняки, их дети-подростки. Эта сторона жизни кочевого аула совершенно выпала из поля зрения дореволюционных авторов.

У казахов веками сложившейся формой расселения был кочевой аул (нельзя смешивать с административным аулом). С внешней стороны он выглядел лишь как определенное количество временно поставленных войлочных юрт.

В таком ауле общности имущества не было. Семьи представляли собой хозяйственные единицы, имевшие в частной собственности скот как основное средство труда кочевника. Между ними существовало имущественное неравенство, порождавшее патриархально-феодалные формы эксплуатации.

По своим размерам аулы кочевых скотоводов бывали различны, они изменялись даже в течение года, что проис-

ходило под влиянием социальных и естественных условий, как-то: состоятельности хозяйств, травостоя и др.

Как правило, кочевой аул насчитывал от 2 до 7 хозяйств. Полукошарные и оседлые аулы обычно бывали более крупными, имели один-два десятка хозяйств. В дореволюционной литературе их называли аул-кстау или хозяйственными аулами.

Почти все дореволюционные авторы считали, что аул, как форма расселения казахов исключительно кровнородственное объединение. Однако это не совсем так. Безусловно, в далеком прошлом аулы складывались как хозяйственные единицы на основе кровного родства. Но это не значит, что в период формировавшихся классовых отношений, тем более в предреволюционный период, они остались прежними. Такое определение неизбежно ведет к отрицанию классовой дифференциации в аулах и к рассмотрению их как однородных и лишенных социальных противоречий общественных организмов.

Несомненно, что в этих аулах еще значительно сохранялся патриархально-родовой быт, но одни родовые узы не могли определять всех сторон их общественной жизни. Напротив, в аулах существовали классовые противоречия, и в них господствовали патриархально-феодалские отношения, прикрывавшиеся давно переродившимися родовыми отношениями.

Имелось два основных типа кочевых аулов, которые отличались друг от друга характером образования и своими взаимоотношениями между хозяйствами. Были богатые многоскотные аулы, организованные баями, и бедные, сложившиеся в основном из малоскотных, маломощных трудовых хозяйств. Байский аул, насчитывавший определенное количество хозяйств, имел в своем составе семьи бедняков и батраков, фактически находившиеся в экономической и политической зависимости от бая, по имени которого назывался данный аул. Этот момент верно подмечен в материалах статистического обследования в начале XX в. Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области: «В кочевом ауле находят себе приют и бедные казахи, кочующие с 1—2 верблюдами, а иногда и без всякого скота; они копают колодцы, пасут и доят скот, но кормятся около богатого хозяина»⁹. То же говорит В. Остафьев: «Каждая часть аула или рода состоит из двух элементов — одной-двух семей богатых,

⁹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. V, Казалинский уезд, Ташкент, 1913, стр. 56.

остальные бедняки, и первые две семьи являются над остальными полными господами — чуть не с правом жизни и смерти. Вся жизнь сосредоточивается на этих двух семьях, все остальные — их работники, беспрекословно исполняющие их волю»¹⁰.

Что касается второго типа аулов, то в них имелся максимум хозяйств и минимум скота, их объединение носило характер трудового сотрудничества. О маломощных аулах казахи говорили: «Если собрать весь скот аула в одном месте — много, а если разделить его на хозяйства — мало» («үйсе көп, үлессе аз»).

Многие семьи этих аулов уходили на определенный сезон в байские аулы, занимались пастухами или выполняли другие работы и тем самым становились сочленами этих аулов в качестве хараши или консы.

Происхождение слова «хараши» можно толковать двояко: во-первых, от слова «хара», «хара-болу», «жаракобейнгу», которые переводятся «сообщник», «компаньон», во-вторых, от слов «караша үй» — черная юрта, т. е. юрта бедняка, покрытая старой, почерневшей от копоти кошмой, в противоположность ак орда — белой юрте, т. е. юрте бая, покрытой белой кошмой. Слова «ак орда», по нашему мнению, это измененные слова «ак орта», т. е. «белый центр». У казахов с давних пор глава аула ставил свою большую белую юрту в центре аула, а невзрачные юрты остальных семей располагались вокруг ак-орды, образуя некоторый круг белой юрте — белому центру.

По смыслу казахский термин «ак орда» имеет сходство с монгольским термином «курень». Академик Б. Я. Владимирцов писал: «Значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, что называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель»¹¹. Е. Марков в своих очерках путешествия отмечал: «Орда у татар и монголов была собственно шатром, жилищем; отсюда и название «урды», удержавшееся за ханскими дворцами Кокана и Бухары; «Золотая орда» Волжского низовья точно так же была ничем другим, как шатром хана. Это имя орды было перенесено

¹⁰ В. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XVIII, вып. 2, Омск, 1895, стр. 46.

¹¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. (Монгольский кочевой феодализм). Л., 1934, стр. 37.

мало-помалу на самые полчища, окружавшие ставку вождя, за которую все они следовали и которая таким образом стала олицетворять собою в некотором смысле целый народ»¹².

Монгольское слово «курень» сохранилось у сыр-дарьинских казахов в значении большой группы людей или караванов. Оно употреблялось во фразах, где подчеркивалось величие массы людей. Например, «Күрең тартқан лек-лек аттылар, күрең тартқан қалың көш». Таким образом, если в первом толковании слова «хараши» еще не делается упора на экономическое неравенство, то во втором содержится мысль о явной классовой дифференциации в ауле.

С дальнейшим развитием патриархально-феодальных отношений в казахском обществе, в частности с градацией патриархально-феодальной верхушки и появлением аристократической прослойки — тюрке, возвышавшейся над местными полуфеодалами и баями, слово «хараши» стало означать сословие, состоявшее из слуг ханов, завербованных из престонародья (қара қалық).

В результате дальнейших социальных изменений, происходивших в казахском обществе, в XIV—XV вв. народную массу казахов начали именовать «харабухара» (черная масса) или «қара қалық» (черный народ) в противоположность «жақсылар» (знатные), а также «ақ-сүйек» (белая кость — высшая аристократическая прослойка). Следовательно, слова «хан» и «хараши» в те отдаленные времена обозначали представителей двух антагонистических социальных групп в казахском обществе, которые находились между собой в отношениях господства и подчинения, эксплуататоров и эксплуатируемых. Казахское слово «хараши» становится адекватным монгольскому слову «қара-чу» (черный народ). В конце XIX — начале XX в. под словом «хараши» в кочевом ауле имели в виду бедняков, эксплуатировавшихся баями.

В настоящее время не подлежит сомнению, что среди кочевых племен, впоследствии вошедших в состав казахского народа, еще до монгольского нашествия существовало имущественное неравенство и классовая дифференциация. Об этом говорит факт появления среди тюрко-язычных племен термина «бай» в значении богатый. «В надписи Кара-Юсс упоминается богатый родственник (бай-апа), в уйгурской надписи умерший называет себя богатым (бай)»¹³. Еще

¹² Е. Марков. Россия в Средней Азии, т. II, СПб., 1901, стр. 178.

¹³ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). М. — Л., 1946, стр. 110.

в те далекие времена (VI—VII вв.) имущество было обособлено, и поэтому на патриархально-феодальной основе складывались своеобразные отношения зависимости. Исследователи давно заметили различные слои в самом патриархально-феодальном кочевом обществе, в котором местные «чернокостные» скотовладельцы, а также потомки завоевателей — «белокостные», представляющие военно-полуфеодальную кочевую аристократию «тюре» из рода Чингиз-хана, эксплуатировали трудящиеся массы. Но они ошибались в том, что появление «чернокостного» полуфеодала относили к позднейшей эпохе.

В кочевом ауле казахов конца XIX — начала XX в. кочевая беднота называлась еще «консы». Это синоним слова «хараши». Есть основание думать, что термин «консы» появился раньше, чем «хараши». По-видимому, еще до монгольского завоевания среди тюрко-язычных кочевых племен всякие зависимые и полузависимые (шаруа) от баев, биев и батыров именовались не хараши, как у ханов-чингизидов, а консы. Сам термин «консы» происходит от слова «конс» (кочевье). Первоначально консами, без сомнения, считались все хозяйства кочевой общины, позднее байство отифференцировалось и превратилось в класс эксплуататоров трудящихся консы.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что мнение некоторых исследователей о том, будто байство у казахов как новая социальная прослойка возникло на почве товарно-денежных отношений только в середине XIX в., неверно. Автором этой теории является М. П. Вяткин. Он пишет: «Новое заключалось в том, что теперь, в середине XIX в., богатство выделяло людей в особую общественную группу на основе проникновения в Казахстан товарно-денежных отношений... Если говорить о байстве как классе, производственное положение которого было связано с проникновением в Казахстан денежных отношений, то более или менее заметной и влиятельной эта группа становится лишь в середине XIX в.»¹⁴ Эту же точку зрения он высказывает в книге «Батыр Срым»: «В хозяйстве и общественных отношениях Казахстана под влиянием развития торговли возникали новые явления. К ним следует отнести зарождение байства»¹⁵.

В данном случае М. П. Вяткин возникновение байства как социальной группы связывает не с процессом общественного производства, а с процессом обращения, с эпизодически происходившими торговыми актами.

¹⁴ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941, стр. 298.

¹⁵ М. Вяткин. Батыр Срым. М. — Л., 1947, стр. 81.

Достаточным аргументом для объяснения появления байства из торговцев М. Вяткину и его сторонникам казалась деятельность султана-правителя восточной части Младшего жуза Ахмета Жантурина, который занимался торговлей и ростовщичеством¹⁶. Этой концепции Вяткина придерживаются и некоторые другие исследователи¹⁷.

В действительности представители торгово-ростовщического капитала в Казахстане именовались не баями, а саудегерами (торговцами), купесами. Мелкие торговцы, перекупщики назывались алыпсатарами, жалдабами или обобщенно тоже саудегерами. Этот слой населения (торгово-ростовщические элементы) появился после вхождения всего Казахстана в состав Российской империи, в результате основания русских поселений и городов. Известно, что почти все города и крупные населенные пункты, возникавшие в начале как военные укрепления или казачьи поселения, постепенно становились местами ярмарочной торговли. Именно в этих районах происходило оседание, приобщение к хлебопашеству и к более или менее регулярной торговле части казахского населения. Кроме того, здесь же появились зачатки промышленности, а затем рынок. Своеобразие развития рынка было обусловлено многовековой экономической и политической разобщенностью различных районов края и его колониальным положением. Верно, что на основной территории Казахстана товарно-меновые отношения стали значительно развиваться со второй половины XIX в., в особенности в конце его. Но небольшое количество торговых элементов, вышедших в этот период из казахского населения, никак не могло олицетворять собой веками существовавший в казахском обществе основной слой патриархально-феодального класса — байство.

Факты о том, что в конце XVIII — начале XIX в. некоторые представители казахского патриархально-феодального класса эпизодически сопровождали караваны среднеазиатских или русских купцов, сдавая им в наем верблюдов, или занимались торговлей привозными товарами при почти полном отсутствии товарного производства, еще не доказательство возникновения класса баев из торговцев. Исторические данные говорят о том, что байство как социальная группа существовало в племенах, из которых потом сложилась казахская народность, еще до монгольского завоевания. Этот термин старше самого названия «казах».

Известно, что слова «бай» и «бег» параллельно существо-

¹⁶ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, стр. 298.

¹⁷ С. А. Нейштадт. К вопросу об экономике колониального Казахстана. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1949, № 65.

вали в орхонской письменности, относящейся к VI—VIII вв. Мы согласны с А. Бернштамом, который пишет, что «для разбираемого периода было совершившимся фактом деление общества на богатых и бедных. Богатые называются бегами и баями. Бегами и баями являются естественно и все те, титулатурой которых заполнены все без исключения надписи. В противовес богатым стоит народ (будун)¹⁸. Сходное со словом «бай» и адекватное по содержанию было слово «баин, баян» и в монгольском языке. Проф. С. П. Толстов, разбирая названия племен, живших в X—XII вв., пишет: «Баян, по-монгольски — «богатый» — личное имя одного из каганов авар»¹⁹. То, что слово «бай» не было новым термином и байство не было новой социальной группой, говорят названия некоторых больших родов Младшего жуза, образование которых ориентировочно можно отнести к XV—XVI вв. Например, Байулы, Жагал-Байлы, Бай-бакты, Сарыбай, Торыбай, Кельдибай и т. д.

Все востоковеды-тюркологи заявляют, что слово «бай» есть иное произношение слов «бей», «бег» или «бек». Они утверждают, что бай происходит от тюркского слова «бег» (или бек), означавшего вначале господин, государь. Позднее у разных народов это слово модифицировалось как по произношению, так и по значению, аналогично превращению слова «боярин» в «барин». Как слово «бий» связано со словом «бей», так и слово «бай», надо полагать, связано со словом «бей». Такая замена звуков «е» на «и» и «а» в казахском языке довольно часта. Слова «бий» и «бай» по их историческому происхождению и социальному значению, нам кажется, не следует противопоставлять, хотя между ними и имеется различие.

Бай — не новая социальная группа говорит и Ч. Валиханов в легенде о «Кари-джилике». Он употребляет этот термин в значении крупного скотовладельца. «У казахов есть следующая легенда. Несколько воров ходили несколько дней около стада одного казахского бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночам вокруг стада ходило множество людей, вооруженных куруками»²⁰.

Если бы слова «бай» в значении «богатый» не было в казахском языке и байство как социальная группа сформиро-

---

¹⁸ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 110.

¹⁹ С. П. Толстов. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 81.

²⁰ Курук — длинный шест, который казахи применяют для ловли лошадей.

валось только в середине XIX в., Ч. Валиханов не смог бы записать эту легенду, где героем являлся бай²¹.

У казахов муж тоже называется «бай», а жена — «хатын» или «хатун». Если бай в древнетюркском языке означало «богатый», «господин», то хатун — «госпожа» или «земное выражение общего материнского культа, ближайшим образом связанного со стадией материнского рода»²². С возникновением классового общества, когда появились каганы или ханы, слово «хатун» употреблялось в значении «госпожи». Об этом идет речь в отрывке: «Небо взяло моего отца Эльтерес-кагана и мою мать Эльбильге-хатун за темя (чуб) и подняло их (высоко) кверху (т. е. возвысило их) над всем народом»²³. С. П. Толстов отмечает, что в XII в. «правитель Хорезма носит древнехорезмийский титул «хорезмшах» и арабский — «султан», первая жена хорезмшаха выступает под древнетюркским титулом «хатун». Таким образом, хорезмийская императрица является как бы носительницей верховного суверенитета империи по отношению к входящим в ее состав тюркским племенам»²⁴.

Эти факты дают основание полагать, что в связи с укреплением частной собственности на стада и табуны и превращением индивидуальных семей в хозяйственную единицу у предков казахов термин «бай» параллельно с социальным значением приобретает и бытовое значение. Муж становится главой семьи, главным собственником ее богатства — скота, тем самым он действительно оказывается господином — баем — в семье, а за женой сохраняется древнее название материнского культа (хатун) уже в значении слова «домохозяйка». Этим, пожалуй, можно объяснить, что у казахов, уйгуров, узбеков, киргизов, туркмен, татар и у многих других народов, жена зовется хатун, а муж — баем.

Подобное изменение претерпело и значение русского слова «муж». В XI—XII вв. в Киевской Руси «князьи мужья» были социальной прослойкой в феодальном классе. «Княжьи мужами являлись только высшие военно-правительственные сановники»²⁵. По мнению М. Дьяконова²⁶, «княж муж»

²¹ Ч. Валиханов. Аблай. «Записки ИРГО по отд. этнографии», т. XXIX, 1904, стр. 26.

²² А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 99.

²³ См.: «Сб. трудов орхонской экспедиции», т. IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897, стр. 19.

²⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 286.

²⁵ В. О. Ключевский. История сословий в России. Пг., 1918, стр. 49.

²⁶ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910, стр. 81.

был привилегированным членом княжеской дружины, что видно из того, как Русская Правда ограждает жизнь «княжа мужа» двойною вирою в 80 гривен. Значит, «бояре» огнищане, княжьи мужи — это все очень близкие, нередко тождественные, заменяющие друг друга термины для обозначения лучших людей древнерусского общества», а лучшими людьми считались представители господствовавшего класса, т. е. те, в чьих руках было сосредоточено богатство и политическая власть. Следовательно, «княж муж» по своему социальному положению в древней Руси принадлежал к высшему классу. Впоследствии этот термин потерял прежнее значение, превратившись в слово, обозначающее мужчину, с которым женщина состоит в браке. Современное значение русского слова «муж» адекватно значению казахского слова «бай», употребляемого в дореволюционной казахской семье.

Появление индивидуальной семьи, как указывали классики марксизма-ленинизма, в истории человечества было целым переворотом, связанным с возникновением частной собственности, наследованием ее по отцовской линии, захватом бразд правления в доме мужем и полной утратой бывшего почетного положения женщины. В. И. Ленин писал: «И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»²⁷. Следовательно, «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским»²⁸. Моногамная семья у казахов, как всякая моногамия, отражала в миниатюре все возникшие в обществе социальные противоречия.

Таким образом, индивидуальная семья была той клеточкой классового общества, «по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий»²⁹.

Вполне вероятно, что понятие «бай» в смысле богатый могло возникнуть вместе с появлением богатства (байлык) как частной собственности у индивидуальных семей. Но с ростом классовой дифференциации в обществе обогатившиеся слои населения, которые узурпировали богатство в виде стада и табунов при общинном землевладении и уже обрели новую социальную природу, также могли именоваться баями (богатыми) и биями (судьями).

²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 152.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 68.

²⁹ Там же, стр. 69.

Если происхождение слова «бай» в социальном смысле связано с возникновением частной собственности на стада и табуны, то, возможно, происхождение термина «бий» также связано с появлением частной собственности на основное средство производства и с необходимостью постоянной судебной функции известных лиц из баев в общественной жизни. Поэтому всякие распоряжения стали называть «бийлик». Этим фактом, видимо, объясняется существование до последнего времени в семейном быте у казахов термина «бий» в значении главы семьи. Бийство в течение многих веков истории казахов исполняло судебные функции. Здесь мы видим ту же самую картину, что и у древних германцев. «В древности вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью»³⁰. Таким образом, бай и бии в далеком прошлом казахского народа олицетворяли эксплуататорскую верхушку в кочевом обществе. Они сосредоточивали в своих руках стада, табуны и другое движимое имущество.

История казахского народа нашла свое отражение в старинных легендах, эпических поэмах, героями которых были главным образом бай и батыры. Академик А. С. Орлов по этому поводу писал: «В дошедших до нас вариантах многие из батыров происходят обычно от состоятельных людей, — «баев», они охраняют и защищают состояние своего рода — племени, в особенности обильные табуны и стада, принадлежащие своим ближайшим родичам»³¹. Все это подтверждает нашу мысль, что бай, бий и батыр с весьма отдаленных времен были представителями одного патриархально-феодального класса казахского общества. Каждый из них мог играть различную роль в зависимости от конкретных исторических условий. Однако противопоставлять бая, бия и батыра друг другу нельзя, так как бии и батыры одновременно были и баями. Заявление о том, что казахское байство, это якобы социальная прослойка, возникшая в середине XIX в., ведет к отождествлению дореволюционного казахского патриархально-феодального байства с торговцами-ростовщиками, отрицанию господства в тот период патриархально-феодальных отношений и байства как господствующего класса дореволюционного казахского общества.

Речь может идти не о возникновении байства как новой социальной прослойки в середине XIX в., а лишь о некотором изменении и усилении его роли. Выдвижение байства на первое место в середине XIX в. объясняется рядом общественно-политических и экономических причин, во-первых,

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 336.

³¹ А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М. — Л., 1945, стр. 8.

ликвидацией ханской власти в начале XIX в., что несколько ущемило интересы биев — опоры ханской власти; во-вторых, упразднением административного управления казахами через султанов-правителей и старших султанов, чем официально отменили привилегированное положение тюре — потомков чингизидов и примыкавших к ним биев; в-третьих, исчезновением батырства, порожденного длительной эпохой внутренних и внешних войн (жаугершілік заман), и, в-четвертых, развитием в Казахстане товарно-денежных отношений. Шло постепенное обуржуазивание казахских биев, причем в разной степени в зависимости от районов. Оно затронуло прежде всего оседлые и полукочевые районы Казахстана.

В 1902 г. А. Дорофеев отмечал: «В степи развилась ярмарочная торговля. Скот приобрел рыночную стоимость и стал оцениваться на деньги, а казахский «бай», славившийся прежде не столько своей родовитостью, сколько численностью своих стад, теперь стал более подходить к типу русского кулака»⁸². Как видно, автор не касается вопроса возникновения байства как новой социальной группы, он говорит лишь об изменении его экономической роли.

В действительности начиная со второй половины XIX в., а в более широких размерах в конце его, некоторые казахские бии, ведущие оседлый образ жизни и занимавшиеся земледелием, становятся перекупщиками, скототорговцами, хлеботорговцами, именуясь саудегерами, купесами и алыпсатарами, а не просто баями. Слово «бай» применялось в качестве приставки для подчеркивания большого размера капитала каждого из них, например, бай-саудегер, бай-купес и т. д. Поэтому возникновение социальной группы байства нельзя связывать с распространением торговли среди казахов, так как бии появились в далеком прошлом исключительно как крупные скотовладельцы. Для кочевника-бая стада и табуны были предметом первой необходимости и богатством.

Надо отметить, что в дореволюционном кочевом ауле чем больше было скота у бая, тем больше он мог иметь возле себя бедных семейств, семейств полубатраков и бедных родственников, которые презрительно именовались хараши или консы.

Классовые контрасты в общественной жизни кочевых аулов, богатство и господство одних, нищета и бесправие других были всецело обусловлены количеством скота, что будет показано далее на фактах. Уделом же бесскотных бедняков была беспросветная нужда и работа на биев. Кто был богат скотом, тот был и силен и вершил судьбы людей. Масса

⁸² А. Дорофеев. Киргизское скотоводство в Акмолинской области. «Киргизская степная газета», 1902, № 8, 9.

трудовых скотоводов, в первую очередь батрачество и беднота, была объектом жестокой эксплуатации привилегированной кучки степных господ — баев. Основными классами в дореволюционном чисто кочевом ауле были, с одной стороны, крупные скотовладельцы — полуфеодалы-баи, а с другой — крестьянство — шаруа. Скот в кочевом ауле был не только орудием и предметом труда, но как частная собственность и орудием эксплуатации баями-скотовладельцами бедняцкой массы крестьянства — шаруа.

Такими общими чертами характеризовалась социально-экономическая жизнь дореволюционного кочевого аула казахов.

* * *

Классики марксизма-ленинизма слово «род» употребляли в определенном конкретном социально-экономическом значении. Они рассматривали род прежде всего как институт первобытнообщинного строя, где нет классовой дифференциации. «Величие родового строя, — писал Энгельс, — но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и порабощения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос казался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота — правом или обязанностью? Точно так же невозможно расслоение племени и рода на различные классы»³³. Однако если механически перевести термин «уру», т. е. институт, существовавший в казахском классовом обществе, как род в указанном значении, то будет допущена глубочайшая ошибка. В действительности казахский уру не только по социально-экономическому содержанию, но и внешним признакам не совпадал с понятием рода первобытнообщинного строя.

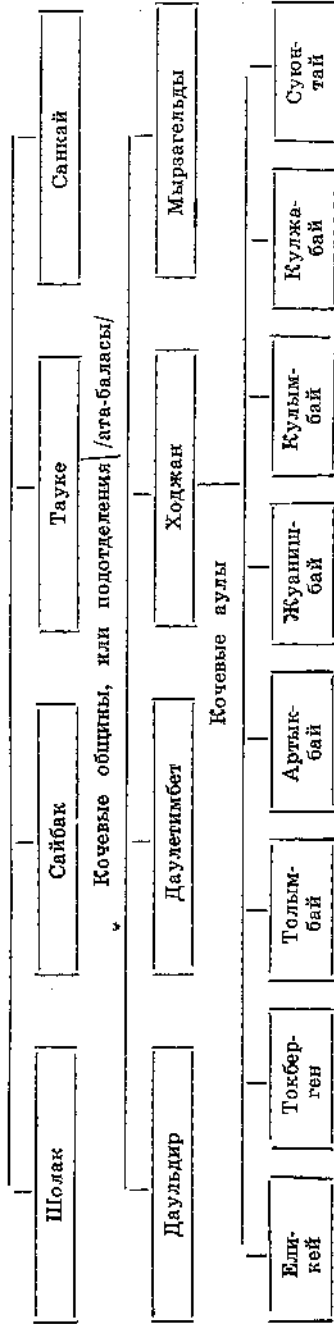
Необходимо заметить, что уру у казахов не был первичной ячейкой общегития. Между первичной ячейкой казахского общегития (моногамной семьей) и уру — дистанция огромного размера, их отделяет ряд общественных институтов в структуре самого первичного рода (см. схему).

Как видно из схемы, известное количество моногамных семей образовало кочевой аул, или аул-кстау; группа аулов составляла подотделение рода ата-баласы (потомки одного ближайшего общего предка, отстоящего от них на три — пять поколений). Из нескольких родственных подотделений складывалось отделение рода, которое именовалось «тайфа». Из

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 159.

Дюсек

Родовые отделения, или тайфы

Индивидуальные семьи в ауле бая Еликгея

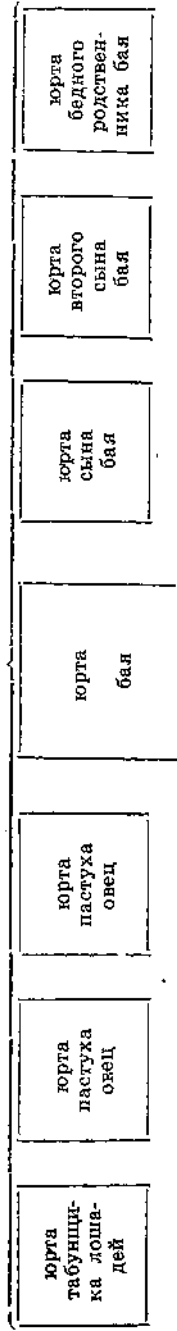

Схема казахского рода Дюсек.

родственных тайфа под именем одного общего предка создавался уру — род.

Прав А. Харузин, который писал: «Роды делятся на отделения (тайфы), а некоторые отделения — на подотделения (ата-баласы). При упадке родового устройства, который замечается теперь в Букеевской орде, является ближайшим объединяющим началом не род, а отделение или подотделение, то есть ата-баласы и тайфа»³⁴.

Известно, что каждая семья имела в частной собственности скот и другое имущество, внутри же аула господствовали отношения социально-экономического неравенства, отношения патриархально-феодалной эксплуатации.

Верно воспроизводя картину отделений, родов и кочевых аулов у казахов, А. А. Кауфман отметил особенности в их структуре: «...основной принцип традиционной русской общины — это «принцип равенства всех перед землею»; в то время как русская община лишь вне себя имеет дело с остатками феодального землевладения, кочевая община сама изобилует отношениями более или менее резко выраженного феодального характера, стоящими в решительном противоречии с «принципом равенства»³⁵ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

В общем потоке огромной кочевавшей массы народа существовали группы аулов, имевшие устойчивое соседство друг с другом все сезоны года. Такие группы могли образоваться и из совместно кочевавших на определенной территории аулов, которые были связаны между собой близким родством.

Некоторые исследователи верно считали совместное кочевание и общие хозяйственные интересы признаками кочевой общины у казахов. Причем общинное землепользование выходило далеко за пределы подобных кочевых общин, оно распространялось на всю кочевую территорию ряда крупных родов и племен.

Вследствие огромных размеров казахских родов, классовой дифференциации в них по отношению к ним нельзя применять понятие «род» как понятие «общинно-родового строя». Внутри казахских родов существовали классы и шла острая классовая борьба.

В конце XIX — начале XX в. самым сильным выражением сохранившихся родовых традиций в первичном родовом объединении у казахов было запрещение брачных отношений внутри первичного рода. Лица, намеревавшиеся нару-

³⁴ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, т. I, СПб., 1889, стр. 41.

³⁵ А. А. Кауфман. Русская община. СПб., 1908, стр. 3—4.

шить такой порядок, встречали протест со стороны общества. Однако неофициально между мужчинами и женщинами одного и того же рода могли существовать внебрачные отношения, следовательно, ничего от первобытной «священности» экзогамии рода не оставалось. Сохранение родовых традиций выразилось в ответственности рода за преступления своего сородича в другом роде, в отсутствии виры или «хуна» за убийство, совершенное внутри рода. Последним обстоятельством ловко пользовались представители патриархально-феодальной верхушки аула. Это подтверждают рассказы старцев из первичного рода дюсек в Казалинском уезде. В них говорится о том, что в 40-х гг. XIX в. в местности Барша-кум бий Акку подверг наказанию Тентек-Есжана Култанова из своей тайфы за дерзость 100 ударами плеткой (камчой), отчего тот умер. Никакого хуна или виры от бия не потребовали, так как умерший считался его родственником.

Об этом же писал Л. Мейер, когда давал характеристику казахскому батыру Джанходже Нурмухамедову. «Джанходжа по происхождению своему был простой казах, хотя отец его Нурмухамед уже пользовался влиянием в Кишкене-Шектинском роде... Он управлял казахами совершенно по своему усмотрению, отличаясь, как и прежде, строгим, но справедливым судом: за взятки и воровство он наказывал смертью»³⁶.

Подобным образом казахские бии и батыры управляли родовыми отделениями большого шомекейского рода. Например, в начале XIX в. Кетебай-бий управлял первичным и многочисленным родом бекет, Курен-батыр — первичным родом касай, Айтелес-бий — родом кошкаралы, Ярмамбет-бий — большим родом альдеберли (саргаска), Самет-батыр — родом тоха и т. д. Каждый из них был родоправителем и пользовался большим влиянием в своем родовом отделении. В то же время по своему происхождению эти бии-батыры были простыми казахами, находились под номинальным управлением общего хана. У шомекейцев в этот период ханом был Булейкей-султан Ералиханов³⁷.

В казахском кочевом обществе, несмотря на его родо-племенное устройство, привилегиями пользовались аристократические слои, такие, как тюре и ходжа, отдельные семейства и лица — бии, бай, батыры и муллы. Классовая структура казахского кочевого общества сложилась давно в результате экономического развития и того, что «...племенной строй сам

³⁶ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 65.

³⁷ См.: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)». т. IV, М. — Л., 1940, стр. 514.

по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами»³⁸. Процесс классовой дифференциации значительно усилился в ходе присоединения казахских жузов к России, особенно после его завершения.

Родовые институты у казахов в XIX в. в своей основе переродились, приспособившись к социально-экономическим отношениям классового общества, и сохранили лишь внешнюю форму родовых традиций. А. Кауфман верно констатировал, что «носители родовой идеи суть богачи и старейшины, родовая организация не только не является и не стремится быть воплощением идеи равенства, — наоборот, одним из существеннейших ее элементов является резкая социальная дифференциация, связанная с чем-то вроде феодальных или лично зависимых отношений»³⁹. Эти «родовые» учреждения, приспособленные к патриархально-феодальным порядкам у кочевников, защищали интересы эксплуататорской верхушки в каждом роде и родовом объединении. Поэтому в конце XIX — начале XX в. в кочевых казахских аулах за сохранение видимых родовых традиций боролись в основном казахские баи, бии, ходжи и муллы. Несмотря на это, идеологи казахского байства — казахские националисты всех мастей в один голос твердили: «У казахов — бесклассовый родовой строй», «казахский бай — не эксплуататор, благодетель своих бедных родственников» и т. п.

«Родовая» идеология полуфеодального байства, отражавшая стремление баев во что бы то ни стало сохранить «родовое устройство» у казахов, поддерживалась в сознании людей как норма поведения и обязанность перед «своим» родом каждого из его членов. Считалось позором и даже преступлением бросить свой род и уйти в чужой. Богачам это было выгодно, так как в роде оставались семьи, которые вынашивали на своих плечах всю тяжесть патриархально-феодального гнета. В такой обстановке сама масса трудящегося населения жила представлениями родовой эпохи. Этим объясняется бытование в народе наставлений по данному поводу в виде пословиц и поговорок. Вот некоторые из них: «Чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем»; «Удалой джигит рождается для себя, а умирает за род»; «Муж возвращается к месту рождения, а собака — к месту кормления»; «Если погибнуть, то лучше вместе со своим родом»; «Потомки одного предка друг друга не грабят»; «Безродный джигит бием не станет и одна палка юртой не станет» и т. п.

³⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 8.

³⁹ А. А. Кауфман. Русская община. СПб., 1908, стр. 79.

В кочевом ауле бай и другие угнетатели, жившие за счет народного труда и широко использовавшие патриархально-феодальную эксплуатацию, были носителями родовых традиций, создателями мнения вокруг каждого события в роде. Всякое общественное явление рассматривалось и оценивалось с точки зрения родовой идеологии. Каждый конфликт, порождаемый экономическими отношениями людей, эксплуататорская верхушка старалась сглаживать и разрешать, оперируя пережитками родового быта. Даже телесное наказание баями бедняков, которое было обычным явлением в каждом ауле, оправдывали ссылкой как на искони существующий порядок во всех казахских родах. Отсюда казахская поговорка: «Если сломали руку, ее не видно в рукаве, если поранили голову, ее не видно под шапкой». Все скрывавшей «шапкой» и был казахский род. Поэтому именно богатые, сильные и знатные в казахском обществе были яростными защитниками «родовых» идей.

Для понимания социальной природы родов и родовых традиций у казахов и им подобных кочевых народов необходимо рассматривать роды их как продукт весьма длительного исторического развития, в результате которого они переродились и приспособились к новым общественно-экономическим отношениям классового общества. По своему существу казахские роды были институтами патриархально-феодального общества, а не бесклассового первобытного, как думали многие дореволюционные исследователи Казахстана.

Кочевники в процессе скотоводческого производства, которым они занимались, осуществляли свою хозяйственную деятельность на обширной территории путем постоянного планомерного передвижения с места на место. При этом орудием и предметом труда был весьма подвижный материал — живой скот. Организация такого специфического производства требовала известной кооперации труда членов ряда семей в ауле. Определенное сотрудничество членов семей, входивших в один аул, было необходимо для осуществления непрерывности процесса производства и служило надежной гарантией сохранности средств производства в виде стад, табунов и пастбища. Поэтому всякий скотовод-кочевник стремился упорядочить свои отношения с соседями, что было возможно лишь тогда, когда отдельные семьи соединялись в более крупные и связанные между собой общественные группы, которые могли установить внутренний распорядок и обеспечить защиту от внешних врагов. Причем вовсе не обязательно, чтобы эти ближайшие соседи были близкими родственниками. Слово «сосед» (сыбайлас) образовано, по нашему мнению, из двух казахских слов: «сый» (чужой) и уважаемый) и «бай-

лас» (связь). Следовательно, слово «сыбайлас» (соседство) по смыслу даже не связано с родством.

Установление добрососедских отношений между соседними группами населения, которые имели известную общность экономических интересов и хозяйственной территории, еще больше их сплачивало. Такое сплочение, как правило, происходило, под организующим влиянием или даже властью влиятельных лиц. Неродственные между собой аулы, ата-баласы и тайфы, вошедшие в такое объединение, со временем принимали одно общее вторично образованное «родовое» название по имени родоуправителя или хана. Это вызвало к жизни традиционное представление среди последующих поколений, что они якобы потомки одного общего предка и, следовательно, между собой родственники.

Объявление родственниками всех в таком объединении имело большое политическое значение для установления единства в борьбе с враждебными соседями и для ослабления сил сопротивления угнетенной массы против своих угнетателей, выступавших в данном родовом объединении в роли родоуправителей и их пособников.

Для подтверждения этого положения можно привести много фактов. Возьмем, например, образование большого рода Младшего жуза шомекей. По представлению казахов, входивших в этот род, последний имел сложную родовую иерархию. Родоначальник Шомекей был якобы отцом 4 сыновей: Тохы, Кунека, Возгула и Аспана, потом каждый сын, в свою очередь, имел свое потомство. По расчетам шомекейцев, их предок жил в начале XVII в. Было бы неверно полагать, что этот огромный род, состоявший в начале XX в. примерно из 20 тыс. хозяйств, или 100 тыс. душ населения, достиг такого размера только путем естественного роста населения на базе одной семьи.

В. И. Ленин показал всю вздорность точки зрения буржуазных социологов, считавших, что «история обществности... состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»⁴⁰.

В действительности Шомекей, возможно, не был отцом предков четырех родовых отделений. Он мог объединить под своим именем этих четырех, совершенно не связанных между собой родством групп кочевников. В пользу такой точки зрения высказался А. Левшин: «Чумякевский род Меньшей орды полагает, что он прежде не принадлежал к киргиз-казахам... и получил название от хана своего Чумякея, который, (будучи) во вражде с Чингисом, отложился от него и пришел

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 153.

с приверженцами своими в места — ныне занимаемые Среднею киргизскою ордою. Потомок его Аюсрым, завладев окрестностями реки Сарысу, отдал единственную свою наследницу и дочь в замужество за сына Алима (родоначальника алимулинского поколения), отчего и подданные его соединились с киргиз-кайсаками»⁴¹. О том, что казахские роды были вторичным образованием, говорят и данные Н. А. Аристова: «Народные предания производят часть джалаирировских родов от Сыр-манака; а остальные — от Чу-манака... племя чу, к которому принадлежат дулаты, адбаны, суваны, чумекей (род Малой орды, у китайцев в VII в. — чуми, чумугунь, чуюе). Сохранился еще остаток рода чуюе в виде маленького отделения чуюе между найманами рода садыр в Лепсинском уезде на ур. Тентексу»⁴². Об аналогичном случае писал Ч. Валиханов: «Род Большой орды керейт отделился от союза казахов и соединился с узбекскими родовичами керейтами, а небольшой остаток его, впоследствии возвратившийся в степь, пристал по соседству к Малой орде к семиродскому поколению и теперь составляет его отделение и производит себя от родоначальника этого поколения Каракат... (?)»⁴³. Ч. Валиханов высказывает мнение о том, что казахские роды впоследствии образовались как союзы племен, которые из-за смут и беспорядков в XV в. снялись с насиженных мест и пришли в беспорядочное движение. В результате этого целые роды и племена раздробились, попали в разные места и смешались с частями других родов и племен. Это было необходимо для самосохранения. Со временем малые племена либо искали защиты у более сильных племен, присоединяясь к ним, либо вступали в более тесные братские отношения между собой, составляя общество, массу людей, способных предотвратить нападения менее раздробленных племен. Так могли образоваться первые родовые союзы или объединения⁴⁴. Мнение Ч. Валиханова совпадает и с утверждением Н. А. Аристова, который писал: «Роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои искони имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, — конечно, следствие политического значения носивших их родов, — сохраняются частью и поны-

⁴¹ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей, т. 2. СПб., 1832, стр. 30.

⁴² Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1896, стр. 352.

⁴³ Ч. Валиханов. Собрание сочинений. «Записки ИРГО», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 291.

⁴⁴ Там же, стр. 294.

не»⁴⁵. Образование казахских родов имеет некоторое сходство с образованием русских общин. В. И. Ленин писал: «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то, несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и *общины*, составлявшиеся таким образом, были *чисто территориальными союзами*»⁴⁶ (подчеркнуто нами. — С. Т.).

Разумеется, казахские кочевые роды нетождественны оседлым русским общинам. Оседлые русские общины, прикрепленные к земле под властью помещика, были чисто территориальными союзами, а кочевые казахские роды синтезом родовых и территориальных союзов. Своеобразие материального производства казахов — кочевое скотоводство не могло не накладывать своего отпечатка на формы связи между кочевыми общинами.

Из этого следует, что крупные казахские роды или племена, как аргын, кинчак, конрад, джалаиыр, дулат, найман, шекты, шомекей и т. д., в момент формирования представляли собой конгломерат из различных родовых отделений, тайф и аулов, которые между собой в большинстве случаев не были связаны родством, а объединены под властью одного родоправителя или хана. Таким образом, кочевая община образовалась вторично.

§ 2. Зимнее кочевание аула и его экономическая жизнь

Зимняя, весенняя, летняя и осенняя кочевки у скотоводов являлись различными стадиями кочевания в годовом цикле процесса производства.

Скотоводы Казалинского и соседних с ним Перовского и Отчаста Иргизского уездов, совершавшие круглогодичное передвижение, имели один из самых больших радиусов кочевания во всем Казахстане, наравне с баганалинцами и аргынцами Атбасарского и Каркаралинского уездов, с одной стороны, и с адаевцами и табынцами Мангышлакского, Гурьевского и Темирского уездов, с другой.

Кочевники Казалинского уезда делились на два довольно многочисленные рода Младшего жуза и составляли около двенадцати волостей Казалинского, десяти волостей Перовского и трех волостей Иргизского уездов. Они кочевали еже-

⁴⁵ Н. А. Аристов. Указ. работа, стр. 352.

⁴⁶ В. И. Ленин. ИСС, т. 1, стр. 153.

годно в меридиональном направлении с юга на север и обратно с севера на юг между 62 и 68° восточной долготы и 42 и 50° северной широты (см. схематическую карту 3). Местом зимнего кочевания большинства были широкие долины сухих русел Инкар-Дарьи, Куван-Дарьи, Жана-Дарьи и бескрайние песчаные пространства пустыни Кызыл-Кумы с достаточно богатой флорой, вполне пригодной для зимней пастбищ верблюдов, овец и коз.

Эти пески отличаются тем, что на 80—90% покрыты травой. Там растут различные пастбищные травы: селеу, ран, польны, колочки, кеурек и другие, а также кустарники: акдузген, куянсеюк, и деревья — саксаул (главным образом, его белая порода, которую казахи называли «катын сексеул», что означает «баба-саксаул»).

Другой особенностью песков является то, что они в основном тянутся правильными рядами холмов, между ними имеются глубокие впадины. Поэтому здесь в самые холодные зимние месяцы не бывает сильных ветров, метелей, тем более буранов. В отличие от рельефа Приаральских Кара-Кумов рельеф Кызыл-Кумов казахи называли Қызылдың қиясы.

Такое своеобразие климата, растительного покрова и рельефа Кызыл-Кумских песков делало их незаменимым зимним пастбищем для овец, коз и верблюдов даже во время суровой зимы с глубоким снегом. Скотоводы, зимовавшие в Кызыл-Кумах, почти не знали джутов, а если он и происходил, то не приносил особо большого вреда.

Эти кочевые скотоводы не имели ни зимовок, ни постоянных пастбищ, они не занимались ни сенокосением, ни земледелием, их домашнее хозяйство было приспособлено к постоянному передвижению с места на место в течение целого года. Это были вечные кочевники.

Обычно в Кызыл-Кумах, как указывалось, зима мягкая, снег неглубокий, трава на зиму сохранялась в целости, так как в течение весны, лета и осени там кочевников со скотом не было. В пределах Кызыл-Кумов они находились максимум 2—2,5 зимних месяца и добирались до самых дальних точек пустыни — урочищ Бетегелик, Бес-Тюбе, Акбайтал, Возкемер не раньше 15 декабря.

Примерно в начале марта кочевники собирались в обратный путь на север. Это объяснялось тем, что в песках можно было оставаться до тех пор, пока на земле сохранялся снежный покров.

Колодцы в Кызыл-Кумах имелись в нескольких точках, но в основном вдали от сферы действия кочевников. Вырыть глубокий колодец в сыпучем песчаном грунте — дело очень трудное и весьма опасное для жизни людей. Конечно, среди

кочевников были специалисты, которые строили такие колодцы, но они брали за сооружение одного колодца не менее 300—400 баранов.

В Кызыл-Кумах постоянно жило небольшое количество кочевников, которые целой общиной владели колодцами, как правило, расположенными ближе к гористой местности. Климат здесь очень тяжелый — летом температура воздуха поднимается до 70—80°С. Вода имеет горько-соленый привкус и находится на глубине 70—80 м. Весной здесь появляется масса клещей (таскене), впивающихся в тело животных и людей; от жары и недостатка влаги летом выгорают травы, скот сильно тощает, козы и овцы за лето почти никогда не набирают даже среднего веса.

Местные скотоводы обычно разводили каракулевых овец, одногорбых верблюдов и в небольшом количестве коз; других видов скота у них не было, если не считать нескольких верховых лошадей, главным образом у имущего слоя населения.

Они торговали с Хивой и Бухарой скотом и продуктами скотоводства, беднейшая часть населения постоянно сбывала там древесный уголь из саксаула.

Никаких ограничений и регламентирования в использовании пастбищ не существовало, за исключением того случая, когда кто-либо один рыл колодец и потому являлся его единственным хозяином. Другие могли пользоваться колодцем только после того, как хозяин полностью удовлетворял водой свой стада.

В песках Кызыл-Кумы постоянных зимовок с постройками не было, и все без исключения как постоянные обитатели их, так и вкочевывающие туда кошпелинцы проводили зиму в разборных и переносных войлочных юртах. Каждый аул зимой непременно останавливался на «коне». Иначе такие виды скота, как овцы, козы и верблюды, могли погибнуть от холода, так как всегда нуждались в сухой подстилке на ночь. Время пребывания кочевото аула на таком «коне» определялось сроком истощения подножного корма для скота в окрестностях. Во всяком случае зимой аул не мог оставаться на одном месте дольше месяца. В материалах по казахскому землепользованию Атбасарского уезда, собранных в 1897 г., говорится: «В районе постоянных кочевков и в течение зимних месяцев казахи тоже кочуют, как и летом, но только на небольшие расстояния и дольше оставаясь на одном и том же месте. Для зимних кочевков казахи разбивают свои летние аулы на более мелкие единицы, что и понятно, так как зимняя пастьба да еще при условии редкого растительного покрова не представляет таких удобств, как летняя пастьба...

Когда корм вокруг одного «кона» вытравлен, переходят на другой и так далее»⁴⁷.

На всей территории песков Кызыл-Кумов передвижение кочевых аулов с «кона» на «кон» и в любом направлении никак не ограничивалось. «Коны» не являлись чьей-либо собственностью. Их занимал тот, кто первый в данный момент находил, т. е. действовало право первого захвата для временного пользования.

Из всей массы кочевого населения Казалинского, Перовского и отчасти Иргизского уездов Кызыл-Кумы использовали как зимнее пастбище самые крупные бай-скотовладельцы. Это объяснялось тем, что не все кочевые скотоводы могли пройти расстояние в тысячу километров в один конец. Осуществить такое дальнее кочевание способно лишь экономически мощное хозяйство. Само собой понятно, что это было под силу только богатым аулам, которые имели в достаточном количестве вьючный и верховой исправный рабочий скот, а также работников, и были способны преодолеть и выдержать все невзгоды суровой кочевой жизни.

Кочевать это значит (за исключением нескольких летних и зимних месяцев, когда аулы стояли на одном месте значительно дольше, чем в остальные времена года) почти ежедневно разбирать и собирать юрты, навьючивать и развьючивать верблюдов, очищать место для ночлега на «коне», чтобы установить разборно-переносный открытый загон для скота (койхора, туюхора).

Такие загоны обязательно делали ранней весной и в осенне-зимний период. Кроме того, в жаркое время года в безводных местах надо было рыть новые колодцы или исправлять и очищать старые, чтобы напоить скот. «Поение скота из колодцев должно производиться своевременно и с известной быстротой, что исполнимо только в том случае, когда на то или другое число голов имеется соответственное количество рабочей силы. У колодцев скот поят из корыт (астау). Каждое корыто имеет длину два аршина. На стадо в 200 голов овец надо иметь 2—3 корыта; из одного корыта в одно и то же время могут пить 30—40 баранов или 10 верблюдов, при условии, если в каждое корыто будут черпать воду 2 человека»⁴⁸. Крупные скотовладельцы, кроме пастухов и табунщиков, содержали пропорционально количеству скота число малаев (т. е. наемных батраков) и полумалаев. Полумалаи

⁴⁷ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Атбасарский уезд», т. II, Воронеж, 1902, стр. 26.

⁴⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 12.

или мурза-малаи официально не считались батраками, они вербовались из полузависимых бедных родственников различной степени родства, но не далее, чем третье или четвертое поколение.

Эти малаи и мурза-малаи в основном занимались разбором и сбором юрт, навьючиванием и развьючиванием верблюдов, устройством временного загона для скота, ремонтом и очисткой колодцев и организацией водопоя. Таким образом, кочевое скотоводство в этих условиях являлось сложным и трудоемким процессом производства, при котором применялось значительное количество специфических орудий труда, все виды рабочего скота, употребляемые для кочевков, пастбы и охраны скота. В процессе кочевания для рытья колодцев и организации водопоя использовался разнообразный инвентарь в виде кирок, китменей, железных лопат, железных ведер и кожаных кунек с длинными деревянными ручками или толстой веревкой, применявшихся для выбрасывания земли, выливания грязи и черпания воды. Если колодец был глубже 7—8 м, то делали блок с рычагом (шарык), который приводила в движение лошадь или верблюд.

Разборно-переносные ограды состояли из плетеных циновок, толстых березовых кольев, диаметром 9—10 см и длиной в 2—2,5 м (кора ағаш или қада ағаш), которые служили остовом временного забора и крепились в земле. Их ставили на расстоянии 3—4 шагов друг от друга, в результате образовывался круг площадью, необходимой для определенного количества скота. Эти кадаагашы затягивали толстыми веревками, а к ним прикрепляли циновки с деревянными крепителями (гүйреуіш) и т. д. Утверждение некоторых авторов о том, что кочевое скотоводство казахов являлось якобы безинвентарным хозяйством, не применявшим никаких орудий труда, в корне неправильно. К тому же все стада и табуны кочевников являлись одновременно орудием труда и предметом труда. Об особенностях скотоводства как процесса производства К. Маркс писал: «Определенное количество леса на корню или живого скота, — находится в процессе производства в условном смысле (одновременно в качестве средств труда и материала труда); соответственно естественным условиям воспроизводства леса и скота...»⁹⁴. Такая трудность и трудоемкость процесса осенне-зимнего кочевания делала Кызыл-Кумы доступными как зимнее пастбище не для всех кочевых аулов Казалинского, Перовского и Иргизского уездов. Кочевые скотоводы, не располагавшие достаточным количеством рабочей силы, рабочего оюта, необходимым хо-

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 276.

зайственным инвентарем, не могли использовать Кзыл-Кумы как зимнее пастбище.

Зимние аулы постоянно кочующих скотоводов были наименьшие по размеру. Основой образования единицы аулов в конечном счете являлось стадо. Обычно крупный бай, располагавший большим поголовьем овец и коз, отделял жен с детьми в самостоятельные аулы, разделяв скот по количеству детей от каждой из них и оставив больше скота в хозяйстве у той жены, у которой он жил. Как правило, бай оставался с младшей женой. При этом он сохранял свое влияние на хозяйство всех жен до тех пор, пока не вырастали дети.

Тогда происходил формально и фактически раздел имущества (енші алу) между семьями этих жен. При распределении скота брались во внимание только мальчики, девочкам скота не давалось, исходя из того, что за каждую из них должны были получить калым при выдаче замуж. Поэтому при рождении дочери родителей поздравляли «С появлением сорока лошадей» («Қырық жылқы құтты болсын»). Бай, имея несколько возмужалых детей от одной жены, также производил раздел имущества и скота между сыновьями, выделяя каждого в самостоятельный аул и оставляя у себя самого младшего (кенже бала), который являлся главным наследником его имущества по патриархальным обычаям, поэтому он и пользовался почетом в ауле.

Как в первом, так и во втором случае налицо распадение одного большого отцовского аула (үлкен ауыл) на новые аулы (отау ауыл), каждый из которых сразу же приобретал все атрибуты самостоятельного аула, хотя сын до глубокой старости называл свой аул именем отца из почтения и уважения к нему. В то же время этот аул называли и по имени фактического его владельца дети последнего и другие члены аула, включая пастухов. Для выделения в самостоятельный аул требовалось от 200 до 1000 овец и коз и не менее 20 верблюдов.

Но бывали и богатые аулы, имевшие по две и более тысяч овец, по 100 и больше верблюдов, по 100 и больше лошадей. В таких аулах стадо овец разбивали на стада от 500 до 1000 голов, как бы образуя ряд временных подаулов или пастушеских аулов (мал бөлімдері или малшы аулдар), которые существовали в основном только в зимнее время, как способ пастбы скота.

Что касается нового аула, отпочковавшегося от старого и имевшего 200—300 овец, 20—30 верблюдов и столько же лошадей, то он мог состоять из одного хозяйства с единственной юртой. Такой аул-хозяйство вполне обходилось с учетом участия в процессе труда хозяина и членов его семьи

(жены, одного или двух подростков — детей) одним или двумя наемными батраками. Если пастух был семейным, тогда аул состоял уже из двух юрт, а если хозяин присоединял к себе еще хозяйство кого-либо из бедных родственников, то в таком ауле могло быть и три юрты.

Как правило, чем богаче аул скотом, тем больше возможностей он имел для увеличения числа бедных семейств, семейств полубатраков и бедных родственников. Эти семейства презрительно называли «консы» или «харашы». До последних дней существования кочевых аулов сами казахи не считали, что понятие «консы» распространяется на бедных родственников, они были в плену понятий древних патриархально-родовых обычаев.

Небольшой байский аул, только что отделившийся от отцовского и обретший самостоятельность, уже с первых шагов показывал свою эксплуататорскую сущность, присваивая труд бедных родственников под предлогом родственных связей. Такой хозяин обычно приглашает к себе для совместного кочевания, т. е. для совместного ведения хозяйства, кого-нибудь победнее из родственников, у которых было несколько работоспособных членов.

Как видно, с внешней стороны в мотивах приглашения нет ничего предосудительного. Состоятельный родственник устраивал для приглашенного даже торжественный прием с обильным угощением.

Допустим, прибывший новый член аула имел всего 50 овец и коз, пять верблюдов и семь членов семьи (глава семьи, жена, пятеро детей: три сына и две дочери), причем работоспособными из них были — он сам, жена, 20-летний сын, 17-летняя дочь и 14-летний сын. Такая семья в кочевом ауле не могла прожить на доходы своего хозяйства, она нуждалась в продуктах питания, ей не хватало рабочего скота для перекочевки. Положение ее ухудшалось с приближением зимы, когда надо было закупать на 8 месяцев (период с августа по апрель следующего года) муки (40—50 пудов). Кроме того, кочевникам нужно было большое количество войлока (кошмы) для покрытия юрт, для изготовления попона, седел, потников, постелей, чулок и портянок, а также верблюжьей шерсти и разных овчин для шитья теплой одежды: шуб, тулупов и плащей-халатов, не говоря уже о веревках из конских и козых волос с примесью овечьей и верблюжьей шерсти, разнообразной тесьмы и мешках.

Зная нужду своего родственника, бай с большим «добродушием» мог заявить: «Мы потомки одного священного предка, мой долг помочь тебе; поэтому мой скот считай своим, используй его рабочую силу, пей молоко и стриги шерсть,

но с одним условием: мы с тобой и твоими детьми должны ухаживать за всем скотом, как за общим источником своего благосостояния».

Бедный родственник также мог получить в порядке помощи во временное пользование как рабочий скот 3—5 верблюдов с разрешением весной снять с них шерсть. За это он должен был в течение года бесплатно пасти стадо верблюдов (35 голов) своего «благодетеля» считая себя не наемным батраком (малаем), а полноправным хозяином всего стада.

Он мог также пользоваться в лактационный период молоком и снять шерсть с двух десятков овец, за что его старший сын должен был в течение весны и лета выполнять самую тяжелую работу: рыть колодцы, поить скот, второй же сын пасти ягнят, а жена и старшая дочь делать самую разнообразную домашнюю работу. Все это считалось не батрачеством (малайшылық), а работой у «себя», в «своем» хозяйстве. Такие взаимоотношения квалифицировались как простое разделение труда в процессе производства в данном ауле между его работоспособными членами. По этому поводу казахская поговорка гласит: «У одноаульцев должно быть единство действий, если один занят одним делом, то другой — другим» («Ауыл болсаң қауым бол, бірің оған болсаң, бірің бұған бол»).

Данное положение бедных родственников в дореволюционном кочевом казахском ауле в представлениях людей того времени не связывалось с эксплуатацией человека человеком. Возможно, в далеком прошлом весь скот большой патриархально-родовой семьи — аула был общим достоянием и участие членов его в трудовом процессе являлось правом и обязанностью всех трудоспособных. Такая форма производственных отношений людей могла существовать только в том обществе, где еще не было частной собственности на скот, не было деления общества на классы и эксплуатации человека человеком, чего нельзя сказать о казахском ауле начала XX в.

На самом деле имущественное неравенство между членами дореволюционного кочевого аула было настолько привычным, что рассматривалось как спокойное веков существующее состояние общества. Обычное право патриархально-родового строя превратилось давным-давно, по выражению Маркса, в право сильного, в кулачное право, следовательно, в право богатого, в право эксплуататора. Частная собственность на средства производства и связанная с ней новая форма производственных отношений людей породили свойственные им правовые порядки. Имущий человек, собственник большого количества скота, пользовался особыми приви-

летиями в кочевом обществе, так как общественное положение каждого члена общества в конечном счете определялось только его богатством. По меткому выражению Энгельса, здесь было «восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»⁵⁰.

Если взять средний байский аул, который располагал тысячью овец и коз, 40—50 верблюдами и таким же количеством лошадей, то он, несмотря на участие в трудовом процессе двух-трех мужчин из семьи хозяина или бедных родственников, никак не мог обойтись без применения 4—5 наемных батраков — малаев. При таком положении минимум две семьи малоскотных родственников находились в этом ауле. Они получали «помощь» от своего богатого родственника и в ответ оказывали встречную «помощь» баю трудом. В результате примерно 50% работы по хозяйству выполнялось даровым трудом бедняков. Таков был принцип организации и социальная природа мелкого и среднего байского хозяйства кочевого аула казахов.

Следует особо охарактеризовать крупный байский кочевой аул. Его основой служило хозяйство, имевшее около 2000 овец, 150—200 верблюдов и столько же или больше табунных лошадей. Обычно поголовье скота подсчитывалось осенью, когда подрастал молодняк.

Для ведения хозяйства такого объема и обеспечения ухода за скотом требовалось 3—4 овечьих пастуха, 2 верблюжьих, 2—3 табунщика, следовательно, около 9—10 человек. Но, кроме пастыбы, надо было еще рыть новые и исправлять старые колодцы, поить скот.

С наступлением холодов и выпадением снега нужно было чуть ли не ежедневно очищать «коны» от снега для устройства ночлега аулу и стадам. Все это наряду с другой производимой в связи с кочевкой работой требовало еще работников, причем неменьшее количество, чем было в ауле, т. е. около 10 человек. Таким образом, баю следовало иметь около 20 работников. Из этого количества обычно одну половину составляли наемные батраки, а другую — бедные родственники.

Минимум половина из наемных батраков могла быть главами семей, иметь самостоятельные юрты. Вместе с юртами бедных родственников, которых также насчитывалось не менее 5, и 2—3 байскими юртами они образовывали аул из 12—15 хозяйств-юрт. Бедные родственники считали, что они кочуют в одном ауле с баем по причине близкого кровного родства, как потомки одного общего предка, что разли-

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 108.

ца между ними и баем только в том, что у него больше скота, а в остальном они равноправны. Поэтому такие родственники именовать себя консы стеснялись, тем более они не получали платы за трудовое участие в хозяйственных делах, кроме незначительной родовой помощи (агайыншылык). Этим объяснялось, что в обыденной жизни бедные родственники и бай, их жены и дети называли друг друга эпитетами родства в зависимости от возрастной особенности, как-то: отец, мать, брат, сестра, сноха и т. п. Эти традиционно установившиеся патриархально-родовым бытом внешние нормы поведения и знаки приличия строго соблюдались.

Примером традиционного уважения было бытование таких обычаев. Дети, подростки и молодые женщины в ауле независимо от материального положения их семей должны были приветствовать всех первыми и не обращаться по имени к старшим; девушкам и молодым женщинам запрещалось переходить дорогу пожилым мужчинам, почетное место в юрте всегда следовало уступать старшим, за столом нельзя начать есть и пить без разрешения сидящего рядом старшего. Если кто-либо из взрослых заходил в юрту во время еды, его обязательно приглашали есть; при несчастном случае пострадавшему следовало непременно помочь, выручить из беды и т. д.

Причиной основных ошибок многих исследователей общественного строя дореволюционного Казахстана было то, что они внешнюю форму проявления производственных отношений в казахском ауле, выступавших как отношения, характерные для патриархально-родового строя, принимали за действительную, упуская из виду их экономическую сущность. Задача марксистско-ленинской политической экономии заключается именно в том, чтобы за внешней формой проявления общественно-производственных отношений людей увидеть их сущность, их реальное содержание. Об этом Маркс говорил: «А если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» ...⁵¹.

Бедняки, не причислявшие себя к консы, также были обязаны участвовать в хозяйственной работе бая. Из пяти семейств минимуму обычно работало около 10 человек. Они выполняли различные производственные функции и именовались по-казахски: қорашы, құдықшы, қауғашы, отыншы, сушы и т. п.

Обеспеченность этих пяти хозяйств могла быть различной. Этим определялась и степень зависимости каждого от бая и количество выставляемых работников. Чем беднее

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384.

семья, тем больше она экономически зависела от бая и сильнее втягивалась в его производство, постепенно превращаясь в полунаемных и наемных батраков. Безусловно, в ауле не могло быть одинаковым общественно-экономическое положение лиц, которые получали различную по величине материальную помощь от бая. Так, если один брал во временное пользование одного верблюда, а другой — трех, то степень зависимости последнего была в 3 раза больше, чем первого.

В кочевой жизни недостаток или острая нужда хотя бы в одной голове рабочего скота — верблюда и пр. была почти вопросом жизни и смерти для данной семьи. В условиях крайней ограниченности возможности выхода бедняка из особо затруднительного положения ему грозили вынужденная остановка в безводной пустыне, в частности в Кызыл-Кумах, или же передвижение пешком по следам своего аула до ближайшего пункта оседлости, где можно было бы остаться. Такая нужда заставляла их идти в кабалу к баю или наниматься батраками к другим на любых условиях.

Действительно, в конце XIX — начале XX в. бедняки, лишившиеся скота, при нахождении местности, пригодной для земледелия, в особенности вблизи реки или озера, где можно было бы заниматься и рыболовством, отрывались от основной массы кочевников и присоединялись к оседлому населению.

Если бай был недоволен своим бедным родственником, он мог, кроме прочих наказаний, отобрать у него рабочий скот, отданный во временное пользование. Такой поступок бая трудовая масса народа сравнивала с жестокостью врага. Насколько тяжелым было положение кочевников бедняков говорит тот факт, что они использовали в своем хозяйстве молодняк верблюдов (тайлак) и лошадей (тай), т. е. еще неполноценный рабочий скот.

В обеспеченных же байских хозяйствах не применяли не только двухлеток, но и животных более старших возрастов, точнее до четырех лет. В результате ранней и чрезмерной эксплуатации верблюды и лошади у бедняков бывали слабы, истощены и мало способны даже к простому воспроизводству поголовья.

Насколько живучи патриархально-родовые обычаи, видно хотя бы из того, что, несмотря на сильную экономическую зависимость от бая, эти бедняки всегда подчеркивали свою родственную близость к нему. То же самое твердили бай, при этом не стесняясь безжалостно эксплуатировать бедных родственников.

Кочевой бай частенько использовал очень древний спо-

соб закабаления, который существовал и у других народов, а именно: усыновление детей бедняков, а также близких родственников. По-казахски он назывался «еншилес». Такой приемный сын до поры до времени мог быть бесплатным работником в хозяйстве. За многолетний труд его, как правило, бай считал своим долгом выплатить за него калым и после женитьбы наделял его таким количеством скота, чтобы он всегда оставался бедным и находился в положении бедного родственника. По существу, это был полусын и полураб. Такая судьба постигала главным образом детей самых бедных родителей, полусирот, сирот и т. д. Один из подобных случаев описан в материалах экспедиции Ф. А. Щербины: «Богатый человек берет к себе бедного родственника с детства и взрослого, если обеднеет, тоже берет — обувает его, одевает, кормит, потом женит. Этот приемыш и пасет скот богача. Наемных пастухов мало держат»⁵². Этим приемным детям, когда они становились взрослыми, в случае ухода от приемного отца мог предъявлять иск по ростовщическим подсчетам на весь скот и имущество как сам бай, так и его дети по праву наследования.

Кроме того, для закабаления бедных родственников бай мог воспользоваться и способом дарения детям бедняков жеребенка, верблюжонка, ягнят или козлят с метками на ушах. Такой подарок для бедняков был стимулом к работе. Будучи пастухами байского скота и видя подаренный молодняк в байском стаде, они укреплялись в мыслях в общности своих и байских интересов. Между тем бай в любое время мог забрать себе все поголовье скота, выращенное от подаренного бедняку молодняка, как собственный скот. Отсюда ясно, насколько ложный характер имел этот патриархальный подарок. По существу, он являлся ярмом для бедняков.

Другим, еще более чреватым тяжелыми последствиями, явлением во взаимоотношениях бая и бедняка было наделение последнего скотом (майын и сауын) с условием обеспечения его сохранности. Гибель скота от чрезмерного физического напряжения (перевоз тяжести не по силам, непрерывная скачка), истощения, травли волками и другими хищниками, увечье в процессе работы — все считалось неуважительной причиной гибели, и скот следовало возместить баю в течение года с учетом предполагаемого приплода. Как правило, бай производил подсчет не в одинарном размере, а в двухкратном, приписывая погибшему скоту какие-либо превосходные качества (быстроходность, выносливость, плодо-

⁵² См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд», т. IX, СПб., 1905, стр. 58.

витость, удойность и т. п.). В таких случаях казахи говорили: «У утерянного ножа рукоятка золотая» («Жоғалған пышақтың сабы алтын»). Если скот, отданный в надел, пал от болезни или получил увечье не во время работы, причина считалась уважительной, и он не подлежал восстановлению. Но опять-таки все зависело от решения собственника скота, как он квалифицировал тот или другой случай. В такой зависимости от бая находилась вся беднота аула, что являлось одной из форм эксплуатации.

Экономическое и политическое закабаление бедняков как родственников, так и посторонних выражалось и в других формах. В аулах имелось немало людей безродных, неполноправных. Казахи их презрительно называли чернобрюхие (қара қарын). Условием для появления таких категорий людей оказалась экзогамность первичных родовых объединений, приспособленная у казахов к патриархально-феодалным отношениям.

В этом можно убедиться на фактах из жизни кочевых аулов сыр-дарьинских казахов. В середине XIX в. в аул № 5 Карабастугайской волости Казалинского уезда к бию из рода дюсек Бекболату Малайдарову прикочевал младший брат его старшей жены Батырбай, который происходил из рода керейт. Он был принят бием как шурин и работал у него лет 20 бесплатно. За это Бекболат купил ему в жены за небольшой калым бедную девушку, когда Батырбаю было около 40 лет. Батырбай до смерти оставался полурабом, а жена его — рабыней. Они не имели права уйти от бия. У Батырбая родились два сына — Куракбай и Курамыс; в 1910 г. старшему исполнилось 40 лет, младшему — 35. Братья никого не знали в роде керейт, откуда происходил их отец, т. е. это был классический пример кара карын. Их доля оказалась почти такой же, как и отца, они работали у сына Бекболата бия Еликеея.

Второй случай произошел в том же ауле бия Еликеея. Его старшую дочь Мамык еще малолетней засватали за Алиаскара, сына (тоже малолетнего) бая из рода каратамыр. Через некоторое время бай умер, хозяйство его разорилось, последние остатки скота пошли в счет калыма за невесту. Женившись, Алиаскар переселился в аул отца жены как бедный родственник (күйеу). В результате он и его дети остались навсегда пастухами у Еликеея и его сыновей и получали подачки в виде родовой помощи.

В материалах экспедиции Ф. А. Щербины также приведен весьма интересный факт. «Кайралап Калымбетов пришел в Актюбинский уезд год тому назад, его привез из Сыр-Дарьинской области дядя (по матери) — Дильмагамбет Дю-

сембаев, киргиз XI аула Буртинской волости, у которого он и поселился. Привез сюда кибитку, котел и некоторую другую домашнюю утварь. Кайралап из скота имеет только одну лошадь, косит для дяди сено, жнет ему хлеб и ухаживает за его скотом. Дильмагамбет его кормит, о цене не рядились». Еще пример: «Актасиль, казах Иргизского уезда Темиррастауской волости, переселился 9 лет тому назад в IX аул Буртинской волости к своему родственнику по женской линии Тухемису после «куян жилы», когда у него пропали 44 лошади (осталась 1), 19 рогатого скота (остался 1 бык), 8 верблюдов (осталось 2 верблюда) и 97 овец (остались 3 барана)»⁵³.

Итак, источником образования кара карын в казахском обществе конца XIX — начала XX в. являлись бедные родственники баев, переселившиеся из других родов. Эти люди при наличии больших пережитков патриархально-родовых традиций оказывались неполноправными не только в экономическом, но и социальном отношении, так как не имели за собой даже видимой опоры своего рода.

В то же время экзогамность первичных родов и некоторые формы взаимоотношений между представителями родов, вступавшими в брачные отношения, указывают на существование в очень отдаленном прошлом особого типа семьи — пуналуа, когда все мужчины одного рода считались женихами девушек другого рода. Об этом говорят народные шутки и обращения. Каждый из ровесников мог считать жен своих ровесников своими женами, их детей — своими детьми, а дети ровесников в свою очередь должны были называть отцами всех ровесников своего отца и матерями — их жен, хотя в действительности таковыми они не были.

Мужчину, женившегося на одной из девушек определенного экзогамного рода, каждая семья из любого аула данного рода именовала своим зятем (күйеу). Он же всех девушек этого рода моложе своей жены мог называть свояченицами (балдыз). Существовал, кроме того, и такой обычай: если у мужа умирала жена и оставалась никем не засватанная младшая сестра жены, он должен был на ней жениться, выплатив калым. Обратной стороной этого явления было известное казахам амангерство. Оно бытовало в казахском ауле еще в первые годы Советской власти. Принцип амангерства состоял в том, что если один из братьев умирал, оставшийся в живых был обязан жениться на вдове брата, независимо от того женат он или нет. «Но если мы находим, что род не только по необходимости, но и просто как нечто са-

⁵³ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Актюбинский уезд», т. VII, Воронеж, 1903, стр. 76.

мо собой разумеющееся развивается из пуналуальной семьи, то имеется основание признать почти несомненным существование в прошлом этой формы семьи у всех народов, у которых могут быть обнаружены родовые учреждения...»⁵⁴.

Аналогичные отголоски очень далекого исторического прошлого существовали у многих цивилизованных народов мира. Ф. Энгельс указывал: «Относительно семейной жизни внутри этих домашних общин следует заметить, что по крайней мере в России о главах семей известно, что они сильно злоупотребляют своим положением по отношению к молодым женщинам общины, особенно к своим снохам, и часто образуют из них для себя гарем; русские народные песни весьма красноречивы на этот счет»⁵⁵.

Таким образом, ясно, что мелкие и крупные баи в дореволюционном кочевом скотоводческом казахском ауле широко использовали бесплатный труд формально независимых бедных родственников, оказывали им за это ничтожную помощь путем передачи на какой-то срок (обычно на 3—6 месяцев) верблюда и лошадь (келік майын беру) или путем разрешения дойки весь лактационный период известного количества кобылиц, коз и овец (сауын мал беру), или, наконец, стрижки шерсти в сезон с определенного количества верблюдов или овец (мал жүнін беру).

Главная особенность, а вместе с тем и сложность понимания эксплуататорского характера такого явления заключалась в том, что его трудно было рассматривать как сделку между капиталистом и рабочими; как форму взаимоотношений между феодалом и крепостными крестьянами или между рабовладельцем и рабами. Его выдавали за естественную форму взаимоотношений, установившихся между богатыми и бедными родственниками, т. е. отрицали факт господства и подчинения, а также отношений, характерных между эксплуататором и эксплуатируемыми.

Такую обманчивую видимость производственных отношений в казахском ауле некоторые исследователи принимали за суть. «Ссуда преимущественно практикуется по отношению к скоту; богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых необходимым скотом. Верблюды для кочевков, лошади для езды, а бараны и рогатый скот для удоя. За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взвешного существует только обязанность возвратить скот в целостности»⁵⁶. Находясь в плену такой иллюзии и руководству-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 47.

⁵⁵ Там же, стр. 63—64.

⁵⁶ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, т. I, СПб., 1889, стр. 222.

ясь голым схематизмом, С. З. Зиманов игнорирует фактическое положение в кочевом обществе казахов и отрицает эксплуататорскую сущность надела баем бедняка скотом.

Мы же продолжаем быть убежденными в том, что казахские баи безжалостно эксплуатировали широкую массу казахской бедноты путем отдачи ей скота в надел во временное пользование. По своему социально-экономическому содержанию это было завуалированной формой натуральной заработной платы в условиях кочевого скотоводческого хозяйства казахов.

Об аналогичных с казахскими отношениями между ирландскими землевладельцами и крестьянами Ф. Энгельс писал: «За несколько дней, проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, в какой степени еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распорядиться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должны получить от него помощь»⁵⁷.

Казахская беднота тоже была уверена в том, что она на самом деле получала от бая и главы аула помощь. При этом ей казалось, что бай даже не учитывал размер оказываемой каждому из них помощи. Это была опять-таки иллюзия, в действительности бай вел весьма строгий учет, всегда соразмерял свою помощь с трудом, затраченным его должниками. Он постепенно привлекал к работе в своем хозяйстве сначала почти всех мужчин из бедных одноаульцев, а потом и других работоспособных членов их семей, а в отдельных более бедных семьях принуждал трудиться всех, начиная со стариков и кончая детьми. В результате оказалось, что если 40—50% потребного количества рабочих рук обеспечивали наемные батраки, то остальные 50—60% бай покрывал трудовым участием этих людей, что обходилось ему значительно дешевле. Это было специфической формой отработок у казахов, реализуемой посредством надела скотом.

Такое явление перекликается с тем, что было в дореформенной России. И характер «наделения» по существу не отличается от взаимоотношений между русским помещиком и русскими крестьянами, с той лишь разницей, что в казахском ауле не было традиционного и официального крепостничества. Бесспорность такого положения подтверждается словами В. И. Ленина. Он писал: «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как натуральной за-

---

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 133 (сноска).

работной платой, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»⁵⁸. «Здесь сделка носит непременно личный характер «помощи», «благодаяния», — и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полукрепостническую»⁵⁹.

В начале или середине декабря кочевники уже находились в Кызыл-Кумах, в самых отдаленных местах зимнего пастбища.

Казахи самым трудным и унижительным занятием считали пастьбу овец. Очень часто слово «койши» употреблялось как синоним раба или полураба. Это дает некоторое основание предполагать, что, во-первых, в период существования у казахов патриархального рабства пастьба овец была уделом рабов; во-вторых, что уход за овцами очень труден и, в-третьих, нужны немалые знания и умение для пастьбы овец. Поэтому пастухами овец обычно занимались самые бедные казахи, не имевшие других средств к существованию.

Этим объяснялось наличие у казахов значительного количества фольклорных произведений, в которых молодой человек жаловался на свою несчастную судьбу, на бедность, которая превратила его во всеми презираемого койши.

Зимняя пастьба овец была особо трудна. Поэтому ее поручали не подросткам-пастухам, а взрослым, имевшим большой опыт, т. е. умевшим быстро ориентироваться на местности, определять качество пастбищ, возможную перемену погоды и направление ветра и т. д.

Зимой стадо овец обычно не превышало 400—500 голов, иначе тохты (весенние ягнята) погибли бы с голоду. Как более слабые они шли по пастбищу за овцами и довольствовались тем, что от них осталось. Поэтому в многоскотных хозяйствах, где количество тохты достигало 300 и более, их выпасали отдельно не только зимой, но и весной и осенью. Такое стадо называлось «бойдақ мал». От его пастуха требовалось еще больше знаний и умения, так как тохты были еще мало приспособлены и более беззащитны, чем овцы.

Кроме крепкого здоровья, пастух должен был обладать хорошим зрением, мощным голосом, чтобы отпугивать волков и собирать отары. Поэтому бедняки предпочитали выполнять любую работу по обслуживанию хозяйства и пасти другие виды скота, но только не овец.

Вместе с тем пастьбу овец скотоводы считали лучшей школой для ознакомления с пастушеской жизнью. Дальню-

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 516.

⁵⁹ Там же, стр. 510.

видные скотоводы, даже состоятельные, заставляли своих детей приобретать производственные навыки по пастьбе овец.

Убеленные седinou и умудренные опытом старцы утверждали, что если сын в молодости в течение трех лет не пас овец, то из него не выйдет хорошего человека. И в самом деле, кочевое скотоводство, как всякое производство, было немислимо без овладения основными приемами его организации. Кто не знал на практике основ этого производства, тот не мог быть хорошим хозяином. Недаром казахи говорили, что пастьба овец очень сложна, она имеет сорок тонкостей или сорок приемов («Қойдың қырық қайыруы бар»).

Байские хозяйства, имевшие не менее 2000 овец, на осенне-зимний период обязательно разбивали их в среднем на три стада, т. е. помимо основного создавали еще два подаула или пастушеские аулы. Каждый подаул (отар қой) в данном случае мог состоять из двух юрт: одной — пастуха, другой — бедного родственника бая. Последний являлся одним из основных рабочих, обслуживающих стадо. Если он умел обеспечить надлежащий уход за скотом, то пользовался доверием хозяина. Это придавало его фактически батрацкому положению видимость некоторого выполнения распорядительных функций и давало формальный повод именовать полухозяином. По-казахски его называли «мырза-малай».

Возможен и такой вариант образования подаулов. Если у бая были взрослые сыновья, жившие отдельными юртами, то сыновей ставили во главе подаулов, а мырза-малай пасту-пали в их распоряжение.

Подаулы, временно выделенные для пастьбы овец, для рационального использования пастбищ в трудное время года — зимой или же в период усиленного откармливания скота летом, могли удаляться на значительные расстояния друг от друга. В остальное же время года они кочевали вместе с основным аулом и останавливались рядом с ним. Каждый подаул назывался именем общего хозяина. Вопрос о начале кочевания, местах остановок решал бай. Он же с несколькими помощниками разведывал и знакомился с состоянием пастбищ поблизости за несколько дней, постоянно контролировал работу каждого пастуха овец и следил за состоянием скота. Такова была организация пастьбы овец зимой в кочевом ауле.

Казахские скотоводы считали, что от ночевков овец летом и осенью на сыром месте у них может быть воспаление печени (бауыр құрт). Говорили также, что зимой от сырости места ночлега у овец появлялась аналогичная болезнь «басбах». Если зимой аул продолжительное время пребывал на одном месте, то каждое утро после ухода стада на коне надо было

сбирать в кучи верхний слой толщиной 15—16 см, во избежание его замерзания. Вечером ко времени возвращения стада кучи разравнивали. По истечении 15—20 дней на месте ночлега овец образовывался плотный, толстый и влажный слой помета (сары қи), сгребать который становилось невозможно, и он промерзал. На таком месте уже нельзя было устраивать овец на ночлег. Приходилось слой разрубать на части и убирать. В противном случае ночевка на мерзлом месте длительное время нередко приводила к массовому заболеванию овец басбахом, результатом которого был массовый выкидыш у маток и их падеж.

В байском хозяйстве, кроме овец, были еще лошади и верблюды. В жизни кочевого казаха лошадь имела огромное значение, поэтому казахи-скотоводы ее очень ценили. Если казахи замечали что-либо красивое, поэтическое и благородное в жизни и хотели его образно выразить, то обычно сравнивали с лучшими лошадьми. Например, остроумных и находчивых людей, народных поэтов и певцов они называли скакунами и иноходцами. Во многих казахских песнях говорилось о лошади. Она служила для оценки достоинства мужчины и женщины, для характеристики внешнего облика человека. Свои детские годы и отрочество люди сравнивали с шаловливой игрой жеребят. Это объяснялось тем, что с лошадью тесно связана вся жизнь казаха: она была его постоянным спутником во время кочевания, на ней приезжали на празднества, к своим возлюбленным, ехали на войну и охоту, она являлась одним из основных средств производства кочевого скотоводства, обеспечивавших сохранность других видов скота. Поэтому количество лошадей у каждого хозяина было показателем его богатства и высокого общественного положения.

Зимняя пастьба лошадей трудна, но вместе с тем занятие, уважаемое в кочевой среде. Трудность ее состояла в том, что лошадей пасли круглые сутки с непродолжительным отдыхом на заре. К тому же они очень прихотливы к траве и воде. Лошадь не будет пастись там, где прежде побывали овцы. Вследствие этого табунщикам приходилось находиться с лошадьми в безлюдной степи днем и ночью, в мороз и пургу, имея небольшой переносный шалаш (қос), некоторый запас продуктов, большой медный котелок или цинковое ведро (бақыр) для варки пищи. Эти вещи перевозили на одной из лошадей.

От табунщиков требовалось крепкое здоровье, выносливость, физическая сила, ловкость, смелость, знание лошадей и умение их укрощать, виртуозность в верховой езде, хорошая ориентировка на местности в любую погоду. Без этих

качеств самые сильные джигиты не могли стать табунщиками. Казахи говорили: «Лошадей может пасти тот, кто крепче конских копыт» («Жылқыны жылқының тұяғынан да қатты адам бағарды»).

О тяжелом труде табунщика зимой П. П. Румянцев писал: «Лошади же пасутся и днем и ночью, и пастухи при них — обыкновенно на 100 лошадей назначается 1 пастух — дежурят по очереди. И вот после утомительного дня или еще более утомительной ночи, проведенных верхом на лошади, что в 20° мороз и ветер, в заботах о том, чтобы табун шел правильно — самцы впереди, матки и жеребята в середине — и по местам, где есть достаточно корма, в длительном наблюдении, чтобы часть табуна — особенно в бураны — не отбилась и не была съедена волками, — после этого тяжелого труда пастух имеет несколько часов отдыха. Расставляется прямо на снегу кос, разводятся костер, варится мясо, чай; в косе, конечно, и холодно и тесно, — нельзя ни раздеваться, ни достаточно согреть окоченевшие члены. Едва проходит несколько часов, и кос нужно переносить за ушедшим впереди табунном. Нужно родиться казахом, чтобы выносить эту жизнь, полную лишений и труда, в течение 3—4 зимних месяцев без перерыва. Но и среди казахов «косовые» пастухи считаются лучшими «джигитами». Они хорошо знают местность, отважны, сильные, находчивы»⁶⁰.

Табунщики всегда имели при себе особое приспособление для ловли лошадей. Оно называлось курук. «Курук состоит из длинного шеста, к которому привязывается длинная веревка; один конец ее укрепляется на конце шеста, а другой в середине его, и таким способом образуется большая петля. Казах, сидя на лошади и держа в правой руке свободный конец шеста, старается накинуть широкую петлю курука на шею намеченного им ранее животного. Когда это сделано, казах тянет шест к себе и быстрым движением руки поворачивает его несколько раз вокруг своей оси, и животное оказывается в плену»⁶¹. Без этого простейшего орудия труда табунщики не могли обходиться.

Усложняли пастьбу лошадей вонюкрадство и барымта. Как правило, объектом барымты являлись лошади, удобные для угона благодаря своей подвижности и пастьбы ночью вдали от аулов.

Порядок и организация зимней пастьбы лошадей как у

⁶⁰ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. I, Лепсинский уезд, СПб., 1911, стр. 340.

⁶¹ А. И. Добросмысло в. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 110.

«вечных» кочевников, так и у полукочевых и оседлых казахов были одни и те же. Разница состояла лишь в том, что табуны кочевых аулов перемещались на более дальние расстояния, чем у полукочевых и оседлых. У кочевников табуны тоже паслись месяц-два, а иногда и всю зиму на одном обширном пастбище, как и у оседлых. Так, большие табуны сыр-дарьинских кочевников в иные годы оставались зимовать с разбивкой на «косы» на территории Иргизского и Кустанайского уездов, где у них находились джайляу. Из материалов, собранных Переселенческим управлением по казахскому землепользованию Павлодарского уезда, видно, что там тоже перед наступлением зимы лошади, не предназначавшиеся для хозяйственных работ, сбивались в табуны для отгона с призимовочных участков на летовки, наименее вытравленные.

Зимой конское пастбище в таких оседлых и полукочевых уездах, как Павлодарский, ценилось дорого и использовалось очень расчетливо. Обыкновенно в начале зимней пастбы табуны тебеневались вблизи зимовок и удалялись от них по мере вытравления пастбищ. Ежедневно для тебеневки отводился определенный участок, очерченный по снегу следом табунщика. И в этих случаях у него обязанности были немалые. Старший табунщик еще летом и осенью должен замечать, какой густоты и высоты растительность, где паслись табуны, где остались участки, мало использованные или успевшие к осени восстановить свой растительный покров, какая глубина снежного покрова и т. д. Сообразуясь с этими наблюдениями, он делал вывод о том, на каком пастбище зимой будет легче добывать корм лошадям.

Хорошие табунщики как истые степняки и тонкие наблюдатели природы умели предугадать перемену погоды и изменения в направлении ветра и предусмотрительно перевести табуны в места, защищенные от буранов.

Особенно опасны были бураны ночью, когда табун шел по ветру. В таких случаях кошемный кос на ночь ставился по ветру, впереди места тебеня, чтобы табун не миновал коса и не ушел в сторону. Число табунщиков определялось размером табуна, дежурили по очереди, одни — днем, другие — ночью.

Участники статистического обследования в зиму 1909 г. в Павлодарском уезде зарегистрировали 406 таких косов, представлявших 2167 хозяйственных аулов, что составляло 79% к общему числу аулов этого уезда⁶².

В материалах по казахскому землепользованию Петро-

⁶² См.: «Киргизское хозяйство в Семипалатинской области. Павлодарский уезд». Повторное исследование. СПб., 1910, стр. 75—76.

павловского уезда, собранных в 1901 г., указывается, что зимой лошади из 559 хозяйственных аулов выпасались на общих пастбищах, а летом — из 498 аулов. При подсчете это дало 89% всех аулов и 76% количества лошадей уезда ⁶³.

Аналогичным способом была организована зимняя пастьба лошадей и в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области. Экспедиция Ф. А. Щербины зафиксировала в 13 волостях 88 косов. В 78 косах при 222 пастухах было 33 060 лошадей, т. е. на кос приходилось три пастуха с 425 лошадыми, или один пастух почти на 150 лошадей.

Из всех видов скота, разводимых кочевниками, с очень вкусным и большим количеством молока, с весьма высокого качества мясом и шерстью и вместе с тем самым выносливым и сильным вьючным животным, которое служило одним из средств труда кочевого скотоводства, был верблюд. Без него кочевое скотоводство с большим радиусом и почти ежедневным кочеванием невысказимо. К тому же верблюд очень неприхотлив, почти все виды трав пустынь и степей, включая грубые колочки и горькие солонцы, служат ему пищей. Одним словом, «ежели бы население, по какому-либо случаю, лишилось своих верблюдов... оно потеряло бы возможность легко совершать необходимые для размножения скота передвижения, следовательно, потеряло бы не миллионы, а десятки миллионов рублей» ⁶⁴.

Пастьба верблюдов особой трудности не представляла, верблюд — очень смиренное и послушное животное, лишь зимой рабочие особи и годовалый молодец нуждались в войлочных пополах и в подстилке на «коне». Самая большая работа в уходе за верблюдами — это организация водопоя, когда не выпадал снег, устройство изгороди (ықтырма) из циновки для защиты от ветра, ежедневная уборка помета на «коне».

Особо важным в разведении верблюдов был подбор самцов-производителей. Их выбирали как из одnogорбых, так и из двугорбых верблюдов. По физической силе, скорости бега, молочности и качеству шерсти одnogорбые были лучше, чем двугорбые, но боялись холода. Поэтому чаще всего производили их гибридизацию. Гибриды сочетали в себе силу и молочность одnogорбого и стойкость к холоду двугорбого. Пастухами верблюдов, как правило, являлись подростки и ста-

⁶³ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Петропавловский уезд», т. XII, Чернигов, 1908, стр. 155.

⁶⁴ М. Красовский. Область сибирских киргизов, ч. II, СПб., 1868, стр. 51.

рики — члены семей бедных родственников бая, получавших от него «помощь».

Самым страшным в хозяйственной жизни кочевников зимой был массовый падеж скота от бескормицы — джут. Джуты возникали и распространялись на несколько областей или почти на всю казахскую степь периодически. Обычно они происходили вследствие неблагоприятных для скотоводства метеорологических условий — суровой зимы с глубоким снегом, частыми буранами и сильными холодами после засушливого неурожайного лета. За такое лето скотоводы не могли как следует откормить свой скот, а на зимних пастбищах корма было мало из-за неурожая трав и глубокого снега. «Что периоды джутов, — писал И. В. Аничков, — повторяются довольно правильно и имеют связь с метеорологическими явлениями, служит доказательством 1891 год, когда голод в Европейской России сопровождался тоже явлением джута в прииртышской степи, на Эмбе, в Кара-Кумах и Иргизском уезде; последний пострадал еще раз в 1898 году»⁶⁵.

Джут мог произойти и тогда, когда после обильного снегопада сначала наступала оттепель, а потом ударял сильный мороз. В результате весь снежный покров оледеневал, и животные лишались возможности доставать траву из-под снега. Иногда же глубокий снег покрывался слоем льда вследствие зимнего дождя. По этой причине многие скотоводы за каких-нибудь один-два месяца почти полностью утрачивали свое состояние. Даже некоторые байские хозяйства переходили в разряд середняков, а иногда и бедняков. Мелкокрестьянские же хозяйства бедняков и середняков полностью разрушались, а сами скотоводы становились нищими. Народная масса, лишившаяся основных средств производства и единственного источника средств к существованию — скота — голодала и погибала.

Неустойчивость кочевого скотоводства и сильное отрицательное воздействие на эту сферу материального производства стихийных сил природы характеризовали его как отсталое.

Одним из опустошительных джутов был джут 1879/80 г., который казахи называли «большим куйном», т. е. большим джутом. В этом году в Акмолинской области пало 819 775 голов скота; в Тургайской — 313 700 лошадей, 1 071 348 овец и 70 478 верблюдов, 43 063 голов рогатого скота, а всего — 1 528 675 голов скота. Казахи Иргизского и Тургайского уездов потеряли 59% своих стад. В четырех уездах Сыр-Дарьин-

⁶⁵ И. В. Аничков. Упадок народного хозяйства в Киргизской степи. «Русская мысль», 1902, май, стр. 62.

ской области — Перовском, Туркестанском, Чимкентском и Аулие-Атинском погибло 56% скота.

О том, что джут был постоянным спутником и бичом кочевого скотоводства, красноречиво говорят такие факты. За четыре джута, которые происходили в 1850/51, 1855/56, 1879/80 и 1891/92 гг., в одной только Тургайской области пало 2 653 698 голов скота. Джут 1891/92 г. казахи называли «младшим куйном». В эту зиму кочевники Казалинского уезда потеряли 90% лошадей, 80% баранов и 60% верблюдов.

Статистическим обследованием Переселенческого управления было установлено, что казахи Джиделе-Сагизской волости Темирского уезда осели в верховье Сагиза после страшного джута 1879 г.⁶⁶ В начале XX в. они вели полукочевой образ жизни. Все имели зимовки, а около них сенокосы и пашни. Овец, применяя старую практику, на зиму угоняли на Устюрт и Джильтау. Обычно кочевники соединяли своих овец в стадо около 1000 голов, нанимали к ним двух пастухов, снабжали их палаткой, необходимым количеством хлеба и давали верблюда. Со стадом управляли и одного из наиболее опытных надежных хозяев, так как прокормить зимой овец в своей волости было довольно трудно. Но и на юге овцеводов часто постигала печальная участь. Так, в 1905 г. из-за глубокого снега и гололедицы у этих казахов погибли почти все овцы. Из-за сильного джута зимой 1904/05 г. у адаевцев и табынцев пало от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ скота.

И. Ларин писал: «Опрос населения Адаевского уезда, произведенный агрономом Казбековым, дал такой процент падежа скота во время наиболее сильных джутов Адаевского уезда (см. таблицу).

Из последних 45 лет джут отмечен для 7 лет, т. е. один джут на каждые 6 лет, не считая менее значительных. Процент падежа скота в данной таблице скорее преуменьшен, чем преувеличен. Но в этом случае он в среднем ко всему стаду достигает приблизительно 25—30%. Обыкновенно после джута хозяйство оправляется только через 3—4 года и, таким образом, из каждых 6-ти лет только 2—3 года развивается нормально»⁶⁷.

Помимо больших периодических джутов, скот ежегодно погибал от бескормицы, холодов, буранов, болезней и т. д. В зиму 1888/89 г. казахи Казалинского уезда потеряли 10%

⁶⁶ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд». Оренбург, 1910, стр. 198, 227.

⁶⁷ И. Л а р и н. Урочище Донгуз-Дау и его значение как кормовой базы в жизни рода табын Адаевского уезда. «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 1, стр. 69.

Таблица

Годы джута	% павших животных к общему числу данного вида скота				Где был джут и его причины
	лошади	верблюды	овцы	козы	
1879/80	60	35	50	50	Повсеместный. Сухое лето, суровая многоснежная продолжительная зима.
1891/92	20	30	40	45	В некоторых районах уезда. Обильные снега и сильные бураны.
1902/3	25	15	30	40	Пески и Мангышлак пострадали менее.
1910/11	40	30	50	60	Джут повсеместный. Сухое лето, бураны.
1918/19	10	10	20	30	Пострадали центральная и восточная части Устюрта.
1920/21	20	10	25	50	Трава была съедена саранчой и черными гусеницами. Скот вышел в зиму малоупитанным.
1924/25	20	10	20	20	Падеж в некоторых районах. Сухое лето, скот вышел в зиму малоупитанным.
Среднее за 7 лет	25	18	31	37	

скота из-за зимних буранов, в зиму 1912/13 г. у населения Аулие-Атинского уезда, зимовавшего на правом берегу р. Чу, погибло 37% лошадей, 50,8% овец, 30,1% коз и 18,8% верблюдов, т. е. 42% всего поголовья скота. «Обследование Казалинского уезда, — писали статистики, — происходило в более или менее исключительный в этом уезде в отношении скотоводства год. Зимой 1910/11 г. в описываемом уезде имел место «джут» — гололедица и бескормица вызвали падеж скота, причем погибла $\frac{1}{6}$ часть всего числа животных»⁶⁸.

Нередко, если конец зимы бывал холодный и продолжительный, обессилевший скот погибал в начале весны.

Пастухи и хозяева в это время неотлучно находились при стадах, старались по возможности ставить на ноги обессилевший скот. Такое состояние скота казахи называли «кутерем».

Кутерем имел различные стадии. Начальная стадия кутерема у лошадей выражалась в том, что она не могла сама встать, требовалась помощь человека, который обычно поднимал ее за хвост. При дальнейшем ослаблении животного

⁶⁸ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева», т. V. Казалинский уезд. Ташкент, 1913, стр. 48.

нужна была помощь двух-трех человек. На последней стадии кутерем животное ставили на ноги только люди, что предвещало его близкую гибель.

Лошади и двугорбые верблюды в состоянии кутерема без всякого сопротивления принимали людскую помощь, чего нельзя сказать об одногорбом верблюде (нар). При ослаблении он отказывался от помощи и продолжал лежать, пока был жив. Если давали корм, он ел, но только лежа. Отсюда казахи старого дряхлого человека, который не мог даже встать без посторонней помощи, сравнивали с истощенным нарм (нардай шөгү).

При быстром улучшении погоды и появлении трав многие животные выходили из состояния кутерема.

Еще до джута, если зима начиналась большими холодами и буранами, прежде всего падали самые молодые производители овец и коз, не достигшие годовалого возраста (теке ылақ, тоқты қошқар), затем молодняк (тоқты, ылақ, тай құлын, бота тайлақ) и самые старые и слабые особи всех видов скота (кәрі-құртаң, ақсақ-тоқсақ). Такое состояние погоды губительно влияло на бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства кочевых скотоводов.

Таков один из самых трудных периодов годового цикла кочевания у казахов — «вечных кочевников».

§ 3. Весеннее кочевание — вторая стадия в годовом цикле производства

Обратное движение кочевников Казалинского, Перовского и отчасти Иргизского уездов с зимних пастбищ Кызыл-Кумов происходило в первых числах марта. Кочевой путь лежал через сухие русла бывших рукавов Сыр-Дарьи: Жана-Дарьи, Куван-Дарьи и Иски-Дарьи. Ежедневно они проходили сравнительно небольшое расстояние, в среднем не более 15 км. Это объяснялось тем, что к весне весь скот ослабевал и не мог выдержать длинных переходов. От самых дальних зимних пастбищ в Кызыл-Кумах до железнодорожных станций на Сыр-Дарье Байхожа, Тюре-Там, Дирмен-Тюбе по прямой 300—320 км. Этот путь крупные скотовладельцы преодолевали за 15—20 дней. Они торопились до массового окота овец перебраться через Сыр-Дарью, пока река еще не вскрылась.

Такое стремление было обусловлено тем, что растительность и климат на правом берегу Сыр-Дарьи весной лучше, чем на левобережье. Обычно аулы останавливались в местностях Уш-Кара, Егиз-Кара, Дадик-Кум, Барша-Кум, Буха, Айтимбет-Дарбас, Жинишке-Кум и т. д., сохраняя между собой некоторый интервал. Стоянка аулов здесь длилась око-

ло месяца. Время коктеу для скотоводов — это не только период массового приплода скота, но и выращивания молодняка до такого состояния, когда он мог проходить со стадом 8—10 км ежедневно. Такую кочевку казахи называли «қозы көш», т. е. кочевка на расстояние, проходимое за день ягненком.

Массовый окот овец приходился на конец марта — начало апреля, когда становилось тепло и появлялись травы. Этого скотоводы добивались тем, что случайную кампанию овец и коз проводили в конце октября — начале ноября.

Время выращивания молодняка было весьма ответственным периодом процесса производства скотоводов. Каждый вид молодняка требовал определенного ухода. Правильная организация ухода и кормления ягнят, козлят и верблюжат с учетом своеобразия жизни каждого вида скота решала судьбу скотоводства.

На время окота мобилизовывали всех трудоспособных жителей аула и работу каждого строго контролировали. В случае отхода молодняка скотовладелец подвергал виновных наказанию. Нормальное кормление ягнят и козлят материнским молоком, в особенности в первые дни жизни, имело решающее значение для дальнейшего развития молодого организма. Скотоводы обычно говорили: «Молодняк, не насытившийся при рождении материнским молоком, никогда хорошим не будет» («Уызына жарымаған мал оңбайды»).

В среднем 15—20% овец и 50% коз давали по два ягненка и козленка. Это был самый ответственный момент в борьбе за увеличение своего богатства и сохранение своего благосостояния. Этим, пожалуй, можно объяснить, почему скотоводы считали каждого ягненка, каждую особь молодняка священным существом.

За две-три недели в этих местах исхудавший скот быстро поправлялся и становился неузнаваемым.

Высококачественный подножный корм, свободный водопой из «как», весеннее тепло весьма благотворно влияли на скот. Во время весеннего кочевания перед скотоводами стояли две основные задачи: одна — принять приплод и дать возможность молодняку окрепнуть, вторая — поправить исхудавший после зимы скот для продвижения на джайлау.

С этого периода казахи могли себе позволить резать особо важным гостям годовалый молодняк (бойдак). Рано весной небогатые скотоводы говорили, что угощать гостей нечем, бойдаки не ожирели и ягнята не созрели («Қозы піскен жоқ, бойдақ іскен жоқ»).

С появлением молодняка начинали доить верблюдиц, овец и коз. В течение первых 3—4 дней они давали молози-

во — очень густую желтоватого цвета жидкость, которая при кипячении свертывалась и имела приятный вкус. По-казахски ее называли «уыз». Этим продуктом весной несколько подкреплялось уставшее от тяжелой работы и истощенное от недостатка питания зимой кочевое население, особенно его беднейшая часть.

С начала лактации бай каждому из консы разрешал доить известное количество маток и потреблять молоко в размерах, не влиявших на развитие молодняка.

Начало весны казахи считали кризисным периодом и образно говорили, что это время, когда «тонкое рвется, толстое растягивается» («Жуанның созылып, жіңішкенің үзілетін қара өзек шақ»).

Доили скот с учетом возрастных особенностей, чтобы не причинить ущерба нормальному развитию молодняка. Ягнят и козлят в возрасте от одного до 15 дней допускали к матерям два раза в день: рано утром перед уходом стада на пастбище и во второй половине дня, когда скот пригоняли для доения, а в возрасте старше 15 дней — лишь один раз в сутки под вечер после доения маток и затем оставляли вместе на 4—5 часов до прихода стада в аул.

На ночь молодняк или отделяли от взрослого стада и загоняли в специальную разборную переносную ограду из плетеного чия, которая называлась «қозы қора» или же оставляли на ночь вместе с матками («қозыны бірге салу»).

Скотоводы, отделяя молодняк на ночь от маток, преследовали две цели: накопить побольше молока у дойных маток за ночь и уберечь молодняк от волков. В этот период волки особенно охотились за ягнятами. Поэтому молодняк утром после угона стада пасся только вокруг аула до возвращения маточного поголовья.

Перед доением всех ягнят и козлят привязывали к когену⁶⁹. Их отпускали по одному к матери по окончании доения и оставляли вместе до ночи. Эта работа считалась обязанностью женщин аула. Поэтому в народе с осуждением говорили так о женщине, занятой в этот напряженный момент другим делом: «Дочь пастуха начинает прясть, когда приходят овцы» («Қойшының қызы қой келгенде ұршық иреді»).

На один коген привязывали 50—60 голов молодняка. В период окота скотоводы не могли обойтись без когена, как одного из необходимых орудий производства. Такую работу совершали ежедневно вплоть до начала кочевок с коктеу на

⁶⁹ Коген — толстая шерстяная веревка, натягиваемая на кольшки. Она имела петли на расстоянии 50—70 см одна от другой, которые назывались «бұршақ».

джайляу. Но бывали аулы малоскотные, кочевавшие летом на меньшее расстояние. В них доили овец по два раза в день, в 11 часов дня и 8 часов вечера.

Этот порядок не всегда соблюдался в крупных байских хозяйствах, где ягнят отделяли от овец не на ночь, а лишь рано утром. Такое отступление от правил объяснялось тем, что, во-первых, многоскотные хозяйства с избытком обеспечены молоком, так как от большого количества поголовья можно надоить необходимое для удовлетворения потребностей молоко; во-вторых, они имели достаточное число пастухов и семей консы, чтобы обеспечить охрану молодняка.

До откочевки с коктеу надо было поставить всем ягнятам и козлятам еще метки. Каждый домохозяин на том или другом ухе ягненка и козленка делал определенный надрез или вырезал разной величины отверстия, чтобы не спутать их с чужими. В этот период бай и «дарил» детям бедных консы ягнят и козлят с метками, за что они бесплатно целое лето пасли большое стадо ягнят бая и участвовали в работах, связанных с доением овец и коз.

В апреле на коктеу также производили стрижку лошадей, соблюдая определенные правила. Например: у годовалых жеребят (тай) и трехгодовалых кобылок (күнажын байтал) стригли хвост и гриву, у трехгодовалых жеребчиков (күнан) — лишь гриву, четырехлетних жеребчиков (денен) уже не стригли. У кобыл, оставшихся яловыми, какого бы возраста они не были, снимали хвост и гриву. В результате с взрослых кобыл получали 800 г, а с молодых кобылок и жеребчиков не более 400 г конского волоса.

Одновременно со стрижкой годовалому молодняку ставили метки, а в отдельных родах даже немного надрезали правую или левую ноздрю («танау шэк»). В малолошадных хозяйствах табунщики и подростки занимались укрощением и приучением к верховой езде молодняка. Они ездили на нем верхом один-два дня, а потом отпускали. Это делалось для того, чтобы в нужный момент использовать его как подсобный рабочий скот. Верховым на молодняке подростки пасли верблюдов, ягнят, направляли табуны лошадей во время кочевки и т. д.

В многолошадных хозяйствах обычно укрощали молодняк более старших возрастов — трехлеток и четырехлеток. Как правило, это приходилось на апрель, когда лошадь после зимы поправлялась, но еще не успевала ожиреть, что было безвредно для животного.

В этот период проводилось еще одно мероприятие, весьма серьезное для скотоводческого хозяйства. Это формирование новых косяков лошадей из трех- и четырехлетних кобылиц в

количестве от 10 до 15 голов во главе с молодым жеребцом. Чтобы они привыкли друг к другу, животных отделяли на 10—15 дней от табунов и спутывали маткам передние ноги. За это время хороший производитель успевал покрыть всех кобылиц и ревниво охранял свою семью от смешения с другими табунами. От выбора состава косяка и, самое главное, жеребца зависело улучшение или ухудшение качества лошадей.

В данное время производилось и снятие шерсти с верблюдов. Оно длилось почти целый месяц, так как осуществлялось в зависимости от упитанности, возраста, степени использования верблюда в хозяйстве.

О разных сортах шерсти и ее применении верно писал А. И. Добросмыслов: «Верблюжья шерсть делится на три сорта: 1) длинная шерсть (шуда), снимаемая с макушки, шеи, подплечья и горбов двугорбых верблюдов. Она идет на приготовление очень прочных ниток (шуда жіп), которыми казахи пришивают к кибиточным кошмам тесьмы, шьют халаты, мешки, верблюжьи потоны и проч... Этот вид верблюжьей шерсти в казахском хозяйстве идет еще на приготовление и других грубых изделий, как-то: сукна (шекпен), больших и малых мешков (қап и қапшық) и арканов... 2) жабгы, снимаемые со спины и боков; эта шерсть густая и от постоянного ношения войлочных покрывал, седел и вьюков плотно сбивается наподобие войлока; она снимается целым руном и идет в этом виде на приготовление шуб (күпі) и одеял (көрпе)... и 3) третий вид верблюжьей шерсти носит название туе жун. Туе жун снимается со всех остальных частей кожи верблюда клочками, причем, конечно, почти половина этой шерсти незаметным образом отваливается на пастбище и пропадает даром. Из нее киргизы готовят грубое сукно для мешков и чапанов, нитки и плетут веревки»⁷⁰.

Значительная часть верблюжьей шерсти и конских волос в особенности в байских хозяйствах предназначалась для обмена, продажи в торговых пунктах или скупщикам в степи. Владельцы больших табунов лошадей и стад верблюдов от реализации этих продуктов получали немалые доходы.

Специфика кочевого скотоводческого хозяйства в весенне-летний сезон выражалась еще в том, что в этот период основным источником питания населения было овечье, козье и верблюжье молоко. Примечательно, что казахи его никогда не употребляли в сыром виде, а приготавливали различные пищевые продукты: сусыз-сут, сапырма-сут, айран, ка-

⁷⁰ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 244.

тык, койртбах, иримчик, сары-су, курт, сузбе, сарымай, шубат, а из кобыльего молока широко популярный для всех казахов целебный напиток — кумыс.

Они употребляли в пищу чаще всего продукты из овечьего молока. Познакомимся с приготовлением некоторых из них. Котел со свежим цельным молоком ставили на огонь, в него добавляли немного айрана (полстакана на ведро) и, все время помешивая поварешкой, доводили молоко до кипения, держали на огне не более пяти минут и затем снимали, в результате получилось несколько сгущенное молоко с весьма приятным вкусом (сапырма-сүт).

Айран — кислое молоко, также приготавливали из свежего молока, которое наполовину разбавляли водой, кипятили, охлаждали, а потом добавляли кислого молока из расчета стакан на ведро молока. После чего котел закрывали деревянной крышкой, укрывали сверху шерстяной мешковиной или кошмой и выдерживали 5—6 часов.

Катык — это разновидность кислого молока. Разница между ним и айраном состоит в том, что айран приготавливали из разбавленного водой молока, а катык из цельного. Катык употреблялся главным образом как пища, а айран как напиток. Правда, у бедняков он был весной и летом и основным продуктом питания.

Курт и сары-май (масло) получали одним способом. Брали четыре-пять ведер катыка, наливали в кожаный сосуд (мес). В него ежедневно добавляли свежее овечье молоко, чтобы шел процесс брожения. Такую молочную массу называли иркитом и накапливали ее почти неделю. В состоятельных хозяйствах иркитом заполняли несколько сосудов, иногда даже 10. Затем в них наливали холодную воду, примерно $\frac{1}{10}$ емкости, надували, завязывали и начинали катать взад и вперед на застланном кошмой полу. На такое взбалтывание уходило 2—3 часа. Во время же кочевания надутые месы укладывали на верблюдов и благодаря движению происходило длительное механическое взбалтывание. После этого месы развязывали и выбирали масло, а иркит выливали в большие котлы и кипятили. Когда казахи хотели образно сказать о сытой жизни, то говорили: «Изо рта собаки течет сало, на голову льется иркит» («Аузынан ақ май ағып, ит басына іркіт төгіліп жатыр»).

Иркит, равномерно помешивая, чтобы не подгорел, кипятили в течение 2—3 часов. После этого котел снимали с огня и оставляли на ночь остывать. Утром все содержимое переливали в чистый мешок, жидкость стекала и оставалась сырная масса (курт), из которой делали комочки величиной несколько больше лесного ореха. Их раскладывали на плете-

ных чиях (циновках) и сушили на солнце два-три дня. За это время курт затвердевал, его складывали в небольшие холстяные мешки и подвешивали для дальнейшей просушки. Такой курт представлял собой твердые комочки темно-серого цвета с острым кислым вкусом. Этот продукт для кочевого населения, в особенности в холодное время года, был важным источником питания. Кусочек курта служил пищей в течение суток для заблудившихся в безлюдной степи или для воинов во время боевых столкновений. Обычно в народе о самом дорогом человеке говорили, что он мой друг, с которым я делил пополам последний кусочек курта («Жалғыз құрт жаң қалтадан жарып жеген»).

Есть еще два вида курта, разница между ними состоит в приготовлении. Если в сырковую массу перед делением на комочки добавляли определенное количество толченой поваренной соли, такой курт называли «торақ құрт». Он белого цвета, значительно мягче, чем серый, имеет кисло-соленый вкус и сравнительно легко растворяется в горячей воде. Если же в свежую сырковую массу добавляли накрошенный величиной с кишмиш примчик, то такой курт называли «ежегей курт». Он с желтым оттенком, кисло-сладкого вкуса. В сухом виде оба курта одинаковой твердости.

Из овечьего молока делали и брынзу — сузбе. Приготовление ее несложное. В кожаный сосуд со свежей сырковой массой добавляли немного поваренной соли и ежедневно подливали свежее овечье молоко. Через несколько дней казахская брынза была готова. Сузбе обычно приготавливали к концу лактационного сезона, чтобы потом на некоторое время заменять ею кислое молоко, употреблять хотя бы в виде приправы к различного рода похлебкам (кеже). Использование сузбе таким образом казахи называли «кеже-қатық», «асқатық».

Одним из главных продуктов овечьего молока являлся казахский творог — примчик, который чаще ели как сладость, с чаем и без. Он имел специфический сладковатый приятный вкус. Его употребляли как в свежем, так и сушеном виде. Примчик делали с применением заготовленной для этой цели еще в начале апреля закваски, которую называли «маек». Собственно маек — это затвердевший сгусток молока (уыз сүт) в сычуге молодого ягненка (жас қозы). Такое молоко в сычуге у ягненка сохранялось примерно первые 7—8 дней его жизни. В дальнейшем с началом питания травой сгусток у животных рассасывался. Казахки брали этот сычуг с содержимым и промывали то и другое. Потом в этот желудочек, где находилось затвердевшее молоко, надаивали один-два стакана молока от только что окотившейся

овцы и в таком виде держали около недели. За это время содержимое желудочка заквашивалось и превращалось в полутвердую массу. Данный сычуг, имевший один открытый конец, вкладывали в кожаный сосуд чуть побольше размером и туда через два-три дня понемногу наливали свежего овечьего молока, чтобы содержимое не высохло. Это и была закваска иримчика. Маек можно было применять в течение всего лактационного периода, пока имелось молоко для приготовления иримчика.

Маек хорошо описан М. Чормановым: «Для закваски молока для иримчика берется содержимое сычуга ягненка, который был в периоде молочного кормления, до перехода на подножный корм, сычуг этот называется маек; его можно видеть на поперечных палках (кулдіреуіш) верхнего конца (шаңырақ) юрты»⁷¹.

В котел, наполненный только что надоенным молоком, опускали на час-полтора маек и там его оставляли. В результате молоко свертывалось, маек из котла вынимали и помещали вновь в кожаный сосуд (маек қап), а котел ставили на огонь и начинали кипятить молоко.

А. И. Добросмыслов наблюдал этот процесс. Он писал: «Кипячение производится до тех пор, пока на дне котла не получится осадок, верх которого находится прозрачная жидкость. Эта последняя постепенно испаряется, и с исчезновением ее осадочная масса желтеет и, наконец, принимает желто-красный цвет и крупнозернистый вид. Полученную таким образом массу выкладывают так же, как и курт, на камышовые циновки и выставляют для просушки на солнце»⁷². Если маек был сильной закваской, то для свертывания молока на иримчик оказывалось достаточным опустить его в котел на 3—4 мин. Такой маек называли «тидеғаш». Слово «тидеғаш» в казахском фольклоре с давних пор служило образным выражением сильной закваски.

Существовал еще один способ приготовления иримчика. Его приводит в своей книге А. И. Добросмыслов. «Иримчик готовится следующим образом: в овечье молоко, начинающее закипать, прибавляют стакан кислого молока, после этого молоко створаживается и его опять начинают кипятить»⁷³. Описанный способ кочевые скотоводы Казалинского и Перовского уездов считали невыгодным, так как при нем выход иримчика из одинакового количества молока

⁷¹ М. Чорманов. Заметки о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, 1906, стр. 16.

⁷² А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1896, стр. 51.

⁷³ Там же.

был меньше и он менее вкусен, чем при первом способе приготовления. Это объяснялось тем, что в данном случае после кипячения получалось больше желтоватой жидкости (сары-су).

Как при первом, так и при втором способе изготовления иримчика, в котле оставалась полужидкая масса желто-коричневатого цвета. Когда готовили много иримчика, то образовывалось большое количество жидкости. Ее переливали в маленький котел и кипятили до тех пор, пока не получалась сладкая густая масса. После охлаждения из этой массы делали круглые лепешки и затем их сушили на солнце. Он заменял казахам во многих случаях сахар. Каждая хозяйка, у которой была возможность, старалась курт, сары-май, иримчик и сары-су оставить впрок на зиму. Такое накопление называлось «тірнек жинау».

Помимо этих продуктов, во время весенней и летней кочевки казахи получали из айрана масло, которое в основном употребляли ежедневно. Если при кипячении молока на айран с него не снимали пенки и сливки, то масла получалось больше. Способ изготовления не сложен. Каждая хозяйка прежде чем навьючить на верблюда мес с айраном, его надувала. В процессе движения айран равномерно взбалтывался, и в результате взбивалось масло.

Кроме того, сильно прокисший айран или катык смешивали с топленным и охлажденным молоком и устраняли тем самым кислый вкус. Такой напиток назывался «койртбах». Он отличался питательностью и приятным вкусом.

Как видно из описанного, в этот период от хозяина требовался большой опыт и хорошее знание всего процесса скотоводства, чтобы правильно организовать и сочетать между собой все процессы труда. Ему надо было обеспечить не только почти повседневную кочевку, доение овец, допуск молодняка к маткам и разъединение их, уход за молодняком и взрослым составом стада, но и своевременно в достаточном количестве и доброкачественно обработать продукты животноводства.

Примерно с начала мая начиналась следующая фаза кочевания — переход с коктеу на джайлау, когда молодняк уже достаточно окреп. Казалинские и перовские скотоводы имели джайлау на территории Иргизского и отчасти Кустанайского уездов, в 300—400 км по прямой от коктеу. Это расстояние они преодолевали в среднем за месяц, передвигаясь почти ежедневно на 15 км. Кочевой путь лежал, если коктеу был расположен в местности Дадик-Кум, через местности Есиркеп-шыны, Барша-Кум, Вир-тамар, Жинишке-Кум, перевал Музбель, Каска-тубе, Кул-жумыр. За Музбе-

лем располагалась Таупская и Аманкольская волости Иргизского уезда.

Кочевники считали и называли собственно Приаральскими Кара-Кумами территорию, которая начиналась на севере Музбеля, где находятся местности Кос-курен, Узун-ак, Шатырлы, Тулки, Борили, Куйылыс или Тогыскан, место слияния рек Тургай и Иргиза. За Куйылысом шла степь, покрытая темной полынью (майқара жусан) и бозганахом, называемая Субойы, с озерами Кожаколь, Малайдарколь, Айколь, Жарколь, Кзылколь и рекой Тельгара. Степь простиралась до большого и крутого перевала Текше, возвышающегося на севере. Надо отметить, что сравнительно малоскотные аулы всегда использовали в качестве джайлау местности Жинишке-Кум, Музбель, Кара-Кумы и Субойы. Кузеу у многих из них находились на левобережье Сыр-Дарьи.

Такая весенне-летняя кочевка сравнительно легче для скотоводов, чем осенне-зимняя: во-первых, в это время нет мороза и снега; во-вторых, отсутствует большой груз, ежедневно навьючиваемый и развьючиваемый, так как осенне-зимний запас продуктов давно исчерпан, а все тяжелые предметы разборно-переносной овечьей и верблюжьей ограды (плетеные чии, оградные колы), зимние войлочные попоны и т. д. оставлены на коктеу. Эти временно не нужные в хозяйстве вещи закапывали в почве, слабо пропускающей влагу, а чаще всего на коне, и забирали на обратном пути.

Кочевники, устраивая такой тайник (комбе), раскрывали свои старые тайники, которые оставляли в прошлую осень с вещами, не нужными в этот период, например, көген, буршак, қошқардың кугегі, кыймайы шелек и некоторые принадлежности юрты и т. д.

Бывали случаи кражи, но крайне редко. Поэтому казахи говорили: «Комбе забирает тот, кто закапывал, или тот, кто видел» («Көмбені не көмген алады, не көрген алады»).

Для пастбы скота весенние кочевки имели огромное значение. Свежие и сочные травы, обилие воды — колодезная, озерная и речная давали возможность скоту стать упитанным еще до прихода на джайлау.

Весеннее кочевание происходило в мае. Кочевали несколькими аулами, группируясь в основном по родовому признаку. Главы аулов еще до начала кочевки совещались между собой и решали вопросы о темпах движения, где и на сколько времени останавливаться, через какие местности идти и т. д. Следовательно, в землепользовании не было никаких ограничений, каждый аул останавливался там, где хотел, т. е. временная принадлежность всякого пастбища определялась тем, чьим скотом в данный момент оно было заня-

то. Иначе обстояло дело с землепользованием на территории Иргизского уезда. Богатые скотоводы Таупской и Аманкольской волостей этого уезда имели постоянные зимовки в Кара-Кумах. Они постоянно зимовали здесь, хотя иногда и отправляли на юг в Кызыл-Кумы на зиму часть своих овец и верблюдов. Весной баи откочевывали в местности Кара-кай, Мамыт, Койлыбай и Жабасек, на 200—300 км от зимовок, но оставляли здесь на лето своих джатаков, которые очень ревниво охраняли ближайшую территорию зимовок и сенокосы от поправки. Поэтому кочевникам приходилось передвигаться и останавливаться только в определенных пунктах.

Весенние кочевки даже с внешней стороны имели праздничный вид. Каждый стремился облачиться в лучший наряд, украсить коня. Всюду чувствовалось весеннее настроение, на ходу коша молодежь, направляя табуны лошадей, затевала скачки, джигитовку, юноши и девушки состязались в песнях, сочиняя экспромтом и т. д.

С первых же дней весенних кочевок аулы, имевшие примерно одинаковые по численности отары договаривались о соседстве на все лето, т. е. до окончания доения овец. Такое соседство называлось «сыбайлас» или «қызы сыбай» (соседство из-за ягнят). Ежедневно вечером после дойки овец и коз объединяли с ягнятами и козлятами и оставляли вместе на 4—5 часов, затем в 10 часов вечера их отделяли, и ягнят перегоняли в соседний аул на ночлег с другими овцами; стадо же ягнят этого аула перегоняли в первый аул. Это делалось потому, что овцематки не допускали к себе чужих ягнят, и таким образом у них сохранялось молоко. Со временем ягнята привыкали к отделению от маток и хорошо себя чувствовали в чужом стаде.

Рано утром, до восхода солнца, пастухи-подростки отделяли от стада ягнят и угоняли их по направлению движения кошей, и так делали в процессе всего пути кочевания. Такое соседство двух аулов независимо от родственной близости благоприятно сказывалось не только на производстве, но и на взаимоотношениях людей. Казахи считали немаловажным фактом иметь хороших соседей. Они говорили: «Когда подрастают сыновья, надо иметь соседство с теми, у кого хорошие сыновья, а когда подрастают дочери, надо иметь соседство с теми, у кого хорошие дочери» («Ұлың ессе ұлы жақсымен сыбай бол, қызың ессе қызы жақсымен сыбай бол»).

Начиная с мая во время небольших остановок производилась стрижка овец. К приходу на джайлау она почти заканчивалась. Шерсть с овец снимали два раза в год: весной, в мае зимнюю, а в сентябре — летнюю. Обычно с опозданием стригли беззубых старых овец, которые зимой очень ис-

худали, а также молодых маток, которые преждевременно спарились и дали приплод в годовалом возрасте (тоқты қоздаған саулық). Шерсть, снятая весной, называлась «жабагы». В основном она шла на продажу. Так как жабагы снимали цельным руном, то казахи делали из нее еще грубые шубы (шидем күпі) для пастухов.

От продажи жабагы, верблюжьей шерсти и мерлушек (шкурка погибших ягнят) скотовладельцы получали доходы пропорционально имевшемуся количеству овец и верблюдов. Как правило, такое скотоводческое сырье обменивали на мануфактуру, чай, сахар, сухофрукты (урюк, кишмиш), конфеты, туалетное мыло, спички, предметы домашнего обихода и т. д.

§ 4. Летнее кочевание и организация выпаса скота

До джайляу обычно добирались в начале июня, в крайнем случае не позднее середины июня.

Джайляу представляло собой обширную ковыльную степь с небольшими островками песков, где обычно находились зимовки оседлых жителей. Расположенные на этой территории посевы, сенокосы и прочие пастбища местных жителей, которые тянулись на десятки километров, охранялись. Поэтому кочевники могли останавливаться лишь на местах общего пользования. В других случаях они должны были входить в соглашение с местными жителями. Об этом говорится в материалах по казахскому землепользованию в Перовском уезде. В них указывается, что в большинстве случаев местности Тургайской области на основе соглашения местного казахского населения с перовскими кочевниками предоставлялись для пастбы их скота за вознаграждение скотом, иногда деньгами, за утощения и т. д.⁷⁴

Джайляу казалинских, иргизских и перовских кочевников были расположены в местностях: Карасай, Мамыт-Кум, Караоба, Карасор и Картбамбет, Ак-Кум, Карашатау, Жабасак, Басыкара и т. д. В «Материалах» Кустанайского уезда, собранных экспедицией Ф. Щербины, оказано: «По сведениям Казалинского уездного начальника, в Иргизский уезд из разных волостей Казалинского уезда каждое лето вкочевывают 2893 кибитки и в то же время сами казахи Иргизского уезда в числе 2047 кибиток выкочевывают каждое

⁷⁴ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. IV, Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 27.

лето в Актюбинский уезд»⁷⁵. Эти цифры ориентировочные, так как в действительности вкочевавших из 18 волостей Казалинского уезда на лето в Иргизский уезд было несравненно больше.

На известных и удобных джайляу аулы располагались большими группами и пребывали в этих местах от одного до двух месяцев, превращая их в настоящий «сары-джайляу». С первых же дней прихода скотоводы начинали доить кобылиц и готовить кумыс.

Пастьба на джайляу являлась для казахов также весьма важным моментом в их производстве. Ибо судьба скотоводства зимой во многом зависела от того, насколько скот насытился летом. Если к осени он не успевал достаточно окрепнуть и зажиреть, то ему грозила гибель в зимнюю стужу.

И летом не менее нужны были находчивость, инициативность, деловитость, умение ориентироваться в обстановке, а также своевременное решение практических задач. В уходе за скотом не существовало одинаковых обязательных для всех правил, поэтому имелись расхождения в сроках продолжительности пребывания аулов на одном месте, в количестве юрт в ауле, а также аулов в группе аулов и в разнообразных способах пастьбы. Как правило, чем богаче аул, тем больше он имел возможностей для лучшей организации летней пастьбы скота, достижения его хорошей упитанности, что было настоящей оценкой хозяйственной деятельности кочевника за лето.

Способ ведения хозяйства на джайляу в основном зависел от его размера. Как известно, существовали три категории байских хозяйств. В них по-разному и организовывали уход и пастьбу овец. Каждый скотовод старался и употреблял все свои знания на то, чтобы максимально накормить скот в данном сезоне. Каждый стремился превзойти упитанностью собственного скота своих конкурентов. Для этого требовался самый тщательный повседневный уход за скотом, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью. Кто не сумел хорошо организовать и рационально использовать этот важный в жизни скотоводов сезон, тот ставил свое скотоводческое хозяйство, а следовательно, свое благосостояние под удар. Основным богатством и решающей отраслью скотоводства у этих кочевников в конечном счете являлось овцеводство, поэтому-то оно и было фактическим показателем состоятельности каждого хозяйства.

Исключительно большое хозяйственное значение овце-

⁷⁵ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 18.

водства в жизни скотоводов-казахов правильно оценено М. Чормановым: «Относительно овец должно заметить, что они не только полезны, но даже весьма необходимы как богатому, так и бедному. От них они получают шерсть, мерлушки, овчины, мясо, молоко и прочее... Кроме указанной выше пользы, овца имеет и то еще важное достоинство, что она на годовом возрасте делается маткою; она приносит нередко двойни. Баран идет на пищу богатому и бедному. Наконец, овцы вымениваются киргизами на разные русские товары»⁷⁶. Недаром казахи говорили: «Юрта без овец лишена богатства, юрта без девушки лишена красоты» («Қойсыз үйдің құны жоқ, қызсыз үйдің сәні жоқ»).

В начале июня проводили кастрацию ягнят. Эту «операцию производят перерыванием семенного канатика, без разреза мошонки (ұма) и без удаления яичек (ен); мошонка с яичниками натягивается левой рукой оператора-казаха; указательным пальцем правой руки он нащупывает семенной канатик и одним сильным движением пальца сквозь кожу перерывает его»⁷⁷. Кастрацию бескровным способом казахи называли «тартыру», а лиц, занимавшихся этим делом — «тартқыш». Падежа от такой кастрации почти не было, лишь два-три дня соблюдали некоторый режим: не отгоняли ягнят на дальнейшее расстояние, не мыли в речке и т. д.

Подбор производителей осуществлял хозяин. Он отбирал самые крупные, крепко сложенные, с длинной шерстью и большим курдюком экземпляры, главным образом белой, светло-серой и светло-рыжей масти. У кочевников высоко ценилась белая кошма, которая широко использовалась в хозяйстве.

В конце июня производилась первая стрижка ягнят (қозы күзем). До этого их вместе со стадом несколько дней подряд загоняли в реку или небольшое озеро. Такое мытье называлось «қой-тоғыту». За лето хорошие овцеводы мыли стадо баранов не менее двух раз в месяц, что способствовало исчезновению нарывов на теле, быстрому росту шерсти, словом, улучшало состояние животного. После стрижки ягнят называли не козы, а тохты.

В крупнобайских хозяйствах, как правило, стригли овец и изготовляли из их шерсти кошмы батраки и бедняки. В это время баи и их дети были заняты устройством различных празднеств по случаю сватовства, свадеб, поминок со скачками, состязаниями борцов с большими призами или же

⁷⁶ М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, Омск, 1906, стр. 18.

⁷⁷ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 48.

твое с обильным угощением жирной бараниной, хмельным кумысом и крепким чаем. Крупные баи и члены их семей не пропускали ни одного из таких увеселений, поражая присутствующих блеском своих одежд, резвостью и красотой своих коней. Каждый из богачей выставлял по нескольку отборных скакунов и иноходцев. Недаром в народе говорили: «Празднества и торжества для тех, у кого хороший наряд, а поминки с пиром и скачкой для тех, у кого хорошие кони» («Той тондынікі, ас аттынікі»). Джайляу для обеспеченных людей было временем отдыха, веселья и состязаний. «Молодежь тоже не упускает своего времени: до поздней зари вы слышите в ауле шутки, смех, песни и звуки «домбры» (род балалайки)⁷⁸. Об этом периоде казахи говорили: «Летом веселись, а зимой крепко держись» («Жаз жазыл, қыс қысыл»).

Однако баи редко забывали о своих хозяйственных делах, в частности о пастушеских аулах. Их частенько посещали доверенные лица хозяина — его братья, сыновья, иногда и он сам, чтобы получить ясную картину о состоянии стада, выпасе овец и т. п. Баи обращали особое внимание на упитанность всего стада, а не отдельных экземпляров.

К концу отгонной пастьбы скота батраки и бедняки отдавали семьям баев изготовленные кошмы и различные продукты из овечьего молока: масло, сушеный иримчик, курт, сузбе и т. д.

Чтобы приурочить скот к концу марта — началу апреля, т. е. когда наступало тепло, надо было предотвратить преждевременную случку овец. С этой целью самцам-баранам и козлам в первых числах июля подвязывали под брюхо «куек» и снимали накануне случной кампании⁷⁹.

Кук имел прямоугольную форму, его делали из кошмы, которую складывали в два-три слоя и обшивали шерстяным шпагатом. В результате получалось довольно прочное изделие, которое использовали минимум два-три года.

Для хозяйства, насчитывавшего три-четыре тысячи овец и коз, было необходимо около 75—100 кукеров. Их изготовление, приведение ежегодно в порядок являлось частью работы по уходу за скотом. Все это также выполняли пастухи и члены их семей.

К крупнобайским хозяйствам на рассматриваемой нами территории следует отнести известные своим богатством и

⁷⁸ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Лепсинский уезд», т. I, вып. 1. СПб., 1911, стр. 335.

⁷⁹ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 46.

влиянием среди населения не только Казалинского, но и Перовского, Иргизского и Кустанайского уездов хозяйства крупнейших баев-скотовладельцев Альдебая, Исатая, Тайбагары и Мусы Котубаровых, которые имели свои джайляу в местностях Караоба близ Мамыт-Кумов, а также Ергимбета-хажи, Салимбета, Алманияза, Жубанияза, Балнияза и Кошнияза Джанаевых, имевших джайляу на р. Тышкамбай близ местности Ак-Кум. У них основной аул в течение всего летнего сезона находился на одном месте с большим табуном лошадей и верблюдов.

Весьма интересны описания байских юрт казахов XVIII в., данные П. С. Палласом и И. Г. Георги.

«Киргизы, — писал П. С. Паллас, — по обыкновению других степных азиатских народов, живут в войлочных кибитках, которые от калмыцких разнятся только тем, что обыкновенно бывают гораздо больше и чище, так что в их кибитке больше 20 человек сидеть могут. Вообще киргизы соблюдают во всем чистоту гораздо больше, нежели калмыки»⁸⁰.

Об этом же писал И. Г. Георги: «Жилища их — суть подвижные юрты, совсем подобные башкирским, только огромное и чище. Знатные и зажиточные люди покрывают их белыми войлоками и притом имеют особые юрты для жен, детей, стряпни и съестных припасов, а иногда и для второго скота. Место для развода огня сделано посредине юрты под полюю вершиною крыши. Около оноя лежат войлока или персидские ковры, а иногда и тюфяки. Внутренность юрты или шалаша украшена бывает у богатых пестрыми, нередко шелковыми материями. Кругом стоят молочные мешки и сундуки, на стене висит оружие, верховая конская сбруя, наилучшее одеяние и сему подобное»⁸¹.

Таким образом, круглый год кочевавшие казахские баяны конца XIX — начала XX в. во многом сохраняли образ жизни скотовладельцев XVIII в., о чем писали П. С. Паллас и И. Г. Георги.

В это время большие стада овец паслись на пастбищах вдали от основного аула. При них находились две-три и более убогие закопченные и дырявые юрты пастухов и бедных родственников, которые кочевали с места на место по мере истощения пастбищ и доили овец. Организация таких пастушеских аулов (қой ауыл) была отгоном овец (отар қой). Пастушеские аулы всегда останавливались в местах водо-

⁸⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, СПб., 1773, стр. 568.

⁸¹ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 131.

доев овец; иногда, чтобы напоить стада, приходилось очищать старые или выкапывать новые колодцы. При этом пастушеские аулы размещались по соседству. Рядом могли пастись стада одного и того же бая, одно из которых состояло из дойных маток, а другое — из прошлогодних ягнят (бойдак кой).

Такое расположение было нужно не только для регулирования доения овец, но и для приучения ягнят к самостоятельной пастьбе. Обычно большие стада овец при пастушеских аулах находились первые две-три ночи, а затем с пастухами и со сторожевыми псами-волкодавами они устраивались на ночлег на пастбище, что называлось ночевкой овец в поле. «В богатых же хозяйствах нередко стада мелкого скота круглый год находятся в отгоне с наемными пастухами, что, разумеется, не может не отражаться на производительности стада положительно»⁸².

Это весьма разумный метод пастьбы овец, так как при ночлеге на пастбище они паслись до глубокой ночи и рано утром еще до восхода солнца. Вековая практика кочевого скотоводства давно доказала, что в весенне-летний сезон, включая сентябрь, овцы становились упитаннее, чем больше паслись. Поэтому казахи считали их самыми прожорливыми животными.

Известно, что если овцы попадали в места, где раньше переночевало стадо, то они переставали пастись и даже днем прилегали и начинали пережевывать жвачку. Опытные пастухи немедленно сгоняли стадо с таких мест. При отличном подножном корме овцы, которые паслись с раннего утра, отдыхали примерно в 11—12 часов дня. Вместе со стадом под открытым небом отдыхали и пастухи, привязав один конец длинной веревки к барану, а другой намотав на руку, что служило своего рода «будильником» в случае ухода стада. Такой дообеденный отдых овец назывался малым отдыхом.

Насколько пастбище удовлетворяло потребности стада и как шел процесс «набирания веса» животными, опытные скотоводы определяли, помимо других признаков, по овечьему помету в местах ночлега. Если всего достаточно, т. е. травы и воды, то овечий помет был не в виде сухих орешков, а целых влажных кусков.

После обеденного отдыха стадо паслось 3—4 часа и затем пригонялось в 2—3 часа дня в пастушеский аул на водопой.

Перед водопоем нельзя было допускать, чтобы овцы лежали, так как они сразу же начинали пережевывать жвач-

⁸² См.: «Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовья реки Таласа». Ташкент, 1915, стр. 45.

ку, а потом плохо пили. По возвращении на пастбище ненапившиеся овцы не паслись, а сбивались в кучи и все время стремились лечь.

Скотоводы с первого же взгляда на пасущееся стадо определяли, каково его состояние. Обычно, если пастбище было хорошее, овцы паслись охотно. В таких случаях стадо издали выглядело, как рассыпанный по полу горох. В целом казалось оно застыло. Незначительное и малозаметное перемещение отдельных животных происходило только внутри стада, причем в самых различных направлениях. О такой пастьбе овцы казахи говорили: «Стадо пасется без хождения, как бы впившись в землю; при этом каждый щипок травы превращался в организме овец в сало» («Қойдың қадалып, қазбауырлап тоқтауы, әр жұлғаны бір май болып жатыр»).

Пастухи в это время собирались на бугорке, откуда были хорошо видны стада и рассказывали друг другу различные новости, а иногда затевали борьбу или игры. Здесь же они угощали друг друга из своих койртбахов, которые находились при них в небольших мешках, называемых жумурами. Такое угощение называлось «жумур татбах» — проба из жумуров.

Посторонним лицам они не разрешали проезжать через стадо, будоражить его. Как правило, проезжие предупреждали негромким свистом о своем появлении. Несоблюдение этого правила считали бестактным проступком, заслуживающим серьезного упрека, а иногда даже враждебным выпадом против хозяина стада.

После водопоя овцы отдыхали в ауле 2—3 часа, за это время пастухи, кудужши, каугышы и другие работники и члены их семей должны были подоить овец и осмотреть все поголовье, не присосались ли к курдюку, груди и другим более нежным местам кровососущие клещи (таскене), не образовались ли у животных вследствие этого язвы с нарывами, в которых обычно заводились черви и т. д.

При обнаружении такого явления скотоводы применяли меры предупреждения заболевания или его лечили. В первом случае они обмазывали места, где впились клещи полужидкой массой (қи майы — дословно навозное масло), от которой те погибали, одновременно обезвреживалось действие их укуса и предотвращалось образование на теле животных нарывов. Во втором случае, когда уже имелись на курдюке барана нарывы с червями, последних удаляли специальной деревянной палочкой, похожей на одну из половинок небольших ножниц. Ее называли «құрттауыш», что значит выводителю червей. Образовавшуюся рану в течение трех-четырёх дней мазали той же мазью и вскоре она заживала без

всяких последствий. Если своевременно лечение не производили, то рана увеличивалась, начиналось гниение, затем заражение охватывало весь организм животного, и оно околевало. О таком заболевании овец и их падеже казахи говорили: «Құрттан асқыну, зіл түсу». Поэтому овец и ягнят осматривали ежедневно с мая по сентябрь, т. е. пока не исчезали мухи. Вся работа по борьбе с этими паразитами называли «қой құрттау» (очищение овец от червей). Таким же способом от укусов таскене лечили и верблюдов.

Кый-майы казахи использовали и против чесотки овец, коз и верблюдов. Для этого в жаркий летний день подогревали жидкость до кипячения и покрывали ей пораженные места животных. После однократного или двукратного обмазывания чесотка бесследно исчезала. За падеж овец и ягнят по этой причине, как и за гибель от волков, пастухи несли перед баем полную ответственность, им приходилось либо восстанавливать поголовье, либо нести наказание.

Лечебная мазь скотоводы готовили сами.

Основной частью простого и небольшого приспособления по выработке кый-майы считалась железная труба вроде той, которую обычно надевают на самовар. Она была диаметром 6—7 см и длиной 40—50 см, на одном из ее концов имелась сетчатая железная крышка. Эту трубу опускали в яму крышкой вверх. Она приходилась на неправильный центр небольшого круга диаметром около 1 м. На ровную, обмазанную глиной площадку приносили пять-шесть мешков лошадиного навоза и поджигали. Когда почти все сгорало, подсыпали еще три-четыре мешка сухого проветренного прошлогоднего овечьего помета в виде шариков (қу құмалақ). Дымящейся куче придавалась пирамидальная форма, сверху ее обсыпали заранее приготовленной золой. В этот момент из нижнего открытого конца трубы валил густой дым. Под отверстие ставили деревянную посуду вроде ведра, а яму плотно закрывали старой кошмой и поверх засыпали землей. Происходило как бы внутреннее сгорание. Всю массу оставляли минимум на 17—18 часов или на сутки. За один прием получалось около 1 л сильно пахучей полужидкой черной массы кый-майы.

Среди джатаков и независимых кочевников были такие, которые производили кый-майы как товар, обменивали его на овец, коз, кошмы, шкуры, различные шерстяные изделия и т. д.

Среднебайские хозяйства использовали джайляу, несколько иначе, чем крупнобайские. В большинстве случаев они оставались на одном месте не более 4—6 недель. Это объяснялось тем, что очень редко кто-либо из них выделял

свои стада овец в самостоятельные летние пастушеские аулы, наоборот, они всегда находились при основном ауле и имели здесь ежедневный водопой. После водопоя овец доили и осматривали, затем, еще раз напоив, угоняли с ночевкой на пастбище, расположенное далеко от аула. Однако ежедневное возвращение стад в аул ограничивало радиус использования пастбищ. Через некоторое время овцы вытравливали все пастбища, расположенные на расстоянии одного дня пути. Появлялась необходимость в перекочевке аула на новое место. Скотовладельцы средней категории в летний период были больше заняты хозяйственными делами, чем крупной.

Мелкобайские хозяйства в использовании джайлау отличались от других хозяйств тем, что до середины июля их стада ночевали в ауле; со второй половины июля до середины августа они практиковали отгон овец на пастбище с ночевкой в степи. Но этого придерживались не все хозяйства, что зависело от наличия у них пастухов, способных обеспечить целостность и сохранность стад. В большинстве случаев пастухами были малоопытные люди, причем не имевшие даже лошадей для верховой езды. Это мешало широкому применению вечерне-ночной пастбы овец с ночевкой. В результате пастбища в окрестностях таких аулов быстро истощались, что вынуждало их перекочевывать в другие места.

Что касается малоскотных средняцких хозяйств скотоводов, то они никогда не отгоняли стада на пастбища с ночевкой в степи. Поэтому овцы в таких хозяйствах бывали менее упитанными, чем в байских. Средняцкие аулы могли находиться на джайлау в близком соседстве как со среднебайскими, так и с мелкобайскими хозяйствами и менять места остановок вместе с ними.

Во всех хозяйствах, включая даже бедняцкие, кастрацию, стрижку ягнят, осеннюю стрижку овец, изготовление кошм проводили приблизительно в одно и то же время.

В начале сентября стригли овец. К этому времени стада возвращались в основной аул бая. Осенняя стрижка овец (кузем)⁸³ и изготовление кошм имело большое хозяйственное значение. Данные виды работ приносили баям большой доход. Поэтому они сами всегда руководили ей. К кузеу специально подготовлялись: приводили в порядок и приобретали новый инструмент — своеобразные ножницы (қырықтық), назначали лиц для стрижки и связывания животных, выделяли нужное количество юрт, а также женщин и подростков для выделывания кошмы и нарубки ивовых прутьев. Надо было заготовить также топливо для нагревания в течение

---

⁸³ Кузем от слова «кузеу»; кузеу и куздеу различные понятия.

нескольких дней воды, без чего немислимо изготовление кошмы.

Стригли все стадо, взрослых и молодых. Этой работой занимались трудоспособные члены семей батраков и бедняков аула. Иногда и соседские малоскотные середняцкие хозяйства оказывали баю помощь. За это он должен был их вкусно кормить.

Благодаря большому количеству рабочих рук стрижку в крупнобайских хозяйствах завершали в два-три дня, выкатывание же кошм могло длиться около двух недель. Кошмы выделывали следующим образом: набирали шерсть одного цвета, раскладывали ее на сухой бычьей или лошадиной шкуре, усаживались кругом на полусогнутых коленях 10—15 человек и начинали выбивать ее прутьями. В результате шерсть делалась пушистой, ее раскладывали на циновке (приготавливаемой из чия) определенного размера слоями, желаемой толщины, причем на лицевую сторону пускали более чистую белую шерсть.

После этого кошму поливали горячей водой, приваливали ладонями и скатывали вместе с циновкой в трубку. Затем трубку расправляли и удваивали скатанную шерсть, называемую «талдырма», вновь поливали горячей водой и опять ее свертывали в циновках и катали.

Такую операцию проделывали до тех пор, пока не получали кошму, требуемой плотности. Приготовление кошмы заканчивалось тем, что ее складывали пополам, сшивали нитками края и затем четверо начинали ее мять, передавая по кругу. Это длилось до тех пор, пока кошма не становилась достаточно гибкой (кииз карпу).

После этого ее еще несколько раз скатывали, а потом выносили из юрты для высушивания на солнце. «В среднем, от 25 овец разных возрастов, получается шерсти на одну кошму, длиной 8 аршин, шириной 2½ аршина, а иногда и 3 аршина, весом $\frac{3}{4}$ или 1 пуд. Ценность кошм зависит от чистоты их выделки и от прочности»⁸⁴. Обычно один такой кусок кошмы кочевые скотоводы отдавали за одного улитанного барана.

С наступлением осени каждый хозяин начинал понемногу готовиться к зиме. Это выражалось в основном в обеспечении хозяйств хлебом на период с августа по апрель следующего года, в починке и приведении в порядок необходимого для кочевания инвентаря и изготовлении нового (ремонт и производство новых орудий труда: кетменей, кирок,

⁸⁴ М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, СПб., 1906, стр. 19—20.

ломов, лопат; инвентаря хора; разного рода веревок; попон для верблюдов и лошадей).

Женщины все лето пряли и ткали тонкий шерстяной материал на казахские плащи-халаты (шекпе), а более грубый для изготовления мешков. Они также выделывали и красили мерлушки и овчины, готовили зимнюю одежду, делали запасы толченого проса (актаган сок), приводили в порядок юрты и пр. Сапожники шили зимнюю обувь.

Крупные баи имели специальные зимние юрты. Большие роскошные летние юрты с крепким остовом и покрытые белой кошмой они оставляли на хранение у постоянно живущих на джайляу оседлых бедняков, которые находились от них в полной экономической зависимости. Джатаки содержали у себя некоторое количество байского крупного рогатого скота, не приспособленного к перекочевкам. Такой скот сдавали беднякам во временное пользование без указания срока с условием: разрешалось пользоваться молоком дойных животных, употреблять безвозмездно мясо погибшего скота, если это произошло не по их вине, но с обязательной сдачей кожи животного хозяину. Бедняки в свою очередь были обязаны обеспечить надлежащий уход за сданным им скотом, а также расширенное воспроизводство поголовья, сохранить в целости байские летние юрты и другие ценные вещи.

В зависимости от числа дойных коров они должны были осенью сдать скотовладельцу определенное количество масла, сушеного курта и иримчика. На словах эта сдача продуктов считалась добровольной, но в действительности была обязательной, иначе для бая она не имела смысла. Этот факт опять-таки надо расценивать как одно из проявлений натурального оброка, реализуемого посредством сдачи в «надел» скота бесскотным беднякам.

Таким образом, с окончанием стрижки овец и приготовлением кошм сезон пребывания скотоводов на джайляу заканчивался.

§ 5. Осеннее кочевание — завершение годового цикла производства

Во второй половине сентября скотоводы совершали обратный путь с джайляу. Во время осенних кочевок также соблюдались определенные правила, выработанные практикой. В первые дни, когда температура воздуха была еще достаточно высока, ежедневно после обеда кочевники проходили небольшое расстояние с тем расчетом, чтобы поголовье рабочего скота ночью могло отдохнуть без пастбы и водо-

поя. Скот поили и пускали пастись лишь рано утром. Так проделывали 6—7 дней, иногда меньше. В результате у рачочего скота исчезала вздутость живота, пропадала излишняя потливость, он становился более крепким и даже более стройным. Таким путем рабочий скот подготавливался к длительным переходам и к тяжелой работе, у него вырабатывалась способность переносить голод и холод. Без такой подготовки он быстро выходил из строя и погибал, не выдержав даже сравнительно небольшой нагрузки. Всякую кочевку, начинавшуюся с середины или со второй половины дня, называли «удере кош».

Раньше всех с джайлау откочевывали малоскотные, средняцкие хозяйства и мелкобайские аулы, среднебайские и крупнобайские задерживались на одну-две недели.

Осенью кочевали большими группами аулов. Сотни караванов-кошей тянулись вереницами друг за другом. За ними шли, пасясь на ходу, стада овец и табуны лошадей. Чем богаче хозяйство, тем больше был кош, иногда он насчитывал до 50 и больше верблюдов. Его возглавляла, как правило, хорошо одетая девушка или молодая замужняя женщина, хавшая на нарядно украшенном атане⁸⁵.

Его навьючивали меньше других верблюдов. По бокам атана на уровне горбов крепили по два сундука и сверху покрывали их двойной кошмой, в результате получалась как бы стена высотой 50—60 см, спереди она несколько понижалась. На кошму в середине садилась женщина, направлявшая кош. Такое приспособление называлось «коршалау» (округление), оно защищало сидевших в нем от ветра и холода. Кошма, употребляемая для коршалау, изготовлялась из белой шерсти и отделывалась орнаментом различного цвета.

Женщины с грудными ребятами брали в коршалау походную люльку (бесік) и привязывали ее к сундукам, чтобы можно было на ходу кормить ребенка. Иногда в коршалау ставили деревянные ящики, в которых устраивали маленьких детей, укутанных в одеяла и овчинные шубы. Эти ящики назывались «кебеже». В кебеже сажали по двое ребят. Во время ненастной погоды, когда шел дождь или снег, один из двойных концов текемета коршалау разворачивали и накрывались им сверху.

Цепочки коша завершал верблюд, навьюченный деревянным остовом юрты (шаңырақ), котлом, обернутым в старую кошму (қазанқап), и очагом. Такой верблюд назывался «шанрақтөсе», т. е. верблюд, везущий шанрак⁸⁶. Обычно это

⁸⁵ Атан — мерин, двугорбый верблюд.

⁸⁶ Шанрак — деревянная часть юрты, через которую выходит дым от разведенного в середине юрты костра.

был самый смиренный и сильный верблюд. В байских кошках, где имелось много верблюдов, девушки и молодые женщины выбирали себе лишь тех, которые были покрыты разноцветными коврами, и никогда не брали шапрахтюе. Как правило, цепочку верблюдов с шапрахтюе вела либо одна из жен бая, которая была не в почете, либо жена пастуха. В далекие времена эту обязанность выполняла рабыня. В таком порядке коши составлялись всегда независимо от времени года.

Что касается кошей середняков и бедняков, то они не отличались особой нарядностью. Они состояли из небольшого количества верблюдов, всегда перегруженных. В этих кошках было мало белых кошм с ярким разноцветным орнаментом на коршалау. Коршалау делали из любой кошмы, какая только у них была.

Ежедневно осенью коши проходили 25—30 км. Именно в это время верблюды получали самую большую нагрузку, так как несли на себе весь запас хлеба на зиму. Больше всего были нагружены верблюды в бедняцких и середняцких хозяйствах, где их было недостаточно. Поэтому к переходам на большие расстояния были приспособлены лишь байские хозяйства, у которых верблюды имели гораздо меньше нагрузки. Этим объяснялась несколько ранняя откочевка с джайлау середняцких и мелкобайских аулов.

Кочевой путь от коктеу до джайлау, который они проходили весной за месяц, теперь преодолевали за две-три недели.

Территория коктеу в основном являлась осенним пастбищем — куздеу. В этих местах аулы останавливались приблизительно на две-три недели. Здесь проводилась и случайная кампания овец. На куздеу каждое хозяйство обретало дополнительный груз: из тайников доставали разборно-переносные ограды, которые уже в это время были необходимы для устройства ночлега овец и верблюдов.

Если за лето овцы достаточно нагуливались, то и случайная кампания проходила дружно. При благоприятных условиях и умелой организации ежедневной пастбы происходило массовое спаривание шести с половиной и семимесячных тохты. За такую удачу скотовладелец делал пастуху подарок, который назывался «шапрахтқы».

О подобных явлениях в хозяйстве кочевников указывается в материалах по казахскому землепользованию: «У кочевников, например, у казахов Сыр-Дарьинской области, очень часто родившаяся в апреле овца в ноябре того же года спаривается и в годовалом возрасте в апреле следующего года ягнится. Это явление казахи называют «тохты кашу» и

говорят, что оно замечается только у кочевников, в Кустанайском уезде совершенно не встречается»⁸⁷. В некоторые годы максимальный процент спаривавшихся маток тохты достигал 15—20, тогда как такого же возраста матки коз спаривались до 100%.

В ноябре производился убой скота на согум, т. е. заготовка мяса и сала впрок на зиму. Данный период был наиболее удобен для этой цели, так как позже скот мог похудеть, кроме того в прохладную погоду соленое и несколько высушенное на воздухе мясо не портилось. На согум кочевники забивали все виды скота: лошадей, овец, верблюдов и даже коз. Какой скот, сколько и какого вида били на мясо зависело от состоятельности хозяйства и расходов хозяина. Самые крупные баи могли резать до десяти лошадей, двух верблюдов и 30 овец, средние баи — половину этого количества, мелкие — от двух лошадей и одного верблюда; средняцкие хозяйства забивали верблюда или лошадь, или же 5—6 баранов. Бедняцкие хозяйства почти никогда ничего не кололи, изредка кое-кто опаливал одного-двух баранов. Как правило, с забитых в согум баранов шкуру не снимали, она оставалась вместе с тушей и салом в опаленном виде. В соседней с Сыр-Дарьинской Тургайской области, где население в основном было оседлое и полукочевое, на согум также резали большое количество животных. «Богатые казахи режут по 10—15 и более лошадей, смотря по достатку и величине семьи, причем лошади для убоя выбираются сытые и жирные; бедняк редко имеет возможность заколоть лошадь, разве когда зарежет старика — мерина, который от старости едва таскает ноги. От хорошо откормленной взрослой лошади получается мяса и сала, смотря по степени нагула, от 15 до 20 пудов; от тощей — не более 8—10 пудов»⁸⁸.

О согуме казахов Павлодарского уезда Акмолинской области писал М. Чорманов: «Согум производят в начале ноября и до конца месяца. Стоимость согума простирается приблизительно у зажиточных до 600 руб. серебром, у среднесостоятельных — на 250 руб. серебром. Забойку богатые и среднесостоятельные люди производят по числу душ и с расчетом на гостей. Казахи щеголяют друг перед другом своим гостеприимством. Казахи, принимающие всех, считаются мырзами (благодетельными)»⁸⁹.

⁸⁷ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V. Воронеж, 1903, стр. 92.

⁸⁸ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 137.

⁸⁹ М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, 1906, стр. 25.

Как правило, скотоводы уже в сентябре начинали забивать тех животных, которые не смогли бы перезимовать. К такой категории относили не сумевших за лето набрать жира старых кобылиц, овец и другие бракованные экземпляры. Многие расчетливые хозяева придерживались этого принципа и во время согума. Они резали на согум не самых жирных, а старых и слабых, которые не были способны перенести зиму.

Всю работу по убою скота у баев выполняли бедняки со своими женами. Они резали скот, снимали шкуры, разделяли туши, очищали внутренности, отделяли и растапливали внутреннее сало, засаливали мясо и т. д. За их труд им давали немного мяса, субпродуктов и кости (жілік). В основном же их удел был смотреть на лакомые куски мяса, которые они приготавливали. К этому случаю вполне применимы слова Поля Лафарга, который говорил: «Господь разрешает нам утолять голод, пожирая глазами выставленные напоказ аппетитные яства, которых мы никогда не пробовали, которых мы никогда в жизни не будем касаться и которыми питаются его избранники и жрецы. Благость его разрешает нам обогреть заочневшие от холода члены созерцанием теплых мехов и толстого сукна, в которые укутываются его избранники и жрецы. Он дарует нам еще утонченное наслаждение, радуя наш взор созерцанием того, как прогуливается перед нами в экипажах по бульварам и площадям святое племя жирных, брюхатых, лоснящихся, подагрических капиталистов и рантье, окруженных сворой наряженных в ливреи лакеев и напудренных и размалеванных кокеток. И нас преисполняет тогда гордостью сознание, что если эти избранники наслаждаются роскошью, которой мы лишены, то роскошь эта создана нашими руками и нашим мозгом»⁹⁰.

Кожи всех забитых отправляли со специальными людьми в ближайšie торговые пункты для продажи. На вырученные деньги покупали только чай и сахар. Пуды сахара и десятки фунтов чая входили в запасы продуктов на зиму и весну в байских хозяйствах. «Лучшее питание, отсутствие тяжелой работы благодаря применению наемного труда и наличие некоторых предметов комфорта, — возможные только в богатых хозяйствах, способствуют увеличению новых членов семьи и значительно понижают процент смертности. Кроме того, в богатых семьях очень часто наблюдаются случаи полигамических браков»⁹¹.

⁹⁰ Поля Лафарг. Памфлеты. М., 1931, стр. 43—44.

⁹¹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Крыплева», т. V, Казалинский уезд. Ташкент, 1913, стр. 25.

При разделке туш животных сразу же отделяли мясо от всех крупных костей. В первые дни согума варили эти кости, чтобы, во-первых, избавиться от лишнего груза при кочевках и, во-вторых, приготовить хозяйственное мыло (сабын). Многие середняцкие и бедняцкие хозяйства, у которых не предвидилось большого забоя скота осенью, уже в августе-сентябре начинали собирать кости забитых ими животных для приготовления хозяйственного мыла. «Для получения фунтов 10-ти мыла, — пишет А. И. Добросмыслов, — нужно фунта 3—4 сала, золы фунтов 30—35. Мыло с целью продажи казахами не приготавливается, а делается каждым только исключительно для себя раза 2—3 в год. На одну семью приготавливается мыла фунтов 20—25 в год. Выделкою мыла занимаются исключительно женщины; особых же мастеров для этого среди казахов нет. Здесь же, между прочим, замечу, что для приготовления мыла казахами употребляется также жир из обглоданных костей, остающихся от мяса, употребляемого в пищу»⁹².

Сезон куздеу заканчивался примерно в конце ноября. К этому времени уже выпадал первый снег и замерзала вода. Охотники с беркутами, гончими успевали поохотиться за лисами, джайранами, сайгаками, волками, зайцами. Начался период зимних кочевок. Байские коши после убоя скота на согум еще больше увеличивались. Туши и сало десяти лошадей, двух верблюдов и 30 баранов составлял груз не менее, чем на 15 верблюдов. Это не было неожиданностью для состоятельного рачительного хозяина, так как повторялось ежегодно. У него наготове имелось необходимое количество наруанов (припособление из дерева), к которому привязывали запасы продуктов в виде тюков и навьючивали на верблюдов.

Члены байских семей к зиме одевались в волчьи и другие дорогие шубы. Они ехали впереди кошей верхом на упитанных конях, кто с гончими, кто с беркутом.

Наличие охотничьих беркутов и гончих собак говорило о том, что в осенне-зимний сезон они развлекались охотой. О характере охоты у казахов еще в XVIII в. писал А. С. Паллас. «Киргизы, препровождая умеренную пастушью жизнь, обыкновенно упражняются в звериной ловле; причем они имеют ту выгоду, что уменьшают число опасных их стадам лисиц и волков... Для ловли зверей употребляют они ученых орлов. В пространной степи ездят на лошадях за охотой, и, конечно, невозможно себе представить лучшего случая к звери-

---

⁹² А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 36.

ной ловле»⁹³. Ему вторит И. Г. Георги: «Хотя большая половина сих богатых и праздных скотоводов упражняется в звериной ловле, только для забавы, однако ж промысел сей, доставляя им дичину и мягкую рухлядь, приносит великую пользу. В степях их водятся волки, простые и степные лисицы, язвецы (род барсука), красная дичь, сайги, горностаи, сурки и другие звери»⁹⁴.

Охота у казахов в течение многих веков являлась лишь развлечением, что подтверждается таким обычаем. Если во время ловли зверя встретится кто-либо (безразлично, знакомый или нет), то охотник обязан был уступить ему добычу. Этот обычай назывался «аң байлану или аңды байлау». Он сохранился у кочевых скотоводов до начала XX в., что объясняется только рутинным состоянием производительных сил общества.

Из местностей Айтимбет-Дарбас, Барша-Кум, Дадик-Кум, где находились куздеу, коши направлялись на юг, в Кзыл-Кумы. В это время кочевали сравнительно небольшими группами аулов. Каждое утро несколько всадников, по одному от каждого аула, на крепких конях уезжали вперед, разыскивая кон, где аул мог бы остановиться на ночь. Кто первый находил кон, тот делал на нем отметку. Все кочевники, мужчины от мала до велика, знали названия местностей, приблизительное количество конов и колодцев в них, их глубину, качество воды, т. е. все о той территории, где им приходилось кочевать.

Названия местностей передавались из поколения в поколение, к пятнадцатилетнему возрасту подростки настолько их усваивали, что могли свободно ориентироваться в этих местах не только днем, но и ночью. Утром пастухам было достаточно сказать, что сегодня аул остановится там-то, они самостоятельно добирались до места со стадами даже в полночь. В тех случаях, когда поблизости не оказывалось кона, а скот нуждался в отдыхе все трудоспособное население аула мобилизовалось на вырубку полукустарников, кустарников, трав, словом, всего, что было пригодно овцам для подстилки на ночь.

От куздеу до самых дальних зимних пастбищ в Кзыл-Кумах добирались 20—25 дней. Многие аулы не доходили до Кзыл-Кумов, а кочевали в районе сухих русел Куван-Дарьи и Жана-Дарьи. Здесь климат суровее, чем в Кзыл-Кумах. До этих мест от куздеу передвигались 10—15 дней. Зима для

---

⁹³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I. СПб., 1778, стр. 585.

⁹⁴ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 128.

кочевых скотоводов являлась самым трудным временем года. В этот период работа, обычно выполняемая по пастьбе и уходу за скотом, по борьбе со стихией, требовала огромного напряжения сил, умения и находчивости. Ее делали не только взрослые, но и подростки. Ребенок, который рос в условиях кочевой жизни, с детства привыкал к суровой действительности. По утрам он собирал лошадиный и верблюжий навоз для топлива, нянчил маленьких детей, таскал из колодца воду и пригонял к нему скот, помогал при доении овец и т. д. Он рано обучался ездить верхом; для этого специально изготовляли детские седла (аппамай), которые спереди и сзади имели высокие луки, чтобы маленький наездник не мог выпасть⁹⁵. Характеристику такого образа жизни мы находим в работе А. Рязанова. Он писал: «Обычное занятие казахов состояло в хранении стад, охоте и войне. Они с детских лет приучались к стрельбе из лука и уже в 12—13 лет выезжали в походы и употреблялись для малой войны. Все казахские батыры и султаны, возвышавшиеся до ханской власти, проходили эту суровую школу с детских лет. Нужда и труды боевых походов, постоянное пребывание на свежем воздухе вырабатывали в них способность переносить голод, всевозможные лишения и перемены климата»⁹⁶.

Такой суровой кочевой жизнью продолжали жить казахские кочевники и в дореволюционном Казахстане, с той лишь разницей, что между ними уже больше не было военных столкновений.

* * *

В дореволюционном кочевом ауле крупнобайские хозяйства (басбайлар) вели свое производство на основе использования, с одной стороны, наемного батрацкого труда, а с другой — экономически зависимых кочевников, главным образом бедных родственников. Эти хозяйства представляли собой мощные скотовладельческие экономики — крупные патриархально-феодалные кочевые хозяйства с примитивной материально-технической базой, со всеми отсталыми чертами и методом его организации, несмотря на то, что они уже применяли наемную рабочую силу в сочетании с патриархально-феодалной формой эксплуатации. Каждое из таких хозяйств имело от 2 до 5 тысяч овец, от 100 до 300 верблюдов, от 300 и более 1000 лошадей. Если не принимать во

⁹⁵ Р. Каруц. Среди киргиз и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 84.

⁹⁶ А. Ф. Рязанов. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4, стр. 29.

внимание время от времени повторявшихся джуютов или индетов, наносивших большой урон скотоводству, то для этих хозяйств был характерен большой ежегодный прирост поголовья скота за счет приплода, т. е. им было присуще расширенное воспроизводство. Расход скота на потребление в течение года восстанавливался приплодом со значительным перекрытием. Крупные байские хозяйства составляли не более 10% от общего числа байских хозяйств и 0,5% от всего кочевого населения. По данным обследования Переселенческого управления, в 1911 г. в Казалинском уезде маломощных хозяйств было 65,4, середняцких — 19,5, зажиточных — 10,1 и только 5% богатых. Эти данные, хотя и не могут претендовать на абсолютную точность, но позволяют ориентироваться. На основе обследования в 1910 г. того же Переселенческого управления соседнего Перовского уезда было установлено, что «скотоводство Перовского уезда носит крупновладельческий характер. Скота много, но он сосредоточен во владении сравнительно небольших количественных групп». Далее: «По всему уезду главная масса скота приходится на долю немногих хозяйств. Поэтому большинство хозяйств, при необеспеченности скотом и при отсутствии своего хлеба, должно искать подсобных заработков. Таким заработком здесь является, главным образом, ловля рыбы в озерах района и пастушество»⁹⁷.

Если проанализировать хозяйства Перовского уезда, то можно убедиться, что по своей социальной дифференциации они мало чем отличались от хозяйств Казалинского уезда: маломощные хозяйства составляли 68,7%, середняцкие — 17,6, зажиточные — 8,8, а богатые — 4,9%. Иначе говоря, в богатых, зажиточных и середняцких хозяйствах, где было сосредоточено 38,8% населения, находилось примерно 76,1% всего скота уезда, тогда как на долю бедняцкой массы, составлявшей 61,2% населения, приходилось лишь 23,9% скота.

О наличии крупных скотовладельческих хозяйств в Атбасарском уезде в свое время писал академик К. И. Сатпаев. «Баганалинцы держали больше верблюдов, лошадей и баранов. Отдельные хозяйства имели до двух тысяч лошадей, трехсот верблюдов и до семи тысяч овец, а хозяйства с тысячей голов овец были обычны. При таком колоссальном количестве скота Карсакпайский район имел заметное значение в общем торговом обороте края, а количество прибываю-

⁹⁷ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сырь-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. IV, Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 90, 91.

щих баганалинцев обычно предрешало те или иные конечные итоги Атбасарской, Акмолинской и других степных ярмарок»⁹⁸.

С. Шарипов также приводил много фактов об огромных размерах хозяйств и расточительстве крупных казахских баев-полуфеодалов Карсакпайского района Атбасарского уезда во второй половине XIX— начале XX в.⁹⁹ Этот район находится на юге Атбасарского уезда. Его северная граница проходит по Арғанатинским сопкам, на востоке он граничит с Акмолинским, на западе — с Тургайским, на юге — с Перовским и Туркестанским уездами. Население его состояло из найманцев рода баганалы. Оно занималось в основном скотоводством, кочуя весной до р. Ишим, осенью — до р. Чу и оставляя на зиму сотни и тысячи косяков лошадей в Голодной степи, а баранов и верблюдов у озер Теликуль и Ашикуль.

Наличие большого количества скота и сырья, которым располагали богачи Карсакпайского района, давало им возможность выступать на рынках Атбасара, Туркестана, Перовска и Кустаная крупными поставщиками скотоводческого сырья и скота и значительными потребителями фабрично-заводской продукции.

С. Шарипов указывал на два вида расточительства баганалинских баев. Первый вид — сооружение дорогостоящих могил-памятников умершим родственникам. До 20-х гг. XX в. некоторые из них сохранились в целости, а некоторые разрушились. Памятники представляли собой строение высотой 10—30 аршин, площадью 4,6, иногда 8 квадратных сажени в виде башни. Они были возведены из хорошего жженого кирпича и сверху выкрашены эмалью разных цветов. Всего на территории района зафиксировали 38 памятников, когда-то их насчитывалось около 200. Чтобы получить хотя бы приблизительное представление о стоимости каждого, приведем данные о памятнике-могиле Дузеня. Сын Дузеня Джанулы решил построить своему отцу такой же мазар, какой стоял на могиле первых богатей уезда. За большие дары нашелся человек по имени Сералы, который взялся его строить. Наняв 60 человек, он одно лето делал кирпичи, но осенние дожди все размыли. За пропавший труд Джанулы уплатил 72 лошади, но не отказался от своего плана. Зимой он командировал Сералы в Туркестан, чтобы тот ознакомился со строительством подобных сооружений у узбеков. Вес-

⁹⁸ К. И. Сатпаев. Карсакпайский район и его перспективы. «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 1, стр. 73.

⁹⁹ С. Шарипов. Баганалинцы. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4, стр. 150.

ной 1863 г. Сералы с тем же количеством рабочих взялся за дело и в 1866 г. закончил памятник. Расходы на строительство выразились: в первый год 72 лошади, плата рабочим 180 лошадей, 60 лошадей Сералы, 56 лошадей и 1500 баранов рабочие съели за три года, в общей сложности разошлось 1500 баранов и 362 лошади. В 1924 г. 50-летний Джакуббек, сын Джанулы, живший около этой могилы, имел всего одну дойную корову.

На постройку перечисленных С. Шариповым 38 памятников, подобных памятнику Дузену, было затрачено 2281 лошадь, 8443 барана и 40 верблюдов. Исходя из того, что памятников в районе было около 200, то полученные цифры надо увеличить в 5 раз. Последний памятник был сооружен в 1919 г.

Вторым видом расточительства были поминальные пиршества по умершим баям с выставлением огромных призов на конских скачках и на других состязаниях. Поминки, устраивавшиеся кочевыми скотоводами Казалинского, Перовского и Иргизского уездов, схожи с поминками по баганалинским баям, которые описал Шарипов. Иногда поминки по богачам напоминали съезды населения нескольких губерний. За год, как правило, баганалинцы справляли трое-четверо поминок.

Материал, приведенный С. Шариповым, несмотря на склонность автора выдать богатство небольшой кучки полуфеодалов за богатство всех баганалинцев, среди которых бедняков и батраков было в несколько раз больше, чем богачей, и замалчивание того факта, что эти огромные богатства в виде тысяч голов скота накоплены баями в результате долготлетней патриархально-феодальной эксплуатации, — имеет то достоинство, что позволяет получить представление о размерах паразитизма и расточительства степных магнатов.

Подобный паразитизм богатых красочно описан одним из выдающихся английских экономистов первой половины XIX в. Уильямом Томпсоном. К. Маркс высоко ценил его труды и приводил во II томе «Капитала» целые страницы из его работы. Там сказано: «Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимые волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления»¹⁰⁰.

Факты, соответствующие исторической действительности, показывают, что крупнобайские хозяйства, паразитировавшие на теле народа, составляли лишь около полпроцента населения Казахстана. Такое положение крупные бай-полу-

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 364.

феодалы занимали в кочевом ауле вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Средние бай скотовладельцы (кеуде бай) применяли в своем хозяйстве не только рабочую силу наемных батраков и экономически зависимых бедняков, но и сами они и члены их семей принимали участие в трудовом процессе по пастьбе и обслуживанию скота. Доля их участия колебалась от 10—15% в зависимости от размера семьи и количества в ней трудоспособных. Каждое из таких байских хозяйств в Казалинском и Перовском уездах имело 150—200 голов крупного (верблюдов и лошадей) и 1000—1500 мелкого (овец и коз) скота. При обычных условиях в этих хозяйствах происходило расширенное воспроизводство поголовья. Каждое хозяйство, как правило, образовывало один кочевой аул. Подобные хозяйства составляли 2—3% от общей массы населения.

Мелкобайские хозяйства (аяк бай) значительно меньше двух предыдущих типов хозяйств использовали в своем производстве труд наемных батраков и экономически зависимых бедняков. Это были средние скотоводческие хозяйства. Трудовое участие хозяина и членов его семьи в пастьбе и обслуживании скота было обязательным, причем в зависимости от размера семьи и количества ее трудоспособных членов на их долю приходилось выполнение не менее 40—50% всех работ. Вознаграждение труда бедняков и батраков производилось патриархально-феодальным и частично капиталистическим способом. В этих хозяйствах имелось 100—150 верблюдов и лошадей и 500—1000 овец и коз. В нормальных условиях в них тоже происходило расширенное воспроизводство поголовья, но в меньших размерах, чем в первых двух группах.

Таковы характерные особенности трех категорий байских хозяйств. Общим между ними было то, что все они использовали в своем хозяйстве рабочую силу наемных батраков и экономически зависимых бедняков, применяя в основном докапиталистические формы эксплуатации в сочетании с элементами капиталистической.

Другое положение было в середняцких и бедняцких хозяйствах кочевников, причем «беднейшие по скоту группы включают в себе большую часть населения. Так, первые две группы (хозяйства безлошадные и с одной лошастью) включают в себя 61,6% населения, или 68,6% всех хозяйств уезда, а первые 3 группы (от нуля до 3 лошадей) — 82,2% всего населения, или 86,3% всех хозяйств»¹⁰¹.

¹⁰¹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.», т. IV, Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 92—93.

К середняцким хозяйствам относились такие хозяйства, которые были способны при нормальных условиях на простое воспроизводство. В таком хозяйстве ежегодный приплод и продукты животноводства шли на личное потребление семьи и оплату податей, исключая возможность накопления. Оно не эксплуатировало чужого труда и потому было мелким трудовым скотоводческим хозяйством. Но это не значит, что члены таких семей не подвергались эксплуатации байскими хозяйствами, главным образом крупнобайскими.

Малоскотные мелкие трудовые хозяйства, как всякие мелкие собственники и мелкие производители, постоянно расслаивались на мелкобайские и бедняцко-батрацкие.

Состояние таких хозяйств выражалось словом «күнкергіш», что означало «минимум средств к существованию». В чисто кочевом ауле к таким хозяйствам при 4—6 членах семьи относились хозяйства, имевшие от 100 до 150 овец и коз и от 20 до 25 голов крупного скота (15—20 верблюдов с молодняком и 4—5 рабочих лошадей). Это был минимум, без которого трудовое скотоводческое хозяйство не могло существовать. Среди кочевых казахов был широко известен следующий афоризм: «Первое богатство для джитита — здоровье, второе богатство — жена, а третье богатство — сто голов овец и десять голов верблюдов» («Әуелгі байлық — денсаулық, екінші байлық — ақ жаулық, үшінші байлық — жігітке он түйе мен жүз саулық»).

Хозяйство, имевшее скота меньше этого минимума, самостоятельно существовать не могло, в нем не происходило даже простого воспроизводства поголовья. Поэтому оно из года в год суживалось и переходило в разряд бедняцких. Последние постоянно выделяли бедняков, которые потом становились основным объектом байской эксплуатации в качестве наемных батраков и бедных родственников, получавших так называемую помощь (жәрдем).

Средняцкие скотоводческие хозяйства в кочевом обществе казахов отличались своей крайней неустойчивостью. Иногда падеж, потеря одной-двух голов рабочего или молочного скота пагубно отражались на них. В таком хозяйстве каждая голова крупного скота одновременно могла быть рабочим и молочным скотом, например дойная верблюдица. Потеря данного животного, особенно если семья была многодетной, могла сразу изменить ее судьбу, отбросить в разряд бедноты. Оказавшаяся в таком положении семья всегда попадала в кабалу к баю. Такие скотоводы в большинстве своем и не претендовали на что-либо большее, лишь бы просуществовать на продуктах своего маломощного хозяйства. О подобном типе хозяйства Маркс писал: «Для мелких

производителей сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освобождается»¹⁰². Это указание Маркса полностью относится к середняку-кочевнику. Казахский кочевой бай конца XIX — начала XX в. совмещал в себе функции ростовщика и полуфеодала. Действительно, если кто-либо попадал в экономическую зависимость от такого бая, тому очень редко удавалось вырваться из его когтей.

Экономическая слабость мелких хозяйств проявлялась в их подверженности всяким случайностям. Они с большим трудом переносили даже сравнительно нетяжелые зимы и значительно чаще, чем крупные байские хозяйства, терпели урон от частичных и местных джуртов (тоқты-торымдық жұт). У таких маломощных хозяйств и крупный скот был слабый, так как вместе с молодняком он эксплуатировался весь год, что не позволяло ему откормиться до высшей степени упитанности. Поэтому он был подвержен всяким заболеваниям. В результате такие хозяйства не всегда были способны совершать очень дальние перекочевки, как мощные байские хозяйства и, следовательно, использовать наилучшим образом более свежие отдаленные пастбища.

Как уже указывалось, существовали кочевые аулы, сложившиеся в основном из середняцких хозяйств в количестве от 5 до 10 юрт, главным образом близких родственников. Такие аулы в основном базировались на взаимном сотрудничестве и разделении труда между семьями. Если одна семья брала на себя пастьбу овец, то другая — пастьбу ягнят, третья — пастьбу верблюдов и т. д., аналогичным способом распределялись и другие виды работ в зависимости от времени года. Здесь отсутствовала наемная рабочая сила и труд экономически зависимых бедняков.

Рассматривая только внешнюю форму данного аула, Ф. Щербина писал: «Очень часто в таком ауле разделение главного имущества — скота имеет только формальное значение, так как все члены аула сообща выпасают общий скот»¹⁰³. Для Ф. Щербины было достаточным наличие прос-

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 148—149.

¹⁰³ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V, Воронеж, 1903, стр. 27.

той кооперации в пастьбе и уходе за скотом, чтобы сделать вывод об общности скота хозяйств, кочевавших в одном ауле. В действительности это были частнособственнические трудовые скотоводческие крестьянские хозяйства, а не первобытная община, как полагал Ф. Щербина и др.

Средняцкие хозяйства, как правило, не имели табунов лошадей, скот их состоял в основном из овец и верблюдов, если не считать двух-трех верховых лошадей. По этой причине подростки и мужчины во время кочевания ехали, как женщины, на нагруженных верблюдах. Этот факт еще раз подтверждает правоту того положения, что количество лошадей в кочевом ауле находилось в прямой зависимости от экономической мощи хозяйства, т. е. чем богаче была семья, тем большим был удельный вес лошадей в общем поголовье скота.

Анализ экономики кочевого скотоводства показывает, что оно представляло собой особый вид материального производства, имевший присущие ему средства производства, способ организации и ведения хозяйства, а также соответствующую форму землепользования.

Кочевание и стоянка аулов в разные времена года были различными стадиями целесообразно организованного выпаса, ухода и выращивания скота. Каждая стадия кочевания имела свою специфику и свое целевое назначение по временам года, вытекающее из требований производственной жизни как момент определенного процесса производства и воспроизводства. Поэтому само кочевание казахов было формой производственной деятельности людей, вылившейся в стройную систему передвижения массы населения в определенное время года в определенном направлении на известной хозяйственной территории с конкретными почвенно-климатическими условиями.

Кочевое скотоводство, всегда сопряженное с упорной борьбой со стихийными силами природы в степи, было подвержено их отрицательному влиянию.

Незначительное улучшение в организации хозяйства проявлялось в некотором повышении производительности труда скотоводов. Такой прогресс был возможен только на основе роста и усовершенствования производственной практики, по мере приобретения людьми большого опыта и навыков к данному виду труда. Вековая практика ведения кочевого скотоводства была реальным содержанием той невысокой культуры кочевников, которая обусловила низкий уровень общественно-экономической жизни.

Необходимо указать, что такому патриархально-феодальному и крестьянско-мелкособственническому скотоводству,

державшемуся веками на старой отсталой технике, было свойственно много отрицательных явлений, которые не давали возможности развиваться производительным силам общества. Если взять темпы и масштабы воспроизводства в условиях кочевого скотоводства в целом, то окажется, что они были весьма незначительны, как и во всех докапиталистических формациях. Сам процесс воспроизводства имел отрицательные особенности: во-первых, весьма незначительное развитие производительных сил кочевого общества; во-вторых, рутинный характер скотоводства исключал какую-либо возможность нововведения, способного повысить технику производства и его продуктивность; в-третьих, преобладание простого типа воспроизводства как следствие относительно мелкого характера производства в целом, несмотря на значительную концентрацию скота в байских хозяйствах; в-четвертых, расширенное воспроизводство поголовья скота в байских хозяйствах, означающее по существу только количественный рост без качественных изменений материальной основы хозяйства, время от времени нарушалось периодически повторявшимися стихийными бедствиями, которые выливались в форму настоящего кризиса кочевого скотоводства, как джут и индет. На основании этого можно утверждать, что чем ниже уровень развития производительных сил общества, тем больше оно находится во власти стихийных сил природы. Поэтому скотоводы были почти беспомощны против таких стихийных бедствий, как джут и индет.

Результаты расширенного воспроизводства поголовья скота, ежегодно происходившего в байских хозяйствах в течение шести-десяти лет, сводились на нет уроном, наносимым скотоводству периодическими джутами и эпидемическими болезнями животных. Все это вместе взятое дает основание считать, что характерным для чисто кочевого скотоводства в целом было не расширенное, а простое воспроизводство, что является конкретным выражением рутины и консервативности развития производительных сил кочевого скотоводческого общества.

* * *

Основной формой патриархально-феодальной эксплуатации в кочевом ауле была сдача в «надел» скота под видом родовой помощи. В этом заключалась одна сторона экономического содержания производственных отношений в дореволюционном кочевом ауле казахов, которые по форме были патриархально-родовыми, а по содержанию патриархально-феодальными. Она характеризовала социально-экономичес-

кую природу казахского бая-скотовладельца как полуфеодала.

Патриархально-феодалная форма эксплуатации не определяла всех сторон производственных отношений кочевого аула. Кочевой казахский аул, несмотря на отсталость и в основном натуральный характер своего производства, давно был не изолирован от окружающего мира, а втянут в орбиту всероссийского и мирового рынков. Крупные скотовладельцы давали немало товарной продукции от своего производства.

Зачатки товарно-капиталистических отношений проникли и в кочевой скотоводческий аул. Они сочетались с патриархально-феодалными отношениями. Господствовавшие в кочевом ауле патриархально-феодалные отношения модифицировали и окрашивали в свой тон проникавшие туда товарно-капиталистические отношения.

Как было выяснено, байские хозяйства в кочевых скотоводческих аулах наряду с использованием труда бедных, экономически зависимых родственников, широко применяли труд наемных батраков, сельскохозяйственных рабочих (жалшы). Наем и увольнение батраков проводились два раза в год, т. е. сообразно с периодами скотоводческого производства.

Здесь налицо два сезона года, имевшие некоторое сходство с периодами посева и жатвы в земледелии, но приходящиеся на другие времена года. Ими были осенне-зимний и весенне-летний сезоны. По количеству месяцев они неодинаковы. Первый начинался с конца октября — в начале ноября и заканчивался в конце марта — начале апреля, т. е. длился пять месяцев, охватывая время от начала случной кампании овец и коз осенью до начала массового окота овец и коз весной. Второй сезон насчитывал семь месяцев, с конца марта — начала апреля до конца октября — начала ноября; он охватывал также определенную фазу производства с момента массового окота овец и коз до их случной кампании. Осень — такое время, когда летний выпас и откармливание скота окончены, молодежь вырос, основные расходы по хозяйству, как-то: закупка хлеба и одежды произведены. Наступало время подсчета овцематок и баранов-производителей, участвовавших в случной кампании, а равно и других видов скота. Весной также каждый хозяин подводил итоги своей хозяйственной деятельности после зимы и определял объем поступления молодежь всех видов скота. Это был момент, когда решался вопрос о широте поголовья. Как видно, сезоны были установлены не в результате произвольного

деления года на две части, в их основе лежал определенный производственный принцип.

Вследствие этого при найме батраков в качестве пастухов заработная плата в одном случае определялась на пять, а в другом — на семь месяцев. Такая сделка между батраком и баем включала в себя элементы капиталистической сделки. Кочевой бай конца XIX — начала XX в., оставаясь по своей социальной природе полуфеодалом, прибегал и к некоторым элементам капиталистической эксплуатации. Сделка между казахским баем и жалшы, т. е. между владельцем средств производства и пролетарием, свидетельствует об определенном способе соединения рабочей силы со средствами производства. «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»¹⁰⁴.

Для выяснения сущности способа производства, характеризовавшего кочевое скотоводческое хозяйство бая, необходимо раскрыть содержание получаемой батраком заработной платы, так как не всякий наемный труд показывает капиталистическую сущность данного способа производства. «Наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством. Но этот зародыш мог развиться в капиталистический способ производства только тогда, когда были созданы необходимые для этого исторические предпосылки»¹⁰⁵.

Заработная плата пастухов и других наемных работников в кочевом ауле, как правило, определялась не деньгами а натурой: скотом или же частично скотом и частично продуктами скотоводства путем пользования рабочим молочным скотом и шерстью. Как мы показали, сауын мал беру, колик майын беру и мал жуын беру, отдаваемые баями бедным родственникам в виде «помощи», не считались формально вознаграждением за их труд, который был как бы ответной благодарностью за оказанную им «помощь», что было удобным способом патриархально-феодальной формы эксплуатации. Поэтому форма «надела» скотом бедняков нами определена как патриархально-феодальная форма сделки. Другое

¹⁰⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 43—44.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 282 (сноска).

дело, когда речь идет о найме батраков, которые получали заработную плату в виде передачи им определенного количества овец для временного удою и снятия шерсти, верблюдов для кочевания и снятия шерсти. Все это включалось в условия найма, а не рассматривалось как помощь. Сдача скота в «надел» в такой форме по существу являлась капиталистической сделкой. Следовательно, частная собственность на скот в различных социально-экономических условиях могла превратить скот, как всякое средство труда, в орудие любой формы эксплуатации.

Даже тогда, когда зарплата была полностью или частично определена в деньгах, практически в кочевом скотоводческом ауле она могла быть реализованной в этой форме лишь в одном из ста случаев. Независимо от договоренности между нанимателем и нанимаемым оплата, как правило, производилась натурой — скотом. В натуральном выражении максимальная годовая оплата взрослым пастухам колебалась от 4 до 6 баранов.

Такая форма оплаты труда обуславливалась натуральным характером производства, слабой связью кочевого скотоводческого аула с рынком, где основной и универсальной меновой единицей, всеобщим эквивалентом в обмене все еще оставался баран. Кроме того, нанимаемые даже приблизительно не знали о рыночной цене барана в данный момент. Не менее важное значение имел и тот факт, что наемные жалшы, будучи скотоводами, более всего желали получить заработную плату от бая скотом. Наниматель в свою очередь также предлагал ему плату именно скотом, так как сам произвольно устанавливал на него высокую цену. Отказаться от такого предложения батрак не мог, потому что у кочевников отказ от скота выглядел парадоксом.

Владельцы скота были всемогущи в степи, как владельцы всякого богатства у всех народов, примерно так же, как владельцы денег — золота в условиях товарно-капиталистического производства. Такая исключительная роль скота в общественной жизни казаха нашла свое выражение в изречениях: «У кого есть скот, у того лицо светлое, у кого нет скота — лицо безобразное, как сырмятная подошва» («Малдының беті жарық, малсыздың беті кен шарық»); «Хоть рожа у сына бая крива, пусть говорит он» («Аузы қисық болса да байдың ұлы сөйлесін»).

Отрывок, приведенный К. Марксом в первом томе «Капитала» из произведения Шекспира «Тимон Афинский», в котором восхваляется золото и его чудодейственная сила в буржуазном обществе, можно отнести к кочевому аулу казахов, заменив слово «золото» словом «скот». Это подтверж-

дается характеристикой некоторых особенностей кочевого аула начала XX в., данной С. Карутцем. «Золото, к которому стремимся и которым мы дорожим, здесь — скот еще и по настоящее время. Серебряный рубль отправляется скорее в косы женщин, чем в сундук, в плавильник странствующего ювелира, делающего из него кольца, шояса, веретена, скорее, чем в кошель мужчины»¹⁰⁶.

Таким образом, жалшы получал свою заработную плату только натурой — скотом, не имея возможности превратить ее в деньги. Нередко плату жалшы получал до истечения срока найма, так как находился в таком плачевном состоянии, что не мог ее дожидаться.

В итоге к моменту окончательного расчета выяснялось, что жалшы не только ничего не полагается, а напротив, он еще должен хозяину. Мнимые и реальные долги, числившиеся за батраками, ставили их в зависимое положение от бая. Нередко наниматель давал еще дополнительные средства существования натурой для содержания семьи пастуха, что оговаривалось в условиях найма или же зависело от «доброй воли» хозяина. Это было ситцевое платье жене пастуха, жалкие обноски его детям, остатки пищи с байского стола, некоторые отходы продуктов животноводства (шерсти, кожи) и ненужные куски старых кошм, или же ему давали во временное пользование скот и т. д. Все это расценивалось как благодеяние бая, хотя в действительности это было средством экономического и личного закабаления батраков и членов их семей. Подобные взаимоотношения между баями и батраками также являлись выражением патриархально-феодальной формы эксплуатации. Таков был характер эксплуатации всех наемных жалшы независимо от того, в качестве кого они работали у бая.

Наемные пастухи-кочевники получали мизерную заработную плату и находились в тяжелых условиях труда. Обычно взрослый пастух овец, нанимавшийся на осенне-зимний сезон сроком на пять месяцев, мог получить максимум трех баранов, для кочевания двух верблюдов и одежду: старую овчину, реставрированные сапоги, овчинные брюки, пару нижнего белья и еще хозяйские харчи. Если у пастуха семья состояла из пяти человек, то для обеспечения питанием и одеждой остальных четырех членов семьи его заработной платы даже при полуголодном существовании не хватало. Допустим, что кроме него в семье могли работать жена и 10—13-летний сын. В кочевом ауле в осенне-зимний период подростков моложе 15 лет в наем брали редко, так

¹⁰⁶ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 43.

как в это время для них подходящей работы не было, женщины же прислуживали в домашнем хозяйстве бая и за это не получали никакой заработной платы.

Надо полагать, что такое явление объяснялось, во-первых, тем, что домашнее хозяйство было сферой труда вне процесса производства, во-вторых, бесправным положением женщин, они были лишь домашними рабынями своих мужей. Считалось само собой разумеющимся, что затраты труда людей, работающих у домашнего очага, компенсируются пищей, одеждой и т. п. Это пример, характеризующий социально-экономическую природу домашнего хозяйства, потерявшего свое общественное значение, в связи с чем была утрачена и общественная значимость занятого в нем труда. «Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало *частным занятием*; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве»¹⁰⁷. По этим причинам подросток-сын и жена пастуха в кочевом ауле не могли иметь заработка.

Но, несмотря на это, сына пастуха постоянно использовали на подообных работах; труд его бай не оплачивал. Зачастую старик — отец пастуха или подросток — сын пастуха превращались в бесплатного пастуха большого стада верблюдов бая. За это бедный старик или мальчик могли иметь, по особой «милости» бая и байбише, утром и вечером по чашке куже (похлебки) или две-три горсти (какого-либо жарматалхана (намолоченного жареного зерна — пшеницы, проса, ячменя и пр.). Жена пастуха была обязана прислуживать семье бая, навьючивать и развьючивать верблюдов, разбирать и собирать юрты, рубить и носить дрова, таскать воду. Она должна была также ставить самовар, топить юрту, толочь пшеницу на бидай-куже и т. д. В результате ее малолетние дети оставались беспризорными. Голые, босые и голодные они оставались целыми днями в холодной, жалкой, дырявой, почерневшей от колоти и непогоды юрте или же ходили по юртам с жадностью наблюдая за теми, кто ел. Они не имели радости в детстве. Именно об этих детях бедняков писали члены экспедиции: «Когда и теперь видишь и в зной и в стужу голых казахских ребятишек, свободно разгуливающих на воздухе, то начинаешь понимать, что и такое жилище для казаха — комфорт»¹⁰⁸ (речь идет о юрте).

¹⁰⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 76.

¹⁰⁸ См.: «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семипалатинской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. I, Лепсинский уезд, СПб., 1911, стр. 306.

Как было сказано, труд жены пастуха не оплачивался, она сама и ее муж-пастух ни на что и не претендовали. Таков был обычай и таковы были условия жизни. Если за пяти-месячную бесплатную работу жена пастуха, кое-как утолявшая голод своих детей объедками с байского стола, получала в виде «подарка» от байбише старый чапан или что-нибудь подобное, то это считалось большим «благодеем» и «помощью» жены бая. Таким путем создавалась иллюзия в представлении общества, что якобы бай кормит всю семью пастуха и все бедняки-консы в ауле являются его иждивенцами. Эту иллюзию за действительность приняли чиновники Переселенческого управления. Они писали: «Из этой группы 21 исключительно богатое хозяйство, так как в их руках (менее 1,5% хозяйств волости) сосредоточено 16,7% скота всей волости, или 27,8% скота всей самостоятельной части волости. До 60% хозяйств по волости не могут существовать самостоятельно и состоят на иждивении богатых»¹⁰⁹. Положение жалшы в таком ауле было безвыходным. Его жена, дети и часто старики нигде не могли получить работы хотя бы за самую минимальную плату, но зато они трудились бесплатно на бая, потому что употребляли жалкие остатки пищи с байского стола и носили его обноски. Это расценивалось всеми как «содержание» их баем на своем иждивении. Такие взаимоотношения порождали личную зависимость жалшы и членов его семьи от бая и маскировали эксплуатацию. Кроме того, при постоянных кочеваниях семья пастуха пользовалась двумя-тремя байскими верблюдами, благодаря чему она не отставала от аула где-нибудь в безводной пустыне. Поэтому пастух не мог что-либо требовать от бая, открыто выражать свое недовольство или куда-нибудь уйти до окончания срока; он был беззащитен.

Бай в кочевом ауле постоянно чинил самосуд над бедной. За негодные баю поступки как сам пастух, так и члены его семьи могли подвергаться телесному наказанию, за что бай не нес никакой ответственности. Кое-кому из пастухов удавалось по истечении срока найма уйти от бая, но многие жалшы работали долго у одного бая, не будучи в состоянии покрыть свои долги. Зачастую жалшы даже не задумывались над тем, имеют ли они право уйти от бая. Среди них были потомственные малаи, предки которых были рабами, каракарынами или тюленгутами у предков этих же скотовладельцев.

---

¹⁰⁹ См.: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд». Оренбург, 1909, стр. 107.

Основной отраслью скотоводства кочевников было овцеводство. поголовье овец, как правило, количественно преобладало над другими видами скота, следовательно, овечьих пастухов всегда нужно было больше, чем других. Постоянная потребность в них объяснялась еще и тяжелой спецификой пастушеского труда, поэтому всякий, кто привлекал к своему хозяйству постороннюю рабочую силу, непременно использовал ее для пастбы овец. Овечий пастух должен быть очень выносливым, чтобы выдержать ежедневное хождение от зари до глубокой ночи, причем всегда голодным, так как он ел лишь один раз в день, перед уходом стада на пастбище. Он питался, когда представлялся случай, мясными отходами: требухой, осердием и бульоном, в основном же его кормили похлебкой, приготовленной из пшеничных или ячменных зерен и толченой пшенной крупы, иногда давали пресную лепешку, испеченную в горячей золе (күлді көмөш).

Можно себе представить положение голодных пастухов во время угощения хозяином гостей. «Все сидят группами: на почетном месте вокруг парадной чашки с лучшими кусками — заднею частью, жиром и головой — сидят гости, сбоку хозяин, несколько поодаль сыновья, у стены рабочие, а напротив женщины... передает чашку с остатками дальше; голодные пастухи стараются вознаградить себя за долгое ожидание, выхватывая и проглатывая лучшие из оставшихся кусков»¹¹⁰.

Пастух-жалшы имел много обязанностей. Зимой, кроме пастбы овец, он выполнял разнообразную работу. Рано утром, до выгона стада из загородки, он должен был нарубить, насобирать и привезти на верблюде дрова или же пригнать их на себе, вечером, после возвращения со стадом, он топил юрту, толлок пшеницу на похлебку и жареное просо на крупу и др. Он работал до тех пор, пока все не ложилось спать. Если пастухи верблюдов (түйөшү) или же обслуживающий персонал, как хорашы, кудукшы, каугаши и домашние слуги — отытынышы и супшы, имели некоторый отдых, когда аул делал продолжительную остановку, то пастухи овец ежедневно должны были быть со стадами на пастбищах. Поэтому в народе говорили, что вся жизнь койшы складывается из непрерывных кочевок (хождений), только смерть дает ему покой («Қойшыға көшкенде көш, еруде көш, қойшыға онандағы өлген тыныш»).

Не менее тяжелы были условия труда пастухов в весенне-летний сезон. При найме пастухов с 1 апреля по 1 ноября

¹¹⁰ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 75—76.

заработная плата устанавливалась в несколько иной форме. Малай, имевший семью 6—7 человек (жена, отец, мать и трое детей), мог получить за свой семимесячный труд двух овец с ягнятами, саун (15 овец на весь лактационный период с условием снять с них и ягнят шерсть), майын (двух верблюдов, тоже с условием снять с них шерсть). В качестве спецдежды ему давали одну пару нижнего белья из бязи, старый халат из самотканной верблюжьей шерсти (шекпен). Он все лето ходил босиком, а если и имел обувь, то берег ее на зиму.

Все пастухи ходили летом не только босыми, но и почти голыми. На них были надеты старые штаны с разноцветными заплатами, а шекпен служил лишь для прикрытия головы от горячих лучей солнца или сильного дождя. Тело было загорелое, темное, пальцы и подошвы ног задублены, часто с большими трещинами, иногда превращавшимися в раны. На потрескавшихся от ветра и солнца губах всегда выступала кровь. В самые знойные месяцы они никогда не досыпали. Изнурительный, однообразный тяжелый труд отуплял пастухов, почти всегда изолированных от людей и общественной жизни. Поэтому в народе говорили, что от долговой пастыбы овец якобы «прокисает мозг человека» (мы ашып кетеді), т. е. человек глупеет. К беспроблемной нищете и умственной инертности жалшы нужно прибавить еще личную зависимость, неизбежно сопровождающую докапиталистические формы хозяйства¹¹¹.

Единственным утешением для койшы служило то, что в течение четырех-пяти месяцев они были сыты, так как могли без ограничения употреблять овечье молоко.

В первую половину апреля койшы приготавливали уыз каганах. Для этого они снимали во время ягнения пузырь овец, промывали водой и надаивали в него молозиво. Затем, завязав пузырь, клали его в горячую золу. Через 10 минут молозиво свертывалось, как яичный белок. Перед употреблением кожу снимали и содержимое съедали. Такое кушанье называлось «қағанақ». Об этом пастухи пели:

«Стадо свое я пас на траве бозганақ,
А сам досыта наелся қағанақ...»
(«Қойым жайып келемін бозғанаққа,
Өзім тойып келемін қағанаққа...»)

Несмотря на очень тяжелые условия труда и быта, творцами многих протяжно грустных, глубоко лирических и даже радостно бодрых казахских народных песен в основном были пастухи. В их песнях говорилось о трудной жизни, тоске и одиночестве, горячей любви к родителям, семье, де-

¹¹¹ В. И. Ленин. ПСС., т. 2, стр. 537.

тям, о светлой надежде на свободную и счастливую жизнь. Они пели во всю мощь своего голоса, находясь со стадами в бескрайней, широкой степи или на высоких буграх пустынных Кызыл-Кумов и Кара-Кумов, или в диких ущельях Каратау, Алатау, Мангышлака и т. д.

Как известно, в течение лета казахи кормились только молоком (в различных видах), но молоко 15 дойных овец не могло насытить шесть-семь человек. По данным материалов землепользования казахов Казалинского уезда, дойная овца средней молочности в апреле и мае давала ежедневно 2-3 стакана молока, а в июне и июле — 1-2 стакана, следовательно, за 3,5-4 месяца от каждой овцы в среднем в день можно было надоть только 1 или 1,5 стакана молока; в сутки на человека в семье пастуха приходилось 2-3 стакана овечьего молока. Поэтому старик-отец и двенадцатилетний сын пастуха должны были искать работу, наниматься пастухами. В отличие от осенне-зимнего сезона весной был спрос на труд стариков и мальчиков-подростков. Обычно мальчики такого возраста пасли ягнят, а старики — верблюдов. За работу мальчика и старика бай мог еще дать сауна — 15 овец. Жена пастуха, как всегда, работала в домашнем хозяйстве бая: доила овец, сбивала масло, варила курт, собирала кизяк. Таким образом, на бая из одной семьи работали 4 человека (сам — койшы, его отец — туеши, сын — козышы и жена — казаншы). За это они получали двух овец с ягнятами и сауна (30 овец на лактационный период со снятием с них и ягнят шерсти) и майын (двух верблюдов).

На основе такой своеобразной аренды скота происходило полное закабаление и жестокая эксплуатация батраков. На наем пастухов бай почти не тратил основного поголовья, он отдавал лишь некоторую часть продуктов скотоводства путем временного надения молочным и рабочим скотом. Все это показывает, как элементы капиталистической эксплуатации жались в казахском кочевом ауле переплелись с патриархально-феодальной формой эксплуатации. В этом нет ничего странного. Подобно тому, как в центральной России еще в конце XIX в. помещики применяли барщину к русским крестьянам путем прикрепления их к земле, казахские байы в дореволюционном кочевом ауле применяли патриархально-феодальную форму эксплуатации к беднякам путем прикрепления их к стадам и табунам. Это имело полную аналогию со сдачей отрезных земель за отработки и взносы натурой.

Приведенные данные говорят о характере и способе соединения рабочей силы со средствами производства, которыми определялись способ производства и социально-экономиче-

ское содержание производственных отношений людей в дореволюционном чисто кочевом казахском ауле. Это было сложное сочетание патриархально-феодалных отношений с элементами капиталистических производственных отношений. Эти сложные, с различными, зачастую не получившими полного развития, наслоениями производственные отношения означали, по выражению Энгельса, развитие небольшого меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетаемого большинства. Таким образом, общество вечных кочевников-казахов характеризовалось существованием полуфеодалных скотовладельцев, обогащавшихся путем широкого применения жестокой патриархально-феодалной формы эксплуатации угнетенной массы кочевой скотоводческой бедноты.

* * *

Рутинное состояние производительных сил, мелкий раздробленный характер кочевого скотоводческого хозяйства, разобщенность трудящейся массы кочевых средних и бедных скотоводов, наличие патриархально-родового быта, религиозное одурманивание сознания трудящихся ядом исламского вероучения и привитие им покорности и терпеливости, а также чрезмерная забитость и темнота батраков и бедняков исключали в казахском кочевом ауле возможность более или менее организованного и эффективного выступления угнетенной массы против ее эксплуататоров. Поэтому классовая борьба в казахском кочевом ауле носила больше всего скрытый характер, если не считать национально-освободительного движения казахов против царизма и его ставленников из патриархально-феодалной верхушки в 1916 г., в которой самую активную роль сыграла угнетенная масса казахских трудящихся, главным образом, в оседлых и полукочевых районах. Только частично в этом движении участвовали «вечные» кочевники.

Протесты наемных батраков (малай жалшы) и зависимых бедняков (жарлы) против своих эксплуататоров выражались прежде всего в проклятии и сквернословии по адресу баев, биев и служителей религиозного культа. Угнетаемые в своей среде говорили, что баи — их враги, а байский скот — вражеский скот, что «не надо его жалеть».

Такие настроения батраков и бедняков нередко доходили до самих баев, и они строго наказывали виновников. Но баи понимали, что вести борьбу против недовольств только одними мерами наказания недостаточно. Им на помощь приходили служители религиозного культа — ходжи и муллы. Пересказывая содержание исламского свода законов — шариата — населению, они особо обращали внимание батраков

и бедняков на серьезную преховность недовольства своей бедностью, общественным положением. Они учили не только не употреблять грубых и скверных выражений по адресу хозяев-баев, но и не допускать их даже в мыслях.

Проповеди духовенства ислама оказывали сильное воздействие на темную народную массу, притупляя ее классовое самосознание и ослабляя силу протеста против эксплуататоров. Служители культа все острее религиозных догматов направляли на одурманивание сознания трудящегося, на залугивание его самыми страшными божьими карами в загробной жизни и призывали его к подавлению своих желаний, мыслей, страстей, стремлений и воли. Старательно соблюдающему все назидания мусульманину они сулили блаженство в раю. Практически исламское вероучение в кочевом ауле сводилось к обеспечению господствующего положения казахских баев и охране их частной собственности.

Возмущенный социальной несправедливостью и доведенный нуждой и лишениями до отчаяния, угнетенный класс иногда устами отдельных представителей высказывал протест против духовенства и даже против самого аллаха. Бедняк нередко задавал себе вопрос: «Почему аллах такой несправедливый, он все время на стороне богатого и сильного, а у бедняка и последнюю скотину отнимает?» Свою горькую обиду обездоленные высказывали в песнях, где под богом подразумевали реальных людей. Они недоумевали, почему по отношению к бедным бог безжалостен. Об этом говорит, например, такой отрывок:

«Господь бог!

Знакомый или друг тебе бай?

Ты всегда на его стороне,

Будто бедняк тебе чужой».

«Құдай-ау!

Байкеңі тамырың-ма, танысың-ма?

Жарлыны есіркесең өлесің бе?

Постоянные неудачи, которые преследовали бедняка всю жизнь, нашли выражение в таких метких пословицах: «Брошенная дубина всегда падает на несчастного» («Тастаған шоқпар сорлыға тиеді»); «Из тысячи овец бая волк съел единственного ягненка бедняка» («Байдың мың қойының ішінде жарлының жалғыз тоқтысын қасқыр жейді»).

Недовольные обманом и ханжеством ходжей и мулл бедняки проклинали и самого господ бога: «У кого горит душа, он и проклинает бога» («Жаны күйген құдайын қарғайды»). Отсюда и названия: лукавый бог (қу құдай), коварный бог (сұм құдай), враждебный бог (жау құдай), обжора бог (жалмауыз құдай), глухой бог (саңырау құдай), слепой бог

(соқыр құдай) и т. д. Это была своеобразная форма протеста бедняков против общественного строя, против эксплуататоров.

Нередко классовая борьба жарлы и малай-жалшы выражалась в нанесении ущерба байскому скоту. Они били животных по голове, ломали им ноги, протыкали животы, организовывали раннюю случку овец и коз, устраивали тайные скачки на байских лошадях в жаркое время года, ускоряли переезды, не считаясь с физической возможностью животных, нарушали правила ухода — поили и кормили их после скачек. Вследствие этого скот заболел, а иногда и погибал. Такой способ нанесения вреда баю был широко распространен в казахских аулах.

Основной формой протеста малай-жалшы было бегство от хозяина. Особо обозленный батрак мог убежать от бая, угнав у него из табуна коня. Но такие случаи бывали крайне редко, батрак должен быть уверен, что его не догонят, или иметь близких родственников, которые могут спасти его от погони, или он может надолго скрыться где-нибудь и т. д. Многие батраки уходили еще до окончания срока найма, не выдержав адски тяжелых условий труда и не считаясь с тем, что теряли заработную плату за отработанное время.

Более часты были случаи бегства к концу срока найма. Это объяснялось тем, что, во-первых, накануне окончания срока найма аул бая мог находиться далеко от аула батрака, и, возвращаясь домой пешком, он по дороге мог погибнуть от голода и холода; во-вторых, многие байы под различными предлогами все же задерживали своих батраков; в-третьих, малай-жалшы опасались, что хозяева снимут с них даже те жалкие обноски, которые они носили до сих пор.

Протест женщины против бесправия и рабского положения выражался также в бегстве. Оно происходило в тех случаях, когда девушка была засватана за старика в качестве одной из младших жен или же за человека, которого никогда бы не смогла полюбить, особенно если она уже кого-то любила. Если джигит имел возможность скрыться, он договаривался с девушкой о побеге для заключения брака. Такое бегство нельзя смешивать с насильственным похищением девушек, распространенным главным образом у кавказцев.

Добровольный побег девушки с любимым имел различные последствия. Самым благоприятным исходом была уплата калыма и айпа за нарушение обычая и оставление молодой пары в супружестве. Но так вопрос разрешался только тогда, когда девушка еще не была засватана или же засватана за бедняка из малочисленной родовой группы, или же ее избранник был сыном человека, имевшего большой вес в

обществе (бая, бия и т. д.) и принадлежавшего к многочисленной и сильной родовой группе.

При других обстоятельствах дело, связанное с бегством женщины, нередко превращалось в кровавую межродовую тяжбу, длившуюся годами. Во вражду вступали два рода: с одной стороны род, засватавший девушку, и с другой — род, куда она ушла. В дореволюционных казахских кочевых аулах пережитки патриархально-родовых отношений, подогреваемые эксплуататорской верхушкой родовых групп, ни в чем так сильно не проявлялись, как в конфликтах, связанных с вопросами брака (жесір дауы). Это мастерски рассказано в историко-бытовой трагедии «Энлик — Кебек», написанной М. О. Ауэзовым. В ней показана борьба между родами матай и тобыкты, вспыхнувшая из-за бегства девушки Энлик из рода матай с любимым джигитом Кебеком из рода тобыкты и закончившаяся казнью влюбленных.

Особенно часто совершали побег младшие жены баев, подвергавшиеся тяжелой эксплуатации, избиению и издевательству байбиши и самого бая. Они уходили с кем-нибудь украдкой или возвращались в отчий дом. В таких случаях события разворачивались так же, как и при бегстве девушки. Если она прибегала в отчий дом, то, как правило, ее отсылали обратно к мужу, иначе родители должны были полностью вернуть полученный за нее калым и еще выплатить айп. На это решались немногие родственники.

Рассмотренные нами формы и протесты борьбы угнетенной части трудящихся масс против своих эксплуататоров были крайне слабы и примитивны, что предопределялось низким уровнем развития социально-экономических отношений в дореволюционном кочевом казахском ауле.

Наша основная задача заключалась в том, чтобы, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, поставить и осветить основные вопросы общественно-экономической жизни казахских кочевников в XVII — начале XX в. путем анализа и обобщения фактов из жизни казахского народа, а также сравнительного изучения с материалами, характеризующими кочевое хозяйство различных стран, начиная с древнейшего времени.

Производство существует всегда в виде определенной отрасли производства, как, например, кочевое скотоводство, оседлое земледелие с оседлым животноводством, фабрично-заводская промышленность, или в виде их сочетания. Преобладание каждого из этих видов материального производства так или иначе выражает уровень развития производительных сил общества. «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств»¹.

Правильная характеристика социально-экономической природы материального производства, способа производства кочевого общества казахов является основным критерием правильной оценки уровня развития этого общества.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал решающее значение правильного определения уровня развития производительных сил общества при изучении общественной жизни. Он указывал, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало Марксу «твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 138.

В работе дан сравнительный политико-экономический анализ специфики основных средств производства кочевого скотоводства и оседлого земледельческого хозяйства. Маркс указывал, что «говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе и о том именно обществе, которое определяется этими средствами производства»³. Поэтому мы уделили особое внимание выяснению специфики средств производства кочевого скотоводства. нас обязывала к этому и большая спорность вопроса о характере общественного производства кочевников.

Маркс отмечает, что первоначально земля, снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого воздействия со стороны человека как всеобщий предмет его труда. Но этот всеобщий предмет труда, без которого немислимо никакое производство, играл и играет самую различную роль в процессе общественного производства в зависимости от уровня развития производительных сил и своеобразия данной отрасли производства.

Каждая отрасль производства при данном уровне имеет присущие ей средство и предмет труда. Например, кочевое скотоводство, характеризовавшееся разведением и использованием производительной силы домашних животных, существенно отличалось от земледелия, связанного с обработкой и использованием производительной силы плодородия почвы.

Основное технологическое отличие земледелия от кочевого скотоводства состояло в том, что, занимаясь им, человек обрабатывал и приспособлял почву к условиям земледельческого производства. Он различными приемами обработки воздействовал на почву с целью создания благоприятных условий для жизни растений. Земледелец пахал, удобрял, сеял, орошал поля, чтобы получить урожай. Земля здесь присваивается непосредственно; человек своим трудом использует и воспроизводит все ее полезные и необходимые качества для земледельческого хозяйства, чего нет при кочевом скотоводстве.

Но он не ограничился естественным плодородием почвы, а постепенно в процессе общественного производства создавал ее высокое плодородие. Чтобы управлять процессами, совершавшимися в таинственных лабораториях почвы, земледельцу необходимо было овладеть множеством знаний, которые были ни к чему кочевникам.

Подвергавшаяся обработке земля в условиях оседлого земледельческого хозяйства играла двойную роль. В одном случае она была одним из элементов предмета труда, причем

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, (VI), М., 1933, стр. 262.

таким же, как засеваемые семена ⁴, в другом — средством труда земледельца.

О первой роли земли Маркс писал: «Земля является предметом труда для земледельца, залежи угля — для углепромышленника, вода — для рыбака, и даже лес — для охотника» ⁵. Этими словами Маркс подчеркивал только одну сторону функционирования плодородной почвы как части предмета труда, имея в виду возделывание девственной почвы и затрату труда земледельцем при пахоте и посеве ⁶.

Вторая роль земли в земледелии связана с тем фактом, что вспашкой почвы и посевом семян процесс производства не завершается и не в этом конечная цель производственной деятельности человека. После посева, например, зерновых культур, процесс труда, как правило, временно прерывается, если не принимать во внимание периодическое орошение там, где оно применяется, но процесс производства продолжается в виде вегетационного периода растений, *когда сама обработанная земля функционирует как один из решающих элементов целого комплекса средств труда земледельца*. Об этом Маркс писал: «Здесь, в земледелии, с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы (Arbeitskraft) человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы» ⁷. Земледелец в данном случае использует в качестве орудия своего труда автоматически действующую силу биохимических свойств почвы для выращивания растений и получения урожая. На этом бесспорном положении основывается общественный факт, что земля есть основное средство производства в земледелии.

Аналогичную с землей двойную роль в процессе производства играл скот в условиях кочевого скотоводства. С точки зрения затрат труда на пастбу и водопой скота пасущееся стадо — это один из элементов предмета труда; таким

⁴ «В земледелии, например, и т. д. одна часть какого-либо продукта (например, пшеницы) образует жизненные средства, тогда как другая его часть (опять-таки пшеницы) в своем натуральном виде (как семена, например) вновь вступает в процесс воспроизводства в виде сырья». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 297—298.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 12.

⁶ «За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, — как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку *впервые обрабатывается девственная почва*), — все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собой сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованным процессом труда...» (подчеркнуто нами. — С. Т.) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 192.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 20.

же элементом предмета труда кочевника-пастуха является и естественное пастбище.

С пастьбой и водопоем стад процесс производства не завершается и не в этом конечная цель кочевника. Пастушеский день сменяется ночью, процесс труда временно прерывается, но процесс производства продолжается в виде переработки организмом животных съеденных растений и выпитой воды, а само стадо животных функционирует как средство труда кочевника. В данном случае слова Маркса о том, что «в земледелии с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы» целиком относится и к кочевому скотоводству.

Из сказанного следует, что двойственная роль обрабатываемой почвы в земледелии и производственного поголовья животных при кочевом скотоводстве является наглядным примером к словам Маркса о том, что «один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения»⁸.

Однако такая двойственная роль того или другого предмета природы в процессе производства не говорит о том, что обе эти стороны проявляются одинаково. Например, обрабатываемая почва в земледелии как предмет труда выступает чаще, чем как средство труда, а в кочевом скотоводстве, наоборот, производственное поголовье скота как средство труда выступает чаще, чем как предмет труда.

На самом деле кочевой скотовод вовлекает в производственный процесс определенный участок земли с естественным растительным и снежным покровом или водным источником благодаря пригону на данный участок стада или табуна. Кочевник затрачивает свой труд на кочевание в поисках пастбища с хорошим травостоем, на пригон сюда скота, на организацию его пастьбы и водопоя. Здесь происходит производительное потребление им пастбищной травы и воды при помощи стада. Он как бы охотится за пастбищной травой, а орудием охоты является его стадо. Поэтому дикотравное пастбище со снежным покровом или водным источником есть только предмет труда кочевника, а производственное поголовье скота — средство труда, которое он ставил между

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 193.

собой и пастбищем. В данном случае скот был проводником воздействия человека на пастбище.

Кочевник при пастьбе своих стад и табунов ставил перед собой цель, чтобы пастбищная трава в результате поедания и переработки ее организмом животных была превращена прежде всего в молоко, шерсть, топливо (навоз) и т. д., лишь незначительная часть стада выбывала из производственного процесса и шла на убой. Кочевой скотовод пользовался биолого-физиологическими свойствами организма скота для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить его действовать в качестве орудия своей производственной деятельности. Именно эта роль скота в процессе производства делала его средством труда кочевника.

Таким образом, сравнительный разбор процесса труда в земледелии и кочевом скотоводстве показывает, что по значимости в процессе производства труд земледельца, затрачиваемый на пахоту и орошение поля, идентичен труду кочевника, затрачиваемому на пастьбу и водопой скота.

Способ использования людьми для производственных целей как дикой флоры и фауны, воды, естественного плодородия почвы, так и полезных ископаемых, действующего водопада, судоходных рек, дерева и т. д. определяется различными средствами труда, созданными человеком. Об этом Маркс писал: «Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы»⁹. В кочевом скотоводстве таким «созданием человеческой руки» для производительного потребления дикорастущей травы и воды были стада и табуны.

Маркс функционирование земли в условиях земледелия как средства труда ставил в зависимость от других средств труда и уровня культуры самого субъективного фактора производства. Он писал: «Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы»¹⁰.

Маркс проводит резкую грань между двумя условиями производства, с одной стороны, когда земля с готовыми плодами, присваиваемыми людьми, выступает в роли только всеобщего предмета труда, а, с другой, когда она в результате обработки и облагораживания ее почвы выступает в качестве средства труда земледельца.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 398.

¹⁰ Там же, стр. 190.

Из этого ясно, земля становится средством труда в земледелии не потому, что люди присваивают ее готовые плоды (она тогда только предмет труда), а потому, что они обрабатывают и облагораживают ее другими средствами труда, чтобы использовать в качестве орудия своего труда автоматически действующую силу биохимических свойств почвы для выращивания растений.

Эти особенности земледелия и кочевого скотоводства отражаются на элементах их производительных сил. Если необходимыми элементами производительных сил в земледелии являются земледелец с определенными трудовыми навыками, орудия труда (соха, плуг, рабочий скот, обработанное поле) и предмет труда (семена и обрабатываемое поле), то в кочевом скотоводстве — пастух с определенными трудовыми навыками, орудия труда (мелкий инвентарь, производственное поголовье скота и животное для верховой езды) и предмет труда (пастбище и пасущееся животное).

Элементы производительных сил, присущие кочевому скотоводству, говорят о том, что кочевник не обрабатывал землю и не производил никаких пастбищных трав, а довольствовался готовым даром природы при помощи скота. Он по существу лишь снимал с земли «сливки» в виде растительного и снежного покрова или водных источников, для него было недоступно управление производительной силой почвы.

Об этой специфике производства кочевников Маркс писал: «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников, караван, орда и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют «обща»¹¹.

Что касается жизненных условий оседлого земледельца, то он должен был всегда создавать нечто новое, чего сама земля без приложения человеческого труда не давала. Для этого он воспроизводил все ее ценные и необходимые для земледелия качества, превращая тем самым обработанную землю в свое средство труда. «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»¹².

¹¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190.

Вследствие примитивной специфики своего производства казахские кочевники веками не могли использовать высокое естественное плодородие черноземной и каштановой почвы своих бескрайних степей как средство труда.

Пережитки отсталого прошлого казахского народа продолжали тормозить развитие народного хозяйства и в условиях социалистического общества. Для окончательного устранения препятствий в развитии экономики республики на освоение свыше 26 млн га целинных земель Коммунистическая партия и Советское правительство направили громадную массу людей и первоклассные средства труда в Казахстан.

В результате казахские степи, производившие в естественных условиях лишь ковыль или жалкие колючки, дали миллиарды пудов хлеба, тем самым превратившись в одно из могучих средств труда советских людей.

Мощное зерновое хозяйство явилось базой для бурного развития в республике высокопродуктивного животноводства и других отраслей социалистического сельского хозяйства.

Эти данные убеждают нас в том, что сам кочевой образ жизни дореволюционных казахских скотоводов был одним из показателей отсталости и примитивности их материального производства.

Качественное различие между кочевым скотоводческим обществом и оседлым земледельческим обуславливается не только различным уровнем развития производительности общественного труда, но и различными потенциальными возможностями ее дальнейшего развития.

Развитие производства всегда происходит на основе роста и изменения производительных сил и начинается прежде всего с изменений и развития средств труда.

Рост производительных сил кочевого общества выражался главным образом в росте производственных навыков людей в кочевом скотоводстве, в более целесообразном использовании естественных пастбищ и водных источников, в знании географии кочевой территории, в весьма незначительном улучшении качественного состава стад, в приспособлении к кочевой жизни жилища и мелкого инвентаря.

Но подобные сдвиги в производственной жизни кочевников не вызывали и не могли вызвать без перехода к оседлости и земледелию изменения средств труда, развития производства общества.

Основные признаки консервативности материальной и духовной культуры кочевого общества по сравнению с оседлым земледельческим следующие:

1. Кочевое скотоводство исключало оседлый образ жизни, развитие земледелия, появление населенных пунктов — деревень и сел, возникновение частной собственности на землю, что имело в свое время большое прогрессивное значение. В основе этого лежала специфика кочевого скотоводства, которая предопределяла кратковременность пребывания кочевников на одном месте и требовала дальнейшего кочевания в поисках пастбища.

2. Кочевое скотоводство отличалось от оседлого земледелия особой продолжительностью периода производства, который представлял собой непрерывный процесс затраты труда. Это было следствием социально-экономических условий кочевого хозяйства, тормозивших рост производительности общественного труда.

Кочевник в умеренном климате с трудом мог получить в год от овец один приплод, тогда как в условиях оседлого интенсивного животноводства овцы дают три приплода в два года.

На выращивание ягнят кочевник затрачивал около 25—30 месяцев, причем отход молодняка был большой, тогда как при оседлом интенсивном овцеводстве этот срок сокращался в 4—5 раз и значительно уменьшался отход. В земледелии же период производства яровых культур, включая время подготовки к севу и уборку урожая, не превышает 6 месяцев.

Следовательно, кочевое скотоводство по сравнению с оседлым земледелием было более продолжительным и менее производительным процессом производства.

3. Кочевое скотоводство задерживало развитие общественного разделения труда, каждый шаг которого был одновременно и новым этапом в развитии производительных сил общества. А всякая новая производительная сила влекла за собой дальнейшее развитие общественного разделения труда, товарно-денежных отношений.

При кочевом скотоводстве отсутствует промежуток свободного времени между периодом производства и рабочим периодом, дающий возможность заниматься ремеслом, как при земледелии. Ремесло могло развиваться и превратиться в самостоятельную отрасль производства только при оседлом земледелии.

Отделение ремесла от земледелия означало отделение города от деревни, интенсивное использование людьми многочисленных природных богатств. Человеческая деятельность становилась более разнообразной и богатой по своему содержанию, чего не было и не могло быть в условиях кочевого скотоводства.

4. Кочевое скотоводство задерживало процесс отделения умственного труда от физического, не способствовало более интенсивному развитию материальной и духовной культуры. Кочевание как процесс труда есть отправление в путь всех людей кочевой общины. Одновременно оно было и процессом производства. Отправление целой общины в путь так или иначе втягивало в процесс труда почти всех трудоспособных людей.

При таком образе жизни почти все были неграмотны, серьезно заниматься наукой и искусством было невозможно, не могло произойти и отделения умственного труда от физического.

5. Кочевое скотоводческое хозяйство всегда было связано с родо-племенным устройством общества. Кочевники в процессе круглогодичного кочевания могли обеспечить свою безопасность и сохранность стад и табунов путем поддержания родовых связей, союза родственных племен, что служило материальной основой сохранения родового устройства общества.

В просторах казахских степей, где кочевые племена не могли обособиться друг от друга, они постоянно смешивались в процессе кочевых передвижений в поисках пастбищ и межплеменных войн, связанных в основном с угоном лошадей. Общность языка, психического склада и обычаев у казахов на всей необъятной территории Казахстана объясняется именно этим фактом.

Консервативность родо-племенного устройства общества заключалась в том, что оно объединяло людей в роде, но разъединяло их на мелкие родо-племенные группы в обществе. Оно было одним из серьезных препятствий формирования национального и классового самосознания кочевников и развития у них государственности.

Все охарактеризованные признаки кочевого скотоводческого общества казахов, вместе взятые, препятствовали развитию производительных сил и изменению производственных отношений людей, веками консервировали патриархально-феодалные отношения.

XVII — начало XX века характеризуются господством патриархально-феодалных отношений в казахском обществе. Мы их рассматривали как тип переходных отношений, в которых тесно переплелись старые отживающие свой век общественные явления с новыми в виде сочетания патриархальных отношений с зарождающимися феодальными, позже капиталистическими.

Термин «патриархально-феодалные отношения» впервые был употреблен на X съезде Коммунистической партии

Советского Союза. В решениях X съезда партии, принятых под руководством В. И. Ленина, была дана следующая директива по национальному вопросу: «Завоеывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время спланирует и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству»¹³.

Примерно такая же оценка давалась характеру общественно-экономических отношений у отсталых народов Азии и Африки в документах IV конгресса Коминтерна. Там сказано: «Отсталость колоний сказывается в той пестроте национально-революционных движений против империализма, которая отражает различные ступени перехода от феодальных и феодально-патриархальных отношений к капитализму... Лишь там, где феодально-патриархальный уклад не настолько разложился, чтобы совершенно отделить туземную аристократию от народных масс, как у кочевников и полукочевников, представители этих верхов могут выступать как активные руководители борьбы с империалистическим насилием»¹⁴.

Как видно, в этих партийных документах дана ясная характеристика сущности патриархально-феодалных отношений как формы переходных отношений.

В. И. Ленин историко-экономический термин «патриархальный» употреблял для характеристики общественно-экономического уклада с натуральным хозяйством вообще, кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством в частности.

«Патриархальное хозяйство, — писал В. И. Ленин, — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом...»¹⁵.

К патриархальному укладу относились хозяйства не всех кочевых и полукочевых скотоводов, а лишь трудовые массы, эксплуататорская верхушка кочевого и полукочевого общества входила в «полуфеодальный» уклад.

Маркс кочевое общество монголов эпохи Чингис-хана называл «полудивилизованным», т. е. «полуварварским» обществом, в котором эксплуататорская верхушка пользовалась

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, М., 1954, стр. 560.

¹⁴ См.: «Коммунистический Интернационал в документах». Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932 гг.), М., 1933, стр. 318.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

привилегией, напоминающей в некотором отношении феодальное право. Это имело место «у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»¹⁶. Следовательно, термин «полудивилизованный» у Маркса по своему содержанию совпадает с ленинским термином «полуфеодальный».

Термин «полуфеодальный» у В. И. Ленина всегда имел двойное значение. В одном случае он означал переходное состояние от патриархального к феодальному, в другом — переходное от феодального к капиталистическому. Оба явления параллельно существовали в разных районах обширной территории дореволюционного Казахстана. Если в чисто скотоводческом кочевом ауле были баи старого патриархально-феодального типа, то в оседлом ауле они уже превращались в баев феодально-капиталистического типа.

Эти факты говорят о том, что, несмотря на известные сдвиги в экономическом развитии, Казахстан в начале XX в. оставался полуфеодальным колониальным краем, в котором господствовали патриархально-феодальные отношения. В тезисах ЦК КП Казахстана, посвященных 40-летию республики, говорится, что политика царизма и господствовавшие в казахском ауле патриархально-феодальные отношения задерживали развитие производительных сил края.

Без оседания кочевые народы не могли перейти ни к рабовладельческому, ни к феодальному обществу в их развитых формах и веками сохраняли элементы того и другого способа производства наряду с патриархальными отношениями.

Экстенсивно-пастбищное скотоводческое хозяйство прошло длинный путь развития от одного из компонентов первобытного комплексного хозяйства, сочетавшего в себе первобытное пастушество с мотыжным земледелием, до кочевого скотоводства, затем уже на более высокой основе от кочевавшего круглый год скотоводческого хозяйства до полукочевого экстенсивно-пастбищного скотоводческого хозяйства, сочетавшегося уже с сенокосением и хлебопашеством.

Вместе с первым крупным общественным разделением труда возникло и первое деление общества на классы — на рабовладельцев и рабов. Классовая дифференциация и эксплуатация человека человеком могли возникнуть на основе частной собственности на имеющиеся средства производства как у кочевых скотоводов, так и у оседлых земледельцев.

Мы опровергаем мнение некоторых историков, считающих, что без сословно-монополюной феодальной земельной собственности в условиях кочевого общества не могут существовать классовые отношения.

¹⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, Л., 1938, стр. 220.

Эти исторически классовые отношения, экономическую и политическую зависимость одной социальной группы от другой в кочевом обществе подводят под общеизвестное положение, которое применимо исключительно к оседлому земледельческому обществу. По этой причине у них кочевые полуфеодалы-скотовладельцы превращаются в землевладельцев-крепостников, свободные кочевые скотоводы умозрительно прикрепляются к земле, хотя никто из кочевников не имел никакого постоянного места жительства. Они утверждают, что в кочевом обществе, как и в оседлом земледельческом, эксплуатация человека человеком осуществляется на основе феодального землевладения, хотя кочевники не имели никакого понятия о феодальном землевладении.

Они не хотят понять, что «условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь, — от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономии Огненной Земли и политическую экономии современной Англии, — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест»¹⁷.

Мы против стремления этих ученых связать эксплуатацию человека человеком при всех различиях материального производства непременно с определенным предметом природы — землей, а не с формой собственности на средства производства и не с объектом частной собственности, следовательно, не с производственными отношениями людей.

Мы руководствовались в своей работе экономическим законом марксистско-ленинской науки о взаимной обусловленности частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком. Где господствует частная собственность на средства производства независимо от натуральной формы и физических свойств этих средств, там с неизбежностью появляются имущественное неравенство между людьми и классовое расслоение общества.

Этот закон действовал и в полуфеодальном кочевом скотоводческом обществе казахов. Частная собственность на скот служила экономической основой эксплуатации человека человеком и вызывала в различной форме и степени зависимость неимущего населения от крупных скотовладельцев.

Если экономическим условием имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком в оседлом земледельческом обществе было появление частной собственности на землю как на основное средство производства земледель-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 150—151.

ца, то таким экономическим условием при кочевом скотоводстве было возникновение частной собственности на скот как на основное средство производства кочевников.

Если в оседлом земледельческом обществе частная собственность на землю малой семьи в виде аллода или в иной форме явилась экономической предпосылкой крупного феодального землевладения, то частная собственность малой семьи на скот в кочевом обществе под названием «енши» или в иной форме оказалась предпосылкой возникновения полуфеодального скотовладения.

Общественное производство кочевого общества казахов в XVII—XVIII вв. характеризовалось, с одной стороны, общим владением пастбищной территорией, с другой, — частной собственностью индивидуальной семьи на скот. При таком дуализме экономической основы патриархально-феодального кочевого общества основным орудием эксплуатации человека человеком была частная собственность на скот.

Обширная территория казахов вплоть до завершения их присоединения к России в 60-х гг. XIX в. не была территорией народа, объединенного в одном государстве. Каждый из трех казахских жузов кочевал в определенной зоне казахских степей и пустынь, хотя никаких установленных границ между ними не было. Точно так же перемещалось каждое родо-племенное подразделение внутри жуза, в свою очередь каждый кочевой аул стремился не отставать от своих соотечичей.

В таком обществе не могла появиться частная собственность на землю. Там не было ни экономических, ни политических условий для раздела огромного земельного пространства между полуфеодальными кочевыми скотовладельцами. Для такого типа хозяйства земельные просторы должны были быть не только необъятными, но и необитаемыми. «Например, монголы при опустошении России действовали соответственно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»¹⁸.

При таких условиях общественного производства эксплуататоры внутри каждой родо-племенной группы кочевников, владея основным средством производства кочевого скотоводства — стадами и табунами — и учитывая отсутствие каких-либо ограничений в пользовании пастбищем, фактически использовали в своих интересах большую часть пастбищной территории всего кочевого населения как необходимое естественное условие производства.

О таком характере землевладения казахских и других

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724

азиатских кочевников Маркс писал: «У кочевых пастушеских племен, — а все пастушеские племена первоначально кочевье, — земля, наравне с прочими природными условиями, предоставляется в своей первичной неограниченности, например, в степях Азии и на азиатском плоскогорье»¹⁹.

Таким образом, в кочевом обществе казахов в XVII—XVIII вв. имущественное неравенство, экономическое положение общественных групп, контраст в общественно-экономической жизни населения, выражающийся в противоречии между богатством и бедностью, правами и обязанностями, господством и подчинением — все в конечном счете определялось размером частного скотовладения.

Это положение постепенно и весьма медленно стало меняться лишь с начала XIX в., когда под экономическим и политическим воздействием России началось частичное и относительное оседание казахского населения. Относительное потому, что оно выразилось у большинства оседающих в сокращении радиуса кочевания, закреплении мест зимних стоянок, т. е. в форме перехода к полукочевому образу жизни. В процессе развития такой своеобразной оседлости стали возникать новые формы земельных отношений с элементами частного землевладения, но еще сильно завуалированные пережитками патриархальных отношений.

В XVII—XVIII вв. эксплуатация человека человеком в кочевом обществе казахов выступала в форме присвоения полуфеодальными скотовладельцами прибавочного продукта, созданного трудом патриархальных рабов, завсисимой и полузавсисимой кочевой бедноты. Основной целью производства натурального хозяйства кочевников было удовлетворение собственных потребностей и обогащение.

Патриархально-феодальная эксплуатация осуществлялась баями путем «надела» скотом бедняков на определенный срок. Бедняки работали на бая за пользование молоком, рабочей силой и шерстью выделенного им скота с разрешением забивать на мясо искалеченных и неполноценных особей.

Такой «надел» в большинстве случаев рассматривался как «родовая помощь». Поэтому сделка между баем и бедняком была по форме патриархально-родовой, по содержанию — патриархально-феодальной. В этом состояла особенность казахского бая-скотовладельца как полуфеодала.

Кочевое скотоводческое общество было способно веками сохранять, консервировать и даже в отдельных случаях реставрировать отсталые формы общественно-производственных отношений.

¹⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

Отсталость и неразвитость общественно-производственных отношений людей обусловили и специфические черты, присущие классам этого общества. «Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства»²⁰.

Все социальные группы кочевого общества казахов отличались недоразвитостью, незрелостью. Господствующий класс был представлен военно-полуфеодальными и полурабовладельческими кочевыми скотовладельцами, которые еще не были типичными феодалами, а лишь полуфеодалами и полурабовладельцами.

Эксплуатируемыми прослойками были патриархальные рабы, зависимые (малаи) и полузависимые кочевые бедняки (консы или хараши), получавшие в основном так называемую «родовую помощь», как родственники крупных скотовладельцев.

Полузависимые бедняки все еще смотрели на бая как на своего родственника и покровителя на том основании, что все они происходили от общего дальнего предка.

Основными социальными группами кочевого общества казахов XVII—XVIII вв. являлись патриархально-феодальные скотовладельцы, свободные общинники — трудящиеся скотоводы, полузависимые и зависимые кочевые бедняки и патриархальные рабы.

Многоженство патриархально-феодальной верхушки и калым по своему происхождению и существу были связаны с патриархальным рабством, являясь одним из характерных признаков патриархально-феодальных или патриархально-рабовладельческих отношений. Война велась главным образом ради грабежа. Грабеж считался более легким и более почетным делом, чем созидательный труд. Существовала дань как примитивная форма эксплуатации, она была связана с патриархально-феодальной формой эксплуатации и не могла перерасти в кочевом обществе в земельную ренту из-за отсутствия земледелия и феодального землевладения.

Казахское кочевое ханство XVII—XVIII вв. возникло на базе патриархально-феодальных отношений кочевников как неустойчивое полугосударственное объединение, характерное для подобного типа производственных отношений. Оно выступало как аппарат насилия в руках полуфеодального господствующего класса крупных скотовладельцев, представляя собой начальную стадию развития государственности, сохранившей в себе еще признаки «военной демократии».

Таким образом, общество казахов в XVII—XVIII вв. в своих основных чертах характеризовалось: кочевым скотоводством с большим радиусом кочевания, частным ското-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 330—331.

владением при общинном пользовании пастбищем, патриархальным рабством и полуфеодальной эксплуатацией, родо-племенным устройством с экзогамным единобрачием, с калымом у основной массы населения и многоженством у эксплуататорской верхушки, военно-племенным полуфеодальным государственным образованием в виде кочевого ханства с данью и данническими отношениями, постоянными грабительскими внешними и внутренними войнами, неписанным обычным правом, культом предков и культом скота. Все эти явления были внутренне между собой связаны и в совокупности характеризовали достигнутый уровень развития кочевого скотоводческого общества казахов как полуфеодального или патриархально-феодального.

Такая характеристика общественно-экономического строя казахов в XVII—XVIII вв. отвечает важному положению Маркса о том, что «из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим»²¹.

В работе подвергаются критике ошибочные положения теории «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова, являющиеся методологической основой неправильной позиции в оценке общественно-экономического строя казахов XVII—XIX вв.

Ошибочные положения теории кочевого феодализма, на наш взгляд, заключаются, во-первых, в идеализации общественно-экономического строя монгольских кочевников, участвовавших в походах Чингис-хана и его ближайших потомков; во-вторых, в утверждении, что классовые отношения у монголов и у покоренных ими кочевников возникли вследствие завоеваний; в-третьих, социально-экономические отношения монголов различных эпох рассматриваются изолированно от политического и экономического строя завоеванных стран без учета изменений, происшедших под влиянием культурных народов; в-четвертых, в бездоказательном утверждении, что основой эксплуатации у всех кочевых скотоводов является сословно-монопольное феодальное землевладение; в-пятых, вся структура войск «получивилизованных» воинствующих кочевников Чингис-хана объявлена «феодальной» иерархией так называемого «кочевого феодализма» монголов в период их завоевательных походов.

Руководствуясь теорией «кочевого феодализма», Л. П. Потапов пришел к выводу о безреволюционном переходе коче-

---

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

вых народов от первобытнообщинной формации к так называемому «кочевому феодализму». Мы не согласны с таким выводом, он не соответствует действительности.

Нам представляется, что переход кочевников к патриархально-феодальному этапу развития (не к «кочевому феодализму») был хотя и постепенным, но качественным скачком в виде перехода средств производства (стад и табунов) из племенной или родовой собственности в частную, появления эксплуатации человека человеком, образования социальных групп. Полный переход кочевников к развитому феодализму не мог быть завершен без перехода к оседлости и земледелию.

О глубоко революционном характере появления частной собственности в кочевом скотоводческом обществе Ф. Энгельс писал: «Как и когда стада из общего владения племени или рода перешли в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем... А с приобретением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция» (подчеркнуто нами. — С. Т.)²².

Все доводы, высказанные И. Я. Златкиным в пользу теории «кочевого феодализма», подвергнуты в работе критическому анализу. Его утверждения в основном сводятся к отрицанию разницы между основными средствами производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия, между производственным поголовьем скота и его продуктами; к отрицанию роли стад и табунов при кочевом скотоводстве как средства производства, к отрицанию различного характера использования земли при кочевом скотоводстве и оседлом земледелии, а также при кочевом скотоводстве и оседлом животноводстве.

По нашему мнению, оседлое животноводство появляется в условиях оседлого земледельческого хозяйства как его составная часть. Для такого животноводства обработанная почва для выращивания кормовых растений, улучшенная трудом человека пастбище и сенокосы становятся тем же, чем является земля для растениеводства. Это уже не необъятные и не необитаемые земельные просторы.

Следует отметить, что сторонники теории «кочевого феодализма» не видят разницы между кочевым скотоводством и многоотраслевым сельским хозяйством. В действительности сельское хозяйство в истории могло возникнуть в связи с отделением ремесла от земледелия, города от деревни. Оно появляется как противоположность городского хозяйства. Что касается кочевого скотоводства, то оно предшествует

---

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 161.

сельскому хозяйству. Чтобы кочевое скотоводство превратилось в отрасль сельского хозяйства, кочевникам необходимо сначала стать оседлыми земледельцами, а затем чтобы в условиях оседлого земледелия происходило общественное разделение труда между городом и деревней.

В работе рассматриваются основные вопросы, связанные с таким грандиозным для казахского народа событием, как добровольное присоединение Казахстана к России.

Внутреннее социально-экономическое и внешнеполитическое положение казахских жузов конца XVII — начала XVIII в. обусловило добровольное присоединение Казахстана к России. Начало этого процесса относится к 30-м годам XVIII столетия, а завершение к концу 60-х годов XIX столетия.

Кочевое хозяйство казахов, исчерпав все возможности своего прогрессивного развития, в XVIII столетии находилось в стадии разложения. Казахи больше не могли извлекать продукты труда оседлых жителей ни путем грабежа, ни в виде дани или другим способом. Военные походы Джунгарии и среднеазиатских государств на казахские жузы носили истребительный характер. Это еще больше ухудшило положение кочевников, и без того постоянно страдавших от межродоплеменных войн, взаимного истребления и барымты. Верную характеристику жизни казахов той поры дал один из дореволюционных авторов. «Обеспечить мир и спокойствие в стране, где царил анархия и насилие, и где стоны, и плач оглушали воздух, и кровь лилась рекою... невозможно»²³. Все это говорило о разрушении производительных сил кочевого общества.

При таких социально-экономических и внешнеполитических условиях добровольное присоединение Казахстана к России было стремлением народных масс выйти из создавшегося критического положения. Россия в XVIII в. стояла на более высоком уровне развития по сравнению с кочевым обществом казахов.

Основная масса полуфеодальной верхушки кочевого общества казахов вела длительную реакционную борьбу против добровольного присоединения к России, она выступала за сохранение старых устоев патриархально-феодальных отношений и отжившей свой век пастбищно-кочевой системы хозяйства (например, движение батыра Срымга в XVIII в. и Кенесары Касымова в XIX в.).

Тем не менее почти вся полуторазековая история присоединения Казахстана к России характеризуется постепенным

---

²³ И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 20.

и неуклонным ростом политического и экономического влияния России на социально-экономическую жизнь казахских кочевников, развитием хозяйственных связей, постепенным переходом казахов к полукочевому и оседлому образу жизни.

Переход к полукочевому и оседлому образу жизни был основным показателем прогрессивных сдвигов в экономической жизни казахских кочевников. Осевшая часть казахского населения училась у русских строить постоянные жилища, косить сено, сеять и убирать хлеб.

В результате перехода казахов к полукочевому и оседлому образу жизни происходили прогрессивные изменения и в земельных отношениях.

Полный кочевой тип хозяйства казахов характеризовался круглогодичным кочеванием на большие расстояния, отсутствием постоянного жилища, сенокосения, земледельческой культуры, ограничений в пользовании пастбищами и, наконец, отсутствием крупного рогатого скота в стаде. Они разводили преимущественно баранов, лошадей и верблюдов. Такие кочевники в начале XX в. составляли 25—30% казахского населения и использовали под свое кочевье более 60% территории Казахстана, ежегодно вторгаясь летом в пределы полукочевых и отчасти оседлых казахов.

Основными классами в таком кочевом ауле были крупные скотовладельцы-полуфеодалы (баи) и трудовая масса мелких скотоводов (шаруа). Каждый класс разбивался на более мелкие социальные прослойки. Например, трудовая масса мелких скотоводов распадалась на зажиточных, середняков и бедняков. Эта последняя составляла большинство населения и была главным объектом эксплуатации кочевых баев. Эксплуатация носила полуфеодалную форму, она была связана с патриархально-родовыми пережитками и устоями и в начале XX в. в известной мере переплеталась с элементами наемного труда, хотя они из-за натурального характера производства все еще не являли собой в полной мере капиталистических производственных отношений кочевников.

Эксплуатация в кочевом ауле продолжалась в основном в старой патриархально-феодалной форме, оставался «надел» скотом бедных родственников под видом «родовой помощи». Наемные работники вознаграждались за труд частично скотом и частично его продуктами. Люди работали за потребление молока, шерсти и рабочей силы некоторого количества байского скота.

Патриархальное рабство было ликвидировано в 60-х гг. XIX в., но женщина оставалась по-прежнему бесправной и поработенной.

Полукочевой тип хозяйства был переходным от чисто кочевого к оседлому. Причем в зависимости от существовавших экономических и природных условий одна часть полукочевого типа тяготела к оседлому земледельческому, приобретая черты скотоводческо-земледельческого хозяйства, другая — к старому, чисто кочевому типу хозяйства, но уже имевшему постоянные зимовки с землянками для людей и оградами для скота, частично занимавшемуся сенокосением и земледелием.

Основным признаком полукочевых хозяйств было то, что они половину года проводили на одном месте, совершая передвижение на сравнительно небольшие расстояния. Это давало возможность группе хозяйств, называвшихся хозяйственным аулом, иметь закрепленные за собой участки земли на зимовках с обширной призимовочной территорией, что и было зачатками элементов частного землевладения. Такая форма землевладения в дореволюционном Казахстане именовалась общинно-аульной формой.

В стадах полукочевников резко сократилось количество верблюдов, овец и коз, появился крупный рогатый скот.

Со временем полукочевые хозяйства превратились в оседлые скотоводческо-земледельческие. Такие хозяйства имели зимовки, занимались в значительных размерах сенокосением и земледелием и имели постоянные постройки для людей и для скота. Форма землевладения оставалась общинно-аульной, элементы частной собственности на землю развивались дальше.

В связи с оседанием земельные отношения у казахов постепенно изменялись, развитие шло от кочевавшего круглый год хозяйства к полукочевому и от полукочевого к оседлому скотоводческо-земледельческому.

Более прогрессивная форма земельных отношений, а следовательно, хозяйства и быта, у казахов возникла и постепенно распространилась не с центра территории, занимаемой местным населением, а с окраин, т. е. со смежных с русскими владениями земель, а также со стороны среднеазиатских владений после присоединения их к России.

Еще в XVIII в. к русским границам в первую очередь прикочевало население, разорившееся или подвергавшееся гонению главарей более сильных и враждебных родо-племенных групп. Постепенно оно оседало на пограничной полосе.

Инициаторами оседания и частного землевладения среди господствующего класса были лица, состоявшие на службе у царского правительства в качестве султанов-правителей, старших султанов, дистанчных начальников, волостных управителей и аульных старшин. Многие из таких казахских

полуфеодалов, став собственниками определенных участков земли в зонах оседлого и полукочевого типов хозяйства и занимаясь сенокосением и хлебопашеством, со временем приобрели своеобразные черты феодалов-землевладельцев.

В этом немаловажную роль сыграли такие законодательные акты царского правительства, как пожалование земли Внутренней Букеевской орды султану Букею Нуралиханову в 1801 г. и Устав М. Сперанского в 1822 г., разрешавший выделять земли в частную собственность старшим и волостным султанам, а также другим представителям верхушки кочевого общества.

Особенность общественно-экономического строя казахов в конце XIX — начале XX в. состояла в том, что он представлял собой нечто целое в сложном многообразии, содержащее в себе признаки различных стадий экономического развития казахского общества. Это подтверждает весь путь развития социально-экономической жизни казахских кочевников со времени присоединения их к России.

Основными классами в оседлом казахском ауле были обуржуазившиеся полуфеодалы, трудящееся крестьянство и батрачество. Складывавшиеся в аулах производственные отношения отличались в основном от производственных отношений в соседней русской деревне тем, что здесь еще существовали патриархально-феодалные пережитки в сочетании с колониальной эксплуатацией, что создавало основу для двойного гнета трудящихся казахов на всей территории Казахстана.

Более влиятельные представители эксплуататорского класса в полукочевых и оседлых аулах, используя патриархально-родовые воззрения населения и злоупотребляя своим служебным положением волостных управителей и судей или аульных старшин, распоряжались не только своими сенокосными и пахотными угодьями, но и всей землей той или другой общинно-аульной группы, а иногда даже административного аула и волости.

Это объясняется тем, что крупные казахские баи держали в своих руках низовую административную власть колониального аппарата царизма, являясь волостными управителями, аульными старшинами, переводчиками, судьями, торговцами и служителями религиозного культа, и назывались аткаминерами. Они сдавали в аренду русским и украинским переселенцам общинно-аульную землю, главным образом пастбища общего пользования, совершая сделки с переселенцами за спиной населения аула или волости.

Подобные сделки были широко распространены в конце XIX в. во всех земледельческих районах Уральской, Тургай-

ской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Таким же путем оформлялись акты продажи русским или иностранным промышленникам участков земли с полезными ископаемыми, как это было с Карагандинским угольным бассейном.

Появление аткаминерства во второй половине XIX в. было, пожалуй, одним из самых отрицательных социальных явлений в жизни казахского общества. Оно являлось особым типом феодальных элементов, вызванным к жизни деятельностью колонизаторского аппарата царизма и патриархально-феодальной верхушки казахского общества. Аткаминерство — продукт существования двойного гнета казахских трудящихся.

Добровольное присоединение казахских жузов к России создало известные условия для развития производительных сил в Казахстане; оно навечно связало воедино казахский и русский народы, заложило основу для совместной освободительной борьбы против общих эксплуататоров и угнетателей.

Вопреки реакционной политике царизма и казахских баев шел неодолимый прогрессивный процесс братского общения русских и украинских крестьян с трудящимися казахами. Казахские трудящиеся скотоводы охотно вступали в различные хозяйственные отношения с русскими крестьянами-переселенцами. В свою очередь переселенцы пользовались поддержкой казахских трудящихся. В процессе совместной жизни, совместного труда происходило постоянное сближение русского, украинского и казахского народов.

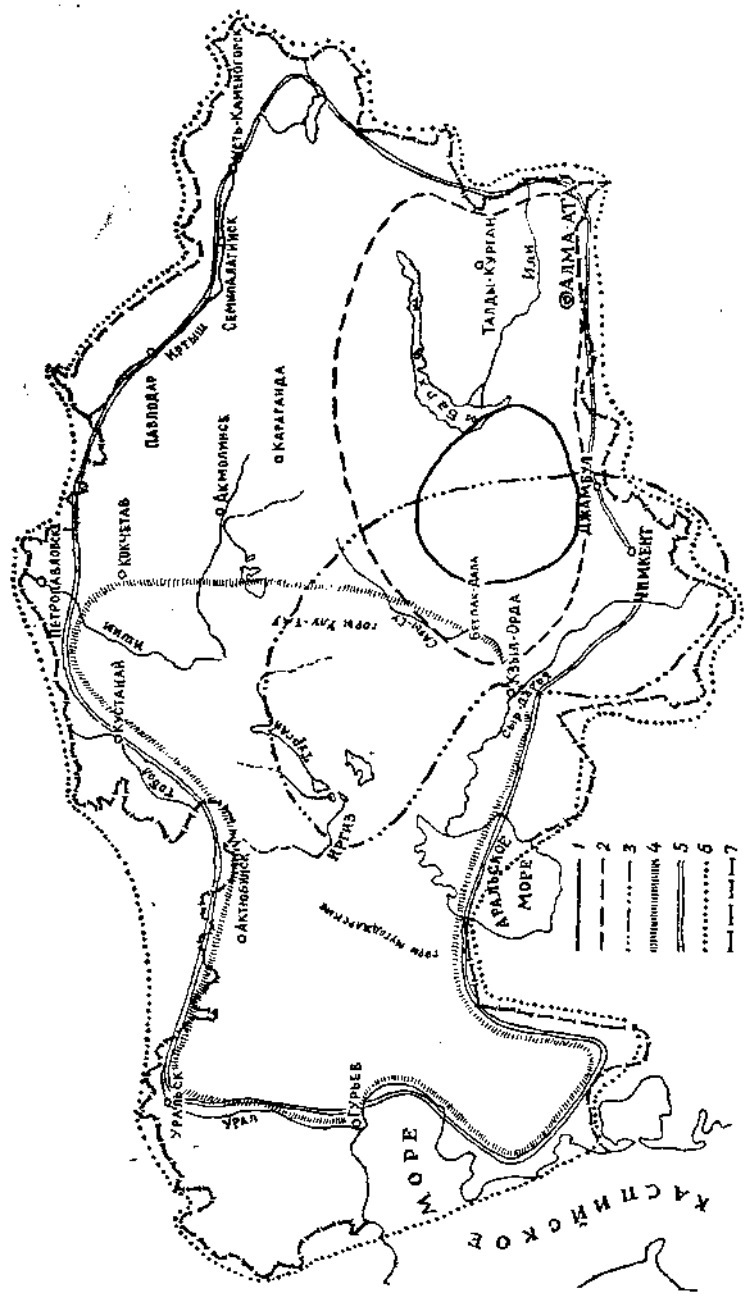
В дальнейшем ходе исторического развития казахские трудящиеся в совместной борьбе с русским крестьянством и рабочим классом под руководством Коммунистической партии пришли к Великому Октябрю, который освободил их от всех видов социального и национального гнета.

Итак, патриархально-феодальное кочевое общество казахов ушло в прошлое. Сегодняшний Казахстан представляет собой цветущую многонациональную социалистическую республику с передовой экономикой и культурой и является ярчайшим образцом торжества мудрой ленинской национальной политики КПСС.

Мы надеемся, что исследование общественно-экономической жизни кочевого общества казахов в XVII — начале XX в. важно для понимания прошлого казахского народа, в то же время оно имеет большое познавательное значение для уяснения закономерностей и особенностей экономического развития других, с подобным типом хозяйства и быта, народов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

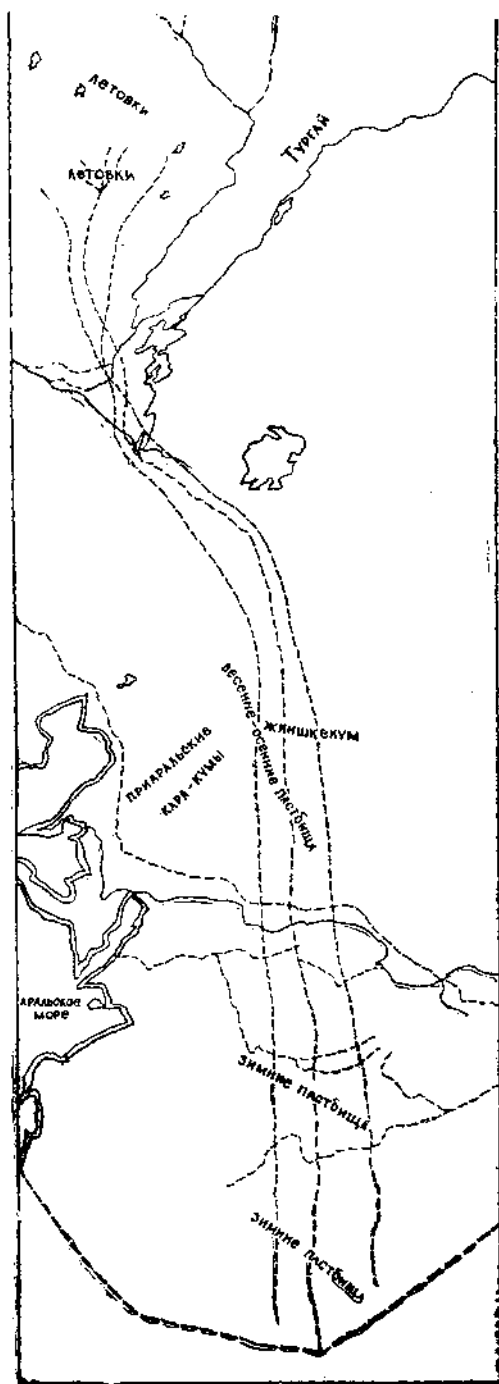

Схематическая карта территории кочевания казахских племен со времени образования Казахского коченого ханства (середина XV — начало XIX в.).

Условные границы: 1 — в XV в. (1465 г.); 2 — до 50-х годов XVI в.; 3 — с 60-х годов XVI в. до 80-х годов XVIII в. (1723 г.); 4 — 30—40-е годы XVIII в.; 5 — 60—70-е годы XVIII в. (1758 г.); 6 — в начале XIX в.; 7 — 70-е годы XX в.

Схематическая карта кочевых путей родов кете, шомей и гурткара Казаньского, Перовского и Иргизского уездов в конце XIX — начале XX в.

- Маркс К. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.
 Маркс К. Капитал, т. II. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24.
 Маркс К. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25.
 ч. I—II.
 Маркс К. Теория прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). —
 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I—III.
 Маркс К. Наемный труд и капитал. — К. Маркс и Ф. Энгельс.
 Соч., т. 6.
 Маркс К. К критике политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс.
 Соч., т. 13.
 Маркс К. Ницета философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4.
 Маркс К. Вынужденная эмиграция. — К. Маркс и Ф. Энгельс.
 Соч., т. 8.
 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производ-
 ству. М., 1940.
 Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—
 1858). Л., 1947.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и госу-
 дарства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
 Энгельс Ф. К истории древних германцев. — К. Маркс и Ф. Энгельс.
 Соч., т. 19.
 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
 Энгельс Ф. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.,
 т. 20.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.
 Соч., т. 4.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с
 русскими политическими деятелями. Соч., т. 33, 34.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Наброски к критике политической эконо-
 мии. Соч., т. 1.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 19
 декабря 1882 г. Соч., т. 35.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Наброски ответа К. Маркса на письмо
 В. И. Засулич. Соч., т. 19.
 Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI). М., 1933.
 Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938.
 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против
 социал-демократов? ПСС, т. 1.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). ПСС, т. 1.

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. ПСС, т. 2.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. ПСС, т. 2.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? ПСС, т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. ПСС, т. 3.

Ленин В. И. Протест российских социал-демократов. ПСС, т. 4.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации. ПСС, т. 4.

Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве. ПСС, т. 4.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». ПСС, т. 5.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. ПСС, т. 16.

Ленин В. И. Переселенческий вопрос. ПСС, т. 21.

Ленин В. И. «Трудовое» крестьянство и торговля землей. ПСС, т. 24.

Ленин В. И. Карл Маркс. ПСС, т. 26.

Ленин В. И. Социализм и война. ПСС, т. 26.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. ПСС, т. 27.

Ленин В. И. Философские тетради. ПСС, т. 29.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». ПСС, т. 30.

Ленин В. И. Открытое письмо Борису Суварину. ПСС, т. 30.

Ленин В. И. Государство и революция. ПСС, т. 33.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. ПСС, т. 36.

Ленин В. И. Великий почин. ПСС, т. 39.

Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. ПСС, т. 41.

Ленин В. И. О борьбе внутри итальянской социалистической партии. ПСС, т. 41.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. ПСС, т. 43.

Ленин В. И. О продовольственном налоге. ПСС, т. 43.

Ленин В. И. III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г. ПСС, т. 44.

Ленин В. И. IV Конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября—5 декабря 1922 г. ПСС, т. 45.

Ленин В. И. Письмо съезду. ПСС, т. 45.

Ленин В. И. Письмо Инессе Армаид от 30 ноября 1916 года. ПСС, т. 49.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», ч. I—II. Изд. 7. М., 1954.

«Программа Коминтерна». М.—Л., 1931.

«Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ (1919—1932)». М., 1933.

«Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка». «Правда», 1956, 11 августа.

«Решения XX съезда КПСС». — «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. IV. Изд. 7. М., 1960.

Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. 4.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

«Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г.». «Правда», 1957, 22 ноября.

«Манифест мира, принятый делегациями коммунистических и рабочих партий на Совещании в Москве 16—19 ноября». «Правда», 1957, 23 ноября.

«Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР». Сборник документов. Алма-Ата, 1947.

«Обращение КазВЦИКа ко всем трудящимся Казахстана, ко всем аульным батракам, беднякам и середнякам от 30 августа 1928 г.». — «Народное хозяйство», 1928, № 8.

«Постановление СНК КССР об установлении кочевых, полукочевых и оседлых районов Казахстана от 30 августа 1928 г.» — «Народное хозяйство», 1928, № 8.

«Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической республики». Оренбург, 1923.

«Стенографический отчет совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства». М., 1936.

* * *

Авдиев В. И. История Древнего Востока. Л., 1953.

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV. СПб., 1906.

Айру А. Феллахи Египта. М., 1954.

Алекторов А. В. Очерки Внутренней киргизской орды. «Известия Оренбургского отдела ИРГО», вып. II. Оренбург, 1893.

Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.

Анучин Д. Н. К древнейшей истории домашних животных в России. Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. I. Одесса, 1886.

Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III и IV. СПб., 1896.

Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона. «Записки Оренбургского отд. ИРГО», вып. II. Казань, 1871.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

Бартольд В. В. Из прошлого турок. «Журнал для всех», 1917, № 2, 3, 4.

Бартольд В. В. Мусульманский мир. Пг., 1922.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бартольд В. В. Киргизы (Исторический очерк). Фрунзе, 1927.

Бартольд В. В. История тюрко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1948.

Бахрушин С. В. и Токарев С. А. Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1933.

Башарин Г. П. О патриархально-феодалных отношениях в Якутии конца XVIII — первой половины XIX века. «Вопросы истории», 1955, № 3.

Белинский В. Г. Собрание сочинений. СПб., 1883.

Белявский Ф. Ислам и культура арабов. СПб., 1913.

Беляев Е. А. Арабы, Ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.

Бенькевич В. Я. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3. Оренбург, 1918.

Берг Л. С. Рыбы и рыболовство в устье Сыр-Дарьи и Аральском море. Труды императорского общества судоходства, ч. II, вып. I. СПб., 1900.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I—II. М.—Л., 1950; ч. III. М.—Л., 1953.

Боголюбский С. Я. О путях к овладению эволюцией домашних животных. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.

Боголюбский С. Я. Александр Александрович Браунер. (К восьмидесятилетию со дня рождения). В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.

Броднев М. М. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа). «Советская этнография», 1950, № 1.

Броневский С. В. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», ч. 43. СПб., 1830.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX. СПб., 1904.

Валиханов Ч. Ч. Статьи и переписка. Алма-Ата, 1947.

Валь К. О. К истории экономических отношений у киргиз. «Научное обозрение», 1901, № 1.

Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896.

Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.

Васильев Н. Кочевники Туркестана (Опыт экономического обзора). Самарканд, 1890.

Веит Е. Аравия. М., 1930.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765 гг.), т. I. Уфа, 1853.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. I—IV. СПб., 1864.

Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV. СПб., 1909.

Вильямс В. Р. Основы земледелия. М., 1947.

Виппер Р. Ю. История средних веков. М., 1947.

Витевский В. Н. И. И. Неллюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. III. Казань, 1897.

Владимирский В. А. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние. «Отчет ИРГО за 1901 год». СПб., 1902.

Владимирцов В. Я. Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948.

Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX в. В кн.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л., 1940.

Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. Л., 1941.

Вяткин М. П. Батыр Срым. М.—Л., 1947.

Гайдужевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955.

Галсан-Гомбоев Лама. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Платона Карпини. Труды восточного отделения имп. русского археологического общества, ч. IV. СПб., 1859.

Гейер И. И. Голод и колонизация в Сыр-Дарьинской области. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. II. Ташкент, 1894.

Гейер И. И. В устье Сыр-Дарьи. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII. Ташкент, 1899.

Гейнс А. К. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, № 6.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей, ч. II. СПб., 1799.

Герберштейн С. Записки о московских делах. Пер. Малена. СПб., 1908.

Герн Вл. фон. Из записной книжки (Этнографические заметки). «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 и 1899 годы». Семипалатинск, 1898.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. В кн.: «История южнорусских степей IX—XIII вв.». Киев, 1884.

Гольмстен В. Возникновение скотоводства в восточном Египте. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.

Гонтарев А. Ф. Описание естественно-исторических условий западного района Актюбинского уезда — Первой Буртинской, Илекской, Тузлюбинской и Хобдинской волостей. В кн.: «Очерки естественно-исторических условий по волостям Актюбинского уезда». Оренбург, 1915.

Гордон Л. Р. Аграрные отношения в северо-западной провинции Индии (1914—1947 гг.). М., 1953.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Григорьев В. В. Письма из Зауральской степи. «День», 1862, 1 сентября.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. Труды восточного отделения имп. русского археологического общества, ч. 16. СПб., 1872.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1889.

Гурвич И. С. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейна Оленека и Анабары. «Советская этнография», 1950, № 1.

Даулабаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год. «Записки Оренбургского отдела ИРГО», вып. IV. Оренбург, 1881.

Дерагани Н. Ф. и др. Греческая литература. М., 1939.

Диваев А. Аткамнары (Страница из жизни киргиз). «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. III. Ташкент, 1894.

Диваев А. Несколько слов о благосостоянии наших киргиз. «Окраина», 1894, № 6.

Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства. «Туркестанские ведомости», 1904, № 102; 1905, № 4.

Джамалиев Х. Мухамбет Утемисов. Алма-Ата, 1948.

Джамбул Джабаев. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1946.

Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год, т. I. Оренбург, 1900.

Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912.

Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I. М., 1952.

Дракин Л. И., Цыпков М. Ю., Бегучев А. П. Увеличить производство продуктов животноводства. М., 1955.

Друвиль Гаспар. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах, ч. II. М., 1825.

Елисеев А. Обитатели каменистой Аравии. СПб., 1883.

Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь. СПб., 1867.

Загряжский Г. С. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 27.

Загряжский Г. С. Юридический обычай киргиз. «Ежегодник Туркестанского комитета», вып. IV. СПб., 1876.

Захарченко М. М. Киев теперь и прежде. Киев, 1888.

Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.

Зиманов С. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.

Зиманов С. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.

Зиманов С. и Еренов А. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955.

Златкин И. Я. Монгольская Народная Республика — страна новой демократии. М.—Л., 1950.

Златкин И. Я. О феодальной земельной собственности у кочевых народов. Стенограмма доклада, прочитанного в Институте востоковедения АН СССР 22 декабря 1952 г.

Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4.

Зобнин Ф. К вопросу о невольниках и толентутах в Киргизской степи. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год». Семипалатинск, 1902.

Золотарев А. М. и Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении олеководства. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.

Иванов П. В. Верблюд и его изучение. Кызыл-Орда, 1926.

Иванов П. В. Джут 1927/28 года в Сыр-Дарьинской губернии. Труды общества изучения Казахстана, т. X. Алма-Ата, 1929.

Иванов П. В. Верблюдоводство. Алма-Ата, 1934.

- Иванов П. В. Очерки истории каракалпаков. Труды Института востоковедения, т. VII. М.—Л., 1935.
- Кажанов Н. Сельское хозяйство Туркестана. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924.
- Караваев В. Ф. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Пг., 1914.
- Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III, IV. М., 1903.
- Каргаполов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. В кн.: «Феодальная Русь и кочевники». М., 1967.
- Карпини П. Лано Иоанн де. История монголов. Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.
- Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.
- Кастро Жозуэ де. География голода. М., 1954.
- Катон Марк Порций, Земледелие. Перевод и комментарии М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950.
- Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903.
- Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. СПб., 1908.
- Качинский Н. А. Происхождение и жизнь почвы. М., 1948.
- Кащенко Н. О. Развитие человеческого господства над организованный природой. В кн.: «Научные очерки Томского края». Сб. публичных лекций. Томск, 1898.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кисловский Д. А. Материалы к построению теории племенной работы (Анализ племенной работы в породе Redpoll). В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.
- Климович-Люциан. Происхождение ислама. В кн.: «Ислам». Сб. статей. М., 1931.
- Ковда В. А. Великий план преобразования природы. М., 1952.
- Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского воеводства. «Вестник ИРГО», 1855, вып. 1.
- Коншин Н. Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898.
- Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». Семипалатинск, 1898.
- Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду (Путевые заметки). «Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 год». Семипалатинск, 1899.
- Коншин Н. Материалы для истории Степного края (Открытие Аягузского округа). «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год», вып. II. Семипалатинск, 1900.
- Коншин Н. Очерк экономического быта киргиз Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год», вып. V. Семипалатинск, 1901.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.
- Космийский Е. А. История средних веков, т. I. М., 1952.
- Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
- Костенко Л. Ф. Туркестанский край. «Материалы для географии и статистики России в трех частях», т. III. СПб., 1880.

- Костенков К. Исторический очерк происхождения калмыцкого народа и отношение к нему русского правительства. СПб., 1870.
- Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.
- Кранихфельд В. П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год». Саратов, 1898.
- Кранихфельд В. П. Влияние колонизации на киргизское хозяйство. СПб., 1907.
- Красовский М. Область сибирских киргизов. «Материалы для географии и статистики в трех частях». СПб., 1868.
- Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Крафт И. И. К вопросу о телесном наказании. «Тургайские областные ведомости», 1899, № 40.
- Крафт И. И. Из киргизской старины (Уничтожение рабства в киргизской степи). «Тургайские областные ведомости», 1899, № 50, 51.
- Крафт И. И. Из киргизской старины (Султаны, тарханы и бии). Оренбург, 1900.
- Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.
- Кульгелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.
- Кунакбаев А. Б. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954.
- Кучкин А. П. Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г. «Исторические записки», 1950, № 35.
- Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 1, 2, 3. СПб., 1832.
- Леонтович О. И. Калмыцкое право, ч. I. Одесса, 1880.
- Либералов П. Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I. М., 1952.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947.
- Маев Н. А. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 год. «Ежегодник Туркестанского статистического комитета», вып. II. СПб., 1873.
- Мавродин В. В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. «Советская этнография», 1954, № 2.
- Мавродин В. В. Образование единого русского государства. Л., 1951.
- Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
- Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI. СПб., 1880.
- Макшеев А. И. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI. СПб., 1880.
- Маковецкий Н. Киргизские степи Акмолинской области. «Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО», кн. XV, вып. III. Омск, 1893.
- Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов. Ученые записки Института истории Рос. ассоц. научно-исследовательских институтов общественных наук, т. II. М., 1927.
- Макаров Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту, Каспийскому морю и Волге, т. II. СПб., 1901.
- Мадияновский И. А. Начальная страница из истории смертной казни (Кровавая мечь). «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV. СПб., 1909.

- Мищурия И. В. Соч., т. IV. М., 1948.
- Паливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
- Нестерук Ф. Я. Водное хозяйство Китая. «Из истории науки и техники Китая». Сб. статей. М., 1955.
- Неусыхин А. И. Структура общины в южной и юго-западной Германии в VIII—XI веках. Сб. «Средние века», вып. IV. М., 1953.
- Неусыхин А. И. К вопросу о первом этапе возникновения феодальнозависимого крестьянства как класса. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955.
- Неусыхин А. И. Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев. Ученые записки Института истории Рос. асоц. научно-исследовательских институтов общественных наук, т. II. М., 1927.
- Никольский Н. П. Первообытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.
- Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. Изд. 4. М., 1956.
- Огановский Н. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год». Уральск, 1900.
- Огановский Н. Очерк развития торговли и промышленности. «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1899 год». Саратов, 1898.
- Орлов А. С. Казахский героический эпос. М. — Л., 1945.
- Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год», вып. V. Семипалатинск, 1901.
- Островский О. В. Киргизы-земледельцы. «Туркестанские ведомости», 1897, 25 ноября.
- Павлов Н. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1910.
- Павлушкова М. А. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I и II. СПб., 1773.
- Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае (Отчет по ревизии Туркестанского края). СПб., 1910.
- Певцов М. В. Путешествие по Китаю и Монголии. М., 1951.
- Пекарский Э. К. Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909.
- Петти Вильям. Экономические и статистические работы. М., 1940.
- Першин П. Н. Перспективы развития колхозного производства юга Украинской ССР. Киев, 1952.
- Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949.
- Пистоловко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939.
- Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939.
- Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948.
- Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.
- Потанин Г. Н. Сказание о предке корвэ Зенг-баба, предке лошадей — Джилкычи-ата, верблюдов — Ойсул-кара и овец — Чопан-ата. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. X. Омск, 1888.
- Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIX. СПб., 1904.
- Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.

- Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.
- Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6.
- Приянишников Д. Н. Частное землевладение. М., 1931.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III. Киргизское кочевье. СПб., 1870.
- Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
- Радищева И. Киргизское равнинно-кочевое хозяйство. В кн.: «Тысячелетие хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924.
- Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М. — Л., 1952.
- Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Реклю Элизе. Человек и земля. т. 1, 2. Древняя история. СПб., 1906; т. 3. Древняя и Новая история; т. 4. Новая история. СПб., 1907; т. 5. Новая и современная история. СПб., 1908; т. 6. Современная история. СПб., 1909.
- Ровинский П. А. Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871—1872 гг. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV. СПб., 1909.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953.
- Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
- Русинов В. В. Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918.
- Рычков Н. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Соч. 1762 года. Оренбург, 1837.
- Рябов Г. Г. Непользованные резервы животноводства в совхозах. М., 1952.
- Рязанов А. Ф. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4.
- Рязанов А. Ф. Прошлое Кызыл-Орды (Ак-Мечеть). «Советская Киргизия», 1925, № 5—6.
- Рязанов А. Ф. Восстание Исатай Тайманова (1836—1837 гг.). Кызыл-Орда, 1927.
- Себеков Г. Термины верблюдоводства у казахов. «Известия КазФАН, серия языка и литературы», 1944, вып. 1.
- Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947.
- Седелники Т. Борьба за землю в киргизской степи. СПб., 1907.
- Сейдалиев Султан 2-й. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. «Записки Оренбургского отд. ИРГО», вып. 1, Казань, 1870.
- Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Труды Института истории АН Таджикской ССР, т. XII. Сталинабад, 1954.
- Сергеев В. История Древней Греции. М., 1939.
- Скалов Б. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда. «Вопросы колонизации», 1910, № 6.
- Скворцов А. И. Основы экономики земледелия. Л., 1925.
- Слободкин М. В. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I. М., 1952.
- Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905.

- Смирнов В. Д. Крымское ханство. СПб., 1887.
- Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область (Описание, составленное по официальным источникам). СПб., 1887.
- Смирнов Е. Т. Задичавшая страна. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. IV. Ташкент, 1895.
- Смит Адам Исследование о природе и причинах богатства народов. ч. I—II. М., 1935.
- Соколова М. Н. Свободная община и процесс закрепления крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X веках. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955.
- Сосновский Г. Н. К истории скотоводства в Сибири. В кн.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М. — Л., 1940.
- Стеблин-Каменская М. И. К истории восстания султана Кенесары Касымова. «Исторические записки», 1942, № 13.
- Стеценко М. Горно-кочевое хозяйство. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924.
- Струмилин С. Г. К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2.
- Тарновский К. Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4.
- Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. ч. II. Л., 1924.
- Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии с картами и планами, т. I. СПб., 1906.
- Терентьев М. А. Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах. «Записки ИРГО по отделению статистики», т. 4. СПб., 1874.
- Тихонов П. И. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайские ведомости», 1901, 10 марта.
- Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов. «Советская этнография», 1954, № 2.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948.
- Толыбеков С. Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. «Вестник АН КазССР», 1951, № 8 (77).
- Толыбеков С. Е. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 1.
- Толыбеков С. Е. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего жуза против добровольного присоединения к России. «Вестник АН КазССР», 1955, № 6 (123).
- Толыбеков С. Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства. «Вестник АН КазССР», 1955, № 8 (125).
- Толыбеков С. Е. Вопросы экономики и организации кочевое скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в. Труды Института экономики АН КазССР, т. II, 1957.
- Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.
- Томсон Дж. О. История древнейшей географии. М., 1953.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Тураев В. А. История Древнего Востока, т. I. Л., 1936.
- Турсунбаев А. В. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.
- Турсунбаев А. В. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950.
- Увицкий С. Туркменское пастбищно-земледельческое хозяйство. В кн.: «Типы хозяйства Туркестана». Ташкент, 1924.

Удальцова З. Против идеализации гунских завоеваний. «Большевик», 1952, № 10.

Удальцова З., Потемкин Ф., Крылов В. Фальсификация исторических событий. «Коммунист», 1953, № 10.

Фальк И. П. Полное собрание ученых-путешественников по России, т. V. «Записки акад. Фалька». СПб., 1824.

Федоров Е. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1825 гг.). «Большевик Казахстана», 1941, № 2.

Федорович В. А. Лик пустыни. М., 1954.

Федчин В. Н. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь. «Из истории науки и техники Китая». Сб. статей. М., 1955.

Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. М., 1955.

Фрейкин В. Г. Туркменская ССР (Экономико-географическая характеристика). М., 1954.

Фукс С. Л. Некоторые вопросы истории казахского государства. «Известия АН КазССР, серия юридическая», 1951, вып. 3.

Харузин А. Киргизы Букеевской орды, т. I. СПб., 1889.

Хвостов М. М. История Древнего Востока. М.—Л., 1927.

Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Вопросы колонизации», 1907, № 1.

Хворостанский П. Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства. «Тургайская газета», 1906, 26 марта.

Хоррабин Дж. Очерк историко-экономической географии мира. М., 1931.

Хохлов И. Тургайская область. СПб., 1906.

Цветков П. Исламизм, т. I—IV. Ашхабад, 1912.

Чермак Л. К. Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXVII. Омск, 1900.

Чермак Л. К. Вымирают ли киргизы. «Сибирские вопросы», 1906, № 2.

Чермак Л. К. Формы киргизского землепользования. «Сибирские вопросы», 1908, № 23—24.

Чермак Л. К. Киргизское хозяйство в степном крае (Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912.

Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. т. III, ч. 1. М., 1948.

Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., 1908.

Чорманоя М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XXXII, 1906. Омск.

Чулошников А. П. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I. Оренбург, 1924.

Шарипов С. Баганалинды. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4.

Шахматов В. Ф. Внутренняя Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

Шахматов В. Ф., Киреев Ф. Н. Журнал полковника А. З. Горихвостова — пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове (1822—1823 гг.). «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1957, вып. 2 (5).

Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. «Русская мысль», 1897, № 7.

Шмидт Ю. «Очерки киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области. Омск, 1894.

Шмидт Ю. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», 1894, кн. XVII, вып. 1, 2.

Ш и з В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО», кн. XVII, вып. 1, 2, Омск, 1894.

Щербатова О. А. Верхом на родине бедуинов. В поисках за кровными арабскими лошадьми. СПб., 1903.

Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905.

Штейнберг Е. Очерки истории Туркмении. М. — Л., 1934.

Юзефович Б. Ю. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник», т. 146. СПб., 1880.

Юшков С. В. Об основных моментах истории Казахского государства. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4.

Якубовский А. Ю. Серьезное исследование по истории таджикского народа. «Коммунист», 1953, № 1.

«Агрικультура в памятниках западного средневековья». М. — Л., 1936.

«Журнал, веденный при обозрении части киргизской степи в ученом отношении титулярным советником Карелиным в 1831 г.». «Известия ИРГО», 1890, т. 25.

«Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907.

«Земледельческий журнал», 1827, XIX.

«Индейцы Америки». Этнографический сборник. М., 1955.

«История государства и права Казахстана», ч. I (Перспект). Алма-Ата, 1954.

«История Монгольской Народной Республики». М., 1954.

«Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

«Казахстан». Общая физико-географическая характеристика. М. — Л., 1950.

«Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». СПб., 1900.

«Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 13. Серия казахстанская. (Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда). Л., 1928.

«Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 15. Казахи. Л., 1930.

«Материалы научной сессии, посвященные истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

«Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I. М. — Л., 1952.

«Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV. М. — Л., 1940.

«Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2 (1741—1751 гг.). Алма-Ата, 1948.

«Материалы по истории каракалпаков», т. I (Труды Института востоковедения, т. VII). М. — Л., 1935.

«Материалы по истории таджиков и узбеков. Очерки из истории туркменского народа в Туркменистане в XVIII—XIX вв.». Сталинабад, 1954.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении. Иранские, бухарские и хивинские источники XVI—XIX вв.», т. II (Труды Института востоковедения, т. VIII). М. — Л., 1938.

«Материалы по казахскому обычному праву», ч. I. Алма-Ата, 1948.

«Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд». Оренбург, 1909.

«Материалы по киргизскому землепользованию Темирского уезда». Оренбург, 1910.

«Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разра-

ботанские экспедиции Ф. А. Щербины», т. I. Воронеж, 1898; т. II, Воронеж, 1902; т. III, ч. I. СПб., 1907; ч. 2. Чернигов, 1909; т. IV, Воронеж, 1903; т. V, Воронеж, 1903; т. VI, СПб., 1905; т. VII, Воронеж, 1908; т. VIII, СПб., 1909; т. IX, СПб., 1905; т. X, СПб., 1909; т. XI, Омск, 1907; т. XII, 1908; т. XIII, СПб., 1909.

«Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг., т. I. Аулиеатинский уезд, Ташкент, 1903; т. II. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910; т. III. Ташкентский уезд. Ташкент, 1911; т. IV. Перовский уезд. Ташкент, 1912; т. V. Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

«Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования Семиреченской области в 1909—1913 гг., собранные и разработанные экспедицией под руководством П. П. Румянцева», т. I. Лепсинский уезд. СПб., 1911; т. II. Канальский уезд. СПб., 1913; т. III. Джаркентский уезд. СПб., 1912; т. IV. Верненский уезд. СПб., 1913.

«Народы Африки». М., 1954.

«Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева». М., 1949.

«Очерки истории СССР». Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953.

«Очерк киргизских степей в ветеринарно-санитарном отношении». СПб., 1890.

«Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации», Оренбург (без года изд.).

«Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. Отвод наделов переходящим к оседлости киргизам и их переселение в скотоводческие районы». СПб., 1911.

«Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. XXVI, 1861, СПб., № 19773; т. XXXVIII, СПб., § 181, 182, 183, 187.

«Прошлое Казахстана в источниках и материалах», ч. I. М., 1935.

«Россия». Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.

«Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XV. Оренбург, 1905; вып. XXV. Оренбург, 1911.

«Тургайская область». Сибирский торгово-промышленный календарь 1899 года. Томск, 1899.

ЦГИА КазССР, ф. 4, 40, 44, 64, 78, 338, 345, 374, 382, 383.

Широко использовано устное поэтическое творчество казахского народа: пословицы и поговорки, бытовые песни, эпические и лирико-эпические произведения.

От автора	3
Введение	4
<i>Глава первая.</i> О специфических особенностях основных средств производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия	33
<i>Глава вторая.</i> Скот как объект частной собственности и средство эксплуатации человека человеком в кочевом скотоводческом обществе	110
<i>Глава третья.</i> О некоторых особенностях развития экономической и культурной жизни кочевого общества и об ошибочной теории «кочевого феодализма» акад. Б. Я. Владимирцова	166
<i>Глава четвертая.</i> Социально-экономическое и внешнеполитическое положение казахских жузов накануне добровольного присоединения к России	233
<i>Глава пятая.</i> О патриархально-феодалных отношениях в казахском кочевом обществе в XV—XVIII вв. и его политической надстройке	295
<i>Глава шестая.</i> Процесс присоединения казахских жузов к России и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников	375
<i>Глава седьмая.</i> Кочевое хозяйство казахов в начале XX века — пережиток кочевого образа жизни казахов в XV—XVIII веках	495
§ 1. Кочевой аул и род у казахов	—
§ 2. Зимнее кочевание аула и его экономическая жизнь	519
§ 3. Весеннее кочевание — вторая стадия в годовом цикле производства	544
§ 4. Летнее кочевание и организация выпаса скота	555
§ 5. Осеннее кочевание — завершение годового цикла производства	565
Заключение	594
Приложение	616
Литература и архивные источники	620

Толыбеков. Сергали Есбембетович
Кочевое общество казахов в XVII — начале
XX века. (Политико-экономический анализ).
Алма-Ата, «Наука» АН КазССР, 1971.
633 с. с илл. АН КазССР Ин-т экономики.
Библиогр. с. 618—633.
9(584.6)+338(584.6) (09)—1

Утверждено к печати Ученым советом Института экономики
Академии наук Казахской ССР

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *И. Д. Суцких*
Художник *Н. Ф. Чурсин*
Техн. редактор *З. П. Ророкина*
Корректоры *Н. Ф. Федосенко,*
Н. В. Отрубенникова

* * *

Сдано в набор 21/II 1971 г. Подписано к печати 12/IV 1971 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Печ. л. 39,75.
Уч.-изд. л. 44. Тираж 5000. УГ04166. Цена 2 р. 88 к.

* * *

Типография изд-ва «Наука» КазССР, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 13.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	8	сверху	хозяйства
48	13	*	способах
101	4	*	родовой быт
127	15	снизу	производства
409	12	*	распространение
558	22	*	скот
591	13-14	*	Байкенін тамырың-ма, тынысың-ма? Жарлыны есіркесен өлесің бе?
			Бай сенің тамырың-ба, тынысың-ба? Жарлыны есіркесен алы- сың ба?
617	1	*	7 — 70-е годы XX в.
			7 — 70-е годы XIX в.

Зак. 13.